ИСТОРИЯ ЮЖНЫХ И ЗАПАДНЫХ СЛАВЯН

1 ТОМ

ИЗДАТЕЛЬСТВО МОСКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА


Европа в середине XIII в.
границы Св. Римской империи германской нации
границы государств
избранные второстепенные границы
Золотая Орда
страны, зависимые от Золотой Орды
Шетландские о-ва (норв.)
Оркнейские о-ва (норв.)
КОР. НОРВЕГИЯ
Осло
Упсала
Стокгольм
оз. Венерн
оз. Веттерн
о. Готланд
о. Даго
о. Эзель
о. Оланд
ЭСТЛЯНДИЯ
оз. Нево (Ладожское)
оз. Пейпус (Чудское)
Новгородская республика
Вел. Новгород
Владимирское княжество
Владимир
Москва
Волга
Новгородская Респ.
Черемисы
Болгарское княжество
Мордва
Рязанское княж.
Рязань
Смоленское княжество
Смоленск
Козельск
Полоцкое княжество
Полоцк
Литовское княжество
Ковно (Каунас)
Государство Тевтонского ордена
Ордена меченосцев
Рига
Государство Квсь (Венден)
Пинское княжество
Пинск
Черниговское княжество
Чернигов
Северский княж.
Новгород-Северский
Переяславское княж.
Переяслав
Киевское княжество
Киев
Галицко-Владимирское княж.
Галич
Волынское княж.
Луцк
Владимир-Волынский
Холм
Белз
Перемышль
Теребовль
Звенигород
Каменец
Подольское княж.
Золотая Орда
Дон
Днестр
Днепр
Азовское м.
Судак (венец.)
Корсунь (венец.)
Черкессия
Черное море
Трапезунд
Имп. Трапезунд
Болгарское царство
Средец (София)
Дунай
Кор. Сербия
Дубровник
Кор. Хорватия
Венгерское королевство
Буда
Пешт
Польское королевство
Краков
Одра
Висла
Прага
Эльба
Римская империя
Кор. Чехия
Саксония
Магдебург
Бремен
Тюрингия
Майнц
Кёльн
Ахен
Рейн
Франкония
Лотарингия
Эльзас
Швабия
Бавария
Регенсбург
Тироль
Кор. Бургундия
Графство Бургундия
Пион
Милан
Итальянское кор.
Генуя
Пиза
Флоренция
Болонья
Церковное гос.
Рим
Венеция
Адриатическое м.
Беневенто
Неаполь
Сицилия (с 1266 к Анжу)
Палермо
о. Мальта
о. Корсика (к Пизе)
о. Сардиния (к Пизе)
Тирренское море
Балеарские о-ва
Ионическое море
Эгейское м.
Фессалоникское кор.
Фессалоника
Никейская империя
Иконийский султанат
Иконион
Армянское царство
Антиохия
Никосия
Кор. Кипр
Дамаск
Латинская имп. (до 1261)
Константинополь
Афинское герц.
Афины
Герц. Ахайя
о. Крит (венец.)
Кор. Шотландия
Эдинбург
Ирландия
Дублин
Кор. Англия
Лондон
Княж. Уэльс
Кор. Мэн (с 1266 к Шотландии)
Пролив Ла-Манш
Нормандские о-ва (анг.)
Кор. Франция
Париж
Сена
Орлеан
Луара
Графство Бургундия
Бордо
Гиень
Герц. Гиень
Тулуза
Тулузское граф.
Марсель
Арль
Кор. Наварра
Памплона
Кор. Португалия
Дуэро
Тахо
Кор. Кастилия
Толедо
Кордова
Гранадский эмират
Гранада
Кор. Арагон
Сарагоса
Бискайский залив
Средиземное море
Атлантический океан
0
500 км

История южных и западных славян

Том 1

СРЕДНИЕ ВЕКА И НОВОЕ ВРЕМЯ

Под редакцией
Г.Ф. МАТВЕЕВА и З.С. НЕНАШЕВОЙ

2-е издание

Рекомендовано Министерством образования Российской Федерации в качестве учебника для студентов высших учебных заведений, обучающихся по направлению и специальности «История»

Издательство
Московского университета
2001

УДК 93.99
ББК 63.3(0)3
И90

Scan By Vitalius & Kali

Рецензенты:
кафедра истории средних веков и зарубежных славянских народов
Воронежского государственного университета
доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник
Института славяноведения РАН *И.И.Лещиловская*

И90 **История** южных и западных славян: В 2 т. Т. 1. Средние века и Новое время: Учебник / Под ред. Г.Ф. Матвеева и З.С. Ненашевой. — 2-е издание. — М.: Изд-во МГУ, 2001. — 688 с.

ISBN 5—211—04320—0 (т. 1); ISBN 5—211—04319—7

Первый том нового учебника, написанного специалистами МГУ им. М.В.Ломоносова, охватывает период с древнейших времен до 1914 г. История славянских народов рассматривается в контексте создания и развития многонациональных государств, в состав которых они входили. Основное внимание уделяется становлению современных наций, гражданского общества, общественно-культурным процессам.

Для студентов исторических факультетов университетов и для всех интересующихся историей славянских народов.

УДК 93/99
ББК 63.3(0)3

ISBN 5—211—04320—0 (т. 1)
ISBN 5—211—04319—7

© Издательство Московского университета, 2001 г.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Славяноведение как комплексная научная дисциплина, включающая в себя историю, филологию, этнографию, зарождается в конце XVIII — начале XIX в., т.е. одновременно с большинством других современных гуманитарных и естественных наук. Рубеж столетий стал переломной эпохой в развитии зарубежного славянства, вошедшей в историографическую традицию под названием национального Возрождения. Южно- и западнославянские этносы после многовекового забвения вышли на арену европейской политической и общественной жизни. Интересу к славянству способствовало также и триумфальное возвышение России, превратившейся в важный фактор европейской политики после побед над Османской империей и наполеоновской Францией.

В XIX в. славяноведение становится дисциплиной преподавания в крупнейших европейских университетах, а в XX в. им занимаются практически во всем мире — от Австралии и Японии до США и Канады, не говоря уже о европейских, в том числе и славянских, государствах. Действуют научные институты и университетские кафедры, регулярно проводятся международные славистические конгрессы и конференции. Постепенно по мере своего развития славяноведение из единого предмета трансформируется в ряд самостоятельных научно-дидактических дисциплин: историю, филологию, этнографию, археологию. У всех славянских народов, живущих в настоящее время в условиях национальной государственности, активно развивается отечественная историография. В конце XX в. историческое славяноведение представляет собой совокупность страноведческих и компаративистских исследований.

В учебнике представлена современная точка зрения на историю южных и западных славян с древнейших времен и до конца 90-х гг. XX в. Авторы сохранили традиционный страноведческий принцип изложения материала. При этом дан достаточно полный очерк истории отдельных южно- и западнославянских народов, обретших самостоятельную государственность на рубеже 1980—1990-х гг. (Босния и Герцеговина, Македония,

Словакия, Словения, Хорватия). Новизна учебника состоит как в привлечении новейшей литературы по ряду важнейших проблем славянской истории, так и в научном подходе к освещаемым событиям и процессам. Авторский коллектив стремился избежать излишней идеологизации и политизации в освещении событий, в том числе и происшедших в последние десятилетия.

В качестве основы для рассмотрения исторического процесса у славянских народов в Центральной и Юго-Восточной Европе выбрана политическая история. История экономическая, социальная (понятая как история общественных групп) и культурная составляют три других доминирующих аспекта в курсе.

Учебник состоит из двух томов. В 1-м томе выделены две крупные части:

1. История южных и западных славян в Средние века и Раннее Новое время (VI — конец XVIII в.);

2. Южные и западные славяне в Новое время (конец XVIII в. — 1914 г.).

Изложение конкретного материала ведется в контексте особенностей и характерных черт тех конфессионально-культурных и государственно-политических систем, в рамках которых протекала история отдельных южно- и западнославянских народов в эпоху Средневековья, Раннее Новое и Новое время.

Во 2-м томе освещается история южных и западных славян от начала первой мировой войны до 1990-х гг. Современная история делится на две части:

1. От 1914 г. до середины 40-х гг.;

2. От окончания второй мировой войны до конца XX в.

В целом 2-й том учебника ориентирован на изучение динамики политики модернизации в славянских странах Центральной и Юго-Восточной Европы.

Выделение в истории отдельных славянских народов наиболее значимых событий и процессов создает хорошую базу для проблемного чтения курса истории южных и западных славян, способствует выработке у студентов более четкого и ясного представления о месте истории южных и западных славян во всемирной истории.

Учебник снабжен списком рекомендуемой литературы, включая перечень основных публикаций источников на русском языке.

Научно-техническая работа над этим изданием проведена И.Г. Мороз и М.Н. Рацеевой.

Часть I

ИСТОРИЯ ЮЖНЫХ И ЗАПАДНЫХ СЛАВЯН В СРЕДНИЕ ВЕКА И РАННЕЕ НОВОЕ ВРЕМЯ (VI — конец XVIII в.)

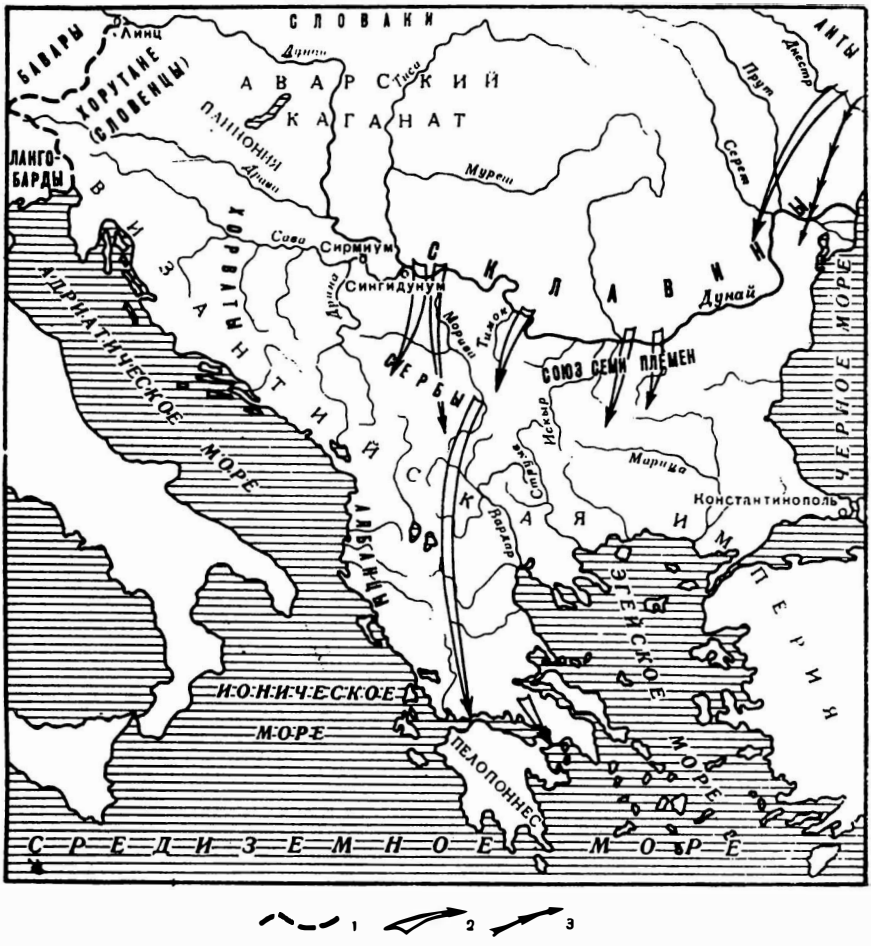
ДРЕВНИЕ СЛАВЯНЕ

Древними славянами именуется ряд народов, населявших Восточную, Центральную и Юго-Восточную Европу в V–IX вв. Они занимали обширную территорию от Эльбы на западе до Днепровского бассейна включительно на востоке и от побережья Балтийского моря на севере до Пелопоннеса на юге. На основе этнографических признаков славяне древности подразделяются на восточных, западных и южных. В восточную группу входили племена, впоследствии составившие русскую, украинскую и белорусскую нации; в западную — предки нынешних поляков, чехов, словаков, лужицких сербов; в южную — сербов, хорватов, словенцев, болгар, македонцев и так называемых «боснийских мусульман». Некоторые группы западных и южных славян были ассимилированы народами германского и романского происхождения и исчезли с исторической сцены.

Источники по истории славян

Источники о древних славянах делятся на три категории: письменные, археологические и лингвистические.

Письменные источники о древних славянах возникли у соседних народов. Это произведения византийцев, авторов Запада и писателей Востока, сами же славяне в это время своей письменности еще не имели. Первые сведения о славянах сообщили авторы первых веков новой эры: Гай Плиний Старший (23–79 гг. н.э.), написавший «Естественную историю»; Публий Корнелий Тацит (род. ок. 50 г. н.э.) — автор сочинения «О происхождении и местах обитания германцев» («Германия»); астроном и географ Клавдий Птолемей, живший в Александрии в первой половине II в. н.э. и создавший «Географическое руководство». Эти авторы приводят сведения о географии расселения славян, называя их «венедами». Более подробно рассказывает о славянах Иордан, автор одного из крупнейших произведений эпохи Раннего Средневековья «Гетика», написанного в VI в.



Славяне на Балканском полуострове в VI–VII вв.
1 — западная граница распространения племен; 2 — направление движения славянских племен; 3 — направление движения протоболгар

Наиболее основательно описывали славян византийские авторы. Самым ранним из них является Приск (ок. 410–475), сочинивший «Историю», от которой до нас дошли только фрагменты, засвидетельствовавшие факт проникновения славяноязычного населения на Балканы. Особое значение для изучения древних славян имеет «История войны с готами» Прокопия Кесарийского (ок. 490 — ок. 562). Здесь имеются сведения о занятой славянами территории, об их вторжении во владения Восточно-Римской

империи, общественном строе, о быте и религии в VI в. Ценным дополнением к этим известиям служит «Стратегикон» Маврикия, византийского полководца, а с 582 по 602 г. императора Византии. Продолжателем Прокопия в описании войн был Агафий Миринейский (537–582), который в труде «О царствовании Юстиниана» говорит о войнах империи, в том числе и со славянами. Важные сведения о славянских племенах на Балканах в VI–VII вв. содержатся в «Истории» Феофилакта Симокатты (80-е гг. VI в. — VII в.). Крупным византийским историком был император Константин Багрянородный (Порфирогенет; 908–959), оставивший два важнейших сочинения — «О фемах» и «О народах» («Об управлении империей»). Здесь содержатся важные сведения о западных славянах, о русских и особенно о южных славянах — сербах и хорватах. Автор дает подробный исторический и географический очерк истории хорватов и сербов со времени их прихода на Балканский полуостров в VI в. и расселения на территории бывшей римской провинции Далмации.

Сведения о славянах имеются также в «Церковной истории Иоанна Эфесского» (VI в.), «Хронографии» Феофана Исповедника (IX в.), «Истории» Льва Диакона (X в.) и сочинениях других византийских авторов.

Упоминали о славянах и западные источники: «Хроника» так называемого Фредегара (VII в.), «История лангобардов» Павла Диакона (VIII в.) и др. Из арабских же авторов необходимо особо отметить Ибрагима ибн Якуба (X в.).

Письменные источники о славянах повествуют главным образом о внешних событиях славянской истории — о ходе и тактике ведения военных действий, о военном устройстве в целом, об отношениях славян с другими народами.

Что же касается внутренней жизни славян — хозяйства, быта, культуры, — то о них можно судить на основании *археологических* данных. Этногенез славян представляет собой длительный процесс, в который были вовлечены как славянские, так и неславянские компоненты. По данным археологии, основными славянскими культурами периода Раннего Средневековья являются: пражско-корчакская, суково-дзедзицкая, псковских длинных курганов. В VIII–IX вв. к ним добавляются новые археологические культуры. На рубеже I и II тысячелетий активизируется процесс консолидации отдельных средневековых славянских народностей. К этому же времени может быть отнесен и процесс нарастания различий между отдельными диалектами праславянского языка, распад которого завершается к концу XI — началу XII в. и приводит к образованию самостоятельных славянских языков.

Общественный строй и хозяйственный быт славян в VI–VIII вв.

В соответствии с данными источников, общественный строй славян напоминает строй германцев периода Тацита. Особенно много сведений об этом в 3-й книге «Готской войны» Прокопия Кесарийского, а ценным дополнением служит «Стратегикон» Маврикия. Здесь отмечено, что славяне расселялись в лесах или около рек, болот и озер, вообще же — в местах труднодоступных. Возникновение особенно крупных поселков в таких местах было невозможно, поскольку примитивная эксплуатация природных богатств требовала значительного простора для каждого хозяйства. Славяне жили в хижинах, разбросанных далеко друг от друга. Один двор занимала семья, состоящая из главы семьи, двух-трех взрослых сыновей и их семей. Эта единица представляла собой семейную общину, объединенную общностью имущества, хозяйства и труда. Несколько семей, занимавших определенную территорию, образовывали общину. Ряд соседских общин составляли племя. Каждое племя занимало особый округ, у всех южных и западных славян носивший название «жупы». Повсеместно существовали советы старейшин, которые частично решали дела сами, а частично готовили их для рассмотрения народным собранием. Прокопий Кесарийский указывает: «Народ этот не управляется одним человеком, но исстари живет в народовластии. Поэтому все, что для них полезно или вредно, они обсуждают сообща». Ко всем общественным делам славяне относились как к своим собственным. Но этот демократизм варварского народа отнюдь не исключал рабства. Рабов захватывали во время военных походов, чтобы получить за них выкуп или просто их продать. Но если это не удавалось, то через некоторое время рабы отпускались на волю, поскольку уровень развития хозяйства не позволял использовать их как рабочую силу. Так, в «Стратегиконе» отмечено: «Находящихся у них (славян. — *Л.Л.*) в плену они не держат в рабстве, как прочие племена, в течение неограниченного времени, но по истечении определенного срока предлагают им на выбор: желают ли они за известный выкуп возвратиться восвояси или остаться там (т.е. у хозяев. — *Л.Л.*) на положении свободных и друзей». Таким образом, у славян существовало рабство патриархальное.

Основу хозяйства славянских племен VI–VIII вв. составляло земледелие. Но в зависимости от природных условий предпочтение отдавалось различным видам хозяйствования. Поскольку значительную часть территории расселения западных славян составляли

леса, то земледелие было или подсечным, или связанным с выкорчевкой леса. В речных и озерных местах значительная роль отводилась рыбной ловле, в лесных — охоте и бортничеству. В горных районах южной части Европы особое внимание уделялось скотоводству. К концу VI в. земледелие у славян достигло больших успехов. «Стратегикон» отмечает у славян обилие скота и «произведений земли, особенно пшеницы и проса». Археологические данные показывают, что земля обрабатывалась быками, запряженными в плуги с железными наконечниками. Широко использовалась соха. Хлеб убирали серпами, зерно хранили в специальных ямах. Археологи обнаружили большое число зернотерок и ручных мельниц для размола зерна.

Развито было у древних славян и ремесленное производство. Они изготовляли предметы быта из глины, дерева, кости, рога. Им было знакомо текстильное производство. Высоким уровнем отличалась обработка металла, из которого производились орудия земледелия и оружие. Славяне умели делать и украшения из цветных металлов. Те племена, которые жили на берегу моря и вообще на водных путях, умели строить лодки-однодревки, служившие для дальних путешествий. Славяне вели торговлю с неславянскими народами: продавали рабов-военнопленных, покупали оружие, украшения, драгоценные металлы. Для расчетов использовалась монета иностранного происхождения, но незначительное число найденных при раскопках монет свидетельствует о том, что деньги использовались нерегулярно. Наиболее распространенным типом жилища была полуземлянка с печкой-каменкой в одном из углов.

Славяне VI в. обладали всеми типичными достоинствами и недостатками варваров. Византийские писатели признавали их храбрость, свободолюбие, честность, «демократический инстинкт», гостеприимство, указывали на существование у них патриархального рабства. Но на войне они были жестоки. Личная храбрость в сочетании со свирепостью заменяли славянам то, чего им не хватало в военном искусстве и в вооружении при столкновениях с Восточно-Римской империей.

Прокопий Кесарийский рисует и физический тип славян: они были высокорослы и необычайно сильны, в бой шли пешими, держа в руках щит и дротики. Некоторые воины, по его словам, не имели ни рубахи, ни плаща и вступали в бой «в одних портах».

Как и все варвары, славяне были очень воинственны. Жажда добычи неудержимо влекла их в богатые и культурно развитые страны. Однако воевали они и с другими народами. С начала VI в.

славяне начинают нападать на Восточно-Римскую (Византийскую) империю с целью грабежа и захвата пленных.

Первое вторжение славян в пределы Восточно-Римской империи относится к концу правления императора Анастасия, к 10-м гг. VI в. В течение 39-летнего правления Юстиниана I, как сообщает Прокопий, они почти ежегодно страшно опустошали балканские провинции Византии. Их набеги гибельно отражались на положении византийских провинций, лишая их населения и превращая в «скифские пустыни». Юстиниан соорудил многочисленные укрепления на дунайской границе. Позади первой линии укреплений были сооружены вторая и третья в Дакии, Дардании и Мезии, а также на юге — в Эпире, Македонии и Фракии. Но уже Иоанн Эфесский в середине VI в., находясь в предместье Константинополя, был свидетелем нападения варваров и наблюдал за наступлением славян на Византию, что и описал в своей «Церковной истории».

Во второй половине VI в. славяне переходят к массовому переселению на Балканский полуостров. По сообщению Евагрия Схоластика, в 589 г. славяне добрались до Пелопоннеса, истребив там местное население. В конце VI — начале VII в. Восточно-Римская империя уже не располагала достаточными силами и средствами для борьбы со славянами на Балканском полуострове, и Дунай перестал играть роль границы между варварами и Византией. К середине VII в. славяне покрыли своими поселениями почти весь Балканский полуостров, который уже почти не контролировался византийской администрацией.

Непрерывные столкновения славянских племен с Восточно-Римской империей усиливали их военную организацию. Из племенных старейшин, из вождей военных дружин вырастала военно-феодальная верхушка, а захват земель и богатств, грабеж целых областей способствовали дифференциации общества и разложению первобытно-общинного строя у славян. Славяне создают сначала племенные объединения, а затем у них возникают и первые государственные образования. Однако этот процесс происходил не везде одинаково, да и не одновременно, что объясняется рядом факторов: географическими условиями обитания, уровнем развития производительных сил, влиянием наследия тех цивилизаций, которые славяне вытесняли. Раньше всех государственные славянские образования появились на территории бывших византийских провинций, позднее — в Центральной Европе. А на Севере Европы полабско-балтийские славяне вообще не создали государственных образований.

В религиозном отношении древние славяне были язычниками, поклоняясь силам природы. Наивысшего развития язычество достигло у полабско-балтийских славян. Однако в VIII в. славяне стали принимать христианство, и этот процесс продолжался до XII в. Для одних славян принятие христианства из разных церковных центров знаменовало собой укрепление государственности и означало приобщение к ценностям византийско-православной или «латинской» (католической) конфессионально-культурных традиций. Другие же, такие как полабско-балтийские племена, погибли в борьбе против христианства, подверглись ассимиляции и исчезли с исторической сцены.

БОЛГАРСКИЕ ЗЕМЛИ В СРЕДНИЕ ВЕКА И РАННЕЕ НОВОЕ ВРЕМЯ

ОБРАЗОВАНИЕ БОЛГАРСКОГО ГОСУДАРСТВА И НАРОДНОСТИ

Славяне и Византийская империя в VI–VII вв.

Новое государственное образование возникло на Балканском полуострове на территории между Дунаем и Балканскими горами в 80-е гг. VII в. На начальных этапах формирования болгарской государственности в этом процессе приняли участие два народа — протоболгары (народ тюркской группы) и славяне. Сложный процесс развернулся на территории, где ранее обитали фракийцы, оставившие новым пришельцам богатые традиции земледелия, скотоводства, торговли и оригинальной культуры. Эти фракийские районы в VIII–VI вв. до н.э. были охвачены греческой колонизацией. Греки основали целый ряд городов на побережье Черного моря, из которых многие по прошествии веков стали болгарскими. Среди них Аполлония (Созополь), Одессос (Варна), Месемврия (Несебыр) и др. Во II в. до н.э. на вышеупомянутых землях появились римляне, окончательно подчинившие фракийцев в начале I в. н.э. На юго-западе Балкан еще в середине II в. до н.э. возникла провинция Македония. Придунайские земли образовали римскую провинцию Мезия, на территории к югу от Балканских гор — провинцию Фракия. Несмотря на то что в первых веках нашей эры на Балканах утвердилась преимущественно римская провинциальная культура, на Черноморском побережье сохранялось греческое население со своими традициями.

Появившиеся в VI в. н. э. на Балканах славяне вошли, таким образом, в сферу влияния более высокой культуры, что, несомненно, оказало огромное воздействие на их развитие. Они поменяли места своего привычного обитания, увлеченные так называемым «Великим переселением народов». В V — начале VI в. славянские поселения обнаруживаются у границ, а затем и на землях Византийской империи. Знакомство с Византией славяне начали с набегов на ее территорию, лишив империю покоя.

Особенно докучали славяне Византии в период правления императора Юстиниана I (527–565). Крупнейшие византийские историки VI–VII вв. характеризовали непрошеных гостей весьма

нелицеприятно. Отрицательные отзывы о славянах, бесспорно, преувеличены, но нет оснований вообще им не доверять, ибо оценки разных авторов, свидетелей тех далеких событий, нередко совпадают. Об одном из славянских нападений на империю (548 г.) византийский историк Прокопий Кесарийский отозвался следующим образом: «В это время войско славян, перейдя реку Истр (Дунай), натворило ужасных бед по всей Иллирии, вплоть до Эпидавра, убивая и уводя в рабство всех, кто им ни попадался, а также грабя добро». «В 550 году, — продолжает тот же автор, — славяне взяли после длительной осады город Топир, близ Эгейского моря, притом они убили всех до одного мужчин числом 15 тысяч». Можно многократно умножить ссылки на такого рода свидетельства византийских, преимущественно, авторов, но, в сущности, характеристика «варварских злодеяний», как правило, однотипна. Однако и византийцы не оставались в долгу и жестоко мстили славянам в полном соответствии с обычаями того времени.

Между тем середина VI в. принесла важные изменения. От набегов славяне стали переходить к расселению на землях Византийской империи. К концу VI в. Балканский полуостров был заполнен славянскими поселениями. Колонизации подверглась и территория между Балканскими горами и Дунаем. Именно здесь в 80-е гг. VII в. стало формироваться болгарское государство. Славяне принесли на заселенные земли свою культуру, которая стала верхним пластом уже существовавших там культур.

Новые поселенцы создали на Балканах военно-территориальные образования — славинии. Одной из таких славиний, носящей название «Семь славянских родов», суждено было сыграть важную роль в государственном формировании будущей Болгарии.

Славяне, поселившиеся на Балканах, попали в разнообразные природно-климатические условия. Болгарское государство формировалось на востоке и в центре Балкан. Территорию рассекали горные массивы — Балканские горы, Рило-Родопский и Пиринский. В обрамлении гор простирались плодородные Дунайская и Фракийская низменности. Территорию в направлении к Черному и Эгейскому морям пересекали реки Марица и Искыр. Черное море являлось естественной границей Болгарии на востоке. Сравнительно мягким был климат, на юге Фракии близкий к средиземноморскому. Попав в новую для себя природную среду, славяне продолжали развивать привычный для себя земледельческий род занятий, занимались и разведением скота.

Источники, красноречиво описывающие военные успехи славян, скупы на сообщение иных сведений. И все же коллективный портрет славян нарисован византийскими авторами. «Славяне и анты, — свидетельствует Прокопий Кесарийский, — не управляются одним человеком, но издревле живут в демократии,

и потому как удача, так и несчастье обсуждаются у них сообща». Согласно отзыву византийского полководца и императора конца VI – начала VII в. Маврикия «по причине любви к свободе они никогда не соглашаются служить или подчиняться, и особенно в своей собственной стране. Они многочисленны и выносливы, легко переносят жар и холод, и дождь, и наготу тела, и недостаток пищи. С гостями они кротки и радушны, у них много разного скота и продовольствия, особенно проса и жита. Их жены целомудренны сверх всякой человеческой природы».

Славяне и протоболгары

Балканский полуостров, особенно его северо-восточная часть, был весьма плотно колонизован славянами, когда на этой же территории появились новые пришельцы — тюркское племя протоболгар. Один из протоболгарских союзов обосновался в 70-х гг. VII в. в междуречье Дуная, Днестра и Прута, в районе, именуемом в источниках термином «Онгл». Воинственным протоболгарам удалось подчинить жившие по Дунаю славянские племена. А в начале 80-х гг. ими было покорено и славянское объединение «Семь родов». Желание поскорее обустроиться на новых землях объединило победителей и побежденных. Славян и протоболгар сплачивала и опасность, постоянно исходившая из Византии.

Вынужденные волею судеб жить на одной небольшой территории, два народа были крайне несхожи. Разные этносы имели свою специфическую культуру, привычки и пристрастия. Потому процесс консолидации единой славяно-болгарской народности растянулся на века. Социально-политическая организация, религия, хозяйственно-культурный тип — все было на первых порах различным. Протоболгары были спаяны устойчивыми родовыми связями, деспотический хан возглавлял явно военизированное общество. Славяне же отличались большей демократичностью. Оба этноса, будучи язычниками, поклонялись различным богам, каждый своим. Они говорили на разных языках, используя в качестве языка общения и письменности греческий. И наконец, славяне занимались преимущественно земледелием, а протоболгары — скотоводством. Различия были преодолены примерно к середине X в., когда две народности, разные хозяйственные системы образовали единый экономический организм, а тюркским этнонимом «болгары» стала называться единая славянская народность.

Начало государственного строительства

Сложный этнический процесс происходил в рамках государственного образования, возникшего на бывших византийских землях,

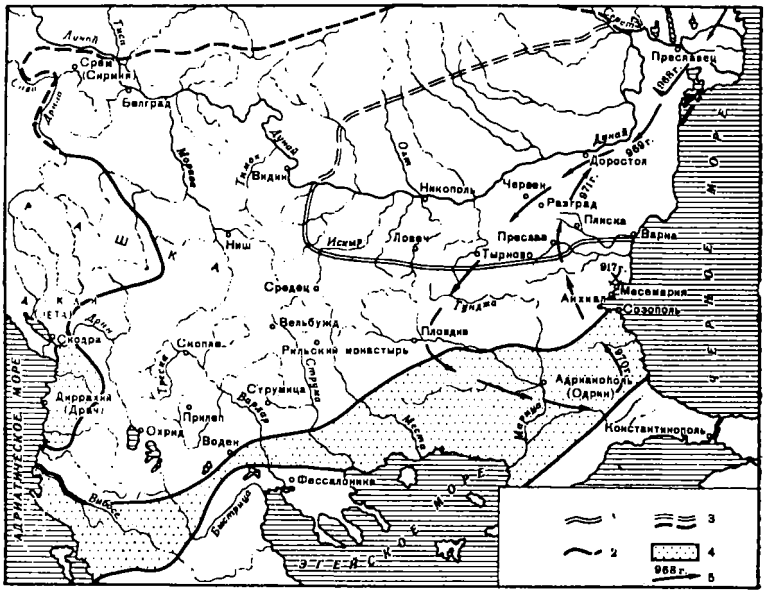
получившего название «Болгария». Начальные шаги болгарской государственности относятся к 681 г., когда Византия, безуспешно отражавшая натиск объединенных отрядов славян и протоболгар, вынуждена была заключить с ними мир, да еще на условиях выплаты хану Аспаруху ежегодной дани.

Об этих далеких событиях повествуют два византийских автора, которые, правда, сами не были свидетелями происходящего. Один их них, Феофан Исповедник (IX в.), с горечью отмечал: «Итак, когда они (протоболгары. — *Л.Г.*) распространились в этих местах, они возгордились и стали нападать на находящиеся под ромейским управлением крепости и деревни и порабощать их. Вынужденный этим император замирился с ними, согласившись, к стыду ромеев, из-за множества грехов их, предоставлять им ежегодную дань». Этим известиям можно верить, ибо один знатный византиец, патриарх Константинополя Никифор, сообщал примерно то же. Он писал: «Укрепившись и умножившись, они стали разорять деревни и городки Фракии. Видевшего это императора необходимость вынудила заключить с ними мир на условиях выплаты им дани». Со стороны Болгарии договор был подписан ханом Аспарухом. Началась история Первого Болгарского царства.

Достаточно длительное время, почти два века, высшие государственные должности занимали протоболгары. Государство возглавлял хан, являвшийся верховным правителем и главнокомандующим. Обширный ряд протоболгарских ханов открывает основатель болгарского государства хан Аспарух (681—700), хотя сложившаяся в раннесредневековой Болгарии историографическая традиция возводила начало болгарской государственности к легендарным временам вождя гуннов Атиллы (сер. V в.).

На долю первых правителей Болгарии выпали нелегкие задачи. Необходимо было переходить к оседлости и учиться жить в мире с соседями. Появилась первая государственная граница Болгарии. Во времена Аспаруха границей на востоке являлось Черное море, на юге — Балканские горы, на западе — река Искыр (возможно, Тимок), северная граница проходила по территориям к северу от Дуная.

Ханы Болгарии не только воевали с соседями, но и занимались решением проблем государственного устройства своей страны. Аспарух развернул строительство обширной ханской резиденции близ славянского поселения Плиска. Площадь, занимаемая ханскими дворцовыми постройками, была огромной. Возникший здесь город стал столицей Первого Болгарского царства. Мирная деятельность по укреплению болгарского государства часто



Болгария в VII — начале XI в.
1 — границы Болгарии в конце VII в.; 2 — границы Болгарии в начале правления князя Симеона; 3 — ориентировочные границы; 4 — территориальные приобретения царя Симеона; 5 — походы киевского князя Святослава в 968–971 гг.

прерывалась боевыми действиями, чаще всего против Византии, не желавшей мириться с существованием нового беспокойного государства на своих бывших территориях. Именно успешные военные походы более всего оказывали воздействие на современников, запечатлевших в своих рассказах красноречивые подробности этих событий.

Внутренняя и внешняя политика болгарских ханов

Занявший после Аспаруха болгарский престол хан Тервель (700–721) сумел подружиться с Византией и в 705 г. оказал содействие восстановлению на престоле низложенного византийского императора Юстиниана II, явившись под стены Константинополя с большим войском. В награду за поддержку Тервель получил титул кесаря и область Загорье, к югу от Балканских гор. Кратковременная размолвка Болгарии и Византии из-за этой области в 708 г. не омрачила дальнейших мирных отношений. В 716 г. Тервель подписал выгодный для Болгарии мирный договор,

согласно которому Византия подтверждала свое обязательство выплачивать дань Болгарии. Тервель выступал союзником Византии в борьбе с арабами. Этот хан был яркой личностью, не чуждался он и христианских идеалов, несмотря на то, что сам возглавлял языческую Болгарию. Сохранился его перстень с надписью «Богородица, помоги Тервелю, кесарю». Ко времени правления этого хана относят сооружение впечатляющего каменного барельефа, высеченного на скале близ местечка Мадара, недалеко от Плиски. Сохранившиеся вокруг «Мадарского всадника» надписи, правда, фрагментарные и с трудом читаемые, повествуют об успехах политики Тервеля.

В 803–814 гг. на болгарском престоле был хан Крум, не менее блистательный, чем Тервель. О нем повествуют многие источники, из которых узнаем о впечатляющей внутренней и внешней политике этого болгарского правителя. Так, Крум явился первым законодателем Болгарии. Его законы сохранились в пересказе византийского энциклопедического словаря — «Су́ды» (X в.). Согласно данным этого памятника, законы были изданы ханом после того, как он допросил аварских пленников, которые в числе причин, повлекших гибель своего мощного государства, назвали клеветничество, мздоимство, пьянство и рост социального неравенства. Дабы остановить развитие этих пороков в Болгарии, Крум и издал законы, регулирующие судопроизводство, ужесточающие наказания за воровство. Кроме того, он приказал вырубить в Болгарии виноградники.

Хану Круму удалось провести административную реформу. Было ликвидировано деление страны на племенные единицы — славинии, вместо которых вводились комитаты с представителями центральной власти во главе.

В законах говорилось, что, «если кто-нибудь обвинит другого, не следует его слушать, а сначала, связав, надо его допросить, и, если окажется, что он клеветал и лгал, убить его. И пусть не будет дозволено давать пищу тому, кто ворует, и если кто-то отважится на это, то пусть будет тотчас отобрано его имущество. Каждому нищему давать не мало, а сполна, чтобы он снова не впал в нужду, иначе пусть будет отобрано имущество у того, кто этого не сделает».

Внешнеполитическая деятельность хана Крума была не менее удачной. Он успешно воевал с Византией. Правда, в 811 г. большое византийское войско во главе с самим императором Никифором I смогло захватить и разграбить болгарскую столицу Плиску. Когда Никифор поспешил вернуться в Константинополь, путь ему был преграждён болгарским войском. В узком ущелье болгары устроили засаду, соорудив мощный завал из поваленных

деревьёв. По словам хрониста, император воскликнул: «Даже если бы мы обрели крылья, никто не мог бы надеяться избежать гибели!» Попавшее в засаду войско было разгромлено болгарами, погиб и сам император Никифор. Как военный трофей и знак блистательной победы демонстрировал Крум окованную серебром чашу, сделанную из черепа убитого византийского императора.

Победы болгарского хана следовали одна за другой. В его руках оказался центральный город Фракии Одрин (Адрианополь). В начале 814 г. Крум был готов приступить к штурму византийской столицы — Константинополя. Однако в разгар приготовлений он внезапно скончался. Реформы Крума, в частности административная, и присоединение к Болгарии областей, населенных преимущественно славянами, ускорили процесс ассимиляции протоболгарского этноса славянским.

Болгария набирала силу. С ней вынуждены были считаться как Византийская империя, так и держава Каролингов. С Византией сменивший Крума хан Омуртаг (814–831) предпочитал дружить, а не воевать. Уже на следующий год после своего вступления на престол он заключил с Византией договор о 30-летнем мире и подтвердил верность этому договору, придя на помощь византийскому императору Михаилу II в его борьбе с незаконным претендентом на престол Фомой Славянином. Воевать Омуртагу пришлось на северо-западе Болгарии, на дунайской границе: на этот раз против франков в 824–825 гг.

В своей внутренней политике Омуртаг продолжил начатые его отцом меры по укреплению государственного правопорядка и центральной власти. Развернулось большое строительство. Была восстановлена столица Болгарии Плиска, разрушенная в 811 г. Никифором. Там был построен новый дворец, языческий храм, обновлены городские укрепления. Поскольку болгарский хан менял свои резиденции, дворцовые комплексы строились в разных областях Болгарии.

Болгарские владыки хранили протоболгарские традиции. Судя по источникам IX в., и в этом столетии протоболгары, выступая в поход, несли впереди войска вместо знамени конский хвост; перед боем собирались в определенные дни и часы и предавались заклинаниям, играм, песням и гаданиям. Во время трапезы за стол садился лишь сам хан, а его сановники и даже жена сидели далеко от него на низких сидениях или на земле. В качестве приданого невестам давали скот. Камни использовались как лекарства против различных болезней. Соблюдались и многие другие тюркские обычаи. Все эти специфические протоболгарские традиции продолжали отделять болгар от остального, главным образом славянского, населения страны, т.е. этническая разделенность протоболгар и славян в середине IX в. еще сохранялась.

Едва ли возможно определить точную дату оформления болгарской народности. И тем не менее во второй половине IX в. процесс вступил в свою завершающую стадию. Синтез двух этносов — славян и протоболгар — ускоряла, как уже говорилось, реально идущая со стороны Византии опасность. В течение длительного времени два народа проживали вместе на одной территории, вступая в интенсивные бытовые контакты. Объединяющую роль сыграло и общегосударственное законодательство. Постепенно и достаточно плавно процесс ассимиляции протоболгар славянами протекал еще и потому, что славян было больше. На Балканах славяне-земледельцы имели лучшие условия для развития хозяйства, чем протоболгары-скотоводы. Успешные войны болгарских правителей способствовали присоединению областей с преимущественно славянским населением. Существенный удар по этнической обособленности двух народов нанесли своими реформами ханы Крум и Омуртаг, поделив страну на административные округа, нарушавшие прежнюю этническую замкнутость. Важнейшую роль в сплочении двух этносов сыграло последовавшее в 60-е гг. IX в. крещение Болгарии.

Первоначальный период истории страны пришелся на 80-е гг. VII в. и завершился к середине IX в. Его центральным событием стало появление на карте Европы государства Болгарии, созданного двумя народами — славянами и протоболгарами, образовавшими впоследствии единую славянскую народность.

ПРИНЯТИЕ ХРИСТИАНСТВА В БОЛГАРИИ. ЦЕРКОВНАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ

Болгария при князе Борисе I

Крещение Болгарии, создание славянской письменности и формирование в стране новой христианской духовной культуры стали главными событиями болгарской истории второй половины IX — первой четверти X в. Путь Болгарии к христианству был длительным. Признанная Византией еще в 681 г., Болгария приняла новую религию лишь почти два века спустя, при хане Борисе I (852—889). Болгарский хан, решив ввести в стране новую веру, должен был справиться одновременно с двумя сложнейшими задачами: решить, принудительно или добровольно крестить свой народ, найти достойное место для Болгарии в ряду христианских государств. Для христианских Европы и Византии языческая Болгария не являлась полноправным партнером.

К середине IX в. в Европе сложилась достаточно устойчивая церковно-политическая ситуация, которая, однако, не исключала

возникновения разного рода конфликтов между Римским Папой и Константинопольским патриархом.

Хан Борис, решившийся окрестить Болгарию, — личность, несомненно, яркая и драматичная. Язычник Борис и христианин Борис (в крещении Михаил) — это одно и то же лицо. Смиренный монах и разгневанный правитель, приказавший уничтожить не только 52 участника языческого бунта, но и все их семьи от мала до велика, а также повелевший ослепить собственного сына за измену христианству, — это тоже Борис I.

Поиски своего места в иерархии христианских европейских государств Болгария начала с помощью оружия. Однако Бориса преследовали военные неудачи. Вскоре после вступления на престол он в союзе с Великой Моравией начал войну против немецкого короля Людовика, но потерпел поражение. Неудача постигла его и в борьбе с Византией в 855—856 гг. Болгария потеряла тогда область Загоры и Филиппополь. Не помог в борьбе с Византией и союз с Людовиком Немецким — Борис снова потерпел поражение. Византия же обусловила заключение мирного договора принятием христианства от Константинополя. Почему болгарский правитель принял решение о крещении? Возможно, под влиянием военных неудач, а также благодаря предложению Византии вернуть в этом случае Болгарии ряд отторгнутых у нее областей. Возможно, возобладало желание вписаться в христианскую общность европейских народов.

В начале 864 г. хан Борис был окрещен вместе с семьей и ближайшими сановниками в своем дворце в обстановке полной секретности священниками, прибывшими из Византии. Этот акт не был публичным. Народ в целом не понимал и не принимал новую религию. Не замедлил подняться мощный языческий бунт, тотчас же жестоко подавленный Борисом. Став духовным сыном византийского императора Михаила III, болгарский хан принял титул князя и христианское имя Михаил.

Справившись с антихристианским движением, правитель Болгарии тем не менее был еще очень далек от заветной цели — добиться для Болгарии самостоятельной церковной организации. Предстояла длительная борьба за ее достижение. Борис искусно лавировал между двумя могущественными христианскими центрами — Римом и Константинополем. Стремясь получить необходимые разъяснения относительно положения болгарской церкви, он отправляет послания в разные христианские центры. Константинопольский патриарх Фотий в ответ на вопросы болгарского князя прислал морально-этическое послание, в котором ни словом не обмолвился о статусе болгарской церкви. Он наставлял Бориса в том, что глава государства обязан заботиться не только

о своем спасении, но и о вверенном ему народе, руководить им и вести к совершенству.

Тогда Борис решил обратиться по другим адресам. Болгарские посольства были отправлены в Регенсбург к Людовику Немецкому, а также в Рим к Папе Римскому (866). Папа откликнулся объемным посланием, прислав 106 ответов на вопросы болгар. Судя по этим ответам, болгарского князя более всего интересовали проблемы учреждения в Болгарии патриархии и процедура рукоположения патриарха. Борис просил разъяснить основы новой религии, прислать богослужебные книги и проповедников. Папа писал, что Болгарии пока подобает иметь епископа, а не патриарха. После рукоположения епископа можно избрать архиепископа, а уж затем и патриарха, рукоположить которого может более высокий церковный чин, то есть кто-то из уже существующих патриархов. Глава Римской церкви подробно наставлял болгар, каких патриархов следует считать истинными. При этом он не преминул подчеркнуть, что Константинопольская церковь не является апостольской и создана лишь по благоволению светских властей, в то время как Римская церковь освящена апостолами Петром и Павлом. Таким образом, новообращенные болгары были вовлечены в пучину длительной распри между Римом и Константинополем.

В 867 г. умер папа Николай I. В том же году был низложен с патриаршего престола Фотий. Борису пришлось иметь дело с новыми партнерами по переговорам. Болгарское посольство отправилось в Рим к новому папе с просьбой рукоположить архиепископом Болгарии выдвинутого болгарами кандидата. Папа же настаивал на своей кандидатуре. История с определением статуса болгарской церкви завершилась на Константинопольском Вселенском соборе 869–870 гг., где болгарская церковь была передана под верховенство Константинопольской патриархии. Ее возглавил рукоположенный Константинопольским патриархом архиепископ.

Церковное строительство

Началась трудная работа по созданию болгарского клира, строительству христианских храмов, формированию корпуса богослужебной литературы.

Тем временем в христианском мире произошли важнейшие события, прямо отразившиеся и на судьбе Болгарии, жизни ее церкви. Славянские просветители святые братья Константин (Кирилл) и Мефодий в начале 60-х гг. IX в. изобрели славянскую письменность, успешно перевели с греческого на славянский язык

основные богослужебные книги и стали проводить богослужения на славянском языке в Великой Моравии. Ими была воспитана целая плеяда талантливых учеников и последователей, которым довелось сыграть огромную роль в становлении болгарской церкви и подготовке первых болгарских священников.

Однако миссия славянских просветителей закончилась в Великой Моравии после смерти Кирилла (869) и Мефодия (885). По настоянию немецкого духовенства их ученики были изгнаны из страны. Часть их обрела приют в Болгарии: в 886 г. князь Борис с почетом встретил в болгарской столице Климента, Наума, Ангелария, а затем Константина. Наум начал проповедовать в Плиске, Климент — в Охриде. Эти города стали важнейшими центрами по подготовке священнослужителей Болгарии.

В 889 г. князь Борис ушел в монастырь, посчитав свою государственную миссию выполненной. Трон занял его старший сын Владимир-Расате. В течение почти пяти лет он пытался вернуть Болгарию к язычеству в его протоболгарском варианте, что вынудило Бориса покинуть монастырь и вновь заняться государственными делами. Владимир был отстранен от престола и ослеплен, а князем провозглашен Симеон, один из сыновей Бориса (893). Новый правитель Болгарии, высокообразованный человек, отдал много сил укреплению болгарской церкви. Его острейшим желанием стало утверждение в Болгарии патриархии. С именем Симеона связано строительство новых церквей. Просвещенный князь, более десяти лет обучавшийся в Византии, возглавил переводческую и книжную деятельность болгарских церковнослужителей.

В эпоху Первого Болгарского царства (681—1018) с греческого на славянский было переведено много текстов Ветхого и Нового Заветов и написаны оригинальные сочинения болгарских книжников на церковную тему.

Мечта князя Симеона об учреждении в Болгарии патриархии от Константинополя, однако, не сбылась. Лишь его сыну Петру (927—970), женатому на внучке византийского императора, удалось добиться признания за болгарской церковью достоинств патриархии. В правление Петра в стране возникло множество монастырей, появились монахи, отшельники и пустынножители. Наиболее заметной и впечатляющей фигурой этого времени является св. Иоанн Рильский, основавший в горах Рильского горного массива знаменитый монастырь.

Богомильское движение

В правление Петра, в сравнительно мирный период истории страны, в Болгарии поднялось мощное еретическое движение,

получившее название богомильского. В сущности, это было первое в Европе массовое еретическое движение, оказавшее сильное влияние на многие западноевропейские ереси позднейшего времени. Сказалось трудное социально-экономическое положение населения, резко ухудшившееся после непрерывных войн Симеона. Также сыграла свою роль молодость самой церковной организации. Миновало всего лишь несколько десятилетий после принятия христианства в Болгарии. В стране помнили и о языческих временах, и о старых религиозных течениях, проникавших в Болгарию с Востока, — манихействе и павликианстве, для которых был характерен крайний дуализм, т.е. признание бесконечной борьбы доброго и злого начал.

Во главе движения стал поп Богомил, давший имя всей ереси. Им была создана своя организация. Первую ее группу составляли близкие последователи Богомила — теоретики движения. Это были преимущественно духовные лица. Во вторую группу вошли сочувствующие новому учению. Сторонники еретиков появились как на селе, так и в городе. Критика богатства и восхваление бедности занимали центральное место в их проповедях. Православная церковь не могла принять развиваемого богомилами учения о происхождении вселенной и человека, а также об отношении к государственной системе. Особенно яростно нападали богомилы на представителей высшего клира — епископов и митрополитов.

Главным источником для изучения истории этого еретического движения в Болгарии является современное ему сочинение болгарского пресвитера Козьмы «Беседа против богомилов». Оно рисует живую панораму происходящих событий и позволяет представить их характер.

Козьма повествует, что богомилы считают все земное созданием дьявола. И не только земное, «небо, солнце, звезды, воздух, землю, человека, церковь, кресты и все Божье отдают дьяволу. И вообще все, что находится на земле — одушевленное и неодушевленное, называют дьявольским». Ругают богатых и старейшин, учат не подчиняться господам своим, ненавидят царя, укоряют боляр, думают, что те неугодны Богу, когда работают на царя. И каждому слуге приказывают не работать на своих господ. Козьма весьма удачно определяет истоки еретического движения в стране: богомильство, по его мнению, вызвала и испорченность нравов болгарской церкви. «Откуда, — вопрошает он, — приходят эти волки, злые псы — еретические учения? Не от лености ли и невежества паствы? Пастырей? Как будет проповедовать слово Божье невежда, не знающий закона, часто поставленный законодателем за мзду? Священники пьют, грабят, тайно совершают другие плохие дела, и нет никого, кто бы воспрепятствовал этим плохим делам. Нередко живут в лености».

Распространение богомильства весьма беспокоило не только церковную, но и светскую власть. Дважды обращался царь Петр за советами по поводу появившейся ереси к Константинопольскому патриарху Феофилакту. Гонения на еретиков начались сразу же после возникновения движения в 20-е гг. X в. Однако Православная церковь с трудом справлялась со своими духовными противниками. Притягательное для всех недовольных учение богомилов имело длительную судьбу — оно распространялось в Болгарии вплоть до XV в. Это еретическое движение мы встречаем далеко за пределами страны — в Византии, в Сербии и особенно в Боснии.

Судьба болгарской церкви в XI–XIV вв.

Отягощенная еретическими движениями и переживающая трудности, болгарская церковь была по своему статусу автокефальной (независимой) в решении своих дел. Сильнейший удар был нанесен ей в 1018 г., когда Болгария (вплоть до 1186 г.) попала под власть Византии. Болгарская патриархия была уничтожена. Церковь возглавил архиепископ, местом пребывания которого остался г. Охрид. Несмотря на то что византийский император Василий II своими грамотами подтвердил автокефалию болгарской церкви, лишь первый болгарский архиепископ был болгарином, затем высший церковный пост в Болгарии в пору византийского владычества занимали только греки.

После освобождения Болгарии от власти Византии в конце 80-х гг. XII в. в стране длительное время продолжались поиски путей восстановления и укрепления независимой болгарской церковной организации. Один из болгарских царей, Калоян, добиваясь признания патриаршего достоинства для ее главы, даже заключил унию с Римско-католической церковью (1204). Но уния продержалась недолго. Начавшийся IV крестовый поход и последовавшая за ним борьба болгар против крестоносцев (1205), поддерживаемых Римской курией, сделали дальнейшее существование унии невозможным. Патриархию в Болгарии удалось восстановить лишь в 1235 г. после окончательного разрыва с Римом и благодаря союзу с Никейской империей (наследницей погибшей в 1204 г. Византии). Тырновская патриархия, признанная в этом достоинстве Константинопольским и другими православными патриархами, просуществовала вплоть до завоевания Болгарии турками-османами в конце XIV в.

История средневековой болгарской церкви свидетельствует о том, что, ориентируясь на византийский церковный опыт, болгарская церковь в то же время стремилась к самостоятельности и

независимости. Широкие права по отношению к болгарской церкви имели светские правители Болгарии. По их повелению в стране созывались церковные соборы, сооружались церкви и монастыри. Постоянное влияние на жизнь болгарской церкви оказывало соперничество Болгарии с соседней Византийской империей.

БОЛГАРИЯ В КОНЦЕ IX — НАЧАЛЕ XI в.

Правление Симеона

Блистательный Симеон, удачливый полководец и покровитель культуры, смиренный Петр и трагичный Самуил — это ряд несомненно заслуживающих внимания правителей завершающего периода в истории Первого Болгарского царства.

В 893 г. на народном соборе в новой болгарской столице Великом Преславе князь Борис торжественно передал власть своему третьему сыну — Симеону. Симеон имел прекрасное образование. Более десяти лет он учился в Константинополе у патриарха Фотия. Сами византийцы называли его полугреком и надеялись на его проимперскую в дальнейшем политику. Однако в истории Болгарии не было другого столь самостоятельного и самоуверенного, ориентирующегося только на интересы своей страны правителя, каковым являлся царь Симеон (893–927). Была ли политика Симеона с самого начала настроена на войну с Византией? Дать ответ непросто. Так, причиной болгаро-византийской войны 894 г. было ущемление интересов болгарской торговли в результате перенесения болгарского рынка из Константинополя в Фессалоники. Протесты болгарского правителя Византия проигнорировала. Симеон двинул войска, и византийцы потерпели поражение при Одрине (Адрианополь). Тогда Византия призвала на помощь венгров, которые тотчас же опустошили северные области Болгарии. Лишь совместные действия болгар и печенегов против венгров заставили тех отойти на Среднедунайскую низменность. Лишенные союзников, византийские войска потерпели еще одно поражение в боях с болгарами (894).

Столкновения 894 г. были спровоцированы Византией. Ряд последующих военных конфликтов был также вызван Константинополем. Империя, видно, проверяла силы Болгарии и ее правителя.

В 912 г. умер византийский император Лев VI Мудрый и на престоле оказался малолетний Константин VII Багрянородный. В новой обстановке Симеон решил поближе познакомиться с византийскими делами и послал в Константинополь посольство, которое было принято чрезвычайно холодно. Болгарский правитель посчитал это достаточным поводом для военного похода

против Византии, и, совершив быстрый марш, его войска появились под стенами Константинополя (913). Империя удовлетворила все требования Симеона. Был оговорен возможный будущий брак одной из дочерей Симеона и юного византийского императора, а за самим болгарским князем был признан титул царя болгар.

Это соглашение действовало менее года. Мать малолетнего византийского императора Зоя объявила его недействительным. Ответом явились военные действия болгарского царя. В 914 г. войска Симеона захватили Фракию, овладели Адрианополем, опустошили часть Македонии и вторглись в окрестности Фессалоник. Ответный удар со стороны Византии не заставил себя ждать. Пучина войны все глубже затягивала два соседних народа, вызывая взаимные потери. Убеждая Симеона прекратить войну, византийский патриарх Николай Мистик посылал болгарскому царю письмо за письмом. В одном их них говорилось: «Рассуди, сын мой, который вершишь дела, достойные твоего разума, о кровопролитиях между ромеями и болгарами. Подумай, какие бедствия объединили болгар и ромеев, и не пожелай увидеть этот отвратительный день».

Но прекратить приобретавшую все больший размах и ставшую постоянной войну было трудно, а усмирить разгневанного Симеона и тем более. Летом 917 г. на реке Ахелой Симеон разгромил византийские войска. В этом же году вассалом Болгарии стала Сербия. Болгарская армия вошла в Грецию, были захвачены Фивы.

Казалось, именно теперь Симеон мог диктовать свою волю Византии и требовать выполнения условий договора 913 г. Но в Византии произошли большие перемены: командующий византийским флотом Роман Лакапин, армянин по происхождению, отстранил от власти мать юного императора Зою. С императором он обручил свою дочь, а в 920 г. короновался как соимператор, став фактическим правителем страны. Разгневанный Симеон тут же провозгласил себя «императором болгар и ромеев», не признав законной власть Романа Лакапина. Успокаивая болгарского царя, Роман Лакапин предложил Симеону заключить брак между своим сыном и его дочерью. На династическом браке настаивал и Константинопольский патриарх Николай Мистик. «Когда ваши дети вступят в брак, мы уповаем на Бога, что все самое доброе и самое приятное свяжет вас, а все враждебное и неприятное будет отброшено», — писал он Симеону. Но этот династический брак, казавшийся столь желанным в 913 г., теперь не устраивал болгарского правителя. Его целью стало овладение византийским престолом. Хотя его державным соперником теперь был уже не 8-летний Константин Багрянородный, а дерзкий и удачливый

Роман Лакапин, Симеон решил воевать, тем более что военное превосходство было на стороне болгар. В 921 г. болгарские войска появились во Фракии, а затем и в окрестностях Константинополя. Лишь необходимость усмирить сербов, взбунтовавшихся против болгарской власти, помешала штурму византийской столицы. В 922 г., одолев сербов, болгарские войска вновь отправились к Константинополю, но на штурм византийской столицы не отважились, не найдя надежных союзников. А затем военное счастье изменило Симеону: в 927 г. хорваты разгромили болгарские войска. Вероятно, не пережив поражения, Симеон умер в мае 927 г. При нем государство существенно расширило свои границы на юге, юго-западе и западе.

Симеон-завоеватель, Симеон — гроза Византийской империи сумел в то же время стать покровителем культуры и искусства в Болгарии. Идея соперничества с Византией пронизывала всю деятельность болгарского государя: военную, административную и культурную. Именно Симеон перенес столицу Болгарии из Плиски в Преслав, рассматривая этот город как соперника Константинополя. Там он воздвиг величественный царский дворец с тронным залом.

Культурное развитие

Большое влияние на развитие болгарской книжности времени Симеона оказала византийская литература. Переводились сочинения древнегреческих и византийских авторов, историков, богословов, философов. Но главное в цивилизаторской миссии Симеона заключалось в том, что он выдвинул задачу создать корпус христианской книжности на славянском языке, и эта акция блестяще удалась. Ученики Кирилла и Мефодия, начавшие работать в Болгарии еще при князе Борисе, продолжили свою деятельность и при Симеоне. Многие сочинения писались по его поручению и при его покровительстве. При поддержке царя в области государственного производства и в церковной жизни Болгарии греческий язык был заменен славянским, а глаголица — изобретенным кириллическим алфавитом. В эпоху Симеона в Болгарии творила целая плеяда болгарских книжников, блестящий ряд которых открывает Климент Охридский (840—916), ближайший ученик и сподвижник Кирилла и Мефодия. Его деятельность развернулась в Охриде, куда он был послан проповедником в конце IX в., а затем стал епископом епархии болгарской церкви на юго-западе. Этому болгарскому писателю принадлежат многие сочинения. Он автор службы св. Кириллу, один из составителей пространного жития этого святого, а также отдельных поучений

и похвальных слов в честь христианских святых и праздников. Поскольку задачей этих сочинений было наставление верующих в основах христианского вероучения, они отличались простотой и ясностью изложения.

Выдающимся деятелем Преславской книжной школы времени Симеона был Константин Преславский. Он автор так называемого «Учительского Евангелия» — сборника, включившего в свой состав Азбучную молитву и более пятидесяти Бесед на евангельские темы и ставшего, в сущности, одним из первых в славянской письменности систематизированным сводом проповедей. Константин Преславский известен и как автор Прогласа св. Евангелия, т.е. Предисловия к славянскому переводу евангельского текста. Во всех своих сочинениях он проповедует идеи о пользе и значении славянских книг и славянской письменности.

Под покровительством Симеона развернулась творческая деятельность прославленного болгарского писателя и проповедника Иоанна Экзарха. Он перевел с греческого языка на славянский знаменитое сочинение об основах христианской догматики — так называемое «Богословие», автором которого был византийский теолог Иоанн Дамаскин. Наиболее известный в славянской культуре труд Иоанна Экзарха — Шестоднев. Это произведение богословско-философского характера, в котором истолковывается библейский рассказ о сотворении мира. В основу своего труда Иоанн положил переработанный им Шестоднев, ранневизантийского времени, св. Василия Великого. Но наиболее ценными представляются оригинальные части Шестоднева Экзарха — описание болгарской столицы, красот княжеского дворца и самого князя. Все авторское предисловие к Шестодневу Иоанн Экзарх посвятил Симеону.

В правление Симеона в Болгарии появилось уникальное публицистическое сочинение «О письменах», автор которого скрыл свое истинное имя под псевдонимом Черноризец Храбр. Это — полемический ответ противникам славянской письменности, Храбр приводит и сразу же мастерски опровергает их аргументы. Оппоненты Храбра утверждали, что славянские буквы не были созданы Богом, как еврейские, латинские или греческие. Отвечая им, Черноризец доказывал, что и эти азбуки рукотворны, более того, что их сочинили язычники, в то время как отцами славянской письменности являются святые братья Кирилл и Мефодий. Процесс создания письменности у других народов был длительным и сложным, но Божественный промысел помог св. Константину-Кириллу справиться с этой задачей своими силами и даже перевести на славянский язык Писание, для чего в свое время грекам понадобилось 70 человек.

При дворе Симеона болгарскими интеллектуалами была разработана и воплощалась в жизнь культурная программа, основной целью которой являлось создание в Болгарии опиравшейся на славянский язык христианской культуры, не уступающей византийской по своему совершенству. Реализовывалась эта программа при прямой поддержке просвещенного правителя, что и отражено в целом ряде старых болгарских записей. Так, одна из них гласит, что именно по повелению Симеона екклесиархом болгарской церкви пресвитером Григорием были переведены с греческого языка на славянский книги Ветхого Завета. С именем Симеона связан ряд сборников, важнейшими из которых были Златоструй и Симеонов (или Святославов) Изборник 1073 г.

Можно смело сделать вывод о культурном подъеме Болгарии в конце IX — первой трети X в.

Ослабление Первого Болгарского царства

Но кончилась эпоха Симеона, и престол занял его сын Петр (927–970). Положительным фактом правления Петра было заключение в 927 г. 30-летнего мира с Византией, по условиям которого империя наконец-то признала за болгарским правителем титул «царя болгар». Был заключен также брак между Петром и внучкой византийского императора Романа Лакапина Марией, сменившей свое имя на имя Ирина, т.е. «мир». Царствующие особы двух государств породнились, но это родство не стало благом для Болгарии. Напротив, оно вело ее по пути постепенного подчинения Византии, бесцеремонно вмешивавшейся в дела соседней державы.

Впрочем, осенью 927 г. новый болгарский царь праздновал победу. Он не только женился на внучке Романа Лакапина, но и получил от Византии подтверждение своего титула «василевс болгар», самым же главным было признание за болгарской церковью достоинства патриархии. Резиденцией патриарха стал город Доростол. Как и ранее при Симеоне, Византия обязывалась уплачивать ежегодную дань Болгарии. Однако Петр сделал некоторые территориальные уступки Византии, отказавшись от некоторых захваченных его отцом областей, в частности ряда черноморских городов. Казалось бы, должны были установиться мир и взаимопонимание между соседями. Однако Византия сразу же начала поддерживать потенциальных врагов Болгарии. Уже в 928 г. империя поддержала плененного Симеоном сербского князя Часлава, который бежал из болгарского плена и при содействии ромеев объявил себя князем Сербии. Не замедлили последовать и другие недружественные шаги со стороны Византии. В том же году

у нее нашел приют взбунтовавшийся против законного болгарского царя Петра его брат Иван. Он был введен в круг высшей византийской знати и всячески награжден. Византия поддержала и еще одного претендента-мятежника против болгарской центральной власти. На этот раз это был старший брат царя Михаил (930). И все же худой мир длился ровно столько времени, на сколько его заключили между собой Византия и Болгария, т.е. три десятилетия, и заслуг болгарского царя Петра здесь нельзя преуменьшать.

Ситуация резко обострилась, когда на византийском престоле появился очередной удачливый узурпатор, выдающийся полководец Никифор II Фока (963). Он тут же разорвал мир с болгарами. По сообщению современника событий, византийского историка Льва Диакона, когда «к императору прибыли послы болгар и сказали ему, что их господин хочет получить обычную дань, он вспыхнул от гнева и, раздосадованный вне всякой меры, сказал более громким, чем обычно, голосом — позорно ромеям, если они победили оружием своих противников, платить дань, как рабы, бедному и презренному скифскому народу. После этого он приказал избить послов». С Болгарией давно так не разговаривали: перед Симеоном часто заискивали, считались с Болгарией и в начальные годы правления Петра, хотя она и была ослаблена богомильским движением.

Теперь Болгария стояла накануне гибельных потрясений. Византия перестала играть роль ее союзницы. Уже в 967 г. Никифор Фока двинул войска против Болгарии, но вернул их назад, устрашившись сражения в тесных горных ущельях, коими Болгария так изобилует. Вскоре Византия прибегла к испытанному средству борьбы с соседями — нашла союзника. На этот раз им стал киевский князь Святослав. Летом 967 г. его войска появились в Болгарии и заняли города по Дунаю, включая Доростол. Византия согласно источникам обещала русскому князю всю Болгарию. Святослав посчитал, однако, что его военные подвиги стоят дороже, и отправил посла к византийцам со словами: «Хочу идти против вас и взять ваши города, как взял этот город» (незадолго перед тем был захвачен Малый Преслав).

В создавшейся непростой ситуации византийский император начал срочно искать выход и даже попытался установить мирные отношения с Болгарией. Летом 968 г. болгарское посольство с почетом приняли в Константинополе. Более того, в Византии вспомнили, как сообщает хронист, что «мизийцы исповедуют непогрешимое христианское учение, и предложили женить сыновей византийского императора на болгарских девушках царской крови».

Святослав тем временем вынужден был вернуться в Киев, дабы отогнать от своей столицы печенегов и похоронить умершую мать

княгиню Ольгу. В начале осени 969 г. киевский князь вернулся на Балканы, твердо решив на этот раз воевать с Византией. Между тем захват Восточной Болгарии столь тяжко подействовал на ее царя, что Петр оставил престол, постригся в монахи и вскоре умер (в начале 970 г.). Царем Болгарии стал его сын Борис II.

Балканский поход Святослава продолжался. Еще осенью 969 г. им была захвачена столица Болгарии Великий Преслав. Но болгарским царем он себя не объявил, а сохранил правящую династию страны, надеясь с ее помощью одолеть Византию.

В это время византийский престол занял новый император — Иоанн Цимисхий, тотчас же двинувший против русского князя свои войска. В конце 970 г. Святослав потерпел поражение при Аркадиополе. В начале 971 г. византийцы захватили Великий Преслав и осадили Святослава в Доростоле. Длившаяся в течение трех месяцев осада вынудила русские войска покинуть Балканы и вернуться домой. Впрочем, до Киева Святослав так и не добрался, так как был убит печенегами в районе Днепровских порогов (весной 972 г.).

Однако уход Святослава из Северо-Восточной и Южной Болгарии вовсе не означал возврата этих земель самой Болгарии. Напротив, здесь тотчас же утвердилась византийская власть. Законный болгарский царь Борис II был лишен престола. Сама процедура отстранения Бориса II была унизительной для Болгарии. По отзывам хрониста, царь и его семья были увезены в Константинополь, где Борис II должен был снять с себя знаки царской власти — тиару, покрытую пурпуром, золотом и бисером, багряницу и красную обувь. В качестве трофея была увезена в Константинополь почитавшаяся в Болгарии икона Божьей Матери. Всеми этими действиями Цимисхий подчеркивал факт уничтожения болгарской государственности.

Однако болгарское государство продолжало существовать и было вполне жизнеспособно, поскольку Византия захватила лишь его восточную часть. На западных болгарских территориях и развернулись затем важнейшие события.

В БИТВАХ С ВИЗАНТИЕЙ И ПОД ЕЕ ВЛАСТЬЮ

Болгарское царство в 972—1018 гг.

К сожалению, сохранившиеся источники не позволяют воссоздать полную картину жизни болгарского общества и государства в конце X — начале XI в. В основном византийские авторы донесли до нас сведения преимущественно о столкновениях Византии и Болгарии.

Итак, после 972 г. Болгария продолжала сохранять свою независимость, занимая, правда, более скромную, чем ранее, территорию. В ту пору ее возглавили сразу четыре правителя — сыновья административного главы Западной Болгарии (комита), так называемые «комитопулы» — Давид, Моисей, Аарон и Самуил. Смерть завоевателя Восточной Болгарии императора Иоанна Цимисхия (976) стала сигналом к выступлению братьев против Византии. Позднее единоличным правителем Болгарии стал Самуил (976–1014), после того как все три его брата погибли при разных обстоятельствах.

Новый болгарский царь достойно вписывается в ряд самых блестящих правителей средневековой Болгарии. Почти до конца X в., т.е. в первые десятилетия своего правления, Самуил был грозой для Византийской империи. По словам византийского хрониста, он сумел стать полновластным господином Болгарии. Более того, Самуил существенно расширил ее пределы, захватив области во Фракии, Македонии, Фессалии и угрожая византийским фемам — Элладе и Пелопоннесу. Жителей ряда византийских крепостей он переселил во внутренние области Болгарии, зачислил в ряды своих воинов и стал использовать в борьбе против ромеев. Византийский автор повествует не только о впечатляющих победах болгарского царя, но и о его внутригосударственной деятельности. Так, он перенес мощи св. Ахилия, бывшего некогда епископом города Ла́рисса в Фессалии, в Преспу, где находился царский дворец, и воздвиг величественный храм в его честь.

Победы Самуила над византийцами следовали одна за другой, впечатляя современников. В 986 г. он нанес поражение византийцам близ Средца (София), в Ихтиманском ущелье. Над итогами этого сражения горестно размышляет византийский автор. По его мнению, ромеи потерпели поражение потому, что византийские войска были ленивы и бездеятельны, а их начальники оказались неспособными. Кроме того, византийцы страдали от голода, поскольку чрезвычайно быстро израсходовали запасы продовольствия. В результате остатки ромейского войска едва спаслись от преследовавших их болгар, потеряв всю конницу и обоз. Еще один византийский автор, поэт Иоанн Геометр, так отозвался о болгаро-византийских войнах середины 80-х гг. X в.: «Никогда бы не сказал, что мизийские (болгарские. — *Л.Г.*) стрелы сильнее авзонских (ромейских. — *Л.Г.*) копий. Солнце, скройся под землей и скажи великому духу императора Фоки так: Истр (Дунай) захватил венец Рима. Возьми быстро оружие, так как мизийские стрелы сильнее авзонских копий».

В конце 90-х гг. X в. болгарские войска двинулись против Далмации и Дукли. Дуклянский князь был захвачен в плен и отправлен в Преспу, где находился один из дворцов Самуила. В это время Самуилу удалось расширить государство почти до тех пределов, в каких оно существовало при Симеоне.

Конец X и начало XI в. принесли болгарам военные неудачи. В 1000 г. византийский император двинул войска против болгарских крепостей за Балканскими горами. Византийцам удалось захватить Плиску и Малый Преслав. В следующем году болгары потеряли Видин. Наступил один из самых трагичных в истории Болгарии периодов. В конце июня 1014 г. разразилась битва у горы Беласица, где болгарские войска были разгромлены. Византийский император Василий II, названный впоследствии «Болгаробойцей», совершил немыслимо жестокий акт: по его приказу было ослеплено 15 тыс. болгарских пленных и на каждую сотню слепых оставлен один одноглазый поводырь. Всю эту чудовищную процессию отправили к Самуилу, который, как сообщают источники, «почернел, упал на землю и спустя два дня умер».

Множество причин привели Болгарию к потере государственности на долгие 168 лет, в том числе и известный внутренний кризис страны, ослабленной еретическими движениями, внешними потрясениями, кризис, с которым центральная власть не могла справиться. Византия воспользовалась ослаблением северной соседки и захватила сначала ее восточную, а затем и западную части. Смерть царя Самуила поставила страну на грань катастрофы. Сменивший на престоле Самуила его сын Гавриил Радомир, по отзывам источников, превосходил отца по силе и мощи, но далеко уступал ему по мудрости и разуму. Он правил менее года, так как погиб на охоте. С ситуацией не мог справиться и новый царь Иван Владислав. Один за другим города переходили в руки византийцев. В 1015 г. были захвачены столица Болгарии Охрид и Средец (София). На сторону Василия II стали переходить болгарские военачальники, и ряд городов попал в руки ромеев из-за предательства. Но значительное число болгарских крепостей оказывало византийцам сильное сопротивление.

В 1018 г. погиб в бою с византийцами последний царь Первого Болгарского царства Иван Владислав. Земли Болгарии надолго вошли в состав Византии.

Установление византийского господства

Покоренная Болгария была разделена на отдельные области (фемы), во главе которых были поставлены византийские

правители. Самая обширная из фем располагалась на территории юго-западных областей погибшего Первого Болгарского царства и получила название «Болгария».

В болгарские земли переехало множество выходцев из других владений империи. Лучшие земли страны переходили в руки византийской аристократии. Большие богатства принадлежали церквам и монастырям, многим из которых покровительствовала византийская знать и даже члены императорской семьи. В 1083 г. выдающийся византийский военачальник севаст и великий доместик Запада Григорий Пакуриан при покровительстве византийских властей основал у села Бачково, недалеко от города Филиппополя (Пловдив), монастырь св. Богородицы, которому принадлежали окрестные села, земли, пастбища. Монастырь был освобожден от уплаты налогов и получил полную автономию.

В целом о владениях светских феодалов в болгарских землях в XI—XII вв. и о положении местной знати известно очень немного. Территория завоеванной страны стала фондом для наделения землей византийских собственников. Их владения располагались главным образом к югу от Балканских гор. Север Болгарии был менее колонизован византийцами. Наиболее распространенной формой земельной собственности стала так называемая «прония» — временное пожалование за военную или административную службу. Земли делились на господские и крестьянские. Зависимые крестьяне, имеющие земельные участки, являлись преобладающей группой населения. Оформление основных феодальных институтов: крупного землевладения, личной зависимости крестьян и иммунитета — произошло в болгарских землях в XI—XII вв.

Сколь тяжким было для населения византийское господство, можно представить по византийским источникам, в частности по письмам Охридского архиепископа Феофилакта, которые он достаточно регулярно отправлял из Болгарии на родину. Византийское чиновничество охарактеризовано им весьма нелицеприятно. По его отзывам, чиновники «клириков раздевают и оголяют, париков считают и пересчитывают, землю измеряют прыжками блохи. Все взвешивают, получают подарки, а получив, становятся еще более алчными, так как одержимы бесом лихоимства». Положение Охридской области в его письмах выглядит весьма плачевным. Архиепископ пишет, что Охридское озеро, видимо, вскоре совсем исчезнет, поскольку о нем никто не заботится. В адрес высшего византийского начальства поступали письма, в которых сообщалось, что Охридская область мала, бедна, производит мало масла и буквально «является самой окаянной из других областей».

На территории покоренной страны обогащались византийские феодалы, чиновники, содержались иностранные воинские гарнизоны. Кроме того, в XI—XII вв. участились грабительские набеги кочевых народов с севера, прежде всего печенегов. Усилилось и богомильское движение, направленное против византийского государства и церкви.

Борьба за освобождение

В 1040 г. вспыхнуло восстание болгар против Византии. Поводом для него послужила финансовая реформа, согласно которой прежние натуральные налоги заменялись денежными. При этом размер налогов значительно вырос, а при их сборе допускался произвол. Возглавил восстание Петр Делян. Повстанческое войско, захватив города Ниш и Скопье, устремилось к Фессалоникам. Тем временем поднялись жители Никопольской и Драчской фем, где проживало смешанное греческое, албанское и болгарское население. К восстанию присоединилась и Средецкая область. Слухи о грозном движении достигли самых отдаленных византийских провинций, в том числе и малоазийских. Оттуда в лагерь повстанцев прибыл один из потомков болгарской царской династии Алусиан. Получив под свое командование большое войско (ок. 40 тыс. человек), он попытался захватить Фессалоники, однако был разбит под стенами города. После поражения Алусиан коварно ослепил Деляна и бежал в Византию. Византийские войска перешли в наступление, усмиряя одну за другой восставшие области. Наиболее сильное сопротивление карателя встретили в Средецкой области. Восстание удалось подавить, слишком явственны были военное превосходство Византии и разногласия в лагере восставших.

В 1072 г. началось новое восстание против Византии, в юго-западных областях бывшего болгарского государства. Снова поводом для него послужило увеличение налогов. «Так как не могли выносить ненависть Никифора (министра финансов), болгары поднялись на восстание против царьградской власти»,— сообщает византийский писатель Скилица. Движение возглавил Георгий Войтех, болярин из города Скопье. На помощь ему поспешил сербский отряд во главе с Константином Бодином, сыном сербского князя Михаила Зетского. Вначале действия повстанцев были успешными. Удалось захватить города Скопье, Охрид и др. Затем дали себя знать военная мощь еще сильной Византийской империи и предательская роль части болгарской знати, сражавшейся на стороне византийцев. Повстанческое войско было разгромлено под Костуром, Скопье и на Косовом поле.

Неудача восстания 1072 г. не остановила освободительной борьбы болгар. Выступления продолжались. Правда, теперь это были локальные, разрозненные попытки сбросить иноземную власть, в частности в придунайских городах, а также в Месемврии (Несебыре), Средце (София) и ряде других. Не затухало движение богомилов и павликиан во Фракии.

Третье крупное, на этот раз победоносное, восстание болгар против Византии (1186—1188) развернулось на северо-востоке болгарских владений империи. В этой области, достаточно удаленной от центра империи, власть местной аристократии была относительно сильна, прослойка свободного крестьянства более многочисленна, чем в других областях. И в целом эта часть страны имела больше сил для активной борьбы. Вождями восстания стали болгарские боляре братья Петр и Асень, а центром движения — Тырново, тогда еще небольшая крепость. Поводом для выступления послужило буквальное ограбление болгарского населения в связи с женитьбой византийского императора Исаака II Ангела. Восставшие провозгласили одного из братьев — Петра — царем. В короткое время была освобождена почти вся северо-восточная часть бывшего болгарского государства. Повстанцы перешли Балканские горы и начали военные действия во Фракии. Междоусобицы в Византии облегчили борьбу повстанцев.

Летом 1186 г. византийский император отправился в поход против восставших. Ему удалось потеснить болгар за Дунай, после чего, сочтя восстание подавленным, он вернулся в Константинополь. Между тем болгары не только сохранили свое войско, но и усилили его за счет присоединившихся кочевников и опять появились во Фракии. Весной 1187 г. последовал еще один поход византийского императора, попытавшегося овладеть городом Ловеч. Осада города была снята после того, как младший брат Петра и Асеня Иваница (Калоян) был отправлен как заложник в Византию.

Стремясь получить международное признание своей повстанческой акции, Петр и Асень обратились за помощью к появившимся в ту пору на Балканах крестоносцам III крестового похода, предводительствуемым Фридрихом Барбароссой. Болгары предложили западным рыцарям военную помощь в обмен на признание царского титула Петра.

Уход войск крестоносцев воодушевил византийского императора, который не замедлил появиться на территории Болгарии (1190). Был осажден город Тырново. Но и на этот раз византийцы не добились успеха и покинули территорию Болгарии. Начиналась история Второго Болгарского царства.

ВТОРОЕ БОЛГАРСКОЕ ЦАРСТВО

Социально-экономическое развитие

Восстановление болгарской государственности после почти двухвекового византийского господства стало главным событием болгарской истории XIII—XIV вв. Осенью 1186 г. в городе Тырнове, ставшем столицей возрожденной Болгарии, Тырновский архиепископ Василий торжественно короновал Асеня I царем Болгарии. Так возникло Второе Болгарское царство.

В общественную жизнь Болгарии в предшествующий период прочно вошли византийские порядки и терминология. Но теперь восстановилось и многое из того, что ранее было привычным во времена Первого Болгарского царства. Социально-экономическую основу развития страны составляли преимущественно аграрные отношения. Сложившиеся в период византийского владычества крупные земельные владения после освобождения Болгарии поменяли своих хозяев: византийских феодалов сменили болгарские. Поместья принадлежали как светским лицам, так и церквам и монастырям. Значительная часть земельного фонда была собственностью государства и царской семьи. Судя по источникам, земля чаще всего давалась тем, кто служил, т.е. значительной была доля условного землевладения.

Впечатляющими темпами увеличивалось церковное и монастырское землевладение. Обширными поместьями обладали более 70 болгарских монастырей. В Юго-Западной Болгарии располагались владения крупнейшего Рильского монастыря. Его вотчина насчитывала 21 село с подвластным населением. Нередко государство жаловало крупным собственникам права иммунитета — податного, судебного и административного. Богатство государства покоилось на труде зависимого населения, преобладающей группой среди которого являлись крестьяне—владельцы наследственных наделов. Население было внесено в податные списки и платило в казну централизованную ренту в натуральной и денежной формах, причем денежные платежи занимали видное место в доходах государственного бюджета.

Болгарская экономика опиралась не только на деревню, но и на города. Города были различного типа: морские; расположенные на оживленных речных торговых путях; континентальные. Первым и главным городом Болгарии современники называли Тырново. В нем располагались царская и патриаршая резиденции. Значительным ремесленным центром продолжал оставаться Преслав — прежняя болгарская столица, а крупным портом на Дунае являлся Видин. Быстро развивались города болгарского Причерноморья — Месемврия (Несебыр), Варна, Созополь, Анхиал

(Поморье). В источниках часто упоминаются города и крепости Южной Болгарии, центром которой был Филиппополь (Пловдив). На западе страны выделялся Средец (София).

Во Втором Болгарском царстве развивались различные виды городского и сельского ремесла. Обрабатывались цветные и благородные металлы. Ювелирные мастерские имелись во Враце, Ловече и других городах. В столичном г. Тырново в конце XII — начале XIII в. развернулось грандиозное городское строительство. Город превратился в неприступную крепость. На холмах Царевец и Трапезица, обнесенных мощными стенами, были воздвигнуты дворцы царя и резиденция патриарха. Там же проживали высшие члены военной и гражданской администрации. По обеим берегам реки Янтры располагался «внешний город», в котором жили торговцы и ремесленники.

Болгария в XIII—XIV вв. вела активную торговлю. Около середины XIII в. страна начала чеканить собственную монету. В обращении находились и византийские, и венецианские деньги. Особенно интенсивно международная торговля процветала в Придунайских и Причерноморских областях. На внешний рынок Болгария поставляла продовольствие, а также сырье: кожу, меха, воск. И в Византии, и в Италии было хорошо известно болгарское зерно. Особенно тесные связи установились с итальянскими республиками — Генуей и Венецией, торговцы которых имели в Болгарии целый ряд привилегий: платили низкие торговые пошлины, пользовались правом экстерриториальности.

Освободившись от зависимости, Болгария в конце XII в. восстановила свою государственность. Страну вновь возглавил болгарский государь, носивший титул «царь и самодержец». Как и в Первом Болгарском царстве, власть его была наследственной и обширной: царь был верховным главнокомандующим и законодателем, принимал участие в решении вопросов, касающихся не только светской, но и духовной жизни. Во всех государственных делах он опирался на совет, состоявший из «великих боляр». Болгарская знать, заменив византийскую, заняла все высшие государственные должности. Из ее среды назначали великого логофета — после царя второе лицо в государстве, а также протовестиария, ведавшего государственной казной, и великого воеводу — верховного военачальника. В областях главными чинами были дуки. Титулованная аристократия (деспоты) владела обширными территориями и зачастую проводила самостоятельную политику.

Восстание Ивайло

Социальная обстановка в стране была напряженной. В 1277—1280 гг. развернулось движение, в котором приняли участие почти

все слои болгарского общества. Восстание возглавил крестьянин Ивайло, выходец из самых низов: он был свинопасом. Это обстоятельство стало основой для вывода, господствующего в историографии, о крестьянском характере всего движения. Но эти весьма сложные события едва ли возможно назвать крестьянским восстанием, а тем более крестьянской войной. Движение началось в 1277 г. на северо-востоке Болгарии. Свое войско Ивайло первоначально составил из «простых и буйствующих», как об этом повествует византийский историк Никифор Григора, но затем оно быстро увеличилось за счет присоединившейся оппозиционной знати. Ведомые Ивайло войска совершили то, что было не под силу правительственным силам. Ими были несколько раз разгромлены грабившие Болгарию татары. Именно эти победы сделали имя Ивайло популярным в стране. В 1277 г. мятежникам удалось разгромить под Тырновом царские войска. В сражении погиб сам болгарский царь Константин Тих. Уцелевшие правительственные части присоединились к восставшим. Весной 1278 г. ворота болгарской столицы открылись перед Ивайло, который занял царский престол, женившись на овдовевшей царице. Впрочем, пестрая оппозиция центральной власти не всегда была однозначно предана царю-крестьянину. Престол стремился занять еще один претендент, сын болгарского вельможи, ставленник Византии, которого провозгласили царем Иваном Асенем III. Теперь Ивайло предстояло сражаться не только с татарами, но и с византийскими войсками. В это же время часть болгарской знати поддержала еще одного претендента на тырновский трон — Георгия Тертера. Именно ему было суждено стать болгарским царем (1280—1292).

Болгария в XIII—XIV вв.

Болгария в XIII—XIV вв. являлась централизованной монархией. В ряду правителей Второго Болгарского царства есть очень яркие фигуры. Конец анархии и периоду многочисленных дворцовых переворотов был положен царем Калояном (1197—1207). Ему удалось значительно расширить границы страны. Были освобождены от власти Византии черноморские города, ранее принадлежавшие Болгарии, присоединены области близ Видина, Белграда и Браничева, а также часть Македонии.

Стремясь восстановить в Болгарии патриархию и не получая на это согласия Константинополя, Калоян решил обратиться к папе, стремясь добиться желаемого путем заключения унии с католической церковью. В начале своего правления Калоян вступил в интенсивные переговоры с папой Иннокентием III. В 1204 г.

он получил от папского посланника в Тырново подтверждение титула «король Болгарии», Тырновский архиепископ же был признан болгарским «примасом». Была заключена и уния (1204), которая стала лишь кратковременным эпизодом в истории страны. Конец ей быстро положили нашествие крестоносцев IV крестового похода на Балканы, падение Константинополя под их ударами (1204) и последовавшая за этими событиями борьба Болгарии против рыцарей. Уже в 1205 г. болгары разгромили войска крестоносцев под Адрианополем. В плен был захвачен сам «латинский император» Балдуин Фландрский. В сложившихся условиях уния с католиками стала бессмысленной и фактически перестала существовать.

Могущественный Калоян был убит заговорщиками-боярами, которые возвели на престол его племянника Борила (1207–1218). Это был слабый по сравнению с Калояном правитель, терпевший поражение за поражением от внешних врагов. Правда, он прославил себя борьбой против так и не угомонившихся в стране богомилов. Именно этот царь созвал в 1211 г. в Тырново антибогомильский собор, о чем свидетельствует дошедший до нас источник — Синодик болгарской церкви. Борил, являвшийся, в сущности, узурпатором, был отстранен от власти в 1218 г., и престол перешел к законному наследнику — сыну царя Асеня I Ивану Асеню II.

Иван Асень II

В его лице Болгария получила блестящего правителя, которому многое удалось сделать для приведения в порядок государственных дел. При нем стихли внутренние междоусобицы и укрепилась центральная власть, далеко раздвинулись государственные границы. Воинственный и могущественный болгарский владыка остался в памяти современников и как гуманный правитель, который, одерживая военные победы, отпускал захваченных пленных по домам. Добрую память по себе болгарский царь оставил не только в своей стране, но и у соседей.

Вскоре после своего вступления на престол Иван Асень II вернул Болгарии области близ Белграда и Браничево (1221), ранее захваченные венграми, и добился этого мирным путем, женившись на дочери венгерского короля. В 1225 г. болгарский царь выдал одну их своих дочерей замуж за брата могущественного правителя Эпирского царства. В эту же пору Иван Асень II получает заманчивое предложение от самих латинян, властвующих в Константинополе, заключить мирный договор с Латинской империей и скрепить его браком императора Балдуина II с дочерью

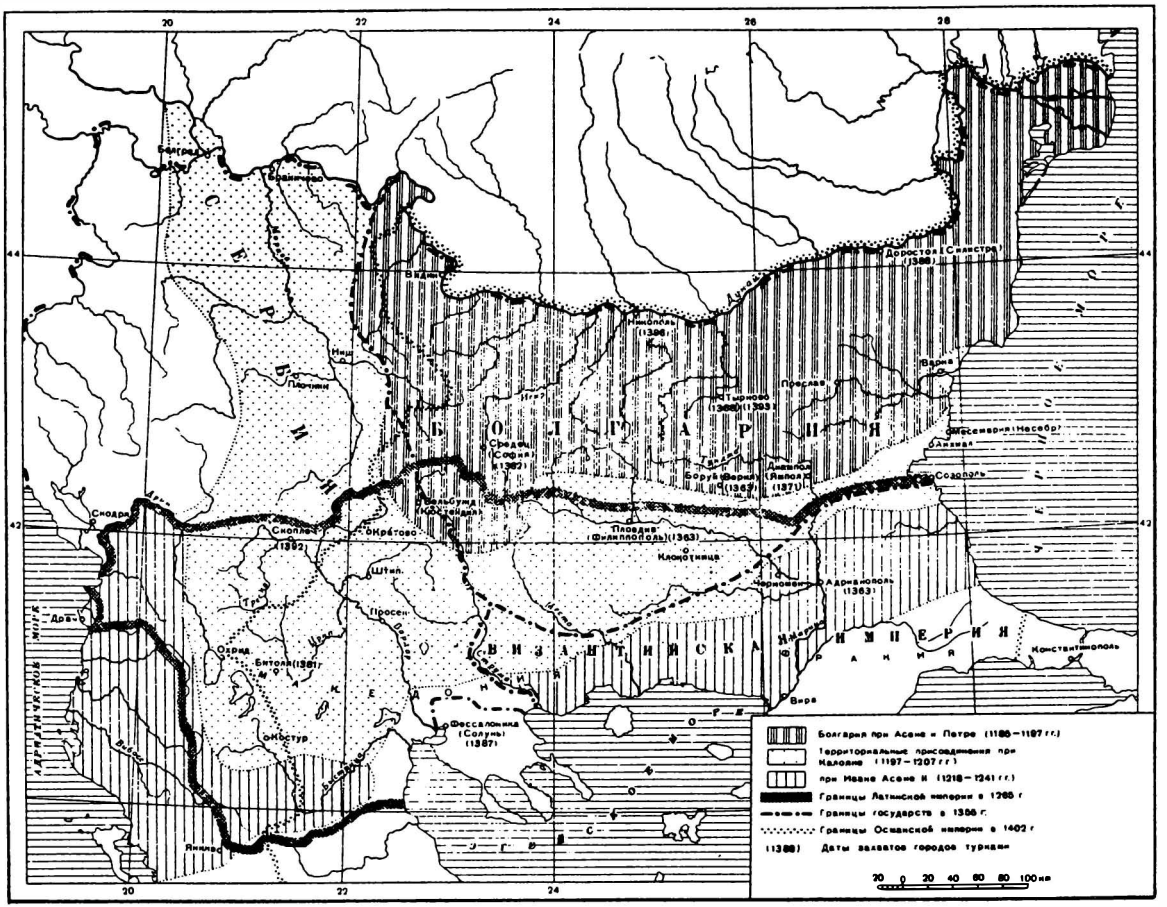
болгарского царя. Обзаведясь таким образом могущественными союзниками, Иван Асень II сумел в конце 20-х гг. XIII в. вернуть Болгарии часть Фракии с Филиппополем (Пловдив). И тогда недавний союзник болгарского царя и его близкий родственник эпирский правитель Феодор Комнин весной 1230 г. двинул против Болгарии войска. До этого почти десять лет, благодаря дипломатическому искусству своего царя, страна жила в мире. Военное столкновение с эпирцами произошло близ Филиппополя, в селе Клокотница. Разгром войск Комнина и пленение его самого открыли путь победному маршу болгар. Они овладели Западной Фракией, всей Македонией, частью Адриатического побережья, частью Фессалии и Албанией. Одержавший столь впечатляющие победы болгарский царь посчитал необходимым изменить свою титулатуру и отныне стал именовать себя «царем болгар и греков».

Постоянной была забота этого без преувеличения великого болгарского правителя о восстановлении болгарской патриархии. И снова дипломатические, прежде всего, успехи помогли этой акции. В 1235 г. состоялось обручение дочери Ивана Асеня II с наследником престола Никейской империи. На состоявшемся в том же году в Лампсаке церковном соборе была провозглашена болгарская патриархия. Первым патриархом Второго Болгарского царства стал архиепископ Тырнова Иоаким. Вскоре никейский император Иоанн III Ватац и болгарский царь стали союзниками в борьбе против латинян. Однако болгарский царь внезапно расторг союз с Никейской империей и, более того, заключил союз с латинянами, владевшими тогда Константинополем (1237). Видимо, слишком велико было его желание занять прославленный город. Однако когда союзники двинулись против Никеи, царь получил известие, что в Тырнове от чумы скончались его жена, сын и патриарх Болгарии Иоаким I. Иван Асень вернулся в Болгарию, разорвав союз с латинянами. В 1241 г. он умер. О нем одинаково хорошо и с почтением отзывались не только соотечественники, но и бывшие враги.

После Ивана Асеня II в Болгарии не было столь блистательных правителей. Под управлением многих ничем себя особенно не прославивших царей Болгария больше теряла, нежели приобретала.

Иван Александр

В достаточно длинной череде болгарских царей заслуживает быть отмеченным царь Иван Александр (1331–1371), который достаточно успешно справился с трудными проблемами, стоявшими перед Болгарией. Действовал он зачастую путем дипломатии.



Второе Болгарское царство

Так, он заключил мирный договор с Византией, скрепленный династическим браком. Были восстановлены добрососедские отношения между Болгарией и Сербией. Сестра Ивана Александра Елена вышла замуж за могущественного сербского правителя Стефана Душана. Почти десять лет Болгария жила в мире и спокойствии, а царь, подобно Симеону, развернул в это время культурную деятельность, покровительствуя наукам и искусству. Об этой его просветительской миссии болгарский народ не забыл и отозвался на нее торжественными похвалами, запечатленными в письменных памятниках.

В 1344 г. Ивану Александру удалось вернуть ранее захваченные Византией девять болгарских городов, включая Филиппополь (Пловдив). В начале 50-х гг. XIV в. был заключен договор Болгарии с Венецией. Но 50—60-е гг. не были для Болгарии успешными. Государство уже перестало представлять собой единое целое. Между нижним течением Дуная и Черным морем власть принадлежала деспоту Балику. Наследовал ему Добротица, чьим именем была названа эта область (Добруджа). В середине XIV в. Иван Александр разделил государство на два удела: Тырновское царство во главе со своим сыном и соправителем Иваном Шишманом и Видинское, которое он отдал другому своему сыну, Ивану Срацимиру.

Османское завоевание

Но главная трагедия была впереди. В XIV в. у Болгарии появился грозный и опасный сосед — османские турки, захватившие византийские владения в Малой Азии. Уже в 20-е гг. XIV в. они стали совершать свои опустошительные набеги на Балканский полуостров, а в 1352 г. овладели первой крепостью на Балканах — Цимпе. Османам противостояли лишь разрозненные силы соперничавших между собой балканских христианских правителей. Попытки образовать союз для совместной борьбы против турок не увенчались успехом. В начале 60-х гг. османы овладели почти всей Восточной Фракией с городом Одрин (Адрианополь). После смерти Ивана Александра (1371), которому удавалось поддерживать мирные отношения с турками, началось завоевание ими Второго Болгарского царства.

В 1371 г. на р. Марице при Черномене турки нанесли поражение войскам двух македонских правителей, братьев Вукашина и Углеши. Путь в Македонию, Сербию и западные болгарские земли оказался открытым. Иван Шишман вынужден был признать себя вассалом султана Мурада и даже отдать свою сестру Тамару в султанский гарем. В это же время под власть турок попали болгарские земли к югу от Балканских гор. Началось

османское наступление на другие болгарские области. В 1385 г. пал Средец (София). Султан Мурад решил вначале разделаться с Сербией, но в битве с сербами на Косовом поле он погиб (1389). Натиск на Болгарию продолжил султан Баязид. Летом 1393 г., осажденная турками, пала столица Болгарии Тырново. Последний патриарх средневековой Болгарии Евфимий Тырновский был отправлен в ссылку. Болгарский царь Иван Шишман находился в это время в г. Никополе, где его схватили и обезглавили (1395). В это же время оказалась под властью турок и Добруджа. В 1396 г. пало Видинское царство, и Болгария перестала существовать как самостоятельное государство на долгие пять веков.

Развитие культуры

Культурную жизнь Болгарии XIII–XIV вв. аккумулировала ее столица Тырново. Этот город стал колыбелью удивительного феномена — Тырновской книжной школы, возглавил которую болгарский патриарх Евфимий.

Евфимий (род. ок. 1320) был выходцем из болгарской столичной знати. Он получил великолепное образование на родине и в Византии — в Константинополе и на Афоне, а в 1375 г. стал Тырновским патриархом. Будучи активным приверженцем религиозно-философского учения исихастов, Евфимий основал вблизи Тырнова монастырь св. Троицы, ставший крупнейшим культурным центром. Здесь велась активная переписка книг (Евфимий стремился придать церковной жизни в Болгарии изначальную чистоту, исправив богослужебные тексты по их греческим оригиналам и приблизив нормы литературного языка к классическим кирилло-мефодиевским образцам), был составлен цикл агиографических произведений, посвященных почитаемым в Болгарии святым. Сам Евфимий принял в переработке богослужебной и агиографической литературы активнейшее участие, составив на основе старых текстов обновленные жизнеописания и похвалы святым болгарской церкви, раскрыв в них аскетические идеалы исихазма и придав изложению возвышенные и патетические черты посредством особого стиля, который современники назвали «плетением словес». Так, житие Иоанна Рильского в переработке Евфимия насыщено новыми чертами: подчеркивается мощь и значение болгарских городов Средца и Тырнова, в уста болгарского аскета вкладываются актуальные и для X и для XIV в. поучения болгарскому царю Петру: «Богатство... следует тратить не на удовольствия, но на оружие и войско»; «Валяйся в ногах у твоей матери, церкви!.. Склоняй голову перед ее первопрестольником!»

В житии болгарского подвижника XII в. Иллариона, рукоположенного византийским архиепископом Евстафием Охридским в епископы г. Меглена, Евфимий обращается к теме антиеретической борьбы. Основные факты, сообщаемые им о деятельности Иллариона, достоверны и восходят к более древнему житию. Однако развернутое описание диспута мегленского епископа с манихеями и армянами-монофизитами опирается в основном на антиеретический трактат византийского богослова начала XII в. Евфимия Зигавина «Догматическое всеоружие» и едва ли может считаться изложением реальных споров. Завершает житие сюжет о перенесении царем Калояном мощей Иллариона в Тырнове после одержанной победы над византийцами.

Перу Евфимия принадлежит жизнеописание популярной в Болгарии Параскевы (Петки), которая считалась Небесной заступницей болгарского царства и его столицы. Ее мощи с XIII в. также хранились в Тырнове. В житие включен подробный рассказ о перенесении мощей святой, восходящий к более раннему житию Петки, но расширенный и дополненный Евфимием. Он сообщает, что мощи св. Параскевы в болгарскую столицу сопровождал преславский митрополит Марко, а встречали Иван Асень II с царицей Анной и вельможами, а также болгарский патриарх Василий с церковным причтом и бесчисленными толпами народа. Особенностью сочинений Евфимия является великолепный стиль. Вот его обращение к св. Параскеве: «Ты — болгарская красота, заступница и хранительница! Тобой величают себя наши цари! Твоим заступничеством все воюющие против нас останавливаются! Тобою земля наша утверждается и одерживает светлую победу!».

Сочинения ученика Евфимия Григория Цамблака (род. в 60-е гг. XIV в. — ум. после 1419 г.) идейно и по стилю выдержаны в традициях Тырновской школы. Помимо характерных риторических оборотов и следования византийским агиографическим канонам их отличает обилие конкретно-исторических сведений, что делает сочинения Цамблака важнейшим источником по болгарской истории конца XIV в. Григорий продолжил написанное Евфимием житие св. Петки ярким и насыщенным историческими подробностями рассказом о перенесении ее мощей из Тырнова в Видин, а затем в Сербию в конце XIV в. Самое важное среди его сочинений Похвальное слово Евфимию Тырновскому — произведение ярко выраженной болгарской тематики, посвященное жизни и деяниям последнего Тырновского патриарха. Писатель подробно останавливается на просветительской деятельности Евфимия, школа которого в монастыре св. Троицы близ Тырнова «привлекала множество людей не только болгарского рода... но и от всех стран — на север до Океана и на запад до Иллирика...»

Большое внимание уделяется антиеретической борьбе Евфимия, причем подробно описываются еретические движения, часто возникавшие среди жителей болгарской столицы в тревожной обстановке надвигающегося османского нашествия. В отношении Цамблака к Византии просматривается некая двойственность, объясняемая перипетиями церковно-политической борьбы в православном мире конца XIV в. Упрекая за «ненасытное златолюбие» императора Иоанна V Палеолога, Цамблак противопоставляет ему «константинопольских любомудрых мужей» — высшее столичное духовенство. Труд Цамблака — произведение яростной и непримиримой антиосманской направленности. К числу наиболее ярких его страниц принадлежит рассказ об осаде и взятии Тырнова турками, о героическом поведении Евфимия перед иноземными поработителями и его изгнании из столицы. «Есть ли что-либо горше изгнания и разлуки с родными, когда воспоминания об отечестве и близких жалом пронзают сердце!» — искренне восклицает автор, сам испытавший горечь разлуки с родиной.

Цамблаку пришлось жить и работать в Валахии и Молдавии, в Сербии и на Руси, но болгарские сюжеты появляются и в его произведениях, посвященных другим странам. Так, в житии сербского короля Стефана Дечанского Григорий осуждает былые раздоры между болгарами и сербами, а в надгробном слове московскому митрополиту Киприану описывает болгарскую столицу времен своего детства, когда знаменитый подвижник проезжал через нее по пути в Константинополь.

Григорий Цамблак — историк последних драматических десятилетий существования Второго Болгарского царства. В основе его произведений лежат не только собственные впечатления, но и рассказы очевидцев. Он сообщает читателю, что пользовался свидетельствами монахов Студийского монастыря в Константинополе, Афонской лавры св. Афанасия и других святогорских обителей. Автор весьма ответственно относится к своей работе, напоминая, а иногда клятвенно заверяя, что все сообщаемое им достоверно и истинно.

Гибель Второго Болгарского царства стала трагедией не только болгарского народа, но и всего славянского мира.

БОЛГАРСКИЙ НАРОД ПОД ВЛАСТЬЮ ОСМАНСКОЙ ИМПЕРИИ (XV–XVII вв.)

Последствия османского завоевания

Падение болгарских столиц Тырнова (1393) и Видина (1396), пленение последних представителей династии Асеней Ивана

Шишмана и Ивана Срацимира означали гибель средневекового болгарского государства. Однако османский султан Баязид (1389–1402) напрасно праздновал победу. Пока прозванный современниками Молниеносным турецкий государь успешно воевал в Европе, с востока на его владения напали войска среднеазиатского эмира Тимура, нанеся османам в 1402 г. сокрушительное поражение под Анкарой. Баязид был взят в плен и казнен. Турецкие владения стали ареной междоусобной борьбы его сыновей. Смутой в османском государстве попытались воспользоваться сыновья двух последних болгарских царей Константин и Фружин, которые выступили против турок в союзе с сербским деспотом Стефаном Лазаревичем, валашским господарем Мирчей и правителем Боснии. С прекращением междоусобиц в начале 20-х гг. XV в. власть турок над болгарскими землями была восстановлена. Последней попыткой болгар вернуть себе независимость стало их участие в крестовых походах против османов, организованных Венгрией в 1443 и 1444 гг. Разгром последнего из них под Варной (1444) и гибель короля Польши и Венгрии Владислава IV положили конец и этим последним усилиям. Османское завоевание Болгарии, длившееся восемь десятилетий, завершилось.

Последствия многолетних опустошительных походов и войн для болгарского народа были крайне тяжелыми. Погибли сотни тысяч людей, запустели многие плодородные земли, до основания оказались разрушены крупнейшие города. В боях с османами была либо физически уничтожена, либо обращена в ислам большая часть болгарской знати. Из многих городов, особенно на северо-востоке страны, жители или были выселены, или бежали в горы, основав там новые поселения (Габрово). При этом вряд ли есть особые основания говорить о демографическом коллапсе болгарских земель — уже с 20–30-х гг. XV в. начинается интенсивное восстановление экономической и социальной жизни и в городах, и в селах, о чем недвусмысленно свидетельствуют ранние османские регистры — описи городских и сельских хозяйств болгар. Немногие сохранившиеся болгарские источники этого времени говорят о достаточно быстрой адаптации болгар к изменившимся политическим условиям и признании ими власти османских султанов в качестве преемников местных государей. Таким образом, в эпоху османского завоевания болгарский народ проявил и свой потенциал сопротивления захватчикам, и способность выживать в новой обстановке.

Этнополитический механизм османского господства

Отечественная и болгарская историография, во многом следуя традициям православной агиографии и балканского

национального романтизма, нередко рисовала не совсем адекватную картину этнополитической ситуации на Балканах, в частности, приписывая османам мощные ассимиляторские и исламизаторские тенденции. Между тем османы изначально ставили своей целью создание в Европейской Турции такого порядка, который бы обеспечивал господство мусульманского меньшинства, открытого для местной элиты, над большинством христианского населения. При этом, особенно в XV в., турки, действительно, переселяли болгарское население в обезлюдевшую Анатолию, а в болгарские земли прибывали мусульмане (чаще всего татары и исламизированные малоазиатские греки). Однако при устройстве этнополитического механизма европейских владений созданной в результате завоевания Балкан Османской империи были восприняты многие черты административного и фискального устройства доосманской эпохи. Завоеванные болгарские территории составили Румелийское бейлербейство, образованное при Мураде I (1362–1389) и разделенное при Мехмеде II (1451–1481) на восемь санджаков разной величины. В каждый из них были включены земли, завоеванные в результате одного из балканских походов османов, и поэтому очертания большинства из них воспроизводили границы существовавших на Балканах до прихода турок феодальных уделов. Так, крупнейшие в болгарских землях Никопольский, Видинский и Силистринский санджаки в XV в. соответствовали территориям бывших Тырновского, Видинского царств и Добруджанского деспотства. Отсюда следовало и частичное сохранение существовавшей в XIV в. административной и хозяйственной структуры. Имеются прямые свидетельства преемственности городской жизни — сложившиеся до османов городские территориальные общины-приходы во главе со священниками сохранялись в XV–XVI вв. как махаллы — конфессиональные и социальные общности, на которые делился османский город. От болгарской феодальной практики сохранялись, часто под прежними названиями, старые налоги, повинности и рыночные пошлины.

Правовое положение болгар в Османской империи определялось мусульманским частным правом — шариатом. Все христианское население, составлявшее часть немусульманских подданных султана — райи (букв. «стадо, пасомые»), входило в так называемый «рум миллет» — общность православных народов (болгар, сербов и греков), главой и представителем которых перед султаном являлся вселенский патриарх в Константинополе (Стамбул). Болгарская патриархия с центром в Тырнове была ликвидирована османами еще в конце XIV в., а ее епархии переподчинены Константинополю. До 1767 г. сохраняла свои полномочия над некоторыми болгарскими диоцезами Охридская архиепископия.

Османские власти признавали за епископами право представлять перед ними православное население своих епархий, но возлагали на них ответственность за поведение паствы. Известны случаи, когда местные епископы подвергались жестоким репрессиям за неповиновение населения их епархий туркам. Так, в 1598 г. был зверски убит османами Охридский архиепископ Варлаам, а в 1670 г. предан мучительной казни смолянский епископ Виссарион.

Помимо использования в интересах управления болгарскими землями епархиальной и приходской систем конфессиональной организации есть основания говорить о сохранении с доосманских времен сельских общин, поставленных под контроль турецкой администрации. Главы болгарских сельских общин (кметы, кехаи, чорбаджии, кнезы) участвовали в сборе налогов и решали отдельные судебно-правовые вопросы в рамках своих общин. Особенно усилилась их роль в социальной жизни в XVII в.

Османская власть не обладала разветвленным провинциальным аппаратом, и даже сбор налогов осуществлялся разными способами и с помощью разных должностных лиц и откупщиков (в XVI–XVII вв. ими нередко становились болгары, обращенные в ислам, а позднее христиане). Центральными фигурами османской провинциальной администрации были судьи (кади), резиденции которых располагались в городах. В их компетенцию входила и городская округа, составлявшая каазу или кадилук. Кади рассматривали судебные дела (в том числе и касающиеся христиан), контролировали местный военный и фискальный аппарат, издавали распоряжения, основанные на актах центральной власти, и надзирали за исполнением последних на месте. Провинциальный аппарат был укреплен в конце XVII в. институтом аянов — представителей местной османской верхушки, которые набирали собственные вооруженные отряды и «явочным порядком» утверждали свою власть над окрестным болгарским населением, творя грабежи и насилия.

Характерной чертой османского государства была дискриминация христиан. Они платили особый налог за пользование землей, подушную подать — джизье — для мужчин-христиан в возрасте от 17 до 75 лет. Им были запрещены ношение оружия, верховая езда, одежда синего и зеленого цветов и т.д. Наиболее тяжелым и оскорбительным для христиан был так называемый «девширме» — налог кровью, — существовавшая с XV по начало XVIII в. практика насильственного изъятия из тех семей, где было несколько сыновей, мальчиков для помещения в специальные военные школы в Стамбуле (Константинополь), Измире (Смирна) и Эдирне (Адрианополь), где их готовили для службы при дворе и в элитном султанском войске янычаров. Особые тяготы

болгарам приносило юридическое неполноправие с мусульманами — показания трех «неверных» могли быть опровергнуты одним мусульманином.

Серьезные преимущества мусульман перед христианами способствовали переходу части болгарского населения в ислам. Еще во второй половине XIV — первой половине XV в. добровольно приняли ислам многие представители болгарской знати, а в последующие века этот процесс продолжался, хотя и не столь интенсивно, но в более широких социальных рамках. Однако массовой исламизация болгарского населения не стала ни в ее добровольном варианте, ни вследствие насильственных действий, предпринимаемых османами в XVII в. в некоторых наиболее нестабильных районах страны — в Северо-Восточной Болгарии, в Родопах, в окрестностях Пловдива. Не исключено, впрочем, что и в указанных районах, где в доосманское время население веками сопротивлялось официальному православию, принятие ислама проходило не в столь жестоких и насильственных формах, какими под влиянием романтической историографии и политической конъюнктуры его рисовала недавняя болгарская историческая литература.

Социально-экономическое положение болгарских земель в XV–XVI вв.

Наиболее значительные изменения в социально-экономическом положении болгарских земель после турецкого завоевания связаны со становлением на Балканах системы землевладения, в корне отличной от доосманской. Все завоеванные турками болгарские земли первоначально подчинялись казне и приобретали статус государственной (мирийской) собственности. Во время ранних османских завоеваний некоторые земли давались наиболее заслуженным военачальникам в полную собственность (мюльк). Султану в качестве апанажа (хасс) выделялись наиболее обширные и богатые владения. Часть земель их пользователям разрешалось превращать в вакуфы — владения, передаваемые в вечное пользование мусульманским религиозным организациям и их институтам — школам (медресе), странноприимным домам и прочим благотворительным учреждениям. Большая часть завоеванных земель делилась на участки-тимары и раздавалась бойцам османского войска («людям меча») и чиновникам («людям пера»). Тимарная система — стержень османского землевладения — полностью сложилась к концу XV в. Тимары подразделялись не по площади обрабатываемой земли, а по приблизительно оцениваемому годовому доходу от владения, которым мог быть

не только земельный участок, но и мельница, рыбная ловля, сбор с какой-либо деятельности и пр. Этот доход должен был обеспечивать прокорм и снаряжение воина и его вооруженной прислуги и в XV—XVI вв. составлял от одной до пяти тысяч акче (серебряных монет). Тимар не мог быть продан, отменен или отчужден иным способом, его нельзя было также передать по наследству. Скорее всего, в первые века османского господства обладание тимаром не означало постоянного проживания в нем владельца (спахии) и сводилось к получению им из казны определенной суммы денег.

Такое положение значительно сужало сферу личных контактов крестьянина с держателем тимара — главный источник конфликтов в средневековом обществе — и было в известной мере выгодным для болгарских селян. Крестьянин по османскому праву являлся наследственным держателем земельного участка, он мог с согласия епархии и местных властей продать его или передать родственникам, ему лично принадлежали дом, постройки, скот и орудия труда. Хозяйство (хане) облагалось многочисленными податями, но большинство их носило традиционный характер. Это были десятина (ушур), взимаемая в пользу держателя тимара со всего урожая и приплода, налог на государственные нужды (авариз). К ним добавлялась и уже упоминавшаяся подушная подать — джизье. Выполняло население и разного рода трудовые повинности — извоз, строительство и ремонт крепостных стен и дорог и пр.

Часть крестьян имела особые обязанности по отношению к османскому государству. Это были служба во вспомогательных войсках (войнуклук), охрана дорог и горных проходов (дервентджийство), заготовка угля (кюмурджийство), выращивание соколов для султанской охоты (доганджийство) и пр. Хотя для некоторых категорий этого населения и существовали определенные привилегии — например, войнуки и доганджии получали в наследственное пользование наделы, свободные от обычных налогов и повинностей, — в целом выполнение особых обязанностей ложилось тяжким бременем на болгарское население.

Болгары, составлявшие большинство населения городов, частично несли те же повинности, что и селяне, так как занимались по преимуществу сельскохозяйственным производством. Ремесло и торговля строго регламентировались османским законодательством. С XVI в. начинается практика объединения ремесленников и торговцев в корпорации — эснафы, организованные также по конфессиональному признаку. Члены эснафа составляли самоуправляющуюся общину с характерной для средневековой цеховой организации иерархией: мастер (майстор), подмастерье (калфа) и работник (чирак). Они имели общее имущество —

казну, склады, лавки, мастерские и пр. Власти строго регламентировали объем производства, качество производимого товара и цены на них.

В целом города, в особенности в XV в., испытывали определенный хозяйственный подъем, прежде всего связанный со стабилизацией положения в балканских владениях османского государства, ставших глубоким тылом для османских завоевателей, далеко продвинувшихся в Центральную Европу. Оживилась дунайская и черноморская торговля, восстановились внутренние и внешние связи, активизировалось ремесленное производство, в особенности те его отрасли, которые были связаны со снаряжением и снабжением османского войска. Особый подъем испытало горнорудное дело на западе и юге Болгарии.

Таким образом, в первые века османского владычества болгарские земли не только восстановили свой хозяйственный потенциал после опустошительного нашествия, но и значительно нарастили его. Возникли и развились новые городские центры (Габрово, Пазарджик, Карлово и др.), изменили свой облик лишившиеся крепостных стен и сконцентрировавшие вокруг рынка конфессионально обособленные кварталы — махаллы — старые города (Тырново, София, Пловдив), а также дунайские порты, связанные с торговлей по реке и с задунайскими землями — Трансильванией и Валахией. Болгарская аграрная провинция, в особенности плодородные придунайские и подбалканские земли, стала надежным источником сельскохозяйственной продукции для огромных по численности османских войск, масс оседавших в городах деклассированных мусульман и вечно испытывающей недостаток продовольствия османской столицы Стамбула, где к концу XVI в. проживало не менее полумиллиона человек. Не будет преувеличением сказать, что именно болгарские земли в первые века османского владычества были основным источником финансовых и материальных ресурсов для продолжавшейся османской экспансии в Центральную и Восточную Европу.

Кризис османского государства и болгарские земли в XVII в.

Однако уже в конце XVI — начале XVII в. потенциал казавшегося всесильным османского государства начал иссякать. Первым проявлением начавшегося упадка стало сокрушительное поражение турецкого флота в битве с объединенными морскими силами христианских государств (Венеции, папства, Испании, Генуи, Савойи, Мальтийского ордена и др.) при Лепанто в 1571 г. Хотя вплоть до 80-х гг. XVII в. военные действия османов в Центральной

и Юго-Восточной Европе развивались в целом успешно, суть их состояла уже не в расширении границ империи, а в противостоянии Габсбургской монархии, Речи Посполитой, а с 70-х гг. XVI в. — России. В 1683 г. османы были наголову разбиты под столицей Габсбургов Веной войсками польского короля Яна Собеского, а в 1684–1698 гг. Порта проиграла войну Священной Лиге (монархия Габсбургов, Польша, Венеция, Россия). Заключенные в 1699 г. в Карловцах (Славония) мирные договоры Турции с державами Лиги положили конец многовековой экспансии османов в Европу.

Внешнеполитические неудачи Османской империи были непосредственно связаны со сложившимися в течение XVII в. кризисными явлениями в экономике и политике. Во-первых, перестала нормально функционировать тимарная система землевладения. Несмотря на попытки государства увеличить число спахий-тимариотов за счет массовой раздачи новых наделов в Румелии, положение держателей тимаров заметно ухудшилось. Средний доход спахийского тимара в XVII в. не превышал 3 тыс. акче, чего в условиях «революции цен» уже не хватало для снаряжения воина и вооруженных слуг. Наряду с сокращением общего фонда земель, раздаваемых спахиям, тимариотское землевладение испытывало натиск со стороны османского чиновничества и мусульманского духовенства, которые в это время активно расширяли свои земли при содействии государства. Часть земельных наделов превращалась в фактически наследственные владения — чифтлики, — обрабатываемые крестьянами-издольщиками.

Второй причиной кризиса османского государства, имевшей особое значение для болгарских земель, стал упадок провинциального управления. Его функции все более переходили к местной феодальной верхушке — аянам, а сбор налогов сосредоточивался в руках откупщиков, с конца XVII в. приобретавших пожизненные права на фискальную деятельность взамен регулярных взносов в казну. Упадок провинциальной администрации способствовал произволу чиновничества и аянов, бандитизму обнищавшего спахийства и деклассированных мусульман, во все больших масштабах выталкиваемых переживавшим кризис османским государством на балканскую периферию своих владений.

Кризисные явления XVII в. тяжело сказались на развитии болгарской деревни. Увеличились в денежном выражении государственные налоги, прежде всего — джизье, была введена система принудительных закупок сельскохозяйственной продукции у крестьян по низким ценам. Тимариоты-спахии, чифтликчии-аяны и откупщики стремились увеличить доходы, взимая в свою пользу государственные налоги, что не освобождало крестьян от обязательств по отношению к власти.

В болгарских городах до конца XVII в. еще продолжался подъем ремесленного производства и торговли, начавшийся в предыдущем столетии. София, Пловдив, Видин, Силистра, Русе, Варна, Шумен, Сливен были крупнейшими центрами Европейской Турции; в Чипровцах, Самокове, Чирпане процветали горнорудное дело и металлургия. В городах росла доля болгарского населения. Однако в конце XVII в. кризис коснулся и городской жизни. Политическая нестабильность в стране и начало активного проникновения на османские рынки европейских товаров как следствие включения в мирные договоры христианских государств с Османской империей так называемых «капитуляций» — прав на торговые привилегии для европейских купцов — создавали в целом неблагоприятные условия для развития болгарских городов. Однако процесс накопления болгарским зажиточным населением денежных и материальных ценностей не прекращался и в это время. Наряду с многочисленными ярмарками в болгарских землях местные купцы участвовали в международной торговле, прочно удерживая авторитет в снабжении Стамбула и городов Румелии продовольствием и вывозя сельскохозяйственную продукцию (кожи, шерсть, воск, зерно) в Центральную и Восточную Европу.

Борьба болгар против османской власти в XV–XVII вв.

Сопротивление османскому владычеству составляет важнейшую тенденцию истории болгарского народа в позднем Средневековье. На протяжении веков изменялись его формы, социальное содержание и активность, но именно борьба против османов сформировала специфические черты складывавшейся болгарской нации и ее самосознания.

В первые десятилетия османского владычества наиболее заметной формой противостояния были вооруженные выступления болгар под руководством последних представителей высшей болгарской знати. В 1408–1422 гг. ряд вооруженных попыток восстановить суверенитет болгарских земель предприняли Константин и Фружин — сыновья последних правивших в Болгарии представителей династии Асеней Ивана Срацимира и Ивана Шишмана. В 1443–1444 гг. болгары приняли весьма активное участие в крестовых походах против османов, организованных Венгрией. К этому же времени относятся и первые сведения о распространении в болгарских землях гайдучества — действий вооруженных отрядов из местного населения, нападавших на османских чиновников, сборщиков податей, торговцев и пр., а иногда и на крупные населенные пункты. Так, одно из первых болгарских сведений о гайдуках

гласит, что в 1454 г. «царь Мехмед пленил в Софии болгарского воеводу Радича». Особенно активным было гайдуцкое движение в гористых и покрытых лесом районах Западной Болгарии, а наибольшие масштабы оно приняло в конце XVI в., с началом военных неудач Османской империи и нарастанием кризисных тенденций в системе управления болгарскими землями.

С этого же времени берет начало новая форма антиосманской борьбы болгар — массовые восстания в поддержку антитурецких войн европейских держав. Первым из них стало восстание 1598 г. в древней болгарской столице Тырнове. Его подготовила группа болгарских «первенцев» во главе с никопольским торговцем Тодором Балиной и тырновским митрополитом Дионисием, происходившим из знатного греческого рода Ралли. Болгарские заговорщики действовали в тесном контакте с дубровницкими торговцами Павлом Джорджичем и братьями Соркочевичами, которые связали их с австрийским императором Рудольфом II Габсбургом и государем Валахии, Трансильвании и Молдовы Михаем Храбрым. Подготовка восстания завершилась к 1598 г., когда со вступлением войск Михая в османские владения тырновцы восстали и провозгласили царем Шишмана, якобы являвшегося потомком Асеней. Однако восстание было подавлено османами, и его руководители и участники вынуждены были бежать за Дунай. Важнейшим результатом восстания явилось то, что оно вновь обратило внимание Европы на болгар — народ, который до того воспринимался не только европейцами, но и османами как безликая часть христианского населения империи.

В XVII в. вероятного союзника в лице болгар активно ищет папский престол — один из основных центров организации антиосманских действий европейских держав. Иерархия образованных в болгарских землях епархий католической церкви занималась подготовкой новых выступлений и обеспечением их международной поддержкой. Новые восстания вспыхнули в конце столетия в обстановке решающей схватки между европейскими государствами и Османской империей за ее владения в Центральной Европе. В 1688 г. ареной болгарского восстания стала Северо-Западная Болгария, а центром — горнорудный центр Чипровцы. Вооруженные отряды чипровских болгар, значительная часть которых исповедовала католичество, во главе с Георгием Пеячевичем и Богданом Мариновым выступили в поддержку австрийских войск, в очередной раз вторгшихся в османские владения. Восстание в Чипровцах было подавлено османами совместно с восставшим против Габсбургов венгерским феодалом Имре Текели. Значительная часть местного болгарского населения эмигрировала в монархию Габсбургов. Отдельные отряды повстанцев

продолжали борьбу до 1689 г. Вместе с чипровскими болгарами против турок сражались крестьяне Македонии во главе с гайдуком Карпошем и гайдуцкие отряды из Южной Болгарии, предводительствуемые воеводой Страхилом.

Наряду с вооруженной борьбой решающую роль в формировании болгарской нации и сохранении самобытности болгар играло их пассивное сопротивление османам, очагами которого были семья, сельская и городская общины, церковный приход и монастырь. Сопротивление болгарской семьи культурному и демографическому натиску османов способствовало сохранению «чистоты крови», христианской веры, языка и самобытности болгар. Богатый фольклор болгарского народа, корни которого восходят к XV–XVII вв., сохранил массу примеров верности болгарских женщин домашнему очагу, стойкости в вере духовенства и мирян. В то же время вряд ли стоит принимать на веру сложившиеся в основном в XIX в. легенды о сопротивлении болгар якобы массовому насильственному обращению в ислам или считать показательными единичные случаи принудительной исламизации болгарских горожан, зафиксированные в житийной литературе.

Как вооруженная борьба болгар, так и их пассивное сопротивление османскому гнету сыграли свою роль в сохранении болгарской народности и способствовали постепенному превращению ее в нацию Нового времени.

Быт и культура болгар в XV–XVII вв.

Установление османской власти над болгарскими землями нанесло тяжелый удар средневековой культуре болгар. Уничтожение болгарского государства, ликвидация самостоятельности болгарской церкви, истребление, исламизация и деклассирование знати лишили культуру поддерживающих ее развитие институтов и деформировали ее социальный механизм. К этому добавился прямой натиск иноверного государства-угнетателя и его элиты на конфессиональные устои болгарской средневековой культуры. Непосредственные ограничения налагались на храмовое и монастырское строительство. Даже на ремонт и восстановление ранее существовавших церквей и монастырей требовалось особое распоряжение властей, вновь же возводимые храмы не могли иметь колоколен и куполов и не должны были заслонять мусульманам вид на мечеть с любого угла зрения. Церкви становились меньше размерами, иногда частично зарывались в землю, монастыри вытеснялись из городов и их округ и прятались в отдаленных местностях, горах и их предгорьях, в лесах. В XV–XVI вв. уже начинает ощущаться и культурное давление греческого

духовенства, представители которого преобладали в церковной иерархии болгарских земель.

В первые десятилетия османского господства ряд блестящих представителей болгарской культурной элиты покидают родные места и находят убежище в Сербии, Валахии, Великом княжестве Литовском и в Московской Руси. Наиболее видный последователь Евфимия Тырновского Григорий Цамблак внес большой вклад в развитие сербской, православно-славянской книжности. Одной их самых ярких фигур в культуре Сербии эпохи деспота Стефана Лазаревича стал болгарин Константин Костенецкий — автор уникального в средневековой православной южнославянской книжности ученого трактата «Разъясненное сказание о письменах» и пространного жития покровительствовавшего ему деспота Стефана. Крупнейшим очагом болгарской культуры в XV–XVII вв. оставался Рильский монастырь, где в середине XV в. трудился Владислав Грамматик — автор «Повести о перенесении мощей св. Иоанна Рильского из Тырнова в Рильскую обитель» и ряда рукописных сборников, в том числе Рильского панегирика, содержащего более ста произведений средневековых болгарских и византийских писателей.

Важнейшим центром болгарской культуры XV–XVII вв. являлась София. Здесь в первой половине — середине XVI столетия были созданы два пространных жития болгарских новомучеников — софийских ремесленников Николы и Георгия, отказавшихся от ислама и растерзанных мусульманскими фанатиками. Эти памятники, написанные местными священниками Матеем и Пейо, следуют средневековому канону и в то же время несут новое идейное содержание, утверждая верность православию как основу болгарского самосознания. Акцент в этих памятниках переносится с характерного для XIII–XIV вв. этноцентрического восприятия общественно-политической ситуации в общехристианский и общебалканский контексты. Уже в произведениях Владислава Грамматика в центре внимания находится не болгарский народ, а балканский православный мир, противостоящий как иноверным завоевателям, так и «латинству». Аналогичные тенденции воплощают произведения Димитрия Кантакузина — образованного и знатного грека, чья деятельность была связана с Болгарией, автора похвальных слов Димитрию Солунскому и Николаю Мирликийскому, жития и службы Иоанну Рильскому и других произведений. В окрестностях Софии располагались многочисленные монастыри — Драгалевский, Кремиковский, Лозенский, — где переписывались книги, создавались иконы и фрески и обучались грамоте юные болгары.

В XVII в. на развитие болгарской культуры все большее влияние оказывает современная ей русская книжность. Проникновение на Балканы русской старопечатной книги наряду с усилившимися церковными связями болгарского духовенства с Россией обеспечивали широкие и активные возможности культурного взаимодействия двух славянских народов. В это время в культурном сознании болгар возникают надежды на освобождение от османского гнета с помощью «Деда Ивана», в образе которого прочитываются представления о крепнувшем Российском государстве.

Особым явлением в духовной жизни болгар XVI–XVII вв. стало распространение в ограниченной несколькими католическими болгарскими общинами (Чипровцы, София, Никополь и др.) среде литературы, созданной получившими католическое образование болгарскими клириками. В 60–70-е гг. XVI в. в Венеции печатал книги на церковнославянском языке болгарин Яков Крайков. В середине XVII в. в Риме подобную деятельность развил никопольский епископ-католик Филипп Станиславов, издавший в 1651 г. «Абагар» — первое печатное сочинение, отражавшее нормы разговорного литературного языка XVII в. и представлявшее собой свиток из пяти листов с текстами молитв. Католический архиепископ Софии Петр Богдан Бакшев издал в Риме в 1637 и 1643 гг. две книги на так называемом «иллирском» языке — славянском наречии, использовавшемся католическим духовенством для проповеди в православных славянских землях. Петр Богдан Бакшев был автором первой «Истории Болгарии», написанной им по латыни в 40–60-е гг. XVII в. и частично дошедшей до наших дней.

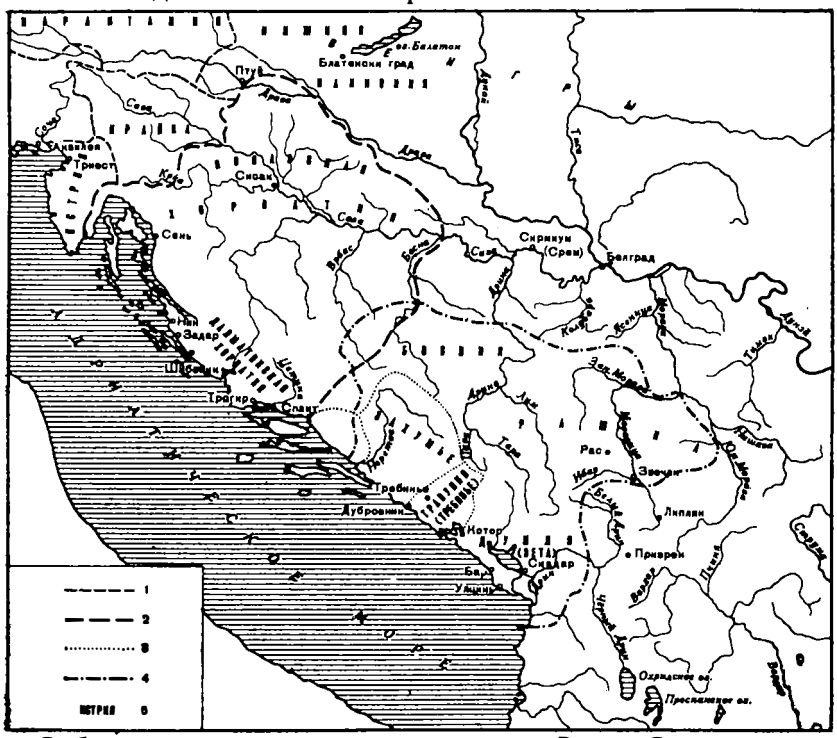
Однако католическая книжность осталась изолированным явлением в развитии болгарской культуры XVI–XVII вв. В целом же болгарская культура первых трех веков османского владычества в новой, крайне тяжелой и сложной исторической обстановке продолжала развивать традиции, созданные в средневековой Болгарии.

СЕРБСКИЕ ЗЕМЛИ
В СРЕДНИЕ ВЕКА И РАННЕЕ НОВОЕ ВРЕМЯ

СЕРБСКИЕ ЗЕМЛИ В VII – СЕРЕДИНЕ XIV в.

Складывание сербской государственности

Судя по сообщениям императора Константина Багрянородного (сер. X в.), сербы появились в VII в. на землях Балканского полуострова (континентальная часть), заняв территорию нынешней Сербии и Черногории (южная часть Далматинского побережья). Константин называет сербами также обитателей Неретвлянской области (Пагания), Требинья (Травуния) и Захумья (Хум) — территорий, впоследствии вошедших в состав Хорватии и Боснии. Упоминание



Сербские, хорватские, словенские земли в период Раннего Средневековья
1 — границы отдельных словенских земель; 2 — границы хорватского государства в X в.; 3 — границы отдельных сербских областей в X в.; 4 — границы Дуклянского королевства во второй половине XI в.; 5 — названия областей

об одном сербском племени встречается также в «Анналах королевства франков»: это племя примкнуло к восстанию Людевита Посавского в начале IX в.

Как проходил процесс христианизации сербов, судить трудно, ибо наш основной источник, Константин Багрянородный, почти не уделил этому вопросу внимания, отметив только, что крещение совершилось при императоре Ираклии (первая половина VII в.), а епископы и пресвитеры были приглашены из Рима. Несомненно, этот процесс был длительным. Во всяком случае последствия «великой схизмы» 1054 г. не ознаменовались тут столь драматичными событиями, как в других регионах Европы. Главным оплотом православия была Рашка, которая и стала в начале XIII в. центром образования независимого государства, объединившего все земли с сербским населением.

Следующий этап в истории Сербии, получивший весьма подробное освещение у Константина, охватывает период с середины IX по середину X в.

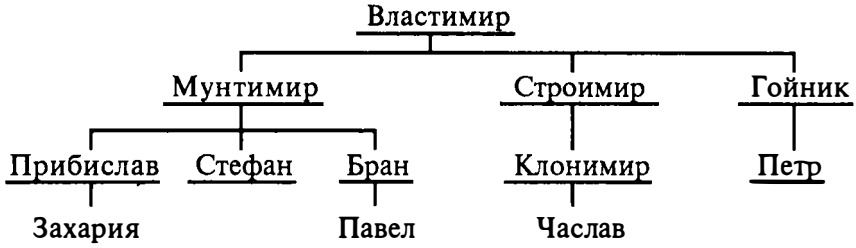
По-видимому, сербы приняли участие в том антивизантийском движении, которое завершилось в правление Василия I Македонянина установлением архонтов и передачей славянским правителям права на взимание пакта с далматинских городов: в частности, один сербский князь получил такое право якобы в отношении Раусия (Дубровник).

Основное внимание византийского автора занимали, однако, события, связанные с усилением Первого Болгарского царства, которое со времени Бориса I распространило свою власть на македонские земли, включенные впоследствии в состав Сербии.

К середине IX в. наметился острый конфликт между Византией и Болгарией. Борьба шла за гегемонию на Балканском полуострове, и особенно обострилось соперничество из-за континентальных сербских земель, так называемой Рашки.

Не случайно Константин Багрянородный в своем сочинении особое внимание уделил сербам (пять глав, из которых самая обширная отведена истории Рашки). В историографии высказывается мнение, что автор помимо прочих источников располагал некоей сербской летописью. Это и позволило ему написать главу, из которой вырисовывается генеалогическое древо первой известной в истории династии, правившей Рашкой на протяжении ста лет — с середины IX по середину X в. Это мнение не подтверждается убедительными аргументами, но описание политической ситуации, составленное в качестве руководства для престолонаследника, исключает подозрения в недостоверности фактических сведений (иное дело, что Константин проявил тенденциозность, стремясь преуменьшить болгарское и преувеличить византийское влияние на ход событий).

Вырисовывающаяся из сочинения генеалогическая таблица выглядит следующим образом:



Властимир условно считается основателем первой рашкской династии. Хотя Константин и называет имена его предшественников, но не сообщает о них конкретных сведений.

В правление Властимира и его троих сыновей, разделивших между собой страну (по словам Константина), сербы дважды отразили поход болгар (вначале — войск хана Пресиана, затем — Бориса). В результате последнего столкновения был заключен договор, условия которого подробно описаны Константином (за этим последовал неудачный болгарский поход в Хорватию). Однако между братьями началась борьба, и вышедший победителем Мунтимир отослал пленных братьев в Болгарию. Перед кончиной князь передал престол одному из своих сыновей — Прибиславу, но уже через год (в 893 или 894 г.) тот был свергнут двоюродным братом, явившимся из Хорватии.

Новый князь, Петр Гойникович, правил более двадцати лет. Он был современником болгарского царя Симеона, с которым некоторое время поддерживал мирные отношения и даже «покумился». Ему удалось отразить две попытки двоюродных братьев (Брана из Хорватии и Клонимира из Болгарии) завладеть престолом. Конец правления Петра связан со знаменательными событиями. Прежде всего, приблизительно в это время наступил кульминационный момент политического возвышения Болгарии — знаменитая битва при Ахелое (917). Этим воспользовался некий архонт Михаил — представитель знатного сербского рода (Константин Багрянородный называет его «патрикием» и наделяет еще одним из византийских титулов, весьма высоких). Правивший приморской областью Захумье, он «возревновал» к Петру и донес царю Симеону, будто рашкский князь вступил в контакт с Византией. Симеон предпринял поход, в результате которого Петр был захвачен в плен, где и скончался, а князем сделался его племянник Павел.

С этого времени наступил период смут, когда Византия и Болгария по очереди пытались утвердить на рашкском престоле своего ставленника. В конце концов на сцене появился Часлав Клонимирович. Сперва он выступал как болгарская креатура, однако после

кончины Симеона в 927 г. сумел достичь независимого положения и примерно четверть века правил сербскими и боснийскими землями. Константин Багрянородный отзывается о нем сдержанно, но не отрицательно и, подытоживая свое повествование о рашкских сербах, не упускает случая заявить, что они якобы никогда не зависели от болгарского архонта, но были «рабами императора ромеев».

С середины 960-х гг. наступает новый этап в истории сербских земель. После кончины Часлава его держава распалась, и входившие в ее состав территории оказались на несколько десятилетий под властью царя Самуила, который распространил свое владычество вплоть до Адриатического побережья. Именно поэтому некоторые историки для обозначения возникшего государства используют название Самуилова держава.

Самуил объединил под своей властью почти все земли, которыми владела Болгария при царе Симеоне (кроме Северной Фракии), а также Фессалию (на юге), Рашку и приморские сербские земли. Последние, однако, пользовались большой самостоятельностью.

После трагического исхода битвы при Беласице и кончины Самуила все его владения оказались в составе Византийской империи (1018). С той поры центр политической жизни сербских земель на время перемещается в приморские области, т.е. на территорию нынешней Черногории, носившей тогда название Дукля или Зета.

Уже в результате антивизантийского восстания под предводительством Петра Деляна (1040) дуклянский правитель получил возможность несколько эмансипироваться, а ко времени второго крупного восстания (1072 г. под предводительством Георгия Войтеха) дуклянский князь Михаил приобрел такой политический вес, что повстанцы просили его помощи, каковая и была оказана. Византийский историк, писавший об этих событиях, расценил их как попытку народа сербов покорить болгар. Основным очагом обоих восстаний стала македонская территория. Восстание 1072 г. потерпело поражение, но Михаилу удалось освободить из плена своего сына Константина Бодина, который со своим отрядом воевал на стороне восставших и даже был провозглашен их царем. После кончины отца Константин Бодин наследовал дуклянский престол.

В 1077 г. князь Михаил получил от папы Григория VII право на королевский титул. Отсюда ведет начало история Дуклянского королевства (или Зетской державы). Следует отметить, что политика Григория VII в отношении славянских стран отличалась особой активностью: с его именем связано признание королевских титулов за тремя монархами — Димитрием-Звонимиром, Болеславом II (польским) и Михаилом Зетским.

После кончины Бодина (ок. 1101), на время объединившего под своей властью приморские и континентальные сербские земли, Зетская держава распалась и входившие в ее состав земли вновь сделались добычей Византийской империи.

Возникновение и история государства Неманичей (вторая половина XII — первая половина XIV в.)

С конца XII в. наметился новый этап в развитии международных отношений на Балканском полуострове, связанный с падением влияния Византийской империи и возникновением независимых южнославянских государств.

Около 1190 г. ослаблением Византии воспользовался рашкский великий жупан Стефан Неманя, добившийся полного суверенитета и заложивший основу новой династии Неманичей.

Историю возвышения Неманичей и правления родоначальника династии можно свести к следующим моментам: 1) конец 60-х — начало 70-х гг. XII в.: заняв великожупанский трон вопреки воле византийского императора и сместив при этом своего старшего брата, Неманя сумел все же примириться с Византией (1172); 2) начало 1180-х гг.: спустя 10 лет жупан выступает против императора, присоединяя (с венгерской помощью) земли в районе городов Ниш и Средец, а также Зету, где правителем стал его старший сын Вукан, который унаследовал по старой традиции королевский титул, однако в 1186 г. при попытке завладеть Дубровником Неманя потерпел неудачу; 3) конец 1180-х — 1190-е гг.: кульминация политического возвышения и удаление Стефана в монастырь под именем Симеон. Обстоятельством, стимулировавшим особую активность Немани в начале этого периода, явилось затруднительное положение Византии в связи с III крестовым походом (жупан пытался даже вступить в союз с одним из его предводителей — Фридрихом Барбароссой), а результатом этой активности стал крупный политический успех — завоевание независимости (несмотря на военное поражение на р. Мораве).

В 1196 г. Неманя отрекся от престола в пользу среднего сына Стефана и вскоре отправился на Афон, в русскую обитель св. Пантелеймона, где в то время пребывал его младший сын Савва (мирское имя — Растко). Спустя два года благодаря совместным усилиям отца и сына на Святой Горе возник первый сербский монастырь — знаменитый впоследствии Хиландар.

С именем Стефана (1196—1227), наследовавшего великожупанский титул, связан очередной этап возвышения молодого государства — возникновение Сербского королевства, на полтора столетия объединившего в своем составе континентальные и приморские

земли, а впоследствии даже македонские и греческие. Стефану Первовенчанному (под таким именем он большей частью фигурирует в историографии) понадобилось при этом сломить упорное сопротивление дуклянских королей, и прежде всего брата Вукана. В этом ему оказал поддержку Савва, выступавший в качестве сторонника «рашкской концепции»; для придания веса притязаниям Стефана на новый титул было, в частности, осуществлено перенесение мощей св. Симеона (Стефана Немани) в Студеницкий монастырь, на территорию Рашки. Этот акт состоялся в 1208 г., а в 1217 г. последовала коронация Стефана. В 1219 г. произошло еще одно важное событие: провозглашение автокефальной Сербской архиепископии с кафедрой в монастыре Жича. Первым главой новой архиепископии стал Савва.

В этой связи следует отметить, что в это время на периферии державы Неманичей уже существовало два крупных церковных центра: архиепископия в приморском г. Бар, основанная в конце XI в., и Охридская патриархия, низведенная во времена византийского господства до ранга автокефальной церкви, однако сохранившая значительное влияние не только в Македонии, но и в Сербии. Барские архиепископы проводили политику Римско-католической церкви, охридские митрополиты действовали в интересах Константинополя. Соперничество духовных владык давало себя знать в правление Неманичей, поскольку и Рим, и Константинополь желали упрочить свои позиции в сербских землях, что, правда, не привело к слишком острым конфликтам.

Стефан I, который приобрел корону с санкции папы Гонория III, не изменяя православной ориентации, стремился поддерживать контакт с католическим миром. Об этом свидетельствует его брак с внучкой венецианского дожа Энрико Дандоло, известного политика своего времени, с именем которого неразрывно связана история IV крестового похода, оказавшего столь важное влияние на историю южных славян (напомним, что в этот период и болгарский царь вел с Римом переговоры о заключении унии). Савва также умел ладить с западными соседями.

После кончины Стефана (1227) в Сербии на время наступил период ослабления центральной власти. Два его ближайших наследника оказались в зависимости сначала от эпирского деспота, а затем — после битвы при Клокотнице 1230 г. — от болгарского царя Ивана Асеня II (в этот период особую активность развил Охридский архиепископ).

С середины XIII в. наметился новый политический подъем, связанный с правлением Уроша I Великого и его преемников. Урош сумел восстановить независимость государства, а его наследники,

Драгутин и Милутин, правившие с 1276 по 1321 г., добились значительного территориального расширения. Первый в качестве венгерского ленника приобрел область Белграда (утраченную в 1316 г. после его кончины), второй, женатый на византийской принцессе, — македонские земли с городами Призрен и Скопье. Наконец, совместными усилиями братья захватили Браничевскую область, входившую ранее в состав Болгарского царства. Отрицательным моментом для этого периода стала утрата области Хум (Захумье), захваченной боснийским баном Степаном Котроманичем и доставшейся впоследствии венгерскому королю Карлу II Роберту.

Наследник Милутина, Стефан Дечанский (получивший такое название от основанного им монастыря в Дечанах, где он и был погребен), вошел в сербскую историю как одна из самых загадочных и трагических фигур. В молодости, будучи обвинен в заговоре против отца, он был якобы ослеплен, а затем чудесным образом прозрел и в течение 10 лет правил страной. Правление его завершилось победой над болгарскими войсками в битве при Вельбужде (1330), а затем наступил роковой конец: его сын, Стефан Душан, который, по мнению историков, отличился в упомянутом сражении, сверг отца с престола и лишил его жизни. Легенда об «удушении короля Дечанского» стала одним из характерных сюжетов сербского фольклора и была воспринята частью историков, изображавших Душана коварным убийцей.

Оценка Душана как политического деятеля в литературе однозначна: он — выдающаяся личность, талантливый полководец и дипломат, к тому же — законодатель, с именем которого связано издание одного из самых замечательных юридических памятников славянского Средневековья — знаменитого Законника.

Основные факты, связанные с внешней политикой Душана, позволяют сделать следующие выводы: 1) главным направлением в его деятельности стала борьба с Византией за гегемонию на Балканском полуострове, увенчавшаяся блестящим успехом, — к концу правления Душана южная граница сербского государства дошла почти до Пелопоннеса, охватив все македонские, албанские и отчасти греческие земли (Эпир, Фессалия, Акарнания); 2) имели место попытки, правда, неудачные, возвратить Хум; 3) отношения с болгарским царством после женитьбы Душана на сестре болгарского царя Ивана-Александра оставались добрососедскими.

В конце 1345 г. в Скопье состоялся сабор, где Душан провозгласил себя царем сербов и греков, а в следующем году на Пасху было провозглашено учреждение сербской патриархии (с благословения тырновского и охридского владык, а также представителя Святой Горы).



Сербия в период правления Стефана Душана
1 — ориентировочные границы; 2 — границы государства Стефана Душана

Завершающим торжественным аккордом правления Душана стало принятие упомянутого Законника, утвержденного саборами 1349 и 1354 гг.

Хотя территориальные приобретения к концу 1340-х гг. уже завершились, Душан не оставлял планов дальнейшей экспансии, нацеливаясь на Константинополь, однако преждевременная кончина в 1355 г. помешала осуществлению его замыслов.

«Законник Стефана Душана»

Общие для большинства европейских стран закономерности общественного развития в XIII — середине XIV в. характерны и для Сербии, хотя здесь отчетливо проступают специфические черты.

Рассматриваемый период ознаменовался в Сербии ростом числа юридических памятников. Во-первых, это так называемые «хрисовулы» (греческий термин, аналогичный лат. bulla aurea «грамота с золотой печатью»), содержащие пожалование привилегий духовенству и светской знати. Старейшие из этих грамот датируются концом XII — началом XIII в. Известные современным историкам хрисовулы содержат почти исключительно привилегии монастырям; отсутствуют фундационные грамоты в пользу городов, что вряд ли можно объяснить только их плохой сохранностью. Основанием для сомнения служит и анализ Законника, где встречаются упоминания о выдаче хрисовулов на земельные владения светским господам, но нет ни одного упоминания о фундационных грамотах.

«Законник Стефана Душана» заслуживает тщательного рассмотрения.

Из самого текста Законника явствует, что его составление относится к периоду 1349–1354 гг. Как видно из преамбулы, первая часть Законника была утверждена собором в Скопье; в качестве его участников (т.е. составителей Законника) названы представители духовенства во главе с патриархом и так называемая «властела малая и великая» во главе с царем.

Термин «властела» (или «властели»), сам по себе достаточно выразительный, встречается и в более ранних сербских источниках, в том числе в одном хрисовуле первой половины XIII в., где представители властелы противопоставляются в качестве высшего слоя общества «прочим войникам» и «убогим людям». Отсюда видно, что одной из обязанностей «властелина» была военная служба. Законник существенно дополняет характеристику, указывая на участие властелы в управлении государством и другие признаки принадлежности к высшей части благородного сословия (термин «вла-

стела» употребляется также хорватской историографией в значении, аналогичном понятию nobiles).

Таким образом, из введения к Законнику следует, что к середине XIV в. в Сербии уже сложилась сословная монархия. Царь выступает здесь только как первый среди равных по отношению к властеле, облеченной законодательными правами, и это впечатление еще более усиливается при анализе последующих статей, в частности 171-й, которая прямо указывает на зависимость царской власти от законов, установленных сабором. Правда, считается, что эта статья была внесена в Законник уже при преемнике Душана, когда его (Душаново) царство практически распалось, но несомненно, что основы зависимости царской власти от постановлений сословно-представительного органа были заложены уже в предшествующий период.

За преамбулой в Законнике следуют статьи, определяющие правовое положение двух первых сословий государства — духовенства и властелы. Из них видно, что упомянутые сословия имели особые налоговые льготы, а властела к тому же обладала широкими наследственными правами на владения, пожалованные царем (в качестве основного объекта пожалований фигурирует жупа — основная административно-территориальная единица государства).

Следовательно, интенсивное развитие иммунитета и оформление властельского сословия, обладающего монополией на политическую деятельность, идут синхронно.

Для обозначения низшего слоя в Законнике употребляется термин «люди» и нормируется правовое положение этого сословия. Правда, наряду с этим употребляются и особые термины, заимствованные из византийского лексикона, как то: «парики» (в хрисовулах) и «меропхи»; заметное место в сербском обществе рассматриваемого периода занимали также «влахи» — потомки романизированного дославянского населения, основным занятием которых было кочевое скотоводство; наконец, еще два термина обозначали особые категории населения, исключенные из состава высшего сословия, — отроки и себры, о которых будет сказано ниже.

В Сербии существовали две принципиально различные категории собственности — баштины: баштина властельская, или свободная, и баштина людей-землян. Определению статуса свободной баштины отведены восемь статей Законника, следующих одна за другой в его начальной части (ст. 39—46). Из них явствует, что такая баштина была не только наследственной, но и свободно отчуждаемой; обязанности, вытекавшие из обладания ею, сводились к несению военной службы и уплате в казну «царского

дохода», который, судя по одной из последних статей второй части Законника, мог носить натуральный или денежный характер. Налог обязан был платить всякий человек, т.е. крестьянин, а ответственность за его поступление возлагалась на властелина. Царь жаловал властеле в баштину села или, как уже говорилось, целые жупы. Кроме того, существовала особая категория лично-зависимого населения — вышеупомянутые отроки, которые находились в вечной баштине господина.

Баштину низшего разряда (владельцами которой часто выступают люди-земляне) составляли земельные участки (нивы и виноградники), обложенные повинностями в пользу как царской казны, так и властелина (ст. 174). Владелец такой баштины мог отчуждать ее лишь при соблюдении определенного условия с тем, чтобы не пострадали интересы господина, т.е. новый владелец должен был взять на себя обязанности работника.

Особое место в Законнике занимает статья 68, регламентирующая в общегосударственном масштабе повинности и платежи меропхов, которые, видимо, во времена Душана составляли основную категорию сельского населения Сербии. В статье речь идет о некоторой сравнительно узкой прослойке крестьян, проживавших в имениях так называемых «прониаров». «Прония» представляла собой (в Сербии, как и в Болгарии или в Византии) такую категорию условной собственности, которую (в отличие от баштины) нельзя было свободно отчуждать. Следовательно, возникает вопрос: существовали ли подобные ограничения норм эксплуатации в отношении баштин? Из статьи 139 второй части Законника следует, что установленные нормы, распространялись на имения не только властельские, но также церковные и царские, причем по поводу нарушения этих норм меропх мог тягаться с господином — будь то царь и царица, церковь или властелин. Более того, статья 67 наводит на мысль о том, что существовали известные нормы эксплуатации и в отношении отроков.

Итак, регламентация платежей и служб, в той или иной форме имевшая место во всех странах позднесредневековой Европы, в Сербии носит особенно ярко выраженный характер.

Еще более существенна другая особенность социально-экономических отношений в сербском обществе. Это необычайно высокая для той поры норма отработочных повинностей: согласно статье 68 два дня еженедельно, не считая особо оговоренной «заманицы», коллективных работ на сенокосе и винограднике. Помимо Законника та же норма указана в хрисовуле, выданном Душаном Архангельскому монастырю примерно в то же время.

Известно, что подобная структура рент (высокий удельный вес барщины) непременно подразумевает существование личной

зависимости крестьян. Пример Сербии подтверждает это. Законник не только не отменял категории отроков, но и санкционировал прикрепление к земле меропхов: статья 201 (заключительная) назначала жестокое телесное наказание для беглых (характерно, однако, что властелин не имел прав на экономические санкции).

По-видимому, такая ярко выраженная специфика была обусловлена отставанием в развитии городской жизни. В Законнике, правда, имеются статьи о городах и вообще о населении, занятом в неаграрных отраслях экономики, но они столь малочисленны, что не позволяют делать определенных выводов. Речь в них идет о гарантиях безопасности купцов, проезжающих по территории царства (весьма вероятно — иностранных), о так называемых «саксах» («саси»), выходцах из немецких земель, занимавшихся разработкой богатых рудных запасов Сербии (всего одна статья), и, наконец, о греческих городах, которые были захвачены царем и полу́чили от него подтверждение прежних хрисовулов. Вдобавок известны грамоты приморским городам (Котор, Будва), которые в XIV в. оказались в составе сербского государства, но они содержат весьма скупую информацию об их экономическом облике.

В таких условиях крестьянскому хозяйству нелегко было установить связь с рынком. Можно только строить предположения, где находила сбыт продукция, производимая в господском хозяйстве.

В заключение остановимся еще на одной сложной проблеме — положении так называемых «себров». В историографии нет единого мнения относительно этой категории населения. Одни считают, что термин «себры» обозначает всю массу населения страны, не принадлежащую к высшим сословиям, другие, — что себры представляли собой так называемое «свободное крестьянство». Однако при такой трактовке понятие «свободный» не расшифровано— имеется ли в виду личная свобода или гражданское полноправие? В этой связи особое значение приобретает статья Законника «О саборе (или сборе) себров». Обычно она трактуется как запрещение нелегальных крестьянских сходок, где мужики могли строить козни против господ, а также как свидетельство борьбы широких народных масс за улучшение своего положения.

Возможна и другая ее интерпретация, а именно: ко времени издания Законника сохранилась все же некая особая категория населения, выделявшаяся из основной массы (меропхи, отроки и др.), которая упорно пыталась отстаивать право на участие в политической (законодательной) деятельности. Основанием служит анализ других статей Законника (их всего семь), также содержащих упоминания о себрах, относящихся к области как уголовного, так и процессуального права. Первая категория статей проводит резкое разграничение в мерах наказания за правонарушения (оскорбление личной чести, еретическая проповедь), что касается второй, то тут

особо выделяется статья «О дворянах» (106-я). В ней противопоставляются лица, состоящие на службе при дворе властелина — себры и так называемые «прониаровичи», т.е. сыновья прониаров; применительно к себру, совершившему правонарушение, действовала средневековая система ордалий («испытание котлом»), а прониаровича оправдывала присяга «отцовой дружины» (т.е. лиц, занимавших то же сословное положение, что и прониар). Таким образом, создается впечатление, что себр в отличие от меропха или отрока мог выполнять особые обязанности, исключавшие его причисление к обычному крестьянскому сословию.

СЕРБСКИЕ ЗЕМЛИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIV–XV вв.

Распад Сербского царства. Начало османской экспансии на Балканах. Битва на Косовом поле (1389)

В правление сына Душана, царя Уроша, держава Неманичей фактически распадается на ряд владений, правители которых перестают считаться с центральной властью и ведут междоусобную борьбу, составляя различные коалиции и перекраивая границы. Уже в 60-х гг. отделились Эпир и Македония. В Эпире обосновался Душанов брат с титулом царя сербов, греков и всея Албании, а в Македонии, оттеснив Душанову вдову (сестру болгарского царя), власть захватили братья Мрнявчевичи: король Вукашин и деспот Углеша. Одновременно происходит возвышение рода Балшичей в Зете, а в центральных областях — жупана Николы Алтомановича и князя Лазаря Хребеляновича.

В 1369 г. Никола и Лазарь совместными усилиями предприняли попытку лишить власти Мрнявчевичей (сражение состоялось на Косовом поле), которая, однако, не увенчалась успехом — король и деспот сохранили свои позиции.

Ослабление Сербского царства пришлось на время, когда на Балканском полуострове появились османы. Овладев Фракией, они стали угрожать владениям братьев Мрнявчевичей. В 1371 г. разыгралось одно из решающих событий на Балканском полуострове — битва на р. Марице, где войска Мрнявчевичей потерпели поражение, а оба брата погибли. Политическим итогом битвы явился раздел македонских земель между сербскими и греческими магнатами и признание наследником Вукашина, королем Марко, вассальной зависимости от султана.

После гибели Мрнявчевичей на политической арене Сербии главными действующими лицами становятся Никола Алтоманович и князь Лазарь, которые из союзников превращаются в соперников.

Лазарь одержал решающую победу в 1373 г. и превратился в самого богатого из сербских правителей, поскольку под его контролем оказались крупнейшие центры горного дела средневековой Сербии — Ново-Брдо и Рудник. Правда, первое время сербский князь вынужден был считаться с притязаниями венгерского короля, признавая вассальную зависимость от Лайоша I, однако после кончины последнего вполне освободился. Лазарь сосредоточил в своих руках власть над землями в северной и центральной частях страны и поддерживал мирные отношения с правителями южных (Вук Бранкович) и приморских областей.

В 1386 г. князь Лазарь и боснийский король Твртко совместными усилиями нанесли туркам серьезное поражение, однако успех оказался непрочным.

15 июня 1389 (день св. Вида) разыгралась великая битва на Косовом поле. Сербские войска выступили под предводительством князя Лазаря и, несмотря на проявленный героизм (в историю вошел подвиг одного из сербских воинов, который, жертвуя жизнью, проник в ставку врага и заколол султана Мурада), понесли жестокое поражение, а Лазарь был захвачен в плен и казнен.

После Косова несовершеннолетний наследник Лазаря Стефан вынужден был признать вассальную зависимость от султана.

Сербская деспотовина XV в.

В рядах османских войск при Никополе по долгу вассала сражался Стефан Лазаревич, причем, судя по воспоминаниям одного из участников крестового похода, именно умелые действия «герцога Сербии» в критический момент спасли турок от поражения. Однако после жестокого поражения султана Баязида в 1402 г. при Анкаре от войск Тамерлана (которое в конечном счете стоило головы самому султану) Стефан смог освободиться от турецкого сюзерена. Сперва он предпочел принять от византийского императора титул деспота — отсюда ведет свое начало краткая, но яркая история Сербской деспотовины, а затем обратился к покровительству венгерского короля Сигизмунда, от которого приобрел на время своего пребывания у власти область Белграда.

Первая четверть XV в., когда Сербией правил деспот Стефан, вошла в историю страны (несмотря на крайне сложную внешнеполитическую обстановку) как время довольно значительных успехов в развитии ее экономики и культуры. С именем Стефана Лазаревича связано, в частности, издание законодательных памятников, регламентирующих развитие неаграрных областей экономики («Закон о рудниках» и «Закон Ново-Брда»).

Стефан скончался в 1427 г., завещав престол Юрию (Джюрджу) Бранковичу, наследнику Вука, который в крайне неблагоприятных условиях правил деспотовиной в течение 30-ти лет. Уже к концу 1430-х гг. турки предприняли против него поход, вынудив бежать на время во владения венгерского короля. Это событие совпало с концом правления в Венгерском королевстве Сигизмунда и наступлением (после краткого правления Альберта Австрийского) междуцарствия, сопровождавшегося жестокой борьбой и завершившегося победой партии, поддерживавшей кандидатуру молодого польского короля Владислава Ягеллона. С его именем связана вторая (после Никополя) неудачная попытка венгерского короля задержать османскую экспансию — крестовый поход 1443—1444 гг., закончившийся злополучной битвой под Варной.

Поход начался успешно: 1 августа 1444 г. было заключено перемирие, обусловившее восстановление Сербской деспотовины; однако уже в конце следующего месяца оно было нарушено по инициативе папского легата. Разыгралось роковое сражение, результатом которого стал разгром христианских войск и гибель короля, а для Бранковича — признание вассальной зависимости от султана. Союз с Венгрией сменился конфликтом: деспот не только не оказал помощи Яношу Хуньяди (бывшему в то время фактическим правителем земель «Короны св. Стефана» и возглавившему поход, который вновь потерпел неудачу на Косовом поле в 1448 г.), но и некоторое время держал его под арестом, храня верность вассальной присяге. «Наградой» за верность стало то, что к концу правления деспот утратил почти все свои владения (это было время знаменитого Мехмеда Завоевателя, при котором пал Константинополь): в 1455 г. после стойкой обороны сдалось Ново-Брдо, а в 1459 г., уже после кончины деспота, турки завладели его бывшей резиденцией — нововыстроенной крепостью Смедерево. Этим фактически был положен конец существованию деспотовины.

ПОЛОЖЕНИЕ СЕРБСКОГО НАРОДА ПОД ВЛАСТЬЮ ОСМАНСКОЙ ИМПЕРИИ

Городская жизнь

О сербских городах до XVI в. мы располагаем весьма скудной информацией. Конкретные сведения о неаграрных отраслях экономики касаются почти исключительно горного дела, крупнейшим центром которого был г. Ново-Брдо, в начале XV в. (при Стефане Лазаревиче) получивший грамоту — единственный в своем роде образец развития городского права в Сербии (сохранился только начальный фрагмент). Одновременно был издан «Закон о рудниках». Наметившийся прогресс был прерван вследствие османской

экспансии. Ново-Брдо не только пострадало в период военных действий, но и лишилось христианских жителей, вместо которых были поселены мусульмане. Хотя доходы от рудников составляли «султанский хас», горное дело по-прежнему оставалось в руках христиан, возможно, это были потомки тех выходцев из немецких земель, которых «Законник Стефана Душана» называл саксами. Но турецкое правительство не проявляло достаточной заботы о поддержании этой отрасли, и к концу рассматриваемого периода она утратила свое прежнее значение.

В новых условиях предпочтение оказывалось отраслям, отвечавшим потребностям военного времени и вкусам Востока, вследствие чего города вплоть до последних десятилетий XVII в. укрепляли свое положение. Наиболее значительные городские центры насчитывали по нескольку десятков тысяч жителей.

Из ремесел преимущественно развивались металлообрабатывающие (оружейное производство, изготовление домашней утвари, вероятно, ориентального образца), кожевенные (сербский город Ужице славился своим сафьяном) и производство некоторых видов текстильных изделий (например, вышитых подушек и занавесей из цветного полотна).

И все же значение того или иного города в основном зависело от состояния торговли. На этой основе успешно развивался Белград. Его роль как торгового центра стала особенно заметной после падения Буды и Темешвара (Тимишоары); в Белград переместилась дубровницкая колония из пришедшего в упадок Смедерева (объектами торговли были не только продукты ремесла и сельского хозяйства, но и церковные книги). Особенную активность в Белграде проявляли кроме дубровницких и венецианские торговцы.

Аграрные отношения. Процесс читлучения

Своеобразная ситуация сложилась в землях, вошедших в состав Османской империи, где в XVII в. интенсивно развивается процесс читлучения.

Термин «чифтлик», или «читлук», переводится как «баштина». Первоначально он означал крестьянское хозяйство, т.е. те самые поля и виноградники, о которых упоминает «Законник Стефана Душана» (владение ими было обусловлено выполнением определенных обязанностей, но с известной оговоркой: их можно было завещать или продать). В этом смысле права непосредственных производителей, в том числе христианской «райи», были шире, нежели права «спахиев» — представителей «рыцарского сословия». Владения последних, «спахилуки», представляли собой разновидность

ленов, приносивших строго определенный доход в виде натуральных и денежных податей. В отличие от положения в средневековой Сербии на завоеванных территориях господская земля, как правило, отсутствовала, и барщины в пользу спахиев подданные не несли.

Вплоть до того времени, когда обозначились первые грозные признаки кризиса, связанного с падением политического и военного могущества империи, такое положение, видимо, удовлетворяло турецких господ, как «спахогланов», получавших свои налоговые квоты, так и янычар, составлявших пехотный корпус и оплачиваемых из казны. Когда же военные трофеи перестали быть надежным источником обогащения и повышение налогов начало подрывать экономические возможности крестьянского хозяйства, представители господствующего класса оказались вынужденными искать выход в повышении собственной хозяйственной активности.

Кто выступил инициатором переворота — спахии или янычары, — сказать трудно. В системе аграрных отношений Османской империи появляется новая фигура янычарского аги, узурпирующего крестьянские права и превращающегося в читлук-сахибию, который заводит собственное хозяйство, основанное на эксплуатации крестьян, обязанных барщиной. Подобный путь проделывали и сами спахии, вынуждая задолжавших подданных уступать им свои права на чифтлики, после чего земля обрабатывалась там трудами райи.

К концу XVIII в. фигура спахия, с бичом в руке надзирающего за полевыми работами, становится типичным явлением в сербском селе.

Однако в некоторых сельскохозяйственных отраслях инициатива оставалась в руках крестьян. Речь идет о животноводстве, и прежде всего — свиноводстве (что вполне объяснимо, поскольку мусульмане из религиозных соображений не могли заниматься этим прибыльным делом, равно как и производством ракии (водки), также пользовавшейся спросом на рынке).

В целом на территории Османской империи после войн первой половины XVIII в. христианское население оказалось в неблагоприятных условиях. Турецкая администрация издавала дискриминационные указы. Например, христианам было строго запрещено носить роскошные одеяния и использовать в своих нарядах определенные цвета. Они должны были выказывать знаки смирения в общении с мусульманами. В 1767 г. была ликвидирована православная патриархия Печа, а на следующий год та же участь постигла архиепископию Охрида. Все сербские земли оказались под юрисдикцией Константинопольского патриарха. С этого времени начинается процесс замены сербских епископов греческими.

СЕРБЫ В МОНАРХИИ ГАБСБУРГОВ

С начала османского нашествия сербы переселялись на земли Австрийской монархии (ок. 70 тыс. человек в 1690 г. — Великое переселение сербов). В XVIII в. австрийское правительство сочло целесообразным выдать новым подданным «Привилегии», гарантирующие им некоторые автономные права. Формально речь шла о создании церковной организации во главе с митрополитом, но в условиях той эпохи, когда церкви еще принадлежало особое место в политической структуре общества, это подразумевало и наличие определенных политических прав. Последующие события показали, что сербские митрополиты играли значительную роль в событиях, связанных с политической борьбой.

С разрешения венского двора сербы могли созывать саборы, избиравшие митрополита. Эти органы были организованы по сословному принципу: в их деятельности принимали участие представители духовного, военного и так называемого «гражданского», или «поместного», сословий. На саборах обсуждалось внутреннее положение сербских общин, составлялись петиции, направляемые к императорскому двору в Вене, и разбирались жалобы сербского населения монархии Габсбургов. Часть сербских беженцев оказалась в свободных королевских городах, располагавших особыми привилегиями. Все права их жителей, равно как и права населения свободных военных общин, находившихся на австрийско-турецкой границе, в полной мере распространялись и на сербов. При венском дворе в течение XVIII в. действовал специальный орган, занимавшийся сербскими делами в пределах владений Габсбургов. В 1792 г. Венгерское королевство предоставило сербам, проживавшим на его территории, права гражданства, а православные митрополиты и епископы получили доступ в венгерский сейм.

КУЛЬТУРА

Со времени миссии Кирилла и Мефодия в сербских землях широкое хождение получили византийские сочинения, переведенные на старославянский язык. Самую представительную их группу составляют агиографические сочинения: жития св. Георгия Каппадокийского, св. Дмитрия, Алексея Божьего Человека, св. Марии Египетской. Самому св. Савве, первому сербскому архиепископу, младшему сыну Стефана Немани, приписывается перевод правил монастырской и церковной жизни («Кормчая»). Монах святогорского Хиландарского монастыря Исайя осуществил перевод творений Дионисия Ареопагита, символическое богословие которого вдохновляло многих средневековых теологов. Кроме того, были переведены разного рода морально-дидактические и апокрифические сочинения

(видения, легенды и пр.). Светская переводная литература была представлена византийскими сочинениями («Роман о Варлааме и Иоасафе») и рыцарскими романами («Роман об Александре Македонском», «Тристан и Изольда», «Роман о Трое»), распространявшимися через Сербию в Болгарию и Россию. В позднесредневековой Сербии были известны в переводах византийские исторические сочинения («Краткая хроника» Георгия Амартола, «Хроника» Иоанна Зонары).

При Неманичах в монастырях Сербии и Святой Горы расцвела сербская агиография, создавшая целую галерею портретов святых сербских правителей из династии Неманичей и святых архиепископов сербских. В ее творениях исторический материал гармонично заключается в рамки житийной литературы. Ранним произведением этого жанра в Сербии является «Житие св. Симеона» (Стефана Немани), написанное его сыновьями архиепископом Саввой и королем Стефаном Первовенчанным. «Житие св. Саввы» было создано хиландарским монахом Доментианом, учеником св. Саввы, около середины XIII в., а затем в конце XIII в. переработано насельником Хиландарского монастыря Феодосием, придавшим тексту слегка «беллетристический» вид. «Житие св. Саввы» пера Феодосия, одного из наиболее плодовитых и талантливых авторов, стало излюбленным чтением в средневековой Сербии. Наконец, в XIV в. видный церковный деятель архиепископ Даниил II со своими учениками составил обширное собрание «Житий королей и архиепископов сербских» (от сыновей Стефана Первовенчанного до Стефана Душана), тем самым придав книжное оформление культу святых сербских правителей. Со времен св. Саввы в их честь составлялись специальные тексты церковных служб с краткими житиями. В XVI в. эти тексты были объединены в собрании «Србляк».

В начале XV в. появляются первые сербские истории (хронографы и генеалогии), созданные по приказу деспота Стефана Лазаревича. В это время монахиня Евфимия, вдова деспота Углешы, сочиняет «Похвалу князю Лазарю» и золотом вышивает ее текст на шелковом покрове. В деспотовине Стефана Лазаревича нашли убежище болгары Григорий Цамблак, написавший «Житие Стефана Дечанского», и Константин Костенецкий, ставший первым светским автором жития. Это было «Житие деспота Стефана Лазаревича». Большой интерес представляют памятники сербского народного творчества. Основное собрание «сербских песен» было издано лишь в начале XIX в., и проблема их датировки представляет большую сложность.

Литературоведы и историки в основном придерживаются деления этих песен на циклы, восходящие к автору упомянутого издания Вуку Стефановичу Караджичу. При этом особое значение придается историческим реалиям — упоминаниям о конкретных фактах и личностях, известных из письменных источников. Однако применительно

к фольклору такой подход не выдерживает критики, так как по чисто формальному признаку одна и та же песня в различных изданиях относится к разным циклам. Более рациональной представляется попытка классифицировать «сербские песни» исходя из анализа идейного содержания. Такой подход (отчасти уже осуществленный Караджичем, но впоследствии практически игнорировавшийся) позволяет выделить две основные категории: средневековую и «новую».

Для песен средневекового происхождения характерны конфликты, так или иначе связанные с проявлением чувства долга, будь то долг благочестия или верности (супружеской, вассальной), взаимных обязанностей родителей и детей, братьев или побратимов.

Деление героев на положительных и отрицательных проследить трудно, ибо конфликты зачастую возникают не вследствие индивидуальных склонностей персонажа, но или по роковой случайности, или вследствие вражеских козней, или из-за вмешательства некоей иррациональной силы. Таким образом, человек выступает слепым орудием судьбы, а осознав содеянное, раскаивается и искупает свою вину («Предраг и Ненад», «Муйо и Алия», «Милан-бег и Драгутин-бег»).

Этические воззрения Средневековья также нашли отражение в песнях: в них есть и идеальный герой — образец благочестия и верности, и его антагонист, воплощающий в себе порочное начало. В связи с этим особый интерес представляют женские образы.

Героини средневековой литературы — это в основном порочные типы. По крайней мере, именно порочные образы выписаны наиболее ярко — женщины с сильным характером, но одержимые жадностью, тщеславием или сластолюбием, наконец, просто некие фантастические существа женского пола, которые воплощают в себе злое начало. Характерна и судьба этих героинь — их постигает лютая казнь: кони разрывают тело красавицы Видосавы («Женитьба короля Вукашина»), разбивается о камни другая роковая красавица («Милан-бег и Драгутин-бег»), сгорает в просмоленной рубахе коварная царица («Иван и дивский старейшина»). В качестве справедливых мстителей выступают мужчины, ставшие жертвой любви к этим демоническим созданиям. Гораздо слабее очерчены положительные женские образы (Ефросима в «Женитьбе Вукашина»).

Весьма ярко представлен образ неверного вассала или слуги-предателя. Наиболее характерный — образ Вука Бранковича в песнях так называемого «косовского цикла», посвященных знаменитой битве на Косовом поле.

«Косовские песни», традиционно считающиеся выражением патриотических чувств сербского народа, принято выделять в особый

цикл. Между тем они, подобно сказаниям о Нибелунгах или о Роланде, представляют собой типичное порождение средневековых представлений, где на первом плане не воспевание героических подвигов, а все тот же конфликт между верностью и предательством, в качестве же роковой силы выступает соперничество двух женщин.

Еще один пример — образ везира Тодора («Смерть короля Дечанского»). В данном случае неверный слуга действует по собственной инициативе, и мотивы его предательского поведения неизвестны, но образ достаточно типичен. Тодор подстрекает сына против отца и осуществляет коварное убийство последнего. Присутствует здесь и мотив справедливого возмездия: Тодор и его приспешники обращаются в камень под взглядом одного верного слуги, который затем докладывает о случившемся королевичу, и тот исполняет свой христианский долг — предает земле тело отца.

Таким образом, большая часть «докосовских» и «косовских» легенд указывает на их средневековое происхождение. К этой категории относятся и некоторые так называемые «неисторические песни», равно как и некоторые из тех, где речь идет о королевиче Марко или о событиях первой половины XV в., хотя в этих циклах намечаются уже и черты Нового времени.

Первый взлет сербской архитектуры приходится на период правления Стефана Немани и его преемников, когда начинается строительство церквей и монастырей в Рашке. Архитекторы этого периода часто использовали для строительства материалы раннехристианских сооружений. Так, одна из церквей Стефана Немани, церковь Богородицы близ Куршумлии, возведена из материалов находившейся на этом месте церкви VI в. Очевидно сильное влияние византийской архитектуры на Балканах в эпоху Раннего Средневековья.

В XIII в. в сербской архитектуре возникает свой собственный, рашкский, стиль, вольно сочетающий византийские и романские элементы. В этом стиле построены монастыри Жича, Милешева, Сопочаны и выполнены их фрески. Со значительным расширением границ Сербского королевства в XIV в. на юге возникает сербско-византийская школа, мастерами которой создана церковь Богородицы в Пече. Фресковая живопись этого периода отличается сложными композициями, часто включающими портреты сербских правителей, аристократов и духовных лиц. После битвы на р. Марице возникает моравская школа, для которой в большей степени, чем для ее предшественниц, характерны единые приемы как в архитектуре, так и в живописи. В период турецкого нашествия появляется необходимость в развитии крепостной архитектуры, прекрасным образцом которой служит крепость Бранковичей в Смедереве.

После османского завоевания исчезли благоприятные условия для полноценного развития сербской культуры. Наиболее успешно, пожалуй, в это время развивался традиционный песенный эпос.

Для сербского эпоса «послекосовских циклов» характерно появление иных сюжетов и героев. Песни о Марко-королевиче, гайдуках и ускоках нередко окрашены юмором: речь в них идет как о богатырских подвигах, так и о различных забавных проделках, где пускается в ход не только молодецкая удаль, но и хитрость. Новые элементы в обрисовке героя проявляются и в том, что он отнюдь не склонен к аскетизму и демократичен (социальная принадлежность персонажа не наложила отпечатка на его характер и поступки: он далек от сословных и конфессиональных предрассудков).

ХОРВАТСКИЕ ЗЕМЛИ В СРЕДНИЕ ВЕКА И РАННЕЕ НОВОЕ ВРЕМЯ

ХОРВАТИЯ В VII — ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIV в.

Хорваты между Франкской и Византийской империями. Возникновение независимой державы Трпимировичей

История поселения хорватов на ныне обитаемой ими территории нашла весьма подробное освещение в сочинении византийского императора Константина Багрянородного. Автор уделил хорватам особое внимание, поскольку они завладели крупнейшей из западных провинций империи — Далмацией, где находились древние города, с утратой которых Византия не желала мириться.

Особенно подробно повествуется о захвате и разрушении славянами (иногда автор отождествляет их с аварами) г. Салона, беженцы из которого основали по соседству современный Сплит (Салона ранее была административным центром провинции). Аналогичная судьба постигла и г. Эпидавр, бывшие жители которого основали Раусий, нынешний Дубровник.

Поселение хорватов на далматинской территории представлено в сочинении как следующая (после аваров и славян) волна колонизации, причем в повествование вводится явно легендарная история об их прибытии из Центральной Европы. В историографии прочно утвердилось мнение, что новая волна переселения славян имела место в правление императора Ираклия (первая половина VII в.).

Следующий этап хорватской истории связан с развитием франкской экспансии в конце VIII — начале IX в. В 812 г. Карл Великий заключил с византийским императором договор, согласно которому приобрел право на хорватские земли. Франкское правление продержалось до конца 870-х гг., когда один за другим произошли два государственных переворота (в результате первого — 878 г. — был возведен на престол византийский ставленник, в результате второго в 879 г. он был свергнут). После этого Хорватия приобрела статус независимого княжества, причем ее правители стали обладать правом на взимание дани с далматинских городов, которые все еще числились в составе византийских владений.

Наиболее близкий по времени источник — сочинение Константина Багрянородного — весьма тенденциозен: автор приписывает

своему деду, Василию I Македонянину (867—886), подавление некоего бунта славянских народов, якобы имевшего место при его предшественнике, и назначение архонтов из почитаемого ими рода, которые, разумеется, должны были признавать зависимость от Византии. Из следующей главы видно, что как раз Василий Македонянин был вынужден уступить славянским правителям «пакт», уплачиваемый далматинскими городами.

Одной из ярких страниц хорватской истории принято считать восстание Людевита Посавского. «Анналы» сообщают, что в 818 г. на съезде в Геристале князь Нижней Паннонии (континентальная часть современной Хорватии — Славония) Людевит выступил с обвинениями в адрес франкского маркграфа и, не получив удовлетворения, в следующем году поднял мятеж. Восстание охватило отчасти также словенские и сербские земли и завершилось в 822 г. капитуляцией Людевита, который в 823 г. пал жертвой междоусобной распри.

В период восстания произошло одно знаменательное событие: скончался князь Далматинской Хорватии Борна, выступавший на стороне франков против Людевита. По просьбе народа и с согласия императора Карла преемником князя был назначен его племянник Ладислав. Это положило начало правлению наследственной династии, получившей условное название династии Трпимировичей от имени одного из наследников верного франкского вассала.

Вторая половина IX и первое десятилетие X в. были временем расцвета государства Трпимировичей. Этому, по-видимому, способствовала внешнеполитическая ситуация — соперничество восточных и западных соседей за обладание хорватскими землями. С востока на хорватов покушались Византия и усилившееся Болгарское царство, боровшиеся за гегемонию на Балканском полуострове, на западе активизировалась политика Римской курии: с именем папы Николая I связано основание епископии в г. Нин (Далмация). Особую активность проявляет курия в период понтификата Иоанна VIII (872—882, обострение соперничества между Римом и Аквилеей) и Иоанна X (914—928). О событиях начала X в. можно лишь судить по материалам более поздней хроники. Она содержит информацию, послужившую основой для далеко идущих выводов (особенно текст постановлений так называемого «Первого Сплитского собора» 925 г.). В основных чертах события в хронике представляются следующим образом. В правление князя Томислава (условные даты правления — 910—930 гг.) состоялся церковный собор в Сплите, датируемый 925 г., который учредил (или восстановил) архиепископию в Далмации с кафедрой в Сплите, подчиненную непосредственно Риму, и

осудил «доктрину Мефодия» (богослужение на славянском языке), распространившуюся в Центральной Европе и на Балканах со второй половины IX в. В 928 г. был созван Второй Сплитский собор, подтвердивший постановления Первого и ликвидировавший Нинскую епископию, глава которой, «епископ хорватов», притязал на роль митрополита Далмации и Хорватии.

Значение описанных событий оценивается в историографии неоднозначно. Среди славянских ученых, в том числе российских, бытует мнение, согласно которому решения соборов нанесли ущерб культурному развитию южнославянских народов и посеяли рознь среди них. Однако никто не отрицает, что в международно-правовом аспекте основание архиепископии представляло собой важный акт, способствовавший повышению престижа хорватского государства.

Впечатление политического подъема и даже процветания Хорватии в рассматриваемое время подтверждается свидетельством Константина Багрянородного, из которого следует, что в середине X в. страна была густо населена, а ее архонт располагал большим войском и флотом, использовавшимся, впрочем, исключительно в мирных целях (торговля).

Однако уже во времена Константина наступил неблагоприятный перелом: византийский император пишет о междоусобиях, наступивших в стране вследствие государственного переворота, совершенного неким лицом, носившим титул «бан», и приведшего к сокращению численности войска и флота.

Константин сообщает чрезвычайно ценные сведения об административно-территориальной структуре хорватского государства: делении на жупании и области, которыми управлял бан. Система деления на жупании сохранилась впоследствии, а бан с течением времени превратился в главу военной и судебно-административной власти — первое лицо после короля.

Вторая половина X — первая половина XI в. весьма слабо освещены в источниках. Однако достоверно известно, что в 1000 г. хорватский флот потерпел поражение от венецианского и далматинские города временно перешли под власть Республики св. Марка.

Хорватские земли во второй половине XI в.

Следующий этап хорватской истории — вторая половина XI в. (период правления Петра Крешимира IV (ок. 1058—1074) и Димитрия Звонимира (1075—1089) — наполнен важными событиями.

Вступлению на престол Крешимира предшествовал окончательный разрыв между Римом и Константинополем («великая

схизма» 1054 г.). Обострение политической ситуации усугублялось вследствие раскола, наступившего в самой западной церкви и связанного с борьбой за реформу в духе клюнийских идеалов, а также соперничеством между папой и германским императором. В этих условиях хорватский правитель предпочел ориентироваться на папу-реформатора. В 1060 г., через год после Латеранского собора 1059 г., был созван очередной собор в Сплите, вновь осудивший славянское богослужение и утвердивший целибат.

К концу пребывания на престоле Крешимира пост бана занимает Звонимир. Он был первым хорватским правителем, получившим из Рима королевскую корону. Более того, при нем имело место расширение границ за счет Славонии, предшествующая история которой (после восстания Людевита) почти неизвестна.

Правление Звонимира окончилось (при невыясненных обстоятельствах) в 1089 г., после чего начались походы венгерских королей, вскоре приведшие к установлению в Хорватии власти древнейшей венгерской династии Арпадов.

Решающим событием стало заключение унии 1102 г., на столетия закрепившей включение хорватских земель в состав «Короны св. Стефана». Текст договора короля Коломана (Кальман) с представителями хорватских «племен» (знатных родов) не сохранился в подлиннике, однако сопоставление имеющегося варианта (XIII в.) с позднейшими документами позволяет прийти к выводу, что Хорватия сохранила статус королевства, обладающего полной автономией. Подобные договоры были вскоре заключены с далматинскими городами (первый — так называемый «Трогирский диплом» в 1107 г.; грамоты, выданные вслед за Трогиром другим городам, носили аналогичный характер и в историографии получили название «свобод по трогирскому типу»).

Структура хорватского общества в VII — начале XII в.

Судя по сочинениям византийских авторов, содержащим сведения об общественном укладе славян в VI–VII вв., основной фигурой славянского общества оставался свободный человек, права которого были ограничены коллективом соплеменников. Вряд ли можно сомневаться, что власть упоминаемых в «Стратегиконе» Маврикия (конец VI в.) королей носила примерно такой же характер, как и у древнегерманских королей в эпоху Тацита, которые были выборными и довольствовались получением от соплеменников «добровольных даров», а от иноплеменников — дани.

В VIII–IX вв. уже возобладала тенденция к превращению этих варварских королей в наследственных правителей. В хорватских

землях сложилась особая ситуация. Хотя и здесь имели место проявления патримониальных тенденций, их развитию препятствовали некоторые особые факторы: это притязания византийских и франкских правителей на верховную власть и сохранение в далматинских городах римских правовых норм, отвечавших местным экономико-географическим условиям. Римские юридические нормы гарантировали «гражданам» достаточно широкие и прочные имущественные права, а известной части населения — «нобилям» — и привилегии сословного характера (участие в политической, судебно-административной и военной деятельности). Высокий уровень развития товарно-денежных отношений создавал объективные предпосылки для интенсивного развития имущественной дифференциации, оформляемой юридическими актами.

Это отчетливо видно на примере так называемого «Супетарского картулярия» — юридического памятника, составленного с целью закрепления имущественных прав монастыря св. Петра (Супетар). Монастырь был основан в конце XI в. (1080) неким жителем Сплита, имевшим, по-видимому, статус нобиля и располагавшим большим состоянием. Он пожаловал монастырю многие земли и зависимых людей, приобретенных в результате частноправовых сделок, основанием для которых послужила материальная ситуация его контрагентов: он скупал земельные участки и «души», пользуясь затруднениями людей, впавших в нужду.

Из картулярия следует, что в окрестностях далматинских городов шел интенсивный процесс формирования слоя неполноправных людей — «сервов»; этот термин в Средние века означал человека, лишенного личной свободы, но пользовавшегося известной экономической самостоятельностью: картулярий зафиксировал у них наличие семей и собственного хозяйства (виноградников).

Характерной чертой социально-экономических отношений в Далмации рассматриваемого периода является унаследованное от античности представление о собственности как праве, основанном на экономической деятельности частного лица и оформленном соответствующим актом.

Другая специфическая черта — наличие известного дуализма в системе общественных отношений, вызванного тем, что далматинские города занимали в хорватском обществе несколько обособленное положение. Из этого же картулярия видно, что их население признавало авторитет славянских правителей, и прежде всего короля Звонимира, ко времени правления которого и относится основание монастыря. Звонимир указан в документе, в частности, как тяжущаяся сторона. Последнее особенно примечательно. В этом случае столкнулись, по-видимому, два различных

представления о собственности: то, о котором сказано выше, и то, которое проистекало из наличия патримониальных тенденций. Король вознамерился передать своему родственнику право на взимание трибута с известной территории, но ему было доказано, что эта земля «не королевская, а только тех, кто ее продал».

Отметим еще один характерный штрих: картулярий отчетливо противопоставляет сплитчан и хорватов, причем окружение короля на его страницах составляют воины, жупаны и баны, нобили же не упоминаются, лишь в одном акте говорится о «хорватских нобилях и игнобилях», что свидетельствует о наличии в обществе сословной дифференциации.

Хорватия в системе международных отношений (XII — середина XIV в.)

Автономное Королевство Хорватия, Славония и Далмация находилось под управлением венгерской династии Арпадов. Первоначально им правил престолонаследник с титулом герцога, но уже во второй половине XII в. во главе управления королевством становится представитель местной знати, носящий титул бана. При этом на протяжении всего столетия велась напряженная борьба за обладание хорватскими землями (прежде всего Далматинским побережьем) между венгерскими королями, Венецианской республикой и Византией, увенчавшаяся в 1180-х гг. торжеством первых. Одной из важнейших причин нестабильности являлась ситуация, сложившаяся в далматинских городах вследствие нарушения венгерским королем обещанных свобод.

Отрицательные последствия для политической истории Триединого королевства (Хорватия, Славония и Далмация) возымел IV крестовый поход. Он начался захватом г. Задар, который с 1202 г. вошел в состав владений Венецианской республики, и завершился признанием власти Республики св. Марка над Дубровником.

Несомненно, такому исходу способствовала ситуация в землях «Короны св. Стефана», где позиции центральной власти сильно пошатнулись. В 1222 г. король вынужден был издать знаменитую «Золотую буллу», ставшую, подобно появившейся семью годами раньше английской «Великой хартии вольностей», важнейшим этапом на пути формирования сословной монархии. В ее преамбуле прямо говорилось о серьезных конфликтах между монархом и подданными, вызванных нарушением свобод последних, основное же содержание составляла защита их прав, в том числе гарантировалось право на сопротивление, фактически низводившее короля на место первого среди равных. Попытка короля найти социальную опору в лице так называемых «сервиентов» не

увенчалась успехом. Ослабление центральной власти сказалось уже через 20 лет, когда в страну вторглись орды Батыя. Они пронеслись по венгерским и хорватским землям, дойдя до Адриатического моря. Король вынужден был спасаться бегством.

Правление последних Арпадов отмечено неудачными попытками обуздания знати и расцветом магнатской олигархии.

С начала XIV в. «Корона св. Стефана» перешла в руки Анжуйской династии, первым представителем которой стал Карл II Роберт. Его длительное (до середины XIV в.) правление не привело к значительным успехам в борьбе с магнатской вольницей. В Хорватском королевстве наблюдается чрезвычайное усиление местных знатных родов, в особенности князей Шубичей—Брибирских (впоследствии принявших титул графов Зринских и вплоть до роковых событий начала 1670-х гг. игравших самую значительную роль в политической истории Хорватии и Венгрии). Почти четверть века (1299—1322) представители этого рода выступали как наследственные правители Боснии; им удалось также подчинить своей власти далматинские города, которые после поражения бана Младена II в 1322 г. в борьбе с соперниками из среды хорватской знати и королем временно попали под власть Венеции.

Только при преемнике Карла II Роберта, его сыне Людовике (в венгерской историографии Лайош I Великий; с 1374 г. правил в Польше под именем Людовика Анжуйского), удалось вернуть далматинские города. Это произошло в 1358 г. в результате войны, которую король вел в союзе с Генуей — исконным соперником Республики св. Марка. Победа над Венецией ознаменовалась еще одним политическим успехом: власть венгерского правителя признал Дубровник, крупнейший экономический и культурный центр Далмации, прославленные «славянские Афины». Правление Людовика (1342—1382) вошло в историю как время значительных достижений в деле укрепления центральной власти. В частности, по отношению к своевольным магнатам он применял довольно гибкую политику, направленную на разрушение складывающихся комплексов латифундий. Так, чтобы подорвать политическое влияние князей Брибирских, было изъято из состава их владений наследственное имение Островица, взамен чего пожалован Зрин, от которого они и получили свое новое имя и титул графов Зринских.

Наконец, Лайош Великий прославился и как законодатель: ко времени его правления относится издание двух юридических памятников — декрета 1351 г. для «Короны св. Стефана» и Кошицкого привилея 1374 г. для Польши, сыгравших эпохальную роль в истории народов Центральной и Юго-Восточной Европы.

Социально-экономическое положение в хорватских землях в конце XII — середине XIV в.

Этот этап истории Хорватии характеризуется оформлением юридических норм, фиксирующих положение основных социальных групп, прежде всего господствующего слоя, обладающего монопольным правом на политическую и идеологическую деятельность.

Первыми актами подобного рода явились грамоты, выдаваемые от лица короля или его наместника — бана, которыми административно-судебные и фискальные функции государства передавались знатным родам, церковно-монастырским институциям или городским общинам.

Наиболее известным является документ, выданный королем в 1193 г. князю Бартолу, одному из родоначальников знаменитого аристократического рода Франкопанов, — типичный образец иммунитетного пожалования на рыцарском праве. Князю передавалась на вечные времена, с правом собирать все доходы и судить население жупания, расположенная в Хорватском Приморье, за что Бартол и его наследники обязывались поставлять в королевское войско определенный контингент латников.

Еще более интересным примером может считаться грамота, выданная некоему цистерцианскому монастырю в Славонии в 1211 г., зафиксировавшая пожалование аббату и братии одной из тогдашних жупаний, т.е. передачу всех свобод, ранее принадлежавших местному жупану или славонскому бану. Грамота содержит подробное описание платежей, в основном денежной и натуральной ренты, а также служб населения, которые не регламентированы, и в документе отсутствуют упоминания о полевых работах.

Категории подданных монастыря обозначаются в грамоте различными терминами: «сервы», или просто «люди» (homines), или владельцы «мансов», т.е. хозяйств, обложенных определенными платежами и службами; «гости» (hospites), которым дозволено было селиться на землях монастыря с условием несения служб, установленных в общегосударственном масштабе. Таким образом, грамота свидетельствует о влиянии товарно-денежных отношений и колонизационных процессов на развитие хорватского общества.

Следующая категория документов, отразивших развитие крупной собственности в хорватских землях, — локальные статуты.

Первым по времени таким документом является «Винодольский закон», составленный в 1288 г. в приморской жупании, ранее пожалованной князьям Франкопанам. Законник представляет собой свод норм гражданского, уголовного и семейного

права, причем при определении штрафов за правонарушения устанавливаются нормы платежей в пользу «господина князя», а в статьях из области гражданского права — иным «господам» — как носителям административных функций. Другим ярким образцом локального статута служит сочинение известного в свое время юриста архидиакона Иоанна. Оно написано в середине XIV в. и определяет правовое положение загребского епископа и капитула — высшей церковной институции в Славонии. В отличие от Винодольского, Загребский статут содержит подробное описание платежей и служб зависимого населения, основную категорию которого составляли так называемые «колоны» — латинский термин, отвечающий (применительно к условиям Славонии) употребляемому в позднейших хорватских источниках славянскому названию «кметы», которое встречается также в «Винодольском законе». Основной обязанностью колонов была уплата «мартурины» — подати, которая первоначально имела натуральную форму, но ко времени составления статута обратилась в денежную, а также поставка различных продуктов сельского хозяйства (от нее можно было откупиться деньгами). Отработочные повинности не превышали 26 дней в году, причем предусматривалась возможность денежной компенсации. Подобная структура рент была свойственна и другим европейским странам рассматриваемого периода. Еще одно характерное явление — ярко выраженная тенденция к ликвидации рабских форм зависимости: статут предусматривал перевод сохранившихся в имении сервов на положение свободных.

Помимо духовенства и светской знати обширные земельные пожалования с зависимым населением получили также городские общины.

В XIII в. на территории Славонии шел интенсивный процесс развития городской жизни. В течение этого столетия особые привилегии (городское право) получили 10 населенных пунктов на территории современных Хорватии и Боснии (девять славонских и один боснийский). Среди так называемых «фундационных грамот» особо выделяются грамоты «свободных королевских городов», первым из которых стал Загреб.

«Свободный королевский город» (libera civitas, libera villa) отличает то, что его городская община (communitas, universitas) в качестве юридического лица пользуется правом благородного сословия, т.е. представляет собой коллективного сеньора.

Материал грамот позволяет сделать вывод, что доходы загребской коммуны включали в себя элемент сеньориальной ренты: принцип территориальной юрисдикции предусматривал взимание в пользу городской казны штрафов за правонарушения,

совершенные на территории города, не только с горожан, но и с лиц любой принадлежности, кроме того, уже булла 1242 г. прямо упоминает крестьян из принадлежащих коммуне сел. Коммуна неустанно и успешно заботилась о расширении своих земельных владений, и доходы от них с течением времени возрастали. С XIV в. горожане начали вести упорную борьбу за расширение торговых привилегий, увенчавшуюся в последующий период значительными успехами: булла 1242 г. гарантировала им право на беспошлинную торговлю в пределах королевства, а впоследствии они приобрели право на доходы от рыночного сбора и добились от государственной казны отчислений с торговых пошлин и «королевской таксы» — основного государственного налога.

Важнейшим этапом на пути уравнения города в правах с благородным сословием стало правление Сигизмунда Люксембургского (начало XV в.), когда городские делегаты получили доступ в высший законодательный орган. Отныне город не только эксплуатировал непосредственно зависящих от него крестьян и извлекал доходы от территориальной юрисдикции, но, по крайней мере опосредованно, участвовал в эксплуатации всего непривилегированного населения через определение норм его платежей и служб.

Формирование сословной монархии началось в землях «Короны св. Стефана» с изданием «Золотой буллы» 1222 г. Параллельно шел процесс размежевания в среде свободного населения, из которого выделилась прослойка мелких землевладельцев, уравненных в политических правах с магнатами.

«Золотая булла» гарантировала особый правовой статус «сервиентам» — служилым людям короля (servientes regis). Единственной обязанностью сервиента отныне становилась военная служба (личная), за которую следовало вознаграждение: имения сервиентов освобождались от денежных и натуральных платежей в казну, а за участие в заграничных экспедициях полагалось жалованье, в случае же гибели сервиента король обязывался вознаградить (по своему усмотрению) его наследников. Главное же, сервиентам дозволялось ежегодно, в день св. Стефана, являться на собрания в г. Секешфехервар, где в присутствии короля или его наместника рассматривались судебные дела. Тем самым были заложены основы сословно-представительных органов, которые выполняли не только судебные, но и законодательные функции.

Спустя полвека после издания «Золотой буллы» состоялось первое заседание хорватского сабора, принявшего «законы королевства и баната», переданные на утверждение хорватскому бану (постановления из области процессуального и семейного права,

налогообложения и др.). В заседании наряду с нобилями (крупные землевладельцы-иммунисты, занимавшие ответственные государственные должности) принимали участие служилые люди.

Решающим шагом на пути уравнения в правах этих двух сословий стало издание декрета 1351 г., провозгласившего подтверждение «Золотой буллы» и дополнившего ее новыми статьями, в том числе утверждающими равноправие всех нобилей королевства, к которым отныне причислялись сервиенты.

Помимо сервиентов, несших гарнизонную службу при крепостях, в Хорватии существовала еще одна значительная категория населения, претендовавшая на сословные привилегии на том основании, что ее представители вели свое происхождение от тех древних родов, которые якобы предводительствовали хорватскими племенами со времен императора Ираклия, а в 1102 г. при заключении унии получили привилегии от короля Коломана. Отсюда — их хорватское название «племичи», «племенитые люди», ставшее впоследствии синонимом латинского термина «nobiles».

Та часть населения, которая не вошла в разряд нобилей-племичей, оказалась лишенной важнейших прав. В основном это было крестьянское население — кметы (колоны), проживавшие в имениях короля и королевы, прелатов и баронов (иммунистов), а также прочих нобилей и свободных королевских городов. Основными признаками их неполноправного положения (не считая главного — отсутствия политических прав) было, во-первых, подчинение патримониальной юрисдикции, во-вторых, обложение службами и платежами в пользу как собственных господ, так и государства в целом. Формы и размеры этих обязанностей устанавливались сверху, без участия непосредственных производителей.

Все вышеуказанные явления нашли отражение в специальных статьях декрета 1351 г. (ст. 6, вводящая новую подать — «девятину» натурой, и ст. 18, гарантировавшая право перехода при соблюдении принципа патримониальной юрисдикции). Кроме того, декрет отразил характерную для всей Западной Европы тенденцию к ликвидации личной зависимости крестьян. Нужда в ней отпала, поскольку появились новые рычаги эксплуатации, вызванные к жизни возникновением строя сословной монархии.

Яркие страницы, запечатлевшие процесс формирования сословной структуры общества, связаны с историей далматинских городов. Рассматриваемый период ознаменовался здесь оформлением патрициата, завладевшего монополией на политическую власть, в результате чего социальная структура городов в миниатюре обрела черты государства. Указанный процесс в основном

завершился к середине XIV в. в период венецианского управления. Наиболее красноречивым свидетельством этому служил статут Трогира, датированный 1322 г. За полвека до этого был составлен Дубровницкий статут, дополненный позже статьями, отразившими процесс аристократизации городского самоуправления.

Эволюция венгерского правления в Хорватии

В Хорватии после кончины Лайоша I (1382) наступил период женского правления. Формально «королем» была объявлена его дочь, но фактически правили вдова Лайоша и временщик, занимавший пост палатина (самый высокий в Венгерском королевстве). Это вызвало недовольство со стороны оппозиции, которой удалось осуществить коронацию своего союзника — правителя Неаполитанского королевства. В противовес этой акции правящая партия сделала ставку на Сигизмунда Люксембургского — мужа законной наследницы, который и был коронован в 1387 г. Старая королева и палатин были убиты.

Борьба за престол продолжалась в последующие десятилетия и, хотя завершилась в пользу Сигизмунда, имела итогом утрату далматинских городов. В 1409 г. неаполитанский король заключил договор с Венецией, которой продал свои права в Далмации. Попытки вернуть города в состав «Короны св. Стефана» не увенчались успехом, и с 1420 г. они, за исключением Дубровника, на ряд столетий оказались под властью Республики св. Марка.

Длительное (до 1437 г.) правление Сигизмунда было тяжелым периодом для хорватских земель. К концу его пребывания на престоле в Хорватии наступили всеобщий мятеж и беззаконие. С именем Сигизмунда связаны и другие печально знаменитые события в истории Европы: организация расправы над Яном Гусом в Констанце и насилия, совершенные во время походов против гуситской Чехии, а также битва при Никополе в 1396 г., завершившаяся разгромом и позорным бегством христианских войск.

ОСМАНСКАЯ ЭКСПАНСИЯ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XV в.

Турецкое наступление в Хорватии

Развитию османской экспансии на Балканах во второй половине XV в. благоприятствовала ситуация в Венгерско-Хорватском королевстве, где разгорелась кровавая борьба сторонников Хуньяди

и его клана и партии могущественного временщика Ульриха Цельского (Цилли), подчинившего своему влиянию юного короля Ладислава (по мужской линии Ладислав происходил из Габсбургского дома, а по материнской — от Люксембургов и был обладателем помимо венгерской и хорватской также и чешской корон). В истории хорватских земель пребывание у власти Ульриха оставило тяжелый след, в частности, он притеснял загребских горожан. В разгар борьбы группировок турками был осажден Белград, а спустя некоторое время герой его обороны Ласло Хуньяди (старший сын знаменитого полководца) был казнен за организацию убийства королевского фаворита. Это вызвало негодование, вынудившее короля отбыть в Чехию, где он вскоре и скончался.

Успехам османов в рассматриваемое время способствовало также обострение венгеро-чешских противоречий. В 1458 г. на чешском престоле утвердился Иржи из Подебрад. Поскольку он пользовался репутацией гуситского короля, в 1465 г. папа призвал к крестовому походу против Чехии, чем и воспользовался венгерский король Матвей Корвин — Матьяш Хуньяди (1458—1490), бывший зять Подебрада.

Матьяш, младший сын Яноша Хуньяди, был весьма незаурядным политическим деятелем. В частности, в Хорватии он, по примеру Лайоша I, умело сдерживал магнатов, а также всячески покровительствовал городам, прежде всего загребской коммуне (возвращение утраченных в предшествующий период земельных владений, выдача цеховых привилегий ремесленникам). Но проводимый им внешнеполитический курс не отличался дальновидностью. Над владениями Матьяша, в первую очередь над хорватскими землями, нависла серьезная опасность: в 1469 г. турки уже стояли под стенами Загреба, захватить который им помешала только случайность. Фактически позволив османским агрессорам беспрепятственно хозяйничать в хорватских землях, король вплоть до смерти Подебрада (1471) находился с ним в состоянии войны, которая завершилась захватом Силезии. Однако сохранить за собой чешскую корону Матьяшу не удалось: после кончины Подебрада чешский сейм избрал на престол представителя польской династии Владислава II Ягеллона, который после смерти Корвина приобрел и венгерскую корону. Таким образом, обе короны опять соединились.

Уже в 1493 г., т.е. в начале правления Владислава Ягеллона, состоялась битва на Крбавском поле, вошедшая в историю Хорватии как одно из самых тяжелых поражений. Османы захватили в плен бана Деренчина, а его сын погиб. В начале XVI в. турки

завладели уже значительной частью хорватских земель, а также той частью сербских, которые входили в то время в состав «Короны св. Стефана». В 1521 г. был взят Белград.

Битва при Мохаче и ее политические последствия

Наконец, в 1526 г. разыгралась битва у Мохача, ставшая одним из важнейших рубежей в истории южных и западных славян. Сражение продолжалось всего два часа, и немногочисленные христианские войска были разбиты (по мнению военных историков, благодаря умелому использованию турками артиллерии).

После бесславной гибели второго молодого Ягеллона (первым был Владислав Варненский) в длительной борьбе политических группировок на венгерском престоле утвердился Фердинанд Габсбург, брат императора Карла V. Естественно, что сторонники австрийского дома (к их числу принадлежала, в частности, загребская коммуна, в то время как капитул принял сторону венгерского претендента, опиравшегося на поддержку турок) связывали с этим надежды на приостановление османской экспансии, однако эти надежды оправдались не скоро.

Раздел хорватских земель

Гражданская война в период между 1526 и 1538 гг. способствовала дальнейшему продвижению турок в глубь хорватских земель: еще в 1526 г. османский протекторат был признан Дубровником, а в 1538 г. турки захватили стратегически важную крепость Клис в Хорватском Приморье.

В течение последующих десятилетий XVI в. это продвижение продолжалось: уже к середине столетия завершилось завоевание турками нынешней Воеводины — земель в бассейне Дуная по нижнему течению Савы и Тиссы с сербским населением, а от Хорватии Габсбурги сохранили только то, что современники называли «остатками остатков».

В историю Европы как одна из самых героических страниц борьбы против османской экспансии вошла осада крепости Сигет (в Венгрии). Малочисленный гарнизон, которым командовал хорватский бан Никола Зринский, в течение месяца выдерживал натиск во много раз превосходящих турецких сил и, не получив помощи от императора Максимилиана, погиб при последней отчаянной вылазке во главе с баном. Это событие примечательно еще и потому, что осадой практически руководил великий везир Мехмед-паша Соколович, отуреченный босниец, личность весьма выдающаяся. Его пребывание на самом высоком посту в

турецкой империи ознаменовалось заботой об интересах православного сербского населения, увенчавшейся крупным успехом — основанием независимой от Константинополя патриархии с резиденцией в г. Печ (1557). Этот церковный центр просуществовал более двух столетий и играл видную роль в политической жизни Балкан. Жизнь самого Мехмед-паши оборвалась трагически — он пал жертвой турецкого фанатика.

В конце XVI в. фактически завершается период османской экспансии в Европе. Последним крупным успехом османской экспансии на Балканах стал захват г. Бихач в 1592 г. Силы Порты были в значительной мере исчерпаны. Безусловно, помимо внутренних причин в этом свою роль сыграло и стойкое сопротивление европейских народов, в том числе славянских. Естественно, что история сохранила для нас в основном имена представителей аристократии, занимавших высшие военно-административные посты, например имя преемника Н. Зринского бана Ф. Франкопана, умершего в молодые годы, но успевшего заслужить почетное звание «щита и меча христианства».

Однако в памяти южнославянских народов остались и имена героев из числа простолюдинов. Так, известно, что в XVI—XVII вв. немало славных страниц в историю борьбы «креста и полумесяца» вписали так называемые «ускоки» — числившиеся на австрийской службе беженцы из захваченных турками земель (их имена и деяния известны не только из официальных документов, но и сохранились в народных песнях). В самих завоеванных землях росло стихийное народное движение, гайдуки вели партизанскую борьбу.

Освободительное движение особенно активизировалось в период австро-турецкой войны 1593—1606 гг., которая началась крупным поражением османской армии у крепости Сисак. Эта так называемая «Долгая война» завершилась договором, закрепившим некоторые территориальные приобретения Габсбургов в Хорватии.

В то время когда наступил благоприятный перелом в австро-турецких отношениях, возник острый конфликт Габсбургов с Венецией, отказавшей им в праве на свободу плавания в Адриатическом море. Важным поводом послужили действия ускоков, нападавших на венецианские суда; конфликт обострился с тех пор, как венецианцы стали перевозить турецкие товары. Стараясь смягчить обстановку, австрийское правительство в начале XVII в. принимало против ускоков репрессивные меры (вплоть до смертной казни). И тем не менее в 1615—1617 гг. дело дошло до «Ускокской войны», после которой ускоки были выдворены с побережья.

ХОРВАТСКИЕ ЗЕМЛИ В СОСТАВЕ ВЛАДЕНИЙ ГАБСБУРГОВ

Образование Военной Границы

Однако австрийское правительство вовсе не намерено было отказаться от использования поселенцев в интересах организации обороны. В начале 1630-х гг. завершилось создание Военной Границы («Крайны») — области, постепенно изымавшейся из ведения хорватских органов управления (бана и сабора) и превратившейся в особую административно-территориальную единицу, подчиненную непосредственно австрийским властям. Успеху их политики, преследовавшей отчасти и корыстные цели, способствовали и объективные факторы. Во-первых, казна хорватского королевства была слишком истощена, чтобы принять на себя обязанность содержания военных гарнизонов и заботу о фортификационных сооружениях на пограничных землях. Во-вторых, население этих земель вследствие притока эмигрантов из захваченных турками областей к рассматриваемому периоду выделилось в особую группу по этнической и конфессиональной принадлежности: тут возобладали «влахи» — термин, получивший в новых условиях иной смысл, нежели тот, который имел в средневековых сербских документах. Теперь влахами стали условно называть православных переселенцев с османской территории. В 1630 г. были изданы Влашские статуты, предоставлявшие указанной категории населения некоторые автономные права. Что касается военно-административной организации, то к рассматриваемому периоду оформились три крупные административные территориальные единицы: Банская Крайна, еще остававшаяся в ведении бана и сабора, Карловацкое и Вараждинское генеральства, перешедшие под управление венских властей. Некоторое время австрийское правительство практиковало назначение на высшие посты (генералов и капетанов) представителей местной (хорватской) аристократии, однако не упускало из виду перспективы вытеснения их своими ставленниками. По поводу этой политики хорватский сабор уже в XVI в. высказывал оппозиционные настроения, выражая категорическое нежелание служить генералам иностранного происхождения.

Все же вплоть до второй половины XVII в. антигабсбургская оппозиция в Хорватии не носила сколько-нибудь организованных форм. Первым ярким проявлением ее стал так называемый «заговор Зринских».

Реформация в хорватских землях

В XVI — начале XVII в. хорватские земли испытали на себе влияние Реформации. Но оно было крайне слабым, поскольку реальная опасность мусульманской экспансии не способствовала разобщению христианских сил. Наиболее известную и весьма оригинальную фигуру здесь представляет М.-А. де Доминис, занимавший высокие посты в католической церковной иерархии, но окончивший жизнь в заключении, которому подвергся за еретические сочинения; Доминис знаменит также как ученый-физик, о котором с уважением отзывался Ньютон.

Участие хорватов в Тридцатилетней войне

Как известно, Тридцатилетняя война (1618–1648) явилась важным рубежом в истории славянских народов, причем ее результаты для всех участников оказались исключительно негативными. Самым плачевным образом война сказалась на чешских землях. Земли Хорватского королевства непосредственно не пострадали от военных действий и не претерпели ущемления политических прав. Однако и для Хорватии война не прошла бесследно. Хорватские кавалерийские полки, высоко ценимые австрийским командованием за боевые качества, принимали активное участие в военных действиях, но это не только не принесло пользы народу, но, напротив, причинило ему своего рода моральный ущерб.

Очевидно, что всякая война такого масштаба, как Тридцатилетняя, имеет помимо политического еще и моральный аспект. Являясь своего рода формой международных контактов, она способствует выработке определенных стереотипов. Таковым стал со времен Тридцатилетней войны образ «кроата» (хорвата) как варвара и головореза. Этому способствовали объективные обстоятельства: хорватские полки графа Изолани (в составе войск Валленштейна-Пикколомини) сражались на европейских фронтах вдали от родины, а потому конфликты с местным мирным населением, языка и обычаев которого хорваты не знали, принимали особо жестокие формы. К тому же и сами немецкие сослуживцы рассматривали кроатов как существ низшего порядка, отзывались о них если не враждебно, то снисходительно.

Антигабсбургская оппозиция в Хорватии. Заговор Зринских–Франкопана

Упрочение позиций австрийского абсолютизма в наследственных землях (и Чехии), которому способствовал исход Тридцатилетней войны, создало предпосылки для наступления на привилегии

венгерской и хорватской аристократии, хотя формально Леопольд I особым актом подтвердил их при своем вступлении на престол в 1655 г., да и фактически древнейшие аристократические роды Хорватии, в особенности Зринские и Франкопаны, сохранили ведущую политическую роль в королевстве и в Крайне.

Непосредственным поводом к заговору явилось недовольство внешнеполитическим курсом австрийского двора, который Никола Зринский, занимавший в то время пост бана, справедливо обвинял в стремлении поддерживать «позорный мир» с Портой. Ярким доказательством справедливости обвинений стал мирный Вашварский договор, заключенный в 1664 г. после войны, ведшейся весьма успешно и принесшей бану и его младшему брату всеевропейское признание. Договор не только не закрепил достигнутых успехов, но предусматривал некоторые территориальные уступки Порте; к тому же австрийские войска допускали бесчинства в хорватских землях.

Антигабсбургская оппозиция в Хорватии выступала в союзе с венгерской, которую также возглавляли лица, занимавшие виднейшие государственные посты (палатин Вешелени, архиепископ Липпаи, государственный судья Надажди), но которая тем не менее опиралась на гораздо более широкую социальную базу. Кроме того, она имела и более отчетливую программу, затрагивающую интересы различных слоев общества. В Хорватии на первый план выдвинулись личные интересы графов Зринских и князей Франкопанов, что наложило отпечаток на все действия заговорщиков и в конечном итоге обрекло их на неудачу.

Нельзя отрицать, что эти интересы в значительной мере совпадали с общенародными, однако и преувеличивать этот момент не следует, представляя лидеров заговора бескорыстными служителями патриотической идеи. Собственно у заговорщиков вообще отсутствовала четкая политическая программа, за исключением разве что двух пунктов, относящихся к начальному этапу и традиционно связываемых с именем Н. Зринского: 1 — расторжение Вашварского договора и объявление войны Турции; 2 — союз с Францией. Как мыслили себе заговорщики будущее политическое устройство хорватских земель: имелось ли в виду восстановление независимого королевства, или переход под скипетр Людовика XIV, или принятие иного какого-либо варианта, — на этот счет можно только строить догадки. Вряд ли, однако, можно сомневаться, что оба названных варианта представляли собой чистую утопию. Единственное, на что реально могли рассчитывать заговорщики, — это на усиление своего влияния в рамках Габсбургской монархии с целью прежде всего изменения ее внешнеполитического курса.

Итак, на первых порах заговорщики связывали все свои надежды с французским монархом. Однако Людовик, хотя и заинтересованный в ослаблении политических позиций Габсбургов, предпочел все же избежать прямого военного конфликта и настаивал на том, чтобы придать оппозиции характер восстания за некие «конституционные права». Между тем для Хорватии в отличие от Венгерского королевства, где остро стоял вопрос о гарантии религиозных свобод, такой лозунг не имел смысла: на том этапе права господствующего сословия хорватских земель еще ни в чем (по крайней мере, формально) не были ущемлены австрийским абсолютизмом.

Ситуация осложнилась в самом начале заговора после гибели Н. Зринского вследствие несчастного случая. Его младший брат Петр выдвинул свою кандидатуру на пост бана, но решение этого вопроса затянулось, так как австрийское правительство (не без основания) считало графа Петра неблагонадежным. Ради личных интересов П. Зринский был готов на сделку с Веной, однако сговориться оказалось не так легко, а более решительные венгерские союзники продолжали поиски новых вариантов решения проблемы, вероятно, представлявшихся им более перспективными.

Переломный момент наступил в конце 60-х гг. и был связан с изменением международной ситуации: во-первых, явно обозначилось охлаждение Франции к идее заговора; во-вторых, рухнули надежды на помощь Венеции. В таких условиях среди венгерских заговорщиков возобладала идея союза с турками. П. Зринский, зашедший уже слишком далеко в своей антиправительственной деятельности, вынужден был согласиться на это, и, воодушевленные неопределенными обещаниями турецких дипломатов, заговорщики наконец предприняли попытку восстания.

В последний момент они решились даже на столь безнадежный шаг, как привлечение к делу низших слоев населения: крестьянам с церковных амвонов объявляли, что примкнувшим к восстанию будет дарована свобода. В конце марта 1670 г. Ф. Франкопан с небольшим отрядом прискакал в Загреб, где произнес речь, призывая горожан к восстанию. Совершенно очевидно, что эта агитация была обречена на неудачу. Загребские горожане, которые всегда подчеркивали свою преданность австрийскому дому, имели к тому же особые счеты со Зринско-Франкопанской фамилией. Загребский капитул осудил действия заговорщиков.

Между тем в Вене состоялась секретная конференция, постановившая принять решительные меры против заговорщиков. Против них были двинуты войска. В этот решающий момент руководители восстания проявили растерянность и малодушие: через месяц Зринский и Франкопан прибыли в Вену, чтобы повиниться.

Разумеется, их раскаянию не поверили: оба были взяты под арест и начался длительный процесс по делу о государственной измене. Процесс завершился вынесением П. Зринскому и Ф. Франкопану смертного приговора, который и был приведен в исполнение.

Хорватские земли в австро-турецких войнах конца XVII–XVIII вв.

Начало нового этапа борьбы европейских народов с Османской империей ознаменовалось битвой под Веной 12 сентября 1683 г., где войска польского короля Яна Собеского разгромили армию, которой командовал великий везир Кара-Мустафа, избавив тем самым австрийскую столицу от смертельной опасности. Это повлекло за собой длительную войну Священной Лиги, основу которой составлял традиционный в ту пору польско-австрийский союз, усиленный присоединением Венецианской республики и России.

Первоначально военные действия развивались успешно. Так, к осени 1688 г. австрийские войска освободили большую часть Славонии, Срем и Белград. В следующем году удалось взять г. Скопье, который и стал одним из очагов освободительного движения турецких славян (наряду с болгарскими городами Тырново и Чипровец). В Македонии активно действовал некто Карпош, ранее состоявший на турецкой службе, а затем ставший одним из предводителей гайдуцкого движения. Его заслуги были высоко оценены австрийским правительством. Между тем действия австрийских оккупационных властей (сожжение Скопье, введение ужесточенного режима на рудниках) охлаждали энтузиазм местных жителей. В 1689 г. началось контрнаступление турок, вновь захвативших Скопье и Белград. Православное население вынуждено было искать спасения в пределах Австрийской монархии: в 1690 г. состоялось «Великое переселение» сербов во главе с патриархом Арсением, значительно увеличившее удельный вес православного элемента среди подданных Габсбургов, что имело далеко идущие последствия.

Война продолжалась до 1699 г. и завершилась Карловацким миром, положившим начало освобождению балканских народов от османского гнета. Согласно условиям договора Османская Порта утратила Славонию и часть нынешней Воеводины (земли в Среме и Бачке).

В первой половине XVIII в. австро-турецкие войны продолжались и принесли дальнейшие успехи: по условиям Пожаревацкого (1718) и Белградского (1739) договоров Габсбурги получили оставшуюся территорию Срема и Банат. Так как войны велись

с переменным успехом, то часть приобретений, достигнутых по миру 1718 г., была аннулирована договором 1739 г.: в частности, в период между заключением обоих вышеназванных пактов под австрийским управлением находился Белград с Северной Сербией, которые были позже возвращены Османской империи.

Военные и дипломатические успехи использовались австрийским правительством не без учета интересов своих подданных на Балканах. Разумеется, не были забыты и собственные выгоды, а также удовлетворены (по крайней мере, частично) требования венгерских магнатов, претендовавших на свои прежние владения. В результате к старым проблемам, которые еще более обострились в связи с определением статуса хорватских земель в составе монархии, прибавились новые.

Создание Военной Границы заложило основы политической раздробленности Хорватии. Теперь это обстоятельство приобрело еще большее значение: хотя Славония была объявлена составной частью Триединого королевства, практически она оказалась изолированной, поскольку между обеими ее частями вклинилась территория Вараждинского генеральства. Следовательно, обострилась проблема ликвидации политической раздробленности хорватских земель, ставшая впоследствии одной из важнейших задач национального движения хорватов.

«Прагматическая санкция» 1713 г.

С начала XVIII в. австрийское правительство предпринимает шаги для создания из владений Габсбургов единой монархии. Еще при Карле VI в первой половине XVIII в. проводится ряд реформ в военной, судебной и аграрной областях. Но основные усилия не имевшего сыновей австрийского монарха в этот период были направлены на закрепление наследственных прав Габсбургов по женской линии на престолы входивших в их владения королевств. В 1713 г. была издана утверждавшая эти права «Прагматическая санкция», лишь десять лет спустя признанная венгерским сеймом. Однако хорватский сабор согласился распространить наследственные права Габсбургов по женской линии на хорватскую корону еще за год до издания «Прагматической санкции». Таким образом, сабор стремился подчеркнуть особые отношения Триединого королевства с династией Габсбургов. Хорваты получили поддержку в Вене. Когда венгерский сейм принял решение о том, что постановления хорватского сабора вступают в действие только в том случае, если они не противоречат венгерскому законодательству, Карл VI (в Хорватии — II) отказался его утвердить.

Правление Марии Терезии (1740–1780)

В 1740 г. императрицей стала Мария Терезия, права которой на престолы в Венгерском и Триедином королевствах гарантировались «Прагматической санкцией». При ней в хорватских землях была проведена унификация обязательств крестьян (кметов) по отношению к своим господам. Цель реформы заключалась в том, чтобы заменить как можно больше крестьянских отработок на денежные выплаты. В результате к 80-м гг. XVIII в. крестьянин должен был платить своему господину 3 флорина (впоследствии 1 флорин) в год в качестве налога на землю и обрабатывать господские угодья в течение 24 дней (впоследствии 18 дней) в году.

Мария Терезия преобразовала хорватскую администрацию. По образцу Венгерского королевства был создан Правительственный совет во главе с баном. Через совет императрица управляла хорватскими землями, минуя сабор. В 1779 г. все полномочия этого совета были переданы в венгерский Правительственный совет, в состав которого были введены представитель от Хорватии и хорватский бан. В последние годы правления Марии Терезии хорватский сабор не созывался, и власть австрийского монарха стала абсолютной.

Реформы Иосифа II

Сын Марии Терезии Иосиф II (1780–1790) проводил жесткую централизаторскую политику. В ее рамках он издал указ о веротерпимости по отношению к протестантам и провозгласил немецкий язык официальным языком своей монархии. Славонские и хорватские земли, а также южные комитаты собственно Венгерского королевства Иосиф II разделил на ряд областей, границы которых не совпадали с границами старых графств или жупаний. Часть территорий вошла в состав Военной Границы. Хотя должность бана и была сохранена, венским правительством назначался в Хорватию имперский комиссар с широкими полномочиями.

Иосиф II предоставил крестьянам личную свободу, разрешив им заключать браки без ведома и дозволения их господ, свободно заниматься торговлей и ремеслом и распоряжаться своим движимым имуществом. Если господин требовал от крестьян выполнения большего числа повинностей, чем это было предусмотрено законодательством, они могли обращаться с жалобой в верховный суд. Для оздоровления экономического климата в городах Иосиф II объявил о роспуске цехов и гильдий.

Во время войны с Османской империей, в которую Габсбурги вступили в союзе с Россией в 1787 г., Иосиф освободил

дворянство от несения военной службы и распространил на него налогообложение.

Наиболее эффективно реформы проводились в районах Военной Границы, находившихся под непосредственным управлением австрийских военных властей и простиравшихся от Адриатического моря до Карпат. Здесь изначально был введен единообразный административный порядок. Население данных территорий освобождалось от сеньориальных повинностей.

Объединение Королевства Далмация, Хорватия и Славония с Венгерским королевством

Несмотря на то что ряд мер (например, освобождение от воинской обязанности или замена крестьянских отработок денежными выплатами), предпринимаемых австрийским двором, был выгоден венгерской и хорватской знати, тем не менее она заявила об оппозиции правительству, отвергая централизаторский курс австрийских монархов и ратуя за соблюдение традиционных сословных свобод. В 1790 г. хорватский сабор принял решение о заключении вечного союза между Триединым Королевством Хорватия, Славония и Далмация и Венгерским королевством, передавая венгерскому сейму право устанавливать военный налог, выплачиваемый Хорватией, и отказываясь от собственного права накладывать вето на решения венгерского сейма, касающиеся внутренних дел Триединого королевства. Так завершился долгий спор венгров и хорватов о статусе хорватских земель в составе земель «Короны св. Стефана».

Война с Османской империей 1787–1791 гг.

Во время войны 1787–1791 гг. австрийские войска продвинулись в глубь османских владений при поддержке восставших сербов. Однако согласно заключенному в 1791 г. Систовскому договору границы австрийских и османских земель возвращались к довоенному состоянию, за исключением границы по реке Уна, где Австрийская монархия расширила свою территорию за счет Боснии. Заключение мира на таких условиях было связано с тяжелым внутренним положением в габсбургских землях: в 1789 г. Бельгия провозгласила себя республикой, началось восстание в Венгерском королевстве, рассчитывавшем на помощь Пруссии, последняя же вступила в антигабсбургский альянс с Портой. К тому же венское правительство опасалось влияния революционных событий во Франции на своих подданных. В Венгерском королевстве уже возникло первое тайное якобинское общество Игнатия Мартиновича.

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ПОЛОЖЕНИЕ ХОРВАТСКИХ ЗЕМЕЛЬ

Города континентальной Хорватии (Славонии)

Несмотря на крайне неблагоприятные внешнеполитические условия, экономическое развитие хорватских городов в период со второй половины XV в. не осталось в стороне от влияния прогрессивных процессов, характерных для всех европейских стран. Яркий пример в этом смысле являет история Загреба, который во второй половине XV—XVI вв. переживал критический (с точки зрения политических обстоятельств) момент.

На протяжении всего рассматриваемого времени в городе прослеживается наличие пяти основных отраслевых групп: 1 — ремесла, связанные с обработкой кож, изготовлением кожевенно-обувных и меховых изделий; 2 — металлообрабатывающие ремесла; 3 — изготовление текстильных изделий и головных уборов; 4 — производство продуктов питания и свечей; 5 — строительные ремесла, производство изделий из дерева и глины.

Самой сильной неизменно оставалась первая группа, в которой численно преобладали сапожники, обслуживающие самые широкие слои общества. В 1466 г. они получили цеховые привилегии — это был первый цех в Загребе. Со второй половины XV в. явственно проступает тенденция к возрастанию удельного веса других профессий, относящихся к той же группе, но ориентированных на спрос, предъявляемый более обеспеченными слоями, и на производство воинской экипировки; соответственно цеховые статуты получили скорняки, шорники, ремённики, седельники и щитники, впоследствии объединенные в один общий цех. Это было обусловлено повышением роли города как военно-административного центра и изменением социального состава потребителей ремесленной продукции: ввиду приближения к стенам города турецкой опасности общая численность городского населения сократилась прежде всего за счет оттока менее обеспеченных и более мобильных категорий.

Влияние этого фактора сказывалось и на других группах. Весьма успешно развивались металлообрабатывающие ремесла. Так, в 1521 г. был основан кузнечно-слесарный цех. Вместе с тем резко снизился удельный вес профессий, обслуживающих внутренний рынок, как, например, пекари и свечники, а также строительных ремесел. Строители, которые в массе своей, в сущности, являлись свободными работниками, без труда могли покинуть город, над которым нависла опасность и где гражданское строительство замирало. Когда в середине XVI в. возникла

настоятельная нужда в ремонте фортификаций, коммуне пришлось нанимать работников в Словении.

Описанные тенденции наблюдались до конца XVI в., когда наметился перелом, связанный главным образом с относительной стабилизацией международной обстановки и повышением уровня благосостояния среднего горожанина. Успешно развивается производство обуви: в XVII в. уже существовало два сапожных цеха, объединявших мастеров различной квалификации. В списках новых граждан, которые регулярно велись в XVII в. (что уже само по себе свидетельствует о положительных тенденциях), обращает на себя внимание значительный удельный вес пекарей и особенно каменщиков. Это свидетельствует о росте внутреннего рынка и интенсивном развитии строительства, причем для XVII в. особо характерна забота о благоустройстве и эстетическом облике города.

Важные изменения происходят внутри третьей отраслевой группы. Еще с конца XVI в. растет число упоминаний о ткачах, а в XVII в. в городе появляется их собственный цех. В данном случае причину этого следует искать во влиянии социально-экономических процессов европейского масштаба: в стагнации старых центров сукноделия, откуда еще в середине XVI в. шел широкий поток товаров.

Загребское население принимало активное участие в торговой деятельности, причем среди горожан, занимавшихся импортно-экспортной торговлей, выделялись лица ремесленных профессий — портные, мясники, сапожники, скорняки, шляпники. В их работе особое место занимала торговля товарами, имевшими прямое отношение к их роду деятельности: тканями, скотом, ножами, обувью, мехами, шерстью и краской для шляп. Однако экспорт ремесленных изделий практически отсутствовал.

С середины XVI в. произошло устранение загребских купцов от участия в экспорте скота и сырых кож, прежде составлявшем одну из важнейших отраслей торговли. Это объясняется резким повышением таможенных пошлин, что, в свою очередь, явилось следствием революции цен. Операции, связанные с вывозом скота, были дорогостоящим и рискованным занятием, так что повышение закупочных цен и пошлин поставило торговцев в невыгодное положение на рынке сельскохозяйственных товаров. Однако этот удар не возымел пагубных последствий для городской торговли, масштабы которой в XVII в. даже заметно возросли за счет расширения коммерческих операций отдельных лиц, что свидетельствует об углублении имущественной дифференциации.

Характерные изменения претерпела отраслевая структура импорта за счет расширения ввоза предметов роскоши и моды

(галантерея), а также культурного обихода (бумага, книги), лекарств. На первом месте по стоимости по-прежнему стоят ткани, но их ассортимент изменился под влиянием повышения уровня обеспеченности горожанина (популярность сукна фиорет, судя по цене, явно рассчитанного на потребителя из средних слоев, но более дорогого, чем модная прежде каразия), а также за счет расширения ввоза тканей из словенских земель (краинское полотно и дешевое сукно, из которого шили платье для прислуги) и Хорватского Приморья (так называемый «даровац», которым помимо местных торговали в Загребе также купцы из Риеки).

Если для Загреба XVI в. характерна фигура ремесленника, который, разбогатев, оставляет прежнее занятие и помещает средства или в торговлю, или в недвижимость, то в XVII в. намечается обратный процесс: появляется фигура купца, вкладывающего капитал в сферу материального производства.

На рубеже XVI–XVII вв. в Загребе поселились негоцианты иностранного происхождения, которые стали арендовать рудники, принадлежащие знати. В арендных контрактах оговаривалось право эксплуатировать наряду с «гулящими людьми» зависимое население.

Наконец, в XVI–XVII вв. существовали принадлежавшие коммуне сравнительно крупные предприятия по производству строительных материалов (кирпич, черепица, известь). Число работников, обслуживавших печи, где обжигалась известь, доходило до 24 человек в день, использовался труд вольнонаемных различной квалификации и зависимых крестьян.

Города в Венецианской Далмации

В городах Адриатического побережья основу экономики составляла транзитная торговля: морская и сухопутная, в которой городское население принимало самое активное участие, правда, зачастую в качестве владельцев не товаров, а транспортных средств, т.е. морских судов.

Крупнейшим центром торговли и мореходства был Дубровник. В XVI в. дубровницкая торговля достигла наивысшего подъема за всю историю существования республики, причем стоимость товаров, перевозимых дубровчанами, особенно возрастала в военное время (поскольку дубровницкий флаг считался нейтральным, в частности в 1570–1573 гг.). Дубровницкие корабли заходили в гавани Италии, Франции, Испании, Англии и Фландрии, а также Греции и Фракии, Эгейских островов, Александрии и Сирии; купцов-дубровчан можно было встретить в портах Италии и Испании, Лондона и Александрии.

Однако с конца столетия наметились признаки регресса, вызванного усилившейся конкуренцией со стороны западноевропейских купцов, а также экономической политикой Венеции, претендовавшей на господство на море.

Завладев в начале XV в. почти всеми далматинскими городами, республика стала ограничивать свободу их торговли: постановления, запрещавшие торговать где-либо, кроме гаваней самой республики (или даже только венецианской), издавались на протяжении всего ее существования, т.е. до конца XVIII в., что, безусловно, имело отрицательные последствия. Однако некоторые мероприятия венецианского правительства принесли и положительные плоды. Так, в конце XVI в. оно позаботилось о сооружении парома в Сплите, что значительно способствовало превращению города в важный пункт транзитной торговли, успешно конкурировавший с Дубровником. Тяжелый удар последнему нанесло также стихийное бедствие — страшное землетрясение 1667 г., ставшее рубежом в истории города.

Что касается развития других неаграрных отраслей, то в далматинских городах высокого уровня достигли строительные ремесла — зодчество и судостроение. В Дубровнике ремесленники-судостроители занимали в отраслевой структуре третье место (вслед за текстильщиками и сапожниками). О развитии строительного дела свидетельствуют сохранившиеся доныне архитектурные памятники (например, монументальный собор XV в. в г. Шибеник, сочетающий в себе черты готического и ренессансного стилей). В целом, однако, для социальной структуры далматинских городов характерно преобладание купеческого элемента над ремесленным. Это обусловило неразвитость цеховой системы (профессиональные организации ремесленников существовали, но не носили монопольно-принудительного характера), что создавало объективные предпосылки для сравнительно раннего развития мануфактуры.

Городские и крестьянские движения в Хорватии, Славонии и Далмации

Период XV–XVIII вв. ознаменовался резким обострением социальных противоречий в Славонии и Далмации.

С конца XIV по конец XVI в. городская коммуна Загреба находилась в состоянии перманентного конфликта с Загребским капитулом. Борьба велась за доходы (право на «рыночный сбор» и земельные владения) и достигла наибольшей остроты в период с 1396 г. по начало 1420-х гг., когда имели место вооруженные столкновения (в историографии для их обозначения употребляется

даже термин «гражданская война»). Несомненно, причиной обострения служила общая нестабильность политического положения в стране.

Не менее острыми были конфликты со светскими господами. В конце XVI в. горожане вновь выступили с оружием в руках, на сей раз против вице-бана А. Грегорианца, с которым они вели давнюю тяжбу относительно земельных владений. Одновременно горожане напали на капитульские владения. Хорватский сабор приравнял их выступление к некоему крестьянскому бунту, имевшему место в прежние времена (подразумевается, видимо, восстание 1573 г., к которому мы еще вернемся), и подверг город репрессиям.

В начале XVII в. в городе обострились внутренние противоречия, связанные с формированием патрициата.

В 1607 г. была произведена реформа самоуправления, в результате которой прежний, относительно демократический строй сменился патрицианской олигархией. Через год «демократическая партия» произвела переворот, однако уже в следующем году олигархическая система была восстановлена, а лидер оппозиции впоследствии казнен.

Подобный характер носили социальные конфликты и в далматинских городах с той разницей, что здесь они начались еще в середине XIV в. и торжество патрицианской олигархии наступило уже в XV в.; кроме того, важную роль в этих событиях играл внешнеполитический фактор — соперничество венгерских королей и Венецианской республики в далматинском регионе. Венеция из корыстных соображений поддерживала выступления против патрициата, который ориентировался на ее противника; это наложило отпечаток на историю городских восстаний 1346 г. (Задар) и 1357—1359 гг. (Трогир, Шибеник, Сплит). Особой остроты достигла борьба в Сплите в 1398—1401 гг. («гражданская война») и на о. Хвар (восстания начала XV и начала XVI в.); однако в этот период Венеция уже перешла в наступление и приняла ряд мер, способствовавших упрочению власти патрициата.

Исключением среди далматинских городов был Дубровник, где серьезных социальных конфликтов не отмечено. По-видимому, это обстоятельство явилось одной из причин того, что в художественной литературе той эпохи за ним утвердился эпитет «мирный город».

Вторая половина XV — середина XVIII в. ознаменовались активизацией крестьянского движения в хорватских землях.

Самую яркую страницу в истории крестьянского движения в Хорватии представляет восстание Матии Губеца (1573), которого

повстанцы якобы провозгласили крестьянским королем. Но даже если этот пункт обвинений, выдвинутых господами, не считать доказанным, вряд ли можно сомневаться в том, что это восстание было не только реакцией на рост барщины. Повстанцам вменялось также в вину, что они намеревались, перебив господ, учредить в Загребе императорское наместничество, которое дало бы им право взимать налоги и заботиться о границе, т.е., как и 100 лет назад в Словении, выдвигались политические лозунги.

Таким образом, для рассмотренных событий характерна одна общая черта: стремление крестьян добиться права на участие в решении государственных дел.

В XVII в. неоднократно возникали волнения крестьян и граничаров в Славонии. Наивысшего накала борьба достигла в 1630–1650-х гг., а главным ее очагом стали владения загребского епископата и графа Эрдеди. Имели место и вооруженные выступления, хотя в основном движение протеста не выходило за легальные рамки (петиции и судебные протесты). Выдвигались в основном экономические требования, однако в среде простонародья не угасла мечта о справедливом короле — защитнике угнетенных крестьянских масс.

Последним крупным выступлением крестьян в XVIII в. стало восстание 1755 г. в Славонии, послужившее поводом для аграрных реформ.

Изменения в системе аграрных отношений и развитие барщинной системы

XVI–XVIII вв. ознаменовались глубокими изменениями в системе аграрных отношений.

Прогресс в развитии неаграрных отраслей сказался на сельскохозяйственном производстве, стимулируя повышение его товарности. Активное участие в торговле продуктами земледелия и животноводства принимали лица различной сословной принадлежности. При этом для периода середины XVI в. была особенно характерна активность городского населения, а для последующего — представителей высшего сословия. Уже этот факт наводит на мысль об изменениях в системе аграрных отношений, связанных с наступлением в Европе капиталистической эры.

В XIII–XIV вв. экономическое развитие хорватских земель шло примерно по тому же пути, что и в западноевропейских странах, т.е. наметилась тенденция к преобладанию денежной ренты, в то время как норма барщины не превышала одного дня в две недели (26 дней в году).

С начала XVI в. в истории аграрных отношений восточноевропейских стран явственно обозначился новый этап, связанный с повышением экономической активности господ и выразившийся в переходе к барщинно-фольварочной системе. Это было обусловлено комплексом причин. Во-первых, в промышленно развитых странах резко обозначилось повышение спроса на сельскохозяйственную продукцию, что открывало перспективы для широкого развития экспорта. Во-вторых, крестьянское хозяйство, в свое время положительно отреагировавшее на рыночную конъюнктуру, к этому времени уже исчерпало свои возможности и не могло удовлетворить возрастающие аппетиты знати. Наконец, в странах Центральной и Юго-Восточной Европы имелись резервы земельной площади, достаточные для того, чтобы расширить домениальную запашку (господский аллод или фольварк), не переводя массы крестьянства на положение безнадельных батраков и тем сохраняя формальное право требовать с них отработочных повинностей.

Основные факты, подтверждающие вывод о развитии барщинной системы в хорватских землях, можно свести к следующему.

Для земель, входящих в состав «Короны св. Стефана», важным рубежом стало принятие в качестве официального законодательного кодекса «Трипартитум» (одного из крупнейших юридических памятников Венгрии), получившего силу закона немедленно после подавления восстания Д. Дожи (1514). «Трипартитум», во-первых, вводил в качестве единой минимальной нормы один день барщины в неделю, а во-вторых, провозглашал прикрепление крестьян к земле якобы в наказание за «дерзкий мятеж против всего благородного сословия». Ясно, однако, что речь шла не о санкции, а «закрепощение» было вызвано экономическими мотивами, поскольку с переходом к новой системе обострилась проблема рабочей силы.

Типичной нормой в XVII в. стала трехдневная барщина для половинного крестьянского надела, который в свою очередь становится к тому времени наиболее типичным. Соответственно для других категорий наделов эта норма могла быть ниже или выше, доходя до шести и более (если считать в человеко-днях) дней в неделю. Значительный процент составляли малоземельные крестьяне (владельцы участков менее 0,5 надела) и безземельные «инквилины». Есть основания думать, что для господ выгодно было дробление наделов, так как это давало возможность повышать общий объем повинностей. Так, например, если с хозяина целого надела трудно было требовать более шести рабочих дней в неделю, то, разделив этот участок на два или четыре, можно было безболезненно довести эту норму до восьми дней.

Экспансия барщинной системы нашла отражение в экономической политике загребской коммуны, которая с середины XVI в. начинает усиленно развивать сельское хозяйство, уделяя особое внимание зерновым культурам. Хотя до середины XVII в. основной доход давала торговля вином, уже с 1570-х гг. все большую роль начинает играть продажа проса. Одновременно появляются упоминания о посевах пшеницы, гречихи и ячменя. Большое место в коммунальном хозяйстве занимало производство кормов — сена и овса; продажа сена приносила известный доход. Тенденция к развитию зернового хозяйства особенно заметна в XVII в.: в 1650 г. доходы от торговли зерном даже превысили выручку от продажи вина.

Характерную черту аграрных отношений городских земель представляет то, что коммуна не только несла расходы по оплате труда кметов, но и принимала на себя издержки, связанные со снабжением их инвентарем и с покупкой семян. Интерес к производству сельскохозяйственных продуктов проявляли также отдельные горожане.

Несмотря на высокий уровень эксплуатации крестьян, данные о состоянии крестьянских хозяйств не позволяют говорить об их тотальном упадке. Более того, они отразили имущественную дифференциацию, в основе которой лежали объективные экономические процессы, связанные с развитием специализации и товарного производства. Так, на землях загребской коммуны можно выделить различные типы сел: в одних крестьяне специализировались преимущественно на виноградарстве, занимаясь в то же время свиноводством (хозяйства насчитывали до 13—15 свиней) и некоторыми ремесленными занятиями (плотницким, бочарным), в других — зерновым хозяйством и разведением крупного рогатого скота (некоторые дворы имели по 3—4 упряжки волов). В каждом селе имелись крупные и мелкие хозяйства, однако можно выделить села зажиточные, бедняцкие и середняцкие. Наиболее успешно развивались хозяйства, благосостояние которых зависело от виноградарства и свиноводства; удельный вес земледельческих хозяйств показывает тенденцию к снижению.

СРЕДНЕВЕКОВАЯ КУЛЬТУРА

Глаголическая и латинская письменность. Хроники. Исторические сочинения

Со времени миссии Кирилла и Мефодия в книжности хорватских земель наряду с латинским начинает употребляться старославянский язык. В Хорватии и Истрии появляются надписи на

глаголице, применение которой станет отличительным признаком хорватской культуры. С XII в. здесь глаголическим письмом писали церковные книги, вели хозяйственные дневники, составляли завещания и другие правовые акты. Однако литературным языком в Хорватии оставалась латынь, и лишь с XV в. народный хорватский язык начинает проникать в книжную культуру. Тогда же начинается его перевод на латинский шрифт.

В средневековых хорватских землях достаточно широко распространяются агиографические сочинения, такие, например, как «Житие св. Иеронима», по легенде, уроженца Далмации и создателя глаголического письма, «Чудеса преславной девы Марии», столь популярные, что они были изданы первой хорватской типографией в Сени в самом начале XVI в. Переводились и разного рода морально-дидактические и апокрифические сочинения (видения, легенды и пр.). Хорваты особенно любили «Тундалово видение», повествующее о путешествии души одного ирландского рыцаря в потустороннем мире.

В XIII в. в Далмации появляются крупные литературные памятники, относящиеся к одному из наиболее характерных жанров средневековой литературы — историческим хроникам. Архидиакон Сплитской церкви Фома, получивший образование в Болонском университете, создал «Историю архиепископов Салоны и Сплита» от времен античности до середины XIII в. В ней он повествует не только об эпизодах из жизни города, но и о событиях, значимых для истории всей Хорватии: таких, как, например, воцарение венгерской династии Арпадов в Хорватском королевстве или татаро-монгольское нашествие на венгерские и хорватские земли. В XIV в. сплитский аристократ Миха Мадиев в историческом сочинении «О деяниях римских императоров и святейших отцов» описал положение Хорватии и Боснии конца XIII — начала XIV в.

В XIV—XV вв. в Хорватии начинают составляться хроники на славянском языке («Краткая хроника» Шимуна Климентовича).

В раннесредневековом хорватском искусстве заметно влияние позднеантичных образцов, сохранившихся в городах на побережье Адриатического моря, но позднеантичные сюжеты и формы значительно упрощаются и схематизируются. В декоративно-прикладном искусстве преобладает растительный орнамент, а человеческие фигуры почти полностью исчезают. Замечательным памятником далматинской архитектуры является церковь св. Доната (X в.) в Задаре, представляющая собой ротонду. Книжные миниатюры из Далмации (Сплитское Евангелие VIII в., Евангелие из Осора конца XI в.) и Зеты (кириллическое Мирославово Евангелие XII в.) ориентированы на южноитальянские образцы.

В районах близ Адриатического моря в XI в. наступает эпоха романского стиля, продолжавшаяся до XIV в., а некоторые элементы этого стиля прослеживаются и до XVI в. Ранние романские постройки здесь еще несут на себе отпечаток позднеантичных далматинских образцов (церковь св. Хрисогона в Задаре, собор в Трогире). В Истрии романский стиль выступает в виде сплетения местных, венецианских и фриульских традиций и вскоре сменяется готикой. Наиболее ярким проявлением романского стиля в Северной Хорватии стали написанные, вероятно, римскими мастерами фрески в соборе Загреба (после 1242 г.). Впрочем, с середины XII в. и вплоть до XVII в. (эпохи Барокко) здесь господствует готика. Яркий пример тому — собор в Загребе, строившийся на протяжении XIII—XV вв. В Далмации же недолгий период расцвета готического стиля закончился в XV в. с наступлением Ренессанса.

Развитие художественной литературы в Далмации второй половины XV—XVI вв. Ренессанс

Одним из признаков наступления новой эры в европейских странах стал, как известно, переворот в области культуры. В его основе лежала новая система религиозно-философских воззрений.

В отличие от средневековых философов, в сочинениях которых Бог выступает как начало иррациональное (Он создал некое чудовище, полуангела-полузверя, и сам его как бы опасается, испытует и беспощадно карает, требуя только покаяния за первородный грех в качестве условия спасения), философы Нового времени — рационалисты исходят из убеждения в тождественности небесных и земных законов: Бог создал совершенное, гармоничное творение, призванное наслаждаться земными благами и познавать «законы вселенной». Происходит своего рода реабилитация «гнева и желания», которые прежде почитались греховными «зверскими» чувствами: если человек в силу своих физических и интеллектуальных потенций способен выполнить то, для чего он создан, он имеет право отстаивать свои желания, не стесняясь в средствах, убежденный, что Бог гневается на его врагов так же, как он сам (эта идея вдохновляла гуситских «Божьих воинов» и всех воинствующих деятелей эпохи Реформации).

Со второй половины XV в. отчетливо обозначились признаки наступления новой эры в Далмации, тесно связанной с Италией.

Изменение идейного содержания художественных и научных произведений повлекло за собой перемены в области формы. Во-первых, преимущественное развитие получают такие литературные

жанры, как лирическая поэзия и комедиография, а исторические труды нередко облекаются в форму научных трактатов, авторы которых ставят задачей не просто регистрацию фактов (внешне беспристрастную, а по сути — тенденциозную), но исследование различных социально-политических явлений и создание определенных концепций. Во-вторых, намечается тенденция сделать плоды литературного творчества доступными более широким кругам грамотной публики, а именно — переход от мертвой латыни к живым языкам, в том числе народному.

Первым крупным произведением литературы рассматриваемого периода, свидетельствующим о наступлении нового этапа в ее развитии, принято считать эпическую поэму сплитчанина Марко Марулича «Юдифь». Марулич был широко образованным человеком, автором морально-дидактических трактатов, известных во многих европейских странах. Его также интересовали проблемы отечественной истории: вслед за «Юдифью», увидевшей свет в 1521 г., он вскоре издает собственный латинский перевод «Хорватской хроники» (главы из «Летописи попа Дуклянина», посвященные хорватским сюжетам). Тот факт, что именно Марулич явился автором одного из первых произведений на хорватском языке, свидетельствует о силе отмеченной тенденции. Что касается библейского мифа, положенного в основу сюжета, то мотивы, побудившие автора к нему обратиться, понятны: для писателя это была повесть о патриотическом подвиге — образ древней Бетулии, осажденной полчищами Олоферна, вызывал прямую ассоциацию с положением хорватских земель в условиях османской экспансии. Не случайно и то, что автор выбрал сюжет, героиней которого является женщина с сильным характером, т.е. персонаж, в средневековой литературе играющий обычно отрицательную роль.

Творчество Марулича, при всех заслугах автора, в истории далматинской литературы стоит несколько особняком. Более перспективными оказались другие направления, также порожденные новой эпохой.

Уже во второй половине XV в. заявил о своем существовании кружок дубровницких поэтов-петраркистов. Деятельность кружка выразилась как в собирании и издании произведений народной поэзии, так и в создании оригинальных произведений на народном языке, проникнутых характерными для ренессансной литературы настроениями. Наиболее известными представителями кружка были Дж. Држич и Ш. Менчетич.

При всем несходстве личных судеб (Менчетич — светский аристократ, который дважды на протяжении своей долгой жизни облекался в пурпурную тогу князя республики; Држич —

священник, проживший недолгую и нелегкую жизнь), их поэтическое творчество обнаруживает сходство. Как один, так и другой развивают мысль о том, что смысл жизни заключается в наслаждении.

XVI в. — время наивысшего расцвета далматинско-дубровницкой ренессансной литературы. Жанры ее разнообразны: это и светская драма, первым образцом которой является «Рабыня» Г. Луцича с о. Хвар, и первый роман «Планины» П. Зоранича из г. Задара, «Рыбная ловля и рыбацкие присказки» П. Гекторовича, первого хорватского фольклориста, эпическая поэма «Взятие Сигета» задаранина Б. Крнарутича, фарсы дубровчанина Н. Налешковича. Вершиной же ее по праву считается творчество Марина Држича (ок. 1508—1567), пьесы которого до сих пор не сходят со сцены. Выдающийся талант позволил Држичу создать реалистическую картину современной ему действительности, его комедии отличают тонкий юмор и живой разговорный язык (смесь хорватского с итальянским).

Из комедии Држича «Дундо Марое» видно, что идеалом автора было общество изобилия, равенства, гуманных нравов и высокого интеллектуального развития. Она свидетельствует также о зарождении новой концепции — концепции исторического оптимизма: «железный век», век варварства, остался в прошлом и справедливость восторжествовала.

Несколько особняком стоит фигура М. Ветрановича, священника патрицианского происхождения, занимавшего высокий пост в церковной иерархии, но, видимо, лишенного карьеристских амбиций, сохранившего скромность и даже склонного к самоиронии. Наиболее известный образец его творчества — героико-комическая поэма «Пустынник», где автор с большим чувством юмора описывает свою жизнь на уединенном острове, куда он удалился в поисках благодати. Комизм ситуации состоит в том, что привыкший к комфорту дубровницкий горожанин никак не может приспособиться к жизни подвижника, полной трудов и лишений.

Хорватская литература второй половины XVI — первой половины XVII в.

Ограниченность ренессансного гуманизма начала преодолеваться в эпоху Барокко.

В любовной лирике Д. Златарича, а тем более в таких его стихах, как «В похвалу покоя» или «Взыскую пути, который ведет ко Всевышнему», явно ощущается тревога, утрата душевной гармонии, характерной для ренессансного человека. В стихах Дж. Бунича

особое место занимают мотивы, связанные с размышлениями о «тщете земного существования»: жизнь человека уподобляется то плаванию по бурному морю, то битве, где ему ежеминутно грозит смертельная опасность. Все в жизни мимолетно, и следует смиренно готовить себя к благочестивой кончине.

Особое место в истории хорватской литературы принадлежит И. Гундуличу, автору трех замечательных памятников славянской литературы: пасторали «Дубравка», а также поэм «Слезы блудного сына» и «Осман». Расцвет его творчества падает на 1620-е годы.

«Осман» — поэма, которая принесла наибольшую славу Гундуличу. Первая сюжетная линия произведения, судьба самого Османа, — это трагедия человека, субъективно честного, но служащего порочной идее. Материалом для развития сюжета послужили актуальные исторические события — Хотинская война 1620—1621 гг., явственно продемонстрировавшая наступление нового этапа в истории османской экспансии и послужившая поводом для событий, связанных с историей правления Османа II. Неудачный для Османской империи исход войны побудил правительство задуматься над необходимостью реформ, направленных на восстановление военного и политического могущества государства. Однако попытка их проведения привела к государственному перевороту, гибели султана и его приверженцев. Гундулич включил эти события в широкий историко-философский контекст, подчинив свое сочинение задаче доказать превосходство «креста» над «полумесяцем» и историческую обреченность последнего.

С этой идеей — идеей борьбы «креста и полумесяца», исход которой заранее предрешен, связана вторая сюжетная линия поэмы — политическая, вносящая в «Османа» оптимистическую ноту, свидетельствующую о верности Гундулича ренессансным традициям. Роль идеального героя отводится польскому королевичу Владиславу, ему (незаслуженно) приписывается слава победителя и репутация правителя, под скипетром которого процветают славянские земли. Здесь автор изменяет позиции смиренного христианина и переходит на воинственную, пророчествуя утверждение мирового господства польской династии, олицетворяющей идею «креста».

Третья сюжетная линия являет собой продукт чисто поэтического вымысла. Образы Крунославы и Соколицы — сильных характеров, способных противостоять ударам судьбы (примечательно, такая роль отведена женщинам, существам с точки зрения средневековой философии по самой своей природе слабым и порочным), — придают поэме особый драматизм.

Итак, герой хорватской литературы эпохи Барокко предстает перед нами, судя по произведениям ее наиболее значительного представителя, как личность, не только унаследовавшая положительные черты ренессансного века, но и обогащенная новым опытом.

Конец рассматриваемого периода в истории далматинской и дубровницкой поэзии ознаменовался известным снижением художественного уровня, однако с точки зрения идейного содержания нельзя не заметить и некоторых положительных явлений, свидетельствующих о приближении века Просвещения, возродившего рационалистическое и оптимистическое мировосприятие и увенчавшегося созданием теории исторического прогресса.

Характерен, в частности, интерес к проблемам воспитания, о чем ярко свидетельствует появление стихотворного произведения «Евангельская притча о бедном Лазаре» И. Каванина (Сплит). Автор не ограничивается развитием тезиса «о вреде от богатства и о пользе от бедности», составляющего основное содержание библейского мифа, но стремится к популяризации исторических знаний, распространению гражданских идей и славянского патриотизма, время от времени обращаясь к жанру сатиры (в том числе и при обличении пороков духовенства).

Аналогичными мотивами руководствовался францисканский монах А. Качич-Миошич в своем широко известном сочинении «Приятный разговор славянского народа», которое было задумано как исторические очерки для просвещения «бедных крестьян и пастырей». Прозаическое повествование автор перемежает со стихотворным, выдержанным в стиле народных песен (по его утверждению, это подлинные произведения народной поэзии, обнаруженные им во время работы в итальянских архивах). В отличие от Каваньина Качич не обращался к библейским сюжетам, а все внимание сосредоточил на проблемах славянской истории (отчасти материал заимствован им из труда М. Орбини, отчасти — когда речь идет о современных автору или близких по времени событиях — является плодом его собственных наблюдений и размышлений).

Наиболее значительным явлением в области лирической поэзии данного периода следует, по-видимому, считать творчество дубровчанина И. Джурджевича (1675—1737). В его лирике, несколько сентиментальной и кокетливой, заметны признаки преодоления тех противоречий, которые терзали поэтов предшествующей эпохи: лирический герой склонен довольствоваться тем ощущением гармонии, какое дают идиллические наслаждения от общения с природой, любовные утехи и интеллектуальные занятия, не требующие особого напряжения мысли.

Развитие гуманитарных наук и политической мысли в Хорватии в XVI–XVII вв.

По сравнению с Далмацией иные литературные формы получили распространение у народов, оказавшихся в составе Австрийской монархии. Одно направление в развитии литературы связано с деятельностью словенских реформаторов (П. Трубар и его ученики, переводившие на славянский язык церковные книги и пропагандировавшие свои идеи) и их противников из католического лагеря. Другое, характерное для хорватских земель, выразилось в интенсивном развитии историографии. Со второй половины XVII в. особое значение в Хорватии приобретают также поэтические сочинения и обличительная литература.

Почетное место принадлежит литературным трудам братьев Н. и П. Зринских. Зринские были людьми эпического склада; их общим детищем является поэма «Сирена Адрианского моря» (по-венгерски — «Падение Сигета»), посвященная героической обороне Сигета, где доблестно сражался и погиб их предок. Старший брат, Никола, писал на венгерском языке, младший, Петр, перевел сочинение на хорватский, кое-что добавив. П. Зринский проявлял также интерес к фольклору, что сказалось на его творчестве.

В области гуманитарных наук, особенно истории, следует отметить приоритет хорватских историков в разработке общеславянских сюжетов. Пионерами в этой области стали В. Прибоевич (монах-доминиканец, речь которого «О происхождении и истории славянских народов», произнесенная на о. Хвар в 1532 г., значительно позднее была опубликована в Венеции в итальянском переводе) и М. Орбини (дубровчанин).

Особую славу снискало сочинение Орбини «Королевство славян», написанное на рубеже XVI–XVII вв. (первое издание относится к 1601 г.). Спустя сто с лишним лет (к концу правления Петра I) оно было переведено на русский язык. Труд Орбини отличается от средневековых исторических сочинений. Во-первых, он написан на живом (итальянском) языке. Во-вторых, в нем сделана попытка оценить вклад славянских народов в развитие европейской цивилизации. При этом в качестве критерия оценки автору служат не только внешнеполитические успехи этих народов, но и достижения в развитии культуры. Специальная глава отведена «ученым людям» Дубровника. Кроме того, во введении говорится о том, что без усилий образованных людей, пишущих исторические сочинения, подвиги и успехи народов оказались бы преданными забвению. Таким образом, для Орбини характерно отличное от средневекового представление о задачах историо-

графии. Элементы научного подхода к историческому материалу проявились также во внимательном отношении к источниковой базе. Однако ее критическая оценка у Орбини отсутствует. Автор широко использует им самим переведенную на итальянский «Летопись попа Дуклянина», ценность которой как источника для изучения фактической истории сомнительна.

Начало нового этапа в развитии хорватской историографии принято связывать с именем И. Лучича (Трогир), писавшего уже во второй половине XVII в. Его шеститомный труд по истории хорватских земель отличает (сравнительно с «Королевством славян») строгая академичность и стремление к научной объективности. Об этих качествах свидетельствует и сюжет (это не фантастическое «славянское царство», а вполне конкретная история хорватского королевства с древнейших времен до последних десятилетий XV в.), и язык (традиционная латынь), и, главное, критическое отношение к источникам. Лучич первым усомнился в фактографической ценности «Летописи попа Дуклянина» и тем положил начало научной полемике вокруг этого сочинения, продолжающейся и в Новейшее время.

Ряд положительных явлений можно отметить в развитии научной мысли хорватских и словенских земель, входивших в состав Австрийской империи. Исторические хроники обретают черты, характерные для нового этапа в развитии культуры, в частности более доступную широкому читателю форму. Во второй половине XVI в. появилась первая хроника на хорватском языке — загребского каноника А. Врамеца. Вместе с тем начинают развиваться и новые жанры, свидетельствующие об активизации научной и политической мысли.

Среди хорватских политических мыслителей второй половины XVII — начала XVIII в. особое место занимают две фигуры — П. Риттера-Витезовича и Ю. Крижанича. Витезовича считают первым хорватским профессиональным писателем и самым выдающимся предшественником иллирийского движения, сыгравшим чрезвычайно важную роль не только в политической и культурной жизни Хорватии XIX в., но и в истории славянского национального Возрождения вообще. Наиболее известные труды Витезовича — «Всемирная хроника» на хорватском языке и латинская поэма «Два века плачущей Хорватии». Главная задача «Хроники» (как видно уже из выбора языка и работы над упрощением правописания) — популяризация знаний из истории Хорватии и воспитание патриотизма. В поэме автор повествует о событиях XVI—XVII вв. — борьбе с турками и антигабсбургском заговоре, давая ему отрицательную оценку.

Витезович был панкроатистом: он не только называл хорватами всех южных славян, но и считал выходцами из Хорватии легендарных основателей чешского, польского и русского государств. Вместе с тем Витезович является автором первой программы политического объединения южных славян под скипетром Габсбургов.

Фигура Ю. Крижанича (ок. 1618—1683) занимает особое место — его биография, разнообразие научных интересов и оригинальность суждений породили весьма противоречивые истолкования среди ученых последующих поколений.

Крижанич был искренним, хотя и весьма своеобразным патриотом. Основную идею его «Политики, или Беседы о правлении», задуманной как политическое руководство для российского царя Алексея Михайловича, при всем многообразии затронутых в ней проблем можно свести к размышлениям об исторических судьбах славянских народов, волнующих автора. Крижанич не только демонстративно подчеркивает свою лояльность по отношению к Православной церкви (это можно было бы расценить и как своего рода дипломатический маневр, прикрывающий задачи, поставленные перед ним «Конгрегацией пропаганды веры», возглавляемой иезуитским орденом, к которому Крижанич принадлежал), но и указывает на необходимость сохранения чистоты православной веры как на одно из условий сохранения независимости и силы русского государства — единственной надежды славянского мира, над которым нависла угроза окончательной утраты своего места в политической системе Европы и моральной деградации. Наконец, едва ли не самый сильный аргумент в пользу искренности славянских симпатий и даже известного русофильства Крижанича представляет его критическая (чтобы не сказать «враждебная») позиция по отношению к «Республике Обеих Наций» (польско-литовской шляхетской Речи Посполитой), которая в его время выступала как главный фактор насаждения униатства в восточнославянских землях.

Оценка Крижаничем исторической роли и места славянских народов достаточно сдержанна: он отводит славянам (исходя из весьма популярного в его эпоху тезиса «Познай самого себя») среднее место между высокоодаренными и высокоцивилизованными народами Западной Европы и народами варварскими; даже немцы, ненавистные ему, быть может, не столько как угнетатели славянства, сколько как носители зловредных (с его точки зрения) протестантских идей, оцениваются им как народ, более одаренный в физическом и моральном отношении,

чем славяне. Но, отдавая известную дань расизму, теории которого получили распространение в эпоху «завоевания земли», Крижанич все же остается на позициях трезвого политика: отмечая черты «расовой неполноценности» у славян, он подчеркивает прежде всего именно ту из них, которая была им выведена из анализа политической истории, а именно — «ксеномания», т.е. патологическое «гостолюбие», преклонение перед иностранцами и склонность некритически перенимать все, что в той или иной форме навязывается западными соседями, будь то полезные достижения в области хозяйства или вредоносные политические поползновения.

СЛОВЕНСКИЕ ЗЕМЛИ В СРЕДНИЕ ВЕКА И РАННЕЕ НОВОЕ ВРЕМЯ

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ И ПОЛИТИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ

Словенские земли в VII — первой половине XIV в.

Славянская колонизация представляла собой длительный и сложный процесс, прошедший ряд этапов. Так, применительно к истории словенцев («альпийских славян») начальным моментом их переселения в Центральную Европу называют уже середину VI в.

С начала поселения и до 620-х гг. «альпийские славяне» признавали власть аварского каганата, а на западных границах в VII — начале VIII в. вели борьбу с баварцами и лангобардами.

Около 623 г. (или 626 г.) возникло так называемое «государство Само» с центром на территории позднейшей Чехии, в состав которого вошла некая «Вендская марка», управляемая князем Валуком, — его принято считать первым словенским государем.

Более достоверные сведения из ранней истории словенских земель содержатся в трактате «Обращение баварцев и карантанцев» (вторая половина IX в.). В нем речь идет о территории современной Словении, которая фигурирует в источниках раннесредневекового периода под названием «Карантания» (по-русски — Хорутания). Автор трактата сообщает, что в начале 740-х гг. карантанским князем был некий Борут, просивший помощи у баварского герцога в борьбе против аваров. Следствием баварской интервенции явилось признание карантанцами власти герцога и франкского короля. Борут оставался карантанским князем вплоть до своей кончины (ок. 749 г.). Наследовали ему сын и племянник, которые до этого находились при баварском дворе и были крещены. К концу правления последнего (ок. 751—769 гг.) в Баварии произошло восстание, в результате которого она вместе с Карантанией отделилась, однако в 788 г. — при Карле Великом — франкская власть там была восстановлена. Судя по данным упомянутого трактата, в Карантании с этого времени шел довольно интенсивный процесс оттеснения местных князей от власти франкскими маркграфами. В начале IX в. Карл Великий завладел также Истрией — полуостровом в северной части Адриатики, где франкская администрация, видимо, поощряла приток славянских колонистов.

В дальнейшем на протяжении ряда столетий словенские земли оставались в составе германских государств — империи Каролингов, Восточно-Франкского королевства, Священной Римской империи. Только на время во второй половине XIII в. ими завладел чешский король Пржемысл II Оттокар, однако после его гибели в борьбе с Рудольфом Габсбургом в 1278 г. здесь установилась наследственная власть Габсбургов, просуществовавшая вплоть до 1918 г.

Процесс феодализации в словенских землях начался, видимо, раньше, чем в хорватских и тем более сербских. Собственно первая иммунитетная грамота, содержащая упоминание о славянах, традиционно относится к истории Словении. Она была выдана в 777 г. баварским герцогом немецкому монастырю, находившемуся на территории нынешней Австрии. Монастырю передавалось право на платежи и службы местного населения, ранее следовавшие в пользу фиска (формы и размеры повинностей не указаны). Грамота содержит также первое известное из источников упоминание термина «жупан» применительно к конкретному лицу, облеченному некими административными правами.

Дальнейший ход развития крупного церковно-монастырского и светского землевладения не оставил столь ярких следов в известных источниках, зато в них сохранились уникальные сведения из истории формирования строя сословной монархии, относящиеся к концу рассматриваемого периода.

Первым таким источником является «Швабское зерцало», составленное сразу после установления власти Рудольфа II Габсбурга и содержащее сведения о правовом статусе словенских земель в составе Священной Римской империи, а также подробное описание архаического обряда интронизации карантанского герцога. Из описания следует, что должность карантанского герцога (одновременно он имел придворный титул «ловчего» германского императора) была выборной, и в его избрании участвовали все свободные (fryen) жители страны, включая женщин и детей.

Спустя примерно полстолетия была написана хроника аббата Иоанна, зафиксировавшая решающий перелом в социально-политической истории словенских земель: «австрийцы» сочли себя оскорбленными «мужицким» обрядом и решили, что его следует отменить. Это сочинение представляет собой наиболее значительный памятник словенской средневековой литературы и даже считается одним из лучших исторических трудов в Европе той поры. Автор, родом из Франции, поселился в Словении в начале XIV в. Его «Книга правдивых историй» излагает всемирную историю с VIII до середины XIV в.

Итак, в середине XIV в. в словенских землях утвердился строй сословной монархии, уже существовавший в остальных владениях немецких государей, чем в основном и завершился процесс феодализации.

Особенности развития словенской экономики

Словения в развитии экономики далеко опережала Хорватию. Во-первых, уже в середине XVI в. здесь существовал значительный слой людей, готовых служить по найму, т.е. формировался предпролетариат, а во-вторых, имел место экспорт ремесленной продукции.

Особенно важно отметить, что словенская продукция находила спрос не только в сравнительно отсталой Хорватии, но и в развитых странах Западной Европы. Так, в Италию вывозились полотно и деревянные изделия (сита), в Голландию, Англию и Францию — высококачественные кожи (красный и черный кордован).

Не менее интересен и тот факт, что ремесленные занятия процветали на селе. За границу поставлялось недорогое сукно «мезлан», которое ткали почти во всех селах Верхней Крайны, а производством решет, вывозимых в Италию, особо славилось одно из сел, «самое большое в Крайне», жителей которого так и называли — ситари. Все это создавало предпосылки для развития рассеянной мануфактуры: невозможно себе представить, каким образом крестьянская продукция могла в больших количествах появляться на внешнем рынке без посредников.

Одну из ведущих отраслей словенской экономики представляло горное дело и производство металлических изделий, в частности оружия. Продукция рудников пользовалась большим спросом на внешнем рынке, прежде всего в Италии; она вывозилась также в Польшу, а оттуда — еще дальше. Самым знаменитым был идрийский ртутный рудник, открытый в конце XVI в.

Помимо описанных ремесел и горного дела население Крайны интенсивно занималось и промыслами — соляным, рыболовным и охотничьим.

Таким образом, можно заключить, что к концу рассматриваемого периода в развитии неаграрных отраслей экономики в словенских землях имели место положительные сдвиги.

Отличительной чертой сельского хозяйства словенских земель следует признать наличие высокоразвитого коневодства и отраслей, связанных с разведением мелкого рогатого скота. Его характерной особенностью является значительное развитие в некоторых районах (например, в Истрии) садоводства: разведение цитрусовых, гранатов, миндаля, оливок и тому подобных

«благородных плодов», находящих сбыт на внешнем рынке. Достаточно высокого уровня достигло виноградарство и виноделие. Вино вывозилось за границу. Что же касается производства зерна, то оно не принадлежало к экспортным отраслям — экспортировалась только гречиха. Однако для внутренней торговли производство зерновых, несомненно, имело чрезвычайно большое значение.

Народные движения

Вторая половина XV — середина XVIII в. ознаменовались активизацией крестьянского движения в Словении. Наиболее драматические события развернулись в 1478 г. Причина заключалась в том, что крестьяне выступали не против произвола отдельных господ, но против всего сословия, выдвигая требования гражданских прав.

Сперва в Словении появился «крестьянский союз», требовавший предоставления народу права контроля над сбором и расходованием средств, взимаемых якобы на нужды обороны. Затем произошло восстание. Актуальность крестьянских требований была обусловлена ростом налогов, вызванным усилившейся внешней опасностью. Вторжение в словенские земли османского войска в 1478 г. способствовало быстрому подавлению восстания. Однако это восстание имело большое значение — оно показало, что здесь появились силы, способные выдвигать антифеодальные лозунги.

В 1515 г. произошло еще одно крупное восстание, в ходе которого был выдвинут лозунг «За старую правду!» Есть два объяснения его сущности: 1) это было выражением протеста против повышения нормы отработочных повинностей; 2) борьба шла за восстановление некоей «крестьянской демократии во главе с королем».

Словенские земли в эпоху Реформации и Контрреформации

В XVI — начале XVII в. словенские земли испытали на себе влияние Реформации. Словенская Реформация не вылилась в столь острые формы, как немецкая: хотя и в Словении появились некие радикальные секты, главную роль в движении играли умеренные элементы, сурово осуждавшие революционные методы борьбы, призывавшие к христианскому смирению и ограничивавшиеся литературной полемикой с идеологическими противниками. Таким образом, словенская Реформация оставила заметный след только в культурной жизни общества. Причина этого кроется, видимо, в том, что внешнеполитическая ситуация — развитие османской экспансии — требовала сплочения всех христианских сил для борьбы с мусульманским миром.

Самым видным представителем Реформации в словенских землях являлся Примож Трубар (1508–1586). За проповедь протестантизма он был изгнан из словенских земель и прославился в Священной Римской империи своей издательской и литературной деятельностью. Протестантам принадлежит заслуга издания первой словенской грамматики.

К 1578 г. дворянство и горожане Штирии, Каринтии и Крайны получили от династии Габсбургов свободу вероисповедания. Но уже к началу XVII в. все протестанты были либо изгнаны из Внутренней Австрии, либо перешли в католичество. Контрреформация здесь не вызвала серьезного отпора со стороны последователей Лютера, что явилось результатом слабости и умеренности протестантизма в словенских землях.

КУЛЬТУРА

В Словении на протяжении Средневековья господствует латынь, которую с XIV в. начинает вытеснять из официальных документов немецкий язык, а во времена Реформации появляются первые сочинения на словенском языке.

Период Реформации стал особенно плодотворным для словенской культуры. А. Бохорич издает первую словенскую грамматику. Юрий Далматин переводит на словенский язык Библию. Наиболее значительным памятником научной мысли в Словении XVII в. является сочинение Я.-В. Вальвасора, ценнейший источник для изучения социально-экономических проблем. Оно написано на немецком языке и состоит из пятнадцати книг; помимо уникальных сведений из области экономики в нем содержится материал физико-географического и этнографического характера, очерк истории и современного положения словенских земель в административно-территориальной системе империи; затрагиваются также хорватские сюжеты. Издание, выполненное в нюрнбергской типографии, отличается высоким полиграфическим уровнем, особенно хороши гравюры, иллюстрирующие повествование. Вальвасору принадлежит ряд работ из области топографии. В словенских землях получают широкое распространение хроники, отличающиеся двумя особенностями: стремлением причислить словенцев к немцам, с одной стороны, а с другой — подчеркнуть самостоятельность отдельных словенских территорий (характерный пример — «Слава герцогства Крайны» Вальвасора, «Анналы Каринтии» Иеронима Магисера и «Карниола древняя и новая» Иоганна Людвига Шенлебена).

БОСНИЙСКИЕ ЗЕМЛИ В СРЕДНИЕ ВЕКА И РАННЕЕ НОВОЕ ВРЕМЯ

БОСНИЙСКИЕ ЗЕМЛИ В XIII–XV вв.

В первой половине XIII в. возник особый комплекс проблем, связанных с Боснией. Предшествующая история боснийских земель почти неизвестна. Здесь еще в X–XI вв. появилось государственное образование во главе с баном, но из-за своей слабости оно находилось сначала под властью дуклянских правителей, а затем венгерских королей с небольшим перерывом во второй половине XII в., когда боснийские земли входили в состав Византийской империи.

С XIII в. в источниках появляются упоминания о «боснийской вере» как еретическом учении дуалистического типа, обычно отождествляемом с распространенным на Балканах богомильством и итальянским патаренством. Принимая такую оценку, следует, однако, иметь в виду, что движение, которое зародилось в X в. в Болгарии и носило ярко выраженный антисеньориальный характер, к рассматриваемому времени в значительной мере его утратило: в ряды богомилов влились довольно многочисленные представители господствующего слоя, преследовавшие свои политические цели. В Боснии это было связано с внешнеполитическими обстоятельствами — борьбой за сферы влияния между восточной и западной церквами, используемой правителями соседних государств (т.е. Венгерского королевства — Босния граничит с хорватскими землями на севере и юго-западе — и Сербии — восточная граница) и создавшей объективные предпосылки для эмансипации боснийских банов.

В результате в боснийских землях сложилась чрезвычайно оригинальная ситуация: формально в церковном отношении они подлежали юрисдикции одного из католических архиепископов, имевших резиденции в далматинских городах (Бар, Сплит, Дубровник), но богослужение велось здесь на славянском языке и, вероятно, по восточному обряду, а главное — католическое духовенство не получало с боснийской паствы десятин. Видимо, это двусмысленное положение и способствовало тому, что боснийские земли превратились в убежище для еретиков, преследуемых как в Сербии, так и в Далмации.

5 – 3699

Первые конкретные сведения о боснийской ереси относятся ко времени понтификата Иннокентия III (правителем Боснии в то время был бан Кулин). В 1203 г., накануне своей кончины, Кулин был вынужден принести публичное покаяние. Однако на протяжении всего длительного правления его преемника (до середины XIII в.) папству не удалось достигнуть реальных результатов, так как новый бан проводил непоследовательную политику. С одной стороны, он искал покровительства папской курии против дерзкой знати, с другой — стремился освободиться от зависимости от венгерского короля, чему способствовала ситуация в самом королевстве: в ходе династической борьбы один из претендентов на престол заключил союз с королем «обеих Сицилий», имевший далеко идущие последствия.

Вплоть до второй половины XIV в. боснийские правители носили титул банов и почти постоянно оставались в зависимости от венгерских королей, но во второй половине XIV в. (вследствие ослабления позиций хорватской аристократии, а затем — после смерти Лайоша I — и власти венгерского короля) бан Твртко (1353–1391) сумел добиться независимости, распространил свою власть на некоторые сербские и хорватские области (в частности, на далматинские города) и принял королевский титул, наименовав себя «королем Сербии, Боснии, Хорватии, Далмации и Приморья».

Падение Боснии

Ко второй половине XV в. внутренние противоречия в Боснии сильно обострились. Вследствие развития центробежных тенденций крупные магнаты выходят из повиновения королю. В 1448 г. один из них, владевший приморскими землями, признал зависимость от германского императора, получив титул «герцога св. Саввы», — с этого времени ведет начало своей истории Герцеговина. В поисках поддержки боснийские короли обращаются за покровительством к венгерским правителям и папской курии, следствием чего становятся жестокие гонения на еретиков. Это обстоятельство в особенности облегчило туркам завоевание страны, население которой не сплачивалось под лозунгом защиты христианства и начинало переходить в ислам.

В течение 1463–1464 гг. турки, не встретив серьезного сопротивления, завладели в Боснии рядом крепостей и взяли в плен короля Стефана Томашевича, автора пророческих слов о том, что «знать, покинутая народом, долго не продержится» (сам Стефан отказался принять ислам и был казнен). Так завершилась история боснийского средневекового государства.

В 1480–1490-х гг. в основном закончилось османское завоевание боснийских (Герцеговина) земель. Часть боснийской территории осталась под властью венгерского короля.

Основу экономического развития боснийских земель составлял вывоз сырья и полуфабрикатов в Италию. Большое значение до конца рассматриваемого периода сохранил экспорт скота, в котором принимали участие и горожане. Торговым и ремесленным центром боснийского эялета (пашалыка) с XVI в. становится Сараево. Правда, в первой половине следующего столетия темпы его развития замедлились, а затем наступила стагнация.

БОСНИЙСКИЕ ЗЕМЛИ ПОД ОСМАНСКОЙ ВЛАСТЬЮ

Боснийский эялет находился на окраине Османской империи на границе с христианскими владениями, поэтому турецкие власти действовали здесь очень осмотрительно. Боснийская знать постепенно, без лишнего принуждения, переходила в ислам и становилась опорой Порты в обороне имперских границ. В Боснии рос и слой землевладельцев-турок. Бóльшая часть земли была государственной и распределялась за военную или гражданскую службу среди спахиев. Крупные лены назывались хассами и принадлежали султану, членам султанской фамилии и высшим чиновникам государства. Кроме этого, существовали и владения, пожалованные в полную собственность — мюльки, и церковные лены — вакуфы. В конце XVI в. эта так называемая «военно-ленная система» переживала кризис, приведший к увеличению крупных землевладений и разорению мелких, что пагубно сказалось на состоянии турецкой армии, основу которой составляли владельцы мелких и средних ленов — спахии.

Во время османского господства в Боснии существовали районы, где постоянно действовали гайдуцкие отряды (четы), состоявшие из тех, кто бежал в горы и леса, и наносившие чувствительные удары по турецкой армии и администрации. В то же время гайдуки часто выступали в роли лихих разбойников, не различавших ни правых, ни виноватых.

После австро-турецкой войны 1716–1718 гг. некоторые северные районы Боснии временно перешли в руки Габсбургов, а затем опять возвратились в состав Османской империи. В XVIII в. Босния, подобно Сербии, не раз становилась ареной борьбы Габсбургской монархии с Портой.

ЧЕРНОГОРИЯ В XVII– XVIII вв.

Земли, которые впоследствии стали называться Черногорией, выделились из состава Сербского царства в качестве отдельной территории под властью собственных князей во второй половине XIV в. Этот регион, сократившийся до горных районов в результате захвата побережья Венецией, а равнинной части османами, значительно отставал по своему социально-экономическому развитию от окружающих земель. Здесь сложилась особая территориально-административная структура, состоящая из военно-политических объединений — племен. При этом созывалась и общая скупщина из их представителей. Формально Черногория входила в состав османского государства, однако черногорцы успешно сопротивлялись распространению на свои земли фактической власти Порты. С XVII в. политическими и духовными лидерами черногорцев стали местные митрополиты, резиденция которых находилась в Цетинском монастыре.

В XVIII в. заметное влияние на внешнеполитическое положение на западе Балканского полуострова оказывали Венецианская республика и Российская империя. В особенности это влияние сказалось на политическом развитии Черногории. С Венецией у Черногории издавна были установлены тесные связи, но лучшие времена Республики св. Марка остались уже позади, а вот присутствие России на Балканах постепенно возрастало.

Следствием участия Венеции в войне Священной Лиги явилось признание со стороны черногорского «сбора» и митрополита Виссариона верховной власти Республики св. Марка. Этот акт состоялся в 1688 г., и оценивается историографией как важный этап в истории завоевания черногорцами автономного положения.

Митрополит Данило Негош (1697–1735), основатель знаменитой впоследствии династии Пётровичей Негошей, проводил политику укрепления единства Черногории и устранения межплеменной вражды. Он учредил общечерногорский судебный орган — «Суд владыки Данилы». Во время его правления начались контакты Черногории с Россией.

В 1711 г. в страну прибыли русские эмиссары (серб Михаил Милорадович и др.) с царской грамотой и деньгами, призывая принять участие в борьбе против общего врага — Османской империи. Воодушевленные этим, черногорцы предприняли нападение на турецкие крепости. В ответ последовала карательная экспедиция, разрушившая Цетинский монастырь — резиденцию мятежного митрополита Данилы.

В 1715 г. владыка бежал в Россию, где получил денежную субсидию для возмещения ущерба, нанесенного турецким нашествием. С тех пор Россия неоднократно оказывала Черногории материальную помощь и политическую поддержку.

Венеция также старалась удержать здесь свои позиции. По совету венецианцев в Черногории с первой четверти XVIII в. стал избираться светский правитель — гувернадур. Когда же Черногория потеряла выход к Адриатическому морю, она оказалась в значительной степени зависимой от Венецианской республики, получившей ряд приморских черногорских общин по Пожаревацкому миру.

Владыка Василий (1750—1766) приложил немало сил для организации централизованного управления в Черногории. Главным своим союзником он считал Россию. Для русского читателя им была написана «История о Черной Горе», где Черногория предстает в виде мощного независимого государства, способного противостоять туркам. Василий скончался во время своего очередного визита в Россию.

Неожиданным продолжателем политики Василия стал самозванец Степан Малый (1767—1773), выдававший себя за спасшегося российского императора Петра III, которого черногорцы, сторонники Василия, с радостью у себя приняли. Российские власти пытались его арестовать, но затем убедились в том, что он не опасен для России, а наоборот, полезен в борьбе с турками. Степан Малый был убит наемным убийцей, подосланным Портой. После его гибели отношения России с Черногорией расстроились, и последняя обратилась за поддержкой к монархии Габсбургов.

ПОЛЬСКИЕ ЗЕМЛИ В СРЕДНИЕ ВЕКА И РАННЕЕ НОВОЕ ВРЕМЯ

История Польши — это не совсем то же самое, что история польского государства. Когда мы говорим об истории Польши, мы имеем в виду историю польских этнических земель: Великой Польши, Малой Польши, Силезии, Восточного и Западного Поморья, Мазовии, Куявии. От польского же государства, с одной стороны, уже в XIII–XIV вв. оказались оторваны Силезия и Западное Поморье, с другой — в XIV–XVI вв. благодаря присоединению ряда украинских земель и унии с Великим княжеством Литовским в его состав вошли огромные новые и этнически непольские территории. Сложилась Речь Посполитая, объединявшая собственно польские, украинские, белорусские, литовские земли и даже часть русских. Этот, так сказать, «дрейф» от запада к востоку оказался чрезвычайно весомым геополитическим фактором польской истории, породил массу сложнейших проблем, которые дают о себе знать вплоть до сегодняшнего дня.

Что же касается периодизации польской истории, то ее можно выстраивать различным образом. Если мы возьмем социально-экономический критерий, то весь период IX–XVIII вв. будет покрыт понятием «феодализм», «феодальная общественно-экономическая формация», прошедшая стадию становления до XI–XII вв., стадию зрелости и расцвета в XIII–XV вв., стадию трансформации в фольварочно-крепостническую систему и упадка в XVI–XVIII вв. С этой точки зрения XVIII век есть век генезиса капитализма в польских землях.

Применяя социокультурный критерий, мы станем говорить об эпохах Средних веков (IX–XV вв.), Возрождения и Реформации в XVI в., Барокко и Контрреформации (XVII — начало XVIII в.) и Просвещения (с середины XVIII в.).

Вооружившись социально-политическими критериями, мы получим самую дробную и, пожалуй, самую ясную периодизацию истории Польши: догосударственный период (вплоть до IX–X вв.), период централизованной монархии (X — начало XII в.), два века политической раздробленности (XII–XIII), за

которыми следуют два века единой сословно-представительной монархии, отмеченных прогрессирующим сближением с Литвой (XIV–XV), эпоха так называемой «шляхетской демократии» (XVI — середина XVII в.), которую сменяет режим магнатской олигархии (середина XVII — середина XVIII в.). Вторая половина XVIII в. имеет все права быть выделенной как отдельный период социально-политического развития Польши, прошедший под знаком кардинальных политических реформ, первого национально-освободительного восстания и разделов Речи Посполитой.

ПОЛЬСКИЕ ЗЕМЛИ В ДРЕВНОСТИ

Если под «древностью» понимать первобытно-общинный строй, то эта эпоха для Польши будет тянуться приблизительно до 500 г., т.е. до конца европейской античности. С VI в. начинается складывание государственности и дифференцированных социальных структур, от IX–X вв. отсчитывается история средневекового польского государства и феодализма. Но где начинается древность? Какое время можно принять за стартовую точку истории польских земель? Одно из возможных решений — признать в качестве такого рубежа появление следов пребывания человека в виде каменных орудий около 200 тыс. лет назад. Антропологически первые обитатели польских территорий были близки неандертальцам.

Большая часть из этих двухсот тысячелетий приходится на палеолит и мезолит, черты которых одинаковы в любой части Европы и мира. «Неолитическая революция», т.е. переход от присваивающего хозяйства к производящему, от собирательства к земледелию и от охоты к животноводству, докатывается до польских земель в V тысячелетии до н.э. и длится приблизительно до 1700 г. до н.э. Эпоха бронзы (1700 г. до н.э. — VII в. до н.э.) приносит не только новые фундаментальные перемены в орудиях труда (переход к металлу, бронзе), но и важные социальные и культурные изменения: накопление богатств сопровождается формированием племенной аристократии, которая постепенно концентрирует власть в своих руках. Соответственно в языческом пантеоне Перун становится как бы старшим богом, подчинив себе других и оттеснив на второй план богиню-мать. Социальные перемены отражаются и в появлении полубогов — героев того или иного племени, погребенных в громадных курганах. К той же эпохе бронзы относится и формирование двух археологических культур и двух предположительно соответствующих им этнических групп — западнолужицкой культуры венетов и восточнолужицкой культуры невров. Этническая атрибуция

лужицкой культуры — предмет давних и незавершенных споров историков. Одна из существующих историографических традиций относит ее носителей к праславянам, с которых начинается отделение славян от других индоевропейских народов. Некоторые ученые считают отождествление лужицкой культуры с культурой праславян необоснованной.

Но даже безотносительно к этим спорам судьба лужицкой культуры загадочна. Дело в том, что в 650—500 гг. до н.э. она переживает расцвет, связанный с переходом от бронзовых орудий к железным, ростом обмена с соседними племенами, разложением племенного эгалитаризма и отчетливым выделением военно-племенной верхушки, чьим местом пребывания становятся укрепленные поселения — гроды, некоторые из которых достигают весьма внушительных размеров. В качестве примера хорошо известен реконструированный археологами град в Бискупине, площадью в 2 га, окруженный земляным валом, насчитывавший 12 вымощенных бревнами улиц, сходившихся к центральной площади. Население Бискупина составляло около 1000 человек, что было очень много для той эпохи. В целом все говорит в пользу того, что в середине I тыс. до н.э. прапольские племена стояли на пороге образования собственного государства и социальных структур феодально-средневекового типа. Однако этого не произошло. После 500 г. до н.э. на несколько веков лужицкая культура погружается в глубокий упадок, вызванный, скорее всего, климатическими причинами, резким похолоданием: сокращается производство металлов и керамики, качество изделий становится много более грубым, чем прежде, голод заставляет население уходить с насиженных мест и обработанных земель, на этой почве умножаются и ожесточаются межплеменные столкновения. Лишь к концу I тыс. до н.э. (ок. 125—25 гг. н.э.) наблюдается некоторая стабилизация на более низком уровне, положившая начало двум новым археологическим культурам, пришедшим на место лужицкой, — оксывской и пшеворской.

Первые пять веков нашей эры характеризуются польскими историками как период римских влияний. Для этого времени характерно восстановление железоделательного производства, подъем домашнего ремесла, постепенный, хотя и чрезвычайно медленный прогресс земледелия и животноводства. Население снова сосредоточивается не в градах, а в деревнях, по шесть-семь семей. Эти поселения нестабильны: после истощения почв жители покидали их, чтобы вернуться на старое место через 20—30 лет. Социальная дифференциация снова достигает известной глубины, выделившаяся племенная аристократия опирается на типичный для всех народов на этой стадии развития режим

«военной демократии». Этнически население польских земель на 90% состоит из славянских племен, которые принято называть прапольскими. Общеславянские языческие представления питают духовную культуру населения будущей Польши. Приблизительно с VI в. начинается новая эпоха в истории страны, приведшая к складыванию государства и средневекового общества в IX–X вв.

ПОЛЬСКИЕ ПЛЕМЕНА В VI–IX вв.

Практически невозможно подсчитать, какова была численность населения польских земель в VI–IX вв. Согласно одним оценкам к концу VIII в. на территории Польши проживало около 500 тыс., так что средняя плотность населения составляла два человека на 1 кв. км. Если верить другим гипотетическим подсчетам, населения было больше — 750 тыс. человек и плотность его соответственно выше — три человека на 1 кв. км, а в плодородных районах — до четырех человек.

Базовую демографическую, производственную, социальную ячейку общества составляла большая патриархальная семья, объединявшая под одной крышей или на одном дворе несколько поколений родственников. Главной ее потребностью, продиктованной стремлением к элементарному выживанию и стабильности, было приобретение рабочей силы, а не материального богатства как такового. Отсюда — институт патриархального рабства, ранние женитьбы сыновей, сопровождавшиеся традицией снохачества, терпимое отношение к детям, рожденным вне брака, и вместе с тем жестокое отношение к старикам, которые превращались в обузу для семьи, балансировавшей на грани голода.

Двумя основными типами поселений были деревни и гроды. Деревня была совсем не похожа на знакомое современному человеку под тем же названием селение. Она объединяла в лучшем случае несколько дворов (а часто состояла и вовсе из единственного двора) по 12–20 жителей в каждом. Дворы эти, возникавшие вокруг избы или полуземлянки, редко образовывали улицу, размещаясь чаще всего весьма хаотично. Десяток соседствующих деревень такого типа составляли ополе — социальную и хозяйственно-политическую структуру общинного типа.

Гроды выступали главным образом как оборонные и административные центры, самый размер и местоположение которых (от четверти до трех четвертей гектара, на холмах, в излучинах рек или на мысах) говорит, что они служили резиденцией дружины и убежищем для окрестного населения в случае внешней угрозы. Грод, конечно, был защищен частоколом, валом, рвом. В

центре его обыкновенно находилась маленькая мощенная деревом площадь для собраний, церемоний, встреч и торговли, дома же довольно беспорядочно группировались вокруг этой площади, а единственной улицей была та, которая вела к ней от ворот града.

Хозяйство

Начиная с VI в. в польских землях распространяется стабильное пашенное земледелие, главным орудием которого служит соха. Новые территории осваиваются при помощи выжига леса, соха позволяет поднимать ранее недоступные почвы. Каждая семья имела в пользовании (но еще не в частной собственности) 40—50 га земли, из которых вспахивали на волах около 10 га, в то время как оставшийся клин лежал под паром или был занят угодьями. Самой популярной зерновой культурой являлось просо, а не рожь или пшеница, потому что именно просо давало максимальный урожай, который составлял от сам-два до сам-четыре. Животноводство было представлено в основном крупным рогатым скотом, причем пасти его приходилось в лесу, а кормить в зимний период в основном собранной загодя листвой. Постепенно распространялось и свиноводство.

В ремесле главную роль играло пока домашнее производство тканей и керамики, только кузнецы благодаря важности и сложности их профессиональных навыков начинали обособляться в отдельную и весьма уважаемую группу. Что касается торговли, то она велась в основном иностранными купцами и местной племенной аристократией. Вывозили рабов, мех, воск, янтарь, иногда соль; ввозили вооружение и предметы тогдашней роскоши — хорошие ткани, украшения, вина.

Социально-политическая структура польских племен

В догосударственную эпоху, какой для Польши оставался период VI—IX вв., социальную структуру невозможно отделить от политических (властных, потестарных) институтов. Сама власть, ее распределение и разделение внутри семьи, общины, племени, союза племен выступает структурообразующим фактором социальной дифференциации. В известном смысле власть оказывается первичнее и экономики, и социальных отношений.

Семья составляет первый и базовый уровень социально-политической организации общества. Первенство и власть мужчины — главы семьи — неоспоримы. Его авторитет и воля служат главной гарантией и хозяйственного преуспевания, и внутрисемейного согласия, и статуса семьи внутри общины. Это не

означает, однако, что власть семейного лидера непременно деспотична и жестока. Его главная задача, как подчеркивают некоторые историки, — не столько командовать, судить и наказывать, сколько примирять, объединять, поскольку семейная солидарность служит оплотом благополучного существования каждого члена семьи. Функции и труд женщины в этом социальном организме не менее важны, чем трудовой и организующий вклад мужчины. Поэтому патриархальность социальных устоев не означала угнетенного и приниженного положения женщины в семье. Скорее, наоборот, вследствие жизненной важности женского труда и заинтересованности семьи в детях как будущей рабочей силе женщины занимали самостоятельное и достойное место в древнепольских племенах. Плохо было только слабым, неработоспособным и бесплодным, которым грозило самое страшное из всех возможных несчастий — изгойничество, изгнание из семьи, что означало неминуемую скорую кончину. Отсюда же и упомянутое выше жестокое отношение к старикам.

Кровная связь и потребность выживания и трудовой солидарности были главным интегрирующим механизмом большой семьи, препятствуя ее распаду на малые, нуклеарные семьи. На втором уровне социальной организации древнепольских племен — на уровне общины-ополя — интеграция обеспечивалась уже иными потребностями: нуждой в коллективном освоении новых земель, согласованной хозяйственной деятельностью всей общины в совместной борьбе с грозящими каждой семье опасностями (агрессивные соседи, разбойники, голод, болезни), психологическими и религиозно-культовыми факторами.

На уровне ополя властные функции руководителей уже отделялись от хозяйственных. Главой общины выступал избираемый на общинном собрании (вец, вече) жупан. Он возглавлял ополчение, руководил судом, созывал собрания, представлял общину в ее внешних связях. Что являла собой при этом внутриобщинная племенная «демократия»? Ее центральным институтом был, видимо, не вец, собрание всех взрослых мужчин общины, а сход глав семейств, которые только в случае затруднений или очень важных вопросов обращались к созыву веца, во время которого участники криками одобрения или неодобрения реагировали на предлагаемые решения.

Наряду с интегрирующими силами внутри общины действовали и дифференцирующие, разлагающие общинно-родовую солидарность факторы. Отдельные семьи занимали со временем лидирующее положение, опираясь, однако, не столько на накопленные богатства, которые в любой ситуации в то время оставались вполне эфемерными, сколько на численность членов семьи, преобладание в ней мужчин, приобретенный во время военных

столкновений авторитет, в конце концов просто на превосходство физической силы и силы характера. Именно из таких семей рекрутировалась общинно-племенная аристократия, в руки которой соплеменники передавали функции регулярной военно-политической деятельности. Выделявшаяся на этой, скорее, функционально-психологической, чем экономической, основе элита составляла ядро дружины, чьим местом пребывания становились гроды. Дружина же в свою очередь становилась ядром государственного аппарата и будущего военно-феодального сословия.

Каково было соотношение коллективных и индивидуальных начал в древнепольской общине? Разложение уравнительно-коллективистских традиций выражалось не только в социальном выдвижении некоторых семей, но и в обособлении отдельных индивидов. Изгоями общины становились не только самые слабые, но и некоторые выдающиеся по силе или умениям люди, которые или образовывали элитарную профессиональную группу (как кузнецы, ювелиры, наиболее искусные гончары и ткачи, волхвы), или, нарушив принятые в общине нормы, бежали в лес и становились бандитами. Соседнее племя могло завербовать их на военную службу, поместив в гроде, снабдив средствами к существованию и обязав защищать племенные территории. Такие изгои как раз и создавали, по всей вероятности, основную массу профессиональных дружинников.

Провести границу между общиной и малым племенем, составлявшим третий уровень социально-политической организации древнепольского общества в догосударственный период, довольно трудно. Можно предположить с большой степенью уверенности, что его составляли 20—30 общин, объединенных единой территорией проживания, языческим культом племенных предков и тотемов, особенностями языка и интересами в отношениях с соседями. Географические описания IX—X вв. и некоторые другие источники позволяют насчитать в общей сложности 40—50 таких малых племен на польской территории.

Политическим институтом самоуправления были вечевые племенные собрания, в которых участвовали жупаны и главы семейств, в случае же нужды — и все взрослые и лично-свободные мужчины племени. Этот племенной вец избирал князя, главной задачей которого было предводительствовать дружиной и племенным ополчением. Он же был хранителем племенной казны, если таковая существовала, и мог в некоторых случаях вершить суд от имени племени. Однако во всем этом, равно как и во всем остальном, он сильно зависел, с одной стороны, от веца, с другой — от племенной аристократии. Власть князя зиждилась не на собственности или богатстве и даже не на насилии как таковом, а на личном признаваемом племенем авторитете.

Наконец, четвертую, высшую ступень организации польских славян в VI–IX вв. составляли так называемые «большие племена», или союзы племен. Это были очень непрочные военно-политические объединения ряда племен одной территории, ведшие войны друг с другом и с соседями вне польских земель. Именно они, однако, стали зародышем общепольской государственности. Территории, занимаемые каждым из этих «больших племен», стали основой одной из польских исторических областей: вислянe и лендзяне — Малой Польши, поляне — Великой Польши, мазовшане — Мазовии, гоплане — Куявии, слензяне — Силезии, поморяне — Поморья. Собрание вождей «малых племен», жупанов и старейшин общин, т.е. вец «большого племени», избирало «великого князя», который возглавлял дружину и ополчение и не обязательно должен был быть выходцем из польских племен. Союзы племен можно рассматривать как протогосударственные образования на территории Польши.

Скудость источников не позволяет сказать, насколько зрелыми были социально-политические структуры древнепольского общества к X в., как именно они складывались и функционировали. Так или иначе, в середине X в. мы сталкиваемся с уже достаточно развитой дружинно-государственной организацией в польских землях, и это дает право предполагать, что уже в IX в. Польша перешагнула рубеж, отделявший догосударственный, общинный строй от государственного, феодального.

Культура древнепольских племен

Материальная культура древних поляков ничем существенным не отличалась от материальной культуры других европейских варварских народов на той же ступени развития. Что же касается духовной культуры, она строилась на общеславянской языческой основе, включая культ основных языческих богов и божеств, существ низшего порядка (лешие, водяные, домовые и пр.), почитание племенных и родовых героев и предков, большую и весьма сложную систему ритуальных действий. Искусство носило, разумеется, прикладной характер, подчиняясь или практическим, или религиозно-магическим нуждам.

ПОЛЬША В X — НАЧАЛЕ XII в.: ГОСУДАРСТВО И ПОЛИТИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ

В предшествующие десятилетия отечественная наука рассматривала любое государство как машину для подавления одного класса другим. Нельзя сказать, что это полностью неверно. Однако верно и то, что природа государства не исчерпывается одной

лишь репрессивной функцией. Государство выступает и как мощная творящая сила в истории. С точки зрения самоорганизации общества государство есть важнейшая ступень в обуздании стихийных сил социального развития, существеннейшее завоевание прогресса. Поэтому есть все основания вести отсчет собственно исторического бытия того или иного народа с момента складывания государственности.

Генезис польской государственности

В польском прошлом государство вступает на историческую арену в IX–X вв., однако первые десятилетия его существования не освещены источниками, которые позволили бы описать генезис польской государственности. Во второй же половине X в. государство первой династии польских правителей, Пястов, предстает как уже сложившаяся и достаточно развитая военно-административная машина. Основной источник для восстановления польской истории этого времени — хроника Галла Анонима, написанная в начале XII в., — доносит некоторые отголоски событий и процессов IX — начала X в. Из нее видно, что уже в IX в. произошла консолидация великопольского «большого племени» полян, которые стали покорять соседние племена. Одновременно с завоеваниями шло строительство градов, формировалась постоянная и довольно многочисленная дружина, вместе с дружиной обособлялась в особую социальную группу племенная аристократия, чьим источником существования становилась собираемая с подвластного населения дань.

Хроника Галла Анонима включает предания, из которых мы узнаем о легендарном родоначальнике польских правителей, простом крестьянине Пясте, вознесенном промыслом Божьим на престол, и о трех его полулегендарных преемниках — Земовите, Лешке и Земомысле. Они сумели подчинить своей власти не только Великую Польшу, но и Мазовию, Куявию, часть Поморья, земли лендзян. Их резиденцией был град Гнезно, который разрастался по мере военных успехов полян.

Организация польского государства в X–XI вв.

Первым монархом, о котором сохранились более достоверные данные, был Мешко I (ок. 960–992 гг.). Западноевропейские и арабские источники X в. описывают его государство как сильный и разветвленный организм, опирающийся на сеть градов, которые перестали быть центрами племен или ополь, став опорой власти польского князя, центрами сбора дани и резиденциями небольших дружинных гарнизонов во главе с княжескими наместниками.

Со временем эти гроды превращались в феодальные замки. При наследнике Мешко I, Болеславе Храбром (992—1025), по сведениям Галла Анонима, в ряде наиболее крупных центров (Гнезно, Познань, Влоцлавек, Гдеч) были сосредоточены многочисленные дружинные отряды (в общей сложности больше 10 тыс. рыцарей и щитников). Такое войско могло существовать только благодаря системе централизованной государственной эксплуатации зависимого населения, которая состояла в регулярном сборе дани-налога. Вся подчиненная князю территория рассматривалась соответственно как его собственное владение (патримониум), единый хозяйственный домен, управляемый представителями княжеской администрации и поделенный на ряд административных округов (Великая Польша, Силезия, Краковская, Сандомирская, Мазовецкая, Ленчицко-Серадзская, Куявская и Поморская земли). При великокняжеском дворе сложилась система государственных должностей (канцлер, воевода, казначей, чашники, стольники, конюшие и пр.), которая в основных своих элементах воспроизводилась и на уровне локальной администрации в крупнейших гродах. Глава округа, будущий каштелян, при помощи своих подчиненных собирал подати, организовывал дружину, вершил суд от имени князя. Как и все раннесредневековые правители, польский монарх проводит едва ли не всю жизнь в седле, перемещаясь со своей дружиной из одной земли в другую и утверждая тем самым свою власть и авторитет на местах. После принятия христианства Польшей в 966 г. рядом со светской администрацией стала складываться и церковная.

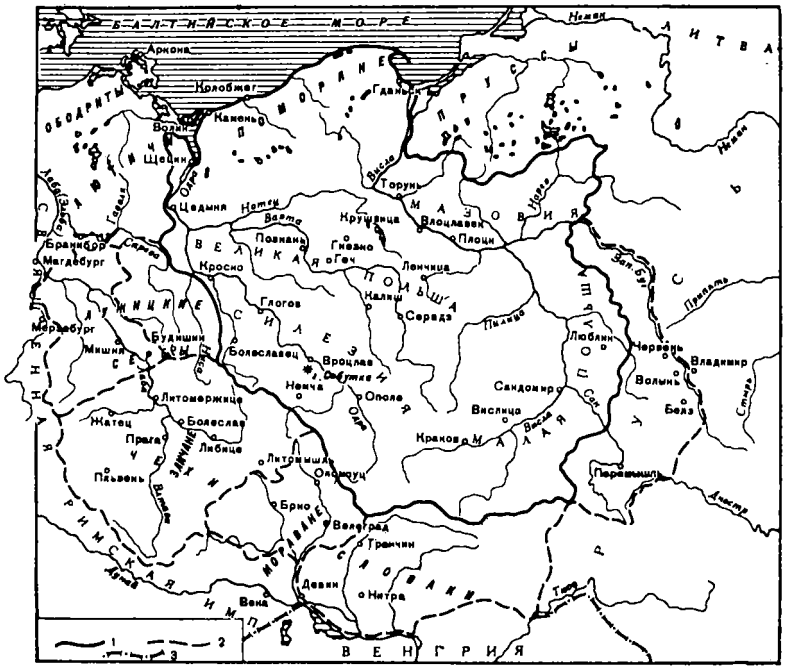
Характерная особенность такой системы государственной организации состоит в том, что именно государство в лице князя и его дружинников выступает феодальной корпорацией, централизованно эксплуатирующей подвластную князю страну. Лишь постепенно, по мере наделения представителей князя на местах иммунитетными привилегиями дружинник из представителя государства превращается в феодала, получающего в частное условное владение, за которое он должен служить князю, те или иные заселенные территории. Государственная организация, таким образом, предшествует феодальной, а вся общественная система может быть определена и как система государственного феодализма.

Основные вехи политического развития

Главное организующее начало политической жизни всякого раннесредневекового общества — это война. Внутриполитические перемены и события выступают чаще всего как следствие военно-политических конфликтов. Не является исключением и Польша X — начала XII в.

Правление Мешко I (до 992 г.) ознаменовано территориальной экспансией великопольского государства, которое подчинило себе Силезию, Поморье, часть Малой Польши. Другое важнейшее событие этого времени, продиктованное во многом политическими соображениями, — принятие христианства в качестве государственной религии в 966 г. и символическая передача польских земель под опеку Римского престола. Еще одним рубежом в правлении Мешко I стало оформление системы военно-государственных институтов польской монархии, складывание механизма централизованной государственной эксплуатации населения.

Правление Болеслава Храброго (992—1025) отмечено присоединением к его державе Кракова в 999 г., заключением тесного военно-политического союза с императором Священной Германской империи Оттоном III во время так называемого «Гнезненского съезда» 1000 г. Этот союз сопровождался и созданием самостоятельной Гнезненской архиепископии, что гарантировало Польше церковно-политическую независимость от немецкой церкви. Сближение со Священной Римской империей сменилось



Польское раннефеодальное государство в начале XI в.
1 — границы польского государства около 1000 г.; 2 — границы временных владений Болеслава Храброго; 3 — границы между другими государствами

периодом длительных войн с преемниками Оттона III в 1002–1018 гг. После заключения Будишинского мира с империей в 1018 г. Болеслав предпринял победоносный поход против Киевской Руси и присоединил к Польше ряд городов в Галицкой Руси (1018). Апогеем политической деятельности Болеслава стала его коронация в 1025 г.

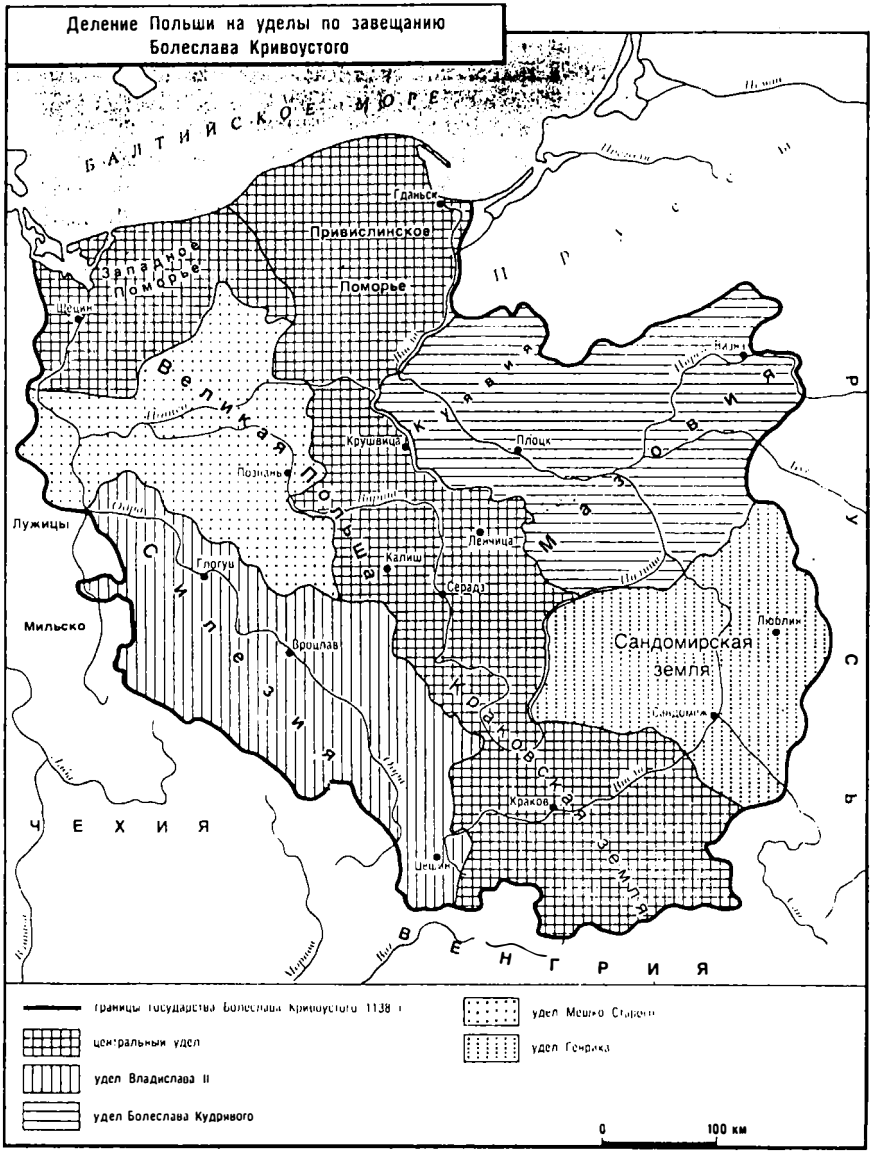
На правление Мешко II (1025–1034) пришелся ряд поражений: корона и часть приобретенных земель были потеряны, в стране вспыхнули внутренние усобицы, принудившие Мешко II к бегству из Польши, монархия погрузилась в политический и социальный кризис.

Апогей этого кризиса падает на правление Казимира I Восстановителя (1034–1058): едва ли не всю территорию Польши в 1037 г. охватило народное восстание, направленное и против шедшей полным ходом феодализации, и против пустившей корни в стране церкви. В польской историографии оно называется иногда социально-языческой революцией. Последствия этого социального взрыва были катастрофическими: сложившаяся государственно-административная и церковная системы оказались почти разрушены, чем воспользовался чешский князь Бржетислав, предприняв в 1038 г. опустошительный поход против Польши. Тем не менее Казимиру удалось отстоять независимость польского княжества, успокоить страну и восстановить поколебленный социальный, государственный и церковный порядок.

Правление Болеслава II Смелого, или Щедрого (1058–1081), ознаменовано участием Польши в конфликте папы Григория VII и германского императора Генриха IV, принесшем Болеславу королевскую корону в 1076 г. Однако в 1079 г. он столкнулся с феодальным заговором, возглавленным его братом Владиславом и, возможно, краковским епископом Станиславом. Хотя Болеслав решился даже на казнь Станислава, его влияния оказалось недостаточно, чтобы удержать власть в стране, и он вынужден был бежать в том же 1079 г. в Венгрию.

Переход власти к его брату Владиславу I Герману (1081–1102) означал победу центробежных сил феодальной оппозиции над центральной властью. Фактически от имени Владислава страной правил воевода Сецех, что означало вступление Польши в полосу новых политических усобиц и феодальной раздробленности.

Правление Болеслава III Кривоустого (1102–1138) привело к временной победе над силами оппозиции в ходе борьбы с Сецехом и братом Болеслава Збигневом. Во многом это было результатом успешных войн за воссоединение и христианизацию Поморья. В своем завещании в 1138 г. Болеслав пытался предотвратить распад страны на отдельные княжества и уделы, вводя правило принципата в наследовании великокняжеского престола,



т.е. передачи верховной власти старшему из четырех сыновей. Однако этот государственный акт уже не мог остановить неизбежных процессов децентрализации, и после смерти Болеслава Польша вступает окончательно в период феодально-политической раздробленности.

ПОЛЬША В X — НАЧАЛЕ XII в.: ЭКОНОМИЧЕСКОЕ И СОЦИАЛЬНОЕ РАЗВИТИЕ

Население и внутренняя колонизация

Основная польская территория в это время охватывала около 250 тыс. кв. км. К рубежу X–XI вв. на ней проживало от 750 тыс. до 1 млн человек. Плотность заселения была, естественно, неравномерной. Наиболее густо были заселены Центральная Силезия, центр Великой Польши, запад Малой Польши, Куявия и Поморье. Леса занимали в то время громадные пространства, а незаселенные области были особенно обширны на границах между регионами.

Гроды, становясь военно-административными центрами польского государства, постепенно обрастали ремесленными слободами и давали приют рынкам, деревни оставались небольшими, но все-таки крупнее прежних, объединяя до 10–15 дворов. Их местоположение по-прежнему было нестабильным, поскольку население осваивало все новые и новые земли. Базовой производственной и социальной ячейкой вместо большой семьи становилась малая, обрабатывавшая в двух полях 8–9 га земли.

Эта внутренняя колонизация, как установили в последнее время историки, началась сравнительно рано — уже в XI–XII вв., т.е. еще до того, как развернулась так называемая «немецкая колонизация». С одной стороны, первопроходцами, выжигавшими и корчевавшими лес, выступали люди или целые семьи, по тем или иным причинам оказавшиеся вне общины. В ходе такой стихийной крестьянской колонизации могла переместиться на новое место и целая деревня. С другой — монастыри использовали зависимое население для организованного освоения целинных земель. Когда рабочих рук не хватало для расчистки свежей пахоты, светские феодалы и церковь приглашали переселенцев, предоставляя им в отличие от остальной части зависимых крестьян статус «свободных гостей» — госпитов. Они несли определенные повинности в пользу владельца земель, но могли в любой момент его покинуть, не имея, однако, никаких прав на обработанный надел. Разработка юридических норм для «свободных гостей» привела к фиксации правового статуса и других крестьян. Подчеркнем, впрочем, что в XI–XII вв. все эти процессы только разворачивались, приобретя действительный размах лишь в XIII–XIV вв.

Сельское хозяйство

Земледелие и скотоводство развивались с X в. не только в крестьянских хозяйствах, но и в феодальных вотчинах. Именно последняя составляет новшество, незнакомое предшествующим

эпохам. Ее назначение заключалось в том, чтобы обеспечивать всем необходимым дружину великого князя и сбор государственной ренты-налога с крестьянства. Град и княжеская вотчина были тесно связаны друг с другом. Вотчины X—XI вв. являлись исключительно княжескими, в XII в. они стали переходить в руки отдельных семей формирующегося феодального сословия.

Главную роль при этом в княжеском, а позднее частнофеодальном вотчинном хозяйстве играло не земледелие, а животноводство, которым занималась часть из живших в вотчине крестьян. Наряду с этим специальные люди отвечали за организацию охоты, которая была не только спортом и развлечением, но и важным подспорьем в снабжении дружины мясом, особенно солониной накануне больших походов. Еще одну группу работников вотчины составляли ремесленники, чаще всего имевшие и свой надел земли. Возникавшие вслед за княжескими частновладельческие вотчины были организованы схожим образом, правда, в меньшем масштабе.

В традиционном крестьянском хозяйстве X—XII вв. подсечно-огневая система постепенно уступила место стабильному пашенному земледелию, хотя на периферии колонизация сопровождалась и выжигом леса. Господствующей системой землепользования было двуполье, лишь в XII в. на смену ему начинает приходить трехполье (выделение наряду с яровой пашней и паром озимого поля). Единственной системой удобрения являлось сжигание стерни, которая после сбора урожая оставалась очень высокой, так как во время жатвы обрезали серпом лишь колоски. Навоз использовался только в огородах.

Основным орудием труда оставалась соха с железным наконечником, серпы были железными, цепы — деревянными, жернова вплоть до XII в., когда стали появляться первые мельницы, — ручными. В качестве тягловой силы использовали волов, а с XII в. — и лошадей.

Основной зерновой культурой оставалось просо, но все большее значение стало приобретать и выращивание ржи. Пшеницу сеяли реже, в основном на хороших землях Южной Польши. Из других культур был распространен ячмень, который использовался для приготовления каши и пива, уже в XI в. вытеснявшего мед в качестве основного хмельного напитка. Сеяли также горох, бобы, чечевицу, из огородных культур — репу, морковь, огурцы, из технических — лен и коноплю. Аккультурация фруктовых деревьев только начиналась, поэтому фруктами пока почти не баловались. Отдельные княжеские и церковные вотчины имели виноградники, но производимое вино было плохого качества и служило главным образом для литургических нужд. По подсчетам

Г. Ловмяньского 60% потребностей крестьянской семьи в пище покрывались за счет хлеба, каш и других зерновых продуктов, около 25 — за счет мяса, 10% — за счет молочных изделий, остальное — медом, пивом и овощами.

Животноводство в крестьянском хозяйстве было представлено волами, свиньями (которых пасли в лесу), овцами и коровами. Разводили также птицу. В вотчинах, в первую очередь княжеских, большую роль играло специализированное животноводство, в котором особое место занимало коневодство. Крупный рогатый скот выращивали для обеспечения мясом стола сеньора и его дружины. Долгое время могущество и богатство феодала измеряли не столько количеством земли или зависимых крестьян, сколько многочисленностью табунов и стад.

Наряду с земледелием и скотоводством в деревенском хозяйстве по-прежнему был велик удельный вес собирательства. Большое значение имели пасеки и медоварение, поскольку мед заменял и алкогольные напитки, и сахар, а после принятия христианства насущной потребностью стало производство восковых свечей. За использование бортей и пасек землевладельцу вносили специальную дань, пасечники составили привилегированную профессиональную группу. Не меньшим уважением пользовались бобровники, потому что разведение и лов бобров требовали также специальных навыков. Мед, воск и меха были существенной статьей экспортной торговли. Сохраняло, разумеется, свое значение и рыболовство. По мере развития феодальных отношений землевладельцы стремились ограничить права крестьян на использование леса, рек и водоемов.

Ремесло и торговля

В течение X–XII вв. в польских землях наряду с традиционным домашним ремеслом развивается ремесло профессиональное, специализированное, постепенно концентрируясь в образовывавшихся вокруг гродов городах и крупных феодальных вотчинах. В XII в. в польских источниках мы уже встречаем упоминания об угольщиках, плотниках, корабельщиках, бондарях, портных и пр. В вотчинах складывались деревни, специализирующиеся в том или другом ремесленном производстве, — села, где жили кузнецы или варщики соли, плотники или кожемяки, бочары или ткачи. Следы таких поселений остались в дошедших до нас топонимах: Сольники, Бовары, Колоджейе, Щитники, Санники и т.п. С XII в. стало развиваться и горное дело: для получения свинца, серебра, золота создавались примитивные шахты, где трудились, видимо, княжеские невольники; железную руду

добывали в неглубоких ямах. На севере Польши возникли простейшие солеварницы, в малопольских селениях Бохня и Величка стали извлекать каменную соль из-под земли.

Постепенно центрами ремесла и торговли становились города, которые, однако, вплоть до XII в. еще очень мало напоминали города зрелого Средневековья: юридически они полностью зависели от князя, в пользу которого собирались торговые пошлины и ремесленные налоги. Горожане были обязаны нести и отработочную (подводную) повинность. Хотя в XII в. собственная монета вытеснила из обращения иностранную, город во внутрипольской и локальной торговле играл еще очень небольшую роль, а внешняя торговля была монополизирована дружинно-феодальными слоями. Быстрее других развивались западнопоморские города (Волин, Щецин, Колобжег), росло значение Вроцлава и Кракова как посредников между Центральной Европой и древнерусскими землями; Познани и Гнезно — как звена между Поморьем и Южной Польшей.

В целом до XIII в. польская экономика сохраняла глубоко натуральный характер с абсолютным преобладанием аграрного сектора.

Социальная структура и социальные отношения

В X–XII вв. в Польше шел процесс феодализации, т.е. возникновения системы вотчинного землевладения и складывания двух основных социальных групп средневекового общества: зависимого крестьянства и феодалов. Вопреки господствовавшему долгое время в отечественной научной литературе мнению польский феодализм до XII в. зиждился не на частной крупной феодальной вотчине, которая до этого времени попросту не существовала как сколько-нибудь значительное явление, а на централизованной системе государственной эксплуатации зависимого населения. Соответственно дружинник был феодалом лишь постольку, поскольку оставался членом этой военно-политической корпорации. Феодалом в собственном смысле слова выступало само государство в лице великого князя. Крестьяне в свою очередь сохраняли личную свободу и неоспариваемое право пользования землей как подданные государя. С государством их связывала централизованно собираемая рента, являвшаяся одновременно и налогом.

Эта раннесредневековая система социальных отношений, типичная для большинства варварских обществ, врастающих в феодализм, в XI–XII вв. уступала место классическому, «нормальному» феодализму. Суть этого процесса была в том, что государство передавало право использовать часть централизованной ренты отдельным представителям военно-дружинной верхушки, раздавая

в условное держание государственные земли с сидящими на них крестьянами. Со временем эти земли — через наделение их налоговым, судебным и административным иммунитетом — превращались из, так сказать, служебных резиденций в частные феодальные вотчины. Процесс феодализации шел, таким образом, не снизу (путем социальной дифференциации общины и возникновения частной собственности на землю, на основе которой позднее вырастало государство), а сверху — через раздачу государственных земель сначала в условную, а затем безусловную собственность членов военно-феодальной дружинной корпорации.

Первыми негосударственными феодальными вотчинами стали вотчины церкви. Самой крупной из них была вотчина главы польской католической церкви Познанского (Гнезненского) архиепископа, которая, как видно из папской буллы 1136 г., насчитывала около 150 поселений, 1000 крестьянских хозяйств, более 6 тыс. крестьян. Разумеется, такой комплекс не мог сложиться быстро, поэтому можно предполагать, что церковные вотчины начали появляться уже вскоре после принятия христианства Мешко I. Это не значит, что церковь сразу же приобрела независимую материальную базу. Напротив, духовенство вплоть до XII в. оставалось в такой же зависимости от князя, как и его собственные дружинники. Тем не менее именно духовенство раньше других получает статус сословия, т.е. наделяется рядом прав и привилегий, которые делают его в большой степени неподвластным княжескому произволу и независимым от светской феодальной знати. XI—XII вв. стали временем складывания духовенства в качестве сословной группы в социальной структуре польского средневекового общества.

Светская феодальная вотчина возникает в Польше позже церковной. Процесс этот разворачивается лишь во второй половине XI—XII вв. и расширяется только вместе с утверждением режима феодальной раздробленности. Поэтому главным фактором, отделяющим феодалов от остальной массы населения и одну группу феодалов от другой, выступает не земельное богатство. Можновладство, высший слой среди военно-дружинной аристократии, выделяется благодаря политико-психологическим, а не экономическим и социальным факторам: оно опирается на приобретенный данным родом военно-политический авторитет, престиж в дружинной среде, близость к самому князю, характер исполняемых при дворе и в дружине функций, отчасти на движимое имущество, например количество принадлежащего тому или иному можновладцу скота и лошадей. Эти люди фигурируют в источниках как «лучшие люди» (optimates). Корни этой группы восходят к бывшей племенной верхушке. В Польше первых Пястов

можновладцами становятся военачальники, командиры гарнизонов (каштеляны), ближайшие советники князя.

Рыцарство составляет основную массу военно-служилой среды. Оно уже совершенно не схоже с дружиной племенных времен, поскольку не консолидировано ни родством, ни единой территорией. Рыцарь полностью зависит от князя, который обеспечивает ему пропитание, одежду, жилище, экипировку и даже занимается его брачными делами. Вокруг самого князя концентрируется дружинная элита, а рыцари, сидевшие под началом княжеских наместников в локальных гарнизонах, мало чем отличались по образу жизни от крестьян или ремесленников. Рядом с рыцарями в источниках XII в. мы встречаем и третью категорию военно-служилых людей — влодык, крестьян, призываемых время от времени на военную службу. Это маргинальная группа, которая указывает на незрелость сословно-классовых структур и которая позднее растворится между дворянством и крестьянством. Начиная с XI в. развернулся процесс оседания дружинников на земле в результате княжеских земельных пожалований, что и создало предпосылки для феодальной раздробленности.

В целом ни можновладство, ни рыцарство даже в XII в. еще не приобрели черт и статуса средневекового служилого дворянства и феодальной аристократии, не составили пока сословия. В то же время они уже далеко не похожи на племенную аристократию и воинов племенных времен. С этой точки зрения X—XII вв. составляют переходный период между феодальным и дофеодальным строем.

Польское крестьянство в X—XII вв. оставалось лично-свободным, объединенным в традиционные общины, гмины. По мере развертывания процессов феодализации из однородной среды землепашцев выделялись группы, попадавшие в зависимость от отдельных землевладельцев. Этот процесс отразился в диверсификации терминологии источников, касающихся этого сословия. Однако преобладание форм государственного феодализма и потребности внутренней колонизации способствовали сохранению польскими земледельцами традиционного статуса лично-свободных подданных князя. В княжеских и церковных вотчинах наряду с крестьянами можно было встретить и безземельных холоповневольников, роль которых в хозяйстве и удельный вес в социальной структуре были невелики.

Что касается польского бюргерства, то в XI—XII вв. оно начинает только-только складываться как обособленная социальная группа, поскольку даже специализированное ремесло оставалось занятием сельских жителей, а торговля — монополией дружины. Однако в XII в. — особенно в Силезии и Поморье — появляются

зрелые формы городской организации и бюргерское сословие выступает как особый слой в социальной структуре общества.

Таким образом, Польша X–XII вв. была обществом, в котором лишь наметилось деление на социальные группы, характерные для зрелого феодализма, и сами процессы феодализации были еще далеко не завершены.

КУЛЬТУРА ПОЛЬШИ В X–XII вв.

X–XII вв. — время приобщения Польши к латинской культуре Запада, стадия «ученичества», когда польское общество осваивало достижения средневековой христианской цивилизации, прежде чем внести свой собственный, оригинальный вклад в европейскую культуру. Естественно, центральным процессом здесь стала постепенная христианизация польского населения, поскольку на протяжении всего Средневековья культура и религия были неразлучно соединены.

Крещение и христианизация Польши

Как и во многих других случаях, например при крещении Руси, непосредственным толчком к провозглашению христианства государственной религией послужили политические обстоятельства. Ведя борьбу за Западное Поморье и столкнувшись с угрозой немецкой политико-религиозной экспансии, Мешко I стремился найти союзника в лице чешских правителей и встать на равную ногу в политических и дипломатических отношениях со Священной Римской империей. Союз с Чехией был подкреплен браком с чешской княжной Дубравой, который сопровождался крещением самого Мешко I и его ближайшего окружения. По всей видимости, сам акт крещения произошел не в Польше, а в Баварии.

Перед Мешко I и другими польскими правителями встала сложная двоякая задача: внедрить христианство в практику каждодневной жизни и в сознание польского общества; обеспечить возникшей польской церкви независимость от немецкой иерархии. Последняя потребность была особенно настоятельной, так как Польша в качестве поля деятельности христианских миссионеров должна была бы попасть в церковно-административную зависимость от Магдебургской архиепископии. Первым польским монархам удалось, однако, избежать этого: сначала в Польше духовенство возглавлял епископ Иордан из Чехии (итальянец по происхождению), позднее, в 1000 г., была создана подчиненная непосредственно Риму Познанская архиепископия во главе с Гаудентыем, представителем чешской аристократии и чехом по крови.

Сеть приходов сложилась, разумеется, далеко не сразу. Первоначально главными оплотами христианства становились монастыри, которые обращали в новую веру местное население и были центрами подготовки польского духовенства. Польские же епископы, видимо, долгое время оставались «генералами без армии», а сама церковь — фактической частью государственного аппарата, полностью зависимого от князя. Только в XII в., после распространения на Польшу реформ знаменитого папы Григория VII, духовенство приобрело сословные привилегии и права, дававшие церкви независимость от государства.

Восстание 1037 г. свидетельствует, с каким трудом христианство проникало в народные слои. Христианизация основной массы населения, действительно, была делом не одного десятилетия и, может быть, не одного столетия. Даже в дружинно-княжеской среде христианские нормы и верования утвердились далеко не сразу. Сам Мешко I после смерти Дубравы женился на монахине; Болеслав Храбрый был женат много раз и имел наложниц; при Болеславе Смелом за мясоедение во время постов выбивали зубы; сами церкви первоначально были очень маленькими и могли вместить во время богослужения лишь представителей элиты. Даже такие фундаментальные для христианства обряды, как крещение, венчание и погребение, исполнялись очень нерегулярно, детей если и крестили, то делали это через несколько лет после их рождения; покойников продолжали сжигать, в могилы клали предметы быта и пр. Сами священники мало чем отличались от своих прихожан: очень часто были неграмотны, имели жен и детей, пахали и охотились наравне с крестьянами. Епископская власть оставалась номинальной, христианизация вплоть до XII в. являлась заботой государства. Вместе с тем процесс преобразования религиозных обычаев и норм поведения шел, народная языческая культура вытеснялась христианской, новые верования сплавлялись со старыми, годовой цикл христианских праздников и постов совершался со все большей регулярностью. Словом, в X–XII вв. польская культура переживала процесс глубокой внутренней трансформации, становясь частью западного христианства.

Образование, просвещение, искусство

Распространение образования и книг теснейшим образом, как и повсюду в «варварской» Европе, было связано с утверждением христианства. Поэтому возникновение первых школ и библиотек, от которых не осталось документальных следов в источниках, следует относить ко второй половине X в., хотя вплоть до

конца XI в. польское духовенство получало образование в большинстве случаев вне Польши. Первая собственно польская школа для духовенства известна по источникам конца XI в. В XII в. школы были при всех кафедральных соборах Польши. Нет сомнения, что одна из школ существовала и прежде при княжеском дворе. Про Мешко II известно, что он знал не только греческий, но и латинский язык; его дочь Гертруда владела латынью. В краковском кафедральном соборе в начале XII в. имелась библиотека почти что из 50 томов; можно думать, что аналогичные библиотеки находились в Гнезно и Плоцке, где в конце XI — начале XII в. размещалась резиденция монарха.

Памятниками польской литературы были жития и хроники, создаваемые соответственно в монастырях и при княжеском дворе. Житийная литература представлена житием знаменитого миссионера св. Войцеха, созданным уже в X в., и повествованием о жизни и мученичестве пяти других монахов, принимавших участие в миссионерстве на территории Польши. Автором последнего произведения и одной из редакций жития св. Войцеха был Бруно из Кверфурта. С конца XII в. стала формироваться и рукописная традиция жития св. Станислава, краковского епископа, казненного Болеславом Смелым.

Светская литература этого времени представлена хроникой Галла Анонима, написанной в начале XII в. первыми рочниками, и так называемой «Песней Маура» XII в., воспевающей деяния воеводы польского короля Владислава Изгнанника, старшего сына Болеслава Кривоустого.

Разумеется, как и во всяком обществе, в Польше на протяжении всего Средневековья сохранялись богатейшие фольклорные традиции, отразившиеся и в ряде повествовательных источников XII и последующих веков.

Польская архитектура XI—XII вв. — это в основном церковные памятники романского стиля, хотя известны и следы первых княжеских замков, восходящие к рубежу X и XI вв. В романском стиле были построены или перестроены соборы в Гнезно, Познани, Кракове и Плоцке, монастырские храмы в Тынце, Крушвице, церковь св. Андрея в Кракове, храм в Стшельно. Самый приметный памятник искусства этой эпохи — бронзовые двери Гнезненского кафедрального собора (вторая половина XII в.), украшенные 18 скульптурными сценами из жития св. Войцеха. Известен и ряд других скульптурных памятников этих веков и многие произведения мелкой пластики и прикладного искусства. В XII в. в польской культуре начинают складываться и традиции книжной миниатюры.

ПОЛЬША В XIII–XV вв.: ПОЛИТИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ

Четыре основные тенденции определяли политическое развитие Польши в XIII–XV вв.: 1) преодоление феодальной раздробленности и складывание единого централизованного государства в течение XIV–XV вв., во второй половине XV в. начавшее приобретать черты «шляхетской демократии»; 2) становление институтов сословной монархии на протяжении XIV–XV вв.; 3) сближение Польского королевства с Великим княжеством Литовским, приведшее к политическому объединению двух государств; 4) возрастание политического значения и мощи Польско-Литовского государства, которое в XV в. стало доминирующей силой в Восточной Европе.

Две хронологические цезуры имеют особое значение для политической эволюции Польши в это время: 1300 год, когда процессы объединения явственно возобладали над центробежными тенденциями; 1385 год, когда была заключена Кревская уния, в результате которой династия литовских монархов Ягеллонов оказалась во главе как Польши, так и Великого княжества Литовского.

Основные вехи политического развития

Период между смертью Болеслава Кривоустого (1138) и началом XIV в. прошел под знаком феодальной раздробленности и сопровождавшей ее ожесточенной политической борьбы между удельными княжествами.

Старший сын Болеслава Кривоустого Владислав Изгнанник (1138–1146) потерпел поражение в военно-политическом столкновении с младшими братьями и был вынужден бежать из Польши. Его преемником на великокняжеском престоле утвердился Болеслав Кудрявый (1146–1173), при котором борьба между наследниками Болеслава Кривоустого продолжалась. После смерти Болеслава Кудрявого на несколько лет формальным верховным правителем Польши стал Мешко III Старый (1173–1177), но был свергнут Казимиром Справедливым. Ленчицкий съезд польской знати санкционировал захват власти Казимиром Справедливым вопреки принципу сеньората. Это означало, что феодалы не были заинтересованы в восстановлении власти единой и сильной династии. После смерти Казимира Справедливого в 1194 г. (возможно, он был отравлен) малопольские можновладцы еще раз подтвердили отказ от идеи сеньората, поддержав не законного претендента Мешко Старого, а его противников.

В XIII век Польша вступила как конгломерат воюющих между собой княжеств. Но именно внутри отдельных княжеств шло складывание тех институтов, которые позднее послужили социальной основой единого Польского королевства. Зрелый облик приобрели феодальная вотчина и сопутствующие ей вассально-ленные отношения. Для установления контроля над удельным князем феодалы использовали традицию вечевых собраний — прообраз будущих сеймов. Вече, в котором принимали участие и мелкие рыцари, а иногда и крестьяне, решали обширный круг вопросов: о налогах, о должностях, о спорах между отдельными феодалами и между ними и князем, о спорных судебных делах, о военных действиях и пр. Благодаря вечевым институтам удельные княжества становились похожи на небольшие сословные государства. Объединив польские земли, будущий общепольский монарх мог превратить эту традицию в общепольскую.

Несколько претендентов (Лешек Белый, Владислав, Мешко, Конрад Мазовецкий) продолжали борьбу за краковский престол. К середине XIII в. обозначилась новая объединительная тенденция, связанная на этот раз с именами силезских князей Генриха Бородатого (1230—1238) и Генриха Благочестивого (1238—1241), однако вторжение татар и поражение польской армии в сражении под Легницей в 1241 г., где погиб и Генрих Благочестивый, привели к новому витку феодальных раздоров. Во второй половине XIII в. политическая раздробленность достигла апогея, ибо каждая из польских исторических земель оказалась в свою очередь поделена на отдельные княжества. На краковском престоле сменили друг друга Конрад Мазовецкий (1241—1243), Болеслав V Стыдливый (1243—1279), Лешек Черный (1279—1288), Генрих IV Честный (1288—1290), но их политическое влияние ограничивалось Малой Польшей.

К концу XIII в. складываются предпосылки для объединительных процессов. Рыцарство становится надудельной социальной силой; в среде можновладства появляются группировки, заинтересованные в восстановлении единой монархии; духовенство, по природе своей тяготеющее к централизации, более других правящих групп страдающее от усобиц, становится опорой центростремительных тенденций; на арену политической жизни выступают города, чья роль в условиях укрепления товарно-денежных отношений становится все заметнее. Наконец, внешним фактором, торопящим объединение, стал орден крестоносцев, призванный на польские земли в 1230-е годы Конрадом Мазовецким. Крестоносцы (орден Девы Марии, действовавший сначала на Ближнем Востоке, затем перемещенный в Венгрию) были приглашены для содействия христианизации Пруссии и Литвы и

пользовались активной поддержкой польских князей. Со временем их сила возросла настолько, что орден превратился в существеннейший фактор польской политической жизни. Борьба с ним подталкивала польских князей друг к другу.

Объединение польских земель связано с именем Владислава Локетка, который в борьбе с Генрихом Честным, Пшемыслом II Великопольским и Вацлавом II Чешским уже в 1290-е годы дважды захватывал краковский престол. Но это не значит, что только он был способен довести объединительные процессы до конца. Даже тогда, когда престол оказывался в руках его противников, центростремительные силы явно одерживали верх над феодальным сепаратизмом. Это выразилось в том, что уже Пшемысл II сумел на короткое время объединить Великую Польшу, Малую Польшу и Восточное Поморье и был коронован в 1295 г. Гнезненским архиепископом Якубом Свинкой. Пшемысла II отравили соперники, но объединительные тенденции снова победили: тот же Якуб Свинка в 1300 г. короновал Вацлава II, который первым сумел подчинить своей власти практически все польские территории, за исключением Силезии и Добжинской земли. Именно поэтому 1300 год можно считать переломным в истории средневековой Польши.

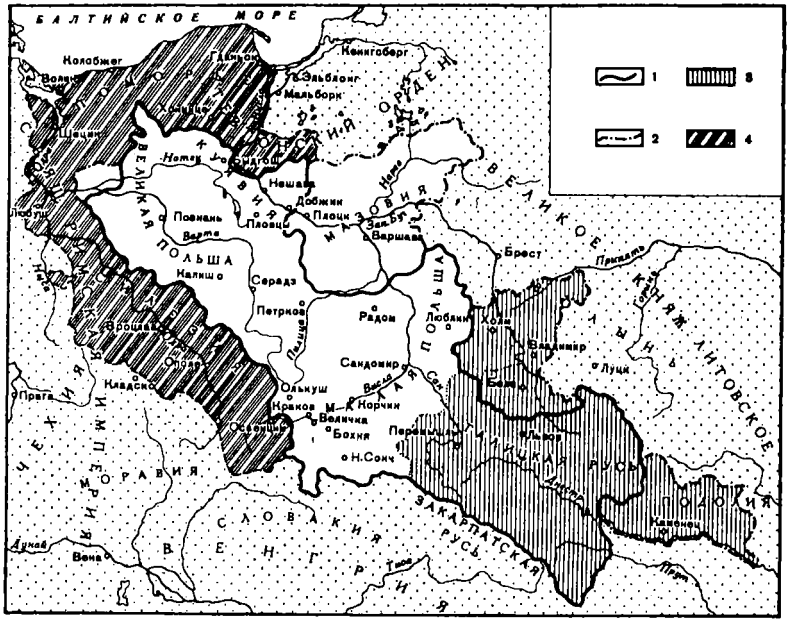
Однако власть Вацлава II оказалась непрочной. Рост политического влияния Чехии и пришедших с чехами немцев вызвал мятеж против Вацлава незадолго до его смерти. Дальнейшие события способствовали тому, что краковский престол в третий раз занял Владислав Локеток (1305—1333). Под его контролем первоначально оказалась Малая Польша, часть Великой Польши и Восточное Поморье. Но удержать власть и единство польских земель было нелегко. Сначала Локеток с трудом подавил сопротивление краковского епископа Мускаты и поддержавших последнего немецких жителей города; затем ему пришлось бороться с Бранденбургской маркой, захватившей Гданьск и Восточное Поморье. Вернуть эти владения удалось только при помощи крестоносцев, которые, однако, отказались передать Восточное Поморье Локетку. Поскольку Тевтонский орден был специфическим государством, подчиненным напрямую Риму, Локеток добился папского посреднического суда, который принял решение о возвращении Поморья полякам и наказал крестоносцев штрафом в пользу польского правителя. Но крестоносцы не выполнили ни первого, ни второго решения. Борьба с ними, вылившаяся в ряд войн, стала отныне одной из важнейших задач польской внешней политики. Потеря Восточного Поморья была в какой-то степени компенсирована присоединением Великой Польши, все территории которой в 1313—1314 гг. подчинились Владиславу Локетку.

Борьба за объединение польских земель завершилась в 1320 г. коронацией Владислава Локетка. Он стал именоваться королем и господином всех польских земель, которые отныне все чаще и чаще выступают в источниках и, следовательно, мыслятся как нечто единое и неделимое — Королевство Польша (Regnum Poloniae). Тем не менее, во-первых, за пределами созданного им общепольского государства оставались Мазовия, Поморье, Силезия и часть Куявии; во-вторых, само государство, объединенное личностью короля и его короной, не было интегрировано единой правовой системой, единой администрацией, едиными государственными институтами; в-третьих, над этим государством висел дамоклов меч крестоносцев. Поэтому вслед за формальным объединением Польша нуждалась в централизации и укреплении внешнеполитических позиций. Эта миссия выпала на долю сына Владислава Локетка Казимира III Великого, которому в 1333 г. было 23 года.

Казимир, правивший весьма долго (1333—1370), пожалуй, в самом деле заслужил прозвище Великого. Его молодость и репутация легкомысленного и немужественного женолюбца, правда, вовсе не обещали больших государственных дарований. Однако в действительности Казимир оказался ловким, энергичным и последовательным политиком. На международной арене ему удалось дипломатическими методами урегулировать отношения с Тевтонским орденом. Хотя Польша вынуждена была отказаться от Поморья, она вернула себе Куявию и Добжинскую землю. Казимир стремился всячески расширить связи с Западным Поморьем и вернуть под власть Польши часть Силезии. Решающий поворот произошел в восточной политике. После пресечения династии Рюриковичей в Галицко-Волынском княжестве Казимир вмешался в борьбу претендентов на эти земли и, предприняв ряд военных походов, в 1340-е годы присоединил Галицкую Русь к Польше. Эта акция положила начало польской политической, хозяйственной и культурной экспансии на украинских землях, которая, по сути, стала решающим фактором государственно-политического развития Польши в последующие столетия.

Так или иначе, унаследовав от Владислава Локетка территорию в 102 тыс. кв. км, Казимир увеличил ее почти в два с половиной раза, до 244 тыс. Резко возрос вес Польши в международных отношениях и ее авторитет в Европе.

Однако главной исторической заслугой Казимира стала его внутренняя политика, приведшая к интеграции польского государства и общества. Принятием так называемых «Статутов Казимира Великого» в 1347 г. был сделан решающий шаг по пути кодификации права в общепольских масштабах. Сложилась крепкая



Польское государство во второй половине XIV в.
1 — границы польского государства в 1370 г.; 2 — границы вассальных княжеств и завоеванных земель; 3 — земли Галицко-Волынской Руси, захваченные Казимиром III; 4 — польские земли, находившиеся к 1370 г. под властью Священной Римской империи и Тевтонского ордена

и централизованная система администрации: в центре ее возглавляла королевская канцелярия и королевский совет; на местах носителями авторитета центральной власти выступали старосты, не зависимые от местной знати и всем обязанные милости короля. Созданная при Казимире в результате финансовых реформ (введение единой монеты и регулярного налогообложения, систематический сбор торговых пошлин, а также доходов от королевщин, государственная эксплуатация соляных копей) богатая государственная казна обеспечивала ему независимость в политических действиях. Королевский совет, хотя и состоял в основном из малопольских можновладцев, играл роль общепольского государственного органа и фактически не ограничивал власть Казимира. Впоследствии из него вырос сенат. На основе придворных должностей бывших удельных княжеств складывалось земское рыцарское самоуправление, а удельные вецы превращались в земские суды и органы местного сословного представительства. Были подтверждены и укреплены привилегии церкви. Особое

значение имела политика Казимира по отношению к городам: они получили широкие права самоуправления по немецкому образцу, если не имели их прежде, и находились под фактической опекой государства. При королевской резиденции возник высший суд по делам городов. Не менее важной явилась политика последовательной и активной поддержки внутренней колонизации на немецком праве, на основе грамот, выдаваемых королевской канцелярией.

В целом внутренняя и внешняя политика Казимира Великого завершила процессы объединения и централизации польских земель. Был заложен фундамент крепкой внутренне и могущественной в отношениях с соседями сословной монархии. Власть короля, однако, в эпоху Казимира еще практически ничем не ограничивалась, кроме обычая. Специфически польская модель сословного государства «шляхетской демократии» пока еще не сложилась.

В последующем ослаблении королевской власти большую роль сыграли династические кризисы. Первый из них произошел после смерти Казимира, не оставившего сыновей. Согласно воле самого Казимира его трон занял венгерский король Людовик Анжуйский. Он мало интересовался собственно польскими делами, стремился восстановить позиции венгров в Галицкой Руси, не предпринимал никаких шагов для возвращения в состав Польши Поморья и Силезии. Но для того чтобы заручиться поддержкой в Польше, Людовик предоставил ряд привилегий шляхте (Кошицкий привилей 1374 г.), духовенству, споспешествовал торговле городов.

Смерть Людовика в 1382 г. привела к новому династическому кризису, поскольку польская знать выступала против перехода короны к наследнице, старшей дочери Людовика Марии, чьим женихом был Карл IV Люксембургский, владевший и Бранденбургом и потому опасный для польских интересов в Поморье. Приняли решение передать корону младшей дочери Людовика, 11-летней Ядвиге, а в супруги ей пригласить великого князя Литовского Ягайло (Ягелло). Соглашение об этом браке состоялось в 1385 г. в Крево и стало именоваться Кревской унией, установившей тесные связи Польши с Литвой. Личная уния с Венгрией была, соответственно, разорвана.

Кревская уния открыла новый этап в политической истории Польши. Основным мотивом, который привел к ней польских и литовских политиков, явилось стремление к совместной вооруженной борьбе с крестоносцами. Эта цель в итоге была достигнута под Грюнвальдом в 1410 г., и Тринадцатилетняя война с орденом в середине XV в. (1454–1466) окончилась поражением крестоносцев и воссоединением Восточного Поморья с Польшей. Однако другие последствия Кревской унии оказались еще более

весомыми. Польско-литовские отношения на два столетия сделались главным нервом политической жизни, а позднее Речь Посполитая была включена в новое геополитическое пространство, где ведущими факторами стали отношения с Россией и Крымом.

В конце XIV в. Великое княжество Литовское представляло собой молодое и воинственное феодальное государство, подчинившее огромные территории западно- и южнорусских княжеств (Белоруссии и Украины). Древнерусские традиции оказали решающее воздействие на формирование социальных, политических и культурных отношений в Великом княжестве. По существу, это государство правильнее называть Литовско-Русским, как это было принято в дореволюционной историографии. Кревская уния привела к росту польских влияний. Ее условия предусматривали фактическую инкорпорацию Литвы в состав польского государства, обращение литовцев-язычников в католицизм, создание сети католических епископств, приходов и монастырей, предоставление широких привилегий всей католической знати и соответственно дискриминацию православных. Однако пропольская политика Ягайло вызвала поддержанное орденом сопротивление его двоюродного брата Витовта и значительной части литовской аристократии. В 1401 г. условия унии подверглись пересмотру, и Витовта провозгласили пожизненным независимым правителем Литвы. Инкорпорация должна была произойти после его смерти. Но и после смерти Витовта в 1430 г. судьба унии оказалась нелегкой. Борьба ее сторонников и противников продолжалась не одно десятилетие, и противоречия разрешались таким образом, что избранный литовско-русской знатью независимый от Польши великий князь всякий раз позднее избирался и польским королем.

Во внутренней политике Владислав Ягайло, вынужденный идти на все новые и новые уступки шляхте, все же продолжал линию Казимира Великого. Его главным внешнеполитическим достижением была успешная дипломатическая и военная борьба с орденом и усиление польского влияния в Силезии и Чехии. Близким к осуществлению казался даже план литовско-польско-чешской унии под эгидой династии Ягеллонов. Однако сближение с гуситской Чехией вызывало яростное сопротивление католических кругов во главе с краковским епископом Збигневом Олесницким и было ими предотвращено.

Эта же группировка фактически оказалась у власти после вступления на престол в 1434 г. десятилетнего Владислава III. В 1440 г. Владислав короновался венгерской короной, и вновь появилась возможность заключить и польско-чешскую унию. По сути, речь шла о перспективе политического доминирования Ягеллонов во всей Центральной и отчасти Восточной Европе. Ягеллоны,

таким образом, имели шанс занять место, приобретенное позднее в этом регионе Габсбургами. Однако это не осуществилось. Владислав III под давлением Римской курии и польского епископата ввязался в войну с Турцией, потерпел поражение и погиб в битве под Варной в 1444 г.

После трехлетних предвыборных интриг преемником Владислава стал его брат, выбранный прежде великим князем литовским — Казимир Ягеллончик (1447—1492). Ему удалось добиться решающей победы над орденом и заключения Торуньского мира в 1466 г. Польша возвращала себе Восточное Поморье с богатыми городами Гданьском, Торунем, Эльблонгом и Мальборком. Столицей ордена, отныне ленника Польши, становился Кролевец (Кенигсберг). Согласие шляхты на участие в войне с орденом было куплено ценой предоставления ей новых обширных привилегий, главная из которых — признание за шляхетскими сеймиками роли органов сословного представительства.

После смерти Казимира Ягеллончика уния с Литвой снова оказалась под угрозой, поскольку власть в Польше перенял его старший сын — Ян Ольбрахт (1492—1501), а в Литве стал править младший — Александр. Однако начавшиеся московско-литовские войны заставили литовскую знать укрепить отношения с Польшей: в 1499 г. было договорено о совместных выборах нового короля, а в 1501 г. им стал Александр.

Во внутренней политике главным событием было принятие в 1496 г. Петрковских статутов. Они ограничивали право крестьянского выхода, запрещали горожанам владеть землей, предоставляли ряд экономических привилегий шляхте.

Государственное устройство Польши в XIV—XV вв.

Период с середины XIV до конца XV в. принято выделять как время существования в Польше сословной монархии, которой на смену в XVI—XVIII вв. пришел режим «шляхетской демократии», в сущности, представлявшей собой тоже модель сословного устройства государства, но с совершенно особыми чертами, позволившими противопоставить ее «нормальной» сословной системе.

Каковы были основные институты сословной монархии XIV—XV вв., как они сложились и как на их основе выросли институты «шляхетской демократии»?

Центральным институтом была королевская власть. При короле существовал королевский совет, объединявший высших светских и церковных сановников, выходцев чаще всего из аристократии.

Среди органов центрального управления главным являлась королевская канцелярия, руководимая канцлером и подканцлером. Очень важным институтом стало казначейство во главе с королевским подскарбием. В XIV в. государственная казна не была еще отделена от королевской, но в XV в. последняя отделилась от государственной, возглавлял ее надворный подскарбий. Управление двором и его делами осуществлялось маршалком. В XV в., как и в случае с казной, рядом с королевским (коронным) маршалком появился и надворный. Их функции, однако, не имели четкого разграничения. Существовал и ряд придворных должностей, которые носили, скорее, церемониальный, чем управленческий характер: подкомории, кравчии, конюшии, постельничии и т.д.

Главной опорой королевской власти в провинции были старосты, которые пришли на место прежних каштелянов. Они выступали представителями короля на местах и как бы заменяли его во всех вопросах региональной администрации. В руках старосты сосредоточивалась судебная власть (первоначально даже над рыцарями), организация обороны и шляхетского ополчения (посполитого рушения), полицейские функции, сбор податей, налогов и пошлин. Старосты управляли и имуществом короля на данной территории. Как правило, они являлись выходцами из небогатой шляхты, были лично связаны с королем и, будучи ему всем обязаны, до поры до времени служили верно и ответственно.

Наряду с государственными должностями и органами администрации существовали и земские должности и институты, первоначально ликвидированные Владиславом Локетком, но затем восстановленные Казимиром Великим и получившие широкое развитие в XV в. Это воеводы, каштеляны, земские подкомории, войские, хорунжии и т.п. Они чаще всего не имели реального административного веса, но были привлекательны и важны для шляхты, так как составляли форму ее участия в государственной и общественной жизни. На эти должности дворяне пожизненно назначались королем. Постепенно они становились наследственными.

Главным элементом военной организации со времен Казимира Великого было посполитое рушение — ополчение, в котором обязаны были принимать участие все, кто владел землей на рыцарском праве. В посполитом рушении участвовали также солтысы и войты поселений, основанных на немецком праве. Ополчение делилось на хоругви, каждая из которых представляла определенную землю. Отдельные хоругви приводили с собой магнаты.

Таким образом, в XIV–XV вв. существовали предпосылки для создания сильного централизованного государственного аппарата. Однако с конца XIV в. (условным рубежом можно считать

Кошицкий привилей 1374 г.) начался процесс сужения прерогатив королевской власти за счет расширения прав и привилегий шляхты. В XV в. ограничение власти короля выразилось в том, что в регионах стало падать значение старост как королевских наместников. Должность старосты рассматривалась как пожизненная, переходила в руки местной знати, теряя тем самым тесную связь с центральной администрацией. Постепенно суд старосты как представителя центральной власти начал уступать место земскому суду, который становился еще более независим от воли королевских администраторов. Все это угрожало централизации государства.

Королевский совет в XV в. приобретает все больший вес и значение. Если раньше он был чисто совещательным органом, назначавшимся королем, то теперь в него по должности и по традиции входят епископы, виднейшие представители местной администрации, некоторые придворные чины. Совет превращается в рупор и орган земельной аристократии.

Самой же важной стороной трансформации органов государства в XV в. стало складывание системы польского сословного представительства — общепольского (вального) сейма, провинциальных и земских сеймиков. Именно на этом фундаменте в конце XV–XVI вв. создаются базовые институты польской «шляхетской демократии». Их генезис достаточно ясен. Менее очевидны причины, вызвавшие к жизни эту специфическую модификацию сословно-представительной монархии. Сказать, что ее появление с неизбежностью детерминировано какими-либо предшествующими процессами в польском обществе и государстве, было бы неверно. Скорее, наоборот, «шляхетская демократия» составляет некую, не укладывающуюся в жесткие схемы аномалию на европейском фоне. Самый факт ее существования на протяжении нескольких веков показывает, что отклонения от «нормы», аномалии и альтернативы в истории не менее закономерны, чем то, что считается «нормальным».

Система «шляхетской демократии» опиралась на сейм, сеймики и разветвленное древо земских должностей.

Общепольский вальный сейм, или парламент, с конца XV в. состоял из двух частей: посольской палаты (избы) и сената. Происхождение сената достаточно ясно: он развился из королевского совета, постепенно превращающегося из совещательного органа при короле в фактически независимый орган, участие в котором стало не только правом, но и обязанностью высших лиц государства и церкви: епископов, канцлера, подканцлера, гетмана, подскарбия, маршалка, воевод и каштелянов. Частота заседаний сената сначала зависела исключительно от короля, потом стала определяться традицией и ритмом работы сейма в целом.

Сеймы — общепольские (вальные), провинциальные и поветовые — возникли на основе удельных вечевых собраний рыцарства, но в чем состояла их роль в XIV в., в эпоху единовластного правления королей, сказать трудно. Известно, например, что статуты Казимира были приняты на раздельных съездах великопольской и малопольской шляхты. В XV в. их деятельность прослеживается с большей отчетливостью. В это время созыв общепольских съездов шляхты стал регулярным фактом польской общественно-политической жизни. Однако каких-либо строгих правил созыва и проведения сеймов и сеймиков не существовало. Ведущую роль играли члены королевского совета, представители местной администрации и носители земских должностных титулов. Выборных шляхетских депутатов не было, для участия в сеймах и сеймиках съезжалась в основном шляхта того региона, где проходил сейм. Не было и отрегулированной процедуры голосования: рядовые участники собрания шумом и криками выражали свое одобрение или неодобрение.

Компетенция и состав провинциальных сеймов были такими же, как и у вальных сеймов, с той только разницей, что их решения имели силу лишь в пределах данной земли. Сам факт существования этих сеймов делал их известным противовесом вальному сейму, и король мог опереться на их авторитет в случае несогласия с общепольским рыцарским собранием.

Что касается местных, земских, сеймиков, то они развились в XV в. главным образом в противовес власти старосты и деятельность их сосредоточивалась в основном на локальных проблемах — в первую очередь судебных, а также административных, полицейских и финансовых. Шляхта здесь имела перевес над магнатами, и ее участие в выработке решений было более деятельным и весомым, не сводясь к крикам одобрения или несогласия.

Важнейшая особенность сеймов и сеймиков — их сословность. Хотя представители некоторых городов и капитулов принимали участие в заседаниях, доминирование шляхты было неоспоримым. В XVI—XVIII вв. городские делегации нескольких крупнейших городов имели право лишь совещательного голоса в решении тех или иных вопросов, касавшихся городской жизни.

Польские сеймы и сеймики XV в. еще не приобрели той формы и значения, какие им присущи в XVI—XVIII вв. Во-первых, не проходили пока выборы шляхетских депутатов из числа участников сеймиков в провинциальный или вальный сейм, что стало правилом лишь в течение XVI в. Во-вторых, только в конце XV в. стала складываться двухпалатная структура сейма, в то время как раньше сенат действовал вне сейма и независимо от него. Первый сейм, на заседаниях которого сенат и посольская изба объединились, состоялся в 1493 г. после смерти Казимира

Ягеллончика. Правда, сенат в это время и в начале XVI в. количественно превосходил очень немногочисленную посольскую избу. В-третьих, полномочия сеймов и сеймиков в XIV–XV вв. были намного у́же, чем позднее, когда они стали определять ход политической и общественной жизни в Польше.

ПОЛЬША В XIII–XV вв.: ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ

Развитие феодальных отношений

Период феодальной раздробленности (т.е. XII–XIII вв.) стал тем временем, когда в Польше, как и во всякой другой средневековой стране, развились и стали зрелыми феодальные отношения. Именно в это время здесь сложилась крупная феодальная вотчина и соответствующие социальные, политические и культурные институты. Складывание классической вотчины и политическая раздробленность — процессы взаимообусловленные. Вотчина создавала экономическую основу для политической и правовой самостоятельности отдельных крупных землевладельцев, а политическое обособление, которое сопровождалось наделением феодала иммунитетными привилегиями, способствовало ее укреплению как независимого социально-хозяйственного организма. При этом основным путем генезиса и развития феодальной вотчины в Польше стали королевские и княжеские пожалования земель рыцарству и духовенству (а не генезис вотчины на основе разложения общины). Старый принцип централизованной эксплуатации земель и сидящих на ней крестьян при помощи обложения их государственной податью постепенно сходил на нет. Монарший домен становился все меньше, превращаясь в сеть таких же вотчин, как и вотчины феодалов.

Иммунитет был и следствием, и основой развития феодальных отношений. Он состоял в освобождении земельных владений феодала от государственных повинностей и переходе судебной власти над крестьянами в руки вотчинника. Долгое время считалось, что первые иммунитетные привилегии были предоставлены рыцарству в 1180 г. на Ленчицком съезде, а церкви — в 1215 г. Однако сегодня можно считать доказанным, что процесс начался в спорадической форме раньше. Иммунитетные привилегии церкви в целом складывались быстрее и были полнее, чем у рыцарства. Колонизация на немецком праве, проходившая в XII–XIV вв., привела к массовой раздаче иммунитетных грамот и завершила, таким образом, становление феодальных отношений на польских территориях.

Формы колонизации и перестройка аграрных отношений

Колонизация выражалась не только в освоении новых территорий, но и в перестройке правовых и экономических отношений на уже освоенных землях. Были распространены несколько систем таких отношений. Уже в XII в. существовало «право свободных гостей», фактически означавшее аренду земель феодала крестьянами: крестьяне несли определенные повинности в пользу землевладельца, но могли покинуть его в любое время по исполнении обязательств в отношении феодала. Такой тип отношений позднее получил название «польского права». Другим вариантом было «право ратаев», в рамках которого крестьянин, не имевший ни земли, ни инвентаря, обрабатывал часть домениальной земли на условиях найма.

Однако самой массовой формой являлась колонизация на так называемом «немецком праве». Его распространение было связано с появлением немецких переселенцев на польских землях, однако позднее немецкое право использовалось крестьянами и других национальностей, которые стали составлять большинство среди переселенцев.

Колонизация на немецком праве развернулась в XIII в. Она означала изменение структуры землевладения и перестройку юридических и хозяйственных отношений. На осваиваемой территории или на земле нескольких объединяемых деревень пахотные угодья делились поровну на наделы (ланы) между крестьянами, так что каждая семья получала от 30 до 43 моргов. Крестьяне освобождались от повинностей в пользу феодала на период от 8 до 24 лет в зависимости от условий хозяйствования. Основным видом ренты по истечении этого срока становился чинш (денежная выплата), в то время как продуктовая рента приобретала чисто символический характер (поставка продуктов к праздникам; устройство пиров во время судебных сессий в деревне). Отработочная рента ограничивалась несколькими днями в году. В пользу церкви вносилась натуральная подать («мешне»).

Организатором поселения на немецком праве был солтыс, который в отличие от других крестьян получал не один, а несколько наделов земли. Ему же шла часть чинша и судебных пошлин, а по отношению к крестьянам он выступал как бы наместником, решая от имени землевладельца все текущие вопросы и верша суд. В судебных и административных вопросах его власть была, правда, ограничена крестьянской лавой, аналогичной городскому совету в городах на немецком праве. Солтысы, таким образом, составляли маргинальный слой между феодалами и крестьянством.

Пик колонизации на немецком праве приходится на эпоху Казимира Великого, когда королевская власть стала целенаправленно осуществлять перестройку аграрных отношений в стране. Королевская канцелярия издала за это время несколько сот локационных грамот для вновь создаваемых сельских поселений. Ту же политику центральная власть проводила и во владениях церкви, забирая их на время в королевский домен для проведения переустройства и возвращая обратно в руки церкви.

Развитие городов, торговли, горнодобычи

XIII–XV вв. — время урбанизации польских земель. Развитие городской жизни опиралось на установление в городах немецкого права, образцом для которого служило право города Магдебурга. Оно предполагало создание институтов городского самоуправления: городских советов и городских судов. Однако если на Западе города становились независимыми в результате борьбы городских общин с феодалами (так называемые «коммунальные революции»), то в Польше городское право предоставлялось сверху — по решению короля или князя. Часто вопрос о городской самостоятельности решался компромиссно — наряду с городским советом широкие полномочия сохранял и королевский наместник — войт. В XIII в. в Польше насчитывалось уже около 100 городов на немецком праве. По темпам урбанизации лидировала Силезия, где в XIII в. было основано 100 поселений на городском праве, а в XIV — 20. В Малой Польше в XIII в. было основано 30 городских поселений, а в XIV — 50. В Великой Польше — соответственно 40 и 60, в Мазовии — 4 и 36. Правда, нужно иметь в виду, что многочисленность городов не означает многочисленности городского населения. Гданьск и Вроцлав имели в XIV в. по 20 тыс. жителей, Краков — 14, Познань — 4, а несколько других считавшихся крупными городов (Калиш, Гнезно, Сандомир) — по 2–2,5 тыс. Преобладали же города с несколькими сотнями жителей, а многие из них практически ничем, кроме правового статуса, не отличались от деревень.

В XIV–XV вв. городская жизнь Польши достигает расцвета. Цеховая организация еще не стала тормозом для развития ремесленного производства. В крупнейших городах встречалось до 40 ремесленных специальностей. Ведущей отраслью было сукноделие. Внутренняя торговля быстро росла вследствие расширения чинша, внешняя — развивалась успешно во многих направлениях: на юге — с Чехией и Венгрией; на севере — со всей Европой через Балтику, где торговля регулировалась Ганзейским союзом, в который входили Гданьск, Торунь и Эльблонг. Объединение с

Литвой привело к активизации восточной торговли, а с XV в. заметно усиливается и черноморское торговое направление при посредничестве итальянских городов Причерноморья.

При Казимире Великом была проведена денежная реформа, поскольку рост товарно-денежных отношений требовал ввести более крупную монету (грош, от лат. grossus) вместо прежнего мелкого динара.

Существенным фактором экономического подъема в XIV–XV вв. явилось и развитие горнодобывающей промышленности. Речь идет прежде всего о добыче соли в Бохне и Величке в Малой Польше. Разработка соляных копей началась в XIII в., а в XIV в. по инициативе Казимира было организовано большое государственное предприятие (краковские жупы) и соль стала одним из важнейших источников поступлений в государственную казну. Специальная грамота определяла порядок соледобычи и торговли солью.

В районе Олькуша и Бытома, на западе Малой Польши, добывали свинец, который также составлял предмет вывоза за границу. Добыча велась частными лицами на основе лицензий, выданных королем и местным епископом.

В XIV–XV вв. известного размаха достигла и добыча железа, в основном в Малой Польше.

Социальная структура

Если в X–XII вв. польское общество, уже перестав быть родоплеменным, не стало еще сословным, то в XIII–XV вв. в Польше шаг за шагом складывается сословная структура, типичная для всякого западного средневекового общества. Основой для формирования сословных структур и отношений было наделение всех основных социальных групп определенным правовым статусом, передаваемым по наследству. Реальное содержание социальных связей и отношений оставалось, конечно, богаче и сложнее правовых форм, ибо внутри каждого сословия находились разные по реальному статусу группы, а границы между сословиями оставались проницаемыми. Однако господствующей тенденцией было выравнивание правового статуса всех представителей данного сословия и установление возможно более четкой границы между сословиями. Тем не менее вплоть до конца XV в., по мнению польского историка Г. Самсоновича, «в каждодневной практике сословная структура не функционировала».

С другой стороны, невозможно говорить и о какой-либо однородности польского общества в конце Средневековья. Социальные структуры переживали процесс перестройки, находились

в движении, порожденном экономическим ростом и бурными политическими и культурными переменами. Шляхта обособилась в правовом отношении только к концу XV в., тогда же под западным влиянием стало укореняться представление о крестьянах и горожанах как сословии.

Но границы между отдельными группами по-прежнему оставались очень подвижными, между различными по статусу социальными слоями сохранялись прочные родственные и территориальные связи, шляхта была перемешана с нешляхтой, а герб еще не стал отличительным признаком дворянского сословия. Территориальные надсословные связи в целом преобладали над раннесословными. Все это в свою очередь было связано с особенностями развития феодальных отношений в предшествующий период, который не знал широкого распространения фьефов, вассальных связей и иерархии, так что рыцарь напрямую зависел от монарха, а всякий герб был настолько вместителен, что включал десятки семей и с легкостью принимал новые. Это позволило влодыкам — слою, промежуточному между рыцарством и крестьянством, — влиться в ряды дворян, чем некоторые историки (например, К. Бучек) объясняют многочисленность польской шляхты на пороге Нового времени.

Духовенство

Прежде других в сословие замкнулось духовенство. В предшествующий период оно еще очень сильно зависело от государства и было внутренне неоднородно. Феодальная раздробленность повсеместно в Европе привела к укреплению сословных позиций духовенства. Это произошло и в Польше в первой половине XIII в., при архиепископах Генрихе Кетличе и Пелке Лисе, которые использовали феодальные усобицы для достижения полной автономии польской церкви. Эта автономия выразилась, во-первых, в том, что духовенство, с одной стороны, было исключено из сферы действия княжеской юрисдикции по всем вопросам, за исключением имущественных; с другой — его судебные полномочия распространялись на мирян в целом ряде вопросов, которые трактовались каноническим правом. Во-вторых, светские власти лишились права назначать новых епископов и аббатов, которые отныне избирались капитулами и монастырскими конвентами. Даже в частных владениях феодал мог лишь рекомендовать кандидата в священники или аббаты. В-третьих, церковные земельные владения были наделены административным, судебным, налоговым иммунитетом.

Серьезные преобразования характеризуют внутрисословную жизнь духовенства. Вводилась более жесткая дисциплина, соответствовавшая нормам канонического права, предписывался целибат, регулярно стали созываться синоды польского духовенства для решения вопросов внутренней жизни церкви, в результате реформы капитулов ее члены отныне должны были проживать совместно и ежедневно собираться на молитву. Реформы XII–XIII вв., как и во всей Европе, явились результатом клюнийского движения. Они привели к сословной консолидации духовенства и росту его независимости в отношениях с другими социальными группами.

Крестьянство

Формирование крестьянства как сословия польского средневекового общества свидетельствовало о его внутренней консолидации и унификации в результате перестройки отношений в аграрной сфере, вызванной колонизационными процессами XIII–XIV вв. Это не означает, что не было внутренней дифференциации крестьянства. Напротив, она даже усилилась в связи с наличием разных форм и режимов колонизации. Но тем не менее статус крестьянства как особой сословной группы стал вполне определенным и находил ясное отражение в том, как оно воспринималось окружающим обществом.

Положение крестьян регулировалось государственным законодательством и традицией. Но это, однако, не говорит о том, что крестьяне были бесправным сословием. Напротив, XIII–XV вв. были эпохой наибольшей стабильности и защищенности крестьянского быта. Крестьяне поселений, основанных на немецком праве, обладали соответствующими правами самоуправления и фактически вполне самостоятельно распоряжались своей землей, передавая ее по наследству от поколения к поколению, хотя не были собственниками наделов.

Что касается степени эксплуатации крестьян, то чинш оставлял много простора для хозяйственной инициативы и не был для них разорительным. Господские же хозяйства оставались вплоть до XVI в. невелики и поэтому не требовали широкого применения барщинного труда. Поэтому крестьянское хозяйство на протяжении XIII–XV вв. развивалось успешно.

Крестьянин имел право покинуть земли феодала. Это право стало особенно важным со второй половины XIV в., когда после общеевропейской эпидемии чумы потребность в рабочей силе возросла. Поэтому государство, идя навстречу нуждам землевладельцев, стремилось прикрепить крестьян к тем наделам, на

которых они сидели. Рубежом здесь стали Петрковские статуты 1496 г., согласно которым в течение года только один крестьянин и один из крестьянских сыновей данной деревни могли покинуть ее. Долгое время этот закон трактовался как провозглашение крепостного права. Однако можно взглянуть на него и совсем иначе — как на государственную гарантию права крестьянского выхода. Кроме того, следует учесть, что деревни в то время были очень небольшими, по 10—12 дворов, так что все крестьяне в течение 10—11 лет могли легально покинуть землевладельца.

Другая тенденция в изменении положения крестьянства связана с ростом барщинных повинностей начиная со второй половины XV в. И снова мы видим, что государство не только не поддерживало эту тенденцию, но и стремилось ей воспротивиться. Так, в 1423 г. эдикт Владислава Ягеллы установил потолок барщины в 14 дней в году. Тем не менее уже в XV в. в церковных владениях мы встречаемся с барщиной в 1 день в неделю. Такая же норма отработочной ренты становится характерной для имений бедного мазовецкого рыцарства.

Ответом крестьян на ограничение права выхода и рост барщины стало бегство. И тут государство оказывалось бессильным его остановить, поскольку многие землевладельцы, особенно на окраинах Польши, были заинтересованы в привлечении новых рабочих рук.

Каков был уровень материальной обеспеченности крестьянских хозяйств? Хотя точные размеры крестьянских наделов определить трудно, ибо часто крестьяне распахивали не только свои, но и пустующие земли, в среднем каждый хозяин двора использовал от 16 до 24 га пашни, т.е. обрабатывал полный лановый надел. Правда, уже в XV в. часто встречаются малоземельные крестьяне в Малой Польше и Мазовии. Движимое имущество крестьян тоже было немалым: несколько коров или волов, 1—2 лошади, значительные запасы зерна, все необходимые орудия — это то, что, судя по инвентарным описаниям рубежа XV и XVI вв., встречалось во многих крестьянских семьях.

Что касается стратификации крестьянства, то полнонадельные крестьяне — кметы — преобладали в деревне, составляя около 85—90%. Загродники, халупники и коморники — те, кто имел меньше четверти лана земли или не имел ее вовсе, составляли 5—7% населения деревни. Остальные несколько процентов приходились на корчмарей, мельников и солтысов. Однако в XIV—XV вв. в Польше появляется немало и «люзных людей», т.е. разорившихся крестьян (или крестьянских детей), которые покидали деревни, переселялись в города или нанимались в батраки к богатым односельчанам или солтысам. В конце XV в. это стало

серьезной социальной проблемой, к которой неоднократно обращались польские законодатели, изыскивая способы прикрепить люзных людей к земле или к городским корпорациям.

Рыцарство-шляхта

Шляхта как сословие сформировалась в XIV в., но основной круг ее сословных привилегий стал определяться уже в XIII в. Эти привилегии («рыцарское право») подразумевали: аллодиальный статус рыцарских земельных владений; особые позиции в уголовном праве, прежде всего высокий штраф за убийство, ранение или оскорбление шляхтича; право «свободной десятины», т.е. возможность отдать ее тому церковному институту, какой выберет сам шляхтич; денежное вознаграждение за участие в военных походах; юридический иммунитет. Однако границы рыцарского сословия в XIII–XV вв. еще не замкнулись. Значительную часть господствующего социального сословия составляла пока еще шляхта, не наделенная всеми преимуществами «рыцарского права».

Первым общесословным привилеем польской шляхты стал Кошицкий привилей 1374 г. короля Людовика Анжуйского. Рыцарские земли отныне освобождались от каких бы то ни было податей, за исключением «порадльного» в размере 2 гроша с лана обрабатываемой крестьянами земли; земские должности должны были замещаться исключительно местной шляхтой; земельные владения рыцарей становились наследственными. За Кошицким привилеем последовал ряд других (Корчинский 1386 г., Петрковский 1388 г., Червинский 1422 г., Вартский 1423 г., Едлинско-Краковский 1430–1433 гг.), которые ограничивали власть королевских наместников (старост) в отдельных землях, выводили шляхту из-под судебной юрисдикции монарха, предоставляли ей ряд финансово-экономических преимуществ, в угоду рыцарству дискриминировали в правах другие сословия. Во внутрисословную борьбу включаются постепенно и феодалы Великого княжества Литовского, стремившиеся к тем же привилегиям, что и польская шляхта.

В борьбе за правовые преимущества шляхта выступала долгое время вместе с магнатами как единая и весьма сплоченная сословная сила. Однако в XV в. нарастают противоречия между шляхтой и магнатерией. Первым острым конфликтом стала конфедерация (объединение шляхты для достижения определенных политических целей) под руководством Спытека из Мельштына, испытавшая сильное воздействие идеологии гусизма. Наиболее отчетливо шляхетско-магнатский антагонизм выявился в 1454 г., когда собранное для похода против ордена рыцарство добилось

принятия Нешавских статутов. Они вели не только к ограничению прерогатив королевской власти, но и усиливали позиции шляхты в конкуренции с магнатами. Это выразилось в первую очередь в резком возрастании роли и полномочий сеймов и сеймиков. Отныне король не мог созвать шляхетское ополчение (посполитое рушение), принять новые законы, ввести новые пошлины и налоги без согласия вального сейма; высшие сановники государства (представители магнатерии) не могли становиться старостами. Земские судьи должны были выбираться королем из четырех кандидатов, предложенных местным шляхетским сеймиком. Шляхта получала ряд хозяйственных привилегий и компенсацию за участие в заграничных походах.

Петрковские статуты 1496 г. еще более расширили шляхетские привилегии и ударили по другим сословиям. Шляхта получала монопольное право занимать высшие церковные должности; горожанам запрещалось владеть землей; крестьяне лишились права свободно покидать землевладельца.

Итогом всех этих законодательных шагов стало формирование корпуса шляхетских сословных привилегий: освобождение шляхты от каких бы то ни было материальных обязательств в отношении государства, за исключением выплаты небольшого налога на землю (порадльного); гарантия неприкосновенности имущества и личности шляхтича; монопольное право владеть землей и занимать государственные и церковные должности, что означало полное господство шляхты в государственном аппарате и церкви; хозяйственно-торговые преимущества; господство шляхты над крестьянами и дискриминация в ее пользу горожан; особый статус в уголовном праве; ослабление власти короля; подчинение воли магнатов общесословным интересам шляхты благодаря особой роли сейма и сеймиков.

Таким образом, в Новое время польская шляхта вступала с такими привилегиями и правами, какими не обладало дворянство ни одной другой страны.

Промежуточным слоем между рыцарством и крестьянством были солтысы и влодыки. Последние исчезают в течение XIII—XV вв., или сливаясь с крестьянством, или превращаясь в малоземельную загоновую шляхту, мало отличимую по образу жизни и достатку от кметов, но наделенную шляхетскими привилегиями. Иной была судьба солтысов. Законодательство Казимира Великого закрепляло за ними особое положение и обязанность нести военную службу, что сближало солтысов с рыцарством. Роль солтыса как старосты поселения на немецком праве, который располагал немалым наделом и значительными доходами, мог основать мельницу, корчму, лавочку или бойню, не платил

чинша, делала его опасным конкурентом для рыцаря. В XV в. солтысы сумели первыми воспользоваться благоприятной хозяйственной конъюнктурой, создать фольварки и резко увеличить свои доходы. Поэтому шляхта увидела в них конкурентов и добилась ряда королевских постановлений о принудительном выкупе солтыств. Тем не менее еще долгое время солтысы продолжали оставаться значительной маргинальной группой полушляхты.

Горожане

В XIII–XIV вв. шел процесс обособления польских горожан от других социальных групп. Это выражалось в наделении их правами самоуправления и складывании особой городской цивилизации. Однако коммунальных революций Польша не знала. Городское сословие возникло здесь не в результате борьбы с крупными феодалами и монархом, а во многом при их поддержке. Это было обусловлено и примером западных соседей, и очевидной выгодой, приносимой развитием городов.

Характерным знаком обособления и независимости города стало возведение городских стен, явственно противопоставивших горожан остальной части общества. Эта перемена произошла в годы правления Казимира Великого, о котором польские источники говорят, что он застал Польшу деревянной, а оставил ее каменной.

Как и повсюду на Западе, важную роль во внутренней жизни города играли цеховые организации ремесленников. Они не были монолитны, и часто имели место конфликты между мастерами и подмастерьями. Купеческие же корпорации в Польше в отличие от большинства стран Запада не сложились. Интересы купцов представляли городские советы, в которые ремесленники не входили.

Особенностью польских средневековых городов был и пестрый этнический состав горожан. Не желая лишать себя рабочей силы, землевладельцы и король приглашали для заселения вновь основанных городов колонистов из Священной Римской империи. Те составляли городскую верхушку, забирая в свои руки городской совет и суд лавников. Они же привлекали в польские города немецких рыцарей, в то время как польская шляхта удалялась в свои деревенские вотчины. Польские же горожане оказались как бы оттесненными на периферию, иногда даже за пределы городских стен. Отсюда возник антагонизм между немецким патрициатом и польским бюргерством (поспольством) городов. К этому добавлялось присутствие в городе многочисленных еврейских общин-кагалов, имевших автономный статус, пользовавшихся

поддержкой монархии и противостоявших остальной массе горожан. В Галицкой Руси и на территории Великого княжества Литовского эта картина осложнялась присутствием в городе и украинско-белорусского православного населения. Кроме того, здесь и во многих городах Малой Польши проживали и армяне. Таким образом, этноконфессиональная структура городского населения Польши оказалась очень сложной и противоречивой.

Город не был, конечно, изолирован от сельской округи. Несмотря на то что феодалы стремились воспрепятствовать уходу крестьян в города, эта возможность была легально санкционирована законодательством и приток крестьян в город был постоянным. С другой стороны, и городские общины получали довольно обширные сельские угодья, что также делало осуществимой постоянную циркуляцию населения между городом и деревней.

ПОЛЬША XIII–XV вв.: КУЛЬТУРА

Если в X–XII вв. Польша усваивала культурные достижения латинского Запада, то в XIII–XIV вв. она уже сумела на равных включиться в общеевропейский культурный процесс, а в XV в. вносила свой особый оригинальный вклад в европейскую культуру. Этот же XV век стал мостом, ведшим от Средневековья к Новому времени, в истории польской культуры: христианство достигло того уровня зрелости, какой подготавливал рождение новых, реформационных течений; начался процесс секуляризации культуры; с конца XV в. в Польше появляются первые кружки гуманистов.

Образование, просвещение, наука

Важнейшим событием в истории польской культуры этого времени стало основание Краковского университета в 1364 г. Он был создан по итальянскому образцу, где университетскую корпорацию составляли студенты, как бы нанимавшие профессоров на службу. Главной его задачей была подготовка людей для государственной службы, поэтому первоначально в Кракове не было теологического факультета, зато факультет права состоял из восьми кафедр. Правда, в конце XIV в. характер Краковского университета изменился: папская булла санкционировала создание в Кракове теологического факультета, университет был реорганизован по парижскому образцу (корпорацию отныне образовывали профессора, а не студенты), перед ним стояла новая задача — подготавливать духовенство и содействовать христианизации Литвы. XV и первая половина XVI в. были временем расцвета

Краковского университета; позднее он отстал от современной ему европейской науки и культуры.

Вторым звеном в системе образования были школы, создаваемые при епископских кафедрах и в городах. В них преподавались науки не только тривиума (грамматика, диалектика, риторика), но и квадривиума (арифметика, геометрия; астрономия, музыка).

Третий и базовый уровень системы образования составляли приходские школы, которых в Польше XV в. насчитывалось около 3000. В них давались элементарные навыки чтения и счета в рамках тривиума.

Польские юноши из шляхетских, купеческих и даже некоторых крестьянских семей пополняли образование за счет поездок по зарубежным университетам. В XIII в. такие выезды являлись еще редкостью; в XIV — их были сотни, и главной их целью стала Прага; в XV в. они превратились в массовое явление, и курс их лежал чаще всего в Италию. Наряду с молодежью такие поездки часто предпринимали монахи, особенно доминиканцы, славившиеся своей ученостью.

В целом благодаря развитию системы образования в Польше XIII—XV вв. возникла своя интеллектуальная элита.

Как и во всей Европе, языком образованных людей в Польше был латинский. Польскому языку отводилась функция средства устного общения. В письменности он использовался только в проповедях, в предназначенных широкой публике рассказах о чудесах, в некоторых литературных произведениях. Однако в XIV—XV вв. заметно возрастание роли польского языка в обществе: уже в конце XIII в. синод польской церкви требовал преподавать латынь в приходских школах по-польски; в конце XIV в. развернулась работа по переводу на польский язык латинских сочинений; в первой половине XV в. Якуб из Паршовиц приступил к составлению грамматики польского языка.

Огромным событием в истории просвещения стало появление в Польше книгопечатания в последней четверти XV в.; помимо польских типографий потребность в печатной книге покрывали зарубежные, прежде всего германские, издатели.

XV век стал временем складывания собственных научных школ в Польше. Разумеется, главным научным центром стал Краков. Здесь особое развитие получили математические и астрономические исследования (Мартин Круль из Журавицы, Мартин Булиц из Олькуша, Ян из Глогова, Миколай Будка, наконец, учитель Николая Коперника Войцех из Брудзева). Поэтому есть все основания считать, что гениальные открытия Коперника в XVI в. были подготовлены польской ученой традицией.

В Кракове успешно развивались также юриспруденция, философия и теология. Особенно известным философом и теологом XV в. был Матвей из Кракова, который выступал против спекулятивных подходов в этих науках и в своих сочинениях развивал принципы критического рационализма.

Среди польских ученых XV в. одно из центральных мест занимает Ян Длугош, создавший крупнейшее произведение европейской средневековой историографии — «Хроника славного Польского королевства» (в 12 книгах).

Общественная мысль

Развитие общественной мысли в Средневековье выражалось в трансформации религиозных идеалов. Поэтому едва ли не самым характерным явлением были ереси и различные формы религиозного разномыслия. Польша XIII–XV вв. знала, по крайней мере, четыре волны еретических движений. В середине XIII в. в Силезии, Великой и Малой Польше появились группы флагеллантов. Они, отражая распространение эсхатологических страхов и нарастание покаянных настроений в обществе, бродили группами из города в город, занимались самобичеванием и обличали греховность земной жизни, провоцируя по временам истерии массовых покаяний. Наибольший размах это движение приобрело во второй половине XIII в. после монголо-татарского нашествия, а в XIV в. возобновилось с новой силой в связи с эпидемиями середины столетия.

В XIII в. в Польше возникли и группы вальденсов. Для борьбы с ними прибегли к помощи инквизиции, и десятки еретиков были сожжены. Тогда же в Польше сложились и общины бегардов и бегинов, которые первоначально проповедовали францисканские идеалы бедности и оставались лояльны к церкви, но позднее преступили границы ортодоксии, стали отрицать необходимость существования духовенства и претендовать на обладание особыми духовными дарами, наделяющими человека непосредственным знанием и пониманием истин веры. Их учение подготавливало рождение протестантских доктрин всеобщего священства.

Наконец, в XV в. в Польше появилось немало сторонников гусизма, в том числе и в шляхетской среде. Хотя в 1420 г. был принят специальный эдикт о преследовании гуситов, их влияние росло и сказалось в идеологии шляхетского антимагнатского движения 1430-х годов, возглавленного Спытком из Мельштына.

Наряду с ересями в Польше XV в. развернулось и внутрицерковное реформаторское движение, получившее название концилиаризма (от лат. concilium «собор»). Центром его стал Краковский

университет. Ведущей идеей этого движения, порожденного кризисом католической церкви во времена так называемой «великой схизмы», была идея превосходства церковного собора над папой и отказ признавать последнего высшим авторитетом в церковных делах. Польские деятели этого движения (Матвей из Кракова, Павел из Ворчина, Станислав из Скарбимежа, Павел Влодковиц, Ян из Людзиска, Бенедикт Гессе, Якуб из Парадижа) сыграли большую роль не только во внутрицерковных спорах, но и в развитии правовой мысли, философии и теологии, этических и социальных взглядов. Они провозглашали, что подлинная церковь есть сообщество верующих, а не иерархическая структура; что вера не может быть предметом прямого церковно-административного контроля; что насильственная христианизация в связи с этим недопустима и принципом отношения к другим конфессиям должна быть веротерпимость; что философии следует обратиться к этическим проблемам человеческого существования, а не заниматься только абстрактными вопросами онтологии, гносеологии и логики. Особым вниманием польских мыслителей пользовались проблемы общественной справедливости и тех правовых гарантий, которые могли бы ее обеспечить. Одним из логических выводов таких размышлений стало требование защиты крестьян от произвола господ и чрезмерной эксплуатации, о чем первым стал писать Ян из Людзиска.

Литература и искусство

В XIII–XIV вв. главным литературным жанром была агиография (жития св. Станислава, св. Ядвиги, Кинги, Соломеи), в развитии которой заметно нарастание интереса к человеческой индивидуальности. В XV в. литература становится более разнообразной, появляются сборники проповедей, стихотворные легенды о святых, послания, религиозные песни и гимны. В литературу проникают мотивы христианского народного фольклора, апокрифические мотивы, светские элементы. Важнейшими памятниками литературы были исторические сочинения — «История Польши» Яна Длугоша, хроника Винцента Кадлубка, Великопольская хроника, хроника Яна из Чарнкова и др.

В архитектуре XIV–XV вв. утверждается готический стиль, распространяясь в том числе и на гражданское строительство. Ярким выражением так называемого «готического гуманизма» в скульптуре стали статуи мадонны и святых и многофигурные композиции на евангельские сюжеты. Среди последних выделяется алтарь Мариацкого костела в Кракове, созданный в последней четверти XIV в. выходцем из Нюрнберга Витом Ствошем.

Живопись развивалась не только в иконографии, но и в книжной миниатюре, представленной многими великолепными памятниками — такими, как Флорианская Псалтырь и градуал Ольбрахта.

В материальной культуре, технике, строительстве XIII—XV вв. также наблюдаются значительные достижения. Распространяются водяные мельницы, появляются сложные ремесленные производства, например стеклодувное дело, осваиваются сложнейшие инженерные работы в горнодобыче, в городах высокого уровня достигает возведение не только храмов, но и жилых домов и мостов.

В целом в XIII—XV вв. польская культура становится органической частью развитой, зрелой культуры европейского Средневековья.

ПОЛИТИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ ПОЛЬШИ В XVI в.

Принято считать, что в XVI в. Польша (точнее, Речь Посполитая, плод государственного объединения Польши и Великого княжества Литовского в 1569 г.) вступила в эпоху так называемой «шляхетской демократии», которую можно определить как своеобразную модель сословно-представительной монархии, для которой характерна слабость королевской власти, децентрализация, очень широкие права и привилегии шляхты, однородность представительного органа — посольской избы сейма. Польская «шляхетская демократия» с неизбежностью перерождалась в режим магнатской олигархии, который установился в Польше приблизительно с середины XVII в. Условной цезурой можно считать начало правления короля Яна Казимира в 1648 г. Реформы второй половины XVIII в. знаменовали попытку вывести польско-литовскую государственность из затяжного кризиса. Они доказывают, что сословно-представительная система Речи Посполитой была способна к внутренней трансформации и модернизации. Однако вмешательство соседних государств остановило этот процесс.

Проблема абсолютизма в политической истории Польши

Как и большинство стран Европы, Польша в начале XVI в. стояла перед проблемой централизации административной системы и создания эффективного государственного аппарата. Однако если в других странах Запада королевская власть в борьбе за централизацию могла опереться на растущее влияние городов и горожан, то в Польше мещанство было фактически отлучено от

какой бы то ни было политической роли и вопрос о централизации решался исключительно в рамках отношений между монархом и шляхтой. Шляхта же не была однородной. Если в XV в. средняя шляхта еще не сумела оформиться в самостоятельную политическую силу, то в течение первой половины XVI в. она выступает на политической арене как соперник и даже противник магнатерии. В 1520-е годы шляхта добилась права избирать на сеймиках послов в польский сейм, и постепенно посольская изба получила численное преобладание над сенатом (в 1511 г. в посольской избе насчитывалось 34 посла, а в 1528 — уже 88). Сейм стал ареной политической борьбы между шляхтой и магнатами. Король стоял как бы «над схваткой» и мог опереться на шляхту в стремлении укрепить центральную власть. Но шляхта, поддерживая короля, очень опасалась его абсолютистских поползновений и поэтому не могла стать его надежным союзником.

Многое в этих условиях зависело от личности монарха. Однако последние представители династии Ягеллонов Сигизмунд I Старый (1506–1548) и Сигизмунд II Август (1548–1572) оказались неспособны твердо и гибко вести политику централизации. Политическая борьба в годы династических кризисов 1570–1580-х гг., из которой королевская власть вышла резко ослабленной, сделала окончательно невозможным переход к абсолютизму в Речи Посполитой. А отсутствие абсолютизма предопределило дальнейшее ослабление польско-литовской государственности в XVII–XVIII вв.

Экзекуционистское движение шляхты в первой половине и середине XVI в.

Экзекуционистским движением называют шляхетское движение за государственные реформы в Польше XVI в., нацеленные на укрепление администрации, финансов, армии, на оттеснение от власти аристократии и укрепление политического влияния шляхты в государстве. Название подразумевает «исполнение» (лат. executio) законов, которые должны были обеспечить Польше благосостояние.

Первые шаги в борьбе за ограничение власти магнатерии средняя шляхта делает уже при короле Александре (1501–1506), чье правление открылось принятием Мельницкого привилея 1501 г., поставившего политику короля в зависимость от сената — органа, выражавшего волю магнатов. Борясь за пересмотр Мельницкого привилея, шляхта, возглавленная Яном Ласким, добилась запрета передавать в держание королевские земли без одобрения сейма и занимать одновременно несколько высших государственных постов. В 1505 г. была принята знаменитая сеймовая конституция

«ничего нового» (лат. nihil novi), которая запрещала принимать какие-либо законы без одобрения сейма. В 1506 г. были напечатаны и разосланы по судам так называемые «Статуты Лаского» — подготовленный Яном Ласким свод правовых норм, который должен был лечь в основу кодекса польского права.

Однако приход к власти Сигизмунда I Старого изменил ситуацию. Король отстранил от политических дел Яна Лаского и в своей политике стал опираться на магнатов, попробовав вернуться к традиционной манере действий. Король сам выступил инициатором ряда реформ, выражавших его абсолютистские стремления.

Во-первых, он (а точнее сказать, его очень энергичная, властолюбивая и ловкая жена, итальянка Бона Сфорца) принялся наводить порядок в королевском имуществе, которое включало 1/6 пахотных земель Польши, поступления от соляных копей, торговые и судебные пошлины, с целью увеличить его доходность. Во-вторых, им была проведена денежная реформа и восстановлен краковский монетный двор. В-третьих, король попытался ввести налог на шляхетские владения. В-четвертых, королевская семья покусилась и на принцип «свободных выборов» («вольной элекции») монарха, добившись в 1529 г. признания наследником Сигизмунда его малолетнего сына. Все эти меры были призваны обеспечить резкое обогащение и укрепление казны, создание постоянной армии вместо посполитого рушения, усиление власти короля. И то, и другое, и третье означало бы кардинальное изменение роли шляхты и ее сейма в общественной жизни. Результатом явилось формирование дворянской оппозиции, обвинявшей магнатерию в пагубном влиянии на короля и требовавшей созвать «сейм справедливости», который бы добился строгого исполнения действующих законов, ограничил влияние магнатов и остановил притязания короля на полноту власти и независимость от сейма. Вместе с тем шляхетские лидеры признавали необходимость военной, финансовой, юридической и ряда других реформ.

Конфронтация привела к прямому столкновению короля и шляхты. В 1537 г. собранное под Львовом для похода на Молдавию посполитое рушение отказалось повиноваться королю и потребовало преобразований в государственной жизни и перемен в политике двора. На последовавших сеймах был выработан компромисс: шляхта согласилась на обложение налогом ее имений, но добилась подтверждения принципа «вольной элекции».

Патовая ситуация продолжалась вплоть до вступления на престол Сигизмунда II Августа. При нем разрыв короля и шляхты первоначально приобрел еще большую глубину. Монарх не принимал программы экзекуционистов, а после того как сейм в 1559 г.

отказался утвердить налоги для ведения Ливонской войны, король в течение четырех лет его не созывал. Тем временем экзекуционистское движение стало влиятельной силой среди шляхты, выдвинуло своих идеологов, а в сейме сложилось что-то вроде «партии» экзекуционистов. В развитом виде программа этой группировки предполагала: а) восстановление королевского земельного домена, который в значительной части был роздан в держание магнатам; б) пополнение королевской казны благодаря этой мере и реформе налоговой системы; в) дополнение посполитого рушения созданием небольшого наемного войска; г) укрепление системы исполнительно-административной власти; д) достижение правовой интеграции земель в Польше и консолидации Польско-Литовского государства путем заключения новой унии; е) проведение церковной реформы; ж) упорядочение законов и деятельности судов.

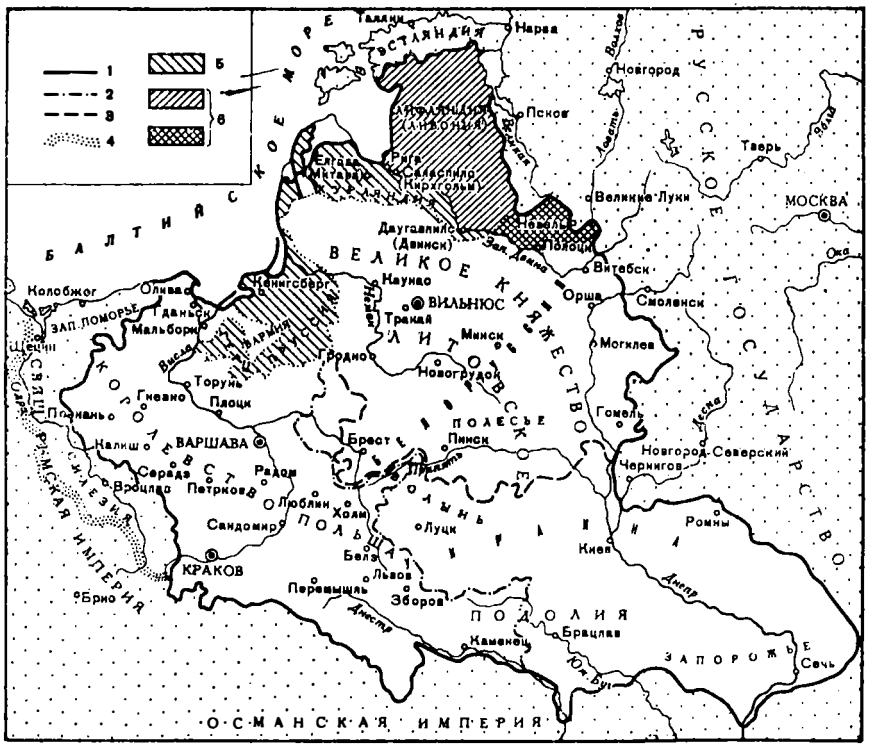
Таким образом, эта программа была нацелена на укрепление государства в рамках той сословно-представительной системы, которая уже сложилась. Трудно сказать, насколько такие устремления были реалистичными, насколько утопическими. Так или иначе, лагерь экзекуции заявлял о своей готовности взять на себя ответственность за судьбы государства и общества; шляхта оказалась способной выдвинуть программу, которая не была подчинена исключительно ее сословным интересам. С другой стороны, ни в коей мере не ставилось под сомнение господство дворянства в обществе и его ведущая роль в управлении государством.

Поворотный момент в истории экзекуционистского движения наступил в начале 1560-х гг. Сигизмунд II Август убедился, что война с Россией из-за Ливонии приняла затяжной характер и что сил Великого княжества Литовского для ее ведения не достает. Поддержка польского сейма, где в это время экзекуционисты играли ведущую роль, стала необходимой. Поэтому король согласился пойти на компромисс. После четырехлетнего перерыва собрался сейм, и на ряде его сессий в 1562—1565 гг. были приняты решения о реформах.

Во-первых, было решено провести инвентаризацию («люстрацию») всех королевских земельных владений с тем, чтобы восстановить монарший домен и обеспечить тем самым казну необходимыми средствами. Все земли, отданные в держание начиная с 1504 г., подлежали возврату. Во-вторых, отныне все доходы от королевщин делились на пять частей, одна из которых отдавалась держателю королевщины, а остальные шли в казну. Четвертая часть поступлений в казну — «кварта» — сосредоточивалась в специальной кассе и предназначалась исключительно для найма постоянного войска. В-третьих, отныне ни один из высших сановников

не мог назначаться на два и более государственных поста. Предполагалось также ввести должности своеобразных ревизоров, которые от имени сейма контролировали бы деятельность высших должностных лиц государства. В-четвертых, в рамках предпринятых реформ осуществлялась интеграция всех территорий Польши и Литвы в единое государство.

Важнейшим шагом явилось заключение в 1569 г. Люблинской унии между Польским королевством и Великим княжеством Литовским. Условия унии в этот раз предусматривали объединение сеймов двух стран, совместные выборы короля, введение единой монеты, проведение общей внутренней и внешней



Речь Посполитая во второй половине XVI в.

1 — границы Речи Посполитой и зависимых от нее земель (1600); 2 — границы между Польшей и Великим княжеством Литовским до Люблинской унии 1569 г.; 3 — границы между Польшей и Великим княжеством Литовским после Люблинской унии 1569 г.; 4 — границы западных польских земель, отторгнутых от Польши в XII–XIV вв.; 5 — территории вассалов Польши; 6 — земли, захваченные Речью Посполитой во время Ливонской войны

политики. Украинские земли включались в состав земель Польского королевства. Великое княжество отныне состояло из Белоруссии и собственно Литвы. В нем сохранялись отдельная армия, казна, судебная система, традиционные государственные и земские должности, старые законы. Шляхта, однако, наделялась теми же правами, что и шляхта Польши.

Наконец, была предпринята церковная реформа, предусматривающая прекращение выплаты так называемых «аннат Римской курии», отмену сбора десятины с шляхетских имений, освобождение шляхты от церковной юрисдикции по каким бы то ни было вопросам, обложение церковных владений налогом на военные нужды государства.

Таким образом, экзекуционистское движение добилось значительного успеха. Однако принятые решения носили непоследовательный характер. Не удалось добиться создания сильной исполнительной власти, дееспособной постоянной армии, кодификации права, реального ограничения политической роли магнатерии, предотвратить династические кризисы, на долгое время оздоровить государственные финансы. Не был выработан механизм выборов нового монарха. Не был создан эффективный орган высшего апелляционного суда (эта функция оставалась у королевского надворного суда, но он работал очень нестабильно, сотни дел годами оставались без рассмотрения и решения). Реформы остановились на полпути. Да и сам союз монарха и шляхты оказался непрочным. Король был раздосадован и разочарован отказом шляхты пойти на обложение налогом ее имений; шляхта была недовольна отказом короля сосредоточить все властные полномочия в руках сейма.

Политический кризис 1570-х гг.

Отсутствие прямых наследников в момент смерти Сигизмунда II Августа в 1572 г. привело к глубокому политическому кризису. Избрание в 1573 г. нового монарха — представителя французского королевского дома Генриха Валуа — сопровождалось выработкой и принятием знаменитых Генриховых артикулов, которые стали синонимом «золотых шляхетских вольностей». В чем они состояли? Незыблемым провозглашался принцип свободных выборов короля; сейм должен был созываться не реже одного раза в два года и продолжаться шесть недель; король не имел права самостоятельно вводить новые налоги или созывать посполитое рушение; внешняя политика монархии ставилась под контроль сената; шляхта получала от казны вознаграждение за участие

в заграничных походах; постоянная армия содержалась только за счет кварты; наконец, шляхте гарантировалось право отказаться от послушания королю в случае неисполнения им законов Речи Посполитой (лат. jus de non praestanda oboedientia «право неповиновения»). Кроме того, вводился институт сенаторов-резидентов — 16 назначенных сеймом сенаторов, которые в период между сессиями сейма должны были контролировать деятельность монарха. Фактически у короля оставалось только одно существенное право — назначать на государственные должности.

Генриховы артикулы составили рубеж в политической истории Польши и всей Речи Посполитой. Они закрепили те начала политического устройства страны, которые впоследствии привели ее к краху. Это, однако, не значит, что разделы Польши в конце XVIII в. были запрограммированы Генриховыми артикулами. Более того, созданная в течение XVI в. политическая модель оказалась и достаточно устойчивой, и дееспособной. Лишь эпоха Просвещения выявила ее историческую бесперспективность.

Генрих Валуа правил в Польше около года, а в июне 1574 г., оказавшись наследником французского престола, покинул беспокойную шляхетскую монархию-республику, чтобы взойти на более солидный и престижный французский трон. Шляхта не пошла на объединение в руках Генриха польской и французской корон, и в 1576 г. новым монархом стал Стефан Баторий. Будучи сторонником сильной центральной власти и крупной личностью, Стефан Баторий не мог одобрить польских государственных порядков и пытался восстановить нарушенное равновесие между королем и сеймом. Однако переломить ход политической эволюции Польши ему не удалось. Новый компромисс шляхты и короля привел к созданию в 1578 г. Коронного трибунала — высшего апелляционного шляхетского суда. Его членами были выбранные шляхтой представители. Этот судебный орган взял на себя рассмотрение тех дел, которые прежде поступали в королевский надворный суд и лежали там годами без движения. Кроме того, было сформировано, наконец, небольшое наемное войско. На этом государственные преобразования, способные внутренне укрепить Речь Посполитую, остановились.

Сама шляхта, прежде ратовавшая за перемены, удовлетворилась достигнутым — главным образом тем, что ей, шляхте, были обеспечены такие привилегии и такие позиции в обществе и государстве, какими не могло похвастаться дворянство ни одной другой европейской страны. Идеологи экзекуционистского движения слились с магнатерией и из поборников реформ и идеи общественного долга превратились в глашатаев и ревностных

защитников шляхетских вольностей. Показательна в этом отношении судьба Яна Замойского — в прежние времена одного из лидеров экзекуционистов, вождя средней шляхты, «трибуна шляхетского народа», как его называли. Теперь он стал обладателем громадных латифундий, держателем обширных королевщин, видным сановником и полноценным представителем магнатской элиты, защитником сложившихся порядков. Экзекуционистское движение себя исчерпало, и тем самым открылась дорога для трансформации «шляхетской демократии» в магнатскую олигархию.

ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ ПОЛЬШИ В XVI — ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XVII в.

XVI — первая половина XVII в. составляют начальную фазу по существу в едином цикле социально-экономического развития Польши, охватывающем время от конца XV до середины XVIII в. Эта эпоха в целом может быть охарактеризована как время господства барщинно-фольварочной системы и крепостничества, которые не только определяли ход развития экономики, но и накладывали глубокий отпечаток на социальные отношения и культурную жизнь страны. Но основы этой системы хозяйствования и социальных связей были заложены именно в XVI в.

Экономическое и социальное развитие Речи Посполитой было неотрывно связано с демографическими процессами, а они изучены пока недостаточно. Общие его черты тем не менее известны. Население Речи Посполитой составляло 7,5 млн человек в 1500 г., 11 млн — в 1650 г. и 14 млн — в 1772 г. Плотность населения возросла соответственно с 6,6 чел. на кв. км в 1500 г. до 11,1 — в 1650 г. и 19,1 — в 1772 г., с учетом сокращения территории Польши и Великого княжества Литовского в этот период. Не только восточные территории Речи Посполитой, но и западные части ее коронных земель в XVI–XVIII вв. не достигли того уровня плотности населения, какой был характерен для стран Западной Европы. На территории Речи Посполитой в XVI–XVIII вв. продолжались колонизационные процессы, что усиливало неравномерность в развитии отдельных регионов. Кроме того, в эту эпоху Речь Посполитая пережила две подлинные демографические катастрофы: в годы шведского «потопа», польско-казацких и польско-русских войн, и в период Северной войны. Во многих регионах эти события унесли около 1/3 населения и уничтожили более половины производственного потенциала.

Генезис барщинно-фольварочной системы хозяйствования

Фольварочное (поместное) хозяйство, ориентированное на рынок и основанное на крепостном труде, стало главным фактором развития польской экономики начиная с XVI в. Переход к барщинно-фольварочной системе и «второе издание крепостничества» были явлением, характерным для многих стран Восточной, Центральной и Юго-Восточной Европы. В Западной Европе восторжествовали капиталистические тенденции и развитие экономики пошло, как известно, другими путями. Существует несколько объяснений этих различий в социально-экономической эволюции Восточной и Западной Европы, равно как и генезиса капитализма в целом. На сегодняшний день ясно, что причины такого поворота в развитии Европы многообразны и социокультурные и политические факторы играли здесь не меньшую роль, чем собственно экономические или технологические (развитие производительных сил).

Общим для всей Европы являлось то, что дворянство оказалось в состоянии кризиса и его уровень жизни и потребления быстро падал на фоне роста благосостояния и социально-политической роли бюргерства. Наиболее предприимчивые из дворян прореагировали на это относительное снижение социального статуса переходом к новым формам хозяйствования, приспособленным к рыночной конъюнктуре. С этой точки зрения процессы на западе и востоке Европы были одинаковыми. Однако в западноевропейских странах в силу сложившегося к XVI в. соотношения сил уже невозможно было ни закрепостить крестьян, ни подчинить города интересам дворянства, ни поставить государство на службу одному сословию. Дворянству не оставалось ничего другого, кроме как включиться самому в раннекапиталистическое предпринимательство.

В Восточной Европе, в частности в Польше, ситуация была иной. С одной стороны, развитие рынка в самой Польше, спрос на польское зерно на Западе, падение стоимости монеты и тем самым чинша подталкивали к развертыванию крупного фольварочного хозяйства, ориентированного на рынок. С другой — доминирующие социально-политические позиции шляхты и неспособность слабой королевской власти обеспечить баланс сословных интересов создавали возможность удовлетворить новые потребительские запросы дворян за счет крестьянства и горожан. Фольварк — хозяйство при помещичьей усадьбе — складывался, таким образом, не в результате действия абстрактных сил

рынка или перемен в состоянии техники и агрикультуры, а вследствие и экономических, и политических, и социокультурных перемен в Речи Посполитой и во всей Европе.

В принципе фольварк существовал и прежде, еще до XVI в. Но он был очень небольшим, обслуживал лишь потребительские нужды феодала и его семьи, не будучи вовлеченным в рыночные связи. Однако уже в XV в. фольварочная запашка (прежде всего в церковных владениях) начала расширяться, а годовая норма барщины — заметно расти. Эти тенденции в полную силу развернулись в XVI в. На сеймах 1520 и 1521 гг. она была законодательно закреплена, причем определен был не максимум, а минимум отработок — 1 день в неделю с крестьянского двора. Шляхетские фольварки росли как на дрожжах и требовали все более широкого использования барщинного труда. Отсюда — постоянные постановления сеймов о необходимости задерживать и прикреплять к земле «люзных людей», которые тем не менее не исчезали, потому что те же самые шляхтичи с готовностью принимали таких бродяг и переселенцев в своих владениях.

Первоначально расширение фольварков осуществлялось не за счет сгона крестьян с земли, а за счет использования пустошей, освоения новых земель и выкупа солтыств — а размеры барщины были, как видим, умеренные. Поэтому рост фольварка мог сочетаться с относительно благополучным развитием крестьянских хозяйств. Это хрупкое равновесие сохранялось на протяжении всего XVI в. Фольварк охватывал в среднем 60—80 га земли, засеянной зерновыми. Урожайность поднялась до 5—6, а в лучшие годы и до 7—9 центнеров ржи или пшеницы с гектара и достигла тем самым рекордного для всей эпохи польского феодализма уровня. Наряду с земледелием развивалось животноводство, создавались крупные рыбные пруды, интенсивно использовались леса. Большая часть продукции всех отраслей фольварочного хозяйства шла на рынок.

Рост доходов шляхты был поистине феноменальным. Один лан фольварочной земли приносил в 15—20, а иногда и в 30 раз больше денег, чем лан крестьянина, платившего землевладельцу чинш. Разумеется, такая конъюнктура не могла держаться очень долго. Уже в конце XVI в. доходность фольварка начинает сокращаться, первые признаки близящегося кризиса барщинной системы дают о себе знать. Но вплоть до середины XVII в. фольварк позволял среднему шляхтичу если не процветать и быстро обогащаться, то жить безбедно и стабильно, не мучаясь чрезмерно завистью к богатому горожанину или соседу.

Крестьянское хозяйство в XVI в.

Долгое время отечественная историография утверждала, что на протяжении всей феодальной эпохи положение крестьян ухудшалось, что они влачили жалкое существование и подвергались возрастающей эксплуатации. Этот взгляд оказался неверным, и опыт польского крестьянства XVI в. — один из весомых доводов против традиционного и устаревшего взгляда. Как ни парадоксально, но крестьянское хозяйство в XVI в. переживало период подъема вместе со шляхетским фольварком. Доходность одного лана крестьянского надела хотя и была вдвое ниже, чем в фольварке, тем не менее заметно увеличилась. Улучшалась агрикультура, росла урожайность, крестьяне наряду с феодалами использовали выгоды товарно-денежных отношений. Барщина еще не подрывала сил крестьянской семьи, фольварк расширялся не за счет сокращения крестьянского надела, прибавочный продукт обеспечивал земледельцу повышение уровня жизни, наличие свободных денег позволяло крестьянину участвовать в торговле. Несмотря на усиление крепостнических тенденций, он мог и уйти от феодала, и сохранить известную свободу хозяйствования.

Интересы фольварка и крестьянина пришли в противоречие лишь в XVII в., когда шляхта, желая в условиях уже неблагоприятной конъюнктуры сохранить прежний уровень доходов, стала захватывать крестьянские наделы, стремилась вытеснить крестьян из торговли с городом, повышала норму отработок до такой величины, какая не позволяла земледельцам сохранить собственное производство и доходы на прежнем уровне. Государство не было способно остановить эти процессы, да и просто старалось не замечать их. Правовое же бесправие крестьян лишало их возможности сопротивления. Однако в XVI в. все эти противоречия были еще скрыты, и это столетие может быть названо эпохой процветания крестьян.

Перемены в хозяйственной конъюнктуре в первой половине XVII в.

В третьей четверти XVI в. сельскохозяйственное производство в Польше достигло апогея. После этого темпы развития аграрного сектора экономики замедлились и наметилась тенденция к общему хозяйственному спаду. Однако в конце XVI в. почти ничто еще не предвещало грядущего кризиса. Напротив, экспорт зерна продолжал возрастать и достиг высшей точки в 1618 г. Между тем за сохранение динамики польского зернового экспорта пришлось заплатить довольно дорогую цену. Чтобы компенсировать падение

цен на зерно и соответственно своих доходов, шляхта стала увеличивать фольварочную запашку, отнимая землю у крестьян. Расширение запашки требовало новых рабочих рук, и поэтому в имениях шляхты стала расти барщина. Ради экономии средств и зерна шляхтичи отказывались от применения наемного труда и сокращали поголовье скота. Все это давало краткосрочный эффект, но вело к истощению почв, ухудшению агрикультуры, падению урожайности и валового сбора зерна. Эта тенденция устойчиво прослеживается с 1570-х гг. Стагнация стала нарастать особенно заметно после 1620 г., когда в результате общеевропейского монетного кризиса (в частности, вызванного постоянным притоком золота и серебра из испанских колоний) началась инфляция.

Однако вплоть до середины XVII в. все эти тенденции еще не приобрели необратимого характера и польская экономика оставалась в целом здоровой. Подлинный кризис разразился после потрясений «потопа» и казацких войн.

Развитие города, ремесла и торговли

Интересы фольварочного хозяйства рано или поздно должны были столкнуться с интересами горожан. Однако и в этом отношении XVI в. создавал иллюзию благополучия. Общая экономическая обстановка благоприятствовала развитию ремесла и торговли, хотя рост цен на изделия ремесленников был далеко не так стремителен, как рост цен на зерно. Тем не менее наличие денег и у шляхтичей, и у крестьян обеспечивало сбыт городской продукции по выгодным ценам, а государственная политика регулирования городского рынка пока еще не сказалась негативно на торгово-ремесленной деятельности бюргеров.

Ремесло весьма динамично развивалось в городах и местечках. В этом отношении особенно выделялись Краков, Гданьск и Познань, а за пределами коронных земель — Вроцлав, Вильно и Львов. Более того, в Великой Польше появились первые рассеянные мануфактуры, а кое-где возникали весьма крупные суконвальни, красильни, кирпичные и металлургические мастерские, в которых применялся и наемный труд. Совершенствовалась технология, возникали новые отрасли (такие, как книгопечатание и бумажное производство). Наряду с железом росла добыча меди, свинца, серебра, а в соляных копях Бохни и Велички было занято около 1000 человек.

Перелом обозначился в конце XVI — начале XVII в., когда шляхта стала систематически законодательно ограничивать рост цен на городские продукты, выкупать кузницы и использовать в них крепостной труд и вообще всячески тормозить развитие

городского ремесла и торговли, считая, что фольварочное производство (при котором часто существовали и ремесленные мастерские) способно и тут заменить городское хозяйство.

ПОЛЬША XVI — ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XVII в.: СОСЛОВИЯ И СОЦИАЛЬНЫЕ ГРУППЫ

В XV–XVIII вв. в Западной Европе сословные отношения стали постепенно уступать место иному типу социальных связей, для которых определяющим моментом был уже не правовой статус того или другого слоя, а его материальное могущество, экономическая роль, место и роль в системе производства. Хотя традиционные сословные критерии не потеряли своего значения, их влияние становилось все более ограниченным. Польша же вплоть до конца XVIII в. оставалась страной, в которой сословные перегородки являлись основным фактором социальных отношений. Главной тенденцией их развития было не разложение сословных структур, а, напротив, их окостенение, взаимное отдаление и внутренняя консолидация сословий. В этом социальная эволюция общества Речи Посполитой противоположна тому, что мы наблюдаем на западе Европы. Иными словами, вместо социальной модернизации отмечается консервация средневековых начал общественной жизни.

Польские историки (например, Я. Мачишевский) предлагают следующую периодизацию эволюции социальных отношений в Речи Посполитой этого времени. Период между Нешавскими статутами (1454) и Генриховыми артикулами (1573) характеризовался ростом влияния шляхты и был временем расцвета польской государственности. В 1573–1648 гг. могущество шляхты обернулось упадком горожан как сословия, началом разорения и деградации крестьянства, ослаблением государства, быстрым возрастанием роли магнатов в обществе и торжеством консервативных тенденций в культуре. Между 1648 и 1764 гг. именно магнатерия определяет тонус общественной и политической жизни в Речи Посполитой, что влечет за собой нарастание анархии, катастрофическую децентрализацию, кризис основных институтов государственной власти; в культурном плане это время безраздельного господства католической реакции. На последние десятилетия XVIII в. (1764–1795) приходится начало перестройки социальных отношений, оздоровление государства, регенерация культуры и ее приобщение к достижениям Просвещения.

При этом главной силой, определявшей направление, темп и характер социальных перемен, оставалась деятельность и политика шляхты.

Шляхта Речи Посполитой

Речь Посполитая, как и Испания, принадлежала к тем регионам Европы, где дворянство было очень многочисленным и имело большой удельный вес в социальной структуре общества. В последней четверти XVI в. шляхта составляла 5,6% населения в Великой Польше, 4,6 — в Малой Польше, 3,0 — в Королевской Пруссии и целых 23,4% — в Мазовии. Обыкновенно считается, что в целом 8—10% населения Речи Посполитой принадлежало к шляхте. Для сравнения укажем, что во Франции дворянство составляло 1% населения, в Англии — 3,7 вместе с духовенством, в Испании — 10%. Уже одни эти цифры заставляют обратить внимание на то, насколько своеобразна была польская шляхта и насколько трудно зачислить без оговорок всю ее массу в эксплуататорский класс.

Речь Посполитая, за исключением некоторых территорий, на которых в позднее Средневековье и Раннее Новое время произошла как бы запоздавшая феодализация, не знала типичной для Запада иерархической лестницы, составленной из сеньоров и вассалов.

Внутри шляхты выделяют три слоя: магнатерию, среднюю и мелкую шляхту. Каковы критерии их взаимного обособления? Определить это весьма непросто, поскольку очень велики были региональные отличия. С одной стороны, в Великой Польше среди средней шляхты преобладали владельцы одной деревни, а магнатом считался тот, у кого было 20 и больше деревень. С другой — на юго-востоке Речи Посполитой, на Украине «средним» был владелец 5—10 деревень, а магнатские латифундии включали не только сотни деревень, но и десятки городов. Очень неопределенным является и понятие «мелкая шляхта». В нее входили не только владельцы маленьких фольварков, но и те, кто имел лишь часть фольварка и деревни, или надел, равный одному или нескольким крестьянским ланам или вовсе не имел земли, довольствуясь принадлежностью к клиентеле того или другого магната. Таким образом, имущественный критерий недостаточен для описания не только внутренней стратификации шляхты, но и для обособления шляхты от других сословий.

Наряду с имущественным положением громадное значение для статуса семьи или индивида внутри шляхетского сословия имела принадлежность к той или иной магнатско-шляхетской группировке, генеалогические и родственные отношения, роль в сейме и на сеймике, связь с церковными кругами, обладание государственной или земской должностью. Все это делает условным разделение шляхты на сколько-нибудь четкие, взаимно

обособленные социальные слои. Тем не менее глубокие различия в положении магната и провинциального безземельного шляхтича-«гречкосея» совершенно очевидны. В то же время и тот и другой принадлежали к одному сословию. Что же их объединяло и интегрировало шляхту в целом?

Объединяющей и интегрирующей силой выступала не столько феодальная собственность на землю, сколько сложившиеся в Польше правовые и социокультурные институты и традиции. Прежде всего это та совокупность публично-правовых и частноправовых привилегий, которыми было наделено шляхетское сословие независимо от социального и имущественного статуса его отдельных представителей. «Золотые вольности» обеспечивали шляхте как сословию не только монопольное право владеть землей, но и безусловное господство в церкви и государстве, доминирование в торговле, особые позиции в уголовном праве, неограниченную власть над крестьянином, фактическую независимость от королевской власти и право контролировать при помощи представительных институтов все действия органов высшего государственного управления, в том числе и самого монарха. Все это законодательно закреплялось в шляхетском праве.

Другим критерием принадлежности к шляхетству было происхождение и определенный образ жизни. Радомский сейм 1505 г. ввел этот критерий даже в законодательство: «...лишь тот может считаться шляхтичем, каждый из родителей которого шляхтич и происходит из шляхетской семьи. И он, и его родители должны проживать как прежде, так и в настоящее время — в своих имениях, городах, местечках или деревнях в соответствии с обычаем отчизны и привычкой шляхты, живя по уставам и законам, принятым среди шляхты нашего королевства». Эта норма прочно вошла в общественное сознание и юридическую практику Речи Посполитой в XVI—XVIII вв.

Наряду с сословными привилегиями, происхождением и особым образом жизни большое значение для интеграции шляхты как сословия имела и сама традиционная практика публичной жизни, создававшая иллюзию участия всей шляхты in corpore в управлении государством. Особенно важным это было для мелкой и беднейшей шляхты, которая не упускала случая подтвердить свое исконное шляхетство участием в выборах поветового чиновника, в съезде, в сеймике, в ежегодных военных смотрах, в посполитом рушении. Каждый шляхтич стремился иметь хотя бы самую маленькую, хотя бы и заведомо фиктивную, но признанную в общественном мнении должность (уряд). Эти должности были очень разнообразны и чаще всего не были сопряжены ни с какими реальными обязанностями, но тем не менее среди

шляхты бытовало убеждение, что шляхтич без должности все равно что пес без хвоста.

Наконец, громадное значение и в глазах современников, и в реальной жизни имели родственные связи и такое специфическое выражение общности шляхты данной территории, как «соседство» (это понятие было введено в польскую науку А. Зайончковским). «Соседство» — это та совокупность связей, которая объединяла территориально компактную группу дворянства. Реализовывалась эта близость преимущественно во взаимных визитах и совместном времяпрепровождении, влекущим за собой порой и установление родственных отношений. «Соседство» сочеталось, таким образом, с установлением более широких родственноклановых объединений, которые консолидировали шляхту.

Но и на этом не кончается перечень интегрирующих факторов в жизни польского шляхетства XVI—XVIII вв. Чрезвычайно существенной была субъективная сторона дела. Шляхетство являлось носителем особой субкультуры с присущими только ей представлениями о мире, специфической этикой, эстетикой, аксиологией и самосознанием. Эта субъективная исключительность ярко запечатлена в шляхетской ментальности. Шляхетство рассматривалось как некий особый, едва ли не небесный дар. Польский поэт XVI в. Николай Рей писал, что «истинное шляхетство — это какая-то чудесная сила, гнездо добродетелей, славы, всякой значительности и всякого достоинства». Истинный шляхтич как бы генетически наследует весь возможный спектр достоинств, и прежде всего prudentia, temperantia, fortitudo, justitia. Польскому шляхтичу был присущ сословный нарциссизм. Благородное происхождение придавало ему в собственных глазах как бы особое психофизиологическое состояние, которое делало его духом и телом отличным от плебея. Умственные и физические достоинства, добродетель и сила, свобода и ответственность находили в нем, как думали шляхетские идеологи, гармоническое соединение. Один из публицистов писал: «Польский шляхтич от природы обладает всеми талантами и добродетелями, и никто в целом мире не может с ним сравняться». Недостатки шляхтича — и те! — рассматривались как продолжение его достоинств, некий переизбыток сил и способностей, дарованных ему небесами.

Замкнулись ли сословные границы польской шляхты в XVI—XVII вв.? Тенденция к превращению ее в сословную касту, безусловно, существовала. Законодательство не раз пыталось установить крепкие и непроницаемые сословные перегородки. Однако сама многочисленность постановлений сеймов по этому вопросу показывает, насколько неэффективным оказывалось такое

законодательство. В 1496 г. на Петрковском сейме горожанам было запрещено приобретать землю. В 1532 г. этот запрет был подтвержден, и исключение было сделано только для Королевской Пруссии и нескольких крупнейших городов других польских земель. Конституции 1505, 1550, 1565, 1637, 1677 гг. запрещали шляхте под угрозой потери герба и связанных с ним привилегий селиться в городах, заниматься ремеслом, торговлей, принимать назначения на городские должности. Но уже во второй половине XVII в. этот запрет перестал действовать не только de facto, но, судя по всему, и de jure, хотя формально он был отменен лишь в 1775 г. Причиной неуважения к принятому закону было то, что переход шляхтича в город, угрожая ему потерей социального статуса, во-первых, сопровождался чаще всего улучшением материального положения; а во-вторых, далеко не всегда заставлял расставаться с сословными привилегиями. Даже становясь горожанами по роду деятельности и месту проживания, шляхтичи сохраняли особые права и значительную часть «золотых вольностей».

Шляхта смешивалась с другими слоями населения также и в деревне. Сам сельский уклад жизни исключал изоляцию шляхты, особенно мелкой и безземельной, от крестьянства, хотя в правовом отношении дистанция постоянно оставалась весьма велика.

Крепким интегрирующим звеном являлся церковный приход. Он включал фольварк как свою органичную часть, и в повседневной жизни не могло идти и речи об изоляции рядового шляхтича от крестьянина. Нередкими были и случаи социально- и формально-правовой деградации шляхты, превращения ее не только реально, но и номинально в крестьян.

Но более характерна для межсословных отношений противоположная ситуация — проникновение крестьян и городских плебеев в ряды польского дворянства. Хотя в 1578 г. сейм попытался остановить процесс расширения рядов шляхты, лишив короля права нобилитации плебеев, количество парвеню, видимо, не уменьшилось, хотя и росло вопреки законам. Поэтому сейм 1601 г. вынужден был вернуться к этому вопросу и принять специальное постановление «о новой шляхте», закрепив еще раз исключительно за сеймом прерогативу возводить и утверждать в шляхетстве. Однако в 1626 г. налоговый универсал сейма фактически признал статус «новой шляхты», возложив на нее дополнительные налоги.

Многочисленными были шляхетские мезальянсы, в которых шляхтич осчастливливал своим благородством дочь богатого или просто зажиточного купца, ремесленника или крестьянина. Ярким

памятником, отразившим эти процессы, стала составленная Валерианом Некандой-Трепкой в первой половине XVII в. так называемая «Книга хамов» — перечень приблизительно 2400 фамилий, носители которых жульническим путем узурпировали шляхетство. Она составлена автором в результате изучения судебных записей, гербовников, локальных хроник, просто собирания сплетен и слухов. И хотя не всякому конкретному известию «Книги хамов» можно доверять, историки признают, что в целом в ней верно отражена межсословная мобильность в польском обществе.

К шляхетскому гербу вело много путей. Во-первых, взяв в услужение крестьянского сына, шляхтич мог по своей инициативе приставить к его прозвищу облагораживающее окончание *-цкий* или *-ский*; во-вторых, из алчности шляхта отдавала своих дочерей замуж за крестьян, и те в обход закона начинали именовать себя дворянами; в-третьих, какой-нибудь смышленый плебей устраивался стряпчим в суд или канцелярию, изучал все «уловки и крючки» делопроизводства и потом тайком вписывал в земские книги и свое имя с обозначением «nobilis»; в-четвертых (и это был очень распространенный способ стать мещанином во дворянстве), можно было подкупить какого-нибудь пана, который обвинял плебея в узурпации шляхетства, а два других подкупленных свидетеля опровергали эту «клевету». Инициатора этой махинации в итоге записывали в судебные книги как шляхтича, подтвердившего свое дворянское достоинство. Можно назвать и другие более или менее рафинированные способы пролезть в дворянство.

Наряду с такими незаконными уловками существовал и традиционный путь нобилитации за заслуги перед государством. Волна аноблирования, характерная для Европы XVI—XVIII вв., не обошла стороной и Польшу. Особенно высокой она была во второй половине XVII и второй половине XVIII в. В первом случае это связано с борьбой против шведов; во втором — с общей переменой отношения к шляхетству. Если в первой половине XVII в. произошло только 20 нобилитаций, то в период с 1669 по 1764 г. — 205, а за 31 год правления Станислава Августа Понятовского произведено около 900 нобилитаций и частично восстановлено право короля на нобилитацию без санкции сейма.

В целом польская шляхта так и не стала замкнутым сословием. Отсутствие феодальной иерархии внутри шляхты, единственный в своем роде статус в обществе и государстве, однословность сейма показывают, что само понятие «сословие» в его классическом смысле, видимо, не вполне адекватно отражает социальную природу польского шляхетства.

Шляхетская идеология сарматизма

Ощущение сословного превосходства было характерно для самосознания всего европейского дворянства в XVI–XVIII вв. И все-таки польская шляхта своим гонором, национальной мегаломанией и «сословным расизмом» (А. Зайончковский) выделялась на этом фоне. Специфическая идеология и образ жизни, система ценностей и жизненных установок, выросшие на почве сословного самосознания шляхты и того исключительного положения, какое она занимала в Речи Посполитой, обозначают как «сарматизм». Логическим центром идеологии сарматизма был этногенетический миф о происхождении польской шляхты от сарматов, завоевавших в незапамятные времена славянское население польских земель. К этой основополагающей идее приплетался ряд других, составивших вместе совершенно уникальный комплекс представлений, которые нашли отражение практически во всех проявлениях польской шляхетской культуры XVII–XVIII вв. В числе мифологем шляхетского социального самосознания — миф шляхетского равенства, особой шляхетской доблести и политической ответственности; миф о жизненной важности польского хлеба и польского шляхетского фольварка для существования Западной Европы; миф об особом историческом призвании поляков как защитников Европы от турецкой опасности; миф о рыцарственности польского шляхтича и одновременно миф о шляхтиче как добродетельном земледельце.

Среди всех этих идей особо следует выделить представление о полном равенстве всех польских дворян, которое имело громадное значение и для консолидации шляхетского сословия, и для политической жизни, и для дестабилизации государства. Оно выражалось не только в сеймовых декларациях, подобных той, какую оставил Ст. Ожеховский в середине XVI в.: «Равенством поляки превзошли все иные королевства: нет в Польше никаких князей, ни графов, ни княжат. Весь народ и вся масса польского рыцарства включаются в это слово “шляхта”». Ему сопутствовал также особый стиль организации социальных связей и общения в шляхетской среде, принимавший иногда совершенно неожиданные формы. Например, магнат или просто богатый шляхтич мог подвергнуть телесному наказанию служащего у него собрата по сословию. Однако экзекуция осуществлялась крестьянами, и ради обережения достоинства шляхты существовал целый ритуал битья. Шляхтича секли на специальном ковре, без брани, обращаясь к нему не на «ты», а «пан...» Или другой пример: дабы отразить существующую в обществе реальную иерархию и в то же время не ущемить ничьего достоинства, был принят особый

церемониал жестов при встречах и прощаниях. Иерархия поцелуев (знак равенства!) нисходила от поцелуя в щеку, в плечо, в руку, в локоть — к поцелую в живот и вплоть до падения ничком перед приветствуемым.

Все это не мешало сохранять уверенность в прирожденном равенстве всех шляхтичей. Как только дело доходило до хотя бы мельчайших перемен в официальной идеологии или терминологии, шляхетские сеймики начинали кипеть и бурно протестовать. Так было, например, в 1699 г., когда шляхта обнаружила, что в сеймовые конституции 1690 г. по недосмотру проскользнуло выражение «меньшая шляхта», в чем было немедленно усмотрено покушение на шляхетское равенство. Так было и в начале XVII в. во время рокоша Зебржидовского, когда один из шляхетских полемистов узрел корень начавшегося кризиса в получении некоторыми магнатами графских титулов от Габсбургов или римских пап. Он ясно выразил присущую всей польской шляхте резкую неприязнь ко всякому титулованию, написав: «...иностранные титулы противны польским законам и вредны шляхетскому сословию Польши и соединенных с нею земель. Такие титулы уничтожают равенство шляхетского сословия, каковое имеет первенство в Польше». Один из шляхтичей, принявший титул маркграфа и приобщенный к гербу мантуанских Гонзагов, навлек на себя вал негодования и ненависти: «Ты стремился к иноземным титулам, по своей амбиции пренебрегая шляхетским достоинством, и оскорбил его своими развратными желаниями, поставив итальянского пса выше десятка польских шляхтичей... Получив их, ты, иноземец, стал еще больше унижать шляхетство, попирая наш народ, его старые обычаи и законы».

Сарматская мифология усиливала наряду с сословным и родовое самосознание польской шляхты. В XVI—XVII вв. значительно возрос интерес к генеалогии. Шляхтич бывал чрезвычайно горд, если находил упоминание о своем гербе или роде в «Истории славного Польского королевства» Яна Длугоша. Но и тот, кто не мог этим похвастаться, не унывал. В изобилии стали создаваться ложные и фантастические генеалогии. В первом своде генеалогических преданий у Б. Папроцкого было помещено описание гербов Ноя и его сыновей, прямыми наследниками которых (точнее, Яфета) объявлялись польские шляхтичи. Литовская шляхта ответила на это легендой о своем римском происхождении. Многие знатные роды шляхты занялись поиском пращуров в Древнем Риме, в библейских временах и, наконец, даже среди строителей Вавилонской башни.

Следует, однако, отметить, что этот генеалогический зуд был чем-то бóльшим, чем простое увлечение. В XVI в. шляхетский герб

стал знаком принадлежности не столько к роду, сколько к сословию. Генеалогическое сознание шляхты расширилось. Самый узкий его круг — семья, ближайшие родственники и предки. Самый широкий — «паны-братья» всей Польши и в какой-то степени Речи Посполитой. Генеалогические разыскания, сдобренные искренней верой в сарматский миф, становятся путем формирования не только сословного, но и национального самосознания. Таким образом, из сарматизма рождается представление о польском «народе-шляхте», в котором шляхта узурпирует права национального представительства.

Духовенство

Духовенство оставалось самым стабильным и наиболее четко отделенным от других сословием. Оно охватывало менее 0,5% населения, насчитывало в XVI в. около 30 тыс. человек, но его политическое, культурное и экономическое значение было очень велико. Духовенство рекрутировалось из разных слоев, однако его высший слой включался в прогрессирующую аристократизацию. В 1496–1538 гг. был принят ряд сеймовых постановлений, закрепивших за шляхтой монопольное право занимать высшие церковные должности (епископ, прелат, каноник, аббат). Много перемен в жизнь духовенства внесла Контрреформация и Католическая Реформа.

Крестьянство

Сословный статус крестьянства в XVI–XVII вв., несомненно, ухудшался. Практически каждый сейм начиная с 1436 г. принимал постановления об ограничении права крестьянского выхода и права посылать крестьянских детей в город, о поимке беглых, о прикреплении к земле «люзных людей». Барщина получила законодательную санкцию. Другой стороной ухудшения сословного статуса крестьян явилось развитие вотчинного домениального суда: крестьянина лишили права апеллировать к королевскому суду, в гродских и городских судах он мог выступать только в присутствии своего пана. Постепенно ограничивались права крестьян и на ту землю, которой они пользовались. Если раньше она была практически неотчуждаемой, то теперь землевладелец получил право отнимать у крестьянина часть надела, переводить его с одной территории на другую.

Ответом на все это стали крестьянские побеги. Они вели к сохранению социальной мобильности крестьян и способствовали колонизации новых территорий. По приблизительным подсчетам в XVI–XVII вв. около 10% крестьян постоянно находились в бегах.

Внутри крестьянства с XVI в. стали преобладать крепостные, хотя сохранялась и прослойка крестьян, плативших чинш. Главной тенденцией в изменении имущественного положения крестьян было уменьшение числа полнонадельных кметов, рост удельного веса малоземельных и безземельных крестьян — загродников, коморников, халупников.

Несмотря на ухудшение условий жизни и рост эксплуатации в XVI–XVII вв., в Польше не отмечено широких крестьянских восстаний (казацкое движение — явление особого рода). Небольшое по масштабу восстание крестьян в Подляшье в 1592 г. и присоединение крестьян к религиозным движениям начала XVI в. в Поморье (восстание в Самбии в 1525 г.) не меняют общей картины.

Горожане

XVI век — время роста городского населения, поскольку продолжалась локация новых городов. Во времена Стефана Батория в землях польской короны насчитывалось около 1000 городов, среди которых преобладали, конечно, маленькие, с одной-двумя тысячами жителей. Городское население Малой Польши составляло около 20% общей массы, Великой Польши — около 30%. Самым крупным городом был Гданьск, в котором жили около 50 тыс. человек. Краков, Познань, Торунь, Львов, Люблин и некоторые другие города насчитывали по 10–20 тыс. жителей. Внутренняя структура городского населения оставалась почти неизменной, так как Польша не переживала процессов, сходных с раннекапиталистической трансформацией городской жизни в Западной Европе.

Сословный же статус горожан ухудшался в результате политической и хозяйственной экспансии шляхты. Последняя стремилась закрыть доступ горожанам в свои ряды и дискриминировать их в политической жизни. Поэтому в 1496 г. сейм запретил мещанам приобретать землю, затем закрыл им доступ сначала к государственным, а позже и к высшим церковным должностям. Наконец, горожане лишались права быть представленными в сейме. Краковские послы, допущенные в сейм в 1505 г., в 1565 г. имели право голоса только в городских вопросах. С 1569 г. с такими же полномочиями в сейм стали допускать депутатов Вильно. Некоторые другие крупные города посылали в сейм своих наблюдателей. Кроме того, шляхта регламентировала цены на городских рынках, вводила дискриминационные торговые пошлины, ограничивала внешнеторговую деятельность купечества. Особенно заметным был диктат шляхты в маленьких городах и местечках.

Поэтому XVI век вопреки всем признакам внешнего благополучия стал временем начала деградации городского сословия в Речи Посполитой.

ПОЛЬСКАЯ КУЛЬТУРА В XVI — ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XVII в.

Какую бы область польской культуры XVI в. мы ни взяли, всюду заметен подъем и активное участие поляков в общеевропейских культурных движениях эпохи зрелого Возрождения и Реформации.

Особенностями Ренессанса в Польше были: сравнительно позднее вступление страны в эту полосу культурного развития; обретение им почвы преимущественно в шляхетской, а не в городской или клерикальной среде; одновременное развертывание в польском обществе гуманистических и реформационных веяний; известная вторичность Ренессанса в Польше, громадная роль западноевропейских влияний.

В последней трети XVI в. наметились, а в первой половине XVII в. развернулись иные тенденции, прокладывавшие путь культуре Барокко и католической Контрреформации. Вопрос об их соотношении с гуманизмом и Реформацией остается дискуссионным, но ясно тем не менее, что полярно противопоставлять друг другу эти две эпохи было бы неверно. В истории Польши роль и весомость католической реставрации и Барокко были больше, чем роль гуманизма и протестантизма.

Гуманизм в Польше

Первые ростки гуманистической образованности можно заметить в польской культуре уже в середине XV в., хотя интерес к античным традициям и филологическим штудиям проявлялся и раньше, например в творчестве Винцента Кадлубка, чья хроника в XV в. сама стала предметом гуманистических толкований в университетской среде. Первыми людьми гуманистической культуры в Польше считаются дипломат Николай Лясоцкий; профессор Краковского университета Ян из Людзиска, почитатель Цицерона, включивший в программу обучения тексты из античных писателей; львовский архиепископ Гжегож из Санока.

Тем не менее поворотным моментом стал приезд в Польшу к королевскому двору поэта и дипломата, итальянца Филиппа Буоноккорси, прозванного Каллимахом, которому было доверено воспитание сыновей Казимира Ягеллончика. Каллимах прожил в Польше без малого тридцать лет, вокруг него сложился первый кружок польских любителей studia humanitatis. Другой кружок почитателей латиноязычной поэзии в течение нескольких лет существовал вокруг немецкого поэта Конрада Цельтиса. Под влиянием Цельтиса, Каллимаха и других гуманистов в Польше

сложилась своя латиноязычная поэзия (Клеменс Яницкий, Ян Дантышек, Анджей Кшицкий). Ученые, например, говорят о двух кругах представителей гуманистической культуры в Польше: один — связанный с Краковским университетом, с людьми науки и просвещения; другой — представленный дипломатами, политиками, некоторыми епископами (епископы Ст. Чолек, А. Мазовецкий, З. Олесницкий, дипломаты Николай Лясоцкий, Ст. Собневский, Петр Вольфрам из Львова). Так или иначе, труды последних десятилетий показали, что польский гуманизм не был феноменом «завозным», но имел корни в самой польской культуре XV в.

Развитие образования, науки и общественной мысли

Отличительная черта эпохи польского Возрождения — быстрый рост престижа образования. Потребность в знаниях, грамотности, расширении кругозора ощущалась в каждом социальном слое. Мартин Кромер во второй половине XVI в. констатировал, что все большее число молодых людей, особенно среди горожан, посещает школы. Исследования подтверждают это мнение. В конце XVI в. школы существовали практически во всех приходах. Считается, что не менее 12% населения умели читать и писать, а в городах число грамотных приближалось к 1/4.

Особенно заметным был прогресс в среднем образовании. В XVI в. в Польше возник ряд городских гимназий, созданных протестантами. Эти учебные заведения отличались весьма высоким уровнем, в них преподавали не рядовые учителя, а крупные деятели культуры. Во второй половине XVI в. в соревнование с гимназиями протестантов вступили иезуитские коллегии, которых к концу века было уже около десяти. Они унаследовали достижения протестантской и гуманистической педагогики, соединив их с идеологией католических церковных реформ. Вплоть до середины XVII в. уровень всех этих учебных заведений оставался весьма высок.

Главным центром высшего образования оставался Краковский университет, но и у него стали появляться конкуренты: с 1540-х гг. действовал университет в Кенигсберге (Крулевец); в 1570-е гг. иезуиты основали в Вильно свою академию, из которой позднее вырос университет; в 1594 г. Ян Замойский открыл частную академию в Замостье. По-прежнему сотни поляков выезжали на учебу в зарубежные страны, особенно в Италию (только в Падуе в XVI в. побывало в качестве студентов полторы тысячи поляков).

Как и всей Европе, XVI век принес Польше своего рода информационный взрыв, порожденный открытием книгопечатания (в 1580-е гг. в Польше работали печатные станы 20 типографий,

выпустивших к тому времени несколько тысяч изданий, общий тираж которых составил около 2 млн экз.). Одновременно с печатной продукцией росло и число читателей. Во многих зажиточных шляхетских и бюргерских домах стали появляться библиотеки.

XVI век характеризуется быстрым ростом гуманистических интересов и настроений в элитарных образованных кругах польского общества. Это коснулось не только литературы и искусства, но и философии, научной мысли, историографии. Николай Коперник (1473—1543) так же неотделим от истории польского Возрождения, как и знаменитый на всю Европу поэт Ян Кохановский. Коперник был сыном торуньского купца, учился в Кракове, а затем в Италии и стал ученым-энциклопедистом. Он вошел в историю науки и как создатель гелиоцентрической системы, и как математик, экономист, медик. Книга «Об обращении небесных сфер» — его главное произведение — составила переворот не только в астрономических знаниях, но и в научном мышлении как таковом, став одной из главнейших вех в развитии новоевропейской культуры.

Имя Коперника не должно заслонять другие достижения польской науки XVI — первой половины XVII в. Польские ученые этого времени создали немало важнейших трудов по медицине (например, Юзеф Струшь), математике (Станислав Гжебский), прикладным наукам, географии, которая была тесно связана с историей. Среди польских историков и географов следует выделить имена Матвея Стрыйковского, автора «Хроники польской, литовской, жмудской и всей Руси» (1582), Матвея Меховского (трактат «О двух Сарматиях», 1517), Мартина Кромера («Польша», 1555 и «О происхождении и деяниях поляков», 1557), Мартина Бельского («Хроника всего мира», 1551), Бернарда Ваповского, известного своими картами славянских стран.

В политической и правовой мысли выдающимся представителем Возрождения стал Анджей Фрич Моджевский (1503—1572), чьи радикальные идеи (например, о равенстве всех подданных государства перед законом) настолько опережали свое время, что вызывали недоумение даже у самых просвещенных его современников. В своем главном сочинении — «Пять книг комментариев об исправлении Речи Посполитой» — Моджевский выступил против исключительных сословных привилегий шляхты, потребовал заменить барщину чиншем, разрешить горожанам владеть землей и наделить их политическими правами, защитить права крестьян на землю и дать им возможность выступать наряду с другими сословиями в суде, провести фундаментальные административные, военные и финансовые реформы, создать независимую от Рима национальную церковь и обеспечить в стране веротерпимость,

распространив ее и на крестьян, и т.д. Идеал Моджевского — сильная монархия, управляемая королем при помощи ученых мужей и ограниченная строгими и рациональными законами. Несомненно, политические проекты Моджевского сродни современным ему утопиям.

Ярким политическим деятелем и мыслителем другой ориентации был Станислав Ожеховский (1513—1566). Этот блестящий публицист и энергичный деятель выступал против программы экзекуции, проповедовал идею о безусловном превосходстве шляхты над любым другим сословием, восхвалял принципы польского государственного строя и вместе с тем был горячим поборником теократии, требуя, чтобы именно церковь стала высшим авторитетом в обществе. Сочинения Ожеховского способствовали становлению идеологии сарматизма.

Условия «шляхетской демократии» привели к бурному развитию политической публицистики, и даже просто перечислить тех, кто оставил заметный след в этой области, было бы нелегко. Среди наиболее заметных публицистов назовем Ст. Заборовского, отстаивавшего идею высшего авторитета права, которому должен был подчиниться и монарх; Якуба Пшилуского, призывавшего к кодификации права, поощрению городского сословия, развитию торговли; Шимона Марциуса, выступавшего за усиление королевской власти, которая, однако, должна была быть ограничена коллективным авторитетом народа-шляхты. Периоды «бескоролевий» или обострения сеймовых споров вызывали к жизни целые потоки памфлетов и брошюр, выражавших господствовавшие в тот момент умонастроения шляхетских идеологов. Громадное количество религиозно-полемической и богословской литературы было порождено Реформацией.

Литература

XVI — первая половина XVII в. — время расцвета польской литературы. Начало ее подъема было связано с творчеством гуманистов, создавших блестящие образцы прозы и поэзии на латинском языке.

Новая линия в развитии польской литературы представлена теми, кто писал по-польски и тем самым заложил основы современного литературного польского языка, помог становлению именно национальной польской культуры. Это Бернат из Люблина, Миколай Сеп-Шажинский, Лукаш Гурницкий, Миколай Рей, Ян Кохановский. Творчество двух последних особенно значительно.

Миколаю Рею принадлежит знаменитая фраза: «Поляки — не гуси, у них есть свой язык!» И все его творчество писателя и

публициста было подчинено этому лозунгу. М. Рей написал множество сочинений, в том числе и на религиозные темы, и во всех них последовательно выражал установки шляхетского мировоззрения. Его идеалом был шляхтич-помещик, ведущий размеренный образ жизни в своем имении, но в то же время не забывающий о гражданских обязанностях: участвовать в военных кампаниях, исполнять ту или иную должность в шляхетском самоуправлении, быть активным участником сеймов и сеймиков.

Вершиной литературы польского Возрождения считается творчество Яна Кохановского (1530—1584), который заслуженно обрел всеевропейскую славу. Наиболее ярким его произведением стали «Трены» — цикл стихотворений, посвященных умершей дочери Урсуле. В сочинениях Кохановского переплетаются жизнеутверждающие мотивы возрожденческой культуры с первыми нотами драматического надлома, отражавшего кризис гуманизма и переход к поэтике Барокко в эпоху конфессиональных распрей. Кохановский писал и по-латыни, и по-польски, став основателем польского стихосложения.

Польскоязычная литература XVI в. способствовала сближению народной культуры с культурой элиты и тем самым формированию общенационального культурного фонда. С другой стороны, Возрождение принесло смену ценностных ориентаций литературных произведений: вместо религиозных идеалов пришли идеалы светские; вместо рыцаря главным положительным героем стал помещик или придворный; в литературе утверждаются этика индивидуализма, личностное начало. Однако и старые религиозные ориентации давали о себе знать: многие страницы произведений Рея посвящены религиозным темам, Бернат из Люблина писал наряду с баснями религиозно-назидательные стихи, Ян Кохановский постоянно обращался к религиозным вопросам.

Перемены в материальной культуре и стиле жизни

Динамичное развитие экономики, развертывание торговли, накопление богатств в разных общественных слоях сопровождались формированием новых бытовых потребностей и изменениями в каждодневном укладе жизни.

Гуманистические интересы и занятия элитарных слоев польского общества, польской интеллигенции были самым заметным выражением перемен, охвативших все стороны культуры.

Религиозная мысль, а вместе с ней и общественное сознание очень широких социальных слоев были разбужены и обогащены влиянием протестантизма. Одновременно в обществе нарастали секуляризационные тенденции, мировосприятие все более

освобождалось от религиозных элементов. Менялся стиль жизни и склад мышления людей: начало цениться и точно измеряться время; культура переориентировалась не столько на прошлое и освященные им образцы мышления и поведения, сколько на будущее; рационалистические критерии и индивидуализм приобретали все большее значение, разрушая власть прежних авторитетов и догм. Стала больше цениться красота в быту. Более богатыми, сложными и утонченными выглядели наряды представителей зажиточных слоев шляхты, горожан и даже крестьян. В домах шляхты и бюргеров появились зеркала, постельное белье, картины, книги, музыкальные инструменты, изящная мебель, стены стали обиваться обоями. Богаче и разнообразнее стал и их стол. Этические идеалы аскетизма уступали место восхвалению радости жизни и гедонизму. Характерно, что развлечение уже не всегда расценивалось как грех. Танцы, игра в кости и карты вошли в практику повседневной жизни. Вырос интерес поляков к самим себе, отразившийся, в частности, в появлении дневников и автобиографических сочинений. Менялась, таким образом, не только культура ученых клириков и придворных кругов, но и сама атмосфера жизни.

Реформация в Польше

В XVI в. Польша вместе со многими другими европейскими странами выступила ареной острой конфессиональной борьбы. Главной особенностью польской Реформации было то, что она опиралась главным образом на шляхту. Это предопределило и быстрый успех реформационных движений в середине XVI в., и их неустойчивый характер, поскольку шляхта оказалась не столь надежным социальным оплотом протестантизма, как бюргерство. Другими специфическими чертами Реформации в Польше были проведение здесь в течение длительного времени политики религиозной терпимости и укоренение благодаря этому в довольно широком масштабе радикально-реформационных течений (антитринитарии, анабаптисты).

Первым среди протестантских вероисповеданий в Польше распространилось лютеранство. Оно нашло приверженцев преимущественно среди городского немецкого бюргерства Силезии, Великой Польши, Поморья. В Поморье религиозные конфликты тесно переплелись с социальными, что в 1525 г. привело к народным восстаниям в Гданьске и Самбии. В 40-е годы XVI в. в Польше появились Общины Чешских братьев, наследников гуситской традиции, занявших особое место в центрально-европейском протестантизме.

В середине XVI в. прочное место в шляхетской среде завоевал кальвинизм. Популярность кальвинизма среди шляхты может быть объяснена, возможно, особым, как бы демократическим строем кальвинистских общин, который должен был импонировать польскому дворянству. Успехи же польских кальвинистов в борьбе против католической церкви объясняются их тесной связью с лагерем экзекуционистов. Программа реформы церкви, которую отстаивали кальвинисты, стала частью движения экзекуционистов. Наибольшего успеха в борьбе за удовлетворение своих требований протестанты достигли тогда же, когда Петрковский сейм 1562/63 г. предпринял ряд государственных реформ. Было решено прекратить выплату так называемых «аннат Римской курии», отменить сбор десятины с шляхетских имений, освободить шляхту от церковной юрисдикции по каким бы то ни было вопросам, обложить церковные владения налогом на военные нужды государства. Горячо обсуждался также вопрос о созыве в Польше национального церковного собора и выходе из-под церковной власти Рима.

В целом казалось, что Польша потеряна для Рима. Однако успехи реформационного движения были непрочными. Шляхта, удовлетворившись достигнутым, стала охладевать к протестантскому учению, религиозно-культурный смысл которого оставался ей малопонятен. В самом реформационном лагере произошел раскол: из кальвинистской церкви выделились общины антитринитариев (реформаторов, отрицавших христианское учение о Троице). С другой стороны, с 1560-х гг. во всей Европе католическая церковь перешла в контрнаступление. Духовенство развернуло активную борьбу с протестантами, был предпринят ряд дисциплинарных и других реформ внутри церкви, созданный недавно орден иезуитов стал ударным отрядом Контрреформации. С 1564 г. иезуиты развернули деятельность и в Польше.

Сложившаяся обстановка заставила протестантов перейти к обороне. В 1570 г. кальвинисты, лютеране и Чешские братья заключили союз для противодействия натиску католицизма, а в 1573 г., в момент вступления на престол Генриха Валуа, им удалось добиться принятия сеймом и королем акта Варшавская конфедерация, который гарантировал предоставление протестантам и вообще иноверцам религиозных свобод. В дальнейшем именно акт Варшавская конфедерация позволял в течение десятилетий ставить преграды развертыванию религиозных преследований в Речи Посполитой. С последней четверти XVI в. начинается спад реформационного движения в Польше. В течение первой половины XVII в. католическая Контрреформация постепенно отвоевывает (преимущественно мирными средствами) позиции, а в середине XVII в. одерживает окончательную победу.

Культурное значение Реформации в истории Польши состояло прежде всего в формировании нового типа религиозности. Кроме того, протестанты внесли большой вклад в развитие образования, книгопечатания, научной мысли, религиозной философии и литературы. Наконец, велико было и косвенное воздействие Реформации на польскую культуру: вызов, брошенный протестантами, привел к оживлению католицизма, перестройке традиционной образовательной системы, пробуждению в ходе полемики новаторства в религиозной проповеди и философии.

Особую роль в эволюции польской христианской культуры сыграли антитринитарии (которых называли также Польскими братьями или арианами). И главное заключалось не только в том, что их учение отличалось большой смелостью и новизной, утверждая принципы рационализма в религиозном мышлении, но и в том импульсе, который они придали развитию научных, политических, социальных идей, учению о человеке. Польские братья стали активными защитниками идей веротерпимости и одни из первых в Европе теоретически обосновали тезис о свободе совести.

ПОЛЬША В КОНЦЕ XVI–XVIII вв.: ПОЛИТИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ

Новая в политическом отношении эпоха в истории Речи Посполитой началась после смерти Сигизмунда II Августа, когда оборвалась династия Ягеллонов. Краткое правление Генриха III Валуа означало торжество режима «шляхетской демократии». Попытки проабсолютистски настроенного Стефана Батория укрепить королевскую власть ни к чему, по сути, не привели. Конец XVI — первая половина XVII в. прошли под знаком дальнейшего ослабления центральной власти, что обернулось жесточайшим политическим кризисом и практически параличом польских государственных институтов во второй половине XVII — начале XVIII в. — время, когда в Западной Европе и России торжествовал абсолютизм.

Тем не менее в середине и во второй половине XVIII в. польская государственность начинает усиливаться. Реформы в годы правления Станислава Августа Понятовского открыли новую полосу в истории Речи Посполитой. Но она не стала еще настолько сильной, чтобы противостоять агрессивным соседям — Пруссии, России и Австрии, не желавшим снова увидеть на своих границах могучего соседа. Третий раздел Польши

в 1795 г. завершил более чем 800-летнюю эпоху существования независимого польского государства, которое было восстановлено только в 1918 г.

Основные вехи внутриполитического развития Речи Посполитой в конце XVI — первой половине XVII в.

Смерть Стефана Батория в 1586 г. ввергла Речь Посполитую в очередной политический кризис. Главными претендентами на престол были Сигизмунд III Ваза, представитель шведской королевской династии, и эрцгерцог Максимилиан Габсбург. За каждым из них стояла своя шляхетская группировка, и оба были выбраны на польский престол. В ходе военных столкновений победила партия сторонников Сигизмунда III Вазы во главе с Яном Замойским, канцлером и в прошлом лидером движения экзекуционистов. Парадокс последующей политической истории времени Сигизмунда III состоит, однако, в том, что лагерь экзекуционистов, который прежде главной целью считал укрепление государства через усиление королевской власти, теперь выступил против попыток Сигизмунда расширить полномочия короля. Ян Замойский, бывший «трибун шляхетского народа», стал во главе тех политиков, кто стремился предотвратить движение в сторону абсолютизма. В 1606 г. на этой почве в Речи Посполитой вспыхнула гражданская война: значительная часть шляхты образовала антикоролевскую конфедерацию (рокош) в ответ на предложения Сигизмунда III ввести в сеймовой практике принцип голосования большинством вместо liberum veto, увеличить армию и пополнить казну. Рокошане потребовали детронизации Сигизмунда III. Регалисты создали свою собственную конфедерацию и к 1609 г. победили в войне против рокошан. Но реформы тем не менее были сорваны.

Оставшаяся часть правления Сигизмунда III прошла без больших внутренних потрясений. Институты сеймовой демократии функционировали относительно исправно, а события начала века сделали невозможным утверждение абсолютизма в Польше. Главной проблемой внутренней политики становились отношения с украинскими казаками, которые добивались отмены Брестской церковной унии и распространения на казачество шляхетских привилегий.

Правление преемника Сигизмунда III, короля Владислава, прошло под знаком тех же противоречий. Очередные попытки усилить королевскую власть окончились ничем. На украинских землях было жестоко подавлено крестьянско-казацкое восстание 1637—1638 гг. и на 10 лет воцарился обманчивый покой.

Внешняя политика Речи Посполитой в конце XVI — первой половине XVII в.

В конце XVI в., после победы в Ливонской войне, внешнеполитические позиции Речи Посполитой казались очень прочными. Она была одной из европейских держав, соперничавших с Габсбургами за лидерство в Восточной Европе. Однако на протяжении первой половины XVII в. положение дел стало меняться. Польско-шведская война 1600—1605 гг., несмотря на победы Сигизмунда III, стремившегося овладеть шведским престолом, не принесла успеха. Начавшаяся в 1609 г. открытая военная интервенция против России привела к присоединению Смоленска и Чернигово-Северских земель к Речи Посполитой, но не усилила ее политического влияния. В 1611 г. польский сейм передал наследственные права на Восточную Пруссию Бранденбургу, и в 1618 г. две территории объединились под властью Гогенцоллернов, снова поставив Польшу перед той же угрозой, с какой она боролась в годы Грюнвальдской битвы. В 1620 г. польская армия потерпела тяжелое поражение от турок под Цецорой, а последующая победа под Хотином в 1621 г. была обеспечена участием в битве Запорожского войска, что породило череду социально-политических конфликтов в украинско-белорусских землях. Новая война с Швецией была неудачной. В 1632—1634 гг. в успешной войне с Россией Речь Посполитая отстояла права на Смоленск.

Внутри- и внешнеполитический кризис середины XVII — начала XVIII в.

Несмотря на борьбу с казаками, правление Владислава IV было одним из самых благополучных в истории Речи Посполитой. Зато при Яне Казимире, пожалуй, самом «невезучем» короле во всей польской истории, разразился острейший внутри- и внешнеполитический кризис. Украина взбунтовалась, и казачьи полки под руководством Б. Хмельницкого нанесли ряд поражений польской армии. Шляхта взяла реванш под Берестечком в 1651 г., но война затянулась на долгие годы. Богдан Хмельницкий обратился за помощью к России, и та начала военные действия против Польши. В 1655 г. в войну вступила Швеция, и почти вся Польша оказалась залита шведским «потопом». Значительная часть магнатов, шляхты и армии перешла на сторону шведов. Слабостью Речи Посполитой попробовали воспользоваться еще два ее противника — Бранденбург и Трансильвания. Впервые встал вопрос о разделах Речи Посполитой, которая из субъекта международной политики стала превращаться в ее объект.

Государство и независимость были спасены почти что чудом. Подобно России в 1612–1613 гг., широкое общенациональное движение помогло Яну Казимиру не только вернуть трон, но и восстановить многие утраченные позиции. Война со Швецией завершилась Оливским миром 1660 г., с Россией — Андрусовским перемирием 1667 г. и переходом части Украины под власть России. Однако победа далась очень дорогой ценой. Речь Посполитая вышла из потрясений середины XVII в. чрезвычайно ослабленной во всех отношениях — политическом, экономическом и демографическом. И несмотря на это, предпринятые в 1660-е гг. попытки укрепить королевскую власть и государственные институты снова встретили сопротивление со стороны шляхты и магнатов, в очередной раз выступивших под знаменем «золотых шляхетских вольностей» (рокош Любомирского) против даже очень несмелых попыток политических реформ.

Пик внутренних политических раздоров пришелся на правление безвольного Михаила Корибута Вишневецкого (1669–1673), выбранного на престол именно потому, что он устраивал всех своей неспособностью изменить что-либо в сложившейся ситуации. Его преемник Ян Собеский (1674–1696) был, напротив, личностью выдающейся, правителем волевым и энергичным. Он пытался осуществить ряд реформ, направленных на усиление королевской власти, но и ему не удалось остановить нарастание политической анархии в Речи Посполитой. Сеймы срывались один за другим, центральная власть оказалась почти парализованной. В то же время польская армия под руководством Яна Собеского разбила турок-османов под Веной в 1683 г., положив тем самым конец османской экспансии в Европе.

После смерти Яна Собеского трон занял представитель саксонской династии Август II (1697–1733), при котором Польша потерпела сокрушительное поражение в Северной войне и после ее окончания попала в сферу политических влияний России. В ходе Северной войны часть польской шляхты избрала на королевский престол Станислава Лещинского, смещенного затем сторонниками Августа II и русской армией.

Во второй период правления Августа II и при его преемнике Августе III (1733–1763) в Речи Посполитой стали складываться два политических лагеря, возглавляемых магнатскими семьями Чарторыйских и Потоцких. Первая группировка объединяла сторонников реформ и вошла в историю под названием «Фамилия». Вторая представляла интересы той части магнатерии и шляхты, которая стремилась сохранить в неприкосновенности политические и культурные устои Речи Посполитой.

Эволюция государственного строя Речи Посполитой в XVII в.

XVII век — эпоха абсолютизма в истории европейских государств. В это же время рождались и принципиально новые модели политического устройства (Англия после революции 1640-х гг. и Нидерланды). В некоторых странах продолжала господствовать политическая раздробленность (Германия и Италия), встречались и образцы «дворянских республик» (Трансильвания, Венеция). Речь Посполитая в этом отношении занимает совершенно особое место. Польская «шляхетская демократия» в конце XVI–XVII вв. постепенно перерождалась в магнатскую олигархию, которая, однако, была очень несхожа с олигархическими режимами других стран (Швеции, например).

Вплоть до потрясений 1648–1668 гг. польская политическая система сохраняла дееспособность, которая обеспечивалась не столько политическими институтами самими по себе, сколько традицией уважения к королевской власти и политической ответственности. Анархизация политической жизни начинается с середины XVII в. «Шляхетская демократия» становится лишь прикрытием магнатской олигархии, а магнатские группировки действуют уже в интересах не Речи Посполитой, а своих собственных. Дестабилизация и анархизация политического строя нарастала от десятилетия к десятилетию. В чем это выражалось?

Господствующая тенденция состояла в прогрессирующем ослаблении королевской власти. Прерогативы короля растворяются в полномочиях сейма, сената, сеймиков, центрального и местного административного аппарата (канцлер, гетман, подскарбий, воеводы, старосты и каштеляны). Начало этому процессу положили в 1570-е гг. Генриховы артикулы, институт сенаторов-резидентов, подписание «пакта конвента» при вступлении на престол очередного монарха и создание коронного трибунала, который лишил короля права быть верховной апелляционной инстанцией в судебных спорах. Со временем было ограничено право короля производить нобилитацию, усилились контрольные функции сенаторов-резидентов, королевская гвардия подверглась сокращению, королю запрещалось без разрешения сейма выезжать за границу. Даже матримониальные дела королевской семьи были поставлены под сеймовый контроль.

Фактически в XVII в. орудиями королевской политики могли быть только личный авторитет, раздача должностей и королевщин и апелляция к традициям «доброго старого времени». И польская государственная машина справлялась со своими задачами вплоть до 60-х гг. XVII в., когда равновесие между шляхетским

сословием и королевской властью было нарушено и в политическом выигрыше оказались одни лишь магнатские группировки.

По мере ограничения полномочий короля все более обширными и многочисленными становились функции сейма. В то же время он начинал работать все менее и менее эффективно, потому что сеймовая трибуна становилась чаще всего ареной столкновения своекорыстных интересов магнатских кланов. Складывалосьмнение (и соответствующая практика), что шляхетская посольская изба есть наивысший орган власти, стоящий и над королем, и над сенатом. Характерно при этом, что именно многолюдная и внешне очень демократичная посольская изба, а не сенат становилась проводником магнатских влияний. Это делало политическую жизнь Польши особенно неустойчивой, потому что «чистая» и институционализированная магнатская олигархия могла бы управлять страной более эффективно, чем интригующие в свою пользу группы шляхетских депутатов посольской избы.

Постепенно крепло убеждение, что задача сейма заключается не в установлении новых законов, не в изменении уже существующего права, а только в том, чтобы обеспечивать нерушимость и исполнение принятых когда-то правовых норм. Нет нужды говорить, сколь пагубно это сказывалось на состоянии польской государственности. Сложившиеся же традиции были закреплены в общественном сознании и политической практике использованием знаменитого принципа liberum veto, который приобрел в XVII в. самодовлеющее значение и стал рассматриваться как краеугольный камень польской «шляхетской демократии». Хотя впервые он был открыто применен в 1652 г., когда шляхтич Сицинский своим единоличным вето воспрепятствовал продолжению сеймовой сессии, уже в конце XVI в. случались сеймы, разъезжавшиеся без утверждения свода решений (конституций). В первой половине XVII в. это стало происходить все чаще и чаще. А в 1669 г. сейм был сорван до того, как истек предписанный законом 6-недельный срок его работы, в 1688 г. по причине применения liberum veto он прекратил свою деятельность, даже не начав ее, т.е. до избрания маршала сейма. В 1658—1668 гг. из 19 сеймов смогли принять решение лишь 12, в 1669—1685 гг. — лишь 9 из 14, в 1688—1695 гг. — лишь один из 6.

Какая роль отводилась в этой системе учреждений сенату? Теоретически именно он мог бы сосредоточить в своих руках всю полноту государственной власти и обеспечить ее эффективность в рамках олигархического режима правления. Но в Польше сенат был постепенно подчинен контролю нижней палаты сейма и стал

рассматриваться как посредник между шляхтой и королем, осуществляющий решения сейма, следящий за их исполнением королем, но не претендующий на подлинно самостоятельную роль.

Вместе с тем не были определены принципы соотношения власти сейма и сеймиков, которые снабжали послов инструкциями, как решать тот или иной вопрос. Сейм оказывался не в состоянии добиться исполнения своих решений на местах, где вся реальная власть сосредоточилась в руках сеймиков и стоящих за ними магнатских групп. Сеймики стали играть роль органов местной власти, вершить суд, вводить налоги, принимать обязательные для данного повета постановления. С другой стороны, и сеймики не могли добиться решений, которые имели бы обязательную силу на всей территории Речи Посполитой. Результатом была не только анархизация, но и регионализация польской политической жизни, нарастание в ней центробежных тенденций.

Что касается исполнительной власти — в то время, как в других странах она усиливалась, в Речи Посполитой центральная администрация становилась все более слабой. Главные государственные должности, будучи пожизненными, фактически обеспечивали независимость и неподконтрольность их обладателям. Институт старост, который прежде был опорой королевской власти в регионах, превращается в институт земского самоуправления. Власть канцлера и подканцлера становится все более призрачной, финансовое ведомство выходит из-под контроля короля, гетманы приобретают все большую независимость от кого бы то ни было. Суд прославился своей продажностью, а исполнять судебные решения было некому.

Таким образом, в течение XVII в. государственный аппарат Речи Посполитой приходил в негодность. События Северной войны и последовавшее за ней превращение Речи Посполитой в объект постоянного вмешательства извне и политического манипулирования ставили со всей остротой вопрос о государственных преобразованиях.

Государственные реформы второй половины XVIII в. Разделы Речи Посполитой

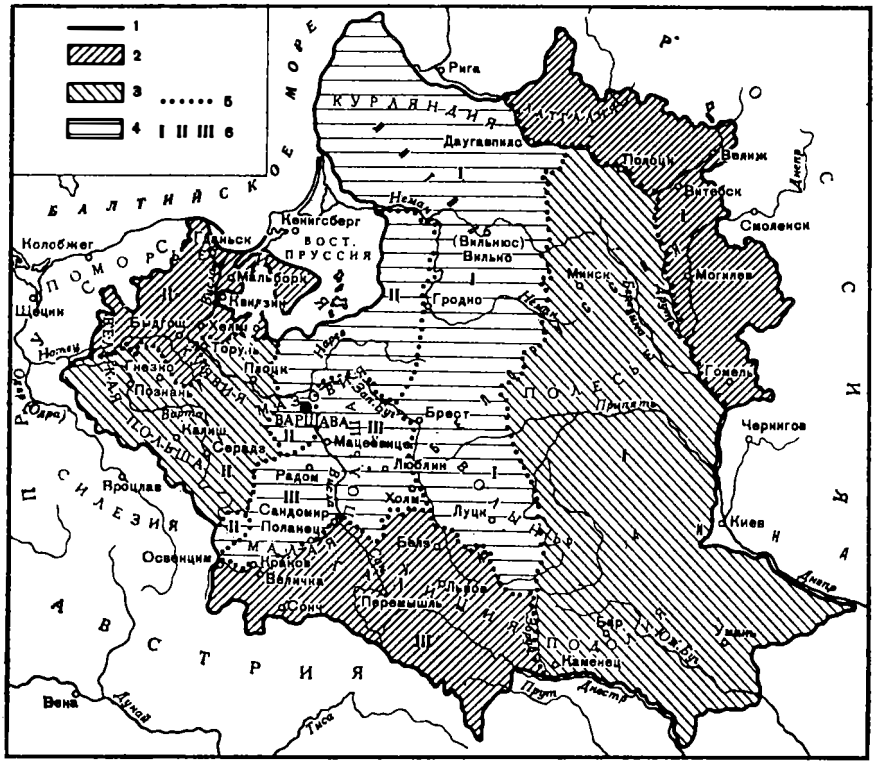
В 1750-е гг. группировка Чарторыйских вынашивала планы детронизации Августа III и осуществления реформ при поддержке России. Смерть Августа III перечеркнула их расчеты. Надежды на реформы стали связываться с новым королем. Чарторыйские, опираясь на прямую поддержку России, сумели обеспечить избрание на престол своего ставленника — 30-летнего Станислава

Августа Понятовского, человека очень образованного, прекрасно знакомого с Европой, убежденного сторонника преобразований, но политика мягкого и непоследовательного.

Некоторые преобразования удалось осуществить непосредственно после избрания Станислава Августа. Была создана «конференция» короля и министров (институт, напоминающий правительственный кабинет), канцлером стал последовательный идеолог реформ Анджей Замойский, под его руководством специальные комиссии начали разрабатывать новое законодательство для городов, удалось заметно пополнить казну, для подготовки офицерских кадров была создана Рыцарская школа.

Россия и Пруссия, обеспокоенные начавшимися реформами, использовали как предлог для вмешательства в польские дела так называемый «диссидентский вопрос» — об ограничении прав некатоликов («диссидентов») в Польше в середине XVIII в. Понятовский и «Фамилия» отказались выполнить требования России и Пруссии о гарантии прав «диссидентов», опасаясь потерять поддержку католической шляхты. В ответ при содействии извне были созданы православная конфедерация в Слуцке и протестантская — в Торуни и был разработан план детронизации Понятовского, которому в этих условиях не оставалось ничего иного, как уступить. На сейме 1768 г. права «диссидентов» были восстановлены, одновременно сейм подтвердил и гарантировал соблюдение «кардинальных прав» (liberum veto, свободная элекция монарха, право неповиновения королю). Гарантом стабильности этих законов являлась Екатерина. В ответ католическая шляхта объединилась в Барскую конфедерацию под лозунгом защиты государственной независимости, шляхетских привилегий и прав католической церкви. Движение получило широкий размах, борьба русской армии с ним продолжалась несколько лет и показала, что Россия не в состоянии держать Польшу под единоличным контролем. Итогом стал первый раздел части территорий Речи Посполитой. Пруссия получила Вармию и Поморье (без Гданьска и Торуня) с более чем полумиллионом жителей, Австрия — галицкие земли и часть Малой Польши с 650 тыс. населения, Россия — Восточную Белоруссию с 1 млн 300 тыс. человек.

Первый раздел был ратифицирован на сейме 1773 г., преобразованном в генеральную конфедерацию (это позволяло решать вопросы большинством голосов) и работавшем до 1775 г. Ему удалось инициировать ряд новых важных реформ: образовать зачаток дееспособного правительства в форме Постоянного совета; начать военно-финансовую реформу с целью создания постоянной 30-тысячной армии; учредить Комиссию народного просвещения — фактически первое в Европе министерство образования.



Разделы Речи Посполитой (1772–1795)

1 — границы перед разделами; 2 — первый раздел; 3 — второй раздел; 4 — третий раздел; 5 — разграничение земель, захваченных в результате разделов; 6 — I — территории, отошедшие к России; 6 — II — территории, отошедшие к Пруссии; 6 — III — территории, отошедшие к Австрии

1770–1780-е гг. прошли под впечатлением, оставленным первым разделом Речи Посполитой. Общество встряхнулось. Огромное влияние приобрела политическая публицистика — особенно голоса Станислава Сташица и Гуго Коллонтая. Заметно активизировалась деятельность масонских лож. Сформировались две программы выхода из кризиса: так называемая «патриотическая партия» рассчитывала опереться на англо-прусский союз в борьбе против Австрии и России и вернуть Польше хотя бы галицийские территории; пророссийски настроенная группировка надеялась усилить в Польше власть аристократической олигархии. Созванный в 1788 г. сейм, как и сейм 1773 г., был преобразован в конфедерацию и оставался ареной политической борьбы вплоть до 1792 г. Ему удалось провести ряд существеннейших реформ, и поэтому он вошел в историю под названием Великого сейма.

Была предпринята реформа городского права, что стало ответом на «черную процессию» 1789 г., когда в Варшаву съехались представители 141 города Речи Посполитой и потребовали допустить горожан к участию в работе сейма, разрешить им владеть землей и занимать государственные должности, обеспечить правомочность в суде и неприкосновенность личности. Эти и ряд других прав были даны Великим сеймом польскому бюргерству.

Реформа сеймиков состояла в том, что права голоса в них лишались безземельные шляхтичи, а это наносило сильный удар по магнатской олигархии, поскольку лишало ее поддержки клиентелы.

Самым же главным достижением Великого сейма стало принятие Конституции 3 мая 1791 г., которая реформировала основы социального и государственного строя Речи Посполитой. Конституция исходила из понятия «гражданства», а не сословных принципов, хотя шляхте было зарезервировано первенствующее место среди других социальных групп. Дарованные горожанам права были подтверждены. Крестьяне, власть шляхты над которыми сохранялась, рассматривались отныне как слой, находящийся под специальной государственной опекой.

В области государственного управления перемены коснулись и сейма, и королевской власти, и суда, и административного аппарата в центре и на местах. Принцип liberum veto отменялся, полномочия сената были ограничены, сеймиковые инструкции потеряли обязательную силу. Компетенцией сейма стало законодательство, налоги и контроль за исполнительной властью. Последнюю должны были осуществлять ответственные перед сеймом министры, составлявшие вместе с королем и примасом католической церкви правительственный кабинет. Сеймовым комиссиям отводилась роль министерств, а на местах учреждались в качестве административных органов военно-гражданские комиссии порядка. Королевская власть становилась наследственной, король освобождался от ответственности за сохранение «золотых шляхетских вольностей». Суд становился коллегиальным, и в нем усилилась роль средней шляхты.

Таким образом, Конституция 3 мая 1791 г. провозглашала создание в Речи Посполитой конституционной монархии и многими своими нормами радикально укрепляла государственный аппарат.

Деятельность сейма и Конституция 3 мая вызвали острое сопротивление в магнатских кругах и недовольство Екатерины. В Петербурге был подписан акт конфедерации, официально провозглашенный в Тарговице. Русская армия и сторонники Тарговицкой конфедерации начали военные действия против сторонников

Конституции 3 мая. Король, желая спасти хотя бы некоторые из реформ, перешел на сторону конфедератов. Гродненский сейм под прямым давлением России отменил Конституцию 3 мая 1791 г. и принял новую, которая в основных чертах повторяла решения 1775 г., сохраняя, однако, и ряд реформ Великого сейма и положений из Конституции 3 мая. Тот же сейм подтвердил раздел между Россией и Пруссией еще части территорий Речи Посполитой. Пруссия получала Гданьск, Торунь, Великую Польшу и Мазовию с более чем миллионом новых подданных; Россия — Белоруссию, поднепровскую Украину и Подолию с 3 млн населения. Сама Польша, в которой оставалось 4 млн человек на 212 тыс. кв. км, фактически была под политическим контролем России. Оставшиеся в Польше и оказавшиеся в эмиграции противники тарговичан не могли смириться с таким положением, и восстание под руководством Тадеуша Костюшко стало последним актом борьбы за государственные реформы и независимость Польши.

Оно началось с марша одной из бригад польской армии на Краков в марте 1794 г. Костюшко встал во главе мятежной армии, провозгласил акт восстания и подписал Поланецкий универсал, которым крестьяне освобождались от личной зависимости и получали гарантии неприкосновенности их земельных наделов. Первую значительную победу восставшие одержали под Рацлавицами. Их поддержали в Варшаве и Вильно. Значительная часть территории Польши оказалась под полным контролем правительства Костюшко, на время военных действий получившего диктаторские полномочия. Активные деятели Тарговицкой конфедерации были казнены. Среди польской шляхты и горожан сложилась партия польских якобинцев во главе с Гуго Коллонтаем — сторонников использования французского опыта революционной борьбы, включая террор. Правительство сумело обеспечить широчайшую мобилизацию средств и ресурсов и в короткое время создать большую и боеспособную армию. Но силы оказались неравными. После многомесячных боевых действий Варшава была взята русской армией под командованием А.В. Суворова. Костюшко попал в плен. Польские территории подверглись разделу между Пруссией, к которой отошла еще часть Мазовии (с Варшавой) и часть литовских территорий, Австрией, получившей Малую Польшу и часть Подляшья, и Россией, присоединившей украинские земли.

Станислав Август Понятовский был вывезен в Петербург, где и умер в 1798 г.

Польское государство перестало существовать.

ПОЛЬША ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XVII–XVIII вв.: ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ

Во второй половине XVII–XVIII вв. польская экономика прошла полосу глубочайшего кризиса (1650–1720-е гг.), стагнации (приблизительно вторая четверть XVIII в.) и подъема (вторая половина XVIII в.). Чем был вызван кризис? В чем он выразился? Почему и как польская экономика сумела его преодолеть? Каковы главные тенденции хозяйственного развития Польши накануне разделов? Таковы вопросы, на которые нужно ответить.

Причины хозяйственного кризиса второй половины XVII — начала XVIII в.

В историографии сложились два основных подхода к объяснению причин экономического упадка в Польше во второй половине XVII — начале XVIII в. Одни историки видят их в военно-политических факторах — разрушениях, принесенных шведским «потопом» 1655–1660 гг., войной с Россией и украинским казачеством, Северной войной. Такое мнение утвердилось в польской довоенной историографии. В послевоенной литературе оно было первоначально отвергнуто. Главная причина кризиса усматривалась в самой природе барщинно-фольварочной системы. Начало ее упадка и разложения ученые относили к концу XVI в., войны же и разрушения, по их мнению, лишь усугубили начавшийся кризис. Эта концепция была выдвинута историками марксистской ориентации. Ими же она была и частично пересмотрена в 1960–1970-е гг. Этому послужили масштабные исследования демографических и материальных потерь, вызванных военными действиями, эпидемиями, миграциями, контрибуциями и просто мародерством. С другой стороны, выяснилось, что в XVII в. во всей Европе хозяйство переживало депрессию, и в то же время в некоторых районах распространения фольварочной системы кризис не разразился. Значит ли это, что тезис о негативном влиянии на экономику барщинно-фольварочной системы должен быть отвергнут? Скорее всего, нет. Истина, как обычно, лежит посередине между соперничающими концепциями.

Фольварочное хозяйство дало на первых порах быстрый, но непрочный экономический эффект. Само по себе оно оказалось очень ненадежным фундаментом для экономического роста. Первые признаки стагнации (но еще не кризиса) стали заметны в конце XVI в. В XVII в. началось падение цен на сельскохозяйственную продукцию, на что шляхта ответила увеличением массы экспортируемого зерна. Это повлекло увеличение барщинных

повинностей. В 1618 г. объем хлебного экспорта через Гданьск достиг апогея. Но вместе с тем была нарушена та мера эксплуатации крестьян, которая обеспечивала поступательное развитие и фольварка, и крестьянского хозяйства, и города. Потенциал экстенсивного способа производства исчерпал себя. Для повышения производительности труда и эффективности фольварочного хозяйства следовало изменить стиль и принципы хозяйственной деятельности. Может быть, шляхта и оказалась бы способной на это, но начавшаяся с 1648 г. полоса военно-политических потрясений создала совершенно новую ситуацию, когда главной проблемой стал не экономический рост, а элементарное выживание. В течение 70 лет Речь Посполитая являлась ареной войн, которые разворачивались не только на периферии государства, но и в самой сердцевине польских земель. При этом самый принцип содержания воюющих армий — «война должна сама себя кормить», — опробованный в годы Тридцатилетней войны, предполагал широкое использование денежных контрибуций и продовольственных конфискаций, что фактически означало грабеж и разорение территории противника. Важно подчеркнуть, что это были не отклонения от нормы, а последовательная и сознательная военная политика.

Результаты такой политики имели самые разрушительные последствия. В 1661 г. в районе Варшавы из 467 поселений 46 были полностью уничтожены; из 101 фольварка в королевщинах Мазовии 13 — полностью опустошены, в 27 — сожжены все строения, в 20 — истреблен весь скот. В Восточном Поморье третья часть деревень прекратила свое существование, другая треть потеряла половину населения. Подолия и Галицкая Русь лишились 53—58% крестьянских хозяйств. В королевщинах Великой Польши к 1661 г. количество полнонадельных крестьянских хозяйств сократилось на 65%, количество загродников — на 28%. Число крестьян в целом уменьшилось на 51%. В Восточном Поморье этот показатель составлял 60%. В результате произошло запустение земель. Во владениях Гнезненского архиепископа пустоши составляли в 1685 г. 40% всех земель. Но еще более тяжелый удар был нанесен польским городам. К 1661 г. 60% городских домов в Великой Польше оказались заброшенными. Городское население Мазовии к этому времени составило всего лишь 30%. Нет нужды говорить, что и в городах, и в деревнях были разорены ремесленные мастерские, уничтожены инструменты и инвентарь, разрушены мельницы. В среднем число разрушенных войной деревень и местечек в разных районах Речи Посполитой колебалось от 10 до 30%. Одним из итогов явилось то, что в начале 1660-х гг. валовой сбор зерна не превышал 40% довоенного уровня.

Разорительные последствия Северной войны оказались не меньшими по масштабу. Особенно тяжелым ударом для польского хозяйства в это время стали денежные контрибуции, составившие в общей сложности 60 млн талеров — эквивалент двух годовых национальных доходов в масштабе 1717 г.

Войны сопровождались эпидемиями, которые к 1660-м гг. (вместе с военными действиями и голодом) унесли приблизительно третью часть населения Речи Посполитой. После Северной войны население государства сократилось на 20%. Нетрудно заметить, что в пропорциональном измерении эти потери были много более чудовищны, чем в годы второй мировой войны.

Можно ли сомневаться, что войны были главной причиной хозяйственного кризиса Речи Посполитой в эту эпоху? Ответ однозначно ясен, но это вовсе не доказывает и того, что барщинно-фольварочная система сама по себе не привела бы польскую экономику к упадку.

Сельское хозяйство во второй половине XVII — начале XVIII в.

Как в условиях кризиса развивалось сельское хозяйство Польши? С середины XVII в. и вплоть до 20-х гг. XVIII в. оно находилось в состоянии глубокого упадка. Прекратилась колонизация новых земель, более того, запустевали многие прежде освоенные территории. Нехватка рабочих рук, резкое ухудшение технической оснащенности крестьянских хозяйств (в этот период в некоторых районах Польши отмечено даже возвращение от железных орудий к деревянным), деградация агротехники, наконец, физическое истощение крестьян вели к быстрому снижению производительности труда и урожайности. Если в XVI в. урожайность достигала уровня сам-5, сам-6, то теперь этот показатель стагнировал на уровне сам-3.

Историки не располагают данными, позволяющими количественно оценить глубину спада сельскохозяйственного производства. Отчасти об этом можно судить по состоянию хлебного экспорта через Гданьский порт. Во второй половине XVII в. он составлял около 50% того, что было вывезено в первой половине столетия; в первой четверти XVIII в. — только треть того же уровня. При этом цены на импортируемые товары росли много быстрее, чем на польский хлеб, поэтому финансовое положение шляхты становилось все более сложным.

Владельцы фольварков пытались противостоять падению доходов за счет усиления эксплуатации, принуждая крестьян ко все более продолжительной барщине и сокращая крестьянские

наделы. Тем самым они попадали в порочный круг, так как крестьянский труд становился все менее и менее производительным. В результате доходы землевладельцев не росли, а крестьяне разорялись дотла. В некоторых случаях шляхта пыталась заняться разведением скота и торговлей шерстью (как это было в Великой Польше), иногда — заменяла барщину чиншем. Но все эти перемены были спорадическими и недолговременными. Более прибыльным — в сочетании с ростом барщины — было производство пива и водки, за которые крестьяне расплачивались последними деньгами, а в конечном счете — здоровьем. Гибельность такой политики была очевидна, но монопольное право пропинации приносило доходов не меньше, чем продажа хлеба и продуктов животноводства.

Структурная перестройка землевладения: фольварки и латифундии

В этих условиях выживали только сильнейшие. Поэтому если в XVI в. преобладающей формой организации землевладения был шляхетский фольварк, то теперь ею стала магнатская латифундия. Наряду с разорением шляхетских хозяйств причиной такой перестройки феодального землевладения можно считать освоение в течение XVI–XVII вв. украинских территорий, где латифундия в отличие от Польши с самого начала преобладала над фольварком. Кроме того, аграрной перестройке способствовало поражение экзекуционистской программы, которая так и не сумела остановить сосредоточение королевщин в руках магнатов.

Магнатские латифундии превращались, по сути дела, в минигосударства. Они имели свой центр (столицу!) с главным управителем и его аппаратом, со своим двором и придворными, с военными отрядами, а иногда даже с собственной дипломатической службой. Отсюда управлялись отдельные территории латифундии — ключи. В местечке, составлявшем центр ключа, велась торговля и работали ремесленники. Здесь приказчик или арендатор магната со своими присными управлял 10–15 деревнями и фольварками, входившими в ключ и отданными в свою очередь в аренду. Магнаты вели войны и переговоры друг с другом, захватывали чужие земли и крестьян, а в эпоху паралича центральных государственных институтов стали как бы местными князьями, сосредоточив в своих руках всю полноту административной, судебной и даже законодательной власти. В итоге складывалась как бы на новой основе квазифеодальная иерархия, состоявшая из людей, меньше всего заинтересованных в процветании Речи Посполитой и в поддержании крестьянского благосостояния.

Тем не менее именно латифундии не позволяли сельскому хозяйству окончательно рухнуть. Более того, администраторы магнатских владений, распоряжаясь относительно обширными ресурсами, в случае крайней нужды спасали крестьян от голода и полного краха, давая им зерно, скот, инвентарь и утварь. Именно в магнатских владениях до того, как на Речь Посполитую обрушилась волна военных бед и невзгод, и после того, как эта полоса миновала, предпринимались попытки завести новые производства, выписать из-за границы специалистов и даже особое оборудование, развернуть горнодобычу или масштабное животноводство. Например, в украинской Подолии выращивали волов на экспорт, Лещинские в XVII в. пытались организовать ткаческие мануфактуры в своих великопольских владениях, Сенявские — добычу цинка в Малой Польше, Радзивиллы создали в XVIII в. ряд мануфактур в своих литовских землях и т.д. Конечно, все эти инициативы предпринимались на феодальной, а не на капиталистической основе, но, так или иначе, магнатские латифундии позволяли сохраниться некоторым начаткам нового производственного уклада, который смог обеспечить весьма быстрый экономический подъем Польши в середине и во второй половине XVIII в.

Кризис городов, ремесленного производства, финансов и торговли

Военные разорения и экономический упадок в целом наиболее катастрофически сказались на состоянии польских городов. Даже во второй половине XVIII в. города и городское производство еще не достигли уровня начала XVII в. Причиной столь глубокого и продолжительного упадка были не только военные потрясения, но и разорение крестьян, которые оказались не в состоянии покупать ремесленные товары и участвовать в городской торговле, и потребительская ориентация шляхты на много более качественную западную, а не польскую городскую продукцию, и отсутствие политики государственного протекционизма, и, наоборот, продолжавшаяся в интересах шляхты дискриминация горожан в экономической сфере, и, наконец, очень неблагоприятная для Польши международная экономическая конъюнктура, порожденная общеевропейской хозяйственной депрессией XVII в.

Результатом было сокращение городского населения, деградация ремесленного производства, общая аграризация городов. В особенно тяжелом положении оказались малопольские города, в

том числе Краков. Быстрее других из кризиса стали выходить Гданьск и Варшава, а также города в западной части Великой Польши. Горнорудные промыслы не пришли в полный упадок как раз потому, из-за чего разорялись города, а именно благодаря военным потребностям, заставлявшим королевский двор во что бы то ни стало поддерживать добычу металлов и соли.

Внешнеторговые обороты резко сократились из-за военных действий на Балтике, состояния западного рынка и роста конкуренции со стороны России. Попытки активизировать торговлю с Востоком оказались безуспешными. Этому сопутствовал и кризис денежного обращения. В 1688 г. было прекращено литье собственной монеты, а качество находящейся в обращении постоянно ухудшалось, что усугубляло инфляцию.

В целом во второй половине XVII — начале XVIII в. любая сфера хозяйственной деятельности была отмечена печатью глубокого упадка. Однако уже с середины XVIII в. польская экономика стала постепенно выбираться из этого критического состояния.

Хозяйственная стабилизация и подъем в XVIII в.

После окончания Северной войны Речь Посполитая в течение полувека не испытывала сколько-нибудь значительных военно-политических потрясений. Разоренная экономика достигла такого уровня в своем падении, после которого дальнейший упадок означает смерть. Государство не было способно, с одной стороны, остановить деградацию, с другой — выкачивать средства из страны путем налогов. Польша осталась практически без армии. Поэтому те деньги, какие были, «не съедались» административным аппаратом и войском. Наступила стагнирующая стабилизация. Это относительное равновесие эпохи Августа III было запечатлено в пословице: «При короле-саксонце ешь, пей и расслабляй ремень».

В середине века упадок стал сменяться хозяйственным оживлением. Более чем вдвое вырос объем гданьского хлебного экспорта. Во многих районах, особенно в Великой Польше, помещики переводили крестьян с барщины на чинш. Росли производительность труда, урожайность, объемы внутренней торговли. В магнатских латифундиях снова начали создаваться мануфактуры.

Экономическое развитие Речи Посполитой заметно ускорилось, и позитивные тенденции укрепились во второй половине XVIII в., особенно начиная с 1760-х гг. Стал быстро увеличиваться объем зернового экспорта. Правительству удалось стабилизировать

кредитно-денежную систему, открыв монетный двор в Варшаве. Появились польские банки, возникли полугосударственные компании и королевские мануфактуры. Наиболее заметными были хозяйственные успехи Великой Польши, где особенно быстро росло текстильное производство. Население Варшавы выросло в последние десятилетия XVIII в. с 30 до 100 тыс. человек. Благодаря государственной поддержке начался подъем горнодобычи, открывались новые шахты и восстанавливались старые, развернулась добыча каменного угля.

Характер, масштаб и причины этого позитивного сдвига поразному объясняются историками. Одни считают его вовсе незначительным, учитывая глубину и разрушительность предшествовавшего хозяйственного упадка, и понятие «кризис» распространяют на весь период вплоть до конца XVIII в. Другие, напротив, подчеркивают быстроту и значительность происходивших перемен, обеспечивших подъем и усиление Польши во второй половине XVIII в. Так или иначе, подсчеты Е. Топольского показывают, что в XVIII в. средний ежегодный рост производства в государстве равнялся 0,3—0,4%, что составляет 30—40% для всего столетия. Это вдвое ниже, чем аналогичные показатели для Англии и Франции, но значительный шаг вперед по сравнению с упадком, который переживала Польша во второй половине XVII — начале XVIII в.

Сельское хозяйство в XVIII в.

Новыми явлениями в сельском хозяйстве Речи Посполитой в XVIII в. были перевод крестьян с барщины на чинш и применение наемного труда в помещичьем хозяйстве. Это было вызвано тем, что старая система эксплуатации крестьянского труда себя исчерпала. Объем сельскохозяйственной продукции стал возрастать. Наметился прогресс в орудиях производства (снова начали применяться косы вместо серпов, в деревянном инвентаре становилось все больше железных деталей), расширился масштаб животноводства, появились новые культуры (табак и картофель), улучшилась агротехника. Однако трудно сказать, за счет чего был достигнут подъем производства — за счет роста производительности труда или повторного введения в оборот когда-то заброшенных земель. Известно также, что иногда вводимый чинш был настолько велик, что крестьяне отказывались от него и просили снова вернуться к барщине. В целом достигнутые в XVIII в. экономические успехи вырастали по-прежнему на феодальной почве и обеспечивались в основном крепостным трудом фольварочного крестьянства.

Развитие ремесленно-промышленного производства, торговли и финансов

XVIII век — эпоха индустриализации в истории Западной Европы. По сравнению с этим процессом развитие ремесленно-промышленного производства в Польше выглядит весьма скромно. Но тем не менее в малопольских владениях магнатского рода Малаховских возникли первые металлургические мануфактуры, объем продукции которых был весьма значителен. К концу XVIII в. производство железа в Польше составило 1,8 кг на душу населения, в то время как в немецких княжествах — 1,2 (а в Англии — 3,7). В Великой Польше наряду с железоделательными появляются текстильные, фаянсовые, кожевенные предприятия. В 1788 г. в Великой Польше около 2 тыс. ткачей были объединены в нескольких мануфактурах, причем часть их продукции шла на экспорт. Кроме того, возникало множество небольших полумастерских, полумануфактур в сельской местности — мельниц, пивоварен, мастерских по обжигу кирпича. В одной только Великой Польше к концу 1780-х гг. их насчитывалось 4200. Они возникали практически в каждой магнатской латифундии. Пример подавали Радзивиллы, в чьих владениях были предприятия по производству полотна, керамики, ковров и пр. Королевская власть предпринимала попытки создать сеть своих собственных мануфактур (особенно знамениты были мануфактуры Тизенгаузена в литовских королевщинах), но эта инициатива оказалась успешной только в добывающей промышленности, прежде всего в соляной. Королевская власть выступила и инициатором создания первых акционерных компаний — Компании шерстяных мануфактур и Общества полотняных заводов.

Мануфактуры, как и сельскохозяйственное производство, опирались главным образом на крепостной труд. Большинство из них просуществовало недолго, а рынок сбыта их продукции оставался очень узким. Экономика, как и прежде, была аграрной. Но тем не менее мануфактуры явились принципиально новой формой хозяйствования. Это были предприятия, во-первых, несравненно более крупные, чем средний фольварк, во-вторых, работавшие прежде всего на рынок, в-третьих, ломавшие старые цеховые структуры производства. Даже крепостной труд в них по некоторым параметрам сближался с трудом наемных рабочих, создавая тем самым предпосылки для появления в обществе новой социальной группы.

Вместе с мануфактурами, работавшими на рынок, формировался и сам рынок, предполагавший достаточно интенсивную торговлю и денежное обращение. Для его обслуживания нужны

были банки — и они возникли в Польше XVIII в. Создателями их выступали купцы, первоначально иностранные. В 1723 г. гугеноты основали в Варшаве банк, обладавший большим по тем временам капиталом, ставший во второй половине XVIII в. одним из крупных даже по европейским масштабам финансовых учреждений. Вслед за ним возникли и другие банки. Финансовая ситуация Речи Посполитой в целом становилась все более устойчивой.

Организаторами мануфактур, пайщиками первых акционерных компаний и банков являлись в основном магнаты, поскольку только они обладали достаточным капиталом. Рядом с ними в качестве основателя новых предприятий выступала и королевская власть. Такого типа предпринимательство вряд ли можно назвать капиталистическим или протокапиталистическим. Но встречались и купеческие, и даже крестьянские по капиталу мануфактуры, которые использовали наемный труд и которые без оговорок могут быть названы капиталистическими. Поэтому нельзя отрицать присутствие в Речи Посполитой второй половины XVIII в. элементов будущего капиталистического уклада в экономике.

Каков общий итог экономического развития Речи Посполитой к концу XVIII в.? Этот вопрос имеет значение не только сам по себе, но и в связи со спорами о причинах разделов Речи Посполитой. Очевидны позитивные изменения и обретение польской экономикой положительной динамики. Несомненно и зарождение в Польше элементов нового, капиталистического, уклада в недрах феодального хозяйства. Но вне всякого сомнения и то, что успехи польской экономики выглядят внушительными на фоне предшествовавшего разрушительного кризиса. Кроме того, нужно иметь в виду, что Речь Посполитая складывалась из многих регионов, одни из которых, действительно, двинулись вперед (например, Великая Польша), другие оставались на прежнем уровне, третьи были глубоко отсталыми (значительная часть Мазовии, Малой Польши, восточных земель). В целом же и в конце XVIII в. Речь Посполитая была слабой в экономическом отношении и с точки зрения социально-производственных структур державой.

ПОЛЬША ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XVII–XVIII вв.: СОЦИАЛЬНАЯ СТРУКТУРА

Экономический и политический упадок, в который погрузилась Речь Посполитая в середине XVII в., сопровождался разложением традиционных социальных структур. Главной чертой социального кризиса можно считать дезинтеграционные процессы

в межсословных и внутрисословных отношениях, а также в связях между территориями Речи Посполитой, между центром и периферией. В середине же и во второй половине XVIII в. вместе с экономическим подъемом и политическими реформами традиционная сословно-классовая структура общества начала перестраиваться. Стал меняться облик главных социальных групп, появились новые социальные слои, изменился характер межгрупповых связей и отношений между регионами Речи Посполитой.

Крестьянство

Едва ли не главная характеристика в эволюции крестьянства как сословия во второй половине XVII — первой половине XVIII в. — резкое ухудшение его материального и правового статуса и внутренняя дифференциация. В этот период заметно увеличился удельный вес наиболее бедных слоев деревни — загродников, халупников и коморников. Несмотря на законодательные запреты принимать крестьян без земли, в деревне становилось все больше «люзных людей», в использовании которых были заинтересованы землевладельцы. С другой стороны, из-за сокращения сферы товарно-денежных отношений и сужения контактов с городом ослабли связи крестьян с окружающим миром.

Все эти процессы сопровождались усилением власти землевладельцев над крестьянами и ограничением их нефиксированных традиционных сословных прав. Связь крестьянина с землей все чаще рассматривалась не как эмфитевтическое право (право неотчуждаемого и наследственного пользования), а как бессрочная аренда. Это позволяло феодалам сгонять крестьян с земель, продавать их без надела (правда, последнее не получило широкого распространения). Чаще всего такие случаи были как бы наказанием за самовольный уход. Преступлением считался и брак, не санкционированный землевладельцем, который был вправе распоряжаться даже личной жизнью крестьян. Община как форма корпоративной организации крестьян практически перестала существовать.

В условиях военных разорений и общего хозяйственного упадка заметно понижалась материальная культура деревни. Намного ухудшилось качество жилья и питания, привычным стал голод, о гигиене быта не приходилось и говорить (скотину снова стали держать в избах), повысилась заболеваемость и смертность, крестьянство физически деградировало от недоедания, болезней и чрезмерного труда (барщина доходила до 12 дней с лана в неделю).

Все это вело к росту социальной напряженности в деревне. Но до сколько-нибудь сильных и продолжительных классовых конфликтов в собственно польских землях дело не дошло. Даже вспыхнувшее на Украине крестьянско-казацкое восстание под руководством Богдана Хмельницкого практически не распространилось на польские территории. Правда, в 1651 г. в Подгалье действовали отряды крестьян под руководством Костки Наперского, и в этом движении некоторые историки видели продолжение украинского крестьянского антифеодального восстания. Позднейшие исследования (например, А. Керстена) опровергли это мнение.

Известны и некоторые другие случаи столкновения крестьян и землевладельцев (например, коллективные отказы исполнять повинности, акты вооруженного сопротивления крестьян произволу землевладельца, организованные совместные уходы на новые территории), однако в целом польская деревня даже в годы самого жесточайшего кризиса избежала серьезных крестьянских выступлений. Причина заключалась, видимо, в том, что крестьяне имели возможность уйти на восточные территории, где государство было бессильно контролировать их передвижения.

В середине и во второй половине XVIII в. по мере преодоления хозяйственного кризиса положение крестьян стало улучшаться, хотя и очень медленно. Вместе с тем продолжалась социальная дифференциация деревенского населения. Халупники и коморники, которых становилось все больше, иногда выступают уже в качестве рабочей силы в хозяйствах зажиточных крестьян и помещиков. Снова со всей остротой встала проблема «люзных людей». С другой стороны, начал формироваться слой богатого крестьянства, способного даже участвовать в предпринимательстве. И хотя было еще далеко до капиталистического расслоения деревни, но все говорило о кризисе феодальных структур и формировании новых социальных групп на селе.

Польские горожане

Экономический, политический и военный кризис этого времени еще сильнее ударил по горожанам. Число их заметно сократилось, так как приток новых переселенцев был очень незначительным и никак не восполнял демографических потерь городов. Участие в политической жизни было практически сведено к нулю, хотя Краков, Вильно и Гданьск (а со второй половины XVII в. также Львов, Люблин и Каменец-Подольский) имели право посылать своих наблюдателей в сейм и сеймики. Города оказались

практически в полной зависимости от шляхты, потому что большинство их было расположено в частных владениях, а в городах на королевских территориях значительная часть земли принадлежала феодалам. В правовом отношении горожане оставались дискриминированы, как и прежде.

Города Речи Посполитой были очень неоднородны в этническом и конфессиональном отношениях. Их население состояло из поляков и литовцев-католиков, православных украинцев и белорусов, немцев, многие из которых являлись протестантами, евреев, армян. Одна из особенностей этого периода — быстрое возрастание удельного веса еврейского населения в городах. И именно этнорелигиозные конфликты, а не столкновения патрициата и плебса или всех горожан с феодалами стали преобладающей формой внутренней социальной конфронтации в польском городе.

Материальная культура городов в рассматриваемый период деградировала едва ли не больше, чем деревни. Впрочем, многие местечки мало чем отличались от сел. Голод, болезни, жестокость, невежество, страх, темные суеверия стали культурными доминантами городской жизни во второй половине XVII — начале XVIII в.

Вторая половина XVIII в. отмечена стремительным возрастанием социального, экономического, политического и культурного значения городского сословия в жизни Речи Посполитой. Это особенно заметно при сравнении начавшихся процессов с кризисом польского города в предшествующую эпоху. Наиболее значительная роль в этом принадлежит Варшаве. В ней и некоторых других крупных городах стал формироваться, с одной стороны, пролетариат (или протопролетариат), с другой — слой зажиточных купцов, предпринимателей, банкиров, по стилю жизни близких магнатерии. Одновременно формировались профессиональные группы учителей, врачей, адвокатов, людей искусства — будущей интеллигенции. В годы Великого сейма и по Конституции 3 мая 1791 г. польские горожане получили, наконец, ряд важнейших сословных прав — право владеть землей, занимать государственные должности, неприкосновенности личности, а также ряд новых прав в сфере судопроизводства.

Шляхта и магнатерия

В годы кризиса социальный облик шляхетского сословия переменился в двух отношениях. С одной стороны, магнаты все более и более отрывались от основной массы шляхты, среди которой самой многочисленной становилась прослойка безземельной

или малоземельной шляхты — голоты. Она попадала в прочную зависимость от магнатов и составляла их клиентелу в политической жизни. Но и средняя шляхта в условиях драматического кризиса фольварочного хозяйства также находилась в жесткой зависимости от магнатов и составляла другую часть магнатской клиентелы. Та часть средней, мелкой и безземельной шляхты, которая оказывалась связана с той или иной латифундией, образовывала новую группу так называемой «дворской шляхты». При этом шляхта одной земли была оторвана от шляхты других территорий, региональные социальные связи усиливались в ущерб общенациональным.

С другой стороны, в шляхетском самосознании все более укреплялось представление о едином «народе-шляхте». Любые указания на реальные социальные различия между бедной шляхтой и магнатами тщательно удалялись из сеймовых документов и официальной политической риторики. Правовая унификация статуса шляхты была доведена до всех мыслимых пределов. Отмена «русского языка» в судах и канцеляриях Великого княжества Литовского сняла последнюю препону на пути полного слияния дворянства двух частей Речи Посполитой. Католическая культура Барокко, однородная система воспитания и образования, светская мифология сарматизма и вообще вся сословная субкультура шляхетства обеспечивали живучесть и прочность интегрального шляхетского самосознания. И вместе с тем события первой половины XVIII в. показали, что шляхта как сословие была уже неспособна управлять Польшей и обеспечить суверенитет польского государства.

В середине и во второй половине XVIII в. происходят быстрые перемены. Формируются так называемые «новая шляхта» и «новая магнатерия». Их отличие от старого дворянства затрагивало не столько правовой статус или экономическую роль, сколько культуру, уклад жизни, мировоззрение. Интеллектуально и ценностно это дворянство было ориентировано на Запад. Именно эти социальные группы составили главную опору предпринятых в Польше преобразований.

ПОЛЬША В XVII–XVIII вв.: КУЛЬТУРА

Большая часть XVII и XVIII вв. в истории Польши приходится на периоды господства культуры Барокко и Контрреформации. С 30–40-х гг. XVIII в. можно отсчитывать эпоху Просвещения в истории польской культуры. На протяжении обоих столетий

польская культура была включена в общеевропейские культурные процессы, представляя их региональный вариант. Культура Барокко была теснейшим образом связана с Контрреформацией и Католической Реформой в Европе; культура Просвещения — с секуляризацией и дехристианизацией.

Контрреформация и Католическая Реформа

Понятие Контрреформации традиционно и издавна употребляемо. Оно обозначает борьбу католической церкви против Реформации и протестантизма. Понятие Католической Реформы, напротив, сравнительно ново, особенно для отечественной историографии. Под Католической Реформой понимаются преобразования внутри католической церкви, которые развертывались параллельно протестантской Реформации и в известном смысле были схожи с ней настолько, насколько способствовали, как и протестантизм, модернизации религиозной культуры.

Контрреформация развернулась в Польше с 1560-х гг., сразу вслед за завершением последней сессии Тридентского собора католической церкви (1545–1563). Нельзя сказать, что до этого католическая церковь не пыталась остановить наступление протестантизма, но только после Тридентского собора эти действия приобрели последовательный и программный характер и охватили всю Европу.

Польская Контрреформация ассоциируется с двумя именами — кардинала Станислава Гозия и иезуита Петра Скарги. Оба действовали в одном направлении, мобилизуя церковь и особенно монашество на борьбу с протестантизмом всеми доступными средствами. Какими именно?

Особенность Польши состояла в том, что здесь невозможно было полагаться на методы прямого насилия и принуждения, поскольку свобода вероисповедания гарантировалась шляхте Варшавской конфедерацией в 1573 г. Поэтому для того, чтобы вернуть в католическую церковь дворян и их подданных, нужно было опираться прежде всего на пропаганду, убеждение, полемику с протестантизмом. Главную роль в этой работе по «перевоспитанию» общества и отвращению его от протестантизма играли иезуиты. А одним из самых эффективных орудий их борьбы с протестантизмом оказались созданные иезуитским орденом школы — коллегии, в которых вводились новые принципы и программы обучения, впитавшие лучший опыт европейской педагогики того времени. Высокий уровень преподавания и бесплатное обучение привлекали в коллегии протестантов, многие из которых впоследствии обращались в католицизм.

Чрезвычайно разнообразными были используемые Контрреформацией методы пропаганды. Тут и издание многочисленных полемических произведений и агитационных брошюр, и организация диспутов, и создание религиозных братств, и проведение пышных праздничных процессий, и прямое массированное миссионерство, и насаждение культа католических святых, и использование театра и живописи для пропаганды программы Контрреформации.

Наряду с этими ненасильственными методами борьбы с Реформацией использовались и приемы прямого административного давления на протестантов. Сигизмунд III Ваза под влиянием иезуитов раздавал государственные должности и королевщины прежде всего католикам. Католики, заседавшие в судах, издавали решения, дискриминировавшие протестантов. В сейме католическая партия торпедировала всякую попытку придать Варшавской конфедерации силу незыблемого закона. Во многих городах протестантам был закрыт доступ в цехи и к должностям в городском самоуправлении. В деревне крестьян обязывали посещать церковь, принимать участие в процессиях, регулярно исповедоваться и причащаться. Не обошлось, разумеется, и без ряда погромов протестантских общин.

Результатом всех этих целенаправленных действий было формирование в Польше конфронтационной атмосферы и воспитание нового поколения шляхты, искренно религиозной и преданной католицизму.

Борьба с протестантизмом сопровождалась внутренними преобразованиями в католической церкви — Католической Реформой. Эти перемены коснулись всех уровней и структур церкви. В приходах священники стали регулярно читать проповеди, создавать религиозные братства, побуждать прихожан к частой исповеди и причащению, устраивать впечатляющие процессии, проводить систематическую катехизацию молодежи. В случае необходимости они обращались за помощью к землевладельцу и местной администрации.

Монашество, казалось бы, пришедшее в упадок в XVI в., стало не только возрождаться, но и приобретать новую силу. Стремительно росло число монастырей и монахов (в три раза с 1600 по 1700 г.!), расширяли деятельность старые и появлялись новые ордена. Монахи становились главными организаторами религиозной пропаганды, полемики и церковного книгоиздания. Из них же рекрутировались учителя в церковные школы.

Епископы начали совершать регулярные инспекционные поездки (визитации) по своим епархиям (они не должны были

отлучаться из них на долгий срок), создавались семинарии для подготовки низшего духовенства. Образовательный уровень духовенства повысился, дисциплина существенно улучшилась, моральный облик не вызывал стольких нареканий, как прежде.

Укрепились связи польской церкви с Римом, папский нунций с 1556 г. постоянно находился в Польше, а епископы должны были регулярно отчитываться в Риме о своей деятельности. Церкви удалось установить теснейший союз с государством, который на протяжении XVII в. усиливался с каждым десятилетием.

Вместе с тем по мере того как ослабевало сопротивление протестантов и господство католицизма в Польше становилось все более бесспорным, польский католицизм терял свою энергию, наступательность и силу. В конце XVII — первой половине XVIII в. в условиях монопольного владычества и внешнего триумфа в Польше католическая культура снова начинает клониться к упадку. Религиозная жизнь наполняется невежественными суевериями, интеллектуальная культура духовенства примитивизируется, церковь становится косной и малоподвижной, не способной ответить на новые культурные потребности общества.

Культура Барокко

Культурную эпоху, наступившую в Европе вслед за Ренессансом, называют эпохой Барокко. Само происхождение термина до сих пор неясно. Он был заимствован историками у искусствоведов, в чьих трудах этот неологизм обозначал художественный стиль, отмеченный вычурностью, дисгармоничностью, любовью к контрастам и гиперболам, и противопоставлялся эстетике Ренессанса. Когда-то в Барокко видели только деградацию возрожденческой культуры, время, не имевшее собственных отличительных характеристик, некий культурный провал между Ренессансом и Просвещением. Позднее Барокко стали рассматривать как оригинальную и имеющую огромное значение эпоху в истории европейской культуры.

Культура Барокко в Польше, как и в других странах, теснейшим образом связана с Контрреформацией и Католической Реформой. Однако было бы ошибкой приравнять ее к культуре католической церкви, а всю польскую культурную историю XVII — первой половины XVIII в. рассматривать в связи с историей католицизма. Большой вклад в культуру Польши внес и протестантизм, а значительный сектор культуры вообще оставался вне существенных религиозных влияний.

Культура Барокко связана с определенным типом мироощущения, выразившимся и в литературе, и в искусстве, и в

общественной мысли. Оно было построено на контрастах. Жизнелюбие сочеталось в нем с повышенным вниманием к теме смерти, радостные мотивы — со скорбными, обостренная религиозность — с разнузданным гедонизмом, смирение — с гордыней, насилие и грубость — с любовью к утонченным формам, восхваление героизма — с проповедью квиетизма.

Наиболее полное выражение эти черты мировоззрения Барокко получили в польской литературе, представленной целым созвездием ярких имен. Среди писателей раннего Барокко наибольшую известность приобрел Николай Сеп-Шажинский, а в эпоху расцвета барочной литературы — католики Матвей Сарбевский, Самуэль Твардовский, Веспасиан Коховский и Ян Морштын, ариане Вацлав Потоцкий и Збигнев Морштын. Это имена писателей и поэтов только «первого ряда». За ними стояли многие другие. Литературное творчество, составление дневников и воспоминаний, компиляция компендиумов семейных преданий, обращение друг к другу с длинными посланиями — все это стало широко распространенным явлением в шляхетской среде. Из дневников этого времени особо следует выделить записки Яна Хризостома Пасека, заурядного польского шляхтича XVII в., наделенного незаурядным литературным дарованием, который прекрасно выразил характерные черты шляхетского менталитета.

Наряду с литературой особое место в культуре польского общества заняло искусство. Главное заключалось в том, что переменилось само отношение к искусству. Не только король, но и магнаты, и зажиточные шляхтичи, и горожане стремились привлечь в свои дома художников, скульпторов, архитекторов, труд которых стал очень высоко цениться. Возросла роль искусства в каждодневной жизни. В магнатских резиденциях и при королевском дворе устраивались театральные представления и музыкальные концерты. Для больших религиозных праздников специально писались стихи, создавались музыкальные композиции, декорации и росписи. Свадьбы и похороны включали в качестве непременного компонента пышные процессии, орации и исполнение сложных театрализованных ритуалов.

Ученые занятия становятся профессией, и польская наука эпохи Барокко развивается в русле общеевропейских научных исканий. Она тяготеет к энциклопедизму. Примером ученого-энциклопедиста этого времени был Шимон Старовольский. Но можно назвать и ученых, работавших в отдельных областях научного знания, — например Коханского в механике, Брожека в математике. Традиционно большое место занимала связанная с теологией философия. Расцвет переживала историография.

Продолжало возрастать значение образования и просвещения в обществе. Церковные школы существовали практически в каждом приходе, а в городах, монастырях, при епископских кафедрах открывались школы повышенного уровня и семинарии для подготовки духовенства. Особенно большое значение в системе образования, как уже говорилось выше, приобрели иезуитские коллегии. Наряду с ними существовали и протестантские школы аналогичного уровня. Краковский университет по-прежнему оставался главным центром высшего образования, хотя и стал очень консервативным и потерял былой авторитет. Рядом с ним возникли коллегии, а в Вильне, в Замостье, во Львове — сходные с университетами академии. Протестантским центром высшего образования, привлекавшим многих поляков, был Кенигсберг в Восточной Пруссии. Антитринитарии (Польские братья) создали свою академию в Ракове, которая приобрела славу «Сарматских Афин». Большое значение, как и прежде, имело продолжение образования за границей.

Разумеется, польская культура этого времени оставалась сословно дифференцированной. Крестьянская жизнь текла в стороне от придворных празднеств в магнатских резиденциях. С другой стороны, философы-энциклопедисты были далеки от культуры «подлого сословия». Шляхта выработала свою особую субкультуру сарматизма. Кроме того, в течение XVII — первой половины XVIII в. польская культура не стояла на месте, а переживала периоды подъема и спада, не говоря уже о том, что Речь Посполитая включала представителей многих этносов и конфессий. Все это нужно иметь в виду, говоря о польской культуре эпохи Барокко в целом.

Культура Просвещения

На смену Барокко в истории польской культуры пришло Просвещение. Это была эпоха, выраставшая не столько на собственно польской почве, сколько привнесенная извне, поскольку во второй половине XVII — первой половине XVIII в. в культурном развитии Польша существенно отстала от Запада.

Идеология и ценностные ориентиры Просвещения начинают проникать в Польшу при Августе III, но по-настоящему культура Просвещения укореняется здесь в годы правления Станислава Августа Понятовского. Новые веяния сталкиваются с традициями католического Барокко и сарматизма. Современники аллегорически говорили о конфликте «усов и парика». За сарматскими «усами» стояли старые добрые традиции, за «париком» — западные влияния, и прежде всего французские, породившие в

Польше своего рода галломанию, которой были недовольны ревнители старины.

Галломания выражалась в широком распространении французского языка, занимавшего место латинского; в переводе на польский французских книг; в волне французской моды; в частых путешествиях в Париж и переписке деятелей польской культуры с деятелями французского Просвещения, да и вообще в популярности всего французского. Конечно, это не значит, что менее интенсивными были связи Польши с Германией или Италией.

Под влиянием интенсивных связей с Западом в Польше стали распространяться идеи и настроения, характерные для культуры Просвещения. Вместе с тем деятели польского Просвещения старались синтезировать западную культуру с польскими национальными традициями. Характерен пример Яна Потоцкого, который был воспитан за границей, свободно говорил по-французски, но в 1780-е гг. демонстративно отказался от французского платья и стал носить польский шляхетский кунтуш. Новую идеологию и связанное с ней культурное движение называют «просвещенным сарматизмом». Как пишут польские историки, в споре «усов и парика» «польские идеологи выбирали не первое, и не второе, а голову».

Вместе с новой идеологией распространялись и новые вкусы, и новый уклад жизни. На место пышной величавости в обращении приходит элегантность и светский лоск, танцы и игра в карты заменяют обильные возлияния за долгими обедами и игру в кости, высоко стала цениться способность вести остроумный галантный разговор, отношение к религии приобретает все более критический и даже насмешливый характер, в моду входит вольтерьянство с его антиклерикализмом, чай, кофе и шоколад приходят на смену старым польским напиткам, адюльтер и едва ли не открытые внебрачные связи начинают восприниматься в высшем обществе как нормальное явление. Конечно, все эти перемены затронули лишь верхние слои общества, но именно они образовывали общий вектор культурной перестройки. Духовная же культура большинства населения, особенно крестьянства, еще долгое время оставалась во власти прежних традиций.

Перемены в образовании, науке и литературе

Новые веяния давали о себе знать практически в каждой области культурной жизни. Особенно заметны их плоды были в сфере образования. Здесь начиная уже с 1740-х гг. изменилась та модель образования, которая была внедрена в польскую культуру

иезуитами в эпоху Контрреформации. Первыми, кто стал менять программы и методы обучения, были монахи-театинцы, вслед за ними — пиары, один из которых, Ст. Конарский, создал новую по типу школу — шляхетский корпус (Collegium Nobilium). В 1765 г. было открыто первое светское высшее учебное заведение — Рыцарская школа, готовившая офицеров для польской армии. К реформам приступили и иезуиты, но в 1772 г. их орден был распущен, имущество и школы переданы в распоряжение Комиссии народного просвещения, развернувшей реформу образования на всех уровнях. Прежде всего это коснулось Краковского и Виленского университетов. В них было ограничено преподавание теологии, место латинского языка в обучении занял польский, расширились кафедры точных и естественных наук. Второй уровень в системе образования был представлен отныне 74 средними школами. В них вводилась новая программа обучения, отменялось изучение теологии, сокращался курс латыни, зато появилось преподавание истории, географии и иностранных языков. Приходские школы оставались в ведении церкви, но для них начали издаваться специальные учебники.

Эпоха Станислава Августа Понятовского была слишком коротка, чтобы предпринятые реформы успели принести конкретные результаты в масштабе всего государства. Однако повышение уровня грамотности и образованности городского населения стало очевидно еще до конца XVIII столетия.

Вместе с реформами в области образования большого прогресса достигло развитие науки. Появились первые научные периодические издания (например, «Новые экономические и ученые ведомости, или Собрание вещей, для счастья человеческой жизни необходимых», «Собрание разного рода сведений из области свободных наук, философии, естественного права, истории и моральной политики») и научные общества. Крупными учеными стали братья Ян и Енджей Снядецкие (первый — в астрономии, математике, географии; второй — в химии, биологии и медицине). В философии особенно большая роль принадлежала Гуго Коллонтаю и Станиславу Сташицу. Они же были выдающимися польскими публицистами своей эпохи. Адам Нарушевич создал монументальную «Историю польского народа», заложив основы современной научной историографии Польши.

Польская литература переживала быстрый подъем и обновлялась. Широкое распространение получили комедийные и сатирические жанры, на этом поприще особенно прославились Игнаций Красицкий и Франтишек Богомолец. Станислав Трембецкий и Каэтан Венгерский открыли новую эпоху в истории польской поэзии. Войцех Богуславский основал польский оперный

театр и поставил первую польскую оперу «Осчастливленная нищета». Труппа Богуславского получила название «Национальный театр». В 1790-е гг. были написаны первые полонезы Михаила Огинского. Таким образом, складывалась польская национальная музыкальная школа.

В живописи, скульптуре и архитектуре ведущую роль играли французские и итальянские мастера, но в конце XVIII в. заявили о себе и яркие польские имена. Француз Норблин оставил ряд очень выразительных и точных зарисовок варшавской жизни начала 1790-х гг. и времени национального восстания 1794 г.

В целом польская культура второй половины XVIII в. развивалась в общеевропейском русле и ритме и, несомненно, переживала подъем.

ЧЕШСКИЕ ЗЕМЛИ В СРЕДНИЕ ВЕКА И РАННЕЕ НОВОЕ ВРЕМЯ

ДОФЕОДАЛЬНЫЙ ПЕРИОД ИСТОРИИ ЧЕХИИ И СЛОВАКИИ

Первобытно-общинный строй

Земли современных Чехии и Словакии были заселены еще в период нижнего палеолита, о чем свидетельствуют данные археологии. Первыми людьми на этой территории, о которых сохранились письменные источники, были кельты, пришедшие сюда в IV—II вв. до н.э. Одно из этих племен — бои — заняло северную часть Чехии и Моравии, а впоследствии проникло и на юг. В южной части Словакии осело другое кельтское племя — котини. Кельты достигли высокого уровня развития производительных сил. Они добывали металл из руды, использовали железные земледельческие орудия. Ремесло начало отделяться от земледелия. Уже заявили о себе религия и искусство. На заре нашей эры кельтов вытеснили германцы, пришедшие с севера и запада. Чехию заняли маркоманы, Словакию — квады. С I по IV вв. н.э. в Подунавье располагались римские легионы. Они вели постоянные войны с германцами. В IV—V вв. маркоманы ушли в Баварию. Через Чехию прошли в Италию лангобарды, а через Словакию — готы.

В конце V и в VI вв. на территорию Чехии и Словакии пришло славянское население. По существу, это была земледельческая колонизация почти опустевших удобных земель. Главным занятием славян являлось земледелие и разведение скота, они занимали ранее обжитые территории, а также расширяли их корчеванием лесов. Земледельческая техника славян обеспечивала жизнь и некоторый рост численности населения. Славяне выращивали пшеницу и просо, а также рожь, горох, чечевицу, коноплю, овощи, собирали и дикорастущие плоды. Они разводили в основном рогатый скот, знали обработку дерева, глины, кости и рога, элементарное текстильное производство. Довольно высокого уровня достигла обработка металла. Славяне жили преимущественно в селениях деревенского типа, но по истощении почвы (15—20 лет) перемещались на другие участки.

Что касается общественного строя, то славяне, по-видимому, переживали период перехода от родовой организации к военной демократии. Основной ячейкой общества являлась община из нескольких семей, всего 50—60 человек. Характер общины не определен.

«Держава» Само

В начале VI в. в Центральную Европу проникли кочевники авары. Во второй половине века они заняли римскую провинцию Паннонию, откуда нападали на франков, Византию и особенно на славян, с которых брали трибут, т.е. определенные суммы денег за сохранение мира, вынуждали их принимать участие в своих военных акциях и т.д. В 623–624 гг. славяне восстали. К ним присоединился франкский купец Само со своей дружиной. Единственный источник об этих событиях — хроника Фредегара (ок. 660 г.) — повествует о поражении аваров и избрании Само вождем славян. В 631 г. возник конфликт между Само и франкским королем Дагобертом I (629–638), в результате которого славяне разгромили франков и их союзников лангобардов и алеманов, вторглись во франкское королевство и привлекли на свою сторону князя лужицких сербов Древана. «Держава» Само, располагавшаяся частично на территории Чехии, а также лужицких сербов, представляла собой племенной союз, как оборонявшийся против врагов, так и совершавший грабительские набеги на соседей. Судя по хронике Фредегара, Само правил в течение 35 лет. В настоящее время высказывается мнение, согласно которому ядром территории «державы» была Южная Моравия и смежные с ней части Нижней Австрии.

В течение VIII и IX вв. область расселения славян расширяется. Наиболее обжитой становится Южная Моравия, где создаются укрепленные грады и целые окру́ги. Округа с центром в Микульчицах являлась, вероятно, княжеским центром, важна была также округа Нитры в Словакии. Между территориями Чехии и Словакии имелся широкий пояс незаселенных земель. В чешской области тоже возникали укрепленные грады, в частности Пражское укрепленное городище в IX в. Это свидетельствует о стабилизации заселения территории и дальнейшем развитии производительных сил. Судя по данным археологии, в VIII–IX вв. высокого уровня достигло земледелие славян, что обеспечивалось и развитием ремесла, вышедшего на европейский уровень. Археологи обнаружили 24 печи для выплавки стали, в градах развивались кузнечное ремесло и обработка дерева, из которого также строились жилища. Получили распространение бондарное и гончарное производство. Существовало и производство украшений из золота, серебра, стекла, сосредоточенное в основных центрах. Украшения и мелкие предметы бытового назначения делались из кости и рога, ткани — из льна, конопли, шерсти. В IX в. развивалось строительное дело. Известно 18 каменных церквей той эпохи.

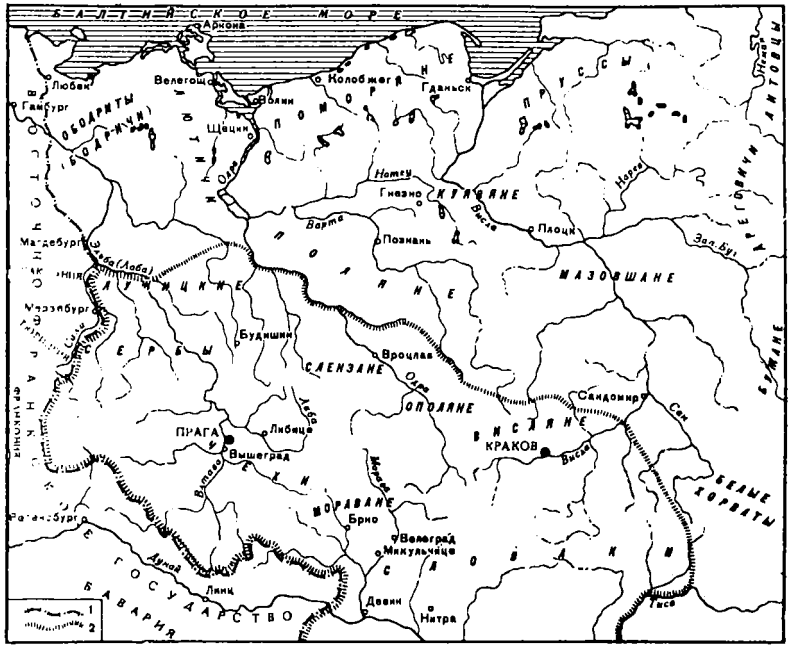
Все это предполагает значительную имущественную дифференциацию общества, о которой свидетельствует и развитие

внутреннего обмена и торговли. Предметами ввоза были драгоценные металлы, янтарь, дорогие ткани, оружие — для богатых слоев общества. Ввозилась также соль. Уже использовались деньги, но нерегулярно, а цена выражалась, вероятно, в весовых единицах драгоценного металла (солид). Главная торговая магистраль — Дунай — соединяла Кордовский халифат через Франкскую империю с землями Азии. Археологические и письменные источники дают основание предполагать, что в обществе IX в. формировались высшие слои из членов княжеских дружин и представителей администрации. Но в рамках родового строя классообразование только начиналось.

ВЕЛИКАЯ МОРАВИЯ И ЕЕ КУЛЬТУРНОЕ ЗНАЧЕНИЕ

О политической истории общества на территории Чехии и Словакии после исчезновения племенного союза Само сведений нет. Славяне этих регионов принадлежали к одной этнической группе, но после расселения в различных местах их общественные отношения имели некоторые особенности. Наиболее благоприятными были условия в Моравии.

В источниках IX в. мораване всегда выступают под единым именем и во главе с единым князем, власть которого являлась наследственной. Правил род Моймировцев (по князю Моймиру, ок. 830—846 гг.). В 822 г. моравские и чешские вельможи участвовали уже во Франкфуртском сейме, находясь, однако, еще в зависимости от Франкской империи. В Западной Словакии возникло княжество Прибины в Нитре. В результате борьбы Моймира и Прибины Нитранское княжество ок. 833—836 гг. было присоединено к владениям Моймира, а Прибина изгнан из Нитры. Это завершило интеграцию владений к северу от среднего течения Дуная. Началось образование государства, названного позже Великой Моравией. Людовик Немецкий, считая Великую Моравию областью своего влияния, посадил на ее престол после смерти Моймира (846) его племянника Растислава, воспитанного при восточнофранкском дворе. Растислав (846—870; он же Ростислав) стремился освободиться от опеки. Он воспользовался выступлением против короля нескольких графов и сына Людовика Карломана и оказал им поддержку. В 853 г. Людовик Немецкий начал войну против Растислава, а в 855 г. франкское войско вторглось в Моравию и опустошило ее. Но Растислав, отсидевшись в укреплении, перешел в контрнаступление и изгнал войско Людовика. Чтобы получить поддержку в борьбе против этого короля, Растислав



Западные славяне в VIII—IX вв.
1 — западная граница расселения славянских племен; 2 — приблизительные границы Великоморавской державы

установил контакт с византийским императором Михаилом III, которого попросил выслать миссионеров для разъяснения населению сущности христианской веры. Он стремился к созданию в Моравии местного духовенства, подчиненного непосредственно князю. В 863 или 864 г. в Моравию прибыли Константин Философ и его брат Мефодий, оба родом из Солуни. Они знали славянский язык, а Константин составил особый алфавит, отвечавший фонетическим особенностям славянской речи.

В 864 г. Людовик Немецкий вновь вторгся с войском на территорию Моравии и на этот раз вынудил Растислава признать его зависимость от франков. Впрочем, моравский князь верности Людовику не хранил. При этом Растислав еще и вступил в конфликт со своим племянником Святополком, который управлял Нитранским княжеством на правах удельного князя. В 869 г. Карломан разорил Нитранский удел, а Святополк решил свергнуть своего дядю с престола. В 870 г. он захватил Растислава в плен и выдал Карломану. Моравский князь был ослеплен в

Регенсбурге, а Святополк уже на правах франкского вассала стал править в Моравии. Однако в 871 г. Карломан посадил Святополка в темницу, объявил Моравию частью Восточной марки, передав управление ею графам Энгелшалку и Вильгельму. Моравяне восстали против наместников и, считая, что Святополка уже нет в живых, избрали князем его родственника Славомира. Тогда Карломан пошел на сговор со Святополком, выпустил его из заключения и послал в Моравию. Но Святополк уничтожил баварские гарнизоны в Моравии. В 872 г. сам король Людовик Немецкий во главе саксонского и тюрингского войска вторгся в Моравию, но потерпел жестокое поражение. В 874 г. был заключен мир. Святополк присягнул на верность королю и обязался платить трибут. Но фактически Людовик примирился с независимостью Моравии, а после его смерти держава Святополка достигла наибольшего расширения своей территории: в нее входили Моравия, Западная Словакия, Чехия, сербские племена по р. Сала, сербы лужицкие, силезские племена, висляне Краковской земли, славяне Паннонии. Но государство не было централизованным и не имело единой системы управления. Святополк правил лишь на собственно моравской территории, на остальных — местные князья, которые, однако, Святополку подчинялись, платили ему трибут и по его требованию выставляли военные силы. Таким образом, Великая Моравия представляла собой конгломерат зависимых территорий, объединенных вокруг центральной части военно-административными связями.

Восточнофранкская империя не могла воспрепятствовать росту могущества Святополка, власть которого оставалась незыблемой вплоть до его смерти в 894 г.

Великая Моравия — особый тип раннего средневекового государства. Во главе стоял князь, имелись вельможи с собственными дружинами, остальное население именовалось «народом». Это были свободные землепашцы с еще слабой социальной дифференциацией. Представлявшая государственность моймировская династия обладала наследственными правами княжения. Одну из основных функций государственного аппарата составлял сбор дани и налогов. Членами управленческого аппарата являлись вельможи. Главной опорой и органом исполнительной власти была хорошо вооруженная княжеская дружина, сосредоточенная в центрах: Микульчицах, Бржецлав-Поганске, Дуцове, Старом Месте и др. Существовали дружины и при дворах вельмож. Они содержались за счет военных трофеев и дани с населения.

По социальной структуре Великая Моравия представляется образованием переходного типа, приближавшимся к раннефеодальным государствам.

Что касается христианизации, то Константин и Мефодий были уже не первыми миссионерами на этой территории. В 831 г. в Регенсбурге крестились несколько моравских князей, а в 845 г. — 14 чешских князей вместе с их дружинами. Но миссионерская деятельность тех десятилетий была тесно связана с укреплением франкского политического влияния, и, поняв это, Растислав принял меры к созданию собственного клира. Константин и Мефодий за короткое время подготовили несколько кандидатов в священники. В 867 г. Константин, Мефодий и группа их учеников отправились в Рим, и кандидаты были рукоположены. Константин в 868 г. ушел в монастырь и принял монашеское имя Кирилл (умер в 869 г.). Папа Гадриан (Адриан) II разрешил в Моравии славянскую литургию и назначил там главой церкви Мефодия. Но баварские епископы отрицательно отнеслись к славянской литургии, так как появление собственного духовенства предоставляло моравам возможность отказаться от баварских миссионеров. Мефодия заключили в темницу, где продержали три года. После вмешательства нового папы Иоанна VIII Мефодий был отпущен, а затем, уже в сане архиепископа, прибыл в Великую Моравию. Однако между Святополком и Мефодием возник конфликт: в 879 г. князь обратился к папе с жалобой, что архиепископ «учит неправильно». Но Мефодий был оправдан. В 880 г. вышла папская булла с одобрением письменности, созданной покойным Константином, и приказом славить Христа, а также читать в церквах Евангелие на славянском языке. Мефодию папа подчинил двух епископов — нитранского Вихинга и еще одного, имя которого нам неизвестно. Немец Вихинг интриговал против Мефодия, доносил на него папе, подделывал документы. Мефодий перед своей смертью в 885 г. проклял Вихинга, назначив своим преемником Горазда. Смерть Мефодия означала конец славянской миссии. Святополк уже не имел интереса ее поддерживать, ученики Мефодия были изгнаны из страны (ушли в Чехию и Болгарию).

Славянская миссия продолжалась 21 год, но деятельность Кирилла и Мефодия имела большое влияние на начало славянской образованности. Константин Философ создал глаголицу, а в X в. в Болгарии возникла письменность, получившая название «кириллица». Обе азбуки происходили из разных вариантов греческого письма и долгое время использовались параллельно, особенно у восточных и южных славян. Константин перевел на славянский язык литургические тексты, написал предисловие к переводу Евангелия, в котором выступал против письменности лишь на трех священных языках. Он работал также над переводом всей Библии, который был закончен Мефодием. Так были заложены основы славянской письменности. Впоследствии Мефодий написал сочинение «Об обязанностях правителей», его же авторство

допускается за памятником «Закон судный людям». Первые жития обоих просветителей — моравского происхождения, это источники и по истории Великой Моравии. Основой языка древней славянской литературы стал язык славянского населения, проживавшего в районе Солуни. Этот первый славянский литературный язык является одним из главных источников познания закономерностей развития отдельных славянских языков. Таково культурное значение Великой Моравии.

После смерти Святополка в 894 г. государство стало распадаться. Святополк разделил державу между сыновьями Моймиром II и Святополком II. Но вскоре отпала Паннония, затем часть Нитранского удела, где правил Святополк Младший. В 895 г. вне великоморавской территории оказалась Чехия. В 897 г. отошли от Великой Моравии и сербы. Процесс разложения державы был следствием как внутренних, так и внешних причин. В частности, кочевники-мадьяры в течение IX в. продвинулись на Запад и в последующие десятилетия стали нападать на славянские области. Это был союз, состоявший из восьми племен. Славянские области Великой Моравии они захватили в 907 г., а позднее опустошили также и Чехию. Но моравская культура не исчезла. Мадьяры многое переняли от славян и быстро адаптировались в новых местах. Ликвидация Великоморавского государства привела к политическому разъединению чехов и словаков. Чешское государство стало развиваться в западной части бывшей державы, Словакия же вошла в состав возникавшего венгерского государства.

Великоморавская эпоха представляет собой один из прогрессивных этапов в истории славян, когда ими была создана собственная культура, равная по зрелости тогдашней западноевропейской цивилизации. Великая Моравия сыграла также важную роль в историческом развитии Европы IX в. в целом.

ЧЕХИЯ В ПЕРИОД РАННЕГО ФЕОДАЛИЗМА (X–XII вв.)

Формирование государства Пржемысловцев

Славянское население на территории Чехии франкские хроники XI в. обозначали термином «богеми». Здесь осело несколько племен. В Пражской котловине жили чехи, в районе позднейшего г. Жатец — лучане, на севере Чехии, в бассейне р. Билины, — лемузы, в районе г. Мельник — литомержицы и пшоване, в восточной части Чехии — харваты, в южной — дулебы. В IX–X вв. у этих племен происходит распад родового строя и формируются раннефеодальные отношения. Племенные вожди, вельможи и другие могущественные личности захватывали общее родовое имущество

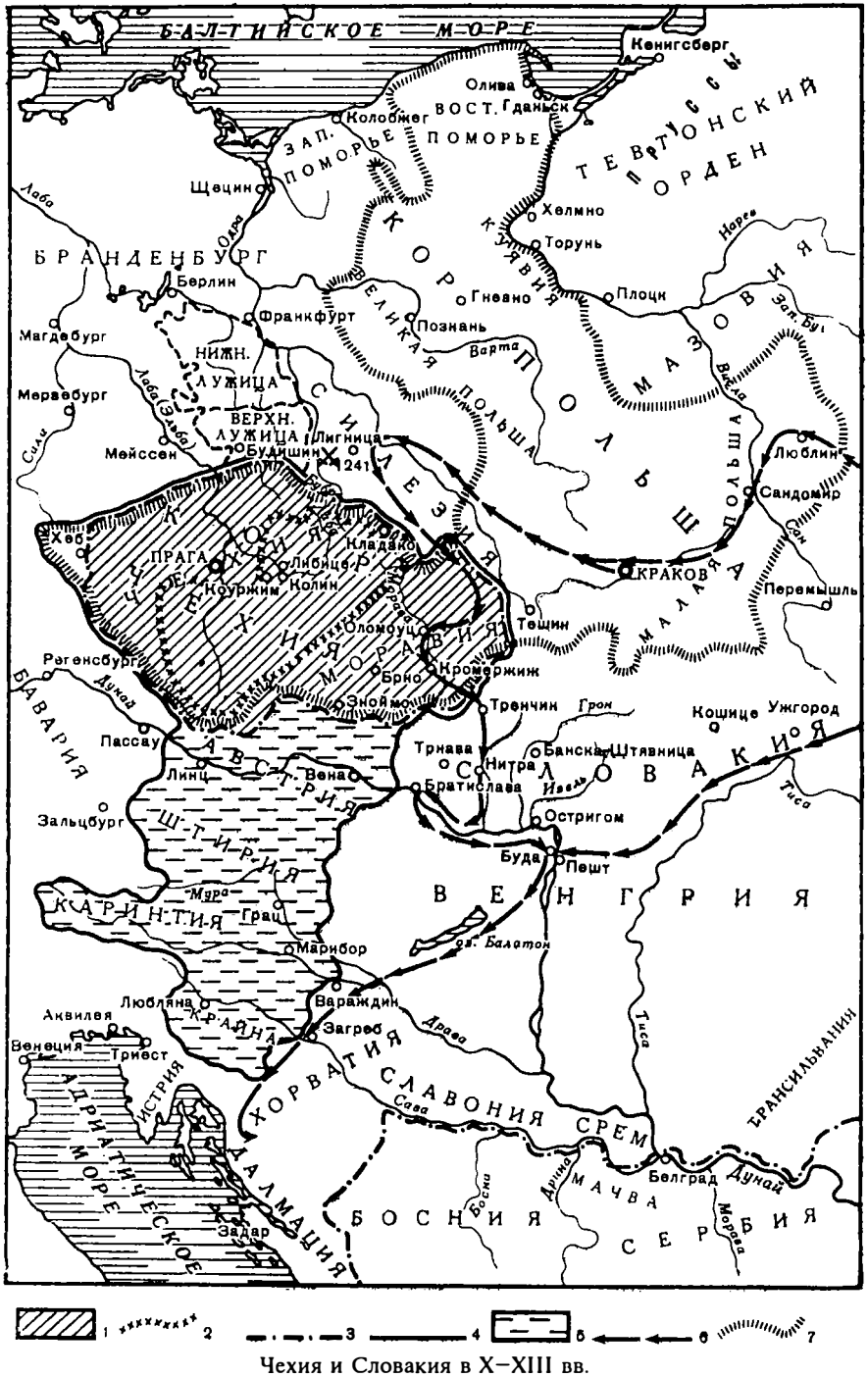
и с помощью дружин обращали в свою собственность селения, связанные между собой роды и целые племена, заставляя жителей работать на себя, содержать дворы и дружины. Между феодалами происходили кровавые столкновения, владения побежденного часто присоединялись к владениям победителя. Таким образом шел процесс объединения мелких территориальных и этнических единиц, особенно интенсивный в Средней Чехии, где правили князья династии Пржемысловцев. Первым упоминаемым в источниках князем этого рода, под 872 г., был Борживой, которому подчинялись чехи, лучане, лемузы и литомержицы. В 884 г. Борживой подчинился Святополку Моравскому. В 885 г. Борживой с женой приняли христианство, а крестил их моравский архиепископ Мефодий. После этого в Праге был построен костел. Борживой, как и другие князья, понимал значение христианства для укрепления власти. В 895 г. Чехия вышла из состава Моравии, а сын Борживоя Спытигнев, видимо, отдался под покровительство династии франкских Каролингов. В течение 40 лет после этого между соседями не было серьезных конфликтов.

Пражская земля отличалась активной экономической жизнью, древними традициями производственной деятельности и торговых отношений. Потенциал чешского князя быстро рос, а Пражский Град выделялся на фоне остальных племенных градов Чехии.

Однако Чехию теснили мадьяры, а в 929 г. в страну вторгся король Генрих Птицелов, который вынудил князя Вацлава, внука Борживоя, подписать мир с установлением вассальных отношений.

В позднейшей чешской историографии Вацлав очень популярен. Правил он, видимо, с 921 по 935 г., насаждая в своей стране христианство, взыскивая с подданных обычные поборы, ведя вооруженные конфликты с противниками. В стране были еще сильны элементы язычества, и против князя возникла оппозиция, в которой важную роль играли мать Вацлава Драгомира и его младший брат Болеслав. Последний, удельный князь в земле пшован, желал большей власти. Его поддерживала воинственная дружина, жаждавшая военных трофеев. В результате заговора Вацлав был в 935 г. убит, а в последующем канонизирован как мученик за христианскую веру.

Болеслав I, вступив на престол, отказался платить дань германскому королю и в течение 14 лет успешно отражал натиск преемника Генриха Птицелова — Оттона I (936—973). Однако в 950 г. Болеслав был все же вынужден признать германский патронат. В 955 г. чешский князь помог германскому королю разгромить венгров и присоединил к своим владениям Силезию и княжество вислян с Краковом. Не исключено, что Болеслав овладел также Моравией и частью Словакии. В 965 г. Болеслав выдал



Чехия и Словакия в X–XIII вв.

1 — земли Чешского (Пражского) княжества Пржемысловичей к 967 г. (при Болеславе I); 2 — земли Либицкого (Зличанского) княжества Славниковичей,

замуж за польского князя Мешко I из династии Пястов свою дочь Доубравку, которая сыграла большую роль в укреплении христианства в Польше. Внутри страны Болеслав ввел новую монету — серебряный денарий, просуществовавший до 1300 г. Прага стала значительным торговым центром. Выросло число крепостей, замков, поселений.

При Болеславе I и его преемниках значительно изменилась система управления государством. Племенные вожди и старейшины родов, не подчинявшиеся князю, были истреблены. Государство разделилось на области, управлявшиеся из княжеских замков, где помимо служилых людей во главе с бургграфом находились гарнизон и челядь. На всей территории страны действовали постановления, исходившие из Пражского Града. На важные административные должности — главного бургграфа, верховного канцлера, главного писаря и др. — князь назначал своих дружинников, награждая их также землями с крестьянами, деревнями, крепостями, которыми они сначала пользовались как ленными владениями, а потом стали передавать их по наследству. Так формировался класс феодалов. Был учрежден первый государственный налог — «дань с мира» — и установлены земские повинности.

Болеслав I решил основать Пражское епископство, но умер 15 июля 972 г., не успев осуществить свое намерение. Князем стал его сын Болеслав II, который в 973 г. получил официальные регалии для епископа Пражской епархии Дитмара — саксонца, жившего в Чехии и знавшего славянский язык. Епископство укрепило могущество Пржемысловцев, а церковь полностью подчинилась князю. Он назначал и отстранял от должности священников, собирал с верующих церковную десятину, основал три монастыря и был назван Благочестивым. Однако Болеслав ничем не отличался от других современных ему правителей. Военными походами он захватил части Верхней Лужицы и Галицкой земли, подавлял мятежи, грабил урожай и скот.

В центре чешской котловины стоял замок Либице, где стал формироваться политический центр. Владел замком князь Славник, считавший себя равным по знатности Пржемысловцам и им не подчинявшийся, чеканивший собственную монету и самостоятельно сносившийся с иностранными правителями. Пржемысловцы видели в этом угрозу своему могуществу. В 982 г. сын

объединенные с Пражским княжеством в конце X в.; 3 — границы Чешского королевства в XII в.; 4 — границы Чешского королевства в XIII в.; 5 — территория, присоединенная к Чехии при Пржемысле Оттокаре II (1253–1278); 6 — направление походов монголо-татар в XIII в.; 7 — границы Чешского королевства, объединенного с Польским королевством в 1300–1306 гг.

Славника Войтех стал пражским епископом и вступил в какой-то чисто религиозный спор с Болеславом II. Этот конфликт был перенесен на отношения между Славниковцами и Пржемысловцами вообще. 28 сентября 995 г. дружина Болеслава II захватила Либице и перебила всех его обитателей. Епископ Войтех отбыл в Польшу, позднее стал миссионером и был убит пруссами в 997 г. Уничтожив Славниковцев, Болеслав II объединил всю Чехию под властью Пржемысловцев. Наследовал ему Болеслав III (999–1003), при котором чешское государство вступило в полосу кризиса. Началась междоусобная борьба членов рода Пржемысловцев. В нее вмешались соседние государства, в том числе германский император Генрих II, принудивший чешского князя признать вассальную зависимость. Чешский князь Вратислав II (1061–1092) за верность императору Генриху IV получил титул короля, правда, без права наследования. Его потомки тоже вели борьбу за трон. При этом ленные отношения Чехии к империи имели ряд особенностей. Имперские законы в Чехии не действовали, но правителями страны империя признавала только тех лиц, которых избирали дружинники и которые имели реальную власть.

Чешские князья оставались союзниками германских императоров и в XII в. Так, Владислав II (1140–1173) участвовал во втором крестовом походе, поддерживал и Фридриха Барбароссу (1152–1190) в его борьбе в Италии и был провозглашен королем с правом передачи этого титула наследникам.

Последняя четверть XII в. — период глубокого упадка чешского государства. Фридрих Барбаросса пытался оторвать от Чехии Моравию и поставил моравским маркграфом Конрада Оту (1182), который стал непосредственным ленником империи, в 1189 г. был избран на чешский трон и управлял обеими землями до 1191 г. Конец XII в. ознаменовался упадком могущества германского императора и династии Штауфенов, что позволило чешскому государству сохранить независимость.

Социально-экономическое развитие и административное устройство чешского государства

Географические условия Чехии способствовали развитию в стране производительных сил. Было много лесов, а в окружающих страну со всех сторон горах много полезных ископаемых. Население сосредоточивалось по долинам крупных рек. В экономике преобладало земледелие. Увеличение сельскохозяйственной продукции зависело от расширения посевных площадей, затрудненного из-за недостатка людей. Ремесленное производство удовлетворяло лишь местные потребности. К середине XII в. Чехия отставала от стран Западной Европы по экономическому положению.

Причина заключалась в медленном развитии феодального поместья и земледельческого производства. Процесс разделения труда и установления активного контакта городского производства с торговлей опоздали в Чехии на столетие.

С конца IX до начала XI в. в Чехии завершалось формирование феодального общества. Начиная с X в. чешский князь, а потом король, обладал многими правами. В число его владений входили обширные области, принадлежавшие ему как феодалу, все свободные земли страны, а также земли, выделенные церкви и дарованные шляхте за ее службу, т.е. он не имел права верховной собственности лишь на наследственные земли шляхты. На этих территориях князь был наделен правом использования леса, водных пространств, недр, а население входило в число его подданных, которые производили материальные блага, платили повинности, несли различные службы. Он осуществлял и судебную власть над ними. Князь обладал правом строить грады (первоначально также и костелы), осуществлять рыночную торговлю, содержать корчмы, собирать таможенные пошлины и главное — чеканить монету.

Общество состояло из феодалов и подданных, распадавшихся на слои различного социального положения. Основу составляли свободные наследники землевладельцев, потомки первоначально свободных крестьян дофеодального периода. Они платили князю налоги, выполняли работы на земле, несли военную службу. В источниках их именуют «седлаками» или «дедичами». Первоначально именно они составляли основную массу подданных князя, но ввиду усилившейся эксплуатации нередко добровольно переходили в подчинение одному из феодалов при условии наследственного пользования землей.

Часть свободных крестьян теряла землю и получала от феодала наделы без наследственного права, но при сохранении личной свободы. Этот слой назывался «гости». Меньшая часть первоначально свободных крестьян стала лично-свободными воинами, «воинами второго разряда». Часть их впоследствии стала низшей шляхтой, другие попали в феодальную зависимость. Многочисленным был слой, именуемый «серви» (букв. «рабы»). Действительно рабами («отроками») была лишь незначительная их часть, остальные фактически оставались подданными феодалов, держа их землю. Большинство зависимых жили в поместьях князя, занимаясь земледелием и ремеслом, их число пополнялось за счет пленных, осужденных за долги лиц и пауперизированных свободных. Класс феодалов состоял из родовой аристократии, княжеских дружинников и небольшой части клира. Некоторые свои владения шляхта получала за счет колонизации свободных земель.

Материальное существование церкви первоначально обеспечивалось княжескими дарениями — поместьями и людьми. Но постепенно духовенство обретало силу и становилось важной экономической частью феодального общества. С XII в. начинается его борьба за освобождение от влияния светской власти князя и феодалов, получение иммунитета.

Среди дворцовых чиновников наиболее важное значение имел бургграф, замещавший князя во всех делах, особенно военных. Остальные должностные лица выполняли хозяйственные функции и обеспечивали обслуживание княжеской персоны при часто переезжавшем с места на место дворе. Позднее появился «наивысший коморник», контролировавший всю княжескую администрацию, особенно судебную, далее — дворский судья, т.е. председатель княжеского суда, рассматривавший дела всех свободных лиц. «Подкоморник» отвечал за княжеские финансы. Должность канцлера с середины XII в. занимал пробст Вышеградского капитула.

Управление на местах опиралось на грады, где имел свою резиденцию управляющий, назначавшийся на короткое время из членов дружины. С течением времени отдельные функции управляющего: военные дела, сбор дани и пошлин, контроль за выполнением повинностей, ведением судебных дел, досмотр и защита дорог и т.д. — стали выполнять подчиненные ему градские чиновники. При постоянно перемещавшемся дворе князь управлял страной, скорее, с седла, чем с трона. В одном месте невозможно было сосредоточить нужное количество запасов, а кроме того, князь стремился личным присутствием ограничить самостоятельность управляющих градами. Своих слуг и ремесленников он размещал в окрестностях своих замков, наделяя их землей и частично отбирая плоды их труда. Иногда деревня освобождалась от многих налогов и повинностей, чтобы выполнять те или иные ремесленные или другие работы. Некоторые подданные князя неделями трудились в градах.

В XII в. осваивались и новые земли, но кульминации этот процесс достиг в следующем столетии.

ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ И ПОЛИТИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ В ЧЕШСКИХ ЗЕМЛЯХ XII — ПЕРВОЙ ТРЕТИ XIV в.

В XIII в. в Европе завершается процесс разделения труда и формирования товарного хозяйства. Расширяются площади обрабатываемых земель, возникают новые города, устанавливаются

прочный рынок и связи Европы с африканскими и азиатскими землями Средиземноморья. Развивается добыча драгоценных металлов, реформируются денежные системы, быстро растет население.

Главным фактором этого процесса было развитие земледелия. Трехпольная и многопольная системы хозяйства создали условия для более интенсивной обработки почвы. Имели место и технические нововведения в земледелии. Избытки его продукции создавали условия для возникновения городов и стимулировали феодалов на приобретение новых обрабатываемых площадей. Отработочная и натуральная ренты превращались в денежную. Переход к денежной ренте в Центральной Европе проходил в XIII—XIV вв., т.е. на 1—2 столетия позднее, чем в Западной Европе. В Чехии интенсивное освоение новых земель начинается в середине XII в. и достигает пика в XIII в.

Колонизация и ее особенности в Чехии

Колонизация — комплекс явлений, имевший несколько фаз. Со второй половины XII до начала XIII в. происходит колонизация внутренняя, вызванная ростом народонаселения и заинтересованностью шляхты в повышении феодальной ренты. Главными ее проводниками были могущественные светские землевладельцы и монастыри. К концу XII в. оставались незаселенными лишь горные пограничные районы и отдельные полосы леса внутри страны. Внутренняя колонизация осуществлялась местным, чешским населением.

К середине XIII в. колонизация захватила и горные области с залежами серебра. Это была уже городская колонизация. Она шла на основе эмфитевтического права. Новой чертой был прилив иностранных колонистов, прежде всего из Германии. Добыча серебра особенно усилилась в период 1235—1260 гг. в области Иглавы и Гавличкова Брода, а в 1280—1310 гг. — в Кутногорском районе. Сельская колонизация ритмично развивалась до конца XIII в., а городская резко возросла со второй половины XIII в. также и под влиянием политики государя.

Колонизация создала новую земледельческую деревню, включенную в хозяйственную жизнь страны через густую сеть торгов в городах.

Главная форма колонизации в XIII в. — локаторство. Локатором называлось лицо, способное вложить собственные средства в основание новой деревни. Он приглашал колонистов, отмерял им участки и договаривался с владельцем земли об условиях

поселения. Структура территории заселения была уже полностью приспособлена к потребностям трехпольной и многопольной систем. Вся обрабатываемая земля делилась на три части, поселенец имел участки на каждой из них. Одна часть предназначалась для яровых, вторая — для озимых, третья оставалась под паром. Эта система обеспечивала рост продуктивности земледелия вдвое. Соху сменил плуг, что увеличивало производительность труда. Новые приемы упряжки тяглового скота повышали эффект использования силы животных на 50%. Однако трехпольная система исключала луга и пастбища, ограничивала скотоводство и количество удобрений, так что образовывался замкнутый круг, и все же трехпольная система увеличивала урожаи более чем вдвое.

Возникли новые правовые нормы отношений крестьян и феодалов. Эмфитевтическое право гарантировало крестьянам наследственное пользование землей и фиксированную ренту, а феодалы обеспечили себе постоянный доход. Обрабатываемая земля в основном распределялась между крестьянами, феодалу оставался лишь малый резерв. Крестьянин стал не только главным производителем, но и главным поставщиком продуктов земледелия на рынок. Продавать продукцию он вынужден был при любых условиях, что гарантировало определенную стабильность рынка.

Возникновение городов

До XII в. центрами обмена товаров были поселения под крепостями — подградья, а также торговые села. Наряду с древними поселениями городского типа — Прагой, Оломоуцем, Брно и др. — в XIII в. возникли первые средневековые города. Их основателем был в первую очередь государь. Жители оставались подданными, но им разрешалось свободно передвигаться и распоряжаться своим имуществом, а также строить городские стены и укрепления. Городские привилегии узаконивали положение города как центра ремесла и торговли.

Часть чешских городов возникла в XIII в. на старых подградьях (Старое Место Пражское, Жатец, Литомержице и др.) и на месте торговых поселений (Угорске Градиште). Другие были созданы и на незаселенной ранее территории (Поличка, Ческе-Будеёвице). В первой половине XIII в. процесс городской колонизации интенсивно проходил в Моравии, где в 20-е гг. возникли города Уничов, Брунтал, Опава, Йемнице и Годонин. В 1258 г. в чешских землях известно всего 20 городов, а за время

правления Пржемысла II возникло еще 50. Города основывались и отдельными феодалами, и через локаторов, которые обеспечивали приток жителей, руководили постройками и т.д. План новых городов имел единую схему: от прямоугольной площади в центре расходились улицы в направлении к стенам и дорогам. Он приспосабливался к рельефу, но обычно форма была правильной. В моравских городах действовало венское право, в чешских — швабское и саксонское. При Вацлаве II в Чехии было заложено 60 городов — в основном светскими и духовными феодалами. Некоторые из них по экономическому развитию оставались на уровне деревень.

Важной причиной основания городов в Чехии была разработка полезных ископаемых, в частности серебра. В Европе быстро росла потребность в драгоценных металлах. В конце первой половины XIII в. с открытием богатых месторождений серебра в районе городов Иглава и Гавличкув-Брод Моравия стала регионом интенсивной городской колонизации. Во второй половине XIII в. залежи серебряной руды открыты и в других частях Чехии. К 1280 г. в стране добывалось 4—5 тыс. кг серебра ежегодно. В конце XIII в. было обнаружено новое богатое месторождение, и в течение десятилетия выросла Кутна-Гора с большим населением. К 1300 г. ежегодно добывалось уже до 30 тыс. кг серебра. Производительность Кутна-Горы составляла 41% всей европейской продукции серебра. В городах, занятых добычей серебра, возникло особое правовое положение. В горняцких регионах Чехии и Моравии интенсивно развивались ремесла и производство сельскохозяйственной продукции для нужд населения. Управление горняцкими городами находилось в руках предпринимателей. Добыча была организована по принципам так называемой «товарной системы». Предприниматели вносили средства в организацию добычи и делили доход в соответствии со взносом. Рудокопы работали сдельно. В 60-е годы XIII в. в Иглаве был создан Кодекс горного права, ставший образцом для чешских и моравских горняцких городов. Второй подобный кодекс возник в 1300 г.

Вывоз из Чехии серебра позволил увеличить и ввоз товара. Однако это подрывало местное ремесло. Для упорядочения вывоза серебра с 1300 г. начал чеканиться пражский грош, содержавший около 4 г серебра и ставщий самой устойчивой меновой единицей в Центральной Европе (в Чехии — до 1547 г.). В целом Чехия сделала большой шаг вперед в своем экономическом развитии, но все же ликвидировать отставание от западноевропейских государств не удалось.

Структура государственной власти и общества

Политическая и социальная структура чешского общества претерпела в связи с экономическими изменениями существенную эволюцию. В первую очередь чешская шляхта приобрела огромные земельные владения. В 1189 г. были обнародованы Статуты князя Конрада Оты, подтверждавшие наследственное право на приобретение земли, ограничивавшие верховное право на нее князя. Шляхта также обрела права сбора податей, суда над крестьянами и др. В течение XIII в. произошла дифференциация господствующего класса, образовалась шляхта высшая и низшая. Последняя занимала второстепенное положение и в экономике и в политическом управлении.

Крестьяне в своем большинстве сидели на эмфитевтическом праве. Подданный был наследственным держателем земли и мог свое держание продать. За это крестьянин платил феодалу «урок», иначе утрачивая право на землю. Сроки взносов утвердились: на дни св. Иржи весной и св. Гавла осенью.

Существовало еще чешское право, менее распространенное, обеспечивавшее лишь держание домов, но не земельных участков.

Новым элементом феодального общества Чехии XIII в. стало мещанство. Оно возвышалось над крестьянством своим свободным положением, но не было совершенно независимым, а подчинялось государю. Сначала во главе города стоял королевский рихтарж, отвечавший за административные и судебные функции. Во второй половине XIII в. растет значение городского совета, который мещане выбирали из своих рядов. Население города делилось на полноправных горожан и остальных. Полноправным являлся владелец ремесленного производства или торговли, дома, выполнявший городские повинности: защиту города с оружием в руках, сторожевую службу в мирное время. Он также выплачивал налоги и подати государю и в пользу города. Процесс социальной дифференциации в чешских городах проходил медленно. Плебейские слои населения были многочисленны лишь в крупных городах, но и там не являлись революционным элементом. В социальной структуре города выделялся узкий слой патрициата, который своим богатством, экономическим и общественным положением отличался от остального населения, стремясь приблизиться к шляхте. Уже в конце XIII — начале XIV в. между патрициатом и остальными мещанами возникли глубокие противоречия.

В XIII в. в Чехии расширилось землевладение церкви, усилилось ее влияние в обществе. Увеличилось число приходов и

монастырей, в стране обосновались многочисленные духовные ордена. К концу XIII в. церковь владела третью всех земель в Чехии и Моравии. К тому же она стала опорой королевской власти. Духовенство заняло важнейшие должности в государственном управлении и в политике. Союз королевской власти и церкви удерживался и в XIV в., будучи для государя противовесом нарастающему могуществу высшей шляхты.

В 1197 г. князем стал Пржемысл I, которому удалось поднять престиж Чехии. Он вмешался в борьбу за имперский трон и выступил на стороне различных претендентов, получая от каждого награды. Одной из таких наград была дарованная в 1212 г. Пржемыслу I Золотая булла сицилийская, признававшая неделимость чешского государства, право чешских феодалов выбирать короля, право инвеституры чешским королем чешских епископов и лишь минимальные обязанности чешских государей в отношении римских королей и императоров.

Однако папа Иннокентий III не желал усиления чешских королей. Он не пошел на создание Пражского архиепископства, вмешивался в отношения между Пржемыслом I и чешской церковью. В 1215 г. пражский епископ Ондрей, действуя в духе доктрин Иннокентия III, предъявил королю ряд требований, связанных с экономическим, политическим и правовым положением церкви. В результате возникшего конфликта Ондрей вынужден был оставить Чехию, а спор закончился компромиссом. В 1222 г. Пржемысл I признал за епископом власть над духовенством, но только в церковных делах. Светским феодалам пришлось теперь выбирать священников из числа кандидатов, предложенных епископом. Подданные церкви были изъяты из сферы юрисдикции светских феодалов, церковное управление стало независимым от них. Но как целое церковь осталась с ее имуществом под контролем центральной власти государя. Решающее слово в замещении должности епископа осталось за чешским королем, взимавшим также налог с церковного имущества. В общем положение церковных феодалов не уравнялось с положением феодалов светских.

Пржемысловцы вели активную внешнюю политику. Уже Вацлав I (1230—1253) заместил престол по праву «примогенитуры» (праву первородного сына) вопреки установленному с 1055 г. «сеньорату», т.е. замещению трона старшим представителем рода. Вацлав I принял участие в борьбе с проникшими в Центральную Европу татарами, а также в борьбе за бабенбергское наследство, т.е. за словенские земли Каринтию и Штирию. Против Вацлава I выступила коалиция во главе с венгерским королем Белой IV. В ходе войны с ней Вацлав I умер (1253), а его

наследник Пржемысл II Отакар (1253—1278) отказался от части Штирии в пользу Венгрии. Он также выставлял свою кандидатуру в императоры, но успеха не добился. В 1259 г. началась война между Чехией и Венгрией за Штирию, в 1260 г. Пржемысл разбил венгерское войско, и венгерский король отказался от претензий на бабенбергское наследство. Гегемония в Центральной Европе перешла к чешскому королю. Он начал расширять свои владения, подведя их к Адриатическому морю.

Владея девятью странами (землями), Пржемысл II достиг вершины своего могущества и в 1272 г. вновь выставил свою кандидатуру на имперский трон. Но его дальнейшее возвышение было крайне нежелательно папе и многим имперским князьям, которые избрали императором малоавторитетного Рудольфа Габсбурга. Пржемысл II стал готовиться к войне за имперский престол, но натолкнулся на противодействие не только внешнее, но и внутреннее. В Чехии сформировалась оппозиция королю, стремившемуся урезать права шляхты. Пржемысл II проводил в жизнь идею о верховной власти короля над землями, основывал города и монастыри, ожидая от них поддержки в борьбе против сильных панов, изменил структуру управления и судопроизводства, ликвидировал систему деления страны на замки с окружающими их территориями. Он поддерживал развитие горного дела, ремесел, торговли, завершил процесс колонизации пограничных областей, заселив их немцами. Эти действия вызывали недовольство.

Противоречия между шляхтой и королем проявились во всей остроте в 1276 г., когда против Пржемысла восстали представители крупнейших шляхетских родов Австрии, Штирии, Каринтии и самой Чехии во главе с кланом Витковцев. Ключевой фигурой стал Завиша из Фалькенштейна, установивший связь с Рудольфом Габсбургом и обещавший ему поддержку в войне против Пржемысла. В начавшейся войне у Пржемысла не было никаких шансов на победу. 26 августа 1278 г. Пржемысл II Отакар был убит, а его войско разгромлено. Рудольф захватил большую часть Моравии, а Витковцы опустошили королевские панства, монастыри и города. Племянник погибшего короля Оттон Бранденбургский двинулся против Рудольфа и разбил его армию. После этого Оттон был признан правителем Чехии на пять лет, а Рудольф на этот же срок — правителем Моравии. В Чехии усилился антагонизм между поддерживавшими нового правителя городами и шляхтой. Опасаясь оппозиции чешского панства, Оттон в 1279 г. заключил в замок Бездез королеву Кунгуту и наследника трона малолетнего Вацлава.

Чешская шляхта во главе с пражским епископом Тобиашем из Бехине решила защищать права чешского государства и династию Пржемысловичей. В 1282 г. земское управление при поддержке большинства шляхты взяло в свои руки власть в стране. Удалось вызволить из заключения Вацлава, а Рудольф Габсбург возвратил в состав Чешского королевства Моравию. После пяти лет смуты наступила стабилизация. Очень усилилась шляхта, ставшая вместе с королем носителем государственной власти. Вацлав II (1283—1305) вернулся из заточения двенадцатилетним. Королева Кунгута вышла замуж за Завишу из Фалькенштейна, который стал энергично восстанавливать опустошенную страну. В 1285 г. Кунгута скончалась. Четырнадцатилетний Вацлав II был обручен с дочерью Рудольфа Габсбурга и под влиянием последнего приказал посадить Завишу в темницу, и вскоре тот был осужден на смертную казнь. Восстали Витковцы, начались военные действия, в результате которых восстание было подавлено. Девятнадцатилетний Вацлав решил ни с кем не делить власть. Не посягая на политическое влияние панства, он стремился, однако, вернуть короне королевское имущество. Оставив высших дворян на главных земских должностях, Вацлав одновременно создал королевский совет из финансистов, правоведов, экономистов, церковников, специалистов по внешней политике, по культуре. Король учредил государственную монополию на добычу серебра, увеличив доходы своей казны. В 1300 г. был издан правовой кодекс, регулировавший отношения между владельцами рудников и королевскими финансовыми учреждениями. Это «Кутногорское право» получило затем дальнейшее распространение. Тогда же Вацлав II провел денежную реформу. 60 пражских грошей стали составлять «копу», использовавшуюся во всей средневековой Европе. Король давал привилегии вновь возникающим городам, одаривал землями монастыри. Опираясь на них, королевская власть в Чехии усилилась.

В 1300 г. Вацлав II был коронован также польским королем, а в 1301 г. его сын Вацлав — королем венгерским.

Усиление Пржемысловцев беспокоило папскую курию. Папа Бонифаций VIII провозгласил претензии Пржемысловцев на польский и венгерский трон недействительными. Римский король Альбрехт Габсбург в 1304 г. пошел войной на Чехию, но чешское войско нанесло ему поражение, заставив Альбрехта удовлетвориться мелкими уступками со стороны Вацлава II.

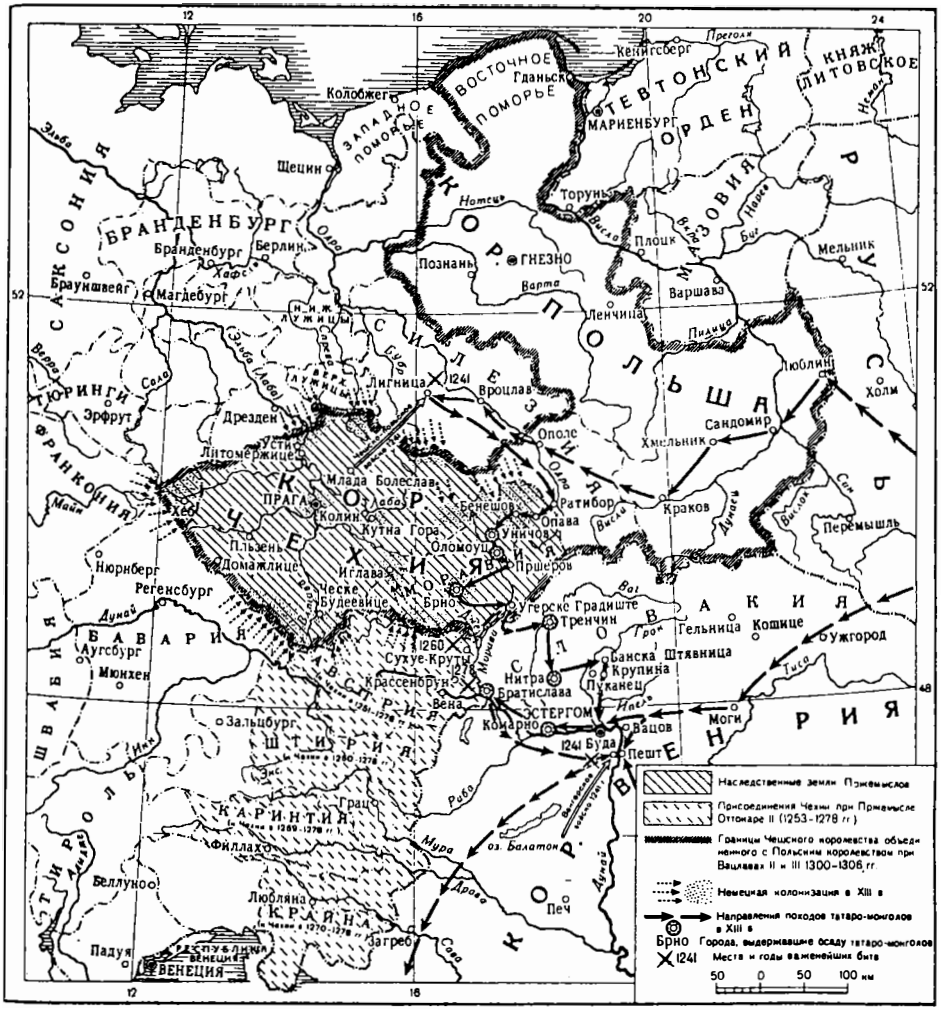
В 1305 г. Вацлав II умер, а его семнадцатилетний сын Вацлав III, правивший всего один год (1305—1306), был убит, после чего мужская линия Пржемысловской династии прекратилась.

Политическая ситуация в Чехии первой трети XIV в.

После смерти Вацлава III началась борьба за чешский трон, длившаяся с 1306 по 1310 г. Однако положение в стране было уже не таким, как в 1278 г., после смерти Пржемысла II Отакара, когда территорию Чехии разделили между собой Оттон Бранденбургский и Рудольф Габсбург. Ныне чешская шляхта крепко держала власть в своих руках, решая, кого пригласить на чешский престол.

Первой кандидатурой оказался Генрих Хорутанский (Каринтийский), он и был в 1306 г. провозглашен королем. Тогда римский король Альбрехт двинулся с войском на Чехию, чтобы посадить на престол своего сына Рудольфа. Генрих бежал, а Рудольфа избрали, но на условиях признания всех привилегий чешского государства и чешской шляхты. Это произошло 13 октября 1306 г. Но в 1307 г. Рудольф внезапно умер. Церковь и часть шляхты договорились об избрании на престол Иоганна Люксембургского, сына императора Генриха VII. И хотя после смерти Рудольфа на престол вернулся было Генрих Хорутанский, молодой Люксембург осадил Прагу и в ноябре 1310 г. взял ее. Генрих вновь бежал.

Женившись на Элишке Пржемысловне, дочери Вацлава II, Иоганн занял престол, но подписал при этом условия, значительно ограничивавшие королевскую власть. С Иоганном в Чехию прибыло большое число иностранцев, желавших обогатиться. Их действия, как и стремление молодого короля расширить рамки своей власти, вызвали к жизни сильную местную оппозицию. В результате король удалил от себя иностранных советников. Но и в чешской шляхте наметились конфликты. Группа во главе с паном Генрихом из Липы имела влияние на короля, другая же во главе с Заицем из Вальдэка опиралась на поддержку королевы. После нескольких столкновений 23 апреля 1318 г. был заключен мир, означавший, однако, поражение Иоганна Люксембургского. Король передал все значительные государственные должности в руки высшей шляхты и этим открыл путь дальнейшему усилению сословий в ущерб королевской власти. Однако среди шляхты нашлись и недовольные, обойденные при дележе государственных должностей и других привилегий. Они объединились вокруг королевы Элишки. Немецкая партия внушила Иоганну, что супруга готовится лишить его трона. В результате начались военные действия. В 1319 г. Иоганн разгромил сторонников королевы и подавил выступление восставшего против него патрициата, но в 1320 г. покинул страну, продолжая, впрочем, активно черпать из нее денежные средства. Он занялся европейской политикой и



Чехия и Словакия в XIII — начале XIV в.

сумел прирастить к Чехии немало новых земель. В 1322 г. его сестра Мария стала супругой Карла IV и королевой Франции. Сына своего Вацлава Иоганн женил на сводной сестре Филиппа Валуа, будущего короля Франции Филиппа VI. И Вацлав, и его супруга Бланка были еще семилетними детьми — браки малолетних были обычным явлением в среде средневековых государей и феодалов. Вацлав получил имя Карл, под которым он вошел в историю.

ЧЕХИЯ В ПЕРИОД ПРАВЛЕНИЯ КАРЛА IV

Взаимоотношения короля, шляхты, городов и церкви

Период правления сына Иоганна Люксембургского — чешского короля Карла, известного прежде всего как Карл IV, император Священной Римской империи, оказал огромное влияние на ход исторического развития Чехии.

Из-за вражды между родителями Карл, родившийся в 1316 г., провел детские годы в обществе молчаливых стражников. В 1323 г. отец отвез его в Париж. Здесь началось его воспитание и образование — подготовка к государственному управлению. С 1325 по 1328 г. Карл воспитывался при дворе французского короля, посещал факультет свободных искусств Парижского университета, где сосредоточились лучшие силы специалистов схоластической теологии и философии при относительной независимости от церкви. К управлению государством его готовили королевские советники. Интеллектуальная сторона воспитания преобладала над рыцарской военной выучкой. Но все же Карл, будучи 16-летним юношей, участвовал в битве за крепость Сан-Феличе в Италии (1332), а в рядах французской рыцарской конницы — в битве при Креси 1346 г., где погиб его отец. В общем, Карл был человеком своей эпохи.

В 1331 г. Иоганн Люксембургский поручил Карлу управление своей итальянской синьорией, которая была создана из девяти различных владений благодаря игре на противоречиях между папой и императором. И уже здесь Карл проявил себя способным правителем. В 1333 г. он прибыл в Чехию, а с января 1334 г. стал выполнять функции маркграфа Моравского.

Королевская власть в Чехии была в этот момент слаба, но и внутри шляхты существовали острые противоречия, она продолжала бороться за власть, разделившись на враждующие лагери. Карл решил опереться на ту часть шляхты, которую феодальная олигархия оттеснила на задний план — в основном на церковных феодалов. Он раздавал земли монастырям, епископам и капитулам, предоставлял им различные привилегии, как, впрочем, и наиболее значительным городам Чехии и Моравии — Кутна-Горе, Коуржиму, Йиглаве, Праге и др. Иоганн Люксембургский в Чехии бывал редко, и фактически Карл стал правителем Чешского королевства. Он проявлял инициативу в урегулировании территориальных и иных споров с соседями — Польским и Венгерским королевствами, подавлял выступления мятежных феодалов и т.д. 11 июня 1341 г. на сейме чешской шляхты Иоганн Люксембургский огласил решение: после его смерти королем

чешским должен стать его сын Карл. Сам Иоганн к этому времени был уже слеп и практически не мог заниматься делами.

Став королем, Карл начал укреплять свою власть, возвратил короне захваченные земли, создавая себе экономический плацдарм для наступления на шляхетскую олигархию. Те представители шляхты, которые хотели защитить свое имущество от посягательств иностранных правителей, опираясь на авторитет своего государя, поддерживали Карла. Действуя весьма дипломатично, Карл привлекал на свою сторону и некоторых бывших врагов династии Люксембургов. Но главную социальную опору он видел в церковных феодалах. Он освобождал от налогов пришедшие в упадок монастыри, выбирал советников из числа наиболее образованных и одаренных сановников высшего духовенства, таким путем комплектуя и свою канцелярию. Городам Карл, правда, не всегда последовательно, покровительствовал в развитии их ремесла и торговли, устанавливал торговые связи Чехии с соседними странами. Он стремился к тому, чтобы через Чехию проходили торговые пути между Западной и Восточной Европой, а также севером и югом континента. Но в то же время Карл не допускал развития городов как политической силы. В конфликтах между патрициатом и ремесленниками он становился на ту сторону, которую было выгодно поддержать, чтобы сохранить равновесие.

Союз Карла с церковью был особенно прочен. В 1342 г. папой стал под именем Климента VI бывший воспитатель Карла Пьер де Розьер. Карл выхлопотал у него буллу об образовании в Чехии самостоятельного архиепископства. Таким образом, чешская церковь, подчинявшаяся с 973 г. архиепископству Мангеймскому, с 1344 г. стала самостоятельной. Той же буллой Пражскому архиепископству было подчинено епископство Оломоуцкое и учреждено епископство Литомышльское. Все это усилило престиж королевской власти в стране. Пражским архиепископом стал выдающийся политический деятель Арношт из Пардубиц, человек высокообразованный, личный друг Карла.

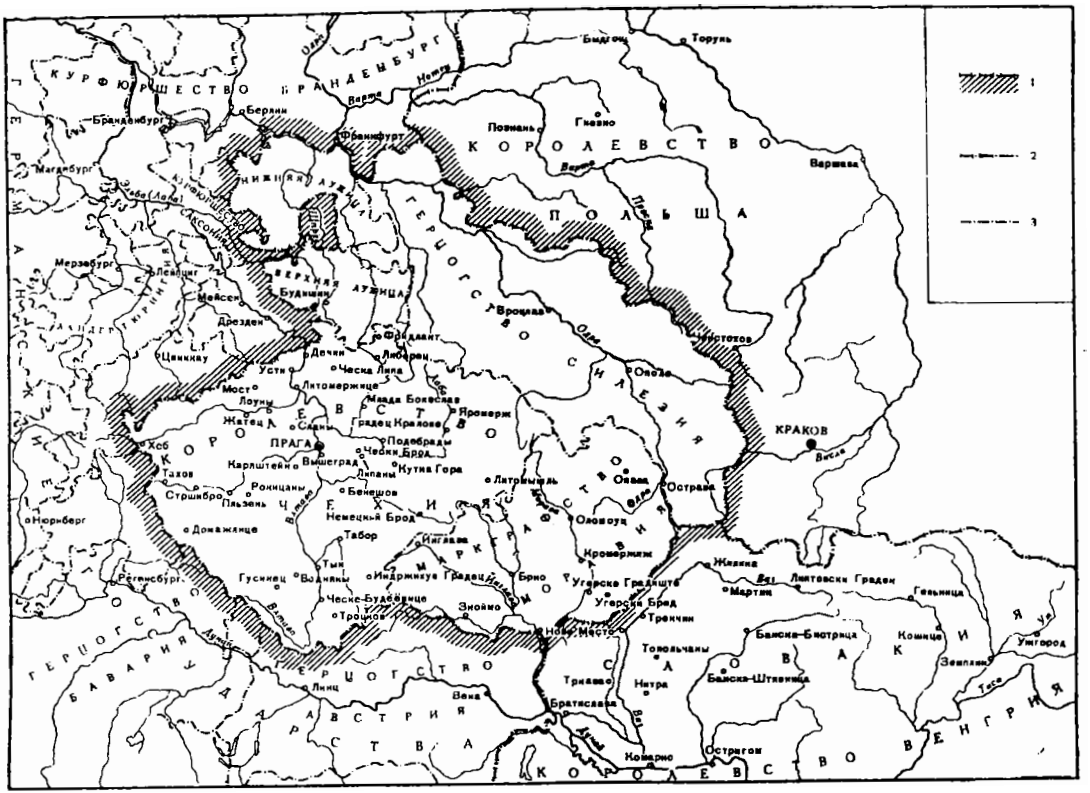
Между тем в Европе достигла кульминации борьба папы и римского императора. Папа Климент VI, отлучив от церкви императора Людовика Баварского, готовил его детронизацию, а на императорский престол прочил своего воспитанника Карла, короля чешского. Он добился своего, и 11 июля 1346 г. римским королем был избран Карл, которого Климент предполагал сделать орудием своей политики. Карл подписал определенные обязательства, но вскоре начал действовать самостоятельно. Он вступал в союзы со сторонниками Людовика Баварского, улаживал конфликты, давал привилегии городам, на которые был наложен интердикт Авиньона, чем и укрепил свое положение в

империи. Климент был, разумеется, возмущен. Поэтому коронация Карла императором (он получил имя Карла IV) состоялась только после смерти папы, 5 апреля 1355 г.

Тесный контакт Карла с церковными феодалами, папой и другими представителями клира дал основание современникам из лагеря противников называть его «поповским королем». Однако такая характеристика поверхностна. Ставленник папы, Карл IV никогда не был орудием европейской политики в его руках, а использовал союз с церковью в политических целях. Примером ему служили французские короли, сажавшие на папский престол своих епископов в период всего 70-летнего «авиньонского пленения». Став императором, Карл продолжал координировать свою политику с устремлениями папской курии, поскольку это диктовалось задачей укрепления его власти и в Чехии, и в империи.

Искренне веря в свое «Божественное предназначение», Карл в практической политике стоял, однако, над религией, моралью, законами, считая, что судьей ему является только Бог. В целом он был личностью средневековой, но в его политической практике встречаются элементы, характерные для правителей более позднего времени. Карл был ярким представителем переходной эпохи, когда в недрах феодализма зарождались черты нового общественного уклада, когда пересматривались прежние нравственные ценности.

Священная Римская (Германская) империя, которой Карл управлял с 1346 г., представляла собой совокупность разнородных территорий. Об абсолютной власти императору думать не приходилось, он стремился лишь к признанию своего высшего авторитета. Карл повел политику соглашения с различными политическими силами, стараясь добиться их сосуществования в рамках империи. Основой своего политического авторитета он считал собственные наследственные земли. Карл решил превратить Чехию в центр империи и направил свое политическое искусство к достижению этой цели. Осенью 1355 г. он выработал проект правовых основ для империи. Эта кодификация основных имперских государственных норм была принята в 1356 г., а с 1400 г. стала называться «Золотая булла Карла IV от 1356 года». Этот законник действовал вплоть до конца существования Священной Римской империи германской нации, т.е. до 1806 г. булла ставила Чешское королевство в особое привилегированное положение. Подтверждалась свобода избрания чешского короля чешским сеймом в случае прекращения династии; император не мог сам назначать чешского короля и передавать Чехию в лен, ему предоставлялось право лишь утверждать избранного короля. Чешский король был курфюрстом, сохранял право чеканить золотую и серебряную монету. Подданные королевства могли быть судимы



Чехия и Словакия в XIV–XV вв.

1 — границы земель Чешской короны во второй половине XV в.; 2 — границы государства на 1400 г.; 3 — границы феодальных земель

только чешским судом. Чешский король мог приобретать земли и замки в империи в отличие от курфюрстов, которые, если избирались императорами, не могли приобретать в Чехии никакого имущества. Булла игнорировала претензии папы на верховную власть в империи, он лишь извещался об избрании римского короля.

Определив положение Чехии в империи, Карл продолжал политику создания мощного плацдарма династии Люксембургов на чешских землях. Еще 7 апреля 1348 г. он подтвердил чешским королям «права, лены, свободы», привилегии относительно «городов, замков и милостей» — всего 14 грамот. Было сформулировано понятие «земли Чешской короны»; каждая земля имела свой сейм, а шляхта этих земель не зависела от решений шляхты чешской. Землями Чешской короны были Чехия, Моравия, силезские княжества, Верхняя и Нижняя Лужицы. Позднее к ним было присоединено маркграфство Бранденбургское (Бранибор). Карл IV включил в состав своего государства и наследственную территорию своего отца — Люксембург. Сейм каждой земли мог высказывать свое мнение о политике и личности короля, решал внутренние вопросы, но прав на самостоятельную внешнюю политику не имел. В ходе исторического развития некоторые земли отпали, но Чехия, Моравия и Силезия сохранялись в составе земель Чешской короны до XX в. Усиливая центральную власть, Карл IV использовал определенные противоречия внутри шляхты, не давая никому особенно выдвинуться. Моравию Карл IV отдал в наследственное управление своему брату Яну Индржиху (Иоганну Генриху), но власть маркграфа была ограниченной.

Законник «Маестас Каролина»

Карл предполагал также создать и ввести в действие общечешский законник, известный в истории как «Маестас Каролина» (хотя это название он получил лишь в 1617 г., при первом издании). Этот свод правовых обычаев и норм был сформулирован в 109 пунктах, отражая экономические и правовые основы государственной власти короля, его стремление к централизации власти и направленность против панской олигархии. Однако крупная шляхта в 1355 г. на генеральном сейме провалила принятие законника. Ей было выгодно право неписаное. В проекте законника попытка централизации власти зашла слишком далеко, исторические условия для ее осуществления еще не созрели. Карл IV не устанавливал абсолютизм, а лишь ограждал свою власть и ограничивал центробежные тенденции шляхетской олигархии.

Стремясь превратить Чехию в центр империи, Карл также проводил политику всестороннего экономического развития страны. В этих целях велась дипломатическая деятельность, обеспечивалось судоходство и движение по наземным путям, охрана товаров на них, была создана речная флотилия. В Чехии развивается земледелие, скотоводство, хмелеводство, рыборазведение, интенсивно вывозится за границу зерно, растет добыча полезных ископаемых, особенно серебра. Впрочем, о расцвете экономики все же говорить нет оснований, речь идет лишь об экономическом оживлении.

Культурная политика

Развитие чешской культуры при Карле IV внесло столь богатый вклад в европейскую цивилизацию, что и в наше время созданные в XIV в. духовные ценности служат человечеству.

В предшествующие периоды культурная деятельность ограничивалась украшательством королевского двора, Карл же стал проводить культурную политику. Он был меценатом и организатором культурной деятельности в стране. Немалый вклад внес он в культуру и своим личным творчеством. Карл считал культуру составной частью политики, видел в ней, как и в науке, потенциал политического противовеса претензиям шляхты на власть. Знания и образованность, а сам он владел пятью языками, по его мнению, дают силу, способную пропагандировать господствующую систему управления, создавать для нее благоприятный социальный климат. Именно поэтому в 1348 г. в Праге был создан первый в империи университет. Карлу нужны были кадры для государственного управления. Образованные юристы и другие специалисты позволяли королю в меньшей мере, чем прежде, пользоваться услугами представителей шляхты. Университет служил идеологической опорой короля. Образование стало доступно и светским лицам, тогда как раньше оно являлось монополией духовенства. Университет был организован по образцу Парижского и Болонского, отличался определенной демократичностью. Относительная свобода академической дискуссии в рамках схоластического метода способствовала развитию идей и вообще мышления и имела огромное значение в период общественного брожения и критики существующих порядков.

Карл приглашал в Пражский университет крупнейших ученых со всей империи. В новом университете были заложены основы исследований в области точных и естественных наук: астрономии, математики, медицины. Были привлечены лучшие преподавательские силы по этим дисциплинам. В 1366 г. Карл подарил

в Старом месте Праги дом университету для 12 магистров и их учеников, предоставил для содержания этой коллегии несколько деревень, передал ей также значительное количество книг. Все это подробно описано в хронике Крабице из Вайтмиле. Повысился уровень и школьного образования. Только в Праге насчитывалось 25 школ, имелись они и в каждом королевском городе. Карл заботился также о развитии литературы, искусства, музыки, научного творчества, сосредоточил в Чехии лучшие культурные силы Европы. Литература эпохи Карла IV представлена многими жанрами: светская и духовная лирика, студенческая поэзия, сатирические произведения ремесленников, дидактические и философские сочинения, политические аллегории. Все это существовало на чешском и латинском языках параллельно. На чешский переводились с ряда языков описания путешествий, нравоучительные и вероучительные трактаты. В 60-х годах был осуществлен перевод на чешский язык Библии. Бартоломей из Хлума собрал в одном произведении научную терминологию — медицинскую, географическую, астрономическую, грамматическую, теологическую. Магистры Пражского университета писали схоластические, гомилетические, дидактические, апологетические сочинения. Возник ряд произведений в области права.

Особенностью развития литературы во второй половине XIV в. была ее чехизация и усиление светского элемента. Многие произведения проникнуты патриотизмом, национальным самосознанием. Для развития чешского языка этой эпохи характерно возникновение новых слов — они составили до трети всего словарного состава. Но продолжался расцвет и латинской письменности, и немецкого литературного творчества.

В особом направлении развивалась историческая проза. Она находилась под сильным влиянием и личным контролем Карла IV. Историография актуализировалась и носила пропагандистский характер. Хроники писались только на латинском языке и предназначались для узкого круга читателей. Выбирая хронистов, Карл давал им материал и сам участвовал в создании хроник. Так, в хроники Бенеша Крабице из Вайтмиле и Пржибика Пулкавы из Раденина Карл внес «Святовацлавскую легенду» и «Автобиографию». Возникли также хроники Франтишка Пражского, аббата Опатовицкого монастыря Неплаха, Джованни Мариньолы. Однако хроники этой эпохи не достигали уровня аналогичных произведений предшествующего периода (Збраславской хроники и др.) и не имели существенного влияния на дальнейшее развитие историографии в Чехии. Это связано с суровой цензурой Карла.

В XIV в. возникла чешская драма, как правило, религиозного характера, если судить по названиям произведений, но по существу веселая и озорная. Расцвета достигло музыкальное искусство. В нем преобладал грегорианский хорал. О расцвете церковных хоров заботились лично епископ Арношт из Пардубиц, да и сам Карл. В 1347 г. возник Эмаусский монастырь, где практиковалось славянское литургическое пение. Большого развития достигла народная духовная песня, не связанная правилами римской литургии. Поощрялась игра на органе. При дворе существовали оркестры, давались концерты, устраивались музыкальные праздники. Инструментальная музыка проникала в большие города. В целом музыка эпохи стала основой позднейшей музыкальной традиции.

Выдающиеся произведения были созданы в области архитектуры, скульптуры, в настенной и станковой живописи, в книжной иллюминации, т.е. украшении рукописи. С 1344 г. началось строительство Святовитского кафедрального собора в стиле классической южнофранцузской готики. Прибывший в Прагу в 1356 г. по приглашению Карла IV Петр Парлерж стал создателем специфического готического стиля, распространившегося по всей католической части Восточной Европы. В Праге до 1399 г. существовала его мастерская, объединявшая архитекторов, скульпторов, художников. Парлерж продолжал строительство Святовитского храма, возвел в 1357 г. мост через Влтаву (Карлов мост), Староместскую мостовую башню и другие постройки. Карл IV строил и города. В Праге, насчитывавшей тогда 40 тыс. жителей, им был основан и построен Новый город.

В Чехии, Моравии и других землях Чешской короны десятки королевских и шляхетских замков, крепости, готические храмы, светские строения сохранились вплоть до нашего времени.

Важнейшей замковой постройкой, уникальной по своему характеру и назначению, был Карлштейн, произведение высокой готики французского стиля. Он возведен в 1348–1365 гг. и предназначался для хранения императорских коронационных драгоценностей и святых мощей.

Интерьеры храмов и Карлштейна расписывали крупнейшие художники — Микулаш (Никлас) Вурмзер и мистр Освальд. В Праге существовал специальный цех художников, работавших на заказ. Станковая живопись черпала свое содержание из Библии, житий святых. Особенно развился Марианский культ. Мастер Теодорих создал 130 изображений святых для часовни св. Креста на Карлштейне. Его произведения — вершина позднеготического искусства. В Южной Чехии работал анонимный творец Тржебоньского

алтаря, также создавший шедевр готического искусства. Еще один крупный центр готики находился в Моравии.

В Праге развивалось искусство книжной миниатюры. Оно культивировалось в монастырских и капитульных скрипториях. Украшались в основном Библия и некоторые книги для индивидуального чтения: молитвенники, часовники, духовные сборники назидательного характера. При этом начинается переход к реалистической манере изображения фигур, передаче форм тела, пропорций.

Таким образом, культура развивалась не только интенсивно, но и всесторонне. Чехия стала центром культурной жизни Европы. Но ценности создавались преимущественно в сфере церковной жизни. Особенностью чешского культурного развития была тесная связь с французской и итальянской культурой. Успехи культуры этой эпохи объясняются не только особенностями личности Карла IV, но и наличием высокообразованных в стране советников, политических и культурных деятелей и меценатов, объединенных международными контактами с центрами европейской культуры. Вокруг таких людей возникали группы и братства ученых, литераторов, художников.

Итак, в период правления Карла IV Чехия достигла вершины своего могущества, а феодализм — зрелости. Но и в обществе, и в деятельности императора были не только положительные моменты. Уже в 60-е гг. начался экономический застой, что явилось выражением объективной закономерности развития феодального общества, против которой действия Карла были бессильны, — они могли разве что задержать развитие неизбежного процесса. К концу жизни Карла обострились социальные противоречия, которые король умел сглаживать, не давая им разрастаться. Многие стороны деятельности Карла таили в себе опасности для самой же королевской власти в будущем, но предвидеть их он не мог.

Сам Карл был человеком незаурядным. Одаренный государственным умом, в высшей степени искусный политик, для которого коварство, вероломство, цинизм являлись вполне естественными свойствами правителя, к ним он прибегал, если это диктовалось государственной необходимостью. В то же время Карл был человеком широкого кругозора, свободным от фанатизма и формализма. Широко известна его терпимость к различным мнениям. Так, он находился в дружбе с Франческо Петраркой, взгляды которого на власть были совершенно иными, чем его собственные. Некоторое время Карл держал в Чехии Кола ди Риенци, вел с ним беседы и переписку, хотя знал, что этот человек

объявлен ересиархом. Карл оттягивал выполнение требования авиньонского папы выдать ди Риенци до тех пор, пока не изменилась ситуация. В то же время интересы государства и династии, как он их понимал, были для Карла высшим законом. Ради них он мог пойти на любые жертвы, отречься от дружбы и обещаний, даже от семейного счастья.

ЧЕШСКОЕ ГОСУДАРСТВО ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIV – НАЧАЛЕ XV в.

Управление, финансы

С конца XIII в. преобладающей формой правления в Чехии является центральная власть, хотя временами, в периоды ее ослабления, частично власть захватывается шляхтой. Могущество короля основывалось на обширной экономической базе, состоявшей как из непосредственных владений государя, так и из королевских городов и церковных институций. Кроме того, король получал средства от регалий, т.е. исключительного права на некоторые виды деятельности, а также от налогов. Важнейшей из регалий было право чеканки монеты, осуществлявшейся в Кутна-Горе. Все административные функции, связанные с чеканкой монеты, добычей серебра, управлением рудниками, находились в компетенции чиновника, который с 1378 г. стал называться главным минцмистром. С середины XIII в. к регалиям короля стала относиться охрана евреев, за что с последних взимался особый налог. Прочие налоги делились на общие и специальные. Общий налог опирался на земельные владения с сидящими на них крестьянами — главными налогоплательщиками. Но с начала XIV в. объявление налога («берны») требовало предварительного согласия шляхты. Самостоятельно же король мог взимать только специальные налоги — с монастырей и городов. Кроме того, королю шли платежи от деятельности судов, в том числе от суда каждого отдельного города.

Главным чиновником двора был управляющий финансами — коморник. Остальные должности при дворе, превратившиеся постепенно в наследственные и замещавшиеся представителями наиболее знатных родов, предназначались для обслуживания личности короля и со временем стали почетными. Канцелярию возглавлял канцлер, каковым всегда являлся пробст вышеградский. С расширением деятельности королевской канцелярии ее управление перешло в руки протонотария, а должность канцлера стала почетной. С середины XIV в. появилась должность «канцлер короля». Представлявший ее чиновник был,

действительно, помощником государя и им же назначался. Во второй половине XIV в. канцелярия стала важнейшим инструментом королевской администрации. В XIV в. возник и новый дворцовый суд, которому подлежали непосредственные подданные короля. В Моравии чиновники маркграфа действовали в том же порядке, что и в Чехии.

Существовали также учреждения, называвшиеся «земскими». Они обеспечивали участие в управлении представителей сословной общины. Чиновники земских учреждений назначались королем или маркграфом, но были подотчетны и сословной общине. Важнейшей сословной институцией являлся земский суд. Он появился в 60—70-х гг. XIII в. Постепенно господствующее положение в нем обрела шляхта. Это произошло после смерти Пржемысла II. Чрезвычайно важной была должность пражского бургграфа (пуркрабия), который являлся военным начальником Пражского Града, а потом и командующим земскими вооруженными силами. Также и коморник, управлявший королевскими финансами, вошел в число земских чиновников. Земский суд вел письменную регистрацию своей деятельности в книгах, которые назывались «земскими досками»; за них отвечал специальный земский писарь. Земский суд решал дела шляхты на основе обычного права, его решение обжалованию не подлежало. Поэтому он являлся центром политической власти шляхты и ее влияния в стране. Земский суд решительно восставал против всяких попыток короля кодифицировать чешское право.

В Моравии существовало два земских суда, оломоуцкий и брненский.

Значение земского сейма было еще невелико. В него преобразовались в течение XIII в. созывавшиеся королем (а практически пуркрабием) собрания. Постепенно он обрел независимость, и от старого порядка остался лишь обычай его созыва высшим пуркрабием, который выполнял и обязанности председателя. Основной функцией сейма с начала XIV в. было разрешение на сбор общих налогов (общей берны). Но обсуждались и все важнейшие события: принятие нового короля, решения о военных походах за границы королевства, меры по охране земского мира. Сейм выполнял и некоторые законодательные функции. Внутренне он никак не делился. В нем участвовали шляхтичи, при обсуждении важнейших вопросов — также высшее духовенство, иногда — патрициат главных королевских городов.

С 30-х годов XIV в. собирался и генеральный сейм — общий сейм сословий всех земель Чешской короны.

Церковное управление. В первой половине XIV в. завершилось отделение церковного управления от королевской администрации.

В 1344 г. было создано Пражское архиепископство, которому подчинялись епископства Оломоуцкое и Литомышльское. Самостоятельная чешская церковь получила новую структуру управления, основанную на каноническом праве. Для решения важнейших вопросов созывались общие синоды — собрания всего высшего и части приходского духовенства от всех церковных административных единиц. Синоды обсуждали принципиальные вопросы церковной жизни, их решения письменно фиксировались в форме статутов. Общие синоды созывались лишь по особому поводу, но синоды диоцезий (епископских округов) собирались регулярно дважды в год. Постоянное церковное управление находилось в руках епископских учреждений и должностных лиц. Все учреждения вели записи своей деятельности, так появились книги, ставшие важнейшим источником для изучения роли церкви в истории Чехии. С начала XIV в. в Чехии действовала инквизиция, выполнявшая сыскные и судебные функции по делам веры. Управление монастырей определялось уставами духовных орденов — бенедиктинского, августинского и францисканского.

Городское управление. Чешские города в основном возникли по инициативе королевской власти. Король поддерживал их развитие привилегиями, определял их правовое положение и использовал их экономическую силу. Это распространялось прежде всего на города королевские, но и на создание в более поздние периоды панских (т.е. учреждаемых отдельными феодалами) городов требовалось согласие государя. Городское самоуправление находилось под контролем короля, а самоуправление панских городов контролировалось феодалом-учредителем. Основой городского самоуправления было судебное право, общественное и полицейское управление и управление городским хозяйством, имуществом и доходами. Представитель короля председательствовал в суде, вырабатывал решения; но их утверждение зависело от присяжных, предложенных городом и одобренных королем.

Органом самоуправления города был городской совет. Его члены назывались коншелами. Он имел широкие полномочия в управлении, финансах, в вопросах ремесленных, торговых, полицейских и общественных, разбирал частные тяжбы горожан и выносил по ним судебные постановления. Постепенно совет приобрел ведущую роль в управлении и оттеснил на второй план королевского представителя (рихтаржа). Городской совет сходился на заседания, его решения вписывались в городскую книгу (старейшая городская книга — Пражская, от 1310 г.). Состав совета и его численность зависели от величины города. В двух пражских городах было от 18 до 24 коншелов, в большинстве прочих — по 12, в малых — по 3—4. Совет избирался ежегодно, и

при новых выборах оставалась только часть прежнего состава. Членом совета мог быть горожанин, владевший в городе недвижимостью, проживавший в нем не менее трех лет и плативший городские налоги. Житель предместья не мог состоять членом городского совета. Для решения важнейших вопросов созывалась городская община из полноправных горожан. В панских же городах высшей инстанцией управления являлся их владелец.

Экономическая и политическая ситуация в конце XIV и начале XV в.

Уже в последние два десятилетия правления Карла IV в экономической сфере Чехии наблюдается застой. Постепенно на нее распространилось влияние кризиса, который захватил всю Европу с середины XIV в. Из-за этого оказалось невозможным осуществить многие экономические мероприятия Карла IV. Чешские земли остались на периферии европейской экономической жизни. Попытка Карла включить Чехию в систему главных европейских торговых путей оказалась безуспешной. Правда, по росту потребления Чехия приблизилась к экономически зрелым странам Европы, но по производству продукции она от них отставала. Вывоз серебра усиливал импорт товаров, но тормозил производственную активность городов. Превосходство торговли над производством стало постоянным. Ремесло не могло конкурировать с изделиями передовых регионов Европы. Благодаря вывозу серебра это отставание не влияло непосредственно на развитие потребления, но деформировало экономику чешских земель. Односторонность торговых связей с немецкими землями привела к преобладанию в Чехии немецких и других иностранных купцов. Шла постепенная девальвация чешского гроша. В довершение ко всему эпидемии привели к нарушению равновесия между городом и деревней, ко всеобщей девальвации денег.

Смерть Карла IV и последующее падение авторитета королевской власти ускорили развитие кризиса. Его экономической причиной была диспропорция в разделении труда между городом и деревней. Цены на продукты земледелия не менялись или снижались, а цены на ремесленные изделия росли. Крестьянин не мог заплатить оброк феодалу, а тот переходил к более тяжелым формам эксплуатации. Рост земледельческой продукции при данных условиях уже достиг своего потолка, и феодальное хозяйство лишилось перспектив дальнейшего развития. Уровень развития земледельческой техники в принципе не мог быть повышен в условиях феодализма. Количество людей, необходимых для феодального способа производства, достигло максимума, общая

масса феодальной ренты была лимитирована емкостью рынка, города могли производить лишь ограниченное количество товаров. Ослабела внешняя торговля Чехии, что особенно чувствовалось в Праге. Обострились межклассовые и внутриклассовые противоречия.

После смерти Карла IV власть над Чехией, Силезией, Верхней и Нижней Лужицами и над чешскими ленами в Саксонии и Верхнем Пфальце перешла к его старшему сыну Вацлаву IV. Второй сын, Сигизмунд (Зигмунд), получил Бранденбург с титулом маркграфа, а третий, Иоганн (Ян), стал герцогом Герлицким. Моравия отошла к племянникам Карла IV. В создавшейся сложной экономической и политической ситуации Вацлав IV не смог удержать свои обширные владения. В политической обстановке Европы решающим моментом была папская схизма. Стремясь продолжить политику отца, Вацлав IV открыто встал на сторону Римского Папы Урбана VI (1378–1389) и против авиньонского папы Климента VII (1378–1394). В июле 1383 г. в Прагу прибыло посольство французского короля, попытавшееся перетянуть двор Вацлава IV на сторону Климента. Это возымело действие. Вацлав IV отказался короноваться в Риме и поручил своему кузену, стоявшему на стороне Франции, контроль над Италией. Все это подорвало позиции Вацлава IV в Европе. К тому же пражский епископ Ян из Йенштейна твердо поддерживал папу Урбана VI, и Вацлав вступил с ним в конфликт. Однако новый Папа Римский Бонифаций IX (1389–1404) Пражского архиепископа не поддержал, и тот отрекся от своего поста.

Нерешительность Вацлава IV, а также его ориентация на низшую шляхту вызывали возмущение панов. Возникла шляхетская оппозиция, поддержанная моравским маркграфом Йоштом и венгерским королем, братом Вацлава, Сигизмундом (Зигмундом). В 1394 г. панский союз захватил короля в плен и заточил в Пражском Граде. Тогда младший брат Вацлава герцог Герлицкий Иоганн (Ян) вторгся в Чехию и осадил Прагу, а когда паны увезли плененного Вацлава в Южную Чехию, а потом и в Австрию, Ян стал опустошать владения крупнейших панов из рода Рожмберков, враждовавших с королем. Паны пошли на переговоры, но в 1396 г. Ян внезапно умер, а Вацлав был вынужден пойти на крупные уступки шляхте, весьма ограничившие королевскую власть. Решающее место в королевском совете было предоставлено Пражскому архиепископу, епископам Оломоуцкому и Литомышльскому. Ослабление королевской власти продолжалось. В 1401 г. Вацлав IV передал власть в Чехии совету четырех. Упал авторитет Вацлава и в империи. 20 августа 1400 г. духовные

курфюрсты в союзе с пфальцграфом Рупрехтом лишили Вацлава IV императорского трона, а на следующий день выбрали императором Рупрехта, который захватил большинство чешских ленов в Верхнем Пфальце, между тем как чешское панство продолжало борьбу против Вацлава внутри страны. В 1410 г. после смерти Рупрехта римским королем был избран Сигизмунд (Зигмунд), король венгерский.

ГУСИТСКОЕ ДВИЖЕНИЕ В XV в.

Элементы застоя, намечавшиеся в Чехии начиная с 60-х годов XIV в., были отражением кризисных явлений, охвативших всю Европу. Экономический упадок в странах Западной и Южной Европы затянулся из-за эпидемий и длительного конфликта Англии с Францией. В этих странах, как и в Италии и Германии, наблюдаются острые социальные противоречия. В Чехии кризисные явления приобрели особенно острый характер в конце XIV в., а в XV в. переросли в гуситское движение.

Социальная структура общества

Кризис в экономике имел и серьезные социальные последствия. Первым из них была дифференциация всего общества — расслоение охватило крестьян, феодалов, духовенство, городское сословие.

Крестьяне делились на зажиточных (седлаки) и бедноту (халупники, заградники, челядь). Большую часть деревни составляли владельцы мелких и карликовых участков земли. Кроме денежного оброка, натуральных поборов и отработки крестьяне несли большое бремя налогов. Они были не собственниками, а лишь держателями земли. В правовом отношении крестьяне подчинялись феодалу и его суду, отличавшемуся крайней жестокостью: их подвергали варварским телесным наказаниям, пытали до смерти или выносили им смертные приговоры. Фактически власть феодала над крестьянином была неограниченной, что вызывало ненависть к представителям господствующего класса.

В городах существовали три общественные группы: патрициат, бюргерство и беднота. Патрициат держал в своих руках городское управление и суд. Объединенное в цехи бюргерство имело имущество, но было лишено политической власти, за обладание которой боролось с патрициатом, причем патрициат состоял в основном из немцев, а бюргерство — из чехов. 40—50% населения города составляла беднота, жившая в постоянном голоде, прозябавшая в трущобах. Патрициат и бюргерство обрушивали на нее самые жестокие кары.

К господствующему классу страны принадлежали феодалы и патрициат. Особенно выделялись богатством и могуществом феодалы духовные. Церковь владела третью всей обрабатываемой земли, или половиной всех земельных имуществ страны, и была самым изощренным эксплуататором. Кроме обычных крестьянских повинностей она взимала десятину со всех слоев населения, получала платежи за отправление обрядов. Светское дворянство было представлено панским и рыцарским сословиями. Паны стремились захватить в свои руки государственный аппарат, активно действовали в сейме, ограничивали власть короля. Перейти в панское сословие из низшего дворянства было практически невозможно. Паны захватили важнейшие должности и в местном управлении.

Число родов низшей шляхты достигало нескольких тысяч, они хозяйствовали в мелких владениях и имели скромные доходы. Были совсем неимущие рыцари, потерявшие свои владения и добывавшие средства к существованию военной службой или даже разбоем на больших дорогах.

Формально для феодалов и низшей шляхты действовало одно право — право общины свободных. Фактически же низшее дворянство занимало второстепенное положение и было недовольно своим общественным статусом.

В обстановке общественного кризиса отношения между всеми слоями общества крайне обострились. Крестьяне мечтали об освобождении от ненавистных господ. Бюргерство хотело свергнуть власть патрициата в городах, сохранив имущество и господство над беднотой. Городская беднота была готова бороться за коренное изменение существующего порядка. Представители дворянства боролись между собой за землю и власть. Все слои общества выражали недовольство церковью, стремясь освободиться от ее эксплуатации, поборов или захватить ее имущество. Таким образом, на рубеже XIV и XV столетий кризис проявился в экономической, социальной и политической сферах. Им была охвачена и церковная жизнь. Развилось народное и ученое еретичество, что свидетельствовало о кризисе церковной идеологии. Все это и явилось важнейшими причинами гуситского движения.

Гуситское движение, заполнившее около 70 лет чешской истории, — многоплановое общественное явление. Это борьба классов, реформация церкви, попытки изменить социально-политический строй, а также движение национального характера против засилья немцев в стране. Движение получило свое название по имени одного из его вождей — Яна Гуса, выступившего на первом, подготовительном этапе, который можно датировать 1400—1419 гг. Это был прежде всего период церковной реформации, к

концу которого Гус погиб, время расстановки классовых сил, формирования основных направлений движения. Второй период (1419—1471) — гуситская революция. В ней выделяются три фазы: 1419—1421 гг. — фаза наивысшего размаха революции и инициативы радикальных слоев; 1422—1437 гг. — фаза борьбы внутри страны и перехода гуситов в наступление против Европы, попытка придать движению международный размах; середина 30-х — 1471 г. — путь изменившегося чешского общества к внутренней организации отношений, к компромиссу с окружающим миром, борьба за удержание достигнутых рубежей.

Идеологические предпосылки гусизма

Обострение внутриклассовых и межклассовых противоречий в чешском обществе вызвало в нем недовольство существующими порядками и их критику. Протест, естественно, облекался в религиозную форму, иные формы были просто исключены. Существующее положение сравнивалось с «божественными установлениями». Обнаруженные несоответствия служили оправданием недовольства. Церковь была не только могущественна, но и безнравственна. После окончания авиньонского пленения пап в 1378 г. начался церковный раскол, продолжавшийся 40 лет и раскрывший миру глаза на сущность католической церкви. В адрес духовенства стала высказываться все более смелая критика. В Чехии первым таким критиком был Конрад Вальдгаузер (ум. в 1369 г.), немец, представитель ордена августинцев. В 60-е годы он выступил в одном из пражских храмов с разоблачением лицемерия нищенствующих орденов — францисканцев и доминиканцев. Сущности католической церкви он не затрагивал, желая только ее исправления в духе нравов первых веков христианства. Последующие критики пошли дальше. Ян Милич из Кромержижа (1320—1374), чех, проповедовавший — в отличие от Вальдгаузера — на чешском языке, считал, что всеобщая порча нравов в обществе есть признак приближения конца света. Милич же затронул тему о причинах и истинных виновниках развращения церкви и выработал собственную программу исправления общества. Этот пример был подхвачен Матвеем из Янова (1350—1394), магистром, получившим образование в Парижском университете, выступавшим против испорченного христианства и некоторых обрядов католичества, автором «Правил Старого и Нового Заветов» — сочинения, в котором доказывалась необходимость церковной реформы. Так зрела в Чехии реформационная мысль.

Одной из предпосылок гуситского движения было также учение английского реформатора Джона Виклифа, чьи сочинения

нашли большой отклик среди интеллигенции, так как подтверждали справедливость критиков церкви. На рубеже XIV и XV вв. антицерковная оппозиция резко усиливается, что в немалой мере связано со вступлением в общественную жизнь магистра Пражского университета Яна Гуса.

Деятельность Яна Гуса

Ян Гус родился в 1371 г. на юге Чехии в крестьянской семье, окончил Пражский университет и получил степень магистра. Когда к началу XV в. в Чехии распространились идеи Виклифа, то к кружку чешских виклифитов в Пражском университете примкнул и Ян Гус, позднее ставший сторонником воззрений английского реформатора. Получив сан священника, он начал свою проповедническую деятельность, особенно успешную в Бетлемской (Вифлеемской) часовне. Гус решительно критиковал церковь, разоблачал темные стороны ее жизни, жадность и алчность, феодальный характер, противоречие ее жизни с установлениями Библии и церковных авторитетов, эксплуатацию подданных. Свои проповеди Гус произносил на чешском языке, воздействуя на самые широкие слои населения. Понятно, что недоброжелатели стали собирать против него улики. В 1403 г. пражский архиепископ получил от священников жалобу на Гуса, они требовали наказать его за «еретические» высказывания.

В Пражском университете этого времени шли бесконечные диспуты. Боролись реформаторы и приверженцы старых порядков. За реформацию ратовали чешские магистры, опираясь в основном на учение Виклифа. Антивиклифиты, прежде всего немецкие профессора и магистры, в 1408 г. добились осуждения учения Виклифа и запрещения читать его сочинения в Пражском университете. Спорящие партии разделились по национальному признаку — на чехов и немцев.

Король Вацлав IV, свергнутый в 1400 г. с императорского трона, поддерживал из политических соображений реформационную партию, а чехи — линию короля. Немцы же стали утверждать, что вся чешская нация впала в ересь. Противоречия вышли за рамки университета, охватив общество в целом.

Чешские магистры добились от короля реформы университета. 18 января 1409 г. Вацлав IV подписал Кутногорский декрет, по которому немцы лишались всех привилегий в университете. Тогда немецкие магистры, бакалавры и студенты покинули Прагу, а университет стал центром деятельности сторонников Реформации. Но и среди них произошло разделение, сформировалась радикальная группа во главе с Гусом. К этому времени в

основном уже сложилось его учение. Гус считал, что существующий порядок должен быть изменен, люди должны возвратиться к той жизни, которую завещал Христос, нормы которой сформулированы в Библии; в обществе не должно быть несправедливости, эксплуатации и безнравственности. Что же касается методов борьбы за новое общество, то Гус был в основном сторонником мирных средств, но иногда говорил и о возможности насильственного воздействия на упорствующих в грехе. Он приспосабливал свое учение к конкретной обстановке, и понятно, что на его идеи опирались очень разные его последователи.

Пражский архиепископ вскоре признал высказывания Гуса подстрекательскими и подлежащими суду инквизиции. Папа Римский издал буллу, налагавшую на него проклятие. Но Гус продолжал свои проповеди, и его поддерживали широкие слои населения. Идея реформации овладела народом.

Возмущение масс вызывала и продажа индульгенций представителями папы, который собирал средства на ведение войны против неаполитанского короля. Гус объявил, что папа не Бог, а потому не может прощать грехи. После прибытия в Прагу продавцов индульгенций в мае 1412 г. в городе начались волнения. Для острастки власти казнили трех подмастерьев, а Гус был снова предан анафеме, и ему пришлось покинуть Прагу, так как городу угрожал интердикт. В 1414 г. Гус был вызван на церковный собор в южнонемецком городе Констанце, взят там под стражу, после 8 месяцев заключения осужден как еретик и 6 июля 1415 г. сожжен на костре.

Формирование основных лагерей гуситского движения

Весть о гибели Гуса дошла до Чехии и вызвала большие волнения. Дворянство послало Констанцскому собору протест против расправы над Гусом, Пражский университет не признал справедливости решений собора, народ стал отказываться от уплаты десятины и ренты в пользу церкви. Начались нападения на монастыри и на представителей церковной иерархии. Таким образом, после смерти Гуса нарастает революционный взрыв и формируются политические партии. Зажиточные слои общества стремились лишить церковь ее имущества и привилегий, сохранить за собой политическую власть, как и господство над народными массами. Последние же выступали за уничтожение всякой эксплуатации. Это привело к разделению гуситов на два основных лагеря. Феодалы, бюргерство, университетские магистры и другие зажиточные слои образовали умеренный лагерь, провозгласивший своей главной задачей добиться причащения из чаши и для мирян

(то есть «под двумя видами») — разумеется, со всеми экономическими и социально-политическими последствиями такой меры. Этот лагерь стал называться партией утраквистов (подобоев, чашников). Народные же массы, желавшие радикальной перестройки общества, программой чашников не удовлетворились. Также выступая за лишение церкви привилегий и за чашу для мирян, они требовали и более глубоких реформ, установления общественного строя, основанного на Библии. Это радикальное крыло гуситов получило название таборитов по имени города Табора, в котором впоследствии образовался их центр. Подавляющее большинство жителей Чешского королевства входило в тот или иной лагерь гуситов.

Гуситская революция

Смерть Яна Гуса в 1415 г. стимулировала реформационные устремления общества. Король Вацлав IV отказывался удовлетворить требования о подавлении в стране «еретичества». Население захватывало церковные земли, изгоняло католических священников и заменяло их гуситскими. На рубеже 1418 и 1419 гг. чешские католические паны, патрициат, римская церковь и германский император Сигизмунд (Зигмунд) объединили свои силы для наступления на гуситов, стали изгонять гуситских священников, добились назначения пражскими коншелами решительных противников гусизма. Тогда радикальные гуситы начали готовить восстание. 30 июля 1419 г. они собрались с оружием на проповедь священника Яна Желивского и двинулись к ратуше Нового места, требуя освободить людей, заключенных в темницы за протесты против старых порядков. Коншелы отказались выполнить требование. Тогда толпа взяла ратушу приступом, выбросила из окон представителей власти и добила тех, кто еще был жив. Так началась революция. Вацлав IV не был в состоянии подавить выступление, ему пришлось признать смену власти в Новом месте. 16 августа 1419 г. Вацлав умер. Прага стала центром революционных действий. Правые гуситы (паны, низшая шляхта, бюргерство) в конце августа 1419 г. выработали требования, предлагавшие Сигизмунду Люксембургскому следующие условия признания его чешским королем: 1) гарантия причащения мирян из чаши; 2) свобода закона Божьего (т.е. богослужения); 3) секуляризация церковного имущества; 4) признание установившегося в городах порядка. Эти требования стали известны как программа «четырех пражских статей». Но радикалы с этой программой не согласились. В это время толпы крестьян и плебеев пришли в Прагу и были с ликованием встречены пражской беднотой. Тогда

католики захватили Пражский Град и Малу Страну и разместили там свои войска. Новоместские радикалы 25 октября заняли Вышеград. Началась война. Радикальные гуситы овладели Малой Страной, королеве Софье пришлось бежать из Праги. Через 10 дней было заключено перемирие.

К этому времени возникли новые гуситские центры: Градец Кралове на востоке Чехии, Пльзень на западе и ряд других городов. Среди народных масс оживились хилиастические представления о втором пришествии Христа. Проповедники начали в духе Евангелия от Иоанна организовывать паломничества в горы. В июне 1419 г. у холма Табор собралось более 40 тысяч гуситов со всех концов страны. Поскольку Христос не являлся, было решено взять судьбу в собственные руки. 21 февраля 1420 г. гуситы захватили г. Сезимово-Усти и создали там общину как прообраз равноправного общества братьев и сестер. Однако положение города не обеспечивало его успешной обороны. Поэтому гуситы выбрали другое место, где стали строить укрепление, получившее название Табор.

25 марта 1420 г. в битве у Судомержи гуситы победили превосходившего их по силам противника. Уже в этой первой победе проявился военный гений рыцаря Яна Жижки, ставшего по приходе в Табор одним из гетманов. В Таборе возникла коммуна, общество братьев и сестер. Каждый приходивший сюда бросал свои ценности в общую кадку. Главным принципом коммуны был «Божий закон», все противоречившее ему уничтожалось. Во главе военных общин стояли четыре гетмана, большое влияние имели священники и проповедники. Был избран и собственный епископ. Программа таборской коммуны предусматривала всеобщее равенство, изгнание порочной церкви и органов феодального управления.

Однако очень скоро утопические представления таборитов столкнулись с реальностью. Приходилось отходить от уравнительных принципов, подчинять интересы индивидов общим обстоятельствам. Такое развитие событий было предопределено реальной обстановкой. Необходимость обеспечения Табора оружием, одеждой, питанием способствовала развитию в нем производства, что изменило и социальную структуру города. Начались противоречия между таборитскими проповедниками. Группа, объединявшаяся вокруг Микулаша из Пелгржимова, оценивала ситуацию более трезво, чем радикалы, а священник Мартинек Гуска и его единомышленники стояли на крайних радикальных позициях. Весной 1420 г., когда военные действия достигли большого размаха, во главе таборитов встали четыре гетмана из низшего дворянства, верные народному крылу движения, но

расходившиеся во взглядах с хилиастскими проповедниками. Мартинек Гуска и его сторонники были объявлены нарушителями порядка и дисциплины. Весной 1421 г. гетман Ян Жижка физически истребил самые радикальные элементы, объявленные экстремистскими. Это обстоятельство вместе с необходимостью материального обеспечения войск привели к ликвидации первоначальной революционно-плебейской коммуны.

Гуситские войны

С 1419 г. в Чехии шли гуситские войны. С одной стороны, это была вооруженная борьба между чешскими гуситами и чешскими же католическими панами, а с другой — борьба чехов-гуситов против международной реакции и иностранной интервенции.

Правая партия была готова на определенных условиях принять Сигизмунда (Зигмунда) Люксембургского чешским королем. Но тот решил подавить чешских «еретиков» силой и 17 марта 1420 г. начал крестовый поход против них. Гуситы стали готовиться к отпору. 30 июня Сигизмунд с огромным войском подошел к Праге. На помощь ей двинулись табориты. 14 июля разыгравшаяся на горе Витков битва была императором проиграна. Вновь проявился военный талант Яна Жижки из Троцнова.

После этого между гуситами возобновились распри. Умеренное крыло желало утвердить в Чехии монархию, радикальное было против. Пражане даже объявили таборитское учение еретическим, таборитское войско оставило Прагу. В июне 1421 г. в г. Часлав собрался сейм, провозгласивший четыре пражские статьи земским законом и официально отклонивший кандидатуру Сигизмунда на чешский престол. Сигизмунд стал готовить второй крестовый поход, который и начался 28 августа 1421 г. Но войско крестоносцев опять потерпело жестокое поражение и 10 января 1422 г. было почти полностью уничтожено. И снова начались раздоры между гуситами. 9 марта 1422 г. в Праге был убит Ян Желивский, и с его гибелью закончился период радикализма в Праге. Так завершилась первая фаза гуситской революции, для которой характерна гегемония бедноты и решительная революционная программа.

Новая фаза революции ознаменовалась отделением Жижки от Табора в 1423 г., а также войной между гуситами и внутренними католиками. Возглавлявший гуситов Жижка всегда выходил победителем. Но в 1424 г. он умер, и с его смертью нарушилась расстановка революционных сил.

Победы гуситской армии над армиями реакции объясняются не только военным талантом Жижки. Объявление всех чехов

еретиками означало угрозу их поголовного истребления. Чтобы сохранить себя, чешский народ должен был мобилизовать все свои возможности. Известно, что в периоды революционных движений просыпаются народные силы, ранее скованные угнетением и предрассудками. В период гуситского движения чешский народ почувствовал себя свободным, решительно встал на защиту новых идеалов и выдвинул из своей среды талантливых вождей, в том числе и Жижку, творца новой армии. Гуситская армия состояла из крестьян и городской бедноты и создала принципиально новую организацию. Ее основу составляла пехота, кроме того, имелись конница и артиллерия, и совершенно новым оружием были «боевые возы», обеспечивавшие пехоте возможность успешно бороться с тяжелой конницей противника. Новшеством являлось и взаимодействие родов войск. Армия была спаяна крепкой дисциплиной, определявшейся военным уставом, разработанным в 1423 г. Жижкой. Огромное значение имел моральный фактор, энтузиазм простых людей, взявшихся за оружие во имя достижения царства Божьего на земле. Глубокая убежденность в справедливости целей борьбы обеспечивала строгую дисциплину. Наряду с «боевыми возами» в качестве боевых средств использовались приспособленные для ведения боя сельскохозяйственные орудия. Все это сделало гуситское войско непобедимым и позволило разбить армии пяти крестовых походов.

С 1426 г. главным гетманом таборитов стал Прокоп Голый, выходец из патрицианской семьи, получивший университетское образование. С конца 1420 г. он принадлежал к умеренным таборитам. Военные и дипломатические способности позволили ему стать во главе гуситской Чехии.

16 июня 1426 г. саксонский курфюрст начал третий крестовый поход против гуситов. Но и он потерпел поражение. Военные действия были даже перенесены за пределы Чехии. 14 марта 1427 г. в Австрии гуситы разбили войско австрийских феодалов.

В это время франконский курфюрст Фридрих Гогенцоллерн начал готовить четвертый крестовый поход. Таборитское войско спешно возвратилось в Чехию. Узнав о приближении войск Прокопа, крестоносцы сосредоточились у г. Тахова, но 4 августа 1427 г. разбежались, а гуситы разгромили войска чешского панского союза. Так установилась гегемония таборитской армии во всей Чехии. В 1428 г. табориты совершили успешный поход в Силезию, напали на Верхний Пфальц и с частью сил подошли к Вене. Император Сигизмунд пошел на переговоры, которые состоялись в начале апреля 1429 г., но ни к чему не привели. В конце 1429 г. пять самостоятельных гуситских армий перешли чешские границы и вторглись в Германию. При подходе гуситов к г. Бамбергу

его беднота изгнала своих господ и захватила власть. От Нюрнберга гуситы получили огромный выкуп за отказ от штурма. При этом в заграничных походах гуситы придавали огромное значение пропаганде своих идей — и словом и мечом. Вернувшись из Германии в феврале 1430 г. с большими трофеями, гуситы в 1431 г. совершили походы в Силезию и Лужицы.

Постоянное ведение войны и содержание большого числа людей, для которых война стала ремеслом, требовали пополнения припасов, причем обрести их в опустошенной Чехии уже не было возможности. В этих условиях походы за границу становились средством удовлетворения насущных потребностей и действенной мерой против экономической блокады, проводимой католическими странами. Поэтому на первом этапе заграничные походы были вынужденной реквизиционной акцией, а по мере разложения Табора принимали и откровенно мародерский характер, хотя гуситы не забывали и о своей революционной программе. Необходимость реквизиций привела к падению популярности гуситских бойцов, а разложение внутри войск ослабляло их военную мощь и вело к изоляции армии от народа.

Феодальная Европа не отказалась от попыток подавить гуситскую Чехию силой. В 1431 г. был организован пятый крестовый поход под руководством кардинала Цезарини. 14 августа огромная армия крестоносцев, не вступив в сражение под г. Домажлицы, бежала с поля боя. Это привело к изменению в отношениях между Чехией и феодальной реакцией. Заседавший в Базеле с июля 1431 г. церковный собор пригласил гуситов на переговоры. В начале 1433 г. чешское посольство во главе с Прокопом Голым прибыло на Базельский собор. Переговоры ни к чему не привели. Затем они были перенесены в Прагу. Здесь католическое и гуситское панство договорились о совместном выступлении против таборитского войска. 30 мая 1434 г. у деревни Липаны близ Праги произошла битва между таборитскими отрядами и силами панского союза, закончившаяся полным поражением таборитов. Причины заключались не только в предательстве одного из гетманов, поражению способствовали также противоречия внутри гуситского лагеря, утомление народа от продолжительных войн, изоляция таборитов в результате постоянных реквизиций, стремление правых гуситов договориться с церковью и Сигизмундом. Но, несмотря на разгром радикального крыла, гуситство продолжало оставаться решающей силой в стране. Умеренные гуситы согласились при условии значительных уступок со стороны Сигизмунда признать его чешским королем, а 5 июня 1436 г. достигли соглашения с католической церковью в

форме так называемых «Базельских компактатов». Впервые в истории католическая церковь вынуждена была признать еретиков полномочными исповедовать свою веру. Идеологическая гегемония церкви оказалась нарушенной.

Новая фаза гуситской революции

Битва у Липан и Базельские компактаты знаменовали переход к новой фазе гуситского движения, которое теперь представляло собой борьбу за закрепление завоеваний и за их признание феодальной Европой. Изменения в чешском обществе касались земельной собственности, социального положения отдельных слоев и государственного устройства.

Земельные богатства церкви были захвачены шляхтой и городами. Для панов-гуситов секуляризация церковных земель составляла основу их программы. Католические же паны не останавливались перед присвоением имений монастырей под предлогом их «охраны». Представители низшей шляхты присваивали коронные и некоторые церковные земли, из этого слоя общества выросла «погуситская аристократия». Гуситские города захватили церковное имущество не только в самих городах, но и в их окрестностях, превратившись в феодальных сеньоров. Они овладели также имуществом бежавших мещан-католиков.

Восстановить прежнее имущественное положение церкви было уже невозможно.

В целом основы классовой структуры феодального общества нарушены не были, но в сословном устройстве произошли существенные перемены. Пало влияние церковной иерархии, возвысились некоторые непривилегированные слои и низшие слои привилегированного класса, города получили представительство в сейме и государственных учреждениях, избавились от административного и политического контроля со стороны короля и феодалов, сами стали решать вопрос о выборах совета и рихтаржа. Общественная роль низшей шляхты увеличивалась пропорционально интенсивности военных действий, а сама она стала занимать значительное число мест в органах управления страной, оформилась в политическое сословие и стала представительствовать в сейме. Высшая же шляхта уже не составляла столь единодушную группу, как ранее, перед 1419 г.

Крестьянам и городской бедноте ничего не досталось при дележе «революционных трофеев». Но все же в полевых войсках среди командиров мелких подразделений появились и выходцы из крестьянства, что ранее было невозможно. Совсем небольшой части крестьянства удалось перейти в более высокий социальной слой

населения. Главным завоеванием крестьянства в гуситском движении явилось избавление от чрезмерных поборов церкви.

Гуситское движение — самое мощное антифеодальное движение Европы XV в. Оно отличалось следующими чертами:

— ясная, четко сформулированная идеология, направленная против церкви, светских феодалов и короля;

— борьба одновременно против социального и национального угнетения;

— сотрудничество городской и деревенской бедноты;

— общенародность;

— бóльшая продолжительность по сравнению со всеми предшествующими выступлениями.

Политическая борьба в период с 1437 по 1471 г.

23 августа 1436 г. Сигизмунд (Зигмунд) Люксембургский занял чешский королевский престол. Несмотря на подписание избирательных капитуляций, он приступил к рекатолизации и реставрации прежних порядков. Сигизмунд насадил своих ставленников в городские советы, изгнал из Праги главу гуситской церкви Яна из Рокицан. После смерти Сигизмунда (9 декабря 1437 г.) в стране возникло безвластие, давшее возможность и гуситской и католической шляхте упрочить свои позиции за счет королевской власти. В 1440 г. был принят документ, по которому власть в стране разделялась между группами шляхты, что осуществлялось посредством «ландфридов», т.е. политических союзов панов, рыцарей и городов отдельных краев. Их съезды заменяли центральное земское правительство.

Главой католической партии в Чехии был могущественный феодал Ольдржих из Рожмберка. В 1444 г. ландфрид чашников главой гуситской церкви признал Яна из Рокицан. В том же году высшим гетманом Восточно-Чешского союза был избран 24-летний Иржи из Подебрад.

В 1448 г. Римская курия отказалась признать Яна из Рокицан архиепископом в Чехии. Тогда в ночь со 2 на 3 сентября 1448 г. Иржи из Подебрад неожиданно для католиков захватил столицу и стал правителем всей земли. Рожмберк попытался оказать этому акту вооруженное сопротивление, но потерпел поражение. В 1452 г. Иржи из Подебрад был официально признан земским губернатором при несовершеннолетнем принце Ладиславе Погробке. Учрежденный в Чехии совет из 12 лиц во главе с земским губернатором по полномочиям приравнивался к королевской власти.

После признания Иржи из Подебрад правителем страны чашники объединили свои силы, создав предпосылки для удержания

10 – 3699

результатов гуситской революции. Объективно политическая линия Иржи имела положительное значение, предполагая усиление центральной власти, способное ограничить самоволие панства и обеспечить безопасность государства. В 1453 г. Ладислав Габсбург был коронован, но регентство Иржи из Подебрад было продлено еще на 6 лет, а в 1457 г. Ладислав внезапно умер. 7 мая 1458 г. королем был избран Иржи, обещавший оставить панам-католикам захваченные ими коронные и церковные земли. Вскоре обострились отношения между новым чешским королем и папой Пием II. Последний считал еретиками всех утраквистов. 31 марта 1462 г. он ликвидировал Базельские компактаты, и над Чешским королевством нависла угроза новых крестовых походов. В 1466 г. новый папа, Павел II, отлучил Иржи от церкви. В Чехии против Иржи образовался так называемый Зеленогорский союз католических панов. Началась война, в которой против Иржи выступил и венгерский король Матьяш Хуньяди — Матвей Корвин. Война продолжалась до 1470 г. с переменным успехом, а затем обернулась неудачей для Матвея, потерпевшего поражение. 22 марта 1471 г. Иржи из Подебрад умер. Подобойские сословия и часть католической партии избрали на чешский престол Владислава II Ягеллона, сына польского короля Казимира. С его приходом к власти в 1471 г. и закончился гуситский период чешской истории.

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ И ПОЛИТИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ ЧЕХИИ С 1471 ПО 1526 г.

Правление Владислава II Ягеллона на чешском престоле продолжалось до 1516 г. При этом Моравия, Силезия и Лужицы находились в руках венгерского государя Матвея Корвина, который готовился к войне и за чешский престол. Но в 1478 г. был заключен Оломоуцкий мир, сохранявший прежнее положение. Владислав, опиравшийся ранее только на сторонников покойного Иржи из Подебрад, пошел на компромисс с панством из Зеленогорского союза. Королевский совет постепенно ослабил власть государя, противодействуя его союзу с низшей шляхтой и горожанами. Вновь усилилась борьба между католиками и утраквистами. В 1483 г. вспыхнуло восстание последних. В 1485 г. был заключен Кутногорский мир, обеспечивавший равноправие католической и утраквистской церквей. Это стабилизировало класс феодалов, который в дальнейшем выступал единым фронтом, и способствовало тому, что в 1487 г. папа признал королевский титул Владислава.

В 1490 г. умер Матвей Корвин, и Владислав был избран также венгерским королем. Возникло новое обширное государство,

но прочного объединения не получилось. Владислав перенес свою резиденцию в Венгрию, в Чехии сформировалась сословная монархия. Король делил свою власть с панским, рыцарским и мещанским сословиями. Экономические, религиозные и правовые вопросы решал сейм, собиравшийся ежегодно, а иногда и чаще. Чтобы объявить очередной сбор налогов, король должен был каждый раз обращаться к сейму. Он не имел права сменять высших земских чиновников. В Чехии их главой был «высший пуркрабий», а в Моравии — земский гетман. Земский суд состоял из 12 представителей панского и восьми — рыцарского сословия. В 1500 г. были приняты Владиславские постановления, юридически закрепившие могущество шляхты и бессилие королевской власти.

Политическое устройство чешского государства. Положение отдельных слоев общества

Гуситская революция ускорила процесс создания в Чехии такой формы государства, которая носит название сословной монархии и характерна вообще для Европы этого времени; в Чехии она имела некоторые специфические черты.

Под «сословием» понимается социальный слой общества, объединенный определенным правовым положением в общественной системе и организованный в корпорации для защиты этого положения. Для XV–XVI вв. сословия — это привилегированные слои феодального государства, имеющие право на свободную организацию своих членов и участие в законодательной, исполнительной и судебной власти в стране и тем самым — на господство над непривилегированными слоями общества. В XV–XVI вв. в Чешском королевстве существовало три сословия: панское, рыцарское и городское; их совокупность составляла сословную общину. Сословное государство представляет собой такую форму управления, при которой сословная община (или несколько общин) существенным образом участвует (участвуют) через свои учреждения в законодательной, исполнительной и судебной власти. Определенную власть имел и король, но дуалистическое правление не было стабильным; в зависимости от обстоятельств больший авторитет приобретала власть то государя, то сословий. С XV до начала XVII в. в Чехии существовала сословная оппозиция, которую представляли отдельные личности, отдельные сословия или вся сословная община. Ее главной целью было расширение сословных прав и противодействие королевской власти. Программа и структура сословной оппозиции менялись в зависимости от обстоятельств.

Власть короля в Чехии с 1419 по 1526 г. была крайне ограниченной. Он утратил большую часть принадлежавших ему ранее

поместий, замков и другого имущества. Города освободились от королевской опеки, государь лишился большинства регальных прав. В послегуситское время экономическое и политическое превосходство оказалось в руках сословной общины. Король не мог без ее согласия взимать налоги и формировать военные силы, что и являлось наиболее действенным оружием шляхты в борьбе против короля.

После гуситской революции главным политическим органом Чехии стал земский сейм представителей трех сословий: высшей шляхты, низшей шляхты и королевских городов. В Моравии к ним еще добавлялись представители высшего духовенства — прелаты. На земских сеймах сословия выступали под руководством пражского пуркрабия и моравского гетмана. Сословная община обсуждала внутриполитические вопросы, внешней политикой занимался король. Высшим юридическим органом был земский суд, а решающим учреждением всей системы — королевский совет, дававший рекомендации королю и контролировавший его действия. Король стремился заполнить совет своими сторонниками. Его состав часто менялся, и в совете, и в земском суде главную роль играли аристократы, они же удерживали основные позиции в сейме.

Крестьяне и плебейские слои города и деревни не принимали участия в управлении государством. После многолетних войн и некоторого улучшения экономического положения они не проявляли активности и даже слабо откликнулись на крестьянские войны — в Венгрии 1514 г., в Германии и Тироле 1524—1525 гг. После гусизма изменилась и организация управления поместьем: крестьяне могли переходить в подданство к другому феодалу, которого считали более справедливым. Мещане панских городов имели почти такое же самоуправление, как и жители городов королевских. Произвол феодалов, ставший обычным явлением в догуситский период, ограничивался новыми юридическими нормами.

Королевские города в результате гуситской революции усилились экономически, политически и в военном отношении. Городские общины, особенно патрициат, стали феодальными землевладельцами, эксплуататорами подданных и вполне независимыми политически. У них появились собственные вооруженные силы. Городской совет обрел статус высшего органа власти в самом городе и принадлежащих ему поместьях. Существовал разветвленный аппарат чиновников, решение важных вопросов зависело не только от патрициата, но и от ремесленников и их цеховой организации. По сравнению с догуситским периодом внутренняя жизнь городов значительно демократизировалась.

Горожане добились участия в земском сейме и в решении всех обсуждаемых вопросов. Города выступали главным конкурентом шляхты, но все же не могли обеспечить своего реального участия в государственном аппарате, высших земских учреждениях и судах наравне с ней. Конкуренция приобрела самые острые формы.

Низшая шляхта поправила свое имущественное положение и превратилась в рыцарское сословие. Ее верхушка стремилась проникнуть в панское сословие, а незнатные рыцари стояли ближе к мещанам. Если в период гуситской революции низшая шляхта была участником мещанско-рыцарской коалиции, то с 70-х годов XV в. она перешла на сторону высших сословий. Но финансовые возможности и политическое влияние большинства рыцарей оставались невысокими. Главной ареной их политической жизни являлись местные, крайские, организации.

Высшая шляхта в гуситское и послегуситское время присвоила себе имущества больше, чем другие слои общества. Крупнейшие панские роды усилились настолько, что каждый из них мог политически соперничать с государем. Состав послегуситской аристократии ограничивался несколькими десятками шляхтичей. Высшая шляхта снова укрепила свое могущество, но за него велась борьба как между отдельными феодальными группами, так и между целыми сословными корпорациями.

Специфической особенностью чешского государства XV — начала XVI в. было двоеверие, опиравшееся на Базельские компактаты, которые, несмотря на отмену их папой в 1462 г., являлись земским законом. Однако они действовали лишь в Чехии и Моравии, где утраквисты составляли большинство населения, а в Силезии и в Лужицах монополию удерживала католическая церковь. Чешские католики получали поддержку из-за рубежа, а также от всех чешских королей, кроме Иржи из Подебрад. По существу, конфессиональные споры были борьбой за социально-экономические блага, за власть. Кутногорское соглашение 1485 г. признавало равноправие католичества и утраквизма, но Община Чешских братьев постоянно преследовалась, против нее действовал Святоякубский мандат 1508 г. вплоть до XVII в. Но все же религиозная терпимость достигла высокого уровня, и основным принципом сословной политики стала независимость от церковной идеологии и подчинение церкви светской власти.

Таким образом, для истории чешского государства XV — начала XVI в. характерно ослабление королевской власти, ее ограничение сословиями, равновесие в ее разделении между панским, рыцарским и мещанским сословиями, упадок политического влияния духовенства, стабилизация сословных институций, обусловившая

возможность решения внутриполитических конфликтов мирными средствами.

В 1516 г. умер Владислав Ягеллон. В стране наступило как бы безвластие, вылившееся в острую борьбу между шляхтой и мещанством, панством и рыцарством. Под влиянием проникавшей в Чехию реформации церковь чашников разделилась на старо- и новоутраквистскую. Этот раскол отразился на борьбе сословий за власть. Людовик (Лайош) II Ягеллон оказался бессильным примирить воюющие стороны, однако здесь на события повлияли обстоятельства международного характера.

Для экономического развития Чехии конца XV — начала XVI в. характерен рост землевладения крупных феодалов. Их основным доходом была денежная рента, но стимулировалось и развитие городов и местечек, которые стали претендовать на роль центров ремесла и торговли наряду с королевскими городами. Феодалы занимались также разведением рыбы, особенно на рубеже XV и XVI вв. Подчас рыбные пруды устраивались на землях, отнятых у крестьян.

В мелких крестьянских хозяйствах увеличивалась земледельческая и животноводческая продукция, чему способствовало повышение внешнего и внутреннего спроса на нее. В технике земледелия коса начала заменять серп, стала лучше удобряться и распахиваться почва. Положение чешского крестьянства не ухудшилось по сравнению с предшествующим периодом. Наряду с крестьянскими хозяйствами среднего достатка существовали и богатые седлаки. К высшему слою крестьянства принадлежали «свободники» без собственной земли, за ними шли зависимые держатели крупных земельных владений, старосты и держатели трактиров. Достаточно многочисленной была сельская беднота — безземельные, держатели малых участков и работавшая по найму челядь. Крестьяне имели право, расплатившись с долгами, оставлять панство.

Королевские города вплоть до 30-х гг. XVI в. развивались по старому пути. Основу их ремесленной продукции составляло производство пищевых продуктов, одежды, текстиля, железных и кожаных изделий. Эти ремесла охватывали 80% всех участников ремесленного производства. Большинство из них работало только на местный рынок, но в некоторых городах производилось сукно и на экспорт. Наиболее крупные панские города не отличались по своей структуре от королевских. Большинство ремесел имело цеховую организацию, а сукноделие и пивоварение отличались разделением труда предмануфактурного типа.

В конце XV — начале XVI в. оживились торговые связи Чехии с католическими центрами, их раньше церковь запрещала.

В малых городах и местечках значительную роль все еще играло земледелие. В «горняцких городах» (Кутна-Гора и др.) большая роль в общественной жизни принадлежала всему населению.

С конца XV в. обострились отношения королевских городов с феодалами; полноправно участвовавшие в сейме и политической жизни, эти города также соперничали с предпринимательской деятельностью феодалов и их городов. В 1500 г. по «Закону о земском устройстве» у городов отнимался голос на сейме и при избрании короля. Возник вооруженный конфликт, приведший к компромиссному соглашению 1517 г. За городским сословием признавалось право голоса в сейме, но все городские рынки объявлялись свободными, что было выгодно шляхте.

ВОЗНИКНОВЕНИЕ СРЕДНЕВЕКОВОЙ ГАБСБУРГСКОЙ МОНАРХИИ И СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ ЧЕШСКИХ ЗЕМЕЛЬ В 1526–1620 гг.

Избрание Фердинанда I Габсбурга чешским королем и его политика

В XV в. на Южную Европу начали интенсивное наступление турки. Они захватили Балканский полуостров и в 1526 г. открыли кампанию против Венгрии. Король венгерский и чешский Людовик (Лайош) II Ягеллон 29 августа 1526 г. в битве у Мохача потерпел поражение, а сам утонул. Чешско-венгерская персональная уния распалась. Шляхта Венгрии избрала королем Яна Запольского, а чешские сословия — Фердинанда Габсбурга, эрцгерцога австрийского. Брат императора Священной Римской империи и испанского короля Карла V, способный политик, он владел всеми австрийскими землями и стремился создать в Центральной Европе прочную опору габсбургской династии, уже господствовавшей в большей части Западной континентальной Европы, и установить гегемонию Габсбургов на всем континенте. Небольшой частью шляхты Фердинанд был избран также и венгерским королем, в Центральной Европе возникло многонациональное объединение чешского и венгерского государств и австрийских земель во главе с единым королем.

Избрание Фердинанда Габсбурга чешским королем под именем Фердинанда I состоялось на условиях подписания им избирательных капитуляций, которые он обязался выполнять. Фердинанд обещал, что его наследник не будет коронован на чешский престол при жизни самого Фердинанда, так что сословия сохранили за собой право избрания короля. Он обещал

также не лишать никого занимаемых должностей, иметь резиденцию в Праге, не пользоваться в чешских делах услугами иностранных советников, признавать прежние компетенции Чешской канцелярии, выплатить земские и старые королевские долги, уважать религиозную свободу. Требования были как закон записаны в земские доски. Но, укрепив свое положение в монархии, выиграв в 1527–1528 гг. войну против Яна Запольского, Фердинанд стал жестко расширять централизм за счет сословных свобод. Органы чешского государства стали переходить в подчинение центральным учреждениям. В 1528 г. король разделил пражские города, запретил созыв собраний единой городской общины и крайских съездов. В 1530 г. он сместил с должности наивысшего пуркрабия Зденека Льва из Рожмитала. Активная внешняя политика Фердинанда требовала больших денежных средств, и он стал вопреки обычаю взимать ежегодную берну. Увеличились налоги, в первую очередь с городов, но также и с крестьян. С 30-х гг. Фердинанд начал преследовать в стране некатолические секты и реформационные течения. Против его действий назрела оппозиция.

Конфликты сословий с королем. Восстание 1547 г.

Первый открытый конфликт чешских сословий с габсбургским правительством возник в 1546 г., когда Фердинанд потребовал от них денег и военной силы для помощи брату Карлу V, ведшему войну против протестантов в Священной Римской империи. Сословия денег не дали. В январе 1547 г. Фердинанд потребовал от чехов войска на помощь союзнику Габсбургов Морицу Саксонскому. Требование было незаконным, оно не было согласовано с сеймом. 17 февраля сословия издали в Праге протест-прокламацию и создали союз против короля. На 17 марта в Праге был назначен сейм. Он сформулировал программу борьбы, в которой перечислялись нарушения королем сословных привилегий и земских свобод за все время правления. Было образовано подобие временного правительства — комитет из панов, рыцарей и коншелов Праги, которому надлежало руководить сословными делами в перерывах между заседаниями сейма. Вскоре комитет, поддавшись панике, объявил мобилизацию военных сил против короля, что уже выходило за рамки закона. Тем временем Габсбурги одержали важные военные победы, что испугало чешские сословия. Король добился изоляции вождей восстания и ввел в Прагу войска для расправы. Но против бесчинств солдатчины поднялся народ, с которым армия справиться не смогла. Однако через четыре дня пражане пошли на капитуляцию.

Король отнял у Праги все привилегии, обязал горожан сдать оружие, лишил город недвижимого имущества и городских доходов, отнял привилегии у цехов, учредил в городах королевские должности гетмана и рихтаржа, которым предстояло контролировать управление и политическую жизнь. Такой же разгром был учинен и другим королевским городам. Городское сословие было, по существу, уничтожено как политическая сила. Шляхту Фердинанд наказал конфискацией поместий или обращением их в лен, многих дворян осудил на пожизненное домашнее заключение. Вершиной расправы явилась казнь двух земанов и двух мещан 22 августа 1547 г. На собравшемся после этого сейме были запрещены сословные союзы, земским чиновникам и судьям предписывалось присягать не только королю, но и его наследнику, который теперь мог быть коронован и при жизни действующего короля. Но все же принципы дуалистического управления страной остались неприкосновенными. Фердинанд заставил оппозицию перейти в оборону, но не ослабил противоречий между сословиями, с одной стороны, и королевской властью — с другой.

Экономическое развитие Чехии в XVI в.

В XVI в. в Европе проявляется тенденция к созданию единого рынка и становлению капиталистического способа производства. Чехия же принадлежала к экономически отсталым регионам Европы. Главное место в ее экономике занимало земледелие и мелкое производство. Вместе с тем большинство шляхты уже стремилось производить продукцию на продажу, развивать товарную активность велькостатка. В пивоварении шляхта, усилив эксплуатацию крестьян, вытеснила с местного рынка города. Продавалась также и другая продукция.

Ключевое значение имели добыча и вывоз металлов. В конце второго десятилетия XVI в. были обнаружены новые залежи серебра и основан новый горняцкий город Яхимов, ставший вскоре центром европейского значения. В 1521—1544 гг. здесь добывалось ежегодно по 900 кг серебра — 19% европейской, или 15,4% мировой добычи. Правда, вскоре эти показатели сократились. Чехия давала также более 68% всей добычи олова. Добыча других металлов имела в Чехии лишь второстепенное значение.

Для XVI в. характерно слабое развитие чешской торговли с другими странами и транзитной торговли через страну. Центров мировой торговли в Чехии не было. Ремесленное производство удовлетворяло лишь потребности местного рынка. В городах преобладало производство продуктов питания и одежды. Городское

ремесло приходило в упадок из-за конкуренции велькостатков. Все же суконщики нашли для своей продукции сбыт в Восточной и Юго-Восточной Европе, но к началу XVII в. сохраняли свои позиции лишь суконщики Йиглавы и Броумова. Зато поднялось производство полотна в Северной и Северо-Восточной Чехии, стимулируемое массовым спросом на мировом рынке. Но в целом чешское ремесленное производство переживало застой, чему способствовало сохранение цехов.

В это же время начала возникать рассеянная мануфактура в Северной и Северо-Восточной Чехии, в Лужицах и Силезии. Ткачи отдавали товар торговцам, которые и сбывали его, создавая первоначальную капиталистическую кооперацию. Развивалось мануфактурное производство также в добыче металлов и минералов, как и в смежных отраслях. Но удельный вес его был совсем невелик и не вносил в экономическую структуру Чехии новых элементов. Для интенсивного развития мануфактуры недоставало свободной рабочей силы и сырья, а также инициативы торгового капитала.

В XVI в. в Чехии наблюдается рост численности населения за счет рождаемости и иммиграции. Особенно значительным был приток немцев в центры развития горного предпринимательства, а также в пограничные области и крупные города. Существовала и итальянская иммиграция, но только в города. С приходом Габсбургов в Чехии увеличилось количество представителей иностранной шляхты. Выходцы из Австрии, Германии и Силезии приспособились к местным условиям, но сохранили немецкие национальные особенности.

Продолжался процесс имущественной дифференциации внутри шляхты, а также среди крестьян. Но этот процесс не достиг такого уровня, который привел бы к массовому расслоению крестьянства.

Существовали различные формы эксплуатации крестьян феодалами. Повышалась рента, налагались новые повинности, на плечи крестьян перекладывалась земская берна, которая выплачивалась королю. В товарных велькостатках подданных принуждали потреблять произведенные в поместье продукты и товары.

Религиозная борьба в XVI в. Община Чешских братьев

Для общественной жизни Чехии и Моравии XVI в. характерна борьба между религиозными течениями. Чешские утраквисты приблизились к католический церкви и оказались весьма консервативными в сравнении с лютеранами Германии. В чешском обществе появились и приверженцы лютеранства — неоутраквисты.

Между обеими группировками возникли конфликты. Кроме того, еще с середины XV в. существовала Община Чешских братьев, духовным отцом которой был Петр Хельчицкий (ок. 1390 — ок. 1457), противник католической церкви и угнетения народа, выступавший, однако, за мирные средства изменения общества. О Хельчицком сохранилось мало сведений. Идет полемика о его происхождении, образовании, имени, датах жизни. Лишь в начале XX в. русскому ученому Н.В. Ястребову удалось воссоздать картину литературной деятельности Хельчицкого. Его сторонники появились в Чехии только в 40-х гг. XV в. В 1453 г. ими была основана Община Чешских братьев. Иржи из Подебрад разрешил им поселиться на границе с Силезией, где братья и занимались земледельческим трудом. В 1467 г. произошло официальное оформление Общины. Она выработала свое учение, избрала епископа и совет.

Первоначально в Общину не принимались имущие. После 1474 г. была проведена реформа и выработана новая догматика, получившая перевес в 1490 г. на синоде Общины. Теперь «братьям» позволялось заниматься торговлей и промыслом. Большинство Общины, принявшее новые правила, стало называться «болеславскими братьями» — по их центру в г. Млада-Болеслав. К началу XVI в. Община объединяла ок. 10% всего населения Чехии, включая и представителей дворянства.

В 20—30-е гг. XVI в. в Общине снова проявились две линии. Сторонники нового направления подчеркивали значение образования и приближения ко всем прочим слоям общества. Они победили, в 1532—1533 гг. стало ясно, что учение Общины приближается к взглядам Цвингли и Лютера, к европейской Реформации. Но ее борьба с чешскими утраквистами продолжалась в течение всего XVI в.

В Чехии появилось и много мелких радикальных сект. Особенно укрепились в Моравии анабаптисты. Фердинанд I выступал против всех некатолических течений, добивался слияния консервативного утраквизма с католичеством. Против королевской политики выступила в 1546—1547 гг. только Община Чешских братьев. Она демонстрировала свое несогласие с королевской политикой в религиозных вопросах и солидарность с евангелическим лагерем Германии. Последовали репрессии. Епископа Общины Яна Аугусту надолго заключили в темницу.

Фердинанд I решил возобновить Пражское архиепископство, что и было осуществлено в 1561 г. В Прагу он пригласил иезуитов. В 1562 г. последовали нападки короля на утраквистов. В 1564 г. Фердинанд умер. Его наследник Максимилиан II, не столь усердный в преследовании некатоликов, все же остался в рамках габсбургской политики. Он не подтвердил Аугсбургскую конвенцию, не

утвердил и конфессию Общины Чешских братьев. В 1575 г. лютеране и Чешские братья выработали общую конфессию. Этот теологический по форме документ был по содержанию чисто политическим и стал предметом продолжительной борьбы между королем и сословиями. Король в конце концов согласился уважать религиозные свободы, сформулированные в конфессии, но подтвердить свое согласие письменно отказался. Религиозный вопрос превратился в главный предмет спора между сословной оппозицией и королем. С 80-х годов XVI в. рекатолизация поддерживалась в Чехии испано-католическим лагерем, а евангелические сословия находили союзников в лагере противников Габсбургов.

Обострение политических противоречий в конце XVI — начале XVII в.

Международная обстановка в Европе конца XVI в. была крайне напряженной. Габсбургский лагерь и католическая церковь взяли жесткий курс на рекатолизацию и контрреформацию. Испанские Габсбурги не без успеха стремились влиять на венский двор, способствуя усилению напряженности в Чехии. Чешские католики, чувствуя мощную поддержку, не шли ни на какие компромиссы. Направленная против Испании Нидерландская революция привела к ужесточению политического курса католиков, что вызвало ответную реакцию в протестантском лагере. Сословия во всех землях стали осознавать свои отношения к европейской Реформации и в политическом смысле. В чешской евангелической среде активизируются стремления установить контакты с возможными союзниками. В конце XVI в. из этой среды выделяются значительные политические фигуры — Вацлав Будовец (1551–1621) и Карел Старший из Жеротина (1564–1636).

После смерти Максимилиана в 1576 г. чешским королем стал Рудольф II, перенесший в 1583 г. императорскую резиденцию в Прагу. Вместе с Рудольфом в Прагу прибыло много фанатичных католиков, действия которых вызывали протест евангелистов. Во главе испано-католической партии встали паны из рода Лобковиц. Католическая партия на рубеже XVI и XVII вв. захватила важнейшие должности в стране и гарантировала прилив в свой лагерь новых сил: в него стали приходить представители шляхты нового поколения. Католики вытесняли евангелистов и с мелких должностей, организовывали провокации против евангелической сословной оппозиции. В 1602 г. вновь была запрещена деятельность Общины Чешских братьев, начались преследования ее членов. В 1603 г. Вацлав Будовец на

чешском сейме решительно осудил политику новых земских правителей в религиозном вопросе.

В начале XVII в. вновь началась война Габсбургской монархии с Турцией. Была отвоевана значительная часть Венгрии, в которой Рудольф запретил всякое некатолическое вероисповедание. Евангелисты ответили на это восстанием, охватившим всю Венгрию. К тому же турки начали новое наступление на эту страну. В 1606 г. брат Рудольфа II Матиас заключил мир с венграми, признав за ними право на религиозные свободы. Рудольфа это никак не устраивало, начался конфликт между братьями. В 1607 г. возникла конфедерация австрийских и венгерских сословий против императора, в апреле 1608 г. к ней присоединилась Моравия. 8 мая 1608 г. войско конфедератов перешло границы Чехии, а Карел Старший из Жеротина призвал и чешские сословия перейти на сторону Матиаса. Последние от такого шага отказались, так как Рудольф обещал выполнить все их требования, кроме права на религиозную свободу.

Переговоры между Рудольфом и Матиасом Габсбургами привели к заключению соглашения. Рудольф отдал власть над всеми землями Габсбургов, кроме Чешского королевства, Матиасу. Моравские и австрийские сословия получили лишь устные заверения об удовлетворении их требований. На сейме в январе 1609 г. произошел конфликт по поводу утверждения чешской конфессии 1575 г., вопрос решен не был. 1 мая сословия без разрешения императора сошлись в Новоместской ратуше. Они привели с собой в Прагу военные отряды и ввиду неуступчивости католической партии создали собственное правительство из 30 «директоров», заключили конфедерацию с сословиями Силезии и стали готовиться к вооруженной борьбе. 9 июля Рудольф II вынужден был выдать чешским сословиям маестат на религиозную свободу, а 20 августа аналогичное разрешение получили и сословия Силезии.

Рудольф II решил взять реванш. 30 января 1611 г. собранное по его инициативе войско захватило часть Чехии. Но весь габсбургский лагерь уже отошел от Рудольфа. В марте 1611 г. к Праге подошли войска моравских сословий и короля Матиаса. Рудольфу пришлось отказаться от чешской короны в пользу брата, а в начале 1612 г. Рудольф скончался. Однако и Матиас, добившись трона, возвратился к контрреформационным, централизаторским и абсолютистским тенденциям династической политики. Начались новые конфликты между католиками и протестантами. Чешские земли стали областью интересов международной дипломатии. Сословная оппозиция уже ясно сознавала, что в случае открытого столкновения она будет искать помощь против своего государя за границей.

ЧЕШСКОЕ СОСЛОВНОЕ ВОССТАНИЕ 1618–1620 гг.

После 1615 г. разногласия в Европе достигли большой остроты. Милитаристские круги испано-католического и антигабсбургско-протестантского лагерей готовились к войне, и было ясно, что она захватит значительную часть континента. В Чехии провокационная политика правительства, с одной стороны, и решительность сословной оппозиции — с другой, создали предпосылки для вооруженного конфликта.

6 марта 1618 г. собравшийся в Праге съезд некатолических сословий послал императору жалобу на нарушения маестата и наметил новое собрание на май. Запрет императора собраться в мае вызвал крайнее возбуждение, так как съезд действовал в рамках, кодифицированных маестатом. Нарушение свобод было использовано радикальным крылом оппозиции, чтобы перетянуть на свою сторону умеренное большинство. Однако к решительным действиям была готова лишь горстка радикалов.

21 мая 1618 г. съезд протестантских сословий все же состоялся, однако города не отважились послать на него свои делегации. Работа съезда сначала проходила спокойно, но радикальная группа не желала удовлетворяться обычными формами протеста. Ее глава Г.М. Турн призвал сословия к активным действиям. 22 мая радикальные вожди оппозиции выработали план акции против королевских наместников. Утром 23 мая толпа представителей сословий двинулась на Пражский Град, где из 10 наместников императора застали лишь четырех. Двух из них, а также секретаря канцелярии выбросили через окно, однако они остались живы. «Дефенестрация» королевских наместников означала объявление войны. При этом сословия с самого начала отказались от помощи низших социальных слоев.

24 мая съезд сословий избрал правительство из 30 «директоров» — по 10 от каждого сословия. Но вскоре внутри некатолических сословий выявились серьезные противоречия. Большинство верило в чисто политический путь решения конфликта. Поскольку и в директории преобладали сторонники нерешительного центра, она не смогла использовать фактор внезапности и обеспечить действенную помощь из-за границы.

25 мая 1618 г. директория одобрила текст «Апологии», обвинявшей наместников в грубом нарушении законов, но отрицавшей направленность восстания против императора. Издания «Апологии» вместе с просьбой о помощи были разосланы по всем землям Габсбургской монархии и в Нидерланды. Однако из протестантских князей только курфюрст Пфальцский Фридрих V послал две тысячи наемников в Чехию, остальные

заняли сдержанную позицию. Саксонский курфюрст уклонился от помощи по политическим соображениям, Нидерланды были слишком заняты внутренней борьбой. Английский король Яков на послание даже не ответил. В общем реакция протестантских правительств показала беспочвенность надежд на помощь.

К тому же и Карел Старший из Жеротина осудил восстание в Праге. В связи с этим и австрийские сословия заняли выжидательную позицию. Венгрия отказалась помогать как сословиям, так и императору. Чешским повстанцам оставалось надеяться только на самих себя.

Габсбурги же могли ожидать помощь от Рима, Испании и прочих католических государств. В августе 1618 г. императорская армия вторглась в Чехию, 25 августа к ней присоединились дополнительные силы. Правда, пока решительного сражения не произошло, а когда сословия получили подкрепление, посланное Фридрихом V, осенняя кампания завершилась в целом в пользу чешских повстанцев. Отдельные отряды Турна даже подходили к Вене. В области дипломатии сословия добились от Фридриха V определенной поддержки за обещание ему чешской короны, а Нидерланды согласились оказать денежную помощь. Но дипломатия Габсбургов была более успешной. Она изолировала Англию. Мадрид и несколько имперских князей оказали денежную поддержку императору, и к лету 1619 г. Габсбурги достигли военного превосходства.

Сословная директория испытывала острый финансовый кризис. Шляхта не хотела поступаться своими доходами. Кризис был приостановлен конфискацией имущества явных противников восстания и распродажей церковных имений.

В марте 1619 г. умер император Матиас. Престол должен был занять Фердинанд II, что многих не устраивало. Это побудило Моравию присоединиться к чешскому восстанию, все земли Чешской короны объединились против Габсбургов.

В Верхней Австрии оппозиция также произвела переворот и солидаризировалась с чешским восстанием, послав войско против императорской армии. 31 июля 1619 г. генеральный сейм земель Чешской короны принял новую конституцию. Королевство становилось конфедерацией пяти равноправных земель с общим государем и существенно ослабленной центральной властью. Но творцы новой конституции создали уже устаревший тип политического устройства с гегемонией сословий.

26 августа 1619 г. на чешской королевский престол был возведен Фридрих Пфальцский. Однако уже 27 августа императором был избран Фердинанд Штирийский, а это означало ухудшение международного положения восставших. По своей сущности их

борьба принципиально отличалась от раннебуржуазных революций в Нидерландах и Англии, будучи типичным восстанием феодалов, исключающим союз с городским и сельским населением и превращение в общенародную революционную борьбу. Гегемоном восстания являлась узкая группа представителей панского сословия. Для привлечения союзников она смирилась с восстановлением крайских сеймов и усилением влияния рыцарства в местном управлении. Но взаимное недоверие представителей сословий не исчезло в ходе борьбы. Расходы на наемные войска быстро росли, повстанческое правительство требовало денег и от мещанства, которое, как и большая часть шляхты, весьма неохотно шло на чрезвычайные выплаты. Война приносила и другие неприятности: торговля замирала, наемные войска мародерствовали, а повстанческое правительство политических выгод не предоставляло.

В 1619 г. пражские мещане сформулировали требования третьего сословия, в частности о полном восстановлении привилегий, прав и свобод королевских городов, ограниченных в 1547 г. В июле 1619 г. требования были предъявлены земскому сейму, которому пришлось пойти на ликвидацию зависимости свободных городов от королевской коморы и власти королевских рихтаржей и гетманов, восстановить равноправие третьего сословия в объеме, существовавшем до 1547 г. Но с избранием королем Фридриха Пфальцского директория была упразднена, города потеряли в ней свои места, а их представители были отозваны и из органов местной власти. Земские учреждения стали вмешиваться в дела городов, особенно в сбор налогов. Между тем финансовый кризис приводил ко все большему мародерству со стороны войск, так что население вынуждено было с оружием в руках защищать свое имущество, столкновения перерастали в массовые акции.

На какое-то время силы восставших увеличились за счет союза с трансильванским князем Габором Бетленом, который с большим войском продвинулся на запад и объединился с чешскими повстанцами. В конце ноября 1619 г. союзное войско окружило Вену и имело реальные шансы на успех. Но в это время польский король напал на Трансильванию, и Бетлену пришлось срочно возвращаться домой. План взятия Вены рухнул. В конце сентября 1620 г. Бетлен заключил перемирие с Габсбургами, что стало большим ударом для чешских повстанцев. К тому же отказались от поддержки восстания Нидерланды, а английский король Яков I решил не поддерживать Фридриха Пфальцского. Чешские сословия оказались почти в изоляции. Решение же сословий большинства центрально-европейских государств поддержать восстание оказалось формальным.

Новый чешский король Фридрих Пфальцский объявил, что передает значительную часть своего имущества на ведение борьбы с Габсбургами. Вождям восстания он предоставил высшие государственные должности. Но моравские сословия, даже избрав Фридриха королем, обещали отрядить в его распоряжение лишь небольшое войско. Силезские сословия вообще не дали ничего.

Боеспособность сословных войск падала день ото дня, наемники бунтовали ввиду неуплаты им жалования. В апреле 1620 г. возникла угроза распада их нескольких полков. А между тем Филипп III Испанский послал в Центральную Европу крупные военные силы, баварский эрцгерцог Максимилиан 8 октября 1619 г. подписал соглашение с императором, вся Католическая Лига была готова предоставить ему крупную военную помощь. Вдвое увеличила финансовые дотации папская курия. На сторону католического лагеря перешел протестантский курфюрст Саксонии. Благодаря посредничеству Франции 3 июля 1620 г. было заключено соглашение о ненападении между Евангелической Унией и Католической Лигой, так что Максимилиан Баварский смог закончить военные приготовления.

24 июля 1620 г. армия Максимилиана Баварского вторглась в Верхнюю Австрию, захватила там главные опорные пункты и двинулась в Нижнюю Австрию. 10 сентября Испания начала военные действия против Рейнского Пфальца, что являлось нарушением соглашения между Унией и Лигой. В конце августа Габор Бетлен, избранный венгерским королем, возобновил войну с императором, но армия последнего была столь велика, что могла вести бои и на два фронта. В сентябре саксонский курфюрст занял Лужицы, обещая сохранить свободу вероисповедания для лютеран. Тогда же объединенная армия Лиги и императора двинулась на Чехию. Силы сословий, которые не могли равняться с армией императора, быстро отступили из Южной Моравии в Чехию. Наемные войска под командованием Мансфельда изменили чешскому королю и заключили перемирие с императором. Положение армии чешских сословий оказалось безнадежным. Моравские сословия решили капитулировать.

В начале ноября 1620 г. войско Лиги подошло к Праге. Деморализованная армия сословий не смогла использовать прогрессивную нидерландскую тактику. 8 ноября в течение всего двух часов чешская оборона на склонах Белой Горы пала. 9 ноября Фридрих Пфальцский бежал в Силезию. Чешская армия перестала существовать. Белогорское поражение явилось вершиной кризиса чешского сословного восстания. Сословия всех земель конфедерации немедленно капитулировали. Большинство вождей сословного восстания бежало из Праги, но некоторые все же остались,

надеясь на милость императора. Но Фердинанд II уже приступил к расправе над Чешским королевством. 20 февраля 1621 г. члены директории, не бежавшие из Чехии, были взяты под стражу, 5 апреля все руководители восстания были приговорены к смертной казни и конфискации имущества. 27 из них были казнены 21 июня 1621 г.: трое из панского сословия, семеро — из рыцарского и семнадцать — из мещанского. В Моравии также несколько человек были приговорены к смертной казни.

В марте 1622 г. император объявил, что не будет преследовать побежденных, если они сами признают свою вину. Результатом же была конфискация имущества 680 человек. Особенно пострадали королевские города. В Моравии имущество было конфисковано у 250 человек. Все это принесло значительные доходы казне Фердинанда. Конфискаты были куплены крупнейшими феодалами, в том числе Альбрехтом из Вальдштейна (Валленштейном), который создал себе в Северо-Восточной Чехии огромный комплекс доходных поместий. Существенно расширили свои владения и другие феодалы.

В 1627 г. для Чехии и в 1628 г. для Моравии было издано «Обновленное земское устройство», создавшее предпосылки для установления абсолютизма.

Поражение восстания 1618–1620 гг. привело к потере Чехией политической независимости. Габсбурги установили режим, от которого пострадал весь чешский народ, его свобода, культура, религия. Поэтому объективно сословия боролись за чешскую национальную самобытность и против реакционного варианта дальнейшего развития чешского общества. В то же время борьба чехов против Габсбургов не была национальным движением в современном смысле этого слова. В XVII в. борющиеся стороны объединялись по сходству политических, классовых и религиозных устремлений, что нашло выражение прежде всего в форме защиты религиозной свободы, свободы вероисповедания.

ЧЕШСКИЕ ЗЕМЛИ В ПЕРИОД ТРИДЦАТИЛЕТНЕЙ ВОЙНЫ

Военные действия на территории чешских земель

Победа над сословным восстанием в Чехии усилила позиции Фердинанда II Габсбурга и вообще Католической Лиги. Этот факт поставил в тяжелое положение некоторые протестантские страны, особенно Нидерланды: они опасались возобновления войны с Испанией поскольку срок двенадцатилетнего перемирия с ней подходил к концу. Теперь Испания могла сосредоточить свои

военные силы и финансовые средства, освободившиеся в Центральной Европе, для новой агрессии. Нидерланды искали союзников, они обещали бывшему чешскому королю Фридриху Пфальцскому помощь для возобновления военных действий против императора. Испания, действительно, начала войну против протестантских стран. Сформированные этими странами отряды наемников и чешских эмигрантов открыли военные действия, нанесли поражение войскам императора и заняли значительную часть Восточной Моравии. Но в целом акция не удалась. Центр европейской войны переместился на имперскую и нидерландскую территории. Фридрих Пфальцский утратил свои земли.

В 1624 г. война вступила в новую фазу: в нее включились Англия, Франция и Дания, поддержавшие Нидерланды. В 1625 г. против Габсбургов была создана Гаагская коалиция, в которую вошли Нидерланды, Англия, Дания и нижнесаксонские княжества. Этому блоку симпатизировали Франция, Трансильвания и Турция. В такой ситуации Фердинанд II принял предложение чешского пана Альбрехта Валленштейна сформировать за его (Валленштейна) собственный счет армию, объявив его генералиссимусом императорских войск. Габсбурги достигли превосходства над силами Гаагской коалиции. Разгромив войска датского короля Христиана IV и принудив его заключить мир в Любеке 22 мая 1628 г., габсбургская дипломатия добилась распада этой коалиции. В руках Габсбургов, точнее, армии Валленштейна, находилась почти вся Центральная и Северная Европа (в Северной Европе — Мекленбург и Балтийское побережье). На захваченных землях Габсбурги решили восстановить старые порядки.

6 марта 1629 г. был издан так называемый «реституционный эдикт», по которому католической церкви возвращались все поместья, принадлежавшие ей до 1552 г., и запрещалось кальвинистское вероисповедание на территории империи. Опасность внедрения в жизнь реституционного эдикта объединила лютеран, кальвинистов и некоторую часть католиков. Это привело к созданию новой антигабсбургской коалиции, в которой главная роль принадлежала Франции и Швеции. Фердинанд вынужден был пойти на уступки: он отозвал Валленштейна с поста главнокомандующего, а реституционный эдикт в силу не вступил. Но эти уступки уже не помогли императору. 6 июня 1630 г. сильная, хорошо вооруженная армия шведского короля Густава II Адольфа высадилась на побережье Померании и стала быстро продвигаться в глубь континента. Политически активная часть чешских эмигрантов вступила в ряды шведских войск. На сторону шведов перешли Бранденбург и курфюршество Саксонское. 17 сентября 1631 г. в битве у Брейтенфельда шведы разбили войска императора

и двинулись дальше, а саксонское войско в 1631 г. вторглось в Северную Чехию.

На территории Чехии почти не было императорских отрядов, и саксонская армия 15 ноября 1631 г. заняла Прагу без боя. Многие чешские эмигранты надеялись, что под прикрытием саксонских войск можно будет восстановить в Чехии сословное правительство. Возвратившиеся из эмиграции шляхта и мещане Чехии захватывали имущество, конфискованное у них после поражения восстания, евангелическое духовенство занимало костелы и возобновляло в них свое богослужение. Но планы и действия возвращенцев не встретили сочувствия у саксонского курфюрста. К тому же начался разлад в антигабсбургской коалиции, что объединило католический лагерь. Венское правительство в конце 1631 г. вновь пригласило Валленштейна принять на себя руководство армией. В течение нескольких месяцев он создал огромную армию и начал военные действия. Саксонское войско было вытеснено из Чехии, главные же силы наступления сосредоточились в направлении на Баварию, занятую к этому моменту шведской армией. В битве у Лютцена 16 ноября 1632 г. погиб шведский король Густав II Адольф. Но шведский канцлер Оксенштерна (Оксенстьерна) сумел объединить протестантских и имперских князей для дальнейшей борьбы. В то же время Валленштейн не хотел быть орудием политики Габсбургов в Испании. Его истинные планы нам неизвестны, но возможно, что он стремился создать в пределах империи собственное государство, например, как саксонский курфюрст. Во всяком случае Валленштейн установил контакт с французами и шведами, хотя и не посмел пойти на открытый разрыв с Веной. Подобная нерешительность окончилась для гениального полководца катастрофой — он был убит агентами императора.

Война продолжалась. В ходе ее дальнейших событий саксонский курфюрст изменил протестантскому лагерю и перешел на сторону Габсбургов, заключив в Праге мир с императором 30 мая 1635 г. По этому миру саксонский курфюрст получил Верхнюю и Нижнюю Лужицы, отторгнутые от земель Чешской короны.

Положение Габсбургов в империи вновь укрепилось. Но в войну вступила Франция. 25 февраля 1635 г. кардинал Ришелье заключил союз с Нидерландами, а затем возобновил союзный договор со Швецией и объявил войну Испании. Протестанты вновь начали наступление, и весной 1639 г. шведское войско вторглось в Чехию. Шведы обратились к чешскому народу с призывом к восстанию против Габсбургов и обещали помощь в деле освобождения страны. Но измотанное военными погромами население уже не верило в возможность освобождения и

смотрело на наступление шведов с опаской. Тем не менее шведы захватили часть Моравии и намеревались соединиться с трансильванским князем Дьердем Ракоци для совместного наступления на Вену. Но в конце 1643 г. на стороне Габсбургов выступил датский король Христиан IV, а также Польша, и шведы были вынуждены увести войска из Моравии для защиты земель Северной Германии. На территории земель Чешской короны шведские войска находились еще не раз. Вся Центральная Европа была опустошена войной, но ни одна из сторон не достигла решающего перевеса. Всеобщее экономическое истощение и внутриполитические трудности заставили воюющие стороны начать переговоры о мире. Чешские эмигранты пытались привлечь внимание ведущих политиков антигабсбургской коалиции к чешскому вопросу и обсудить проблему восстановления в Чехии добелогорских порядков. Но для крупных европейских государств чешский вопрос утратил сколько-нибудь важное значение.

В период мирных переговоров военные действия в Центральной Европе не утихали. Летом 1648 г. шведский генерал Кенигсмарк совершил нападение на чешскую территорию, взял Пражский Град и Малу Страну, захватив при этом многие ценности, прежде всего художественные, хранившиеся в коллекциях Града. Разграбив также и Южную Чехию, шведская армия ушла, а 24 октября 1648 г. в Мюнстере и Оснабрюкке был подписан мир, завершивший Тридцатилетнюю войну. Этот мир, известный как Вестфальский, существенно изменил соотношение политических сил в Европе. Рухнули планы установления в Европе гегемонии Габсбургов. Утратила свое господствующее положение Испания. На передний план вышли Франция и Швеция. Вестфальский мир подтвердил суверенитет Нидерландов — первого государства, где победила буржуазная революция. Но положение Габсбургов в Центральной Европе укрепилось. Европейские государства признали победу императора над сословными режимами в так называемых «наследственных землях» и санкционировали те изменения, которые провело правительство Габсбургов в Чешском королевстве после Белой Горы.

Политические, экономические и социальные последствия Тридцатилетней войны для чешских земель

В результате Тридцатилетней войны территория Чешского королевства уменьшилась, так как Лужицы в 1635 г. отошли к Саксонии. Подавление сословного восстания не привело, однако, к ликвидации чешского государства, и «Обновленное земское устройство» для Чехии (1627) подтвердило существовани

государственного образования, носившего название «Земли Чешской короны» и объединенного с Венгерским королевством и другими землями монархии личностью единого государя. В границах чешского государства Габсбурги признавались чешскими королями.

Однако относительная «свобода» отдельных частей монархии в рамках последней была формальной. Габсбурги проводили политику централизации. После поражения восстания уже не собирался сейм земель Чешской короны, был ликвидирован дуализм сословной и королевской власти, характерный для политического развития чешских земель с конца XIII в. Было ликвидировано и свободное избрание короля. Важнейшие политические и финансовые вопросы стали решаться центральными королевскими органами, тайным и дворцовым советами и особенно «дворцовой коморой» (палатой). Законодательное право принадлежало государю. Высших земских чиновников также назначал король, и они были ответственны перед ним, а не перед сеймом. Земский суд утратил свой суверенитет, так как высшей апелляционной инстанцией стал государь. В состав сейма было введено духовное сословие, и притом — как первое. Мещанство же не имело теперь самостоятельного голоса. Функции утверждения налогов за сеймом сохранились, но шляхта, устрашенная побелогорскими репрессиями, не использовала этого средства для политического давления. Управленческий аппарат сословий был заменен королевским. Высшим исполнительным органом стала Чешская канцелярия, находившаяся с 1624 г. в Вене, а высший канцлер стал важнейшим по значению чиновником чешского государства. Негативное значение имело уравнение немецкого языка с чешским. Королевские учреждения, занятые немецкими чиновниками, ставили на первое место немецкий язык, чешский же в деятельности учреждений постепенно отходил на задний план.

Вследствие того что территория Чехии неоднократно была ареной военных действий, страна была опустошена. Кроме того, экономика подрывалась конфискациями земельного имущества, высокими штрафами за участие в сословном восстании или даже сочувствие повстанцам. Очень сильно пострадали от побелогорских репрессий и от военных действий города. Всеобщий упадок препятствовал их экономическому возрождению. Тяжелым бременем для всех слоев населения стали высокие военные налоги и принудительные займы. Особенно от налогов страдали города, так как феодалы своих подданных предпочитали обирать сами. Многолетние военные действия нарушили торговые связи чешских земель с остальным миром, а также традиционный ввоз и



Политическая карта Европы в середине XVII в.

вывоз товаров. Сократилась внутренняя торговля. Все это уменьшало производство товаров и их обмен и тем самым ухудшало экономическое положение городов и мещан.

Земледельческое население за время войны пострадало так же сильно, как и городское. Множество сел погибло в огне, был уничтожен инвентарь; усугубляли положение тяжелые контрибуции и расходы на содержание войск. Их несли все без исключения слои населения деревни. Однако в период военного затишья земледельцы, которым удавалось сохранить часть скота, спрятав его от мародерствующих войск в лесах, а также какие-то сельскохозяйственные орудия и семена, снова начинали обрабатывать землю и производить продукцию для собственных потребностей и даже частично на рынок. Но общий объем сельскохозяйственного производства далеко не достиг довоенного уровня. Поглощение доходов земледельцев высокими феодальными податями и государственными налогами настолько снизило покупательную способность сельского населения, что крестьяне приобретали у ремесленников лишь самые необходимые им товары. Обмен товарами между городом и деревней получил односторонний характер. Это означало существенное снижение общего уровня экономики, смену высокоразвитого товарного производства таким положением, при котором земледелие преобладало над городским производством.

В период войны произошли существенные изменения в феодальном землевладении. Несколько сотен шляхетских фамилий утратили свое имущество или значительную его часть за участие в сословном восстании или сочувствие ему. Новые изменения во владениях землей наступили после убийства Альбрехта Валленштейна, когда опять были произведены конфискации. Многие из могущественных прежде феодальных родов опустились на низшие ступени общественной лестницы, а некоторые личности, ранее незначительные, превратились в крупнейших магнатов. Произошел также большой прилив в чешские земли иноземной шляхты, преданной Габсбургам и имевшей перед ними военные и политические заслуги. В 50-е годы XVII в. в Чехии соотношение между старыми и новыми панскими родами составляло 169 к 136, а между старыми и новыми рыцарскими фамилиями — 457 к 116. В обоих сословиях старые фамилии имели, таким образом, численное превосходство, но зато представители новой шляхты были более зажиточными.

В Моравии наблюдалась несколько иная картина. В панском сословии соотношение пришедших в страну в результате войны иностранцев к старым местным родам составляло 39 к 27, в рыцарском — 35 к 30. Но лишь несколько иностранцев получили

владения крупных размеров. В целом же и в Чехии и в Моравии земельные владения сосредоточились в руках небольшого слоя феодалов. Усилилась концентрация земельных владений, углубилась имущественная дифференциация среди шляхты. Панству принадлежало более 60% всех подданных, тогда как рыцарскому сословию — лишь 10, а церкви — около 12%. Число лиц шляхетского сословия уменьшилось.

Поражение сословного восстания способствовало усилению феодального класса в чешском обществе. На Белой Горе победили силы, опиравшиеся на реакционнейшие слои феодального общества, стремившиеся любыми средствами к укреплению этой системы. Эти слои оказывали поддержку наиболее консервативному элементу общества — католической церкви, и, применяя силу, ослабляли те социальные группы, которые являлись носителями противоположных социально-экономических тенденций. Эти же слои подрывали политические и экономические силы мещанства, поддерживали процесс разорения мелких рыцарских владений и способствовали закрепощению крестьянства. Уже во время войны крупнейшие магнаты стали ориентировать свое хозяйство на производство товарной продукции, главным образом продовольствия, которого в стране не хватало. Они расширяли барскую запашку, образуя панские дворы, присоединяли ко дворам оставленные крестьянами земельные наделы, устраивали новые дворы на рустикальной земле. Обрабатывать все эти земли феодалы заставляли крестьян, а поскольку во время войны рабочей силы было недостаточно, повинности крестьян были повышены в несколько раз.

Феодалы продавали хлеб на местном рынке или войскам. Часть пшеницы и ячменя обрабатывалась в панских пивоварнях, так как продажа пива приносила большие доходы. Феодалы устанавливали монополию на продажу пива, на помол зерна. В некоторых панствах разводили овец, рыбу, продавали лес, добывали железную руду. Все предприятия панских хозяйств обслуживались трудом зависимых крестьян.

Паны были неограниченными господами своих подданных. По сравнению с добелогорским периодом существенно выросли отработочные повинности крестьян. Последние были вынуждены выполнять все работы, необходимые для нужд производства в панских дворах, рыбниках, овечьих кошарах и других объектах, при этом использовались крестьянские же орудия и скот. Постепенно увеличилось число велькостатков, где крестьяне бесплатно работали по 2—3 дня в неделю в течение всего года. Не менее тяжелыми были и платежи, которые администрация панства увеличивала с помощью различных ухищрений.

Но феодальные землевладельцы были не единственными угнетателями крестьянства. Постоянно увеличивались государственные налоги, росли и требования католической церкви. Такая эксплуатация вызывала в некоторых областях восстания, особенно частые в период с 1621 по 1628 г. Но локальные выступления плохо вооруженных крестьян легко подавлялись войсками.

В результате Тридцатилетней войны в Чехии произошли демографические изменения. Люди гибли от голода и эпидемий, часто заносимых в страну чужеземными войсками. Кроме того, после 1620 г. в результате белогорского поражения из страны эмигрировали десятки шляхетских и мещанских семей из страха перед расправой за участие в восстании. Во второй половине 20-х гг., после издания антиреформационного патента, последовала вторая, более мощная волна эмиграции. Тайно уходили многочисленные крестьяне евангелического вероисповедания, не желавшие отрекаться от своей религии. После Вестфальского мира опять усилилась борьба против некатоликов, и в 50-е гг. многие из них покинули страну. В целом чешские земли оставило несколько тысяч мещанских и крестьянских семей, точно число эмигрантов определить невозможно. Чешские евангелисты нашли убежище в Саксонии, Бранденбурге и других немецких государствах, некоторые обосновались в Силезии, Словакии, Польше и Пруссии. Рассеянные по всей Центральной Европе, чешские эмигранты сохраняли, однако, сознание принадлежности к своей родине. Но во втором-третьем поколениях они все же, как правило, сливались с местным населением.

Общее количество утраченных Чехией людей учету не поддается, так как статистики не существовало. Наиболее осторожные историки считают, что убыль населения страны составила не более четверти, другие называют одну треть.

Торжество католической Контрреформации

Культурная ситуация в чешских землях оказалась крайне неблагоприятной для развития национального элемента. Вскоре после Белогорской битвы в Чехию возвратились иезуиты. В 1623 г. возникла чешская провинция этого ордена, и по всей стране стали создаваться иезуитские учреждения — резиденции ордена и его школы («колейи»). До 1653 г. в чешской провинции действовали 23 иезуитские школы. Правительство поручило иезуитам цензуру всей издававшейся литературы и контроль над типографиями. В марте 1622 г. все магистры-некатолики должны были оставить Пражский университет, который в ноябре того же года был передан иезуитскому ордену. Иезуиты объединили

Пражский университет с Клементинской иезуитской коллегией и полностью подчинили высшее образование своим целям. Другие монашеские ордена (премонстранты, капуцины и проч.) усилили свои позиции в чешских землях, они увеличили численный состав своих монастырей, стремились приобрести земельные владения.

Венское правительство, понимая, что рекатолизация Чехии и Моравии, где некатоликов было свыше 90%, потребует много времени, действовало постепенно. Первый удар был нанесен некатолическим священникам, которых в течение 1621—1622 гг. изгнали из страны. В 1624 г. католичество было провозглашено единственной допустимой в стране религией, так что жителям городов и деревень Чехии и Моравии запрещалось исповедовать некатолическую веру. Во главе католической церкви встал новый архиепископ, избранный в августе 1623 г. воспитанник иезуитских школ Арношт, граф из Гарраха. Церковь заместила городские приходы католическими священниками. Королевские городские рихтаржи тщательно следили за тем, чтобы некатолики не проникали в состав городских и цеховых советов.

В 1627 г. правительство издало патент, предписывавший всем шляхтичам перейти в католическую веру или в течение шести месяцев продать свое имущество и покинуть Чехию. Большинство чешской и моравской шляхты отреклось от своей первоначальной веры и перешло в католичество, но десятки семей и некоторые лица решили эмигрировать. В целом в 1628 г. из Чехии ушло несколько сот человек — представителей шляхты. Вместе с тем покидали страну и многие мещане и евангелические проповедники, которые жили под охраной некатолической шляхты. Среди них был и Ян Амос Коменский. Многие крестьяне также тайно эмигрировали. Это обстоятельство вызвало протест части католической шляхты против насильственной рекатолизации, так как бегство подданных мещан и крестьян лишало феодалов рабочей силы и, следовательно, доходов. Поэтому в дальнейшем была взята линия на проведение идеологических форм рекатолизации. Создавалась сеть городских и сельских школ, проводилась миссионерская деятельность, основное внимание обращалось на воспитание молодежи. Так, в течение нескольких десятилетий удалось обратить в католическую веру шляхту, большинство горожан и часть крестьянства, особенно представителей молодого поколения.

Рекатолизация Чехии нанесла большой урон национальной культуре страны. В предбелогорский период культура Чехии вырастала из европейского гуманизма и Ренессанса, опираясь на реформационную идеологию. Католическая церковь, завладевшая

в побелогорский период школой и типографиями, сделала невозможной публикацию сочинений, где выражались взгляды, отличные от официальной церковной идеологии. Непосредственный контакт с добелогорским культурным развитием поддерживала лишь часть интеллигенции и эмиграция творческого толка. Так чешская культура разделилась на две ветви: официальное направление, служившее католической идеологии и интересам господствующих кругов, и направление, продолжавшее добелогорские традиции. Эта последняя ветвь не имела перспектив и постепенно отмерла. В первые побелогорские годы (до 1628-го) в Чехии еще писал свои сочинения Ян Амос Коменский. В 1626 г. закончил свою хронику Микулаш Дачицкий из Геслова. Но наиболее важные сочинения, продолжавшие традиции добелогорской письменности, создавали эмигранты — Павел Скала из Згоры, Павел Странский и др. В Чехии же литературное творчество оказалось в руках иезуитов и превратилось в инструмент контрреформационной пропаганды. В нем преобладали религиозные сюжеты, и официальная литература, во многом ориентированная на тематику, близкую к городской и сельской народной массе, в значительной мере продолжала традицию средневекового церковного творчества. Оживился культ религиозной мистики — легенды о жизни и мучениях святых внушали читателям веру в чудеса. Идейный и художественный уровень такой литературы был весьма низок.

Более действенным средством воспитания народных масс являлось изобразительное искусство в духе патетического барокко, зародившегося в Италии. Церковные институции, приглашавшие художников строить и украшать храмы, побуждали творцов подчеркивать религиозное содержание произведений искусства и выражать идейные принципы церкви. Светские феодалы строили свои дворцы также в раннебарокковом стиле. Классический пример таких сооружений — сохранившийся до нашего времени замок Альбрехта Валленштейна. Этот обширный дворец на пражской Малой Стране с садом, манежем и другими элементами вырос в 1623 – 1630 гг.

Ян Амос Коменский

Коменский родился 28 марта 1592 г. в Нивнице близ г. Угерски-Брод, получил образование в братских школах, а затем в кальвинистских университетах в Герборне и Гейдельберге, после чего преподавал в братских школах в Пржерове и Фульнеке. После белогорского поражения Коменский как священник Общины Чешских братьев в 1628 г. эмигрировал в польский город Лешно. В соответствии с философией гуманизма и Ренессанса он мечтал

о совершенствовании общества через нравственное воспитание. В этом Коменский видел задачу педагогики и еще в добелогорский период выработал программу реформы школы. Свои соображения по этому поводу он изложил в нескольких сочинениях, прежде всего в знаменитой «Великой Дидактике» (издана в 1657 г.), подчеркивая и развивая положительный опыт современных ему школ. Многие положения Коменского, особенно требование принципа наглядности в обучении, учета умственного развития детей в зависимости от возраста, необходимости нравственного воспитания молодежи, обогатили современную педагогику и не утратили своей ценности до наших дней.

Коменский создал новую педагогическую систему и своими прогрессивными взглядами на воспитание достиг европейской известности. Его приглашали для устройства школ в Англию, Швецию, Венгрию. После пожара в Лешно в 1656 г., когда сгорела значительная часть его рукописей и уже подготовленных сочинений, Коменский поселился в Амстердаме. Европейской известности он достиг прежде всего благодаря своим учебникам по языкам — «Открытая дверь языков» (1631) и «Чувственный мир в картинках» (1658). Разрабатывал Коменский и проблемы перевоспитания общества и исправления общественных порядков. Он никогда не забывал о своей родине, стремился с помощью европейских политиков, особенно шведских, повлиять в 40-е годы XVII в. на решение чешского вопроса, не понимая, впрочем, что возрождение добелогорских порядков в создавшейся ситуации нереально. Свое разочарование результатами Вестфальского мира он выразил в «Завещании умирающей матери Братской общины» (1650). Одним из важнейших сочинений чешской литературы той эпохи является произведение Коменского «Лабиринт света и рай сердца» (1623). Здесь в аллегорической форме изображена картина современного мира и общества и предложен путь к исправлению, который автор видел в «соединении человека с Богом». Как и другие философские сочинения Коменского, «Лабиринт» проникнут глубокой религиозностью. Именно религиозные убеждения помешали Коменскому последовательно защищать сенсуализм и эмпиризм, так что его взгляды во многих отношениях отставали от прогрессивных течений современной ему европейской философии. Но его педагогическое творчество обогнало эпоху.

Коменский был выдающейся личностью. Своей деятельностью он внес огромный вклад не только в чешскую, но и в мировую культуру.

Умер мыслитель 15 ноября в Амстердаме, похоронен в Наардене.

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ И ПОЛИТИЧЕСКОЕ ПОЛОЖЕНИЕ ЧЕШСКИХ ЗЕМЕЛЬ В ПЕРИОД С 1648 ПО 1780 г.

После подавления сословного восстания 1618—1620 гг. в Чехии стал тормозиться относительно прогрессивный ход экономического развития страны, что обусловило ее отставание от западных государств. Несомненное влияние на положение Чехии имели и общие тенденции развития европейского общества, внутри которого в XVII в. обострились противоречия между нарождающимися элементами капитализма и прежними феодальными отношениями. Наиболее прогрессивным способом разрешения этих противоречий в Европе оказалась английская революция. До определенного момента развитию капиталистических отношений на континенте способствовала и политика Франции, Швеции, Дании. В странах же Центральной, Восточной и Южной Европы в XVII в. укрепляются феодальные отношения. Но региональные различия существовали и здесь. Так, в Польше шляхетское товарное хозяйство производило зерно для западноевропейского рынка, а в Центральной Европе крепостнические отношения переплетались с промышленным предпринимательством. В ряде стран имели место сословные восстания и мощные крестьянские движения. Обострялись и международные отношения.

Велькостатек (фольварк) в XVII в. Положение крестьян

В XVII в. в экономике чешских земель стало преобладать крупное товарное феодальное хозяйство — велькостатек (фольварк). Зарождение его относится к более раннему периоду, но победа Габсбургов над сословной оппозицией и результаты Тридцатилетней войны ускорили этот процесс. Основу чешского велькостатка XVII в. составляло господское предпринимательство. В среде шляхты исчезли хозяева, довольствовавшиеся феодальной рентой в простой денежной форме, характерной для более раннего периода феодализма.

Феодалы стремились исключить конкуренцию мелких производителей — крестьян. Они устраивали пруды для товарного разведения рыбы, использовали лес для производства и продажи древесины, специализировались на разведении племенного скота и производстве зерна. Феодалы закрепили за собой монополию на продажу зерна, торговлю шерстью, скотом, продуктами животноводства. До Тридцатилетней войны вся эта торговля находилась в руках крестьян-земледельцев и городских перекупщиков,

теперь же положение изменилось. Феодалам принадлежали также пивоварни, сдававшиеся в аренду корчмы, мельницы. Организовывались предприятия по добыче и обработке полезных ископаемых, залегавших на территориях феодальных владений, по производству кирпича, изготовлению полотна и т.п.

Сложное и разветвленное хозяйство фольварка требовало много рабочей силы, дефицит которой после войны был особенно ощутим. Поэтому феодалы перешли от использования наемного труда к неоплачиваемой барщине, любыми средствами заставляя крестьян отбывать ее. В деревне укреплялись крепостнические отношения. Обновленное земское устройство требовало, в частности, розыска, возвращения и взаимной выдачи феодалами беглых крестьян. Панские суды получили право подвергать провинившихся крестьян тюремному заключению, телесным наказаниям, конфискации имущества, штрафам и даже смертной казни. Право апелляции существовало лишь формально. Феодалы отнимали у крестьян лучшие земли, заменяя их низкокачественными. Но массового сгона крестьян с земли не было, так как существовало много свободных площадей в результате войны и конфискаций. Постоянно повышались государственные налоги на крестьян, производились наборы в армию. Налогообложение осуществлялось в соответствии с «кадастрами» — чешской «берни рула» (букв. «налоговый свиток») и моравскими «лановыми рейстриками» (ведомости крестьянской собственности). Народные массы страдали и от косвенных налогов, особенно от повышенных цен на соль и напитки.

В деревне существовало несколько категорий крестьян. Оседлые зависимые крестьяне — седлаки — имели землю, тягло, орудия труда, выполняли самые тяжелые феодальные повинности, платили самые высокие подати, большую часть государственных налогов и поборов в пользу церкви. Остальные крестьяне именовались халупниками, заградниками и домкаржами. Их возможности были существенно ниже, чем седлаков, они выполняли преимущественно ручные работы. В поместье пану прислуживала неимущая челядь.

В Чехии наступил период так называемого «второго крепостничества», которое сопровождалось всеобщим снижением жизненного уровня и падением культуры земледелия. Феодальный велькостатек удерживал экономическое первенство во второй половине XVII и в первые четыре десятилетия XVIII в., хотя все же к концу XVII в. ситуация зависимого земледельца улучшилась. Зависимые крестьяне смогли повысить производство продуктов на рынок, их участие в торговле постепенно возрастало. Этот процесс способствовал дальнейшей имущественной и социальной дифференциации деревни.

Антифеодальная борьба крестьян в XVII в.

Притеснения феодалов вызывали со стороны крестьян постоянные протесты, которые чаще всего носили пассивный характер. Нередко подавались жалобы властям, случались барщинные забастовки и локальные бунты с нападениями на панскую канцелярию — орган управления поместьем. Наиболее крупным выступлением крестьян было восстание 1680 г.

Причины этого восстания носили социально-экономический характер. В связи с распространением холеры в Венгрии и других частях монархии император Леопольд I (1657—1705) и его двор переехали в Пражский Град. Депутации крестьян стали направляться в эту резиденцию с петициями, в составлении которых активно участвовали и зажиточные крестьяне. В них перечислялись различные виды притеснений, описывалось бедственное положение крестьян. Движение охватило всю Чехию и проходило в рамках закона. Сначала императорский двор стремился успокоить массы крестьян, создавая комиссии для расследования жалоб и давая неопределенные обещания. Затем стали готовиться к решительным действиям. 22 марта 1680 г. император издал патент, осуждавший петиционное движение и запрещавший подачу жалоб. Провозглашались недействительными все привилегии, существовавшие до сословного восстания 1618—1620 гг.

Провозглашение патента вызвало в чешской деревне большое возбуждение. В это же время начал карательную экспедицию полк кирасиров. Крестьяне оказывали солдатам вооруженное сопротивление, бежали в горы и леса и возвращались лишь после обещаний не прибегать к репрессиям. В течение мая все очаги сопротивления были подавлены. Созданная 10 апреля императорская следственная комиссия во главе с генералом Гарантом посетила все восставшие панства и за 25 дней расследований вынесла 61 смертный приговор. Сотни крестьян были осуждены на тюремное заключение и каторжные работы.

Два центра восстания располагались на севере и на западе Чехии, движение носило массовый характер и охватывало различные слои населения. Но социально раздробленное крестьянство было не в в состоянии объединиться для решительной борьбы против угнетателей.

28 июня 1680 г. обнародованный новый барщинный патент устанавливал трехдневную барщину в течение года и ежедневную в период жатвы и сенокоса. Запрещалось самовольно повышать феодальные подати и государственные налоги, заставлять крестьян потреблять продукты панского хозяйства по неумеренным ценам, отбирать крестьянские участки для панских

предприятий, применять телесные наказания в ущерб здоровью подданных. Однако эти запрещения оставались формальными. Патент сохранял крепостническую систему, поэтому волнения продолжались. Осенью 1680 г. сельское население Фридландского панства снова направило депутацию к императору, но тот ее не принял, а вождя заключили в тюрьму.

Весьма драматично проходила продолжительная борьба крестьян-ходов против произвола феодалов, охватившая Домажлицкий район Западной Чехии. Ходы — это чешские крестьяне пограничной полосы, жившие на границе и охранявшие ее. До XVII в. сохранились лишь ходы домажлицкие в 11 деревнях на границе с Баварией. Всего здесь жило около 300 семей. В прошлом они вели наблюдение за тем, чтобы баварцы не захватывали территории труднопроходимого пограничного леса, защищавшего когда-то Чешское королевство. Ходы обходили земскую границу, проверяли наличие пограничных знаков. Занималось этим все мужское население. В случае нападения на королевство ходам предписывалось держать оборону до подхода королевской армии. Сидя на королевской земле и подчиняясь королевским учреждениям, ходы не считались свободными: король имел право распоряжаться их деревнями по собственному усмотрению. Но они имели и ряд привилегий: не отбывали барщинных повинностей, пользовались богатствами леса, могли беспошлинно торговать на территории королевства, свободно распоряжаться имуществом, заниматься ремеслами и т.д. Значительная доля этих льгот определялась обычным (неписаным) правом, но были и письменно зафиксированные привилегии.

Положение изменилось к XVI в., когда пограничная служба ходов начала утрачивать свое значение. Взимаемые с них подати стали увеличиваться, а территории — отдаваться в заклад крупным феодалам. После поражения сословного восстания 1618—1620 гг. новый владелец пограничной территории проявил энергию в ликвидации ходских привилегий и превратил ходов в обычных крестьян. В течение всего XVII в. ходы боролись за свои прежние свободы. События достигли кульминации, когда в марте 1693 г. в Вену направилась их очередная депутация с жалобой на отягощение чрезмерной барщиной и на жестокости феодала. Правительство в ответ приказало уничтожить соответствующие документы прежних лет в присутствии самих крестьян, что и было осуществлено 16 июня 1693 г. Ходские села взбунтовались и решительно отказались от выполнения повинностей. Но туда был направлен военный отряд, и населению пришлось капитулировать. Вождь восстания Ян Козина был повешен 28 ноября 1695 г., многих повстанцев отправили на каторгу. Героическая борьба ходов

отражена в литературе Нового времени, их движение не только детально изучено историками, но и послужило сюжетом романа чешского писателя А. Ирасека «Псоглавцы» (1884; имеется перевод на русский язык).

Антифеодальная борьба крестьян продолжалась и в XVIII в. Движение против барщины достигло кульминации в 1738 г. Оно охватило сотни чешских и моравских панств и было подавлено военной силой. Крестьяне выступали уже за общее решение вопроса о барщине в масштабах государства. Это заставило венский двор заняться крестьянским вопросом вплотную. В 1738 г. был издан третий барщинный патент, не внесший, впрочем, никаких существенных изменений в положение крестьян. Вообще императорские патенты были направлены лишь против чрезвычайных проявлений произвола феодалов, венское правительство не имело институционных средств, чтобы обеспечить проведение в жизнь своих распоряжений.

Положение городов. Развитие промышленного предпринимательства

В течение ста лет после Тридцатилетней войны города переживали период упадка. Королевские города долго не могли оправиться от последствий конфискаций и штрафов и от нанесенного войной ущерба. Некоторые из них не достигли добелогорских масштабов и значения даже во второй половине XVIII в. Им приходилось выплачивать долги и налоги, душившие городское предпринимательство, и прежде всего пивоварение. Рост населения проходил в королевских городах крайне медленно. Шляхта всеми средствами препятствовала переселению крестьян в эти города, а церковь строго следила за тем, чтобы в них не проникали некатолические элементы из других стран. Существовали и иные препятствия на пути городского хозяйства к оживлению. С развитием феодального велькостатка и снижением покупательной способности населения ограничились возможности сбыта товаров. Феодалы внеэкономическим принуждением и собственным производством способствовали упадку некоторых городских промыслов, например пивоварения. Но все же крупные королевские города остались центрами областной торговли, а города феодальные не могли вытеснить их из этой сферы.

Во всех королевских городах господствовала цеховая система, препятствовавшая свободному развитию производительных сил. Цехи противились созданию мануфактур, дело доходило до острых конфликтов. Государственный аппарат после долгих колебаний решился поддержать развитие мануфактур, а в 1731 и

1739 гг. ограничил права цехов. Более благоприятными были условия для развития городов феодальных. Шляхта приобрела для них привилегии в торговле, защищала их от конкуренции городов королевских. В велькостатках создавались торговые центры. Во второй половине XVII в. в Северной и Восточной Чехии интенсивно развивалось текстильное производство, ориентированное на заграничный рынок. Сосредоточенное в быстро растущих феодальных городах и местечках, оно проникало и в деревню. В Броумове, Йиндржихувом Градце, Новом-Ичине и других центрах развивалось производство сукна. По числу жителей многие феодальные города не уступали королевским, но их экономика подчинялась интересам владельца панства. Феодал собирал с жителей своих городов высокие подати, нередко вынуждал их нести и барщинные повинности, ограничивал их передвижение, как и сельских жителей. Горожане подлежали и суду феодала.

Наряду с укреплением фольварочно-барщинного хозяйства проходил и процесс первоначального накопления. К концу XVII в. демографическая ситуация в Чехии улучшилась. Естественный прирост населения увеличивал количество жителей многочисленных феодальных городов и местечек. В пограничных областях возникали новые поселения с малыми домами и клочками земли; здесь развивались прядение и ткачество, обработка дерева, стекла и металла. В плодородных областях Чехии увеличилось число малоземельных и безземельных хозяев. Хозяйство седлака переходило по наследству лишь к старшему сыну, все прочие должны были искать средства к существованию трудом в хозяйствах богатых крестьян, оставаясь в личной зависимости от феодала, что тормозило развитие рынка рабочей силы. Основой развития мануфактур являлось текстильное производство. Изделия из шерсти долго оставались прерогативой цехов ввиду технологических сложностей их изготовления. Первая шерстяная мануфактура была централизованной, рабочие сосредоточивались в одном месте. Так, в 1684 г. возникла шерстяная мануфактура в Собехлебах у Теплиц, принадлежавшая иезуитам. В конце XVII — начале XVIII в. к ней присоединилось еще несколько подобных феодальных предприятий в Чехии и Моравии.

Во второй половине XVII в. стало расширяться производство полотна. Качество почв, влажный воздух создали возможности для быстрого выращивания льна и ускоренного развития полотняного производства в ряде регионов Центральной Европы, в гористых областях Чехии и Моравии. Организовывалось оно по факторской системе. Деревенские прядильщики и ткачи сдавали специальному скупщику — «фактору» — выработанную продукцию за заранее обусловленную цену, а тот доставлял полотно на

склады торговых фирм. Производителями полотна были зависимые крестьяне, а факторами — богатые седлаки (тоже зависимые), корчмари, занимавшиеся извозом фурманы, еврейские торговцы. Феодал требовал за эту деятельность особую плату, так что работники отрасли подвергались как феодальной, так и капиталистической эксплуатации. В 1713 г. первоклассная мануфактура-белильня была основана в Румбурке.

Развивались и стекольные мануфактуры. В 70-х гг. XVII в. была разработана особая технология производства чешского хрусталя, и после 1700 г. чешское стекло наполнило европейские рынки, потеснив стекло венецианское.

В мануфактурах развивались капиталистические производственные отношения, но сохранились и многие феодальные пережитки, тормозившие технический прогресс и зарождение буржуазии. Большинство рабочих оставались в феодальной зависимости, трудились за низкую плату, вносили феодальную ренту со своих домов, не имели права работать на другого предпринимателя, могли насильственно переводиться из одного панства в другое. Наличие у рабочего клочка земли являлось поводом для выдачи ему лишь мизерной заработной платы. В мануфактурах переплетались феодальная и капиталистическая формы эксплуатации.

В начале XVIII в. правящие круги монархии Габсбургов решили поддержать развитие промышленности и торговли. Иосиф I (1705—1711) и его политики были сторонниками меркантилизма — теории, согласно которой богатство возникает в процессе обмена. В 1706 г. возник Венский банк, кредитовавший промышленность и торговлю. Поддерживались мануфактуры. Однако надежда на то, что развитие внешней торговли будет способствовать росту мануфактур, не оправдалась. Чехия была изолирована от крупных морских и речных портов, а транспортировка товаров по суше выгод не приносила. Развитие внутреннего рынка тормозилось многими феодальными факторами. Габсбургская монархия, включая и Чехию, в первой половине XVIII в. все больше отставала от передовых стран Западной Европы.

Чешские земли в составе монархии Габсбургов

Поражение чешского сословного восстания в 1620 г., а также неудачи венгерских сословных выступлений в XVII и XVIII вв. создали предпосылки для установления в монархии сильной централизованной власти. Ее опорой стали высшая шляхта, а также армия, бюрократия и католическая церковь. Но, несмотря на возникший абсолютизм, власть на местах оставалась в руках панства, как и право суда над зависимым населением. Земские

должности в отдельных частях монархии замещались местными феодалами. От земских сеймов зависели и размеры налогов.

Однако важнейшие политические вопросы решались Веной, тайным советом (внешняя политика), военным советом, дворцовой коморой (финансы). Контакт с земскими учреждениями Чехии осуществлялся через Чешскую дворцовую канцелярию в Вене.

В составе наместничества в Чехии существовало от 10 до 16 краев. В земских и краевых учреждениях чешские феодалы сохраняли сильные позиции. Члены наместничества, т.е. земского правительства Чехии, назначались императором, как и крайские гетманы. Плату за выполнение должностных обязанностей они получали из земского бюджета. В Чехии каждым краем управляли один пан и один рыцарь, в Моравии — только один гетман. Земские сеймы заседали ежегодно, а в период между ними сословные вопросы решались земским комитетом. Города в политической жизни практически не участвовали, все городское сословие имело в соответствии с Обновленным земским устройством 1627 г. лишь один голос в сейме. С середины XVII в. в городах укрепилась власть рихтаржей, т.е. королевских уполномоченных, следивших за соблюдением интересов государя. В начале XVII в. и контроль за городским хозяйством был поручен особым королевским инспекторам. В 1739 г. государственному контролю были подчинены и цехи.

Небывалых размеров достигло могущество католической церкви, захватившей монополию в сфере религии, овладевшей системой образования и формировавшей официальную культуру. Большинство населения Чехии и Моравии во второй половине XVII в. приняло католическое вероисповедание. Иезуиты прибрали к рукам высшую школу и цензуру печати, вели миссионерскую деятельность и т.д. Некатолики удержались в Чехии только в отдаленных лесных районах и на границах с протестантскими государствами.

Войны австрийских Габсбургов в XVII – начале XVIII в. были не всегда победными, но к периоду правления Карла VI (1711–1740) монархия достигла все же вершины своего территориального расширения и стала обширнейшим государством. По изданной Карлом VI Прагматической санкции (1713) она объявлялась неделимой вплоть до полного вымирания рода Габсбургов. Но это разноликое в этническом и культурном отношении государство не имело прочного центрального управления, сохраняя остатки сословных привилегий в отдельных провинциях. При экономической отсталости, медленно развивавшейся промышленности, крепостнической барщине монархия впала в острый политический кризис, разразившийся после смерти Карла VI в 1740 г.

Национальные отношения

Уже во второй половине XVI в. начался прилив в Чехию немецкого населения. После Тридцатилетней войны этот процесс усилился. Существенно изменился национальный состав чешской и моравской шляхты. Во второй половине XVII в. прилив иностранной шляхты в страну продолжался. Ей предоставлялись высокие должности и возможность покупать в Чехии поместья. Иностранная шляхта получила в Чехии и Моравии численный перевес, а потомки чешской шляхты все чаще отрекались от своей народности. При формальном равноправии чешского и немецкого языков в учреждениях предпочитался немецкий. Чешский постепенно исчезал и из корреспонденции, шляхта перестала им пользоваться и при контактах в обществе. Тем не менее земский патриотизм был присущ в большей или меньшей мере всем чешским и моравским феодалам; он не был отражением национального самосознания, выражая лишь привязанность к определенной территории.

Немецкой колонизации способствовало наличие большого числа пустующих в Чехии и Моравии земель после Тридцатилетней войны. Феодалам национальная принадлежность колонистов была безразлична. Постепенно пришельцы захватили в свои руки городское управление, и уже со второй половины XVII в. многие города пограничных областей германизировались. Но в большинстве городов внутренней территории страны все же продолжал преобладать чешский элемент. Последствия поражения сословного восстания и результаты Тридцатилетней войны фактически прекратили развитие чешской культуры в национальном духе.

Процесс утраты народности не коснулся, однако, наиболее многочисленного слоя населения — крестьян и низших элементов города. Власти не усердствовали в германизации народа. Элементарные школы и костелы оставались чешскими. И все же национальное самосознание было развито слабо. Только в регионах со смешанным населением подчас возникали местные национальные конфликты. Усилению национального самосознания способствовали классовые противоречия: феодал и его администрация были иностранцами, а крестьяне — чехами. В чешской деревне продолжал звучать чешский язык, народная культура сохраняла чешский характер. Но в целом политические последствия событий первой половины XVII в. затормозили превращение чешской народности в нацию Нового времени.

КУЛЬТУРА ПОБЕЛОГОРСКОГО ПЕРИОДА

В чешской культуре побелогорского периода можно выделить два слоя.

Первый представлен народной песней, устной и письменной чешской словесностью, народным театром. Формы его примитивны, в нем нет произведений непреходящего значения. Второй слой — наднациональный, создававшийся интеллектуальной и художественной элитой всех входивших в государство народов. Такая культура обладает определенной идеологической направленностью, официальным характером и способностью воздействия на культуру народную. Именно наднациональная культура создала в чешских землях ценности общечеловеческого значения. Это храмы и дворцы, мосты и гидротехнические сооружения, парковая культура, живопись, планировка городов и методы их застройки и т.д. Образовательная функция этой культуры сохраняется до нашего времени, идеологическая же отошла на задний план.

Развивавшаяся официальная культура не может считаться чешской. Чешский язык не использовался ни в литературном творчестве, ни в науке, где преобладал латинский; люди искусства редко были представлены лицами чешской национальности, в основном это выходцы из многих стран Европы; чешская же интеллигенция эмигрировала или была истреблена. Эта культура отличалась острой идеологической направленностью, однобоко служа интересам Контрреформации. Церковь отрицательно относилась к успехам экспериментальных наук, тормозила развитие свободной мысли. Однако в области изобразительного искусства, где господствовал стиль барокко, создаются настоящие шедевры.

Школа и образование

В побелогорский период основным типом средней школы в Чехии стали иезуитские гимназии, хорошо организованные и материально обеспеченные. Были школы и других орденов, например пиаристов. Иезуиты овладели также Пражским и Оломоуцким университетами. В 1654 г. Пражский университет, официально объединенный с Клементинской коллегией иезуитов, стал именоваться Карло-Фердинандовым. Профессорами философского и теологического факультетов были только иезуиты. Духу контрреформационного католицизма подчинялись также юридический и медицинский факультеты. Господствовала схоластика, уровень преподавания естественных наук был значительно ниже, чем в Европе.

Наука

В Европе XVII–XVIII вв. особенно больших успехов достигла физика. В науке широко использовался экспериментальный метод, лидировала механика, влиявшая на другие области физики и вообще на естественные науки. Наступил век великих открытий Галилея, Торичелли, Паскаля, Ньютона. Полностью была опровергнута аристотелевско-птолемеевская геоцентрическая система строения вселенной, утвердился гелиоцентрический принцип. Это стало основой материалистического мировоззрения. В Пражском же университете продолжала господствовать геоцентрическая система, основой физики оставалось учение Аристотеля.

Новые открытия подрывали церковные догматы. Церковь преследовала естествоиспытателей, по ее вине научный прогресс обошел земли Габсбургской монархии.

В послевоенной Чехии важнейшую идеологическую функцию выполняла историография, главной фигурой в которой был *Богуслав Бальбин* (1621–1688), глубоко изучивший сокровищницу документов по истории Чехии. Католик и иезуит, он считал рекатолизацию Чехии благотворной, но осуждал политику монархии в отношении Чехии. В сочинении «Извлечения из чешской истории» он выступает прежде всего как патриот. Особенно четко эта ориентированность Бальбина прослеживается в его труде «Защита языка славянского, преимущественно чешского», изданном лишь в 1775 г. Бальбин скорбит о переживающем упадок Чешском королевстве, о чешском языке. Изучив библиотеки и архивы, этот автор разработал план создания энциклопедии Чехии в 30-ти томах под названием «Различные исторические сведения о Чешском королевстве». При жизни Бальбина вышло 10 книг «Энциклопедии», в конце XVIII в. — еще две. Эрудиция Бальбина и его собирательская деятельность, знакомство с новейшими методами обработки источников ставят этого ученого XVII в. в ряд предшественников критической историографии периода Просвещения и национального Возрождения.

Еще одним историком XVII в., оставившим значительный след в науке, является *Томаш Пешина из Чехорода* ,(1629–1680). Бюргер по происхождению, он быстро стал пражским каноником и деканом капитула св. Вита в Праге. Сочинение о чешской истории Пешина решил составить на чешском языке, чтобы с ним могли ознакомиться все соотечественники. На чешском же языке он написал краткую историю Моравии (1663), а на латинском издал сочинение о военной и политической истории Моравии (1677). Наиболее известен труд Пешины с призывом к христианам объединиться против турецкой опасности.

Следует иметь в виду, что представители чешской эпохи барокковой историографии были тесно связаны с контрреформационным католицизмом и отличались социальной консервативностью. Но их патриотизм, стремление собрать как можно больше свидетельств по отечественной истории повлиял на убеждения последующих поколений.

Изобразительное искусство. Архитектура

Архитектура также выражала устремления Контрреформации. Как и во всех других областях искусства, в ней тоже господствовал стиль барокко: монументальность храмов, сложный план сооружений, богатое украшение алтарей, множество скульптур и золота, настенная роспись. Строительство осуществлялось мастерами из разных стран. Некоторые иностранные архитекторы использовали местные чешские традиции, переосмысливая иноземные образцы. Криштоф Динценгофер (ум. 1722), архитектор баварского происхождения, создал «чешское барокко», построив несколько костелов, в том числе и ныне существующий храм св. Микулаша в Праге.

Вершиной барокковой архитектуры в Чехии является творчество Килиана Игнаца Динценгофера, сына Криштофа (1689–1751), строителя костелов в Праге, Карловых Варах и других местах. Выдающимся скульптором того же периода был Матиаш Бернард Браун (1684–1738), по происхождению тиролец. Его экзальтированные фигуры, демонстрирующие игру света и тени, и ныне производят сильнейшее впечатление на зрителей. И в настоящее время в Праге можно видеть скульптуру св. Луитгарды, установленную Брауном в 1705 г. Не менее, чем Браун, известен Фердинанд Максимилиан Брокофф (1688–1731), украсивший в 1714 г. своей скульптурой Франца Ксаверского Карлов мост в Праге, автор и ряда других известных произведений.

В области живописи выдающимся мастером был Карел Шкрета-Шотновский (1610–1674), творчество которого делится на духовное и светское. Он создал многочисленные алтарные композиции и картины на библейские сюжеты, выполненные по заказам иезуитов, протекцией которых художник пользовался до конца своей жизни. Светская живопись Шкреты — почти исключительно портреты, отличающиеся большой реалистичностью.

Своего расцвета барокковая живопись достигла в творчестве Петра Яна Брандла (1668–1735), писавшего жанровые сцены и композиции на мифологические темы. Наиболее известны его портреты и алтарные образы (например, «Апостол Павел»).

Известнейшим портретистом в Центральной Европе в начале XVIII в. был Ян Купецкий (1667–1740), сумевший переосмыслить элементы зарубежной живописи и создать портреты художественной значимости международного уровня, хранящиеся ныне в галереях Праги.

Музыкальная культура

Музыкальная культура Чехии также развивалась как неотъемлемая часть религиозных обрядов. В храмовой музыке укрепились новые формы — кантаты, оратории. Органист Адам Михна из Отрадовиц создал канционал, отдельные песни которого живут до нашего времени. Организатором музыкальной жизни была и шляхта, учреждавшая капеллы из народных музыкантов под руководством обученных канторов. Храмовая музыка меняла и мелодии народных песен. Чешская музыка периода Барокко достигла высокого уровня, но в Европе практически не была известна и на ее музыкальное развитие не влияла.

ПЕРВЫЕ ПОПЫТКИ РЕФОРМ В АВСТРИЙСКОЙ МОНАРХИИ. 1740–1781 гг.

В 1740 г. умер Карл VI Габсбург, и на престол предстояло вступить его дочери Марии Терезии. В монархии начался политический кризис, вызванный как внутренними, так и внешними причинами и вылившийся в войну за «австрийское наследство», в результате которой Австрия потеряла ряд территорий. Это послужило импульсом к интенсивным реформам во внутренней жизни монархии, которые начались с коренной реорганизации государственного управления.

Реорганизация органов управления

Первые меры по централизации государства были приняты уже во время войны. Реорганизации подверглись органы управления и суд. Было перестроено и военное управление. В 1746 г. в Вене была учреждена Всеобщая коммерческая коллегия для единого управления экономической политикой страны. Наиболее же важные реформы последовали на рубеже 40-х и 50-х гг. В 1748 г. сеймы австрийских и чешских земель согласились предоставить центральному правительству право сбора налогов на 10 лет вперед. Налоговые и военные вопросы передавались от земских органов вновь созданным «депутациям», подчиненным дворцовой комиссии в Вене. Вместо двух крайских гетманов — от панства и

рыцарства — в 1751 г. был введен один оплачиваемый королевский чиновник. В руках сословий осталась в прежнем объеме лишь патримониальная административная власть.

В 1749 г. создаются учреждения, ответственные как за чешскую, так и за австрийскую части монархии: директориум по политическим и финансовым вопросам и Высшая судебная палата. Феодальные основы земель Чешской короны были сильно ослаблены. Впрочем, компетенция новых центральных органов не распространялась на Венгрию: Мария Терезия обязалась за помощь во время войны предоставить венгерской шляхте широкие права. Это способствовало углублению различий в развитии частей монархии, которое в XIX в. вылилось в австро-венгерский дуализм. Семилетняя война (1756—1763) за возвращение Силезии, окончившаяся для Австрии неудачно, показала, что надо искать новую форму государства, которой и стал просвещенный абсолютизм. Это особый тип абсолютной монархии, развившийся во второй половине XVIII в. во многих государствах Европы. Он характеризуется многосторонней реформационной деятельностью, не посягавшей на сущность феодального строя, но устранявшей наиболее обветшалые феодальные институции. С этой точки зрения просвещенный абсолютизм можно считать прогрессивной формой государства.

Реформы просвещенного абсолютизма в Австрии укрепили феодальное государство и временно ослабили антагонизм классов с помощью половинчатых решений наиболее острых проблем. Объективно же такая политика подрывала феодальную систему, давая капитализму условия для развития. С другой стороны, создавались предпосылки для сохранения части феодальных привилегий в новом обществе.

Абсолютизм второй половины XVIII в. идеологически опирался на просвещенческое мышление. В принципе эти явления противоположны, но в определенных условиях они образуют симбиоз. Просвещение зародилось в экономически развитых странах Западной Европы как антифеодальная идеология растущей буржуазии, а просвещенный абсолютизм оставался формой феодальной монархии. Идея просвещенного абсолютизма отражала стремления умеренных и политически незрелых кругов буржуазии с помощью реформ сверху достигнуть построения общества на буржуазных основах.

В зависимости от особенностей развития отдельных стран абсолютизм имел различные черты. В Австрии просвещенный абсолютизм развился при Марии Терезии (1740—1780), достиг вершины при Иосифе II (1780—1790) и закончился при Леопольде II

(1790–1792). Главной его опорой в Габсбургской монархии стала та часть шляхты, которая стремилась использовать возможности развивающегося капитализма, понимала необходимость реформ и принимала их. Но существовала и оппозиция реформам. Австрийский просвещенный абсолютизм опирался прежде всего на армию и бюрократию. Проведением реформ в таможенной и денежной системе, в цеховой организации, строительством коммуникаций просвещенный абсолютизм устранял препятствия в развитии промышленности, торговли и финансов. Финансовое положение монархии было тяжелым, а выход виделся в изменении системы обложения, связанном и с ограничением привилегий шляхты. Введением кадастра 1757 г. правительство добилось частичного обложения доходов феодалов от земледельческого и промышленного предпринимательства, от крестьянских повинностей и барщины. Но вообще увеличение платежеспособности предпринимателей и торговцев было возможно только при покровительстве их деятельности. Правительство Марии Терезии расширило сеть дорог, установило единую систему мер и весов, ввело в 1775 г. единый таможенный тариф, создавало экономические учреждения, развивало мануфактуры. Предпринимателям предоставлялись льготы, с 40-х гг. развивалась конкуренция между предприятиями. Были ликвидированы цеховые пережитки, осваивались необрабатываемые земли, проявлялась забота об улучшении социального и правового положения крестьян. Шляхта сопротивлялась всем этим инициативам терезианского правительства.

Назрела необходимость изменений и в системе управления государством. Подверглось реорганизации не только центральное, но и земское управление: в 1763 г. были учреждены «губерниумы». В Чехии во главе губерниума теперь стоял «высший пуркрабий», в Моравии — земский гетман, которые, являясь главами сеймов и земского сословного комитета, представляли сословия в отношениях с центральным правительством. Однако административные должности в губерниумах предоставлялись государственным чиновникам, а не местной шляхте. Реформы коснулись также финансовой системы и судопроизводства, в 70-х гг. были отменены пытки и жестокие наказания. Ликвидировались феодальные суды. Судопроизводство стало осуществляться людьми со специальным образованием.

Административная и судебная реформы вызвали необходимость реорганизации школьного дела. Требовались профессионально подготовленные чиновники и офицеры, ремесленники и даже крестьяне. В Вене были основаны военная и инженерная академии, университетское образование ориентировалось на

подготовку чиновников, судей, врачей, священников. В 1775 г. вышел новый школьный устав для пятилетних гимназий, где изучались естественные науки и история. Возникла новая система элементарных школ. В приходах создавались тривиальные школы, обучавшие на родном языке чтению, письму, счету. В городах Праги появились «главные школы» с преподаванием латинского языка, географии, истории; в резиденциях местных органов управления — «нормальные школы» для подготовки учителей. В главных и нормальных школах обучение осуществлялось на немецком языке для школьников от 6 до 12 лет. Грамотность населения повышалась, но обучение на немецком языке вело к германизации.

Были приняты меры и для подчинения церкви государству.

В период Семилетней войны чешским землям приходилось обеспечивать боевые действия оружием и продовольствием. Война принесла опустошение, рост налогов, уменьшение числа рабочих рук.

После окончания войны ослабел франко-австрийский союз. Пруссия, улучшая отношения с Россией, в то же время опасалась ее могущества и принимала меры к сближению с Австрией. Фридрих II Великий и Иосиф II Габсбург выработали план раздела агонизировавшего польского государства. По соглашению 1772 г. Австрия получила область Спиш и южную часть Польши (Галицию), а в 1774 г. присоединила к себе османскую Северную Буковину.

Расширение территории Габсбургской монархии имело значение и для чешских земель, для которых Галиция стала потенциальным рынком сбыта. Влившийся в монархию славянский этнос несколько ослабил влияние в государстве немецкого имперского элемента.

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ ЧЕШСКИХ ЗЕМЕЛЬ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XVIII в.

Несмотря на быстрое промышленное развитие, Чехия, Моравия и Силезия оставались преимущественно аграрными областями. В земледелии осуществлялся переход от трехполья к многополью, от пастбищного животноводства к стойловому. Развивался внутренний рынок: рост населения требовал увеличения продуктов питания, промышленность — сырья. Панские хозяйства занимали треть всей обрабатываемой земли, притом наиболее плодородной. Феодалы стремились расширить промышленное

предпринимательство, объем наемных работ. Господская запашка частично или целиком заменялась денежной рентой. Уже в 50-х гг. частичная или полная коммутация охватила 20% чешских поместий, но в аграрных областях этот процесс шел все же медленно и при господстве старых способов хозяйствования.

В полевом хозяйстве решающее значение стал приобретать картофель. Государство поддерживало культивирование картофеля и клевера, разведение красильных и масличных культур, табака, кукурузы, тутовых деревьев, льна, фруктовых садов. Новые культуры требовали и новых методов производства, применения более совершенных орудий труда. Потребовалась и лучшая подготовка сельскохозяйственных кадров, уже в первой половине XVIII в. появились специальные экономические школы, во второй — лесные школы. В университете первым профессором земледельческих наук стал в 1776 г. Игнац Иозеф Бучек.

Кризис барщинно-крепостнической системы

Несмотря на стремления к новым способам хозяйствования, барщинно-крепостническая система в Чехии с 60—70-х гг. XVIII в. переживала глубокий кризис. Барщинные повинности крестьян достигли максимума.

И все же в плодородных областях часть сельского населения улучшила свое хозяйство и увеличила доходы, между тем как в других местах многочисленная беднота существовала на грани жизни и смерти. С середины XVIII в. вопрос о безземельных крестьянах стал острой проблемой для всей страны. В 1771 г. правительство предложило кодифицировать крестьянские повинности в соответствии с возможностями хозяйства. Укреплялось и право крестьян на землю. Но шляхта ожесточенно сопротивлялась подобным мерам и саботировала их. Без вмешательства самих крестьян землевладельцы-феодалы никогда бы не отказались от своих привилегий.

Причиной вспыхнувшего в 1775 г. крестьянского восстания было тяжелое положение зависимого населения, поводом же послужили слухи о том, что местные власти якобы утаивают от подданных правительственные меры, направленные на облегчение их положения. В панские канцелярии стали приходить крестьяне с требованием огласить императорское распоряжение и привести повинности в соответствие с ним. Арест нескольких вожаков движения привел лишь к его разрастанию. Наивысший размах оно получило в Находском панстве в Северо-Восточной Чехии, населенном как чешскими, так и немецкими крестьянами,

которые создали там центр под названием «сельске губерно», а также губерниальный совет. Руководство осуществлялось старостами и зажиточными седлаками. В это же время распространились слухи об издании патента, отменяющего барщину вообще. 20 марта 1775 г. многочисленные представители крестьянства двинулись к Праге. Их целью было получение письменного подтверждения патента о снижении или отмене барщины, налогов и податей. «Сельске губерно» представляло умеренное крыло движения. В случае отказа феодалов от выполнения требований крестьян предполагалось провести антибарщинную акцию протеста по всей Чехии.

Но местами движение приняло стихийный характер. Когда вместо освобождения от барщины пришло предписание явиться для работы на барские поля, волнение усилилось. Толчком к открытому выступлению стал арест его вождей в поместье Смиржице 19 марта 1775 г. Крестьяне двинулись толпой к Праге из многих областей Чехии. Они громили панские резиденции и костелы, сводили счеты с помещичьими чиновниками и т.д. Правительство выслало войска. Начались сражения, самое крупное из которых произошло 25 марта у Хлумца над Цидлиной. Два штурма Хлумецкого замка крестьянами успехом не увенчались. 24 марта крестьяне, подошедшие к Праге, были встречены ружейным огнем и за короткое время разогнаны. В первой декаде апреля восстание было окончательно подавлено во всей Чехии. Тем не менее летом 1775 г. крестьяне еще организовывали различные акции и демонстрации, которые, впрочем, ни к чему не привели. Сотни участников движения были подвергнуты различным наказаниям, несколько вожаков казнены. Правда, за усмирением восставших последовала амнистия.

Восстание 1775 г. отличалось от предшествующих выступлений своей значительной организованностью, оно имело общую программу, хотя и было дифференцировано в социальном плане: зажиточные крестьяне предпочитали вести переговоры, а бедные стали активной силой при походе на Прагу. Города отнеслись к восстанию в целом отрицательно, активное участие в нем приняли лишь некоторые жители мелких местечек.

Барщинный патент 1775 г.

Мощное антифеодальное движение заставило правительство решать крестьянский вопрос. 13 августа 1775 г. для Чехии и 7 октября для Моравии были изданы барщинные патенты, которые устанавливали дифференцированную барщину крестьянам в

зависимости от их имущества. Зависимые крестьяне делились на 11 групп. Работа без тягловой силы устанавливалась в размере от 13 дней в году до 3 дней в неделю, конная барщина составляла 3 дня в неделю с 1—4 единицами лошадей. Наиболее богатым крестьянам предписывалось посылать летом на одну неделю пешего работника на барщинные работы. Предусматривалась также оплачиваемая работа на господина.

Терезианский барщинный патент облегчал положение только наиболее зажиточных крестьян. Главное же значение восстания определялось тем, что оно стало катализатором дальнейших аграрных реформ, в том числе одной из важнейших, известной как раабизация — по имени дворцового советника Ф.А. Рааба, который ее предложил и практически осуществил. Сущность этой реформы заключалось в разделении господской земли среди крестьян и переводе барщины на денежную ренту, а результатом явилось возникновение 128 новых деревень в Чехии и 117 — в Моравии. Замена барщины денежной рентой ослабила личную зависимость крестьян от феодала, но глубокий кризис барщинно-крепостнической системы ликвидирован не был.

Развитие мануфактур

Благодаря поддержке правительством мануфактур число их во второй половине XVIII в. значительно выросло. Правительство предоставляло иностранным мастерам и предпринимателям возможность селиться в Чехии, давало им ссуды для основания предприятий. Получали финансовую поддержку и чешские предприниматели. Как хозяева мануфактур, так и рабочие освобождались от военной службы и барщины, что привело в первую очередь к росту текстильных мануфактур на основе капиталистических принципов.

В полотняном производстве в это время еще преобладали домашняя выделка товара, факторская система и рассеянная мануфактура, в выработке шерстяных тканей — цеховое ремесленное производство. С 60-х гг. мануфактурное производство распространилось на хлопчатобумажные ткани.

Шляхетские мануфактуры были, по существу, капиталистическими предприятиями с работой за плату. Затем мануфактуры стали создаваться городскими жителями, чешскими торговцами и даже некоторыми бывшими крестьянами. К концу века крупнейшим текстильным центром монархии стал Брно с его суконными мануфактурами.

Среди других отраслей главное место занимала выработка стекольных изделий. Предпринимателями были самостоятельные мастера. Производство железа находилось полностью в руках землевладельцев. Центром добычи металлов являлась Словакия. Во второй половине XVIII в. увеличилось число предприятий по обработке меди, производству пороха, бумаги, кожи и кожевенных изделий, серной кислоты и т.д.

Городское предпринимательство страдало от недостатка рабочих рук; потребности мануфактурного производства стали одним из главных стимулов движения за ликвидацию крепостной зависимости в чешских землях.

Ремесленное производство, торговое и финансовое предпринимательство

Развитие ремесленного производства в чешских землях тормозилось застаревшими формами цеховой организации. Правительство Марии Терезии изменяло цеховые статуты, цехам запрещалось ограничивать рост мастерских, число мастеров, подмастерьев и учеников, количество производимых товаров, отказываться от производственных новшеств и применения квалифицированной рабочей силы. Но уничтожить цехи правительство все же не отважилось.

Торговый баланс был активным: в 60-е гг. вывоз товаров почти втрое превышал их ввоз. Из Чехии шли за границу полотно, сукно, льняная пряжа, стекло, олово, шерсть, пух, хлеб, хмель, скот, рыба, животные жиры. Крупные торговцы объединялись в общества. Но денежное дело развивалось в чешских землях медленно. Лишь в 1751 г. в Брно возник первый кредитный банк.

Важное значение имел демографический фактор. Население в целом росло, но распределялось по территории очень неравномерно. С 1702 по 1805 г. население Чехии выросло с 4 150 000 до 5 057 000 человек. Особой концентрации его в городах не наблюдается. Миграция жителей из деревни в города характеризуется низкими показателями. Прага с ее семидесятитысячным населением в 1780 г. была исключением.

РЕФОРМЫ ИОСИФА II

Иосиф II, сын Марии Терезии, уже с 1765 г. был соправителем императрицы, которая постоянно сдерживала его стремления к реформам. В 1780 г. он стал императором, и его десятилетнее правление (1780—1790) составило целую эпоху в истории Австрийской монархии, включая, разумеется, и Чехию.

Воспитанный в духе Просвещения, Иосиф II усвоил и соответствующие теории об устройстве государства — об установлении разумного правления, о ликвидации пережитков, проведении в жизнь рациональных мероприятий. В этом духе и проводились реформы.

За основу жизни общества принимались экономическое развитие, прогресс земледелия, правильное распределение налогов, ликвидация исключительных феодальных прав, устранение религиозной нетерпимости, установление равенства граждан перед законом. Следовало, сохраняя шляхту, включить ее в новую модель государства. Католической церкви отводилась роль помощника в решении идеологических проблем. Народ же объявлялся только объектом реформ.

О тщательной подготовке Иосифа II к проведению реформ свидетельствует его переписка до восшествия на престол. Реорганизацию он проводил, не считаясь с ропотом шляхты, руководствуясь лишь принципом целесообразности.

Решительная ломка старых порядков началась патентом о веротерпимости от 13 октября 1781 г. Католическая церковь продолжала оставаться государственной, но разрешался переход в евангелическую веру и в православие; признавалось и иудейство. Всякого рода секты запрещались. Патент предоставлял доступ в школы некатоликам, которые могли также получать академические звания, принимать участие в управлении городов, свободно передвигаться по территории монархии. В 1781 г. Иосиф II закрыл монастыри, не занимавшиеся полезной деятельностью, превратив их здания в казармы или больницы, разрешив их продажу предпринимателям. Была упразднена церковная цензура. Подготовка кадров священников стала осуществляться в государственных семинариях, священники получали государственное жалование. Значительная часть имущества церкви и закрытого в 1773 г. ордена иезуитов подверглась конфискации. Сократилось количество религиозных праздников, запрещались религиозные процессии, ликвидировались «братства». Все это вызвало противодействие со стороны реакционных кругов, духовенства, но просвещенные представители церкви поддержали реформы.

Отмена личной зависимости крестьян. Аграрная реформа

Настоящим переворотом в жизни общества стала реформа Иосифа II, отменявшая личную зависимость крестьян от феодалов.

Это была «революция сверху», поскольку сельское население составляло подавляющее большинство всех жителей монархии. Сначала был издан патент о запрещении телесных наказаний и взимания с крестьян денежных штрафов (1 сентября 1781 г.), затем — патент, разрешающий подачу крестьянами жалоб на феодалов в государственные учреждения. Главный же патент — об отмене личной зависимости — был обнародован 1 ноября 1781 г. Теперь крестьянин мог свободно вступать в брак, уходить из поместья, отдавать детей учиться ремеслу. Но в заключительной части патента говорилось, что крестьянские повинности и обязанность послушания пану остаются в силе. По формулировке самого патента, его целью было улучшение земледелия и развитие промышленности. Действительно, в Чехии издание патента ускорило прилив рабочей силы в неземледельческие отрасли хозяйства, а также способствовало возрождению королевских городов. Дальнейшие распоряжения императора помогали росту хозяйственной активности деревни.

Вторым этапом аграрной реформы была выработка кадастра, т.е. переписи крестьянской и помещичьей земли. В 1785—1789 гг. была замерена вся земля и на этом основании проведено обложение налогами. В 1789 г. согласно изданному тогда бернему и урбариальному патенту барщина и оброки переводились на деньги, а крестьянские повинности определялись доходами хозяйства. Налоги и повинности не должны были превышать половины налогового дохода с участка земли. Прежде всего крестьянин обязывался рассчитаться с государственными налогами, и только оставшаяся часть переходила в пользу феодалов. Новая налоговая система снижала бремя крестьян по отношению к феодалам, по отношению же к государству — лишь в небольшой мере. Шляхта оказала реформам отчаянное сопротивление. Но Иосиф II исходил из тезиса о полной независимости абсолютного монарха, и в 1790 г. берний и урбариальный патент были введены в действие. Однако в том же году Иосиф умер, а его наследник Леопольд II уже 20 февраля 1790 г. отменил налоговую реформу.

Административная, судебная и военная реформы

Большое значение имели административные реформы просвещенного абсолютизма. Правители стремились создать такую систему управления, которая устраняла бы влияние сословий не только в высших, но и в низших инстанциях власти, что могло быть достигнуто заменой сословной администрации квалифицированной

бюрократией. Иосиф II углубил административную реформу, первые шаги к которой сделала Мария Терезия. В 1782 г. он объединил центральное финансовое и политическое управление, создав «Объединенную дворцовую палату». В 1784 г. было реформировано и городское управление — созданы магистраты, в составе которых находились юристы и финансисты. Четыре города Праги объединились под единым управлением. В крайские учреждения назначались специальные комиссары, доставлявшие информацию непосредственно ко двору. В 80-х гг. в Вене возникло центральное полицейское учреждение, а в главных городах земель — полицейские управления. Так Иосиф II стал основателем государственной полиции. Воинскими делами руководил находившийся в Вене Военный дворцовый совет; функции позднейшего министерства иностранных дел выполняла Дворцовая государственная канцелярия. С 1760 г. в важнейших делах им помогал Государственный совет.

Изменился социальный состав чиновничества. Вместо представителей шляхты, далеко не всегда способных исполнять те или иные функции, теперь государственные должности занимались людьми квалифицированными, при этом происхождение не имело никакого значения. Чиновники получали жалование от государства и находились под его надзором. Но все же за особые заслуги представители различных сословий получали дворянство как высшую награду. Рационально созданный государственный аппарат был явлением прогрессивным, но после Французской революции конца XVIII в. и особенно в период канцлерства князя Меттерниха он все более становился орудием реакции.

Далее была осуществлена реформа суда и права. В 1784 г. феодальные суды были поставлены под контроль государства. Привилегии в области судебных решений упразднялись, вводилось единое законодательство для всех жителей государства и всех частей монархии. Руководство осуществлялось центральным управлением. Однако некоторые пережитки феодализма сохранялись, если были нужны государству.

Важную роль во всей системе перестройки государства играла армия. Иосиф II прежде всего очистил ее от неспособных военачальников, ввел единое и целенаправленное военное обучение. В 1786 г. была основана Медико-хирургическая военная академия. Иосиф II нарушил аристократическую исключительность офицерского корпуса. Затем был построен ряд пограничных крепостей, особенно в Чехии, на границе с Пруссией. Армия перешла из населенных пунктов в казармы и стала дислоцироваться в стратегически важных пунктах. Было предпринято техническое

усовершенствование артиллерии. В апреле 1781 г. введена воинская повинность. В армию призывались мужчины в возрасте от 17 до 40 лет. От обязательной службы, однако, освобождались шляхта, духовенство и чиновники, допускалось также освобождение за выкуп. Лица, освобожденные от воинской повинности, могли служить добровольно. В целом реформа способствовала росту вооруженных сил.

Школьная реформа

Важнейшей реформой Иосифа II явилось преобразование школьного обучения. Еще в 1775 г. был создан школьный устав, предписывавший обязательное обучение всех детей от 6 до 12 лет. До этого в Чехии имелось 1500 школ, теперь же наблюдался не только количественный, но и качественный их рост. До 1787 г. число школ увеличилось на четверть, в следующее десятилетие — еще на 500, к концу 90-х гг. их стало 2601. Несмотря на предписание о всеобщем посещении школы, от 20 до 40% детей на занятия не являлись. В «главных школах» преподавание велось на немецком языке, в «нормальных» преподавался латинский. Существовали также гимназии иезуитского, пиаристского и других церковных орденов. После упразднения иезуитского ордена в 1773 г. произошла реформа гимназий, за 1772—1778 гг. 34 гимназии в чешских землях были закрыты, осталось лишь 20. Условием поступления в гимназию являлось знание немецкого языка, на котором велось преподавание в первых двух классах (из шести). В четырех старших классах обучение проходило на латинском языке. На рубеже 70 и 80-х гг. в трех пражских гимназиях обучались две трети всех гимназистов Чехии. Большинство учителей придерживались идей йозефинизма. В целом период развития чешской школы после 1775 г. следует оценивать как прогрессивный.

Развитие низшего и среднего школьного образования в конце XVIII — первой половине XIX в. является неотъемлемой частью всего процесса формирования чешского народа Нового времени. Развивающиеся капиталистические производственные отношения требовали большой армии молодых, относительно образованных людей, способных выполнять функции в производстве, в государственном аппарате, в общественных учреждениях. Кроме того, чешские школы стали важным фактором национального Возрождения. Просвещая значительную часть молодежи, они создали предпосылки для общего роста культуры народа.

Прошла реорганизация и высшей школы. В монархии Габсбургов находился старейший в Центральной Европе университет — Пражский (были и другие, например, Венский), где традиционно существовали факультеты философский, юридический, медицинский и теологический. Философский факультет считался связующим звеном между гимназиями и тремя остальными факультетами. Именно он подвергся существенной реорганизации: основное внимание стали уделять развитию природоведческих дисциплин и истории. Новые кафедры обеспечивали изучение философских, математико-астрономических и исторических наук, а также филологии и эстетики, агрономии, инженерных дисциплин. Факультет из двухлетнего стал трехлетним, а в обязательной части курса обучения главное внимание стало уделяться практическим дисциплинам. В 1784 г. светские факультеты избавились от пережитков схоластики, отменялась церковная цензура, а языком преподавания вместо латинского стал немецкий. Было введено обязательное посещение основного цикла лекций и сдача экзаменов в установленные сроки. Даже в, казалось бы, далеких от практики общественных науках создавались предпосылки для удовлетворения потребностей времени. Во время коронации Леопольда II как чешского короля в Праге было принято решение о создании в 1791 г. кафедры чешского языка. Она тоже имела практическое назначение. Так, лекции Ф.М. Пелцла, первого профессора этой кафедры, не относились к числу обязательных и посещались теми, кто предполагал работать среди чехов священниками и чиновниками.

Изменения в обучении на философском факультете были призваны улучшить подготовку студентов (как и на факультетах юридическом и медицинском), отсюда — внимание к естественным наукам и истории. В результате начатых с 1774 г. реформ университет избавился от церковного контроля и вошел в состав учреждений абсолютистского государства.

Здравоохранение. Социальное обеспечение

Проводя решительные изменения во всех упомянутых областях жизни, правительства Марии Терезии и Иосифа II понимали и необходимость мер по улучшению здравоохранения и социального обеспечения широких слоев населения. Общее состояние здоровья чешского населения было неудовлетворительным. В 1776 г. был обнародован имперский устав здравоохранения: все органы здравоохранения подчинялись центральной имперской комиссии, обладавшей широкими полномочиями. К концу XVIII в. в Чехии уже насчитывалось до 300 частных и общественных больниц. В

1781 г. Иосиф II издал основные директивные правила, установив важнейшие принципы создания новых лечебных учреждений. Ранее существовали только приюты милосердия для бедных, без персонала со специальной подготовкой и без медицинской помощи, теперь же учреждались специализированные клиники, родильные дома, детские приюты и т.п. Развивалась и медицинская наука. Реформы на медицинском факультете Пражского университета способствовали повышению квалификации врачей. Хотя далеко не все проблемы были решены, все же период терезианско-йозефинских реформ стал важной эпохой в истории медицины в монархии, в том числе и в Чехии.

Оценивая реформы рассматриваемого времени в целом, следует констатировать, что они означали перелом в ходе разложения феодальных устоев и объективно приводили к ускорению наступления капитализма. Но все же поставленных перед ними целей они не достигли, так как при их проведении не были учтены сложности реальной действительности. Так, наиболее радикальная реформа Иосифа II — берний и урбариальный патент — не преодолела сопротивления оппозиции феодалов и была отменена сразу же после его смерти. Оказались ослабленными и другие прогрессивные реформы. Но возвращение крестьян к личной зависимости было уже невозможно.

Также и церковь после 1790 г. усилила свою автономию, однако от подчиненного положения по отношению к государству не избавилась. Многие установления Иосифа II действовали до 1848 г., а некоторые даже до 1918 г. Значение реформ для формирования чешской нации Нового времени столь серьезно, что созданная ими общественная атмосфера получила название «йозефинизма».

НАУКА В ЧЕХИИ В ПЕРИОД ПРОСВЕЩЕНИЯ

В 60-е гг. XVIII в. в Габсбургской монархии и в Чехии прошел интенсивный процесс становления науки Нового времени, расширявшей свои познавательные возможности и иногда приобретавшей новую идеологическую функцию. Отдельные ученые, ранее изолированные в своей деятельности, стали объединяться в ученые общества. Так, в 1746 г. в Оломоуце возникло «Общество неизвестных ученых», которое с 1753 по 1761 г. собиралось в Праге под председательством И. Штеплинга, обсуждая различные научные проблемы. В 1771—1772 гг. в Праге выходил еженедельник «Пражские ученые известия» на немецком языке, издававшийся

Игнацием Антонином Борном (1742–1791). Наука вступала в борьбу с отжившим феодальным обществом.

После запрета иезуитского ордена в интеллектуальном развитии чешских земель наметилось несколько направлений. По инициативе И.А. Борна возникло «Частное общество в Чехии для развития математики, естественных наук и отечественной истории». В 1775 г. оно стало издавать «Рассуждения» на немецком языке. С 1784 г. «Частное общество» превратилось в «Чешское общество наук», которое с 1790 г. получило название «Королевское чешское общество наук» и просуществовало вплоть до 1952 г., когда слилось с Чешской академией наук и искусств, основанной в 1890 г. Ученые общества создавались в Чехии в тяжелой борьбе с защитниками феодальной идеологии, что способствовало возникновению союза между представителями естественных и общественных наук, понимавшими, что силы, тормозящие развитие одной группы научных дисциплин, наносят вред и другой группе.

«Чешское общество наук» — прогрессивный элемент в общественной структуре Чехии конца XVIII в. В него принимались лица, имевшие научные заслуги независимо от социального происхождения. Общество придерживалось принципа свободного познания и использования объективных законов природы и социального развития в интересах прогресса.

Новым подходом к национальному прошлому, представлявшемуся Контрреформацией в искаженном виде, стремлением создать основы чешского литературного языка наука повышала национальное и политическое сознание чехов, включая народ в борьбу за новый общественный порядок.

Основной задачей в области общественных наук было достижение уровня западноевропейских стран. В гуманитарных науках интерес к светской истории чешской государственности перерастал в интерес к образованности, к развитию чешского языка и исследованию прошлого чешской письменности

В области гуманитарных наук в Чехии выделялось несколько ярких личностей. Одной из них был *Гелазий Добнер* (1719–1790), немец, член ордена пиаристов, историк-самоучка. Сын ремесленника, Добнер закончил латинскую иезуитскую школу и вступил в католический монашеский орден пиаристов, основанный в 1607 г. Среди обетов, принимавшихся его членами, было и безвозмездное обучение юношества. С 1752 г. Добнер работал в Пражской пиаристской гимназии и изучал историю. Он обратил внимание на расхождения в изложении фактов чешской истории в сочинениях католических и некатолических авторов. Это

наводило на мысль о необходимости сравнительного изучения источников. Первым трудом Добнера по истории был разбор «Святовацлавской легенды так называемого Христиана», но главным стал его шеститомный перевод «Хроники Чешской» Вацлава Гайка из Либочан с чешского на латинский. На основании многих изысканий Добнер снабдил хронику Гайка критическими комментариями. Сочинение Гайка, вышедшее в свет в 1541 г., в течение двух столетий влияло на чешскую историографию, а критика хроники могла способствовать опровержению контрреформационной концепции чешской истории. Первый том добнеровского перевода вышел в 1761 г. Добнер доказал историческую несостоятельность сведений по древнейшей истории чехов, чему был посвящен этот том, и, по существу, вычеркнул сочинение Гайка из числа надежных источников. Добнер стал в Чехии зачинателем нового подхода к историческому исследованию, представителем новой методики, зародившейся в эпоху Просвещения. От Добнера берет свое начало концепция чешской древней истории как общества демократичного, без панов и подданных. В развитии чешской историографии его творчество означало решительный поворот от контрреформационной концепции к новому этапу изучения чешской истории.

Значительный вклад в выработку критического отношения к феодальной идеологии был внесен *Франтишком Мартином Пелцлом* (1734—1801). Сын ремесленника, он закончил пиаристскую гимназию в г. Рыхнове и стал учеником высшего философского класса пиаристской гимназии в Праге. В научную жизнь Пелцл самостоятельно вступил в 1774 г. сочинением «Краткая история чехов». В 80-х гг. появились его биографии: «Император Карл IV, король чехов» и «История жизни римского и чешского короля Вацлава». В этих сочинениях выдвигалась новая концепция чешской истории, в частности гуситского движения. При этом оценка гусизма Пелцлом постепенно развивалась. Если в 1774 г. он упоминает о Гусе лишь как об одном из чешских «ученых мужей», то в 1779 г. уже характеризует его как реформатора и бесстрашного героя, не отступающего от своих убеждений даже под страхом смерти. Пелцл критикует также позиции церкви гуситской эпохи. Впрочем, гуситскую революцию он решительно осуждает как проявление фанатизма и бунтарство, приведшие в упадок благосостояние страны и общественный порядок.

Подобная точка зрения разделялась и другими историками эпохи Просвещения, которые отрицательно относились к Французской революции, крестьянскому восстанию 1775 г. и другим неординарным событиям такого рода.

Наиболее значительной личностью в чешской науке периода правления Иосифа II являлся, бесспорно, молодой тогда *Йозеф Добровский* (1753–1829). Он действовал в течение двух важнейших периодов истории чешской культуры и идеологии — Просвещения и романтизма.

Добровский родился в Венгрии, но еще в младенчестве был увезен в Чехию. Отец его — чех, мать, вероятно, немка. Родным языком будущего ученого был немецкий, а чешскому он научился в гимназии города Немецки-Брод, куда поступил в 1762 г. Окончив гимназию высшей ступени, которой руководили иезуиты в Йиндржихувом Градце, он изучал в Пражском университете философию и теологию, а после его окончания стал домашним учителем в доме графа Ф. Ностица. В 1786 г. Добровский принял сан священника и стал вице-ректором, а позднее и ректором Генеральной семинарии в Оломоуце. В 1790 г., после смерти Иосифа II и упразднения генеральных семинарий, он переехал в Прагу к Ностицам, где занимался научной работой, был активным членом «Королевского чешского общества наук», его секретарем и позднее председателем. В 1778 г. Добровский издал на латинском языке сочинение «Пражский фрагмент Святого Евангелия от Марка — ложный автограф», вступив тем самым на путь критического изучения библейских текстов. Вскоре он перешел к изучению истории древней чешской национальной культуры. Многочисленные мелкие работы Добровского этих лет выделяются скрупулезной филологической критикой текста источников и тщательностью историографического микроанализа. Он исследовал те периоды развития чешской культуры, когда наиболее ярко проявляла себя литература на чешском языке, и доказал, что своего наивысшего развития чешская культура достигла в период гуситского движения. Это свидетельствовало об отходе от контрреформационных оценок и пролагало путь к новой концепции чешской истории, сформулированной позднее в творчестве Ф. Палацкого. Добровский подверг сомнению полезность и целесообразность установления о безбрачии католического клира, подорвал веру в святость Яна Непомуцкого, составлявшую один из важнейших тезисов католической историографии. Уже в период Просвещения проявилось чешское национальное самосознание Добровского. Вершиной его патриотических выступлений была речь на торжественном заседании «Чешского общества наук» «О преданности славянских народов австрийскому правящему дому», произнесенная 25 сентября 1791 г. при посещении Общества императором Леопольдом II. Добровский подчеркивал, что из 21 млн человек населения империи 11 млн составляют славяне, и это следовало бы учитывать во всей политике государства.

В 1792 г. Добровский посетил Россию. В Петербург он прибыл 17 августа. Работая в Академии наук, ученый уделил много внимания рукописным сводам. Затем он переехал в Москву, где пробыл до 7 января 1793 г., исследуя в библиотеках памятники древней славянской письменности. Выработанный Добровским критический метод подхода к историческим источникам позволил ему стать основателем научного направления в исследовании славянских языков и литератур, т.е. славянской филологии как науки.

СЛОВАКИЯ В СРЕДНИЕ ВЕКА И РАННЕЕ НОВОЕ ВРЕМЯ

СЛОВАКИЯ В X–XIV вв.

Включение словацких территорий в Венгерское королевство в X–XI вв. Административно-территориальная организация

На протяжении многих веков Словакия была лишь этнографическим понятием. Словацкая этническая территория компактно располагалась в Северной Венгрии и в Средние века называлась Верхней Венгрией. В основу ее административно-территориальной организации было положено деление на комитаты (отдельная область королевского домена), или жупы. Претерпев определенные изменения, эта система просуществовала до 1922 г., причем из 16 комитатов на рубеже XX в. только четыре имели словацкий моноэтнический состав, а в шести словаки составляли большинство.

После распада Великой Моравии важнейшим фактором в истории словаков стало постоянное усиление влияния венгров. К X в. они овладели частью земель в Придунайской низменности, населенных словаками. Включение словацких территорий в зону интересов венгров привело к тому, что в долинах Южной Словакии славянское население было мадьяризировано или же покинуло эти места. В X — начале XI в. западная и центральная части территории Словакии неоднократно переходили к правителям соседних Чехии и Польши. В XI в., особенно во времена правления королей Стефана I (997–1038), а затем Ладислава I (1077–1096), значительная часть словацких земель была присоединена к Венгерскому королевству. Захват северных областей Словакии в XII в. привел к завершению этого процесса.

Экономическое развитие Словакии. Социальная структура общества

Южные и западные словацкие земли были наиболее развитой частью венгерского раннефеодального государства. Здесь преобладало оседлое земледельческое население. Оно включало полусвободных крестьян, имевших ограниченное право перехода, многочисленную прослойку лично-свободных «замковых людей», живших в селах и управляемых жупаном. К свободным относились и

воины замка, в мирное время плативщие денежный налог. Основную рабочую силу в имениях короля и феодалов составляла челядь. В дальнейшем по мере укрепления феодального землевладения в XIII в. дифференциация населения уменьшается. Наиболее многочисленной категорией стало крепостное крестьянство. Воины же послужили основой для формирования низшего дворянства.

Словацкая церковь оказалась под юрисдикцией Эстергомского архиепископства. В XI в. появляется целый ряд монастырей, ставших крупными земельными собственниками.

В конце XI в. в Словакии возникает ремесленное производство. В конце XII в. начинается процесс развития городов как торгово-ремесленных центров, а в XIII в. ими были получены привилегии. Так, Трнава получила привилегию в 1238 г., через несколько лет ее добились Зволен и Нитра, в середине века — Банска-Бистрица и Тренчин и в 1291 г. — Братислава. Центром Восточной Словакии становится Кошице. В городах действовало немецкое право, за исключением процветавших за счет транзитной торговли Спишских городов с центром в г. Левоче. Они руководствовались собственным правом и подчинялись непосредственно королю. Богатство природных ресурсов, наличие крупных месторождений полезных ископаемых, в разработке которых были заинтересованы венгерские феодалы, вынудило последних пойти на уступки горным городам.

Вхождение Словакии в состав Венгерского королевства предопределило преобладание здесь венгерской политической культуры эпохи феодализма.

Словакия в условиях феодальной раздробленности. Матуш Чак Тренчинский. Положение городов в XIV в.

В условиях феодальной раздробленности в начале XIV в. территория Словакии оказалась разделенной на две части. Могущественным правителем ее западных земель стал Матуш Чак Тренчинский (1260–1321), противостоящий центральной королевской власти. Разгром королем Карлом II Робертом (1308–1342) феодальной оппозиции привел к восстановлению системы феодальной зависимости, укреплению крупных феодальных хозяйств, развитию городов и торговли. К этому времени и в новых, и в старых городских центрах немецкий патрициат стремится взять в свои руки городское управление.

В XIV в. были основаны многие нынешние крупные города Словакии. Они добиваются автономии в управлении и судопроизводстве и становятся центрами притяжения беднейших слоев населения. Преобладающую часть словацкого общества составляли

зависимые крестьяне, которые выполняли феодальную ренту, платили церковную десятину и с XIV в. так называемую «девятину» — натуральный налог с зерновых и вина в пользу государства.

Введение новых повинностей, усиление барщины последовали вслед за появлением османской угрозы. Так, в 1397 г. была введена специальная антитурецкая дань. Заметное ухудшение жизни сельского населения в конце XIV в. вызывает противодействие крестьян. Восстания, бегство в города и горы приобретают массовый характер.

Словацкая культура в X–XIV вв. Развитие образованности. Архитектура словацких городских центров

С начала XIV в. Словакия становится областью активной транзитной торговли. Это способствует установлению во всех сферах деятельности более тесных контактов с развитыми регионами Европы. Быстрое развитие городов, особенно со второй половины XIV в., приводит к тому, что они становятся культурными центрами. Здесь начинает распространяться светская образованность. По-прежнему сохранили свое значение и капитульные школы в Нитре, резиденции епископа в Братиславе и Спише. Для молодых дарований из Словакии становятся престижными Пражский, Венский и Краковский университеты.

Традиции романского стиля, для которого были характерны массивные каменные храмы-крепости со стенами, украшенными фресками, в конце XIII в. постепенно уступают место готике. Хотя оригинальная архитектурная школа в Словакии в XIV в. не сложилась, местное зодчество отличается заметным своеобразием. Во второй половине XIV в. словацкие мастера возводят ряд церквей с опорной готической системой сводов. Наиболее известное сооружение — Собор св. Елизаветы в Кошице. Его строительство (после пожара) продолжалось с конца XIV до середины XV в. Ратуши, многочисленные каменные дома городской знати и мещан украшают города. Широкий размах получает возведение вписанных в пейзаж замков местных аристократов.

Если в архитектуре прослеживается влияние пражской школы, то в настенной живописи, особенно в среднесловацких шахтерских центрах, заметно воздействие итальянских мастеров. На словацкий «прекрасный стиль» оказали влияние чешская, а с начала XV в. — венская живописная традиции. Наиболее ярко в готике проявила себя Спишская область. Широкую популярность приобрела деревянная пластика алтарного убранства. На протяжении XIV столетия анонимные авторы совершенствуют свою технику, отказываются от статичного положения фигур, создают все более лирические и выразительные образы мадонны.

СЛОВАКИЯ В XV–XVI вв.

Словакия в центре борьбы за венгерскую корону. Деятельность братриков

В середине XV в. Словакия стала ареной династической борьбы за венгерскую корону между Габсбургами, польскими Ягеллонами и венгерскими магнатами. Значительной частью ее территории овладел чешский магнат католик Ян Искра из Брандыса. Вместе с ним в Словакию пришло несколько тысяч бывших гуситских воинов, по-прежнему исповедовавших гуситскую идеологию. Искра опирался на патрициат городских центров добычи руды и выплавки металла, использовал антифеодальные настроения братриков («братиков») — словацких последователей таборитского течения в гуситском движении. Он выступал как представитель и защитник интересов вдовы Альбрехта II, а затем ее малолетнего сына Ладислава. Ему удалось настолько укрепить свои позиции, что венгерский правитель Янош Хуньяди вынужден был передать ему в управление ряд словацких городов.

Под давлением венгерских магнатов в 1453 г. Искра оставил Венгерское королевство, а его войско в большинстве своем перешло на сторону братриков. Их укрепленные лагеря стали центрами антифеодального движения словацкого крестьянства. Размах выступлений армии братриков, организованной по образцу таборитов, был настолько широк, что для их подавления венгерские магнаты были вынуждены обратиться за помощью к Искре. Однако и после нескольких поражений (1458, 1467) братрики сохраняли свою силу и во второй половине 50-х годов даже приняли участие в династической борьбе.

Новую попытку укрепить королевскую власть предпринял Матьяш Хуньяди — Матвей Корвин (1458–1490), которому удалось сломить сопротивление крупных магнатов. Удачей завершились и переговоры с Яном Искрой, получившим титул барона, крупное денежное вознаграждение и земельное владение в Трансильвании.

После смерти Корвина в королевстве вновь пришли к власти магнаты, а все земли, входившие в него, оказались в глубоком внутриполитическом и экономическом кризисе. Упадок городов, ухудшение положения подданных, опустошение ряда районов страны вызывали массовое недовольство населения. В ответ законы, ограничивающие свободу передвижения крестьян, были дополнены актом о преследовании за укрытие беглых.

В 1514 г. в королевстве вспыхнуло восстание Дожи, поражение которого позволило законным путем лишить крестьян личной свободы. Восстание горняков Банска-Бистрицы и присоединившихся

к ней других шахтерских центров в 1525–1526 гг., заявивших о себе как о последователях идей плебейской реформации, по своему размаху и организованности было самым мощным социальным выступлением в этом регионе после гуситского движения.

Словакия в системе монархии Габсбургов

Вступление Фердинанда I на венгерский престол положило начало образованию в 1526 г. многонациональной монархии Габсбургов, включавшей Хорватию, Славонию, задунайскую часть Венгрии и Словакию. При этом территория Словакии стала местом постоянных военных сражений с Османской империей, прочно утвердившейся в центральной части Венгерского королевства. Расширение хозяйств венгерских феодалов и как следствие ухудшение положения словацкого крестьянства, упадок городов, кризис словацких центров добычи и выплавки металлов сопровождались попытками реализовать абсолютистские централистские настроения Габсбургов.

Лишь в последней трети XV в. Банска-Бистрица становится самым крупным в Венгерском королевстве центром по добыче руды и выплавке серебра и меди. Благодаря хорошей организации, механизации производственного процесса и венгерским и немецким инвестициям в конце XV в. Словакия превращается в один из главных производителей меди в Европе. Оживление хозяйственной деятельности городов ведет к увеличению числа словацких рабочих, ремесленников и торговцев.

После захвата османами южных районов Словакии начинают интенсивно осваиваться ее центральная и северная части. По мере распространения товарных отношений растет производство продукции на рынок. Королевским городам Словакии удалось сохранить свои привилегии до начала XVII в. Заметно выросло политическое значение городского сословия в сейме.

Широкий отклик в Словакии получило лютеранство. Борьба за сословные привилегии, свободу вероисповедания создавала благоприятную почву для распространения реформационных идей.

Гуманистическое направление в культуре Словакии в XV–XVI вв.

Во второй половине XV в. в Словакию начинают проникать гуманистические веяния. Их носителями были члены королевского двора, церковные иерархи.

Распространение в Словакии идей гуманизма, рост городских центров, укрепление роли бюргерства в социальной структуре

общества обусловили появление новых элементов в духовной жизни словаков. Заметное воздействие на развитие культуры оказывают гуситское движение и Реформация. В словацкую среду гуситские идеи привносили участники гуситских походов, а также возвращавшиеся из Пражского университета студенты. Одним из них был каноник в Нитре Ян Вавринец из Рачиц, автор нескольких полемических трактатов в защиту Яна Гуса.

Вхождение Словакии и чешских земель в состав одного государственного образования, которым правили представители династий Люксембургов, Ягеллонов и Габсбургов, этническая и языковая близость усиливали влияние чешской культуры, чешского языка и чешской книжности на территории Словакии. Помимо монастырей книжная культура распространялась в городах. Чешский язык наряду с широко использовавшейся латынью стал языком литературных сочинений. Язык Кралицкой библии, «библитчина», постепенно утверждался как язык письменности словаков, на нем издавались и официальные распоряжения короля. Однако общий уровень образования даже среди духовенства оставался невысоким.

Гуманистические и ренессансные веяния затронули и сферу образования. В период правления Матвея Корвина в 1467 г. был основан университет в Братиславе — Академия Истрополитана. Он стал одним из центров деятельности итальянских гуманистов, ученых и архитекторов, которых специально приглашал король в Венгерское королевство. Появились новые городские и церковные школы, первые типографии, распространялась книжная продукция.

Во второй половине XV — начале XVI в. королевскими городами велось активное строительство храмов, ратуш, оборонительных стен и башен. Патрициатом возводились особняки по примеру замков в магнатских усадьбах.

В архитектуре, изобразительном искусстве преобладала поздняя готика. Международную известность имела кошицкая архитектурная и скульптурная мастерская.

Строительство храмов стало инспирирующим началом для других направлений искусства. Расцвет станковой готической живописи приходится на последнюю треть XV — начало XVI в. Наиболее значительным памятником этого времени является алтарь св. Екатерины в г. Банска-Штьявница, близкий по живописной манере немецкому Ренессансу.

Выдающимся резчиком по дереву был мастер Павол из Левочи. Своеобразны и чрезвычайно живы созданные им скульптурные композиции главного алтаря в церкви св. Иакова (Якуба) в Левоче. По своей художественной ценности, масштабности и выразительности этот памятник признан одним из крупнейших во всей позднеготической пластике Центральной Европы.

12 – 3699

Ренессансные городские постройки, у которых вся верхняя часть стены украшена многофигурными композициями, замки с характерными для этого времени мощными угловыми башнями и внутренними аркадными двориками типичны для словацкой архитектуры XVI в. В этом столетии в Словакии получила развитие светская и духовная поэзия на латинском языке. В исторических песнях, любовной лирике звучала тема борьбы против османов.

СЛОВАКИЯ XVII–XVIII вв.

Словакия — арена борьбы между венгерской шляхтой и Габсбургами

На протяжении полутора столетий Словакия вынуждена была противостоять давлению османов. После захвата в 1562 г. южной части Словакии, поскольку границы османских завоеваний постоянно отодвигались на север, словацкие территории стали центром политической жизни Венгерского королевства. Противостояние венгерских феодалов абсолютистским и централизаторским устремлениям Габсбургов, попыткам укрепить позиции католической церкви зачастую приобретало формы заговоров и восстаний. Большинство из них произошло на территории Словакии. Концентрация венгерской шляхты, покинувшей родовые поместья, захваченные османами, необходимость содержания многочисленной армии для защиты границ монархии Габсбургов имели весьма противоречивые последствия. Они не только способствовали интенсификации сельского хозяйства, но и усиливали давление правительства, дворянства, местных чиновников на словацкое крестьянство. Все это вело к тому, что крестьяне покидали земли феодалов и уходили или в пограничные районы, или в горы, где объединялись в многочисленные вооруженные отряды и становились ударной силой большинства сословных восстаний XVII — начала XVIII в.

Бурные события Тридцатилетней войны 1618–1648 гг. также затронули Словакию. Большую часть словацких земель заняли войска трансильванского князя Дьёрдя Ракоци, противостоявшего Габсбургам и объединившегося с армией шведов во время осады Брно в 1645 г. Согласно Линдскому миру ряд словацких комитатов был передан Ракоци в пожизненное владение. В ходе австро-турецких войн 1660–1664 и 1683–1699 гг. часть Словакии находилась под временной властью султана.

В 1678 г. на территории Словакии венгерские магнаты, опиравшиеся на поддержку Османской империи, подняли одно из крупнейших сословных выступлений против Габсбургов. Поражение

турок в 1683 г. усугубило положение восставших и ускорило их разгром. Во время османской оккупации имущество шляхты было конфисковано, тысячи жителей Словакии оказались в рабстве, экономика была разрушена.

На возвращенных из-под власти Порты по Карловацкому миру территориях Габсбурги начали проводить политику Контрреформации. В ее рамках изымались земли у магнатов-протестантов для передачи во владения иностранному дворянству.

Политическое положение словацких территорий в XVIII в.

В 1703 г. магнаты во главе с Ференци II Ракоци подняли новое восстание, вылившееся в антигабсбургскую войну. Оно охватило Словакию, Трансильванию и собственно Венгрию. После нескольких поражений правительственных войск Габсбурги были низложены. Только в 1711 г. согласно заключенному мирному договору династию Габсбургов признали в Венгерском королевстве навечно. Одновременно распустили повстанческое войско.

После заключения Сатмарского мира Словакия перестала быть центром политической, общественной и культурной жизни Венгерского королевства. Постепенно она превращается в политическую периферию, которую покидали магнаты и подданные-венгры. Подобный отток привел к усилению словацкого элемента в этом регионе. Вместе с тем восстания, войны с османами, эпидемия холеры способствовали тому, что многие районы Словакии обезлюдели. Опустошение земель усугубляло экономический кризис. В крайне тяжелом положении находилось крестьянство, в полной мере испытывавшее на себе самые жестокие методы эксплуатации, выполнявшее практически нерегламентированную барщину и другие многочисленные повинности. Пытаясь ослабить недовольство сельского населения, Мария Терезия в 1767 г. издала Земельный акт — урбарий, распространявшийся на все Венгерское королевство. По этому акту обязанности крестьян определялись исходя из их имущественного положения. Крестьянство видело выход из крайне трудного состояния в переселении в малонаселенные районы, покинутые османами.

Экономическое развитие Словакии в XVIII в.

Крайне медленно проходило экономическое обновление Словакии. Нахождение словацких земель в центре военных действий предопределяло ориентацию ремесленного производства на

военные нужды. Постепенно в условиях восстановившегося мира оживляется торговля, появляются первые мануфактуры. Наиболее известными стали созданные мужем Марии Терезии предприятия по производству ситца и майолики.

Сорокалетнее правление Марии Терезии (1740–1780) явилось эпохой централизации монархии Габсбургов. Однако Венгерскому королевству удалось отстоять свои автономные права до 1764 г. Вместе с тем путем проведения ряда таможенных и торговых акций началось превращение этой части государства в сырьевую базу. Так, в 1771 г. в Словакии, как и во всем королевстве, было запрещено открытие новых мануфактур.

Важнейшее значение для возрождения экономики Словакии имела добыча драгоценных металлов. Применение новой технологии, предложенное словацкими мастерами из г. Банска-Штьявница, вывело словацкое производство на европейский уровень. Технические достижения использовались на всех рудниках Центральной и Восточной Словакии. Не случайно этот период в развитии горнодобывающей отрасли получил название «золотой век».

Курс на реформы, которые начала Мария Терезия, был продолжен ее сыном Иосифом II. Важнейшим для Венгерского королевства стал Патент 1785 г., которым закреплялись отмена личной крепостной зависимости и право крестьян на свободный выход из поместий. Другой знаменательный акт просвещенного абсолютизма — Патент о веротерпимости (1781), предоставлявший всем верующим право свободного отправления культа, — привел к улучшению положения словацких протестантов.

ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ В РАЗВИТИИ КУЛЬТУРНОЙ ЖИЗНИ В XVII–XVIII вв.

Словацкое Просвещение. Матей Бел

В изнуренной войнами и междоусобицами Словакии XVII и особенно XVIII в. усиливается влияние католической церкви. Утверждению католицизма противодействовали широко распространенное в XVII в. у словаков лютеранство и противостояние всей политике Габсбургов венгерского магнатства, с оружием в руках отстаивавшего свои привилегии. Борьба за вероисповедание оказывала огромное влияние на культурную жизнь в Словакии. Бесспорным успехом политики Контрреформации стало открытие в 1636 г. иезуитского университета в Трнаве, просуществовавшего около полутора веков.

Контрреформация перешла в наступление в конце XVII в., что особенно отразилось на барочном искусстве. Господство

монументального стиля, пышность интерьеров характерны как для культовых построек, так и для дворцовых комплексов и замков, застройки богатых городских кварталов.

Большим разнообразием отличается искусство XVII–XVIII вв. Особенностью его развития в Словакии является то, что значительная часть работ — это произведения анонимных живописцев, резчиков по дереву и скульпторов. Их произведения возникли как реакция на различные художественные веяния, проникавшие на территорию Словакии. В портретной живописи, оформлении алтарей, изделиях мастеров золотых дел, весьма популярном жанре того времени — эпитафиях происходит синтез новых идей с местными традициями, наблюдается слияние разных эстетических тенденций в рамках одного направления. Новые имена появляются среди литераторов, писавших на чешском языке и на латыни.

Широкую известность имело творчество ученого, деятеля словацкой и венгерской культуры *Матея Бела* (1684–1749). Получив образование в Галле, Бел стал священником. Сначала он был директором евангелической школы в Банска-Бистрице, а затем с 1714 г. — ректором лицея в Братиславе. Бел, писавший на латинском, венгерском, немецком и чешском языках, был признан не только в Венгерском королевстве, но и в Европе. Он являлся членом Лондонской, Берлинской, Санкт-Петербургской академий, некоторых других научных обществ. В своем главном труде «Исторические и географические сведения о современной Венгрии», вышедшем в 1735–1742 гг. в четырех томах, ученый предпринял попытку критического анализа источников. Он рассматривал словаков как потомков славян, населявших Великую Моравию. Утверждение этого словацкого патриота об автохтонности словаков, так же, как и высокая оценка им литературных качеств словацкого языка, сыграли заметную роль в становлении словацкого национального самосознания.

Для восприятия идей Просвещения в Словакии немало сделал *Адам Франтишек Коллар* (1718–1783). Будучи директором придворной библиотеки в Вене, советником Марии Терезии, он участвовал в проведении и разработке школьной реформы, включавшей в программу изучение родного языка и истории. Издатель научно-популярного журнала, сочинений гуманистов, автор книги «О начале и постоянном использовании законодательной власти» (1764), Коллар приобрел широкую известность тем, что выступил против освобождения от налогов церкви и дворянства. Вся его деятельность способствовала формированию словацкой патриотической традиции.

Призыв Коллара и его современников любить родной язык, быть патриотом своего Отечества был услышан новым поколением. В конце XVIII в. наблюдается подъем национальной культуры, подготовленный йозефинскими реформами. Упразднение ордена иезуитов (1773) и вытеснение их из сферы контроля над культурными процессами, школьная реформа, ориентированная на создание системы всеобщего начального обучения во всей монархии Габсбургов, реформа университетов и другие мероприятия создают условия для развития культуры эпохи национального Возрождения.

Часть II

ИСТОРИЯ ЮЖНЫХ И ЗАПАДНЫХ СЛАВЯН В НОВОЕ ВРЕМЯ (конец XVIII в. — 1914 г.)

БОЛГАРИЯ В НОВОЕ ВРЕМЯ

БОЛГАРСКОЕ НАЦИОНАЛЬНОЕ ВОЗРОЖДЕНИЕ В XVIII — ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX в.

Изменения в положении болгарских земель в XVIII в.

Восемнадцатое столетие перевело назревшие противоречия во внутри- и внешнеполитическом положении Османской империи в фазу всеобъемлющего структурного кризиса. Его содержанием был чрезвычайно медленный и крайне болезненный переход государства к новым формам социально-экономической и политической организации, а внешний контекст составляло окончательное втягивание Турции в хитросплетения Восточного вопроса.

Полный развал системы тимариотского землевладения в XVIII в. имел ряд разнообразных и значительных последствий для болгарских земель. Превращение тимаров в наследственные поместья — чифтлики — привело к ухудшению положения крестьян в наиболее плодородных районах. С другой стороны, к концу столетия немалая часть земельных владений, в особенности на севере страны и в балканских предгорьях, фактически осталась без хозяев-спахий и перешла в наследственное пользование крестьян-держателей. Но положение последних вряд ли было существенно лучше, чем у многочисленных издольщиков, обрабатывавших турецкие чифтлики. Произвол фискальных и административных органов, откупщиков, местной знати — аянов — и многочисленных банд деклассированных мусульман лишал их львиной доли произведенной продукции. В то же время в XVIII в. укрепляется слой зажиточного болгарского крестьянства — чорбаджиев, богатевшего за счет торговли скотом со Стамбулом, Фессалониками и другими крупными городами Европейской Турции и ростовщических операций среди собственных земляков.

XVIII век характеризовался заметными изменениями в жизни болгарских городов, куда стекались массы обездоленных и пострадавших от османских усобиц и произвола селян. Развитие ремесла и торговли в болгарском городе продолжалось и в это время, но с середины столетия все более заметно начинает ощущаться конкуренция западных товаров, широкую дорогу которым на Балканы открывали капитуляции. Главную же угрозу для

развития городов несла растущая нестабильность самого османского государства, в особенности его северных провинций. В этих сложных условиях торгово-ремесленное население болгарских городов демонстрировало исключительную предприимчивость и активность. Болгарские ремесленники вытесняли из сферы ремесленного производства мусульман и не испытывали особенной конкуренции иностранных товаров, сосредоточиваясь на обработке местного сельскохозяйственного сырья — льна, кож, шерсти и производя товары специфически балканского типа, например витые шерстяные шнуры для украшения одежды — гайтаны. Эти же товары составляли основное содержание торговли на местных рынках и ярмарках, чья роль в XVIII в. заметно возрастала.

Общественно-политический кризис в болгарских землях достиг своего пика в конце XVIII в., когда после двух поражений в русско-турецких войнах, завершившихся договорами в Кючук-Кайнарджи (1774) и в Яссах (1791), османское правительство провело реформы по установлению «нового» военно-политического порядка. Реорганизация Селимом III тимариотского войска и янычарского корпуса (1793), попытки реформировать систему провинциального управления были встречены в штыки военными, чиновниками и знатью в центре и на периферии империи. Достигли грандиозных масштабов бесчинства банд так называемых «кирджалиев», грабивших болгарское население, фактически вышли из подчинения центральной власти целые области Болгарии. Так, в 1792–1807 гг. на северо-западе Болгарии существовало не подчинявшееся султану владение османского военачальника Пазванд-оглу с центром в Видине.

В борьбе с сепаратизмом провинциальной знати султанское правительство пыталось опереться на поддержку болгарского чорбаджийства. В конце XVIII — начале XIX в. болгарам было разрешено создавать вооруженные отряды во главе с местными старейшинами для обороны от кирджалиев. Но и сепаратисты стремились привлечь на свою сторону болгар, раздавая им оружие и подталкивая их к сопротивлению властям. Хотя в Болгарии эти действия не привели к столь значительным и резким последствиям, как в соседней Сербии, они, несомненно, способствовали росту социально-политической активности болгар.

Начало Возрождения

Историографическая традиция ведет отсчет истории болгарского национального Возрождения с 1762 г. — даты написания «Славяноболгарской истории» монахом афонского Хилендарского монастыря Паисием. В эпоху османского господства афонские

монастыри оставались важными центрами славянской культуры. Здесь сохранялись средневековые рукописи и документы, попадали сюда и печатные книги из России и восточнославянских земель Речи Посполитой. Для написания своего труда Паисий использовал сохранившиеся на Афоне грамоты болгарских царей, сочинения Евфимия Тырновского и Григория Цамблака. Наряду с ними источниками труда Паисия стали «Синопсис» — впервые опубликованный в Киеве в 1674 г. учебник русской и славянской истории, известный свод житий Димитрия Ростовского, «Стематография» — пособие по славянской геральдике, опубликованное в 1741 г. выходцем из Македонии Христофором Жефаровичем, и русские переводы двух исторических сочинений — «Королевства славян» далматинского историка начала XVII в. Мавро Орбини и «Деяний церковных и гражданских» ватиканского хрониста XVI в. Цезаря Бароний.

Однако главную ценность книги Паисия составило не ее историческое содержание, а четкая идейная направленность на пробуждение болгарского национального самосознания и активное противостояние духовному натиску греческой культуры, утверждение национальной самобытности болгар на общеславянском фоне. Паисий прямо указывает на главные причины плачевного состояния болгарской культуры: «Болгария находится среди турок, близко к Царьграду, и поэтому болгары столь угнетаемы и унижаемы турками... Поэтому не могут они воспринять ни искусство, ни книжную ученость».

Вторую причину историк видит в засилье греческого духовенства: «Некоторые русские и сербы издеваются над болгарами, обзывая их простаками и невеждами... Но пусть эти русские и сербы благодарят Бога, что сохранил их от агарянского рабства и от власти греческих архиереев...» Паисий был далек от призывов к вооруженной борьбе с османами или активному противостоянию греческому духовенству. Его призыв: «Болгарин! Знай свой род и язык!» — нашел горячий отклик как у современников, так и у их потомков. Еще до конца XVIII в. «История славяноболгарская» была многократно переписана от руки и имела широкое хождение среди болгар.

Одним из переписчиков сочинения Паисия и его активным последователем стал в 60-е гг. XVIII в. священник Стойко Владиславов из богатого болгарского городка Котел. Один из наиболее активных болгарских деятелей своего времени, в конце XVIII в. он был рукоположен в сан епископа Врачанской епархии на севере Болгарии и приобрел широкую известность под своим монашеским именем Софроний. Наряду со списками «Истории славяноболгарской», переводами с греческого духовных и назидательных

сочинений Софроний Врачанский составил на новоболгарском языке несколько сборников (особенно популярен был изданный в 1806 г. в Валахии «Недельник, или Кириакодромион» — календарное собрание поучений и притч, многократно переиздававшееся в течение XIX столетия), написал автобиографию («Житие и страдания грешного Софрония», впервые опубликована в 1861 г.), где создал яркие картины положения болгар под властью переживавшей один из самых острых кризисов Османской империи.

Софроний был и одним из первых выразителей политических идей болгарского Возрождения. Во время русско-турецкой войны 1806—1812 гг. он обратился к российскому правительству с просьбой о принятии Болгарии под покровительство России и предоставлении ей статуса, аналогичного существовавшему в Османской империи для Валахии и Молдавии — самоуправляющихся княжеств с главами, назначаемыми султаном из числа местной знати. Врачанский епископ, с 1803 г. находившийся в эмиграции в Бухаресте, со вступлением на территорию Болгарии русских войск призвал своих соотечественников оказать им поддержку и содействовал формированию в 1810—1811 гг. Болгарского земского войска в составе русской армии. Однако подписанный в 1812 г. в Бухаресте мирный договор России с Турцией вообще игнорировал существование Болгарии. Неудача политической деятельности Софрония вновь обратила его к идеям духовного возрождения болгар через просвещение и культуру.

Апогей первого этапа национального Возрождения выразился в подъеме освободительного движения в болгарских землях в 20—30-е гг. XIX в. Болгары приняли активное участие в греческой революции 1821—1829 гг., десятки их были вовлечены в деятельность тайного греческого общества «Филики Этерия», организации которого существовали во многих болгарских городах, а также в Валахии и Молдавии, куда после завершения русско-турецкой войны 1806—1812 гг. эмигрировали многие болгары.

Большой размах приняли вооруженные действия болгар против турок во время очередной русско-турецкой войны 1828—1829 гг. Среди болгарской эмиграции в Валахии и Молдавии началось формирование повстанческих отрядов — чет, во главе которых стояли Георгий Мамарчев, Милко Петрович — брат легендарного гайдука и одного из предводителей Первого Сербского восстания Велко Петровича, «капитаны» (так называли себя предводители отрядов болгарского ополчения в составе русской армии во время войн с Турцией) Живко и Алексий и другие патриоты. Болгарские четы участвовали в осадах Силистры и

Шумена и в других боевых операциях. В марте 1829 г. по инициативе полковника И.П. Липранди было сформировано новое болгарское ополчение — корпус, численностью более полутора тысяч человек, командные должности в котором заняли предводители болгарских чет Георгий Мамарчев, Панайот Фокиано, Хаджиоглу Габровли, Алексий, Иванчо и другие. Русских офицеров в корпусе было всего трое. Многие болгары проявляли в боях чудеса храбрости. Хаджиоглу Габровли, потеряв обе руки, вел свою чету в бой, а Иванчо, лишившись обеих ног, приказал привязать себя к седлу и продолжал сражаться с турками.

Героические действия болгарских ополченцев содействовали подъему национально-освободительного движения в северных и восточных районах Болгарии. Население десятков городов и сел обратилось к российскому правительству с просьбами об установлении самоуправления болгарских земель под протекторатом России. Однако сложная внешнеполитическая борьба европейских держав вокруг Восточного вопроса оказала роковое воздействие на результаты войны. Подписанный в 1829 г. Адрианопольский мирный договор вновь ни единым словом не упоминал о Болгарии — принципы целостности европейских владений Турции были применены к болгарским землям в полной мере. Русское командование расформировало корпус Липранди, пресекло попытки болгарских воевод во главе с Г. Мамарчевым поднять в Болгарии новое восстание, репрессировало и выдало туркам многих активных участников его подготовки. Свыше ста тысяч болгар эмигрировали в Валахию, Молдавию и Россию, а многие тысячи стали жертвами турецких репрессий.

В 1835 г. османские власти раскрыли масштабный заговор в Тырнове (Велчова завера), и стоявший во главе его тырновский ремесленник Велчо Атанасов был казнен турками после жестоких истязаний. Военный руководитель восстания Георгий Мамарчев как русский подданный избежал казни и был сослан в Малую Азию. В 30—50-е гг. турки подавили несколько масштабных крестьянских выступлений в Западной Болгарии. Не принесли успехов и походы болгарских чет из Валахии в начале 40-х гг., либо пресеченные, либо разгромленные турками.

Культурно-просветительское движение

Активное участие болгар в русско-турецких войнах второй половины XVIII — первой половины XIX в. и их попытки выступить против угнетателей с оружием в руках привели к неутешительным результатам. Репрессии, к которым прибегали османы всякий раз после ухода с Балкан русских войск, ослабляли

болгарский народ, вынуждали массы людей эмигрировать в Валахию, Молдавию, Сербию и на юг России. Отчасти в силу этих обстоятельств, а также следуя общей логике развития славянского национального Возрождения, усилия болгар в 30—50-е гг. XIX в. сосредоточиваются прежде всего в сфере образования и просвещения. Главными идеологами и видными организаторами этого этапа культурно-просветительского движения болгар были Петр Берон и Васил Априлов.

Петр Берон (1800—1871) происходил из зажиточной семьи жителей города Котел — родины Софрония Врачанского — и был одним из первых болгар, получивших европейское образование вначале в Греции, а затем в германских княжествах, где в 1831 г. он получил степень доктора медицины. Еще в 1824 г. Берон составил и издал на новоболгарском языке в трансильванском городе Брашове — одном их традиционных центров болгарской эмиграции — так называемый «Рыбный букварь» (издание осуществлено на средства болгар — торговцев рыбой). Это был первый болгарский светский учебник, помимо традиционного букварного материала насыщенный сведениями по математике, физике, астрономии, биологии и другим предметам. Букварь предназначался для болгарской школы, зарождавшейся прежде всего в болгарской диаспоре, и включал методические советы для учителей, решившихся отказаться от традиционного «келийного» обучения.

Букварь Петра Берона и вышедшее в 1829 г. историческое сочинение российского слависта Юрия Венелина «Древние и нынешние болгары» подтолкнули к активной деятельности проживавшего в Одессе болгарского коммерсанта и общественного деятеля, врача по образованию В. Априлова (1789—1847). Характерно, что большую часть своей жизни, до 40-летнего возраста, Априлов был уверен в том, что культурное развитие болгар возможно только путем их эллинизации и интеграции в греческую культурную среду. После прочтения труда Венелина в 30-е гг. XIX в. он начинает прилагать большие усилия для организации системы новоболгарского образования. В 1835 г. при его активном участии была создана школа в г. Габрове — первое светское заведение в Болгарии, основанное на принципах взаимного обучения. Развернутая организация системы новоболгарского образования изложена Априловым в его вышедших в России книгах «Заря новоболгарского образования» (1841, дополнена в 1842) и «Мысли о современном болгарском образовании» (1847).

Большой вклад в развитие новоболгарского образования внес еще один уроженец г. Котел Неофит Бозвели (1785—1848). В 1835 г. он в соавторстве с составителем и переводчиком с греческого

языка многих учебников для болгарской школы Э. Васкидовичем издал в сербском г. Крагуеваце «Славяноболгарское детоводство» — небольшую педагогическую энциклопедию в шести частях. В 40-е гг. XIX в. в Болгарии открываются первые школы для девочек, а в 1846 г. в г. Копривштице начинает работать классное училище — первое учебное заведение европейского типа, основанное выпускником одесского Ришельевского лицея Найденом Геровым. К 1856 г. такие школы уже существовали во многих болгарских городах — Пазарджике, Калофере, Пловдиве, Стара Загоре и др. Среди работавших здесь учителей становилось все больше выпускников российских учебных заведений — Ришельевского лицея, Нежинского института, духовных семинарий в Киеве, Одессе и Херсоне. В 50-е гг. XIX в. в Болгарию возвращаются первые питомцы российских университетов в Киеве и Москве, Московской духовной академии. Значительная их часть смогла получить образование благодаря финансовой поддержке русского правительства, болгарских благотворительных организаций в Одессе и Москве.

В 30—50-е гг. XIX в. активизируется выпуск книг и периодических изданий на болгарском языке. Приоритет среди книжной продукции принадлежал учебной литературе. Большая часть книг была переведена с греческого и издана в Сербии и Валахии, но многие учебные пособия (около 20 названий) были переведены с русского и опубликованы в Москве, Санкт-Петербурге и Одессе. В самой Османской империи до Крымской войны опубликовано более трехсот названий книг на болгарском языке, преимущественно нравоучительного и религиозного содержания. В 1842 г. в малоазиатском г. Смирне К. Фотинов стал издавать первый журнал на болгарском языке — «Любословие» (в 1842, 1844—1845 и 1846 гг. вышло 24 номера). Основателем первой болгарской газеты, появившейся в 1846 г. в Лейпциге, был Иван Богоров (всего вышло три номера). С 1848 г. Богоров начал выпускать в Стамбуле «Царьградский вестник», издание которого продолжалось до 1862 г.

Оживление духовной жизни болгарского общества привело к становлению новых культурных институтов — читалищ. Существовавшие в нескольких десятках болгарских городов и центров болгарской диаспоры читалища сочетали функции школ, библиотек, клубов, где ставились спектакли, читались лекции, проводились дискуссии. Все вышеупомянутые изменения в культурном облике Болгарии, происшедшие в 30—50-е гг., создали новую духовную среду, в которой интенсивно продолжалось формирование болгарской нации.

Начало борьбы за создание самостоятельной болгарской церкви

Подъем национального самосознания болгар в 20—50-е гг. XIX в. поставил на повестку дня национального движения вопросы политической организации формирующейся болгарской нации. Наряду с безуспешными попытками обрести автономный статус под протекторатом России актуальной становится задача создания самостоятельной болгарской церкви. После ликвидации Тырновской патриархии в конце XIV в. болгарские епархии были переподчинены Константинопольской патриархии, имевшей в Османской империи статус представительницы интересов православного населения перед султаном. Это положение соответствовало как системе этнополитической организации Турции, население которой было разделено на конфессиональные общности — миллеты, так и интересам балканских православных народов, вместе переносивших тяготы османского ига и противостоявших идейно-культурному натиску со стороны исламского государства.

При этом в силу традиции, подкрепленной политическими привилегиями, греческое духовенство занимало ведущее положение в церковной иерархии болгарских земель, а культурное влияние греков на болгар постоянно росло. После завоевания Грецией независимости в 1830 г. греческое население Османской империи, и не в последнюю очередь духовенство, испытывало большой подъем национального духа. В это время была сформулирована в качестве официальной так называемая «Великая идея» — концепция, отражавшая грандиозные планы греческой национальной элиты о восстановлении Византийской империи в границах XI—XII вв. Центральное место в этих планах занимала Константинопольская патриархия, резко усилившая духовный натиск на болгарское население через греческих епископов.

Отдельные конфликты болгарского населения с греческим духовенством имели место еще в начале XIX в. В 1824 г. жители г. Враца во главе с Д. Хаджитошевым изгнали из города греческого владыку Мефодия, в 1829 г. аналогичный случай произошел в г. Самокове. Наиболее острым и масштабным стал конфликт между тырновчанами и греческим митрополитом Панаретом в 1838 г., получивший значительный отклик в болгарских землях. Годом позже возникают и легальные возможности для борьбы за самостоятельную болгарскую церковь. В 1839 г. османское правительство издает так называемый «Гюльханейский хатти-шериф» — султанский указ о равноправии всех подданных империи, ставший одним из центральных актов торжественно

провозглашенной эпохи реформ — Танзимата. Хотя провозглашенные в нем права по большей части оставались фикцией, хатт-и-шериф дал болгарам законное основание подать правительству петицию о решении некоторых назревших проблем, в том числе о замене Панарета болгарским митрополитом Неофитом Бозвели — видным деятелем национального Возрождения. Однако власти приняли сторону греков и отказали тырновчанам. Отказ еще более всколыхнул болгар уже не только в Тырновской епархии, но и в других болгарских землях, а также в крупных центрах диаспоры.

Во главе движения за равные права болгар и греков в конфессиональной сфере встали видные представители болгарского духовенства, игравшие большую роль в деле национального Возрождения, — Неофит Бозвели и Илларион Макариопольский. Их главными противниками были так называемые «фанариоты» (букв. «выходцы из стамбульского квартала Фанар» — влиятельные в Османской империи столичные греки, из среды которых столетиями формировались и иерархия Константинопольской патриархии, и немногочисленная православная знать османского государства). По ложному обвинению последних Бозвели был отправлен в ссылку в Хилендарский монастырь на Афоне и провел там четыре года.

В 1844—1845 гг. центр борьбы за самостоятельную болгарскую церковь перемещается в османскую столицу, многочисленное и влиятельное болгарское население которой становится главной опорой движения. Его программа была сформулирована в прошениях, которые направили в это время султану Н. Бозвели и И. Макариопольский, и сводилась к следующему: церковная иерархия в болгарских землях должна формироваться из болгар и получать строго определенное вознаграждение за службу; богослужение необходимо отправлять на болгарском языке; болгарам следует иметь в Стамбуле своих церковных представителей при султане, храм, школы и газету. Хотя авторы программы оказались вновь сосланными на Афон, где Н. Бозвели и умер в 1848 г., отдельные ее требования были удовлетворены османским правительством, заинтересованным в разжигании болгаро-греческого конфликта.

С 1848 г. в турецкой столице стала выходить болгарская газета, а в 1849 г. в доме знатного болгарина Стефана Богориди, занимавшего высокий пост при султанском дворе, была открыта церковь св. Стефана. При ней были организованы школа и типография. За болгарской общиной в Стамбуле признавались права отдельной епархии во главе с епископом. Первые успехи в борьбе за самостоятельную церковь, достигнутые несмотря на ожесточенное сопротивление фанариотов, вызвали живой отклик в болгарских землях. С 1851 г., когда 24 мая в Пловдиве известный

деятель болгарского Возрождения Н. Геров организовал торжественное чествование свв. Кирилла и Мефодия, болгарский народ стал отмечать первый национальный праздник.

Новые черты в повседневной жизни болгар

Формирование болгарской нации и социальная дифференциация болгарского общества создали новую культурную среду, сочетавшую сохраненные под османским игом традиционные ценности с теми новациями, которые были порождены изменившейся исторической обстановкой и активизировавшимися связями с другими славянскими и европейскими народами. Сформировалась как особый социальный слой болгарская интеллигенция — главный творец культуры болгарской нации и выразительница ее духовных интересов. Ее усилиями создается институциональная система болгарской культуры, объединяющая школы и читалища, периодическую печать и издательскую деятельность, благотворительные и национально-церковные кружки и общества.

Одна из отличительных черт болгарской культуры раннего национального Возрождения — внесение патриотических мотивов в традиционные культурные ценности. Так, национально-патриотическую трактовку получают памятники средневековой агиографии (жития св. Иоанна Рильского, св. Параскевы-Петки и др.), переписываемые, переиздаваемые и пересказываемые болгарскими просветителями. 30—40-е гг. XIX в. становятся временем расцвета болгарских монастырей, получающих богатые и массовые пожертвования местного населения. В это время заново отстраивается Рильский монастырь, величественные стены и здания которого как бы символизируют возрождение болгарского народа; возводятся и расписываются новые храмы в Бачковском и Троянском монастырях. Расцвет церковной росписи и иконописи выразился в формировании самобытных художественных школ. Семейный характер носила Самоковская художественная школа, основанная в конце XVIII в. иконописцем Христо Димитровым. Его сыновья Захарий и Димитр оставили великолепные росписи крупнейших монастырей Болгарии и стали основоположниками портретной живописи болгарского национального Возрождения. Эту традицию развил и продолжил еще один представитель Самоковской школы — внук Х. Димитрова Ст. Доспевский.

Художественные произведения в 30—40-е гг. XIX в. выходят за пределы церквей и монастырей, перестают быть украшением богатых домов и проникают в жилища простых болгар. Особое распространение получают гравюры, печатавшиеся в типографии Николы Карастоянова, тесно связанной с Самоковской

живописной школой. Излюбленными сюжетами были образы болгарских святых, получившие новую патриотическую интерпретацию в живописи национального Возрождения. Традиции светского характера набирают силу и в болгарской архитектуре. В первой половине XIX в. складывается тип городского зажиточного дома — солидной двухэтажной постройки со множеством комнат, богато украшенных деревянными резными потолками и мебелью как в восточном, так и в европейском стилях. Одним из ведущих мастеров-зодчих болгарского национального Возрождения был Н. Фичев (Кольо Фичето). Возведенные им здания и мосты сохранились в Тырнове, Габрове, Карлове и других городских центрах.

Еще одна особенность болгарского национального Возрождения — тесные связи с другими славянскими культурами. Первыми издателями средневековых болгарских литературных памятников стали русский славист К.Ф. Калайдович и словак П. Шафарик, первые печатные тексты болгарских народных песен увидели свет в сборниках сербского фольклора, составленных В. Караджичем. Многие будущие болгарские деятели черпали знания и вдохновение из трудов Ю. Венелина — автора первого исторического исследования о болгарах, собирателя и исследователя болгарского народного творчества. После смерти российского ученого болгары воздвигли на его могиле памятник с эпитафией: «Напомнил свету о забытом, но некогда могущественном племени болгар и пламенно желал видеть его возрождение». Уже в 40-е гг. XIX в. усилиями получившего образование и работавшего в России болгарского историка Спиридона Палаузова создаются первые научные труды по истории Болгарии, выдержанные в духе академических традиций и лишенные романтических преувеличений, характерных в целом для исторической мысли болгарского национального Возрождения.

Поисками и исследованием болгарских исторических памятников и фольклорных произведений в 1844—1847 гг. занимался русский ученый В.И. Григорович. Сбор и исследование памятников болгарской народной культуры составляли часть многосторонней и интенсивной деятельности выдающегося болгарского поэта и просветителя П.Р. Славейкова, но его собрание народных песен не было издано и погибло во время русско-турецкой войны 1877—1878 гг.

В первой половине XIX в. потребность в чтении художественной литературы на родном языке удовлетворялась в основном за счет переложения на болгарский язык греческих, русских, сербских, немецких, французских и английских произведений с соответствующими изменениями имен, колорита, реалий обстановки

(«оболгаривание»). Так, повесть Н.М. Карамзина «Наталья, боярская дочь» под пером П.Р. Славейкова превратилась в рассказ из средневековой болгарской жизни под названием «Невянка, болярская дочь», а известный болгарский просветитель И. Богоров сделал доступным для болгарского читателя знаменитый роман Д. Дефо под названием «Чудеса Робена, сына Крусо».

Развитие собственно болгарской новой литературы шло через просветительскую деятельность, через ожесточенные споры о литературном языке и его нормах и первоначально было отягощено сильными внешними влияниями, ведшими к подражательству греческим и русским образцам. В то же время чрезмерные нравоучительность и политизация не способствовали росту художественных достоинств текстов. Первой болгарской поэмой, где на передний план выходила любовная история, лишенная политических акцентов, было произведение Н. Герова «Стоян и Рада» (1845). Вскоре новая болгарская поэзия пополнилась любовной и пейзажной лирикой П.Р. Славейкова и патриотическими стихами Д. Чинтулова, перелагавшимися на музыку и распространявшимися по всей стране в качестве любимых в народе песен.

Культура болгарского национального Возрождения взаимодействовала и с современной ей европейской культурой. Наряду с литературными и художественными влияниями к середине XIX в. можно отметить проникновение в бытовую культуру болгар европейских образцов. Непременным атрибутом зажиточного городского жилища становится оформленный в «европейском стиле» уголок — «алафранга». Впоследствии это название распространилось и на воспринятую болгарами и другими христианскими подданными Османской империи европейскую моду в одежде.

Таким образом, новая болгарская культура отражала качественно иную степень развития болгарской нации: ее окрепнувшее национальное самосознание, широкие контакты со славянским и европейским миром, — сохраняя при этом преемственность от богатого культурного наследия средневековой Болгарии, бережно сохраненного в годы османского ига.

ОБЩЕСТВЕННОЕ ДВИЖЕНИЕ В БОЛГАРИИ В 60–70-е гг. XIX в.

Восстановление церковной самостоятельности

Вторая половина XIX столетия стала периодом активных общественных выступлений болгарского народа за свою независимость. На это время пришлось завершение борьбы болгар за восстановление церковной самостоятельности. Апогеем ее стали

события весны 1860 г. Во время пасхального богослужения 3 апреля 1860 г. в болгарской церкви в Константинополе Илларион Макариопольский не упомянул имени греческого патриарха и в то же время завершил литургию хвалой в честь турецкого султана. Это было равнозначно заявлению о независимости болгарской церкви от греческой патриархии. Однако до фактической самостоятельности болгарской церкви было еще далеко.

Турецкое правительство, внешне не вмешиваясь в греко-болгарский конфликт, затягивало его разрешение. Западные державы, наводнив Болгарию католическими и протестантскими миссионерами, стремились подорвать позиции православия в стране. В Болгарии возникло движение за унию с католической церковью, которое возглавил видный болгарский общественный деятель Драган Цанков. Длительное время Россия не могла определить своего отношения к требованию болгар об образовании самостоятельной церкви. Российское правительство придерживалось принципа сохранения единства православия в Османской империи под эгидой Константинопольской патриархии. Постепенно Россия меняла свои позиции. Новую политику России энергично поддержал ее посол в Константинополе граф Н.П. Игнатьев, ходатайствовавший перед Портой о благоприятном разрешении болгарского церковного вопроса.

К концу 60-х гг. XIX в. Константинопольская патриархия фактически утратила реальную власть в болгарских землях. Болгарию покинули греческие иерархи, и церковные должности оказались в руках болгарского духовенства. Оставалось получить официальную санкцию со стороны турецкого правительства. 28 февраля 1870 г. Порта издала фирман об учреждении самостоятельной болгарской церкви во главе с экзархом, избирать которого должны были высшие болгарские церковные деятели, а утверждать — патриарх и султан. Провозглашение в Болгарии экзархата встретило сопротивление со стороны Константинопольской патриархии. Она не только не признала избранного болгарами в 1872 г. экзарха Антима I, но и объявила болгар раскольниками. Однако экзархат был создан и начал действовать, что явилось крупной победой болгарского народа на пути завоевания национальной независимости.

Освободительное движение болгар в 60—70-е годы XIX в. не ограничилось борьбой за обретение церковной независимости. Продолжалось участие болгар в войнах других народов против Турции, в национально-революционных акциях на Балканах. Усилилось гайдуцкое движение — выступления болгарских вооруженных отрядов в Болгарии и за ее рубежами. Стали популярными предводители гайдуцких отрядов Панайот Хитов, Филипп Тотю, Стефан Караджа, Хаджи Димитр.

Георгий Раковский

В 60—70-е гг. начало оформляться организованное революционное движение за освобождение от османской власти. Этот процесс был связан с деятельностью Георгия Саввы Раковского (1821—1867), прожившего яркую, полную драматических событий жизнь. Раковский родился в г. Котел в семье ремесленника и получил хорошее по тем временам образование: обучался в одном из лучших греческих учебных заведений — «великой народной школе» близ Константинополя. Уже в годы ученичества он стал участником церковной борьбы болгарского народа, познакомившись в Константинополе с Неофитом Бозвели и Илларионом Макариопольским.

В начале 40-х гг. Раковский участвовал в выступлении болгар против турецкой власти, организованном греками и болгарами в румынском г. Браиле. После разгрома восстания он возвращается в Болгарию. Особую роль в его идейном становлении сыграла Крымская война. В это время он становится одним из инициаторов создания болгарского Тайного общества, поддерживающего Россию. Поражение России в войне повлияло на планы Раковского. Он эмигрирует в Румынию, где начинает заниматься публицистической деятельностью. Летом 1856 г. Раковский переезжает в г. Нови-Сад. Здесь он работает как журналист, пишет статьи и заметки о положении болгарского народа. В 1856 г. выходит его первая книга — «Предвестник лесного странника», а в 1857 г. — первый номер его газеты «Болгарский дневник», имеющей яркую политическую окраску. В Нови-Саде Раковский завершает работу над поэмой «Лесной странник» — сочинением антиосманской направленности.

По требованию турецких властей осенью 1857 г. Раковский был выслан за пределы Австрийской империи и после недолгого пребывания в Румынии в марте 1858 г. приехал в Россию. Он поселился в Одессе — городе, издавна связанном с Болгарией тесными общественными и культурными связями. В России Раковский занялся сбором материалов, рукописей и сказаний, относящихся к истории болгарского народа. Справедливо полагая, что для пробуждения национального самосознания болгар необходимо обращение к его прошлому, он приступает к описанию исторических событий, посвященных болгарскому Средневековью.

Эти труды Раковского были опубликованы уже в Белграде, куда он переехал в начале 1860 г. В Сербии ему удалось наладить выпуск газеты «Дунайский лебедь», ставшей чрезвычайно популярной в Болгарии и в целом на Балканах. В Белграде Раковский продолжил разработку планов освобождения Болгарии от

османского владычества. Предусматривалось создание в Сербии вооруженного болгарского отряда для его последующей переброски в Болгарию.

Последние годы жизни Раковский провел в Румынии, где с 1863 г. издавал газету «Будущность». В Бухаресте ему удалось напечатать свой труд «Болгарская старина», написанный еще в Одессе. Он постоянно выступал за независимость Болгарии, а основным средством ее достижения считал вооруженную борьбу. Главная роль в освобождении страны от османского ига согласно его планам должна была принадлежать вооруженным отрядам болгар, сформированным на территории других стран. Появление этих отрядов в Болгарии должно было, по убеждению Раковского, вызвать в стране массовые антиосманские выступления. Уязвимость этого плана была очевидной. Сформированные вне Болгарии отряды быстро распадались, а вторжение отдельных из них не приносило желаемых результатов. В конце жизни Раковский пришел к выводу о необходимости перехода от четнической тактики к организованным формам борьбы.

Политические объединения. Любен Каравелов и Васил Левский

В 60—70- е гг. XIX в. в среде болгарской эмиграции началось активное формирование политических объединений. Болгарские торговцы в Румынии при поддержке России образовали болгарское попечительство. В 1862 г. эта организация получила название «Добродетельная дружина». В 1866 г. также на румынской территории оформился Болгарский тайный центральный комитет (БТЦК), ориентирующийся на политику Румынии. Появились первые программы новых организаций. Добродетельная дружина приняла документ «Политические отношения сербов и болгар». Поначалу предполагалось создание единого государства во главе с династией Обреновичей. Вскоре этот проект был заменен планом образования болгаро-турецкой дуалистической монархии во главе с турецким султаном.

На юге России еще в конце 50-х гг. по специальному императорскому указу болгарские эмигранты создали свою организацию — Настоятельство одесских болгар, собирающих дарения в империи для бедных болгарских православных церквей и училищ.

Наиболее активно действующим стал возникший в Бухаресте в 1869 г. Болгарский революционный центральный комитет (БРЦК). Его формирование связано с именами Любена Каравелова и Васила Левского. Каравелов (1834—1879) родился в г. Копривштице в семье торговца. Первоначальное образование он

получил на родине, затем с 1857 г. обучался на историко-филологическом факультете Московского университета. В Москве Каравелов стал одним из организаторов Общества болгарских студентов, издававшего в 1860—1862 гг. журнал «Братский труд». В начале 60-х годов в русских периодических изданиях появились его первые статьи по вопросам национально-освободительной борьбы южных славян. В Москве Каравелов опубликовал сборник «Памятники народного быта болгар» (1861), написал повести и рассказы о положении болгарского народа. Его публикации в русской периодике знакомили российское общество с проблемами национального движения болгар. В начале 1867 г. Каравелов переезжает из России в Сербию. В Белграде он становится корреспондентом российских газет «Голос» и «Московские ведомости». Пытаясь организовать восстание на Балканах, Каравелов создает «Болгарский комитет» в Белграде и формирует отряд болгарских четников. Высланный властями из Сербии, он переезжает в 1867 г. в г. Нови-Сад, а в 1869 г. — в Бухарест, где начинает сотрудничать с В. Левским.

Плодом их усилий стало создание БРЦК осенью 1869 г. Политическим органом комитета становится издаваемая Каравеловым газета «Свобода» (с 1873 г. выходила под названием «Независимость»). На общем собрании БРЦК весной 1872 г. была принята программа, разработанная Каравеловым, а сам он избран его председателем. В 1875 г. Каравелов начал издавать журнал «Знание». Сторонник освобождения Болгарии, революционер-демократ по своим убеждениям, он принимал активное участие во всех крупных вооруженных акциях болгарского народа и восторженно приветствовал начало русско-турецкой войны 1877—1878 гг. Летом 1878 г. Каравелов вернулся на родину, где начал активно участвовать в общественной жизни освобожденной Болгарии. Многие свои планы ему не удалось реализовать. Он умер в январе 1879 г.

Ближайшим соратником Каравелова стал Васил Левский (1837—1873). Левский родился в г. Карлове в семье ремесленника. В юношеские годы ему довелось быть монахом, затем дьяконом. Под влиянием пропаганды Раковского, резко изменив свою судьбу, он становится активным участником болгарского освободительного движения. В 1867—1868 гг. Левский участвует в четническом движении Раковского, совершает поездки по Болгарии с целью организации революционных комитетов в самой стране. Вместе с Каравеловым он создает БРЦК в Бухаресте. В 1871 г. Левский пишет Устав этой организации. В Уставе предлагалось «путем всеобщей революции произвести коренное преобразование нынешней государственной деспотически-тиранической системы, заменив ее демократической республикой». В нем подчеркивалось, что комитет будет исполнять функции Временного

правительства. Под контроль Левского была поставлена революционная организация внутри Болгарии. Для ее развития и усовершенствования Левский в июле 1872 г. вернулся на родину. Деятельность его была законспирирована, однако один из его помощников, Димитр Обштий, грубо нарушив дисциплину, организовал нападение на турецкую почту и был арестован. Чтобы показать, что его действия имели политический, а не уголовный характер, он выдал на суде всю организацию и ее руководителя. Левский в это время находился в Южной Болгарии и поспешил возвратиться в Бухарест. 25 декабря 1872 г. он остановился в г. Ловече — центре Внутренней революционной организации, где и был схвачен турецкой полицией. В Софии его судил Чрезвычайный турецкий суд. 6 февраля 1873 г. Левский был осужден и повешен. Его гибель вызвала кризис болгарской революционной организации. Оживление ее деятельности связано с появлением нового лидера — организацию возглавил Христо Ботев.

Христо Ботев

Болгарский революционер-демократ, поэт и публицист Христо Ботев (1848—1876) родился в г. Калофере в семье учителя. Начальное образование получил в своем родном городе, а в 1863—1865 гг. продолжил его в России, в Одесской мужской гимназии как стипендиат Одесского болгарского настоятельства. Осенью 1866 г. он начинает работать учителем в болгарском селе Задунаевка в Бессарабии, а в 1867 г. — в родном Калофере. В этом же году Ботев уехал в Румынию, где установил связи с болгарскими революционерами.

Публицистическая деятельность Ботева началась в 1871 г. Приветствуя Парижскую Коммуну, он пишет «Символ веры болгарской коммуны». Летом 1871 г. выходит первый номер газеты Ботева «Слово болгарских эмигрантов». Тогда же он сотрудничает в газете Каравелова «Свобода» и издает газету «Будильник». В 1874 г. Ботев начинает издавать газету «Знамя», ставшую главным печатным органом БРЦК, членом которого он был избран. По инициативе Ботева в августе 1875 г. в Бухаресте собрались члены БРЦК и приняли план подготовки восстания в Болгарии. Было решено разделить болгарские земли на районы и направить в них специальных посланцев. На болгарских воевод П. Хитова и Ф. Тотю возлагалась задача укомплектовать четы для похода в Болгарию. Специальная делегация посылалась для установления связей с повстанцами Боснии и Герцеговины. Предполагалось привлечение офицеров русской армии, болгар по происхождению, в качестве командиров повстанческих отрядов. В г. Стара-Загора для

подготовки восстания отправился Стефан Стамболов. 16 сентября 1875 г. здесь началось восстание против османской власти. Однако обширные планы восставших воплотить в жизнь не удалось. Локальное восстание было быстро подавлено войсками карателей. Его разгром вызвал кризис в работе БРЦК.

Осенью 1875 г. в румынском г. Гюргево был сформирован новый комитет болгарских революционеров. На его заседании приняли решение о начале масштабного болгарского восстания 1 мая 1876 г. Страну предполагалось поделить на четыре революционных округа — Тырновский, Сливенский, Врачанский и Пловдивский. В каждый округ посылался главный организатор восстания, получивший название апостола. 14 апреля 1876 г. апостолы Пловдивского (Четвертого) революционного округа собрались на общее собрание в местечке Обориште, где уточнили вопросы, связанные с координацией действий в округе. Центром восстания и местом пребывания его штаба был определен г. Панагюриште.

Апрельское восстание

Ускоренное непредвиденными обстоятельствами (на собрание проник предатель, выдавший планы и сроки предстоящего выступления турецким властям), восстание началось ранее намеченного срока, а именно 20 апреля 1876 г., когда власти предприняли попытку арестовать его руководителей в г. Копривштице. Повстанцы оказали отпор турецким властям и разослали письма в другие населенные пункты Болгарии с призывом подняться на восстание. В тот же день восстали города Клисура и Панагюриште. Повстанцы образовали Временное правительство. Один из апостолов, Г. Бенковский, должен был известить о начавшемся восстании села этого округа. 22 апреля в Панагюриште торжественно освятили знамя повстанцев. Восстание, распространяясь на запад от Панагюриште, охватывало все новые и новые районы. На его подавление были брошены турецкие войска. Почти невооруженным повстанцам противостояла регулярная армия. 26 апреля под ударами карателей пал г. Клисура, а 30 апреля — центр восстания Панагюриште. В начале мая турки захватили Копривштицу и начали наступление на селение Батак. В Батаке болгары заплатили страшную цену: было уничтожено почти три тысячи его мирных жителей. Долго и героически сопротивлялись жители Перуштицы. После захвата города часть населения укрылась в местной церкви, где все собравшиеся погибли в огне.

В других революционных округах события не были столь интенсивны. На происходящее в Четвертом округе откликнулись в

Тырновском округе, где сформированный отряд повстанцев был, однако, быстро разгромлен карателями в районе Стара-Планина. Около недели сражались крестьяне сел в районе г. Габрово. В Сливенском округе отряды повстанцев были быстро рассеяны турецкими войсками. Во Врачанском округе восстание поднять не удалось.

Завершающим аккордом восстания стали действия отряда Христо Ботева. 17 мая 1876 г. около 200 повстанцев во главе с Ботевым, овладев австрийским пароходом, переправились через Дунай и высадились на его болгарском берегу у села Козлодуй. С целью извещения мировой общественности о миссии четников была разослана соответствующая информация в ряд зарубежных газет. Четники отправились в глубь страны, но 20 мая были разгромлены превосходящими турецкими силами. В бою погиб и предводитель отряда Христо Ботев. В июне 1876 г. восстание против османского режима было полностью подавлено.

Причина поражения восставших очевидна: османской армии с ее современным вооружением противостояли почти безоружные мирные жители. Однако военное поражение восстания стало его политической победой — на защиту болгарского народа встало общественное мнение цивилизованного мира, содрогнувшегося от злодеяний турецкой власти, уничтожившей при подавлении восстания свыше 30 тыс. мирных жителей. Карателями были сожжены сотни населенных пунктов. Материалы о турецких зверствах в Болгарии заполнили мировую прессу. По инициативе России была создана Международная анкетная комиссия, целью которой стало обследование пострадавших районов Болгарии. Общественность всех славянских стран откликнулась на болгарские события. Видные представители русской интеллигенции — Л.Н. Толстой, И.С. Тургенев, Ф.М. Достоевский, Д.И. Менделеев и др. — выступили в защиту болгарского народа. Во Франции выступил В. Гюго. «Болгарский вопрос» приобретал важнейшее значение в сложном комплексе проблем, рожденных всем Восточным кризисом.

РУССКО-ТУРЕЦКАЯ ВОЙНА 1877–1878 гг.

Апрельское восстание болгарского народа и его жестокое подавление вызвали обострение Восточного кризиса. Эскалация напряженности произошла в июне 1876 г., когда войну против Турции начали Сербия и Черногория. В октябре сербская армия была фактически разгромлена. После этого в события вмешалась Россия. Она предъявила Турции ультиматум с требованием немедленно заключить перемирие с Сербией на 4–6 недель. Угроза

России вступить в войну против Турции остановила наступление османских войск. Однако Черногория и повстанцы Боснии и Герцеговины продолжали свою борьбу.

В декабре 1876 г. по инициативе России в Константинополе (Стамбул) для решения балканских проблем была созвана конференция великих держав. Представители России, Великобритании, Австро-Венгрии, Франции и Германии высказались за предоставление Боснии, Герцеговине и Болгарии статуса автономных провинций, а также некоторого расширения территории Черногории. Высокая Порта отвергла данные требования под предлогом, что провозглашенная в империи конституция предусматривает предоставление отдельным национальным группам всех необходимых прав. Единственным реальным результатом конференции (декабрь 1876 г. — январь 1877 г.) явилось обращение правительства Порты к сербскому и черногорскому правительствам с предложением начать переговоры о мире.

В феврале 1877 г. Н.П. Игнатьеву было поручено убедить европейские державы подписать протокол, подтверждающий достигнутые в ходе предварительных консультаций на Константинопольской конференции договоренности. Н.П. Игнатьев успешно справился с возложенной на него задачей. В марте 1877 г. в Лондоне протокол был подписан. Однако Высокая Порта в апреле отклонила и его.

Считая все мирные средства урегулирования кризиса исчерпанными, 12 апреля 1877 г. Россия объявила войну Турции. В тот же день русские войска вступили в Румынию, с которой Россия заключила специальную конвенцию. Русская Дунайская армия, сосредоточившаяся в Румынии, насчитывала в начале войны 185 тыс. человек, а турецкая — 220 тыс.

Первоначальными планами русского командования предусматривалось на Дунайском фронте действие двух армий. Одна должна была форсировать Дунай, перейти Балканские горы и захватить Адрианополь (Эдирне), а затем и Константинополь, другая — поддерживать действия Дунайской армии с востока и запада.

Активные боевые действия начались после того, как 15 июня 1878 г. (через два месяца после объявления войны) русские войска переправились через Дунай и заняли первый город на территории Болгарии — Свистов (Свиштов). Они велись в трех главных направлениях — в Восточной, Западной и Центральной Болгарии. В рядах русской армии сражались болгарские ополченцы, а в прифронтовой полосе — четники. Формирование ополчения началось в феврале-марте 1877 г. в Кишиневе, продолжилось же в румынском городе Плоешти. Начальником болгарского ополчения стал генерал-майор Н.Г. Столетов. Численность ополчения, включая русские кадры, составила более 7 тыс. человек. Население

Болгарии оказывало ощутимую помощь наступавшим русским войскам. В селах и городах проходило формирование отрядов народной милиции.

В Центральной Болгарии действовал поддержанный болгарскими добровольцами отряд генерала И.В. Гурко. 25 июня ему удалось захватить Тырново, овладеть тремя важными горными проходами и выйти в Южную Болгарию. Однако успешное наступление передового отряда вскоре было остановлено корпусом Сулейман-паши.

После битвы у г. Стара-Загора отряд Гурко, чтобы не оказаться отрезанным от основных русских сил, вынужден был отступить и оставить занятые в Южной Болгарии города. Вместе с русскими войсками через Балканские горы в Северную Болгарию двинулось и местное население.

В конце июля 1877 г. обстановка на фронтах сложилась не в пользу русской армии. В августе начались бои за Шипкинский перевал. Его оборона была поручена отряду численностью в 6 тыс. человек во главе с генералом Н.Г. Столетовым, против которого Сулейман-паша бросил 27-тысячную армию. В течение четырех месяцев отряд Столетова при поддержке болгарских добровольцев отражал атаки корпуса Сулейман-паши и удерживал Шипкинский перевал. Этим было обеспечено взятие в ноябре 1877 г. Плевена, освобождение всей Северной Болгарии, а также переход основных русских сил в Южную Болгарию. Зимой развернулось широкое наступление русских войск. Одна часть русской армии пошла на Софию, другая — на Шипку — Шейново. 23 декабря 1877 г. София была освобождена от турецких войск, а в январе 1878 г. части Сулейман-паши были разгромлены под Пловдивом. Турецкие войска были отрезаны от Адрианополя, находившегося на пути к Константинополю, и оттеснены в Родопские горы. 19 января 1878 г. в Адрианополе, уже находившемся в руках русских, было подписано перемирие.

ОБРАЗОВАНИЕ БОЛГАРСКОГО НАЦИОНАЛЬНОГО ГОСУДАРСТВА

Сан-Стефанский прелиминарный договор. Берлинский трактат

Прелиминарный договор представители Российской и Османской империй подписали 3 марта 1878 г.* в г. Сан-Стефано (Ешилькёй). В соответствии с ним на территории от Дуная до Эгейского моря и от Черного моря до Охридского озера (общей

* Здесь и далее даты даны по новому стилю.

площадью 160 тыс. кв. км) предусматривалось образование автономного Княжества Болгарии «с христианским правительством и народной милицией» (ст. 6). Согласно договору Княжество должно было объединить в своих границах Мизию, Южную Добруджу, большую часть Македонии и Фракии, т.е. практически все те епархии, кроме Нишской и большей части Доростоло-Червенской (Русенской), на которые со времени своего учреждения (1870) претендовал Болгарский экзархат. До возникновения болгарского национального государства он являлся основным интеграционным и мобилизационным национальным фактором. Границы Княжества, определенные Сан-Стефанским договором, надолго стали для болгар символом их «идеального» отечества.

Сделанная в Сан-Стефано заявка на возможность создания под покровительством России обширного, обладающего выгодным стратегическим положением на Балканах болгарского государства незамедлительно вызвала негативную реакцию со стороны прежде всего Великобритании и Австро-Венгрии. Полемика развернулась вокруг принципа обязательности для национального государства совпадения этнических и государственных границ. Ссылаясь на него, Великобритания и Австро-Венгрия обвиняли Россию в стремлении во имя своих собственных интересов создать фиктивное национальное государство, включающее «соседние народности», на опасность ущемления прав которых они неоднократно указывали.

Под давлением Великобритании и Австро-Венгрии условия Сан-Стефанского прелиминарного договора были пересмотрены состоявшимся в Берлине конгрессом великих держав (13 июня — 13 июля 1878 г.).

Договором, подписанным 13 июля 1878 г. Австро-Венгрией, Великобританией, Германией, Италией, Россией и Турцией, предусматривалось: территорию (площадью 62 776 кв. км с населением около 2 млн человек) самоуправляющегося под главенством султана Княжества Болгарии ограничить Дунаем, Балканскими горами и Софийским санджаком; территорию, заключенную между Балканскими горами, Родопами и Черным морем (площадью 35 901 кв. км с населением 815 946 человек), оставить под прямой политической и военной властью султана при условии предоставления ей полной административной автономии в качестве провинции, именуемой «Восточная Румелия», с административным центром в г. Пловдив; Эгейскую Фракию и Македонию возвратить Османской империи с условием введения в каждой провинции органических уставов по типу Критского 1868 г. Срок временного русского управления и пребывания русских войск в Княжестве был ограничен 9 месяцами со дня ратификации договора.


БАЛКАНСКИЙ ПОЛУОСТРОВ
ПОСЛЕ БЕРЛИНСКОГО ТРАКТАТА
1878 г.
Каменец-Подольск
Черновцы
БУКОВИНА
Кишинев
Одесса
Измаил
Клаузенбург
А В С Т Р О - В Е Н Г Р И Я
Темешвар
Кронштадт
Дубица
Карловац
БЕЛГРАД
БОСНИЯ
(с 1878 г. оккупир. Австро-Венгрией)
БУХАРЕСТ
Силистра
Констанца
Сараево
СЕРБИЯ
(с 1878 г. независ.)
ГЕРЦЕГОВИНА
Нови Пазар
Ниш
Варна
Тырново
ЧЕРНОГОРИЯ
Митровица
Дубровник (Рагуза)
ЦЕТИНЬЕ
Антивари
Скутари
СОФИЯ
Пловдив
ВОСТ. РУМЕЛИЯ
Бургас
Скопле
Адрианополь
Босфор
Охрида
КОНСТАНТИНОПОЛЬ
Скутари
Бриндизи
Валона
Салоники
Янина
Ларисса
Артта
Смирна
АФИНЫ
о.Родос
ИОНИЧЕСКОЕ МОРЕ
ЧЕРНОЕ МОРЕ
ИТАЛИЯ
Границы государств по Берлинскому трактату
Прочие границы
Автономные княжества, получившие в 1878 г. независимость
Территории, утраченные Турцией
Территории, оставленные за Турцией лишь номинально
Турция с 1878 г.
Границы Болгарии по Сан-Стефанскому договору
Присоединение к России южной части Бессарабии
150 0 150 300 450 км

Учредительное собрание. Тырновская конституция

Формирование болгарского национального государства пошло по пути закрепления происшедших в результате русско-турецкой войны 1877—1878 гг. перемен, а именно смены ролей в системе «господство—подчинение». Болгарам-христианам по праву «коренной», государствообразующей нации обеспечивалось привилегированное положение. Базисным здесь явился обретенный в Османской империи опыт политической жизни, когда каждый мусульманин, даже находившийся на самой низкой ступени социальной лестницы, обладал устойчивым самосознанием своего превосходства по отношению к «неверным». Исходя из конфессионального признака из состава «коренной» нации нового государства оказались исключенными болгары, исповедовавшие ислам (болгары-магометане, или «помаки»). Восприятие мусульманами происходившего было аналогичным. Нежелание оказаться в государстве вчерашних райя заставляло мусульман, даже не имевших на то никаких других видимых причин, покидать Княжество. При этом для самих болгар-христиан вопрос, вправе ли они осуществлять национально-государственное строительство в границах, установленных Берлинским договором, был вынесен на Учредительное собрание. Оно должно было принять Органический устав.

Учредительное собрание начало свою работу в феврале 1879 г. в г. Велико-Тырнове. В нем приняло участие 229 депутатов «по должности», а также избранных и назначенных российским императорским эмиссаром князем А.М. Дондуковым-Корсаковым. Из них 16 представляли национальные меньшинства (турецкое, греческое, еврейское) и 203 — болгар-христиан.

Только после месяца бесплодных дискуссий о неприемлемости для болгарского народа условий Берлинского договора депутаты под давлением представителей России перешли к рассмотрению проекта Органического устава и внесли в него существенные поправки. Было решено: именовать основной закон Княжества Болгария не Органическим уставом, а конституцией; опустить фразу относительно вассальной зависимости Княжества от Османской империи; отказаться от принципа назначения князем депутатов парламента (Народного собрания), а также от Государственного совета как института исполнительной власти и т.д.

Принятая в апреле 1879 г. Учредительным собранием конституция утвердила в качестве государственной формы правления наследственную конституционную монархию. При этом монарх был наделен правом утверждения законов, роспуска Народного собрания, назначения новых парламентских выборов и т.д. С другой стороны, его полномочия ограничивались парламентом. Народное собрание подразделялось на Великое и Обыкновенное,

т.е. регулярно созываемое. К задачам Великого Народного собрания было отнесено решение таких вопросов, как внесение изменений в конституцию, избрание монарха, обмен или отчуждение территорий, а Обыкновенного — разработка и принятие законов, утверждение бюджета, осуществление контроля за деятельностью правительства.

Конституцией гарантировались равенство всех граждан перед законом, неприкосновенность личности, частной собственности и жилища, свобода слова, печати, собраний и организаций, предоставление избирательного права всем мужчинам, достигшим 21 года, обязательное и бесплатное начальное образование и т.д. Вместе с тем конституция устанавливала главенство православной веры («Господствующая в Болгарском Княжестве вера есть Христианская, Православная, Восточного Исповедания» — ст. 37).

Конституция, именовавшаяся впоследствии Тырновской, в полной мере явилась выражением представлений политически активного населения Княжества о прогрессивном и современном государстве, к созданию какового оно стремилось.

В конце апреля 1879 г. начало свою работу первое Великое Народное собрание, которое избрало князя. Им стал Александр Баттенберг (1857—1893), сын Александра Гессенского, племянник российской императрицы Марии Александровны, участник русско-турецкой войны 1877—1878 гг. Принятие Тырновской конституции и избрание князя оформили окончательно учреждение Княжества Болгария как самостоятельного государства.

Обустройство Восточной Румелии

Вопрос об определении характера Восточной Румелии как моно- или многонациональной области не являлся однозначным. Согласно имеющимся статистическим данным, не считающимся, правда, бесспорными, из 815 946 человек, проживавших в Восточной Румелии в 1878 г., 573 560 составляли болгары, 174 700 — мусульмане (турки и болгары-магометане), 42 654 — греки, 19 549 — цыгане, 4177 — евреи, 1306 — армяне.

Российскими представителями вместе с членами Европейской комиссии был разработан Органический статут, или устав, для Восточной Румелии. В этой многонациональной по своему характеру области в качестве официальных языков вводились болгарский, греческий и турецкий.

Восточная Румелия признавалась автономной провинцией. Управление областью доверялось назначаемому султаном генерал-губернатору, которому вместе с правительством (директоратом) передавались функции исполнительно-распорядительной власти. Обсуждение законопроектов, принятие бюджета, контроль

за деятельностью правительства возлагались на Областное собрание, члены которого частично назначались, а частично избирались жителями Восточной Румелии, достигшими 21 года, обладающими недвижимостью или имеющими высшее образование.

Органическим уставом провозглашались основные либеральные свободы: равенство всех перед законом, свобода слова и печати, неприкосновенность жилища, свобода собраний и т.д.

Зависимость Восточной Румелии от Османской империи выражалась не только в праве султана назначать генерал-губернатора области в качестве ее главы, утверждать членов правительства, распускать Областное собрание по предложению генерал-губернатора, но и в необходимости платить налог. От уплаты последнего Восточная Румелия освобождалась только в первый год своего существования, во второй — она должна была выплатить империи 120 тыс. турецких лир, а затем ежегодно вносить по 5 тыс. турецких лир.

Генерал-губернатором Восточной Румелии султан назначил известного под именем Алеко-паши князя А. Богороди, находившегося до того на дипломатической службе.

Учреждение Восточной Румелии в качестве самостоятельной административной единицы, несмотря на ее включенность в границы Османской империи и юридическую подчиненность власти султана, создавало предпосылки для ее трансформации в суверенное государственное образование.

Таким образом, фактически с середины 1879 г. начали свое существование на территории между Дунаем и Балканскими горами национальное болгарское государство с ограниченным внешнеполитическим суверенитетом (Княжество Болгария) и на территории, заключенной между Балканскими горами, Родопами и Черным морем, административно самостоятельная область Османской империи, в которой болгарам только предстояло практикой политической жизни утвердить свое доминирование (Восточная Румелия).

КНЯЖЕСТВО БОЛГАРИЯ И ВОСТОЧНАЯ РУМЕЛИЯ В 1879–1885 гг.

Политическая жизнь в Княжестве. Противостояние либералов и консерваторов

Самостоятельная политическая жизнь Княжества началась на фоне непримиримого противостояния оформившихся в ходе работы Учредительного собрания политических группировок. Для либералов институт монархии представлял собой символ отсталости

и реакционности, а значит, являлся неприемлемым с точки зрения строительства современного, прогрессивного государства. Согласно их позиции субъектом верховной власти должен был выступать не монарх, а парламент. Консерваторы в свою очередь придерживались противоположной точки зрения.

Александр I Баттенберг, для того чтобы избежать конфронтации, предложил составить коалиционное правительство из представителей либералов (Д. Цанкова — 1828—1911 гг., П. Каравелова — 1843—1903 гг.) и консерваторов (Д. Грекова и Г. Начовича). Однако из-за отказа либералов данная инициатива князя не была реализована. В результате правительство Княжества оказалось сформированным из консерваторов.

Кабинет министров, который возглавил Т. Бурмов, прежде всего попытался нормализовать обстановку в стране. Он начал борьбу с бандами бывших турецких военнослужащих, занялся совершенствованием работы административного аппарата, улучшением путей сообщения, вопросами образования и др. Им были открыты дипломатические миссии в соседних странах: Сербии, Румынии и Турции. Кроме того, Александру I Баттенбергу удалось убедить великие державы заменить своих наблюдателей в Княжестве дипломатическими представителями (агентами).

Деятельность правительства подвергалась острой критике со стороны либералов, которые обвиняли кабинет Т. Бурмова в попрании основных принципов Тырновской конституции. Призывы оппозиции не платить налоги привели к тому, что к ноябрю 1879 г. в казну вместо планировавшихся 23 млн франков поступило только около 6 млн.

В ответ правительство увольняло недовольных чиновников, среди которых оказывались не только сторонники оппозиционной группировки. Тем самым оно только усугубляло свое положение. Тотальная критика политики консерваторов при общем снижении уровня жизни населения Княжества не оставляла последним никаких шансов одержать победу на парламентских выборах. В результате в Народном собрании, которое начало свою работу в ноябре 1879 г., соотношение сил составило приблизительно 5:1 в пользу либералов. Депутаты, обвинив правительство в антиконституционных действиях, вынудили кабинет министров Т. Бурмова подать в отставку. Переговоры князя с председателем парламента П. Каравеловым о формировании коалиционного правительства ни к чему не привели, и Александр I Баттенберг распустил Народное собрание.

На следующих парламентских выборах либералы одержали еще более убедительную победу. После этого князь в апреле 1880 г. предоставил им мандат на формирование правительства. Первый

кабинет министров, составленный из представителей либерального направления, возглавил Д. Цанков. Нахождение либералов у власти было отмечено значительной законотворческой активностью. Только за 1880 г. Народное собрание обсудило около 50 законопроектов, касавшихся административного деления Княжества, местного самоуправления, улучшения положения мелких собственников и т.д. Однако каких-либо заметных перемен в экономическом положении большинства населения Княжества им добиться не удалось.

По отношению к своим противникам либералы использовали те же методы, что и консерваторы. Так, сторонники последних были сразу же уволены с государственной службы. Установившаяся в Княжестве практика назначения чиновников в соответствии с их политическими симпатиями, а не компетентностью предопределила их крайнюю политизированность и обусловила, в значительной степени, неэффективность функционирования административного аппарата.

Стремление либералов оттеснить князя от управления страной привело к тому, что в декабре 1880 г. по настоянию князя Д. Цанков подал в отставку, уступив место П. Каравелову. Александр I Баттенберг пришел к убеждению, что для достижения политической стабильности в стране необходимо внести в конституцию поправки.

«Режим полномочий». 1881–1883 гг.

После убийства в России императора Александра II князь Александр I Баттенберг предпринял ряд решительных шагов. В мае 1881 г. он распустил Народное собрание и отстранил от власти правительство П. Каравелова. Затем было объявлено о намерении созвать в самое ближайшее время Великое Народное собрание, чтобы обсудить вопрос о предоставлении князю на семилетний срок чрезвычайных полномочий.

Неизвестно, были ли действия Александра I Баттенберга согласованы с российскими официальными кругами, но они оказали ему поддержку. Это обстоятельство обусловило результаты выборов в Великое Народное собрание: из 329 депутатов только 25 представляли оппозицию. Состоявшееся в июле в г. Свиштове Великое Народное собрание согласилось на предоставление князю чрезвычайных полномочий.

Александр I Баттенберг учредил Государственный совет, призванный заниматься подготовкой законопроектов, контролем за исполнением законов, решением спорных административных вопросов и т.д. Выборы в новый орган власти состоялись в ноябре

1881 г. Большинство голосов на них получили консерваторы. Частично это объяснялось положением либералов, фактически лишенных возможности открыто вести политическую борьбу. Их лидеры П. Каравелов и П.Р. Славейков покинули Княжество и обосновались в г. Пловдиве, а Д. Цанков был интернирован.

Однако отсутствие каких-либо перемен в положении населения, достаточно быстро осознавшего, что меры по повышению эффективности функционирования государственного аппарата не избавят его от налогового бремени, а также разногласия между Александром I Баттенбергом и российским дипломатическим представителем М.А. Хитрово, аккредитованным в Княжестве весной 1881 г., создавали основу для сохранения оппозиционной волны.

Расхождения между князем и М.А. Хитрово были связаны главным образом с вопросом железнодорожного строительства. М.А. Хитрово настаивал, ссылаясь на директивы Генерального штаба, на строительстве железнодорожной линии Рущук (Русе) — София и передаче его российским подрядчикам. Консерваторы считали целесообразным, получив необходимые дотации от России, предоставить заказ болгарским предпринимателям. В то же самое время Австро-Венгрия требовала от Болгарии выполнения международных обязательств по строительству соответствующего отрезка железной дороги Вена—Константинополь. Все это поставило Александра I Баттенберга в затруднительное положение, ухудшило отношения с М.А. Хитрово.

Ощущая неспособность самостоятельно справиться с ситуацией, князь решил обратиться за помощью к России, учитывая ее авторитет среди болгарского населения. В результате в мае 1882 г. М.А. Хитрово был отозван, а в Княжество прибыли генералы Л.Н. Соболев и А.В. Каульбарс. В сформированном в июле 1882 г. правительстве Л.Н. Соболев занял посты премьер-министра и министра внутренних дел, а А.В. Каульбарс стал военным министром.

В стране были проведены парламентские выборы в соответствии с новым законом, предусматривавшим, в частности, сокращение почти в четыре раза численности депутатов Народного собрания и лишение государственных служащих избирательных прав. Абсолютное большинство мест в парламенте (49 из 56) получили консерваторы, однако вместо «умиротворения страстей» с началом работы в декабре 1882 г. Народного собрания ситуация еще более усугубилась. Все шло к полному разрыву отношений между российскими генералами и болгарскими консерваторами.

Новая кризисная ситуация заставила князя вновь отправиться в Россию. Но на этот раз его миссия не имела успеха. За князем успела закрепиться репутация противника России. Консерваторы,

для которых российские генералы превратились в большую опасность, чем собственные политические противники-либералы, обратились за поддержкой к Д. Цанкову. В августе 1883 г. Г. Начович и Д. Цанков подписали соглашение о формировании коалиционного правительства и созыве Великого Народного собрания для решения вопроса о внесении поправок в конституцию при условии, что князь откажется от чрезвычайных полномочий.

На открывшейся в сентябре 1883 г. внеочередной сессии Народного собрания депутаты обратились к Александру I Баттенбергу с просьбой восстановить конституцию, что было им сделано незамедлительно. В декабре 1883 г. парламент принял законопроект о создании двухпалатного парламента, уменьшении численности депутатов и т.д. Утвердить окончательно законопроект надлежало через три года Великому Народному собранию.

Данное решение парламента вызвало негативную реакцию среди некоторых либералов, осудивших вместе с тем и компромиссную политику группировки умеренных во главе с Д. Цанковым. Опасаясь нового конфликта, российский дипломатический представитель А.И. Ионин предложил князю распустить Народное собрание, не вносить поправки в конституцию до созыва Великого Народного собрания, сформировать однопартийный кабинет. Подобным образом князь и поступил. Так в политическом развитии Болгарии завершился период, именуемый «режимом полномочий».

Перегруппировка политических сил в Княжестве

В эти годы произошла заметная перегруппировка политических сил, институт монархии перестал быть действенным фактором. С утратой доверия со стороны России, уходом из политической жизни Болгарии консерваторов Александр I Баттенберг на деле стал лицом «царствующим, но не управляющим». Либералы раскололись, что привело в 1884 г. к образованию двух партий: Д. Цанкова, в которую вошли также умеренные консерваторы, и П. Каравелова. Причем идеологией как таковой партии не обладали, а их программные установки практически не различались, выражая частные интересы отдельных политических групп. Лидеры партий расходились исключительно в своем отношении к России: если Цанков считал необходимым всегда и во всем следовать за Россией, то Каравелов выступал за более самостоятельную политику. На очередных парламентских выборах в 1884 г. победу одержали сторонники П. Каравелова.

Первым шагом Народного собрания, начавшего свою работу в июне 1884 г., стало восстановление Тырновской конституции, что положило конец конституционному кризису в стране.

Сформированное в июле 1884 г. правительство, которое возглавил П. Каравелов, попыталось продолжить политику либералов 1880—1881 гг. прежде всего в отношении мелких собственников. Оно предприняло меры для упорядочения системы налогообложения, объявило железные дороги государственной собственностью, а Болгарский народный (национальный) банк (БНБ) — государственным кредитным учреждением. Тем не менее налогоплательщики оставались недовольными. Отсутствие прогресса во взаимоотношениях Княжества с Россией в связи с отказом П. Каравелова отстранить Александра I Баттенберга от власти только усугубляло имевшие место проблемы.

Восточная Румелия в 1879—1885 гг. Объединение Восточной Румелии с Княжеством Болгария

В Восточной Румелии болгарам в достаточно короткий период удалось добиться доминирования. На первых выборах в Областное собрание в 1879 г., прошедших под знаком противостояния православных болгар, с одной стороны, мусульман (турок и болгар-магометан) и греков — с другой, они одержали победу. Большинство глав местного управления также оказались болгарами: из 28 околий 22 возглавлялись болгарами, 3 — греками, 3 — турками.

С утверждением в общих чертах гомогенного национального характера администрации Восточной Румелии центральным в политической жизни области стал вопрос относительно путей ее развития. За объединение в перспективе Восточной Румелии с Княжеством Болгария выступала Народная партия, получившая название «соединистской». Идею преобразования области в суверенное государство отстаивала Либеральная партия, прозванная «казионной», т.е. «официозной», так как она пользовалась поддержкой генерал-губернатора Восточной Румелии А. Богороди. Партии вели между собой бескомпромиссную борьбу. В 1879—1881 гг. лидерство удерживала Народная, затем их позиции выравнялись, а в 1883 г. Либеральной партии удалось взять верх. В значительной мере этому способствовала деятельность П. Каравелова и П.Р. Славейкова. После их отъезда из Восточной Румелии Либеральная партия стала терять свое влияние. Ей не удалось добиться назначения А. Богороди на второй срок, и пост генерал-губернатора с согласия России занял в 1884 г. Г. Крыстевич. Под лозунгом объединения Восточной Румелии с Княжеством на выборах в Областное собрание в 1884 г. победу одержала Народная партия. Однако, придя к власти, она отказалась от осуществления своего основного предвыборного лозунга под предлогом его несвоевременности в связи с позицией великих держав, включая Россию.

Инициативу в деле объединения Восточной Румелии с Княжеством взял на себя образованный в феврале 1885 г. в г. Пловдиве Тайный комитет, переименованный в апреле 1885 г. в Болгарский тайный центральный революционный комитет (БТЦРК). Его возглавлял З. Стоянов, который снискал известность и авторитет как автор вышедшего в 1884 г. первого тома «Записок о болгарских восстаниях», пропагандировавшего, особенно среди молодежи, настроения революционного романтизма. БТЦРК опирался в своей деятельности главным образом на служащих и учащуюся молодежь. В августе 1885 г. было избрано новое руководство организации, которое выдвинуло задачу объединения Восточной Румелии с Княжеством Болгария под скипетром Александра I Баттенберга и разработало конкретный план ее реализации.

В середине сентября 1885 г. в г. Панагюриште, центре Апрельского восстания 1876 г., состоялась спонтанная демонстрация. Было провозглашено объединение Восточной Румелии с Княжеством в г. Пазарджике, а также в с. Голямо-Конаре. Повстанцы заняли Пловдив. Единственное столкновение с войсковой частью Восточной Румелии имело место у с. Калфата (совр. Соединение). БТЦРК сформировал временное правительство во главе с Г. Странским, которое известило официальные власти Княжества о происшедшем.

Александр I Баттенберг, для которого объединение Восточной Румелии с Княжеством являлось шансом вернуть утраченные позиции, и П. Каравелов прибыли в Пловдив. Временное правительство было распущено и функции управления взял на себя кабинет министров Княжества. Последний обратился к великим державам с просьбой признать объединение. Россия, осудив данный шаг как авантюристический, отозвала своих служащих из болгарской армии, но в то же самое время предупредила Османскую империю, чтобы она не предпринимала военных действий до принятия великими державами решения.

Конференция представителей великих держав по вопросу об объединении Восточной Румелии с Княжеством Болгария началась в Константинополе в ноябре 1885 г. Однако до ее окончания сербский король Милан под предлогом нарушения установленного Берлинским договором равновесия на Балканах 14 ноября 1885 г. объявил войну Болгарии. Сербские войска двинулись в двух направлениях: на Софию (главном) и на Видин. Решающие бои прошли в окрестностях Сливницы. Болгарская армия 22 ноября 1885 г. перешла в контрнаступление, пересекла границу, в боях ей удалось взять г. Пирот. В события вмешалась Австро-Венгрия. Верховному командованию болгарской армии был передан ультиматум с требованием прекратить военные действия, который Александр I Баттенберг принял в конце ноября 1885 г.

Начавшиеся в феврале 1886 г. в Бухаресте переговоры о мире закончились в начале марта 1886 г. Заключенный договор состоял из одного предложения: «Между Королевством Сербия и Княжеством Болгария восстанавливается мир со дня подписания настоящего договора».

После окончания сербо-болгарской войны 1885 г. конференция великих держав возобновила свою работу. Она признала объединение Восточной Румелии с Княжеством в форме личной унии. В апреле 1886 г. в Константинополе в султанском дворце Топхане был подписан протокол об объединении Княжества и Восточной Румелии, предусматривавший назначение сроком на пять лет болгарского князя генерал-губернатором Восточной Румелии (без упоминания, по настоянию российской стороны, имени Александра I Баттенберга), объединение войск и администрации Восточной Румелии и Княжества, передачу Кырджалийского округа Османской империи. В результате объединения территория Княжества расширилась до 96 345 кв. км.

ПУТЬ БОЛГАРИИ К НЕЗАВИСИМОСТИ. 1886–1908 гг.

«Болгарский кризис» 1886–1887 гг.

В 1886 г., после объединения Княжества и Восточной Румелии, вопрос о взаимоотношениях с Россией как страной-покровительницей стал одним из узловых в политической жизни болгарского государства. При этом, замкнувшись на князе Александре I Баттенберге, он приобрел персонифицированную форму. Политически активное население Болгарии разделилось на два противостоящих лагеря согласно выбору: «с князем Александром I Баттенбергом, но без России» или «с Россией, но без князя Александра I Баттенберга». К первому принадлежали сторонники самостоятельного пути развития Болгарии (С. Стамболов, З. Стоянов, Д. Ризов), а ко второму те, кто считал невозможным существование страны без поддержки России (Д. Цанков, К. Величков, С. Бобчев).

Стремительно развивавшийся внутриполитический кризис особо проявился во время выборов в Народное собрание депутатов от Восточной Румелии, когда, несмотря на предпринятые меры предосторожности, произошел ряд прямых столкновений между противоборствующими сторонами. Напряжение не спало и после открытия 14 июня 1886 г. внеочередной сессии Народного собрания. Решение правительства рассматривать личную унию в качестве союза, не допускающего разделения в будущем

Восточной Румелии и Княжества, являлось попыткой открыто ревизовать Топханейский протокол.

Несоблюдение Болгарией договоренностей с Османской империей осложнило ее положение на Балканах и вызвало протест со стороны великих держав. Пытаясь найти выход из создавшейся ситуации, премьер-министр П. Каравелов и председатель Народного собрания С. Стамболов выразили готовность распустить Народное собрание и образовать правительство, угодное России. Ответ на их предложения был категоричен: Россия не сделает ни одного шага к сближению с Болгарией, пока на престоле находится Александр I Баттенберг. Открыто свое негативное отношение к князю демонстрировали также германские официальные круги. Это позволяло оппозиции представлять князя Александра I Баттенберга в качестве «источника несчастий Болгарии».

Роль «спасителей» Болгарии взяли на себя военные. В ночь с 20 на 21 августа 1886 г. силами Струмского полка и юнкеров военного училища был совершен переворот: Александр I Баттенберг по требованию заговорщиков отрекся от престола и под конвоем покинул страну.

Самым решительным образом против переворота выступил председатель Народного собрания С. Стамболов. Он опирался прежде всего на силы Пловдивского гарнизона, а также Софийского пехотного полка. Получив отказ от правительства П. Каравелова составить совместный кабинет министров, С. Стамболов 28 августа 1886 г. огласил состав нового правительства, а также отдал приказ двинуть войска на Софию, которая была занята без боя 30 августа 1886 г. Фактически произошел переворот.

7 сентября 1886 г., не получив поддержки России, Александр I Баттенберг отрекся от престола окончательно. В стране было создано регентство. Членами регентского совета стали С. Стамболов, С. Муткуров и П. Каравелов. Введение последнего в регентский совет должно было продемонстрировать, что рекомендации России относительно формирования органов власти из представителей различных партий учтены.

Отречение Александра I Баттенберга от престола по-разному было воспринято великими державами. Если Великобритания расценила его как «пощечину» и «серьезный успех российской дипломатии», то Германия в лице рейхсканцлера О. Бисмарка выразила удовлетворение по поводу «устранения пешки Баттенберга с балканской шахматной доски». Реакцию же Австро-Венгрии отличала двойственность.

В сентябре 1886 г. в Болгарию в качестве дипломатического представителя с особыми полномочиями был отправлен генерал Н.В. Каульбарс для урегулирования спорных вопросов. Великобритания и

Австро-Венгрия расценили действия России как стремление установить единоличный протекторат над Болгарией.

В данной обстановке политика С. Стамболова и его сторонников диктовалась необходимостью отстаивания суверенитета Болгарии. Между Н.В. Каульбарсом и министром иностранных дел Болгарии Г. Начовичем развернулась настоящая война нот. Чтобы ослабить сопротивление официальных кругов Болгарии и удержать ее в орбите своей политики, российский император Александр III принял решение отозвать своих представителей.

В конце 1886 г. делегация, представлявшая Великое Народное собрание, посетила Вену, Берлин, Лондон, Париж и Рим. Визит в Петербург не состоялся по причине негативной позиции российской стороны. Делегация встретилась с Фердинандом Сакс-Кобург-Готским (1861–1948), представителем одного из старинных европейских семейств, офицером армии Австро-Венгрии, одним из возможных кандидатов на болгарский престол. На состоявшемся 7 июля 1887 г. заседании Великого Народного собрания он был провозглашен князем Болгарии.

Германия и Франция объявили выборы князя незаконными, Австро-Венгрия и Великобритания заявили о невозможности их признания без согласия Порты. Великий визирь в свою очередь сослался на известную статью Берлинского трактата, гласившую: «Князь болгарский будет свободно избран населением и утвержден Портою с согласия держав». Россия заняла сугубо отрицательную позицию по этому вопросу. Именно позиция России стала причиной непризнания князя великими державами около десяти лет.

Внутри- и внешнеполитическое положение Болгарии. 1887 г. — конец XIX в.

Князь Фердинанд назначил премьер-министром и министром иностранных дел С. Стамболова. 8 октября 1887 г. прошли выборы в Народное собрание, а 16 октября — в городские общинные советы. На них при запрете на оппозиционную политическую деятельность победу одержала возглавлявшаяся Стамболовым Либеральная партия.

Сконцентрировав власть в своих руках, Стамболов начал планомерную деятельность по выводу страны из состояния экономического застоя, политического кризиса и дипломатической изоляции.

В 1889 г. Великобритания, а позже Германия, Франция, Швейцария, Бельгия и Австро-Венгрия заключили прямые экономические договоры с Болгарией, которая с точки зрения международного права оставалась зависимой от Османской империи.

Не считаясь с решениями Берлинского конгресса 1878 г., Болгария в декабре 1887 г. установила таможенные пошлины на соль, табачные изделия, предметы роскоши и др. В декабре 1891 г. был принят закон о поощрении развития овцеводства и производства местных тканей. В 1888 г. Народное собрание одобрило планы премьер-министра относительно создания сети шоссейных и железных дорог. Активная деятельность правительства в области экономики сопровождалась благоустройством городов, значительно изменивших свой облик.

Стабилизация внутри- и внешнеполитического положения Болгарии была невозможной без признания великими державами законности избрания на княжеский престол Фердинанда Сакс-Кобург-Готского. Однако позиция России по этому вопросу была непреклонной.

Другое направление внешнеполитической деятельности болгарского правительства было связано с Македонией. В июне 1890 г. оно обратилось к султану с нотой, содержавшей просьбу назначить двух владык Болгарского экзархата в епархии Македонии и признать законность избрания князя. Благодаря активности главным образом английской дипломатии Порта решила вопрос о назначении владык Болгарского экзархата в Ускюбскую (Скопскую) и Охридскую епархии положительно.

Нормализации внутриполитической обстановки не способствовали использовавшиеся Стамболовым методы управления. Например, в качестве меры наказания применялась так называемая «экзекуция», когда в районы, не уплатившие налоги или не подчинившиеся требованиям центральной власти, отправлялись воинские части, которые содержались за счет местного населения.

В борьбе против С. Стамболова объединились сторонники Д. Цанкова и П. Каравелова, использовавшие нелегальные методы борьбы. К ним присоединились приверженцы В. Радославова («легальная оппозиция»). Действия каждой из сторон отличались крайней нетерпимостью и бескомпромиссностью.

Премьер постоянно демонстрировал решительность и жесткость в подавлении любых посягательств на власть. В 1890 г. были арестованы деятели оппозиции, в том числе П. Каравелов, К. Арсениев, Т. Китанчев и др. Многие из них были приговорены к различным срокам тюремного заключения, а четыре человека — к смертной казни. Несмотря на репрессии, противники Стамболова продолжали прибегать к насилию в борьбе против него. В 1892 г. в Константинополе был убит дипломатический представитель Болгарии Г. Вылкович — сторонник политики Стамболова. Ситуация грозила взрывом. В этой обстановке в мае 1894 г. Фердинанд отправил Стамболова в отставку.

Главой правительства князь назначил К. Стоилова. Кабинет был составлен из представителей различных группировок. Однако уже в начале июня 1894 г. Стоилов и его единомышленники заложили основы новой партии, которую назвали Народной. По замыслу создателей партии «власти» она должна была стать консолидирующим фактором, объединив многочисленные политические группировки. В нее, действительно, первоначально вошел ряд бывших приверженцев консервативного течения, а также некоторые сторонники Д. Цанкова, П. Каравелова, В. Радославова. В качестве одной из основных своих задач партия считала укрепление на престоле династии князя Фердинанда. Главной фигурой партии являлся ее лидер, должность которого считалась пожизненной. Центральный комитет имел при нем лишь совещательные функции.

Одержанная на выборах в Народное собрание победа позволила составленному из членов Народной партии новому правительству К. Стоилова создать парламентскую комиссию по расследованию деятельности кабинета министров Стамболова. Однако после его убийства в 1895 г. комиссия прекратила работу.

Конкретные действия правительства Народной партии зачастую расходились с его заявлениями о приверженности принципам демократии и конституционным методам управления. Например, политические убийства в период правления Народной партии по-прежнему оставались составной частью болгарской реальности.

В 1895 г. после ряда подготовительных шагов Петербург посетила официальная делегация во главе с митрополитом Климентом под предлогом возложения венка на могилу скончавшегося в 1894 г. императора Александра III. Делегация была принята императором Николаем II и министром иностранных дел А.Б. Лобановым. Российская сторона не возражала против восстановления отношений с Болгарией, но при условии крещения наследника престола Бориса III по православному обряду.

В феврале 1896 г. Борис III был крещен по православному обряду, причем его крестным стал российский император Николай II. За этим последовало восстановление отношений между Болгарией и Россией. В годовщину заключения Сан-Стефанского договора султан признал Фердинанда I в качестве князя Болгарии и генерал-губернатора Восточной Румелии.

В 1897 г. в ответ на лояльность Болгарии во время греко-турецкого вооруженного конфликта султан разрешил назначить владык Болгарского экзархата в три македонские епархии: Монастирскую (Битольскую), Дебарскую и Струмицкую.

Начавшийся в 1897 г. экономический кризис значительно подорвал позиции кабинета К. Стоилова. Осложнились его отношения

с Фердинандом I. Последнего не устраивало положение особы «царствующей, но не управляющей». Признание его великими державами открыло перспективу для реализации идеи создания сильной монархической власти.

Конец XIX в. ознаменовался появлением на политической сцене новых организаций: Болгарской социал-демократической партии и политического крестьянского движения.

Распространение социалистических идей в Болгарии началось в 80-х гг. XIX в. В 90-х гг. появились социалистические группы. В 1891 г. была учреждена Болгарская рабочая социал-демократическая партия (БРСДП). Ее программа содержала требования установления гражданских свобод и прав, а также улучшения экономического положения рабочих. В 1899 г. в Народное собрание прошло шесть депутатов от БРСДП. В партии постепенно оформилось два течения: радикальное и умеренное. Сторонники последнего в 1900 г. начали издавать журнал «Общо дело». Состоявшийся в 1903 г. съезд БРСДП исключил лидеров умеренного крыла из партии и объявил все поддерживающие их организации вне партии. Соответственно было уточнено название партии — БРСДП (тесных социалистов). К 1911 г. БРСДП (т. с.) насчитывала 73 местные организации с общим числом членов 2510.

Толчком к появлению в Болгарии организации, представляющей интересы крестьянства, послужила его борьба против десятины. В 1899 г. был учрежден Болгарский земледельческий союз (БЗС) с целью прежде всего проведения просветительской работы среди крестьян. Трансформации БЗС в политическую партию во многом способствовало его участие в местных и парламентских выборах. На состоявшихся в 1901 г. выборах в Народное собрание БЗС получил 23 депутатских места в парламенте. Однако в Народном собрании они действовали разрозненно, поскольку не обладали единой программой. Решение относительно необходимости изменить характер организации и соответственно ее название было принято на III съезде Союза (1901).

Ключевую роль в утверждении Болгарского земледельческого народного союза (БЗНС) как политической партии сыграл А. Стамболийский (1879–1923). Принципиальные положения разработанной им идеологии он изложил в работе «Политические партии или сословные организации», опубликованной в 1909 г. В конечном итоге они сводились к нескольким моментам. 1. Основу общественных благ составляет сельское хозяйство, в котором задействовано большинство населения Болгарии, следовательно, развиваться должны исключительно те отрасли промышленности, которые связаны с сельскохозяйственным производством. 2. Земля должна принадлежать тем, кто ее обрабатывает, и

обрабатываемый земельный фонд следует распределить равномерно. 3. Частная собственность — «движущая сила труда и прогресса». 4. Путь к улучшению положения сельскохозяйственных производителей — образование и развитие кооперативных объединений. 5. Широко понимаемая кооперация — обязательное условие возникновения новых форм гражданской политической организации и морали. 6. Общество делится не на классы, а на сословия (крестьянское, рабочее, ремесленническое, торговое, промышленное, бюрократическое), базисным является противоречие между городом и селом, между городскими сословиями и крестьянством, поскольку крестьянство эксплуатируется «гражданами» (сословная теория). 7. Имеющая место борьба в обществе представляет собой его неотъемлемый элемент, посредством которого возможно достижение общественного равновесия и прогресса.

Если принять в качестве показателя степени влияния политических партий в обществе результаты парламентских выборов, то БЗНС занимал место в первом эшелоне многопартийной системы Болгарии, тогда как БРСДП (т. с.) находилась во втором.

Режим личной власти Фердинанда I

Осуществлению замыслов Фердинанда I во многом способствовала частая смена правительств: с января 1899 г. по май 1903 г. у власти находилось четыре кабинета. Если правительства Стамболова и Стоилова ориентировали свои действия на проведение экономической модернизации, то сформированный С. Даневым кабинет Прогрессивно-либеральной партии (1902—1903) предпринял попытку либерализировать методы внутреннего управления.

В области внешней политики это правительство выступало за сближение с Россией. Итогом его усилий явилось подписание в июне 1902 г. во время визита Фердинанда I и С. Данева в Петербург двусторонней военной конвенции в противовес заключенному между Австро-Венгрией и Румынией соглашению. Российская дипломатия активно содействовала Болгарии в решении вопроса о получении на выгодных условиях займа у французских банков в размере 106 млн левов, который способствовал достижению на некоторое время внутриполитической стабилизации. Правительство Прогрессивно-либеральной партии попыталось нормализовать отношения с балканскими странами, однако ему это не удалось. Препятствием здесь являлось прежде всего их соперничество по вопросу о Македонии.

Неудачи правительства С. Данева в решении задач внешней политики, осложнение отношений с Фердинандом I, связанное

с явной пророссийской ориентацией кабинета, вынудили его подать в отставку в мае 1903 г.

Формирование нового кабинета министров было доверено Народно-либеральной партии. Однако его главой стал не лидер партии Д. Петков, получивший пост министра внутренних дел, а доверенное лицо князя — генерал Рачо Петров. С этого времени началось утверждение личного режима Фердинанда I.

Народно-либеральной партии удалось ограничить возможности оппозиции и укрепить свои позиции в парламенте.

Кабинет Народно-либеральной партии уделял внимание модернизации средств производства, повышению квалификации рабочих, торговцев и т.д., считая при этом необходимым поощрять в первую очередь крупные промышленные предприятия. Применительно к потребностям страны им в 1905 г. были установлены новые таможенные тарифы: высокие на продукцию сельскохозяйственного производства и низкие на необходимую продукцию промышленного производства. В том же 1905 г. Болгария подписала договор о таможенном союзе с Сербией, предусматривавший, за небольшими исключениями, осуществление беспошлинной торговли между двумя странами. В 1905—1907 гг. она заключила, в очередной раз нарушая Берлинский договор, новые торговые соглашения с Россией, Германией, Великобританией, Францией, Турцией и Румынией. Тем самым Княжество продемонстрировало формальный характер своей зависимости от Османской империи, значительную степень обретенной им после 1879 г. самостоятельности. В 1906 г. был принят закон о торгово-промышленных палатах. Велось строительство железных и шоссейных дорог, пристаней, благоустройство городских центров.

Правительство приложило немалые усилия для реформирования финансовой системы. Улучшение сбора прямых налогов, распродажа государственного имущества привели к увеличению доходов государственного бюджета. При этом с 1903 г. около 30% бюджета уходило на модернизацию вооруженных сил Болгарии.

В 1903 г. был принят специальный закон об устройстве армии. Увеличился ее кадровый состав, были проведены и структурные перемены. Генеральный штаб разработал планы будущей войны с Османской империей.

Перевооружение армии не обошлось без злоупотреблений. Афера, связанная с поставками для армии, в которой оказались замешаны многие первые лица государства, вынудила генерала Р. Петрова подать в отставку. В 1906 г. пост премьер-министра занял Д. Петков.

Смена главы кабинета в 1906 г. прошла на фоне роста стачечного движения в стране, которое подтолкнуло правительство Народно-либеральной партии к выработке системы норм, регулирующих отношения с рабочими. Были приняты законы о защите труда женщин и детей, о помощи государственным рабочим при несчастных случаях, о рабочей инспекции и т.п.

Действия кабинета Народно-либеральной партии в области внешней политики были направлены на достижение полной самостоятельности Княжества и на реализацию его национально-государственных интересов. Усиленная дипломатическая деятельность правительства была связана с восстанием населения Македонии и Фракии, организованным Внутренней македоно-одринской революционной организацией (ВМОРО). Восстание в Македонии началось 2 августа 1903 г. в Ильин день (отсюда его название — «Илинденское»). Оно охватило Юго-Западную Македонию — Монастирскую (Битольскую), Охридскую, Леринскую (Флоринскую) и другие казы. В г. Крушеве повстанцы провозгласили так называемую «Крушевскую республику». Неравные бои с войсками империи длились около трех месяцев. Погибло приблизительно 5 тыс. человек, более 200 сел было сожжено, около 30 тыс. человек эмигрировало.

Подобная участь постигла также восстание, вспыхнувшее в августе 1903 г. в Эгейской Фракии («Преображенское»). Образованная в горах Странджа (Истранджа) так называемая «Странджанская республика» продержалась около месяца. Правительство Болгарии обвинило в происшедшем Османскую империю, отказывавшуюся от проведения каких бы то ни было реформ в Македонии и во Фракии. Весной 1904 г. Болгария и Турция заключили соглашение, предусматривавшее возможность возвращения беженцев из Македонии и Фракии и другие меры в ответ на отказ Болгарии от использования ее территории для вооруженных нападений на империю. В определенной мере оно дополнило Мюрцштегское соглашение России и Австро-Венгрии 1903 г. относительно проведения реформ в трех вилайетах Османской империи.

Провозглашение независимости Болгарии

Злоупотребления высших государственных чинов — казнокрадство на сумму в несколько миллионов левов — усиливало брожение в обществе. Студенческая молодежь во время открытия Народного театра в Софии (январь 1907 г.) освистала Фердинанда I. Бóльшая часть студентов была арестована и отправлена в армию. Против этих полицейских мер выступили профессора Софийского университета, за что их уволили. Тем не менее протесты

ширились. В марте 1907 г. был застрелен премьер-министр Д. Петков. Удержаться кабинету Народно-либеральной партии у власти не удалось, и в начале 1908 г. Фердинанд I принял его отставку.

Следующий кабинет министров, который возглавил А. Малинов, был составлен из представителей Демократической партии. Правительство Малинова, заявившее о своей приверженности «истинной демократии», отменило примененные в 1907 г. к студентам и преподавателям Софийского университета меры, провело через Народное собрание ряд законодательных актов, направленных на улучшение положения рабочих, и т.п. В результате ему удалось снять на время политическое и социальное напряжение в стране. Это позволило правительству переключиться на решение проблем внешней политики.

К 1908 г. Болгария де-факто являлась суверенным государством. Ей удалось избавиться от ограничений, предусматривавшихся Берлинским договором. Она создала регулярную армию, заключала торговые соглашения посредством двусторонних переговоров, самостоятельно устанавливала таможенные пошлины, назначала своих дипломатических представителей, главным образом в другие балканские страны, и т.д. Однако с точки зрения международно-правовых отношений Болгарии требовалось признание ее суверенитета.

Поднятое в Османской империи младотурками восстание под лозунгом восстановления Конституции 1876 г. и их приход к власти подтолкнули правительство Демократической партии вновь поставить вопрос относительно предоставления Болгарии независимости. Поводом стал инцидент с дипломатическим представителем Болгарии И. Гешовым, который не был приглашен на прием по случаю дня рождения султана. Болгарская сторона расценила это как стремление правительства младотурков подчеркнуть вассальное положение Болгарии. И. Гешов был отозван из Константинополя, а Софию в свою очередь покинул представитель Турции.

Воспользовавшись забастовкой служащих Компании Восточных железных дорог, правительство Демократической партии объявило 21 сентября 1908 г. участки путей на территории Болгарии собственностью последней. Таким образом, был денонсирован очередной пункт Берлинского договора.

Фердинанд I провозгласил независимость Болгарии 4 октября 1908 г., а Тырновский митрополит венчал его на царство. В тот же день император Австро-Венгрии подписал рескрипт об аннексии Боснии и Герцеговины. Затем правительство Греции заявило о присоединении Крита к Греции. В итоге на Балканах вновь возник острый кризис.

ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ БОЛГАРИИ В 1878–1912 гг.

До 90-х гг. XIX в. фактически отсутствовала какая-либо целостная концепция экономического развития Болгарии, что в значительной степени объяснялось ее общей отсталостью.

Согласно проведенной в 1905 г. в Болгарии переписи населения его численность составляла 4 035 575 человек (см. табл. 1). Из них 3 102 446 (76,9%) проживало в деревне. Количество городских жителей в период с 1880 г. (543 тыс. человек) по 1910 г. (823 тыс. человек) увеличилось на 51,6%. При этом за указанный период число жителей Софии возросло с 20 тыс. до 103 тыс. человек, главным образом за счет концентрации в столице государственной администрации, а также промышленных предприятий. Непосредственно же в сельском хозяйстве было занято 77,03% населения.

Таблица 1

Население Болгарии. 1880–1910 гг.

Общая численность населения	**1880–1881** **2813868**	**1892** **3310713**	**1900** **3744283**	**1910** **4337513**
Болгары (%)	1909067 (67,84)	2505326 (75,67)	2887860 (77,13)	3205019 (73,89)
Турки (%)	701984 (24,95)	569728 (17,21)	539656 (14,41)	504560 (11,63)
Греки (%)	42659 (1,52)	58518 (1,77)	70887 (1,89)	50866 (1,17)
Цыгане (%)		52132 (1,57)	89549 (2,39)	121573 (2,80)

Преобладающей формой земельной собственности в Болгарии являлась мелкая (см. табл. 2).

Таблица 2

Распределение частной земельной собственности в 1908 г.

Земельные наделы (*в га*)	**Численность собственников**
до 3	511 000
от 3 до 5	126 000
от 5 до 10	174 000
от 10 до 20	94 000
от 20 до 50	24 000
более 50	3 100
Всего:	932 100

Наиболее значительные перемены в землепользовании, приравненные к аграрному перевороту, произошли во время русско-турецкой войны 1877—1878 гг. и сразу же после нее. Именно тогда в результате перераспределения земельной собственности практически полностью исчезли крупные земельные хозяйства. Определенная часть сельхозугодий перешла от турецкого к болгарскому населению путем выкупа. Для этого крестьяне использовали средства, взятые у ростовщиков. В результате в 1901 г. из 1200 обследованных сел 305 оказались полностью разоренными ими. Положение усугубляла действовавшая система налогообложения (основным налогом до 1900 г. для крестьянских хозяйств являлась десятина).

Характерным для сельскохозяйственного производства в Болгарии в начале XX в. стало развитие кооперативного движения, которое охватывало прежде всего мелких и отчасти средних собственников. В 1907 г. насчитывалось около 400 кооперативных объединений. Кредитором 300 из них выступал Болгарский земледельческий банк. В 1907 г. кооператоры учредили свой руководящий орган — Главный союз сельскохозяйственных кооперации. Но в 1909 г. из-за возникших противоречий он распался. После этого отделившиеся 363 кооперации образовали Центральный союз сельскохозяйственных кооперации, целью которого являлось оказание поддержки мелким производителям.

Раздробленность земельной собственности, тяжелое экономическое положение крестьян стали главными препятствиями на пути модернизации сельского хозяйства. Его техническое переоснащение проходило крайне медленно. В 1900 г. только 11,7% собственников обладали железными плугами, остальные же обрабатывали землю по-прежнему деревянным ралом.

Основной отраслью сельского хозяйства являлось зерновое производство. Животноводство составляло вспомогательную отрасль. С конца XIX и особенно в начале XX в. стала проявляться тенденция к увеличению посевных площадей, отводимых под такие культуры, как кунжут, лен, хмель и др. Особое место среди них занял табак. Спрос на него на внешнем рынке способствовал росту табачной продукции. Основными районами табаководства были Дупница, Пловдив, Харманли, Хасково.

Государство предпринимало попытки, хотя и слабые, модернизировать сельское хозяйство. В 1897 г. был принят закон об агротехническом образовании, согласно которому организовывались краткосрочные курсы, инструкторы консультировали крестьян на местах. В начале XX в. государство взяло на себя расходы по созданию опытных станций, племенных заводов и т.д. Однако каких-либо заметных перемен в данной области до 1912 г. не произошло.

Что же касается промышленного производства, то вопрос о целесообразности его развития в Болгарии составил стержень развернувшейся в начале 90-х гг. дискуссии об основных направлениях экономического развития страны. Противники данной точки зрения ссылались на узость внутреннего рынка, недостаток рабочей силы, структуру экспорта и т.д. Тем не менее необходимость развития промышленного производства становилась все более очевидной. На вооружение была взята политика протекционизма. В январе 1895 г. появился закон о покровительстве местной промышленности прежде всего «крупным» предприятиям, которыми считались имевшие «усовершенствованные технические средства», основной капитал более 25 тыс. левов, самое меньшее 20 наемных рабочих. Однако в этот закон постоянно вносились поправки. Согласно, например, уточнению 1905 г. «крупными» считались те, которые использовали «механические силы» минимум в 5 лошадиных сил и имели основной капитал не менее 20 тыс. левов.

В 1885 г. только 24 предприятия попадали в категорию «крупных» (6 пивоварен, 5 текстильных фабрик, 3 завода по производству спирта и др.), в 1894 г. (см. табл. 3) их численность возросла до 72, в 1904 г. — до 166, а в 1911 г. — до 345 (146 представляли пищевую отрасль промышленности, 72 — текстильную, 29 — металлургическую, 27 — химическую и т.д.).

Таблица 3

Промышленные предприятия в Болгарии. 1894–1911 гг.

Год	Количество предприятий	Основной капитал (*в левах*)	Численность рабочих
1894	72	10 916 000	3 027
1900	103	19 823 000	4 716
1904	166	36 145 000	6 149
1907	206	53 951 000	7 646
1909	266	66 031 440	12 943
1911	345	91 098 000	15 886

Наиболее развитыми отраслями являлись пищевая и текстильная. В начале XX в. ускоренными темпами росла добывающая промышленность, главным образом угольная (первые государственные шахты в Болгарии были открыты в 1879 г.).

Существенным препятствием на пути развития промышленности стало введенное Берлинским договором ограничение на установление таможенных пошлин (не более 8%). При узости внутреннего рынка местные промышленные изделия не выдерживали

конкуренции с ввозимыми из других стран. Впервые Болгария пошла на нарушение решения Берлинского конгресса в 1885 г. Однако окончательно освободиться от ограничения на установление таможенных пошлин ей удалось только в 1905 г.

Рост промышленности требовал развития транспортной системы. Строительство и эксплуатация железных дорог являлись монополией государства. В 1880 г. насчитывалось 220 км железных дорог, в 1900 г. — 1566 км, в 1912 — 2109 км. К 1912 г. подвижной парк Болгарии состоял из 207 паровозов и 4030 вагонов. В конце XIX в. в Болгарии образовалось Торговое пароходное общество, в котором 1/3 акционерного капитала составляли вклады государства. В 1903 г. был открыт и первый морской порт — в Варне. В 1907 г. торговый флот Болгарии насчитывал 7 кораблей.

Постепенно возрастал объем торговли. Свою продукцию Болгария главным образом экспортировала в Османскую империю (приблизительно 59% от общего объема экспорта), а также в Австро-Венгрию, Францию, Германию и Италию. Ее импорт значительно превышал экспорт. Первое место в импорте Болгарии занимала Австро-Венгрия.

Ввозимые товары, изделия местной промышленности составляли конкуренцию продукции ремесленного производства, которую оно не было в состоянии выдержать. Государство предпринимало попытки поддерживать ремесленное производство. Так, в 1883 г. был издан специальный закон об обязательном ношении служащими одежды местного производства. Однако остановить упадок этой отрасли путем принятия законодательных актов не удалось. Если в 1892 г. ремесленники составляли 13,8% от общего числа активного населения Болгарии, то в 1905 г. — только 6,9%. Спад ремесленного производства коснулся прежде всего его традиционных отраслей, тогда как на услуги строителей, мебельщиков и т.п. спрос возрастал.

Постепенно в Болгарии складывалась банковская система. К началу XX в. этот процесс еще не был завершен. Как уже говорилось, Болгарский народный (национальный) банк (БНБ) открылся в Софии в мае 1879 г. В 1912 г. он имел сеть из 15 отделений. Первый частный банк в провинции появился в г. Русе в 1881 г. Первый банк с участием иностранного капитала (Торговый банк) был основан в Софии в 1901 г. Накануне 1912 г. финансовый капитал в Болгарии группировался вокруг четырех основных банков: Болгарского торгового банка; Балканского банка, созданного в 1906 г. при участии австрийского, бельгийского и французского капиталов; учрежденного в 1905 г. при участии австрийского и французского капиталов Генерального банка; Кредитного банка, образованного при участии германского капитала.

Практически со времени своего учреждения болгарское государство испытывало финансовые затруднения: из 33 финансовых лет (1879–1912) 19 заканчивались дефицитом. Основным источником пополнения бюджета были налоги. Что же касается расходов, то одной из главных статей здесь являлось содержание государственного аппарата: если в 1880 г. на него уходило 20 млн левов, то в 1911 г. — 181 млн (болгарская национальная валюта была введена в 1880 г. — новый лев по золотому содержанию равнялся французскому франку). До 1892 г. государственный долг Болгарии был незначительным, но он имел тенденцию постоянно и быстро расти. В 1910 г. на его обслуживание уходило 29% от суммы всех государственных расходов.

В 1878–1912 гг. Болгария оставалась, несмотря на предпринимавшиеся государством попытки экономической модернизации, отсталой аграрной страной с доминированием мелкой собственности.

БОЛГАРИЯ В БАЛКАНСКИХ ВОЙНАХ 1912–1913 гг.

Оформление Балканского союза

Обретя независимость, Болгария начала дипломатическую подготовку войны против Турции. Важным шагом в данном направлении стало изменение 24 июля 1911 г. Великим Народным собранием 17-й ст. конституции: монарх получил право заключать любые договоры с другими державами без согласования с парламентом. В результате 13 марта 1912 г. между Болгарией и Сербией был заключен Договор о дружбе и союзе с тайным приложением, дополненный военной конвенцией. Предусматривался раздел европейских территорий Османской империи в случае войны против нее на основе соглашения. Болгария признала право Сербии на все территории к северу и западу от горы Шар, а Сербия признала право Болгарии на все территории к востоку от Родопских гор и р. Струмы (ст. 2).

Относительно Македонии Сербия и Болгария договорились следующим образом: «если две стороны удостоверятся в невозможности создания отдельной автономной области», то Сербия откажется от территорий, расположенных к востоку от линии Крива-Паланка — Охридское озеро («бесспорная зона») с условием раздела других («спорная зона») при арбитраже российского императора (ст. 2). Вслед за тем 29 мая 1912 г. между Болгарией и Грецией был подписан Договор об оборонительном союзе,

которым гарантировалась взаимная помощь в случае нападения Турции на одну из сторон. Территориальные проблемы Болгарией и Грецией не затрагивались. К оформившемуся таким образом Балканскому союзу позже присоединилась Черногория, с которой была достигнута устная договоренность о начале военных действий.

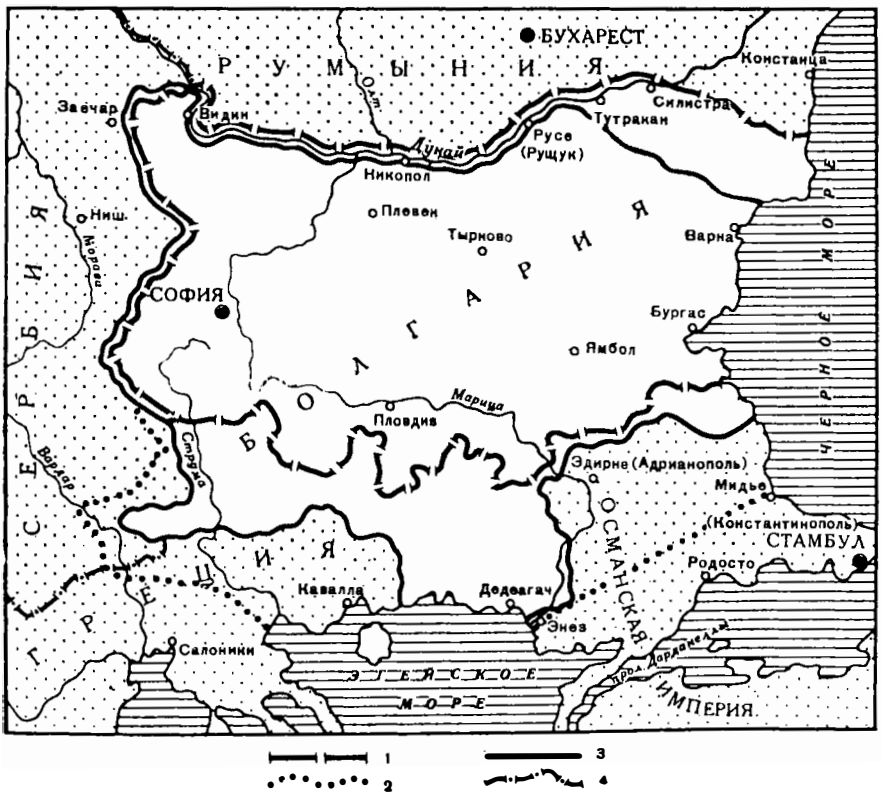
Первая Балканская война

Основную подготовку к войне против Турции страны Балканского союза завершили в сентябре 1912 г., после чего они предъявили коллективную ноту турецкому правительству с требованием предоставить административную автономию ее европейским провинциям. Турция ноту отклонила, и 9 октября 1912 г. Черногория начала военные действия. Остальные страны — члены Балканского союза вступили в войну 18 октября. Согласованные штабами союзнических армий планы предусматривали ведение болгарскими войсками операций главным образом в Восточной Фракии, сербскими — в Вардарской Македонии, греческими — в Эпире и Эгейской Македонии, черногорскими — на севере Албании.

Болгария выставила три армии. Перейдя границу, 1-я и 3-я армии 23—25 октября при Лозенграде (Кирк-Килиссе) разбили 3-й турецкий корпус, а затем 30 октября — 4 ноября при Люле-Бургасе (Лилебургасе) — 4-й турецкий корпус. Войска Болгарии были остановлены недалеко от Стамбула (в 40 км) на укрепленных Чаталджинских позициях. Их штурм был предпринят 18—19 ноября, но безуспешно.

В Эгейской Македонии действовали греческие войска. Одержав победу при Енидже (Яница), Фессалийская армия развернула наступление на Салоники, в направлении которых наносили вспомогательные удары болгарские и сербские силы. Взять Салоники удалось 9 ноября 1912 г. Эпирская армия очистила Эпир и 8 ноября осадила крепость Янину. Флот Греции блокировал выход из Дарданелл. На острова Хиос, Лесбос и другие были высажены десанты. Сербские войска разбили у Куманово (Вардарская Македония) значительные турецкие силы, а 26 октября заняли Ускюб (Скопье). При поддержке греческих сил 18 ноября они вошли в Монастир (Битоль), после чего турецкая Западная армия фактически перестала существовать. Черногорские силы совместно с 20-тысячным сербским Ибарским отрядом, действуя в Албании, вышли к Адриатическому морю и осадили крепость Скутари (Шкодер).

В этой обстановке союзники приняли предложение Турции о перемирии. На начавшихся в Лондоне 16 декабря 1912 г. переговорах они потребовали, чтобы Турция отказалась от своих европейских владений к западу от линии Мидия (Мидье)—Энос (Энез), от островов в Эгейском море, от претензий на албанские земли. Турция отвергла выдвинутые условия, считая их неприемлемыми. Когда уже ожидалось, что турецкая делегация согласится на уступки, младотурки совершили государственный переворот. Пришедшее в Турции к власти правительство прервало переговоры. Военные действия возобновились 3 февраля 1913 г. Только после потери Турцией Янины и Адрианополя она заключила в апреле 1913 г. перемирие со всеми странами Балканского союза, кроме Черногории, продолжавшей осаду Скутари.



Болгария в 1911–1913 гг.

1 — границы Болгарии к началу Первой Балканской войны 1912 г.; 2 — границы Болгарии, намеченные после войны 1912 г.; 3 — границы Болгарии по Бухарестскому и Константинопольскому договорам 1913 г.; 4 — границы соседних с Болгарией государств в 1913 г.

Согласно подписанному 30 мая 1913 г. Лондонскому мирному договору Турция потеряла почти все свои европейские владения, кроме Стамбула и незначительной части Восточной Фракии (ст. 2—5). Осада Скутари под давлением великих держав была снята. Границы и внутреннее устройство Албании обязались определить великие державы (ст. 3). 9 мая 1913 г. был подписан протокол, завершивший совещание послов России, Австро-Венгрии, Великобритании, Германии, Италии, Франции. Им предусматривались: передача г. Силистры с трехкилометровой зоной вокруг него Румынии в качестве компенсации за ее нейтралитет в войне (ст. 1), отказ Болгарии от строительства новых укреплений по ее границе с Румынией (ст. 3), предоставление Болгарией культурной автономии валахам «на будущих болгарских территориях» (ст. 4). Однако обе стороны остались недовольными принятыми решениями: Румыния считала их недостаточными, а Болгария — чрезмерными. Так закончилась Первая Балканская война.

Вторая Балканская война

После подписания Лондонского договора на первый план вышли разногласия между союзниками по вопросу о разделе территорий, от которых вынужденно отказалась Турция. Премьер-министр Сербии Н. Пашич предъявил претензии на земли Македонии, занятые во время боевых действий сербскими войсками. Свои требования он обосновывал предоставлением Болгарии дополнительной, не предусмотренной союзным договором помощи при взятии Адрианополя, а также тем, что Сербия осталась без выхода к Адриатическому морю. Предложения относительно установления болгаро-греческой границы по р. Месте (Нестос) и горному хребту Беласице Греция представила еще в октябре 1912 г. Болгария под различными предлогами медлила с контрпредложениями, так как ни один из выдвигавшихся вариантов ее не устраивал. В этой обстановке между Сербией и Грецией 1 июня 1913 г. были подписаны союзный договор и военная конвенция.

Пытаясь предотвратить назревавший конфликт, российский император выступил с инициативой проведения в Санкт-Петербурге конференции стран Балканского союза. Болгария в качестве предварительного условия потребовала, чтобы Сербия первоначально подтвердила союзный договор от 1912 г. и допустила установление в Македонии кондоминиума. Компромиссные решения болгарскую сторону не устраивали.

В ночь с 29 на 30 июня 1913 г. болгарские войска атаковали сербские и греческие позиции в Македонии. Перед 4-й армией была поставлена задача закрепиться, выйдя на линию Кратово—

Велес, а перед 2-й армией — занять устье р. Струмы (Стримон). Однако блицкрига не получилось. Правительство Болгарии уже 1 июля отдало распоряжение прекратить огонь. Тем не менее спасти ситуацию не удалось. Сербские силы перешли в контрнаступление и нанесли поражение болгарским войскам в сражении на р. Брегалнице. 10 июля в войну вступила Румыния. Пользуясь отсутствием болгарских войск на севере, ее части беспрепятственно продвигались к Софии. Этим воспользовалась Турция, которая 13 июля объявила войну Болгарии. Зажатая с четырех сторон, Болгария 31 июля капитулировала.

10 августа 1913 г. в Бухаресте между Болгарией, с одной стороны, и Грецией, Сербией, Румынией и Черногорией — с другой, был заключен мирный договор, согласно которому к Румынии отошла Южная Добруджа, Болгария обязывалась в двухлетний срок разоружить крепости и отказаться от постройки новых на болгаро-румынской границе (ст. 2). Территория Македонии была разделена между Грецией (Эгейская Македония с портами Салоники и Кавала), Сербией (Вардарская Македония) и Болгарией (Пиринский край) (ст. 3, 5). Договор между Болгарией и Турцией был подписан 29 сентября 1913 г. (Константинопольский мирный договор). Граница, определенная Лондонским договором по линии Мидия—Энос, ликвидировалась. От Болгарии отходила Восточная Фракия с Лозенградом, Люле-Бургасом и Адрианополем, за ней оставалась часть Западной Фракии с Дедеагачем (Александруполисом) и Порто-Лагос на берегу Эгейского моря (ст. 1). Таким образом, Болгария не сохранила за собой сколько-нибудь значительного порта на Эгейском море. Результаты Второй Балканской войны были восприняты болгарским обществом как «национальная катастрофа»: Болгария потеряла около 33 тыс. человек убитыми, государственный долг достиг 700 млн золотых левов, тогда как территориальные приобретения составили только 17%.

КУЛЬТУРА БОЛГАРИИ

В целом начавшиеся в 1878 г. перемены охватили все стороны жизни болгарского общества, включая традиции и нравы.

С появлением болгарского национального государства началось становление системы образования. В соответствии с Тырновской конституцией в 1879 г. в Болгарии было введено всеобщее начальное образование. Средние учебные заведения создавались по типу российских — в форме классических и реальных гимназий. Законом о народном образовании 1891 г. предусматривалось увеличение срока обязательного начального обучения до шести лет, усиление централизации и контроля над содержанием учебного

процесса, углубление работы по гражданскому и гуманитарному воспитанию школьников и т.д. Согласно данному закону на государство возлагалось обязательство по компенсированию 2/3 платы учителям, сдавшим квалификационный экзамен. Последнее положение, однако, вызвало недовольство среди большинства учителей, для которых квалификационный экзамен явился труднопреодолимым барьером. В связи с этим в конце 1894 г. в закон о народном образовании были внесены соответствующие поправки.

В 1888 г. были открыты Высшие педагогические курсы при Софийской государственной классической гимназии, преобразованные в 1889 г. в Высшую школу, в 1905 г. — Софийский университет им. Кл. Охридского.

Во второй половине 80-х гг. XIX в. правительство С. Стамболова выдвинуло задачу развития болгарского национального самосознания. В связи с этим оно обратило внимание на развитие гуманитарных наук, литературы и искусства. Функции государства были расширены за счет включения в них меценатства. Так, в 1888 г. для «книжных и научных предприятий» было выделено 60 тыс. левов, в 1889 г., несмотря на возражения многих депутатов парламента, на развитие театрального дела — 10 тыс. левов, а в 1893 г. — уже 30 тыс. Такую политику продолжил кабинет К. Стоилова. Осознавая важность гражданского и патриотического воспитания, правительство в 1895 г. приняло решение об издании специальной серии книг «Болгарское отечество».

К концу 90-х гг. XIX в. в болгарском языке установилась единая орфография. Значительно расширился его словарный состав.

В 80—90-х гг. XIX в. происходит становление болгарского искусства. В 1883 г. по инициативе И. Вазова и К. Величкова была создана первая профессиональная театральная труппа. В ее репертуар входили исторические драмы И. Вазова, комедии Мольера и др. В 1895 г. при активном участии К. Величкова, который был не только писателем, но и художником, открылась Государственная школа живописи. В 90-х гг. при столичной театральной труппе начало функционировать оперное отделение.

Формировавшееся болгарское искусство являлось в основном эклектичным по своему характеру. Что же касается его содержательной стороны, то с 90-х гг. XIX в. оно все более оказывается под влиянием национальной идеи.

СЕРБСКИЕ, ЧЕРНОГОРСКИЕ ЗЕМЛИ, БОСНИЯ И ГЕРЦЕГОВИНА В СОСТАВЕ ОСМАНСКОЙ ИМПЕРИИ (КОНЕЦ XVIII в. — 1878 г.)

Южные славяне в составе Османской империи на протяжении всего XIX и начала XX в. выступали вместе с другими народами Балканского полуострова за ликвидацию турецкого владычества и создание своих государств. Борьба эта велась практически непрерывно, принимая формы локальных и общебалканских восстаний и войн. Изменялись и лозунги борьбы — от расширения прав немусульманского населения до полной независимости. Важным рубежом был в этой борьбе 1878 г., ознаменовавшийся появлением двух независимых княжеств — Сербии и Черногории. Но борьба за освобождение оставшейся в составе Османской Порты части Балканского полуострова продолжалась до 1913 г., когда после окончания Второй Балканской войны Турция лишилась практически всех своих европейских территорий, за исключением Восточной Фракии.

Кризис общественно-политической системы Османской империи в конце XVIII в.

К концу XVIII в. военно-ленная система Османской империи перестала отвечать требованиям времени. Экономика Турции, направленная на поддержание и развитие мощной военной машины, способной охранять границы империи, не только не развивалась, но и находилась в состоянии кризиса. Это выражалось в появлении новых форм собственности, расцвете откупной системы и ростовщичества, не соответствующих основным государственным принципам Порты — жесткой централизации и контролю за собственностью на землю.

В политическом плане кризис власти вылился в рост сепаратистского движения внутри империи, когда мятежные паши выступали с оружием в руках против власти султана. В конце XVIII – первой половине XIX в. такие выступления сотрясают Албанию, Боснию и Герцеговину и даже центр империи — Румелийский вилайет. Особую опасность для Стамбула представлял

реформированный янычарский корпус и бездействующие в перерывах между войнами башибузуки. Те и другие использовались местными феодалами, были легки на подъем и отважны в бою.

Первые попытки реформирования как самой системы землепользования (спахийской системы), так и турецкой армии предпринял султан-реформатор Селим III (1789–1807). Он столкнулся не только с сопротивлением турецких феодалов, но и с янычарскими бунтами, а также с крестьянскими волнениями, которые были вызваны тем, что старая система сбора налогов была заменена посредниками между спахией и крестьянином — так называемыми «чифтлик-сахибиями», удвоившими эксплуатацию на селе.

Ситуация осложнялась падением военной мощи империи, поражениями в войнах. В последней четверти XVIII в. в мирные договоры Турции с воевавшими с ней европейскими государствами стали включаться пункты, касающиеся положения подвластного Порте христианского населения Балканского полуострова. Так, по окончании русско-турецкой войны 1768–1774 гг. в текст Кючук-Кайнарджийского мирного договора было внесено право России защищать интересы православного населения Турции, а по Систовскому миру 1791 г., знаменовавшему победное окончание войны России в союзе с Австрией против Турции, предусматривалось проведение реформ в пограничном с монархией Габсбургов пашалыке Турции — Белградском.

СЕРБИЯ НА ПУТИ К НЕЗАВИСИМОМУ ГОСУДАРСТВУ (конец XVIII в. – 1878 г.)

Особое положение Белградского пашалыка

Белградский пашалык не случайно стал центром воссоздания сербского государства и первой славянской территорией Османской империи, получившей автономию. Несколько факторов обусловили специфическое развитие этого одного из наиболее беспокойных пашалыков Порты. Прежде всего, это его географическое положение на границе с Австрийской империей. На австрийском берегу пограничных рек Дуная и Савы (современная Воеводина) компактно проживало с конца XVIII в. переселившееся из Центральной Сербии сербское население. Австрийские сербы обладали согласно ряду рескриптов австрийских монархов определенными национально-церковными автономными правами. Их столица Сремские Карловцы — резиденция православного митрополита — была не только религиозным, духовным, но и просветительским центром для всех сербов, как в границах империи Габсбургов, так и в Османской Турции. Прямые контакты

с соплеменниками в Австрии ускорили процесс формирования национального самосознания сербов Белградского пашалыка. Пограничность этой провинции сделала ее также ареной австро-турецких войн XVIII в., в которых сербское население пашалыка принимало участие в составе специального формирования в рамках австрийской армии — сербского фрайкора.

Второй особенностью пашалыка была его этническая однородность — абсолютное большинство населения составляли православные сербы, мусульмане же (как турки, так и представители других национальностей) проживали в основном в крепостях и городках. Язык, обычаи сербов этого района, называвшегося сербами Шумадия (от сербского слова «шума» — лес), были едиными.

Однородной была и социальная структура сербского общества. Сербское население пашалыка, насчитывавшее около 300 тыс. человек, составляли крестьяне, причем процесс дифференциации на селе был очень слабым. Зажиточные крестьяне занимались торговлей, поставляя в Австрию продукцию своего хозяйства, и прежде всего свиней. Сельские старейшины осуществляли контакт с турецкой администрацией, а выборные от нескольких сел (кнезы) отвечали за сбор и передачу туркам налогов.

Третьим фактором, обусловившим исключительную роль Белградского пашалыка в создании сербской государственности, был внешний, а именно активное вмешательство Австрии и России в судьбу сербов. Так, по условиям Систовского мира пашалык получил значительные привилегии, оформленные специальными фирманами султана в 1793—1794 гг. Было упорядочено налогообложение, установлен фиксированный размер денежной дани на весь пашалык, разрешено строительство церквей, введены элементы местного самоуправления, определены права и обязанности кнезов и, наконец, запрещено проживание на территории пашалыка янычаров. Последнее было очень актуальным решением для конца XVIII в., ибо в то время янычарская вольница опустошала непосильными налогами и прямыми грабежами села по всему Балканскому полуострову. Взамен полученных привилегий сербы обязывались нести пограничную стражу, что означало создание отрядов милиции и право ношения оружия, хотя вся остальная райя была этого права лишена, ибо служба в армии являлась почетной обязанностью только «правоверных».

Перечисленные обстоятельства определили роль Белградского пашалыка как ядра, вокруг которого практически в его границах было создано автономное славянское княжество в составе Османской Турции — Сербское княжество (1833), затем сербское независимое государство (1878). Позднее, в 1918 г., Сербия становится центром объединенного югославского государства.

Основные вехи развития сербской государственности были связаны с вооруженной борьбой: восстаниями и войнами. Важным фактором для приобретения Сербией независимости было русское участие в судьбе сербов. Основными документами, определившими статус сербского государства в XIX в., были русско-турецкие договоры 1812, 1826, 1829 и 1878 гг.

На первом этапе освободительной борьбы (1804–1833) сербский народ добивался признания Османской Портой прав Белградского пашалыка на автономию.

Первое сербское восстание 1804–1813 гг.

В феврале 1804 г. в Сербии вспыхнуло самое крупное на Балканах национально-освободительное восстание — Первое сербское восстание. Оно началось со стихийного протеста сербских старейшин против произвола мятежных янычарских военачальников, захвативших пашалык в 1802 г. и полностью игнорировавших данные султаном привилегии сербам. Янычары установили свои нормы поборов, откровенно грабили население, упразднили местное самоуправление, отказывались выполнять распоряжения султана и убили назначенного им пашу. После резни, устроенной янычарами в конце января 1804 г. и направленной на истребление вождей возможного сопротивления (было убито в различных местах пашалыка одновременно около 70 сербских старейшин-кнезов), сербские представители собрались в местечке Орашац на скупщину (народное собрание), где решили начать вооруженную борьбу против янычар. Они избрали своим верховным вождем имевшего опыт военной службы в австрийской армии, где он был унтерофицером, Георгия Пе́тровича, по прозвищу Карагеоргий (тур. — Черный Георгий) (1768–1817). Скупщина объявила о начале восстания, которое охватило весь пашалык и продолжалось 9 лет.

Характер восстания был различным на разных его этапах. В современной историографии считается, что восстание переросло в национальную революцию, которую некоторые ученые определяют как буржуазную по своему характеру. Последний тезис спорен, если учесть, что в пашалыке не только не сформировалась даже протобуржуазия, но и не было третьего сословия. Ремесленники и большая часть торговцев были либо турки, либо наезжающие в пашалык австрийские сербы. При отсталых социальных отношениях, низком экономическом уровне развития этой патриархальной сельской местности восставшие выдвинули радикальные политические (государственная независимость, собственное правительство), социальные («чтобы никогда никакого помещика на земле сербской не было») и экономические (передача земли крестьянам) требования.

На первом этапе восстания (зима—весна 1804 г.) вопрос стоял фактически лишь об изгнании янычар из пашалыка и возвращении привилегий, дарованных фирманами 1793—1794 гг. На этом этапе повстанцы были вполне легитимны по отношению к султану и фактически выступали на его стороне против мятежных янычарских военачальников.

Но уже летом—осенью 1804 г. начинается второй этап восстания, продолжающийся до 1807 г., когда оно перерастает во всенародную вооруженную борьбу под лозунгами широкой политической автономии и изменения налоговой системы. С августа 1805 г. повстанцы начинают сражения с армией султана. На этом этапе они вступают в контакт с Россией и ведут переговоры о русском покровительстве и помощи сербам.

С началом русско-турецкой войны (1806—1812) наступает третий этап восстания, уже под лозунгом создания независимого от Порты государства во главе с наследственной сербской династией. В программных документах, появившихся в это время, содержатся и радикальные аграрные требования: ликвидация помещичьего землевладения, отмена любых видов откупов, передача наделов в собственность крестьян. На этом этапе повстанцы ведут боевые действия совместно с русской армией, воюющей на Балканском театре. Восставшие захватывают Белград, одерживают ряд побед над султанскими войсками, но терпят и поражения. Страшным свидетельством жестокой расправы с повстанцами летом 1809 г. у местечка Чегры стала сооруженная здесь турками башня из черепов погибших в бою сербов.

В этот период появляются первые институты государственной власти в Сербии. Создается правительство из шести министров (Правительствующий совет). В 1811 г. на скупщине в Белграде Карагеоргий провозглашается наследственным правителем и верховным вождем сербского народа. В 1812 г. Россия подписала с Турцией мир, включив в Бухарестский договор статью VIII об амнистии повстанцев и признании автономии Сербского княжества. Но эта статья не была выполнена Портой. Воспользовавшись тем, что европейские державы были заняты войной с Наполеоном, турецкие войска жестоко подавили восстание, в сентябре 1813 г. заняли Белград и, объявив джихад, расправились с повстанцами.

Первое сербское восстание положило начало серии выступлений народов Балканского полуострова против османского владычества. Дипломатия Европы заговорила о Восточном вопросе и судьбе Турции. Россия на протяжении ряда последующих лет требовала выполнения статьи VIII Бухарестского мира и признания автономии Сербии. В ходе восстания сформировались политические силы и личности, способные продолжать начатую борьбу.

14 – 3699

Второе сербское восстание. Борьба за автономию

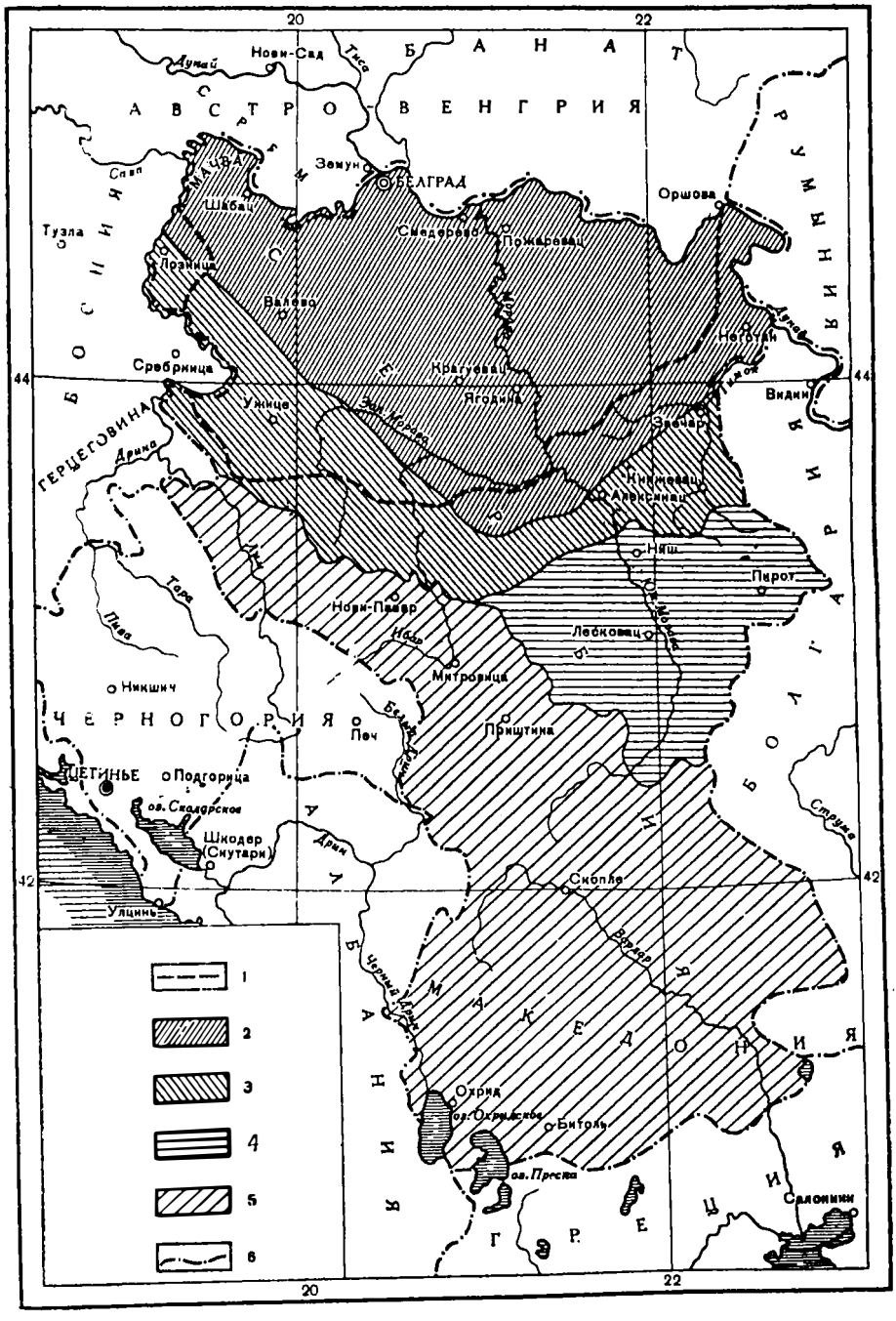
Участник Первого сербского восстания Милош Обренович (1780–1860) вскоре возглавил Второе сербское восстание (весна 1815 г.), успешный ход которого заставил турок пойти на переговоры с повстанцами и удовлетворить часть их требований. На протяжении последующих 15 лет Милош Обренович вел переговоры с Портой и при поддержке России стал первым сербским правителем, официально признанным султаном и основателем правящей сербской династии Обреновичей. Два крестьянина — вожди сербских восстаний Карагеоргий и Милош Обренович — стали родоначальниками необычных на фоне чопорных европейских дворов XIX в. двух династий на сербском престоле — Карагеоргиевичей и Обреновичей, сменявших друг друга в ходе ожесточенной борьбы с 1833 по 1903 г.

После завершения летом 1815 г. Второго сербского восстания на протяжении последующих 60 лет сербские правители вели мирную дипломатическую борьбу с Портой за признание автономии Сербии и расширение этой автономии. Большое значение в этой борьбе играла поддержка великих держав. До 1856 г. согласно условиям Кючук-Кайнарджийского мира единственным гарантом прав христиан Турции являлась Россия, но после поражения в Крымской войне ее сменили шесть стран-гарантов, подписавших Парижский мирный договор. В период с 1815 по 1830 г. русское правительство настаивало на реализации условий статьи VIII Бухарестского мира, повторяя и детализируя требование о предоставлении автономии Сербии в текстах Аккерманской конвенции (1826) и Адрианопольского мира (1829). В 1830–1833 гг. на основании договоренностей с Россией султан издал фирманы, предоставляющие Сербии (в границах Белградского пашалыка) автономию, а Милош Обренович был провозглашен наследственным сербским правителем — князем.

После признания Портой автономии Сербского княжества начинается второй этап освободительной борьбы сербского народа (1833 — 1878). Основным его содержанием было создание всех элементов государственности и выработка стратегии и тактики борьбы за полную независимость и расширение границ.

Становление и развитие автономного Сербского княжества при Милоше Обреновиче. «Турецкая» конституция 1838 г.

В 1833 г. автономное княжество Сербия, входившее в состав Османской Порты и обязанное платить дань султану, вступило на путь государственного строительства. Задача осложнялась не



Рост территории Сербии в 1815–1913 гг.

1 — границы Белградского пашалыка в конце XVIII в.; 2 — территория Сербии в 1815 г.; 3 — расширение территории в 1833 г.; 4 — расширение территории в 1878 г.; 5 — расширение территории после Балканских войн (1913); 6 — границы накануне первой мировой войны

только тем, что за 400 лет турецкого владычества были утрачены традиции национальной государственности, но и отсутствием национальной интеллектуальной и культурной элиты. Сербское общество составляли крестьяне. Не было ни национального дворянства, истребленного еще в ходе турецкого завоевания, ни даже цехового ремесленного сословия. За сравнительно короткий период, уже к началу XX в., в Сербии были созданы все необходимые атрибуты европейского государства: правительство, парламент, чиновничество, армия, полиция, банки, система медицинского обслуживания, широкая сеть просветительских учреждений от начальных школ до университета, учреждения культуры и искусства, инфраструктура, включающая сеть железных дорог. Вместе с тем патриархальный, крестьянский тип общества, общая экономическая отсталость страны наложили отпечаток и на характер власти, и на все стороны государственного развития.

Отличительной чертой политической жизни в Сербии была непрерывная борьба за власть. С одной стороны, это противоборство династий Обреновичей и Карагеоргиевичей, которые попеременно прорывались к власти и изгоняли соперников из страны. С другой — это борьба различных кругов сербского общества за ограничение власти князя. Формально Сербское княжество оставалось конституционной монархией, но фактически авторитарный режим сменялся в Сербии олигархическим.

1830–1839 гг. — период правления князя Милоша, вождя Второго сербского восстания, основателя династии Обреновичей. Неграмотный крестьянин, обладающий необходимыми правителю качествами — властностью, решительностью, последовательностью, он вместе с тем был хитер, изворотлив, лукав и корыстолюбив. Со своими политическими конкурентами Милош расправлялся жестоко. По его приказу в 1817 г. был убит вождь Первого сербского восстания Карагеоргий. Бывшие сподвижники Милоша по восстаниям хотя и поднялись наверх и получили почетные должности и большие наделы земли, оставленные турками, были недовольны деспотическим режимом правления Милоша и неоднократно открыто выступали против его произвола. В 1825 и 1826 гг. им удалось даже поднять против него народ с оружием в руках. Возмущение в народе вызывало и быстрое обогащение Милоша, и введенный им новый вид отработочной повинности в пользу князя (так называемый «княжеский кулук»). Хотя все выступления были подавлены Милошем, он все же вынужден был пойти на уступки «великашам» (владельцам больших наделов) и согласился принять ограничивающую его всевластие конституцию.

Текст конституции, разработанный юристами из Воеводины, включил в себя все достижения либеральной буржуазной мысли того времени. Она была утверждена князем в феврале 1835 г., в праздник Сретения, поэтому вошла в историю под названием Сретенская конституция. Ею не только существенно ограничивалась власть князя, определялись права парламента, разграничивались исполнительная и законодательная власть, но и гарантировались гражданские права и свободы (личности, совести, право частной собственности, равенство перед судом) и даже свобода печати в стране, где абсолютное большинство населения было неграмотным.

Эта конституция не вступила в действие из-за негативной реакции России, Австрии и Турции. Взамен нее Сербии в декабре 1838 г. была дарована султаном другая конституция, получившая название «Турецкая». Она расширила власть князя, но для контроля над ним передала законодательную власть олигархическому органу — Государственному совету. Составлявшие его 17 советников заставили Милоша в июне 1839 г. покинуть княжество. Власть перешла к наместничеству при несовершеннолетнем сыне князя Михаиле.

Правление Александра Карагеоргиевича и «уставобранителей». Внешнеполитическая программа Сербии «Начертание»

В 1842 г. князь Михаил также был вынужден бежать в Австрию, а к власти пришли противники Обреновичей. Они называли себя «защитниками конституции» («уставобранителями»). Приглашенный ими на сербский престол младший сын Карагеоргия Александр (1842 — 1858) был избран князем Народной скупщиной в 1843 г.

За 15 лет правления «уставобранители» укрепили государственно-бюрократическую систему и установили в стране полицейский режим. Законник 1844 г. статьей о защите частной собственности закладывал основы для развития экономики государства. Капитализация коснулась и сельского хозяйства, но процесс распада задруг шел медленно. Зато быстрыми темпами формировался новый класс-страта в сербском обществе — чиновничество. Эта необходимая составная часть государственного аппарата наделяется в Сербии особыми привилегиями и становится мощной опорой режима. Наряду с чиновниками-администраторами государство нуждалось в юристах, учителях, врачах, офицерах, землеустроителях, священниках, инженерах. Сотни молодых людей в 40–50-е гг. XIX в. были отправлены за государственный счет для обучения за границу — преимущественно во Францию, Пруссию, Австрию, позже в Россию. Эти крестьянские дети возвращались не

только обогащенные знаниями, но и приобщившиеся к новым либеральным и революционным идеям. Они составили ядро будущей сербской интеллигенции, определившей всю последующую политическую и экономическую стратегию сербского государства. Они же создали и первые сербские политические партии, определили направления сербской дипломатии, заложили основы развития сербской литературы и искусства. Выступая сначала единым фронтом за проведение радикальных преобразований в стране, они впоследствии стали непримиримыми врагами, поразному понимая пути осуществления этих преобразований. Общим для них было, пожалуй, лишь одно — стремление к объединению сербских земель и достижению полной государственной независимости.

Эта главная задача Сербии получила в 1844 г. вид официальной государственной программы. Составленная с помощью лидеров польской эмиграции, эмиссары которой приезжали в Сербию из Франции, программа, получившая название «Начертание», до 1918 г. была основой внешнеполитической концепции Сербии. Документ этот был секретным и содержал план создания сильного и обширного государства Великая Сербия. По мнению одного из создателей программы Илии Гарашанина, долгие годы руководившего внешней политикой Сербии, к Сербскому княжеству следовало присоединить прежде всего Боснию и Герцеговину, добиться выхода к морю. Для реализации этого плана велись переговоры с Черногорией о возможности объединения ее с Сербией. Планировалось поднять общебалканское антитурецкое восстание и заручиться поддержкой великих держав. «Начертание» определяло и приоритеты внутренней политики, среди которых главным было создание современной хорошо вооруженной армии.

Очередной кризис власти и смена династии произошли в 1858 г. в ходе так называемой Святоандреевской скупщины. Собрание народных посланников, начавшееся в Белграде в день св. Андрея (30 ноября), обвинило князя в злоупотреблении властью, поборах, в том, что скупщина не собиралась 10 лет. Лидировали на скупщине молодые сербские либералы Е. Груич, М. Янкович, М. Алимпич, выступавшие за решительную европеизацию Сербского княжества в духе современных им символов прогресса: реорганизацию системы судопроизводства, налогообложения, введение института политической ответственности правительства. К парламентаризму либералы шли вместе с консерваторами, недовольными Александром Карагеоргиевичем, правителем слабым, подверженным сильному австрийскому влиянию. В Сербию был вновь призван после 20-летней вынужденной эмиграции князь Милош Обренович, который установил, к глубокому разочарованию либералов, режим личной власти. За год своего правления

(1859–1860) он расправился с либералами, заключая их в тюрьмы и высылая из страны. Лишь с его смертью в сентябре 1860 г. и приходом к власти его сына Михаила возродились надежды на новую конституцию и реформы.

Сербское княжество при Михаиле Обреновиче (1860–1868). Создание Балканского союза

Князь Михаил придерживался курса реформ, но проводил их осторожно, умеренно, стараясь не провоцировать недовольство Порты и внутренней консервативно настроенной оппозиции. Скупщина созывалась им регулярно, но роль ее свелась к совещательной. Существенно были ограничены права ранее всевластного Государственного совета — он полностью комплектовался князем и подчинялся ему. Князь Михаил последовательно и плодотворно выполнял программу «Начертание». В 1861 г. был принят закон о народной армии, установивший всеобщую воинскую повинность. Сербская армия теперь в случае мобилизации достигала 90 тыс. человек, она обладала собственным, хотя и небольшим, офицерским корпусом. С 1862 по 1867 г. велись переговоры с Турцией о выводе турецких гарнизонов из шести сербских городов. В 1862 г. после вооруженного столкновения с жителями Белграда, поводом для которого послужило убийство турецкими солдатами сербского мальчика, турецкий гарнизон обстрелял город снарядами. Этот инцидент вызвал вмешательство держав-гарантов, и в 1867 г. Порта ликвидировала свои военные гарнизоны на территории Сербии.

В 1866 — 1868 гг. Сербия становится центром подготовки и создания блока антитурецких сил на Балканах — Балканского союза. Были подписаны секретные договоры с Грецией, Черногорией, Румынией, проведены переговоры с лидерами хорватских и болгарских национально-освободительных организаций, развернута широкая сеть агентов, готовящих восстание в Боснии и Герцеговине, Старой Сербии. Задачей Балканского союза было совместное выступление против Османской Турции, освобождение Балканского полуострова и раздел его территории между союзниками. Но эта задача осуществлена не была, так как весной 1868 г. лидер Балканского союза князь Михаил был убит в Белграде заговорщиками.

Регентство и Конституция 1869 г.

После смерти бездетного князя на престол вступил его 14-летний родственник Милан Обренович (1868–1889). В 1868 г. регенты

несовершеннолетнего князя во главе с председателем либерального правительства Йованом Ристичем (1831–1899) разработали проект новой конституции. Скупщина приняла ее летом 1869 г. Сербия объявлялась «конституционной монархией с народным представительством». Роль скупщины в политической жизни страны значительно возросла. Борьба за места в парламенте — новая черта политической жизни Сербии во второй половине XIX в. Ограничение прав скупщины только законодательной инициативой вызвало в последующие годы стремление к расширению ее полномочий. Наиболее радикальные требования в этом вопросе высказывали социалисты Светозар Маркович и Адам Богосавлевич.

В период регентства (1869–1872) находившиеся у власти либералы приняли ряд законов и постановлений, способствовавших развитию капиталистических отношений в стране и укреплению буржуазной государственности. Противниками их были как недовольные «свободами» консерваторы, так и стремившиеся к революционным преобразованиям радикалы. Борьба за власть между этими группировками, оформившимися в начале 80-х гг. в политические партии, становится основным содержанием внутриполитической жизни Сербии в конце XIX в.

Восточный кризис 1875–1878 гг. Сербо-турецкие войны. Признание независимости сербского государства

Во внешней политике либералы были сторонниками активных действий по осуществлению программы «Начертание». Они попытались реализовать ее в период *Восточного кризиса 1875–1878 гг.*, охватившего весь Балканский полуостров. После начала в 1875 г. восстания в Герцеговине и Боснии сербское правительство приступило к претворению в жизнь идей Балканского союза. Однако организовать, как планировалось, общебалканское восстание весной 1876 г. не удалось. Сербия все же решилась начать самостоятельно войну со своим сюзереном Турцией, заручившись поддержкой только одного союзника — Черногории. Война началась в июне 1876 г. и продолжалась четыре месяца. Сербское правительство, начиная эту заранее обреченную на поражение войну, рассчитывало на поддержку и вмешательство России. В том, что Россия выступит на стороне Сербии и объявит войну Турции, уверяли сербов славянофильские лидеры, представитель которых генерал М.Г. Черняев прибыл в Сербию перед началом боевых действий и возглавил один из фронтов. Около 5 тыс. русских добровольцев прибыли в Сербию, чтобы участвовать в войне, однако силы были неравны, и в октябре 1876 г. Сербия перед угрозой полного разгрома заключила перемирие с Турцией.

Обескровленная и разоренная войной страна, принявшая десятки тысяч беженцев из Боснии и Герцеговины, с трудом решилась присоединиться к русской армии, вступившей в апреле 1877 г. в войну с Турцией. Только после решительного перелома в русско-турецкой войне 1877—1878 гг. — взятия Плевны и перехода русской армии через Балканские горы, сербское правительство объявило в декабре 1877 г. о возобновлении войны с Турцией в союзе с Россией. Однако результаты войны, определенные условиями Берлинского трактата (июль 1878 г.), разочаровали сербов и подорвали престиж либерального правительства. Сербия признавалась полностью независимым княжеством, получала четыре новых округа с населением в 300 тыс. человек, но главная задача — присоединение Боснии и Косово — выполнена не была. Более того, Босния и Герцеговина были оккупированы согласно условиям трактата Австро-Венгрией, что делало дальнейшие притязания Сербии нереальными. Выход к морю был закрыт. С этого времени Босния становится объектом австро-сербского спора.

ЧЕРНОГОРИЯ В БОРЬБЕ ЗА САМОСТОЯТЕЛЬНОСТЬ (конец XVIII в. — 1878 г.)

Черногория в конце XVII — начале XIX в. юридически представляла собой составную часть Османской империи, но фактически уже с конца XVII в. была самоуправляющейся областью. Ее вассальные отношения с Портой сводились лишь к уплате дани, которая, впрочем, поступала весьма нерегулярно. Небольшое горное бесплодное пространство с населением около 80 тыс. человек при полном отсутствии городов и четко определенных границ — такой была Черногория в начале XIX в. Центром ее являлся Цетинский монастырь, вокруг которого было разбросано несколько домов черногорских старейшин.

Специфика положения Черногории заключалась в ее географической изолированности горами от других частей империи. Единственной контактной зоной с христианскими государствами был район Боки Которской, до 1797 г. принадлежавший Венеции, а затем перешедший под австрийское управление. Здесь черногорцы обменивали продукты своего хозяйства на соль, боеприпасы, домашнюю утварь. Экономическое положение черногорских земель, где единственной отраслью хозяйства являлось разведение овец и коз на скудных растительностью склонах гор, было бедственным, и, если бы не помощь России, которая с конца XVIII в. почти ежегодно снабжала Черногорию хлебом, стране угрожал бы голод. Черногория не имела ни развитых ремесел,

ни дорог. Различие в имущественном положении племенных старейшин и рядовых черногорцев было минимальным.

Приобретение плодородных земель в долинах Герцеговины, в районе Скадарского озера и Приморья рассматривалось вследствие этого в Черногории как насущная необходимость. Расширение территории, выход к морю наряду с задачей получения официальной независимости становятся политической программой черногорских правителей вплоть до 1878 г.

Черногорские митрополиты Петр I и Петр II во главе страны

Во главе Черногории в конце XVIII и в первой половине XIX в. стояли духовные лица — черногорские митрополиты, а с 1851 г. светские правители — князья. Причина полутеократического характера государственной власти Черногории в первой половине XIX в. была не только в той особой объединяющей роли, которую традиционно играла православная церковь для разрозненных черногорских племен, но и в характере черногорско-русских отношений. Согласно условиям Кючук-Кайнарджийского мира Россия являлась покровительницей единоверцев в Османской Турции. Принимая у себя черногорского митрополита, оказывая материальную помощь черногорскому населению, русское правительство внешне соблюдало принцип невмешательства во внутренние дела Порты, объясняя свои действия лишь помощью православным.

Основными задачами черногорских правителей в XIX в. во внутренней жизни Черногории были:

- преодоление разобщенности и вражды черногорских племен;
- централизация власти, организация государственного аппарата управления и безусловное подчинение племенных старейшин правителю;
- ликвидация пережитков родопатриархального уклада жизни, таких как кровная месть, самосуд, другие проявления обычного права;
- формирование отрядов регулярной армии.

Национальные задачи Черногории требовали консолидации всех сил, а страна постоянно находилась в междоусобных распрях. Черногорские племена (негуши, пиперы, васоевичи, куча, белопавливичи и др.) традиционно враждовали между собой. Задачу прекращения племенной розни решали правившие Черногорией в первой половине XIX в. духовные владыки, митрополиты из племени негушей Петр I Негош (1782–1830) и Петр II Негош (1830–1851).

Во время правления Петра I Негоша был принят «Законник» (1798), регулирующий имущественные отношения, сформировано правительство и создан прообраз государственного аппарата — Народная канцелярия. На основании статей «Законника» митрополит и его правительство, преодолевая сопротивление племенных старейшин, пытались решать гражданские и уголовные дела, организовать сбор налогов для поддержания центральной власти. Петр I продолжал совершенствовать «Законник», вносил в него новые статьи, чтобы реформировать и систему управления краем.

В этой своей деятельности он опирался на поддержку России. Особенно тесными были контакты Черногории и России в период наполеоновских войн, когда разрабатывался даже русский план создания на Балканах автономных или независимых государств в качестве заслона Наполеону. Центральная роль здесь отводилась Черногории. Однако после Тильзитского мира Россия отказалась от этой мысли, и черногорский владыка безуспешно пытался добиться хотя бы присоединения к Черногории отвоеванной черногорцами у Наполеона Боки Которской. Несмотря на неудачу своих внешнеполитических инициатив и некоторое ослабление черногорско-русских связей, Петр I Негош оставил своему племяннику и преемнику Петру II Негошу наказ: «Богу молись и России держись», которому следовали черногорские правители и в последующие времена.

Черногорский владыка Петр II Негош за свою недолгую 37-летнюю жизнь успел проявить себя как незаурядный политический деятель, искусный дипломат, храбрый военачальник и талантливый поэт. Он не только упрочил авторитет Черногории, но и провел целый ряд важных преобразований внутри страны. К их числу относятся создание высшего административного и судебного органа страны — Правительствующего совета — взамен упраздненного правительства, формирование основы регулярной армии — гвардии, усовершенствование системы налогов. Петр II сумел добиться уточнения черногорско-герцеговинской и черногорско-австрийской границ. Отношения с Россией не всегда были ровными. Инициативы черногорского владыки вызывали недовольство правительства Николая I, но денежные субсидии Черногория получала регулярно, и они были главной и фактически единственной доходной статьей государственного бюджета. Петр II был сторонником югославянского объединения, поддерживал сербскую программу «Начертание» и склонялся к объединению Сербии и Черногории под скипетром сербской династии. Главной политической задачей для него было приобретение Черногорией независимости.

Установление светского правления князей из династии Пётровичей

Эта задача после скоропостижной смерти в 1851 г. Петра II Негоша решалась и следующими черногорскими правителями — князьями Данилой (1851—1860) и Николой (1860—1918). Данило Пётрович, племянник Петра II Негоша, не захотел принять монашество, стал светским правителем и в сентябре 1852 г. провозгласил себя князем Черногории. Для упрочения финансового положения страны он ввел подоходный налог, таможенные пошлины, принял новый кодекс законов. Так называемый «Законник князя Данилы» декларировал равенство всех черногорцев перед законом, определял права и обязанности князя и других должностных лиц, регулировал семейные и имущественные отношения. Законник, составленный в соответствии с европейскими нормами буржуазного права, был важным инструментом для проведения политики централизации и стабилизации.

Князь Данило также стремился к расширению черногорской территории. В результате успешных боевых действий в 1858 г. и победы черногорцев над турецкой армией при Грахове было проведено при содействии великих держав черногорско-турецкое разграничение и расширение Черногории в сторону Герцеговины и Скадарского санджака, что увеличило население Черногории до 130 тыс. человек, а ее территорию — до 5 тыс. кв. км.

Наследовавший после смерти князя Данилы черногорский престол его племянник Никола направил все усилия на приобретение Черногорией независимости. Эту задачу он стремился решать совместно с Сербией. Черногория в 1867 г. присоединилась к Балканскому союзу и участвовала в выработке плана совместных боевых действий. Князь Никола претендовал на лидерство в союзе и даже рассчитывал занять престол объединенного сербо-черногорского государства. Соперничество его с сербскими династиями Обреновичей и Карагеоргиевичей продолжалось до 1918 г.

В 60-е гг. XIX в. Черногория укрепляла свои вооруженные силы, получая поддержку Сербии и России. С начала восстания 1875 г. в Герцеговине и Боснии она оказывала повстанцам военную и материальную помощь. В июле 1876 г. Черногория вступила в войну с Турцией и вела ее сначала в союзе с Сербией, а с апреля 1877 г. и вплоть до окончания русско-турецкой войны 1877—1878 гг. в союзе с Россией.

Несмотря на то что территориальное приращение Черногории было существенно урезано Берлинским трактатом по сравнению с Сан-Стефанским мирным договором, все же изменение в положении страны было кардинальным. Она получила

независимость, выход к морю в районе городов Бар и Ульцинь, а также плодородные земли с городами Подгорица, Никшич, Колашин и Жабляк.

БОСНИЯ И ГЕРЦЕГОВИНА В СОСТАВЕ ОСМАНСКОЙ ТУРЦИИ (конец XVIII в. — 1878 г.)

Особенности политического, этноконфессионального положения Боснийского эялета

Боснийский эялет, куда входили Босния и Герцеговина, существенно отличался от других территорий Османской Турции, заселенных славянами. Пограничный Боснийский эялет был удален и изолирован от центра империи труднопроходимыми горами, что обусловило периферийный характер его политического и экономического развития. В хозяйственном отношении Босния и Герцеговина были территориями чисто аграрными, со слаборазвитыми городами, где сохранилось до конца XIX в. цеховое устройство ремесел. Одной из важнейших статей дохода провинции являлась торговля, преимущественно транзитная, поскольку Босния и Герцеговина были исторически сложившимся перекрестком торговых путей с Запада на Восток.

Своей этноконфессиональной структурой Босния и Герцеговина также отличались от других балканских провинций Порты. Население провинции было по преимуществу славянским, с небольшой долей турецкого, еврейского и цыганского элементов. Славяне в свою очередь делились до середины XIX в. не по этническому, а по конфессиональному признаку на мусульман, католиков и православных, причем из всех славянских территорий Турции только в Боснии и Герцеговине сохранилась исламизированная славянская знать. Данные о точной численности населения и принадлежности его к различным конфессиям до 1878 г. весьма противоречивы. Официальная турецкая перепись 1851 г., проведенная не подушно, а по дворам, определяла число жителей Боснии и Герцеговины в 1 077 000 человек, где 43% составляли православные, 34 — мусульмане, в том числе турки, и 23% — католики. Около 2 тыс. евреев-сефардов были сосредоточены в районе Сараева.

Города Боснии и Герцеговины Сараево (20 000 жителей — самый крупный город), Травник, Мостар, Баня Лука были заселены преимущественно мусульманами. В них развивалось ремесло, они же были центрами торговли и административного управления краем. Столица провинции попеременно находилась то в Травнике, то в Сараеве. Местные феодалы Боснии и Герцеговины —

аяны — к началу XIX в. фактически владели земельными наделами, на которых работали как крестьяне-мусульмане, так и крестьяне-христиане. Этнических турок в провинции было очень мало, как правило, они присылались для занятия административных должностей и недоброжелательно воспринимались местной боснийско-герцеговинской знатью. К середине XIX в. в ходе ликвидации спахийского землевладения старую родовую знать — аянов — начинают теснить владельцы земельных наделов, полученных по воле чиновников из центра или боснийского визиря. Эта новая знать, часто пришлая, именуемая по титулам янычарских военачальников агами и бегами, образовала новый класс собственников модернизированного феодального общества — беговат.

В Боснии и Герцеговине мусульманские традиции и их культура получили широкое развитие через сеть духовных школ и училищ, распространение дервишских орденов. Боснийский эялет был оплотом традиционного мусульманства, яростно сопротивлявшегося любым попыткам реформ, в том числе и попыткам европеизации администрации и армии. Даже изменение вида чалмы в 1830 г. вызвало протесты мусульман Боснии. Архитектура и градостроительство Боснии и Герцеговины представляют собой блестящие образцы балканской мусульманской культуры.

Христианская же церковь и культура в Боснии и Герцеговине были в конце XVIII в. — 1878 г. значительно слабее. Особенно это касалось Православной церкви, где иерархи, по большей части греки, назначались Вселенским патриархом. Они зачастую тесно сотрудничали с властями, оказывая им порой и осведомительские услуги. Католическая церковь на территории Боснии и Герцеговины была представлена орденом францисканцев. Францисканские священники очень плодотворно трудились в Боснии и Герцеговине, открывая монастыри и католические школы при них. Успеху их деятельности способствовали как прозелитистская политика Ватикана, так и наличие обширных контактных зон, ибо с севера и запада Босния и Герцеговина были окружены католическими территориями Хорватии и Славонии, а также Далмации — известного центра католической культуры Средиземноморья.

Упадок православной культуры, укрепление католицизма и прочные позиции исламского традиционализма в первой половине XIX в. не были главной причиной внутренней нестабильности Боснии и Герцеговины, сотрясаемых в 30—70-е гг. серией восстаний. Этноконфессиональные конфликты начинают обостряться лишь во второй половине XIX в., а своего апогея достигают в конце XX в.

Феодальный сепаратизм боснийской знати. Восстания первой половины XIX в.

В первой половине XIX в. основные проблемы внутреннего развития Боснии и Герцеговины были связаны прежде всего с решением экономических и политических задач. Такой задачей являлась борьба за самостоятельность Боснии и Герцеговины, за выход ее из подчинения центру империи. Причем в первой половине XIX в. во главе движения стояли местные мусульманские феодалы, а в начале 50-х гг. с лозунгами автономии выступают лидеры христианских крестьянских движений. И в первом и во втором случаях восстания были тесно связаны с общеимперским процессом попыток реформирования военно-ленной системы, получившего в исторической литературе название «модернизация феодализма».

Босния и Герцеговина в силу своего периферийного положения и довольно прочных позиций местной знати в первой половине XIX в. были центром феодального сепаратизма на Балканах и ядром сопротивления реформам в Османской Турции. Это проявлялось и в период реформаторской деятельности Селима III, а особенно во время правления султана Махмуда II (1808–1839). Реформы этого времени были направлены на централизацию государственного управления и укрепление феодально-абсолютистского режима с целью приспособить к новым условиям экономику страны. Стремясь ликвидировать центробежные явления и централизовать административное управление, Порта ожесточенно боролась с местным феодальным сепаратизмом и особенно против укрепившейся прослойки феодалов-аянов, возвысившихся на окраинах империи. Во второй половине 20-х гг. XIX в. был распущен янычарский корпус (1826), проведена военная реформа, правительству удалось ослабить влияние ряда дервишских орденов, оказывавших помощь сепаратистам, началась реорганизация государственного аппарата. В течение 30-х гг. эти преобразования продолжались как в военной, так и в гражданской сферах. Модернизация государства началась со всеобщей переписи, введения паспортной системы, учреждения регулярной почтовой службы.

В экономической области самым важным здесь был декрет 1833 г. о ликвидации спахийской системы. Держатели тимаров и зиаметов превращались в рядовых государственных служащих. Эти действия вызвали вооруженное сопротивление боснийско-герцеговинских феодалов, продолжавшееся до 60-х гг. Так, ликвидацию спахийской системы в Боснии и Герцеговине не удалось провести ни в 1833 г., ни в 1836 г., ни в 1843 г. Лишь с введением в 1856 г. «Земельного закона» можно говорить о замене спахийского

землевладения и усилении процесса читлучения, отмены барщины. В отличие от других чисто мусульманских районов империи в Боснии и Герцеговине крестьяне не получили наделы в собственность, они фактически перешли на отношения субаренды.

Для проведения хотя бы частично реформ в Боснии и Герцеговине Порте пришлось вести вооруженную борьбу с местным сепаратизмом. Особенно ярко это проявилось в начале реформ танзимата 30—50-х. гг. Выбрав своим вождем местного боснийского военачальника Гуссейн-пашу, боснийские феодалы в 1831 г. выступили против султана за самоуправление Боснии и Герцеговины, их поддержал и скадарский паша. В 1833 г. восстание было подавлено и проведен ряд мероприятий по усилению роли наместника султана.

Вторая волна сопротивления реформам прокатилась в 40-е гг., после попыток проведения в жизнь Гюльханейского хатт-и-шерифа 1839 г., провозгласившего равенство всех подданных султана, как мусульман, так и «неверных». Так, в 1846 г. мусульманские аяны в районе Сребреницы под руководством Рустенбега выступили против боснийского визиря и даже просили помощи у княжества Сербии. Лишь после направления в 1851 г. специального экспедиционного корпуса во главе с известным военачальником Омер-пашой Латасом удалось подавить волну сепаратистского движения местных феодалов и начать проведение реформ, в том числе и административных.

Босния и Герцеговина в планах Сербии и Черногории

В 40—50-е гг. наряду с сепаратистскими выступлениями в Боснии и Герцеговине усиливаются волнения христианского населения против мусульманского владычества. Экономическое по сути, направленное на ликвидацию феодальных форм эксплуатации, это движение принимает постепенно национально-освободительную окраску. Происходило это во многом под воздействием усиленной сербской и черногорской политической агитации, что связано прежде всего с попытками проведения в жизнь государственно-политической концепции Сербского княжества «Начертание», где присоединение Боснии и Герцеговины занимало центральное место. В эти же годы активную пропагандистскую деятельность среди католиков Боснии и Герцеговины ведут деятели хорватского национального Возрождения, порой действуя до начала 70-х гг. совместно с сербами.

Для Герцеговины важное значение имели планы черногорских правителей о территориальном расширении Черногории за ее счет. Черногория поддержала серию восстаний христианского

населения в Герцеговине, требовавшего изменить характер аграрных отношений. Так, под руководством Луки Вукаловича с 1852 по 1862 г. прошло три восстания. Наряду с традиционными требованиями уравнивания в правах с мусульманами восставшие выдвинули лозунг присоединения Герцеговины к Черногории. В результате совместных боевых действий герцеговинских повстанцев и черногорских отрядов юго-восточная часть Герцеговины перешла де-факто под управление Черногории. Другой лидер боснийско-герцеговинских повстанцев Мичо Любибратич пытался поднять в 60-е гг. восстание под лозунгом совместной борьбы христиан и мусульман за социальное освобождение и автономию Боснии.

В 1867—1868 гг. в ходе подготовки и создания Балканского союза активизируется сербская пропаганда в Боснии и Герцеговине, прилагаются большие материальные и организационные усилия Сербского княжества для организации антитурецкого восстания в эялете.

Восстание 1875—1878 гг. Оккупация Боснии и Герцеговины Австро-Венгрией

Социальные, национальные, политические требования особенно четко были сформулированы в ходе крупнейшего восстания в Боснии и Герцеговине в XIX в. — восстания 1875—1878 гг. Именно в этот период произошло кардинальное изменение карты Балканского полуострова и определилась судьба Боснии и Герцеговины. Лидеры восстания разрабатывали программы переустройства этих провинций. Особенно выделялась программа Васы Пелагича, предлагавшего включить Боснию в будущую федерацию демократических республик. Наряду с такими радикальными предложениями выдвигались и более умеренные, среди которых наибольшей поддержкой пользовалась программа присоединения Боснии к Сербии, а Герцеговины к Черногории. В случае неудачи этого плана созданное повстанцами осенью 1877 г. так называемое «боснийское правительство» намеревалось добиваться для Боснии и Герцоговины автономии в составе Османской Турции.

Но судьба Боснии и Герцеговины была предрешена уже летом 1876 г. в ходе переговоров российского и австрийского императоров в Рейхштадте (Чехия). Официальное подтверждение русско-австрийской договоренности по вопросу о Боснии и Герцеговине было закреплено Будапештской конвенцией 1877 г. Согласно этому документу Россия в обмен на нейтралитет в предстоящей русско-турецкой войне соглашалась на оккупацию Боснии и Герцеговины Австро-Венгрией после окончания войны. Опоздавшая

к колониальным переделам, лишившаяся части своих территорий в результате итальянского освободительного движения и утратившая лидерство в Центральной Европе после австро-прусской войны, Австро-Венгрия устремилась на Балканы. Присоединение Боснии и Герцеговины уже в конце 60-х гг. становится частью тайной политической программы Австрии. Несмотря на протест местного населения, как христианского, так и мусульманского, и на его вооруженное сопротивление, Австро-Венгрия оккупировала Боснию и Герцеговину согласно решениям Берлинского трактата осенью 1878 г. На протяжении последующих 40 лет Босния и Герцеговина являлись составной частью империи Габсбургов.

РАЗВИТИЕ НЕЗАВИСИМЫХ СЛАВЯНСКИХ ГОСУДАРСТВ СЕРБИИ И ЧЕРНОГОРИИ В 1878–1914 гг.

Подписание Берлинского трактата знаменовало новый этап в развитии сербской и черногорской государственности — становление независимых государственно-политических структур. Оформление нового международно-правового положения Сербии и Черногории — учреждение дипломатических представительств, участие в международных организациях и конференциях, устройство пограничной службы, введение собственной валюты — должно было способствовать интегрированию их в европейскую межгосударственную систему. Вместе с тем нерешенность задач национального объединения, консолидации земель определяли для молодых балканских государств приоритеты их внешнеполитического курса и специфику внутреннего развития. Стратегические цели национального объединения и территориального расширения обусловливали поиск партнеров-гарантов среди великих держав и союзников среди балканских государств. Основные усилия Сербии и Черногории в 1878–1912 гг. были направлены на стабилизацию политических режимов, модернизацию экономики, выравнивание уровней развития территорий, реформирование армий. Но даже общность внешнеполитических задач не смягчила напряженности в отношениях между двумя государствами, усиливаемой постоянным соперничеством правящих династий Сербии и Черногории. Борьба за лидерство в случае возможного объединения осложняла вероятность договоренности о совместном выступлении против Турции. Лишь после аннексии Боснии и Герцеговины в 1908 г. и очередного осложнения на Балканах Сербия и Черногория начали переговоры о военно-политическом союзе. На этой основе оба государства участвовали в Балканских войнах 1912–1913 гг. и затем в первой мировой войне 1914–1918 гг.

Основные проблемы развития Сербии в 1878–1914 гг.

13 августа 1878 г. была торжественно провозглашена независимость Сербии. Территория страны по Берлинскому трактату увеличилась на 11 тыс. кв. км и составила 48 тыс. кв. км. Население

Сербии в национальном отношении было гомогенным, свыше 90% из 2,5 млн ее жителей составляли сербы. Экономика страны носила чисто аграрный характер, и 84% населения были заняты в сельском хозяйстве. 23 небольших города с населением примерно в 3–5 тыс. человек каждый тесно смыкались с селами и слабо напоминали европейские городские центры. Самый крупный город страны — ее столица Белград — насчитывал к концу XIX в. около 35 тыс. жителей. Водопровод и электричество были проведены здесь лишь в 90-е гг. В целом сербские города были административными, а не промышленными центрами. Экономически неразвитая, при практически полном отсутствии промышленных предприятий Сербия все же занимала лидирующее место среди молодых балканских государств, традиционно оставаясь центром общебалканской борьбы против Турции.

Сербское независимое государство, которое в 1882 г. стало именоваться королевством, просуществовало с 1878 по 1918 г. За 40 лет независимого существования Сербия прошла через четыре войны (1885 г. — война с Болгарией, 1912–1913 гг. — Первая и Вторая Балканские войны, 1914–1918 гг. — первая мировая война). Нестабильным был и ее политический режим: один король — Милан Обренович — был изгнан из страны в 1889 г., другой, его сын Александр, — убит заговорщиками в 1903 г., после чего произошла смена династий (Обреновичей на Карагеоргиевичей). Бурные события политической жизни Сербии на протяжении этих 40 лет разворачивались на фоне сложных общеевропейских экономических и политических процессов, складывания новых военно-политических блоков и союзов, борьбы за передел сфер влияния.

Модернизация всего комплекса сербской государственной жизни требовала прежде всего стабильной политической системы, консолидации общественно-политических сил Сербии для решения государственных задач. Король Милан Обренович не обладал необходимой для этого политической мудростью. Его стремление к авторитарному режиму, неуравновешенный нрав, колебания внешнеполитической ориентации во многом подорвали престиж династии Обреновичей. Для традиционного балканского общества большое значение имел фактор харизматического вождя нации. Король Милан этой роли не соответствовал.

Основной ареной борьбы за власть в 70–80-е гг. XIX в. становится сербский парламент — скупщина. Для расширения ее прав было необходимо принятие новой конституции. Этому активно противились как сам король, так и руководство либеральной партии. По мнению правительственных кругов, которые состояли из сторонников «твердой руки» и умеренного либерального курса, основными задачами были: укрепление финансов, создание

банковской системы, реорганизация и модернизация сербской армии (на что уходило более трети бюджета), строительство железных дорог и формирование новой инфраструктуры; в общественно-политической жизни — укрепление личного режима Обреновичей и постепенный переход к либеральным европейским политическим институтам.

Радикальное движение и становление политических партий в Сербии

Основными противниками правительства в 70—80-е гг. выступила группа молодых патриотов с программой, совмещавшей требование широких демократических преобразований в стране в духе западного либерализма и сохранения традиционных общественных институтов и ценностей. Лидером этого направления был Никола Пашич (1845—1926), обладавший основательной политической подготовкой и опытом парламентской деятельности. Еще в начале 70-х гг. он входил в социалистический кружок Светозара Марковича, сотрудничал с русской революционной эмиграцией. В 1881 г. под его руководством оформляется наиболее значительная в Сербии политическая партия — Радикальная партия Сербии. В самом названии печатного органа партии — «Самоуправа» («Самоуправление») — отражалась основная программная установка радикалов — расширение местного самоуправления на основе традиционных локальных скупщин. Программа партии была опубликована в первом номере газеты (январь 1881 г.) и провозглашала борьбу с усилением бюрократического слоя, требование «дешевого государственного аппарата», строгой отчетности и ответственности правительства перед скупщиной, расширения гражданских прав, всеобщего и равного избирательного права. Партия получила широкую поддержку крестьян и завоевала большинство на выборах в скупщину в 1883 г.

Сельское население Сербии составляли собственники небольших земельных наделов, и их права на эти наделы гарантировались государством. Еще в 1865 г. был принят закон, согласно которому даже за долги крестьянин не мог быть лишен минимума земельного надела, составляющего 3,5 га. Имущественная и социальная дифференциация на селе была очень незначительной. Сербское село во многом представляло собой самодостаточный организм, где практически не было процессов пауперизации или быстрого обогащения. «Раем маленького человека» называли Сербию иностранные путешественники, пораженные естественным «демократизмом» сербской сельской жизни. Радикальная партия

хорошо знала ситуацию в деревне. На протяжении нескольких лет разрабатывала она свою программу создания демократического государства, стремясь максимально использовать существующую социальную структуру общества, не допустить его расслоения и неуправляемой капитализации. Лидеры партии пытались совместить социалистическое учение с охраной частной собственности и защитой мелкого собственника. Задачи просвещения, гражданского воспитания они сочетали с развернутой программой внутренней экономической модернизации и внешнеполитической деятельности по объединению сербского народа в одно государство.

В ответ на оформление Радикальной партии в том же 1881 г. о создании партий объявили либералы (лидер — Йован Ристич) и прогрессисты (лидер — Чедомиль Миятович). Эти две партии также выступали за реформирование общественно-политической и экономической жизни, но при сохранении примата центральной власти, являлись сторонниками жесткой централизации и этатизма. Либералы и прогрессисты расходились по вопросу о методах проведения модернизации в стране, а также в выборе внешнеполитической ориентации Сербии. Либералы традиционно отстаивали курс опоры на Россию, прогрессисты считали более выгодным партнерство с соседней Австро-Венгрией.

Прогрессисты находились у власти с 1880 по 1887 г. Объявив своей целью преобразование патриархальной страны в современное европейское государство, они активно способствовали модернизации сербской экономики, развернули железнодорожное строительство, активно привлекали иностранные займы. Для реализации поставленных задач они использовали полицейский режим, вели наступление на права скупщины, ужесточили цензуру и привлекали специальные военные подразделения для подавления беспорядков внутри страны.

Все три партии видели главную внешнеполитическую задачу в территориальном расширении государства, поэтому особенно большое внимание уделялось модернизации армии, совершенствованию законов о воинской повинности.

Межпартийные разногласия король Милан использовал для укрепления личного режима. Главный удар был направлен им в 1883 г. на радикалов. В качестве повода для запрещения партии и судебного преследования ее руководителей он использовал восстание, вспыхнувшее осенью 1883 г. в восточных районах Сербии и получившее название Тимокское (по р. Тимок). Восстание носило стихийный характер и было спровоцировано реквизицией стрелкового оружия у резервистов. Радикалы попытались придать восстанию антиправительственный характер. Оно было жестоко

подавлено: 890 участников восстания были осуждены на различные сроки тюремного заключения, 20 человек — расстреляны. В организации восстания была обвинена Радикальная партия. С 1883 по 1887 г. эта партия находилась на нелегальном положении, а ее лидер Никола Пашич был в эмиграции.

Кризис режима короля Милана Обреновича

Престиж короля Милана и его правительства был серьезно подорван неудачной для Сербии войной с Болгарией. В сентябре 1885 г. по совету своих внешнеполитических партнеров Австро-Венгрии и Германии Сербия напала на Болгарское княжество. Попытка использовать сложное политическое положение молодого болгарского государства, обусловленное воссоединением с Восточной Румелией, закончилась через месяц поражением Сербии.

Король Милан был вынужден пойти на переговоры с оппозиционерами. Радикальная партия вышла из подполья. Лидеры Радикальной партии поставили перед королем жесткие требования: принятие новой конституции и отречение от престола. Король вынужден был их выполнить. Конституция была принята на основе разработанного радикалами и либералами проекта в декабре 1888 г., а в январе 1889 г. король Милан отрекся от престола в пользу своего 12-летнего сына Александра. Милан получал пенсию от правительства на условии, что навсегда покинет Сербию. При малолетнем короле был создан регентский совет из трех наместников, одним из которых вновь, как и в 1868 г. при несовершеннолетнем Милане, стал Йован Ристич.

Конституция 1888 г. Радикалы у власти

Конституция 1888 г. носила демократический характер. Она расширяла права граждан, гарантировала политические свободы, отменяла смертную казнь за политические преступления, запрещала присваивать или признавать дворянские титулы. Тем самым радикалы продолжали свою линию на предотвращение классовой дифференциации общества. В то же время новая конституция не полностью отвечала программным установкам радикалов. Сохранялся имущественный ценз при выборах в скупщину, правда, он был относительно невелик. Не до конца был решен в конституции и вопрос о правах общинного самоуправления. Закон об общинах, по которому свободно избираемые крестьянами и горожанами органы местного самоуправления — скупщины общин — обладали законодательной инициативой на окружном и срезском уровнях, был принят в 1889 г. Права местного самоуправления,

не зависимого от полицейских властей и государственной администрации, были существенно расширены.

Радикальные кабинеты находились у власти более трех лет, до 1892 г. За это время они провели в жизнь ряд законов, направленных на усиление ответственности правительства перед скупщиной. Большое внимание было уделено государственной инициативе в развитии железнодорожного строительства и создании промышленности. Были национализированы железные дороги, введена государственная монополия на производство табачных изделий и соль.

Правление Александра Обреновича (1893–1903). Экономическая и политическая ситуация в королевстве Сербия

Однако радикалам не пришлось довести свои реформы до конца. 1 апреля 1893 г. Александр Обренович фактически совершил государственный переворот, объявив себя совершеннолетним и распустив регентский совет. Через год он отменил конституцию 1888 г. и восстановил Конституцию 1869 г. В январе 1894 г. в страну вернулся король Милан и фактически стал соправителем своего сына. Последующие десять лет правления Обреновичей характеризуются постоянной правительственной чехардой (сменилось 15 кабинетов), свертыванием парламентаризма, открытым наступлением на Радикальную партию и усилением личного режима короля.

Вместе с тем начиная с 1878 г. в стране различными правительствами последовательно проводится курс на европеизацию всех сторон общественной жизни — совершенствование медицинского обслуживания, развертывание системы средств связи, модернизация сельского хозяйства, создание племенного скотоводства. В бюджете Сербского королевства 7% выделялось на просвещение и развитие культуры. Очень быстрыми темпами развивалась средняя школа, начальное образование повсюду было бесплатным, а процент грамотности населения, в том числе и среди женщин, достаточно высоким для крестьянского общества. Соперничество партий по реализации своих программ, парламентская борьба, совершенствование конституции способствовали поиску путей превращения Сербии в цивилизованное европейское государство.

Большое значение для очень слабой промышленности, представленной в основном пищевой и обрабатывающей отраслями, имело строительство железных дорог. Первая железная дорога связала Белград и Ниш в 1884 г., а к концу века внутренние железнодорожные линии уже составляли 600 км. При строительстве

дорог не обошлось без афер, взяток, иностранных концессий, что было во многом обусловлено заключением в 1881 г. австро-сербской торговой и таможенной конвенции.

Переориентация сербского внешнеполитического курса на Австро-Венгрию и отход от традиционных консультаций с Россией диктовались не только сложным положением династии Обреновичей, связанным с разочарованием итогами Берлинского договора в сербском обществе, но и изменением общей структуры европейских блоков и союзов в последней четверти XIX столетия. Сербия имела с Австро-Венгрией после оккупации Боснии и Герцеговины наиболее протяженную государственную границу, 60% сербского импорта и 93% экспорта Сербии приходились на Австро-Венгрию. Поэтому вполне логичными были тесные политические связи двух государств и терпимость Сербии по отношению к австрийской экономической экспансии на Балканах. Зависимость от Австрии выражалась и в системе займов, и в функционировании в Сербии в качестве основного банка венского «Лагербанка». Попытки создания национального банка в 70-е гг. закончились неудачей.

К 1903 г. в стране произошли необратимые изменения в сторону технического прогресса, просвещения, модернизации экономики, европеизации общества, выросла политическая активность населения. Традиционализм постепенно уходит из политических программ и деклараций политических партий. Существенную эволюцию претерпела и сама партийная жизнь Сербии, к концу 90-х гг. Либеральная и Прогрессистская партии сошли с политической арены. Радикальная партия эволюционировала от радикального демократизма к буржуазному реформизму.

Режим Обреновичей между тем оценивался общественным мнением Сербии как тормоз на пути прогресса страны. Недовольство этим режимом, его внешнеполитической ориентацией усилилось к 1901–1902 гг. после смерти Милана Обреновича и безуспешных попыток короля Александра укрепить авторитет власти. В результате заговора тайной офицерской организации король и королева были убиты в мае 1903 г. В ходе кровавой расправы, происшедшей ночью в королевском дворце, погибли председатель правительства и военный министр, а также ряд близких Александру Обреновичу лиц. К власти в стране пришла находившаяся 45 лет в эмиграции династия Карагеоргиевичей. Королем в августе 1903 г. был провозглашен внук вождя Первого сербского восстания Карагеоргия Петр Карагеоргиевич (1903–1921). С 1911 г. соправителем Петра стал его сын, Александр Карагеоргиевич, выпускник русского Пажеского корпуса.

Внутренняя и внешняя политика Сербии в 1903–1914 гг.

Следующие десять лет сербской истории (1903–1914) проходят под знаком активизации внешнеполитических устремлений Сербии. Намечен путь решения национальных задач — вооруженная борьба в союзе с другими балканскими государствами. Окончательно определяется международная ориентация Сербии на Россию и военный блок Антанту. С 1904 г. нарастает австро-сербское противостояние, конфликт принимает различные формы, от таможенной войны 1906 — 1911 гг. до открытого военного столкновения в 1914 г.

При приоритете в сербской политике ее внешнего аспекта (в связи с чем военные расходы достигают 40% бюджета) внутреннее развитие Сербии во всех областях происходит очень интенсивно, наблюдается все большее интегрирование Сербии в культурные, экономические и политические процессы Европы начала века. Преодолению периферийного характера экономики Сербии способствовало активное ее сближение с Россией и Францией. Именно Франция предоставила Сербии в 1906–1912 гг. кредиты на общую сумму 495 млн франков, которые позволили не только продолжать перевооружение армии, но и выйти из экономической катастрофы, связанной с таможенной войной, объявленной Австро-Венгрией в 1906 г. В ответ на закупку сербским военным министерством артиллерийских орудий во Франции, а не в Австрии венское правительство наложило запрет на ввоз сербского скота на территорию империи. Учитывая, что скот являлся основной статьей сербского экспорта, ситуация грозила обернуться национальной катастрофой. Но на полученные из Франции кредиты были выстроены холодильники, бойни, консервные заводы, которые помогли наладить пищевую промышленность Сербии и устранить жесткую зависимость от австрийского рынка.

В Сербии постепенно меняется и социальная структура общества. В связи со строительством пищевых предприятий формируется пока еще немногочисленный рабочий класс, расширяется прослойка государственных служащих — работников почт, телеграфов, железных дорог. Сербская интеллектуальная элита, которую составили учителя, преподаватели гимназий, профессора созданного в 1905 г. на базе Великой школы Белградского университета, пополняется творческой интеллигенцией. Особое место в сербском обществе занимают чиновничество и офицерство. Все они выходцы из крестьянских семей, интеллигенция в первом поколении, по-прежнему еще тесно связанная с народной традицией. 70 лет парламентской деятельности в Сербии формируют и

политическую культуру, уважение к личности, осознание населением своих прав, сопротивление произволу.

Процесс урбанизации принимает в Сербии так называемый «обратный характер», что выражается в перенесении критериев ценностей потребительского общества города на село. Деревня в значительной степени утрачивает свою патриархальность. Это означает не только распространение городского платья, мебели, распространение газет, книг и журналов, но и модернизацию самой структуры сельского хозяйства. Постепенно преодолевается самодостаточность сербского аграрного общества. На селе появляются и первые кооперативы — задруги, способствующие совершенствованию агротехники, взаимопомощи, созданию касс — ссудных и взаимного кредитования. Задружное движение в форме объединения крестьянских хозяйств для закупки техники и семенного материала возникает в 1894 г. и принимает широкий общесербский характер. Это была попытка сохранить демократические основы сербского села и приспособить их к новым реалиям — росту потребностей сельского жителя, интенсификации сельского хозяйства.

Усилия сербских политических деятелей этого периода, среди которых первое место по-прежнему занимает Никола Пашич, направлены на решение вопросов территориального расширения и выхода к морю. Сербия была единственным, кроме Швейцарии, европейским государством, которое не имело выхода к морю. Заручившись поддержкой России и Франции, сербское правительство возобновило агитацию за присоединение Боснии к Сербии. В самой провинции, оккупированной Габсбургами в 1878 г., велась пропагандистская работа сербских специальных служб по формированию антиавстрийских настроений. Надежды эти рухнули во время так называемого Боснийского кризиса 1908–1909 гг., когда, воспользовавшись младотурецкой революцией и сложной политической обстановкой в Турции, Австро-Венгрия объявила об аннексии Боснии и Герцеговины. Это событие вызвало волну протеста в Сербии и существенно осложнило и без того натянутые сербо-австрийские отношения. С этого времени сербским руководством вынашивается план прорыва в сторону Старой Сербии (Косово) и выхода к Адриатическому морю через Албанию путем присоединения североалбанских территорий. Национальная задача возвращения Старой Сербии смыкалась с идеей передела Македонии. Будущий раздел этого спорного региона становится одним из важнейших пунктов условий нового Балканского союза, который готовит Сербия при участии Болгарии, Греции и Черногории в 1911–1912 гг.

Социалистические идеи в Сербии. Социал-демократия и начало рабочего движения

Социалистические идеи в Сербии имели прочные и давние традиции. Уже в 50–60-е гг. XIX в. сербская учащаяся молодежь в Европе и России познакомилась с этими идеями и начала их широкую пропаганду на родине. Сербские социалисты сразу же активно включились в политическую жизнь страны, предлагая для решения национальных и государственных задач молодого княжества свою программу. Не менее сильно, чем идеи западноевропейских социалистов, на формирование сербского социалистического течения повлияла русская революционная мысль, и особенно народничество. Сербские социалисты являлись членами русской секции I Интернационала. Разнообразны и глубоки были связи сербских социалистов с русской революционной эмиграцией, особенно с кругом П.Л. Лаврова и его газетой «Вперед!». Интерес был взаимным, поскольку и для русских революционеров ситуация на Балканах представлялась феноменом естественного социального равенства и возможным полигоном для социалистической пропаганды и реализации социалистических идей.

Выдающимся деятелем социалистической мысли Сербии был Светозар Маркович (1846–1875). Во время учебы в Санкт-Петербурге и Цюрихе он приобщился к кругу сторонников идей Чернышевского. Маркович стоял у истоков сербской социалистической печати, его перу принадлежит целый ряд работ, посвященных анализу и критике государственной организации Сербии. Путем демократизации всех органов власти, прежде всего скупщины, и расширения местного самоуправления Маркович и его сторонники считали возможным избежать бюрократизации и классовой дифференциации сербского общества. Они предлагали взять за основу общественного устройства существующий в сербском селе коллективный орган — задругу (патриархальная семья) — фактически коллективное хозяйство с распределением труда и готового продукта. На основе задруги и местного общинного самоуправления предполагалось строить народное государство, минуя капиталистический этап развития со всеми присущими ему пороками. Коммунистические идеи К. Маркса воспринимались членами кружка Марковича критически, с сомнениями относительно универсальности этой теории. Так, для аграрной Сербии идея о необходимости опоры на рабочий класс представлялась им нереальной; вызывал возражение с их стороны и экономический детерминизм марксизма. Гораздо ближе были Марковичу идеи русского народничества. Важнейшим положением в теории о народном сербском государстве у Марковича была критика идеи

Великой Сербии, т.е. объединения сербского народа под эгидой княжества. Он выдвинул и начал разрабатывать идею федерации южнославянских народов на основах республиканского народного государства. Светозар Маркович умер от туберкулеза, не дожив и до 30 лет. Его ученики и последователи возглавили два противостоящих друг другу идейно-политических течения.

Группа во главе с Перой Тодоровичем и Николой Пашичем стала во главе Радикальной партии, самой массовой и влиятельной политической организации Сербии конца XIX — начала XX в. Димитрие Ценич и его сторонники объединились на платформе идей социалистов-революционеров. Немногочисленная группа Ценича не обладала серьезным политическим влиянием, но она являлась постоянным оппонентом радикалов, которых обвиняла в отходе от идей социализма. Радикалы и социалисты-революционеры, выйдя из школы народнического социализма С. Марковича, совпадая в представлениях о характере народного государства, разошлись в мнениях о способе достижения власти. Радикалы были адептами идеи создания широкой народной партии и легальных, парламентских форм борьбы. Социалисты-революционеры призывали к социальному перевороту, совершаемому с помощью немногочисленной, но сплоченной революционной организации.

Хотя развитие социалистических идей в Сербии не прерывалось, все же социалисты круга Д. Ценича не представляли сильного организованного движения.

Лишь после кардинальных изменений в жизни страны, после майского переворота 1903 г., появились условия для создания политической организации социалистов. В августе 1903 г. была организована социал-демократическая партия Сербии во главе с Димитрие Туцовичем. Ее программа перекликалась с аналогичными документами многих партий, входивших во II Интернационал, и также базировалась на Эрфуртской программе немецких социал-демократов. Партия насчитывала около 1 тыс. членов и сумела провести своего депутата в скупщину. Социал-демократы Сербии активно сотрудничали с европейскими и особенно с российскими единомышленниками. Важнейшей задачей они считали объединение усилий социал-демократии балканских стран. Сербская социал-демократическая партия явилась инициатором и организатором первой общебалканской конференции социал-демократов в 1910 г. в Белграде, где была разработана идея создания союза свободных балканских республик — Балканской федерации. Это решило бы, по мнению участников конференции, как социальные, так и национальные проблемы на Балканах, положило бы конец территориальным спорам в регионе.

Социал-демократия Сербии вела активную пропаганду среди немногочисленного (не более 50 тыс. человек), только формирующегося рабочего класса Сербии. Рабочие организации Сербии, оформившиеся в конце XIX в. в Рабочий союз, в основном объединяли мелких ремесленников, но уже в первом десятилетии XX в. были созданы профсоюзы на промышленных предприятиях страны. Партии принадлежит заслуга в совершенствовании трудового законодательства и в создании профсоюзов. Она наследовала многолетний опыт развития социалистической мысли, последовательно отстаивала интернациональные принципы.

СЕРБИЯ В БАЛКАНСКИХ ВОЙНАХ 1912–1913 гг.

Угроза европейской войны в 1909 г. в связи с аннексией Австро-Венгрией Боснии и Герцеговины была ликвидирована усилиями держав, но проблемы противостояния и соперничества на Балканах остались. Произошла открытая конфронтация Сербии и Австро-Венгрии, сопровождавшаяся в обеих странах активной подготовкой к военным действиям. Боснийский кризис подтолкнул балканские государства к сплочению и подписанию договоров о совместных боевых действиях с целью окончательного вытеснения Османской империи с Балканского полуострова и раздела ее территорий. Новый Балканский союз складывался нелегко, так как к уже существовавшим проблемам в отношениях Сербии с Болгарией и Черногорией прибавлялись разногласия по вопросу о будущих границах.

Младотурецкая революция, Боснийский кризис и, наконец, итало-турецкая война 1911 г. свидетельствовали об ослаблении Турции, дестабилизации ее режима и придавали балканским государствам уверенность в успехе их планов. В октябре 1911 г. правительства Сербии и Болгарии договорились о будущих боевых действиях. 13 марта 1912 г. был подписан сербо-болгарский договор о дружбе и союзе и военная конвенция, предусматривавшие кроме общего выступления против Турции и совместные боевые действия против Австро-Венгрии, если она попытается захватить новые балканские территории. Были определены и предварительные границы территориальных претензий двух государств. Сербия должна была получить территории в Нови-Пазарском санджаке, Косово и Метохию. Спорным оставался вопрос о разделе Македонии. Здесь были определены лишь границы так называемых «бесспорных» и «спорных» зон. В мае 1912 г. был подписан болгаро-греческий договор. В октябре 1912 г. к

союзу присоединилась Черногория. Государства договорились и о разделе территории Албании, что должно было обеспечить Сербии выход к морю.

9 октября 1912 г. начала боевые действия Черногория, а 18 октября 1912 г. все остальные государства-союзники обнародовали манифесты о начале войны с Турцией. Сражаясь на западном театре начавшейся войны, включавшем Македонию и Албанию, сербские и черногорские войска уже в течение первого месяца одержали ряд значительных побед, заняв города Куманово, Призрен, Велес, Скопье, Нови-Пазар, Битоль, Охрид, Эльбасан. Сербские и черногорские войска соединились в Нови-Пазарском санджаке, сербские отряды достигли побережья Адриатического моря в Северной Албании. Не менее успешно разворачивались боевые операции болгар на Фракийском фронте и греков — на Янинском и Салоникском фронтах. В результате победы союзников 3 декабря 1912 г. было подписано перемирие с Турцией.

Однако окончательные решения о территориальном переделе на Балканах по-прежнему оставались прерогативой великих держав, представители которых собрались в декабре 1912 г. в Лондоне. Спорными вопросами были: автономия Албании, судьба Македонии и возможность выхода Сербии к морю. Зимой 1913 г. турецкие войска попытались возобновить военные действия, но были вновь разбиты, причем союзники заняли последние бастионы Османской империи на Балканах — крепости Янина и Адрианополь. Так закончилась Первая Балканская война. Согласно решениям Лондонского прелиминарного договора от 30 мая 1913 г. создавалось албанское государство. Сербия таким образом лишалась надежд на выход к морю путем присоединения Северной Албании. Сербские националистические круги призывали правительство компенсировать эту неудачу захватом максимально большой части македонской территории с тем, чтобы приблизиться к Эгейскому морю. 1 июня 1913 г. Сербия заключила договор с Грецией о разделе значительной части Македонии.

Не дожидаясь предполагавшегося русского арбитража по македонскому вопросу, болгарские войска 30 июня 1913 г. без объявления войны выступили против Сербии. Началась Вторая Балканская (межсоюзническая) война. Силы были неравны, так как против Болгарии объединились не только Сербия, Греция и Черногория, но и Румыния, и начавшая наступление во Фракии Турция. Бывшие союзники упорно дрались за передел отвоеванных у Османской империи территорий. Болгария была разбита в течение нескольких дней. В битве при Брегалнице (9 июля 1913 г.),

где сербские войска одержали победу, они потеряли убитыми 16 000, а болгарская сторона — 20 000 человек. Не случайно в историографии Вторая Балканская война характеризуется как «братоубийственная». Она вбила клин между балканскими государствами, посеяла недоверие и рознь.

10 августа 1913 г. был подписан Бухарестский мирный договор, определивший новые границы на Балканах. Болгария потеряла не только часть территории, перешедшей к ней после Первой Балканской войны, но и территорию Южной Добруджи, захваченную Румынией.

Итоги Балканских войн для Сербии были неоднозначны. К числу позитивных моментов можно отнести освобождение Нови-Пазарского санджака, передел его территории между Сербией и Черногорией и создание общей границы между двумя этими государствами. Сербское королевство увеличило свою территорию после присоединения новых земель почти в два раза — до 87 тыс. кв. км, население выросло с 2 млн 900 тыс. до 4 млн 400 тыс. человек. Но вместе с приобретенными территориями пришли и новые проблемы. С включением земель, населенных албанцами, турками, македонцами, Сербия перестала быть этнически гомогенным государством и столкнулась с проблемой межнациональных отношений. Попытки насильственной сербизации населения присоединенных областей вызывали сопротивление. Сербия вышла из войны в состоянии тяжелого финансового кризиса, обремененная долгами. Реорганизация и интегрирование вновь присоединенных территорий требовали существенных затрат. «Партия войны» в Сербии получила новых сторонников в связи с ухудшением отношений с Болгарией и Австро-Венгрией. Националистическая военная организация «Объединение или смерть», действовавшая с 1911 г., настаивала на реванше в Боснии и Герцеговине. Всего год оставался до рокового выстрела в Сараеве, ознаменовавшего начало первой мировой войны.

ЧЕРНОГОРИЯ В 1878–1914 гг.

Согласно условиям Берлинского трактата (13 июля 1878 г.) территория Черногорского независимого княжества увеличилась более чем в два раза, с 4400 до 9475 кв. км. Первая перепись населения была проведена в 1910 г. и констатировала, что в стране проживает 220 тыс. человек.

После завоевания независимости Черногория не только приобрела новые, по большей части плодородные земли, но и получила выход к морю. Однако настоящей морской державой она не

стала. Не было ни оборудованных портов, ни средств на строительство флота. Кроме того, согласно Берлинскому трактату все черногорское побережье Адриатического моря контролировала Австро-Венгрия.

Изолированность Черногории усугублялась тем, что по условиям Берлинского трактата в отличие от Сан-Стефанского мира она не приобрела общей границы с Сербией. Нови-Пазарский санджак, оставшийся в составе Османской империи, находился под военным контролем Австро-Венгрии и широкой полосой разделял Сербское и Черногорское княжества. Это обстоятельство существенно осложняло перспективы как совместных военных действий Сербии и Черногории, так и их объединения. Таким образом, Черногория со всех сторон была по-прежнему окружена турецкими и австрийскими владениями.

Внутренняя и внешняя политика князя Николы

Нерешенность национальных задач объединения Сербии и Черногории обусловливалась также и открытым соперничеством двух правящих династий: сербской — Обреновичей и черногорской — Пе́тровичей. Черногорский престол с 1860 по 1918 г. занимал Никола Пе́трович. Умелый дипломат, искусный политик, деспотичный и жесткий правитель, он вел сложную политическую интригу, стремясь захватить лидерство в сербо-черногорских отношениях. Он обладал широкими международными связями, в том числе и династическими, благодаря его дочерям. Елена стала королевой Италии, Зорка — женой будущего короля Сербии Петра Карагеоргиевича, Анастасия и Милица были замужем за русскими великими князьями и входили в круг лиц, близких русскому императору Николаю II и императрице Александре Федоровне. Никола Пе́трович умело использовал эти связи для организации международной поддержки своей политики.

Экономическое положение Черногории по-прежнему оставалось критическим. Постоянный дефицит бюджета покрывался в основном за счет русской казны. Фактически русские дотации и были основой черногорского бюджета. К 1908 г. они составляли около полумиллиона рублей в год, из них более 300 тыс. рублей предназначалось на военные нужды. Развитие сельского хозяйства, переход его от выпасного скотоводства к зерновому земледелию и производству овощных и плодовых культур тормозились отсутствием инфраструктуры, способствующей развитию рыночных отношений, и прежде всего дорог. К 1910 г. было проложено всего 464 км дорог, в том числе в 1884 г. завершено строительство

15 - 3699

шоссе из столицы княжества маленького городка Цетинье до австрийского порта Котор. Первая железная дорога длиной в 9 км по маршруту Бар—Вирпазар, выстроенная в 1909 г., имела, скорее, развлекательно-аттракционный, чем экономический характер. Отсталое сельское хозяйство, полное отсутствие промышленных предприятий, в том числе и перерабатывающих, оставляли широкое поле деятельности для иностранных концессионеров. Эксплуатация черногорских природных богатств велась австрийскими и итальянскими предпринимателями. Они вывозили сельскохозяйственную продукцию, древесину. Три четверти черногорского экспорта и половина импорта приходились на долю Австро-Венгрии. Контролируемая и финансируемая итальянцами табачная фабрика, несколько пивоварен и мельниц — вот, собственно, и весь промышленный комплекс Черногории в конце XIX — начале XX в.

Крестьянство по-прежнему составляло абсолютное большинство населения. Социального расслоения в его рядах практически не наблюдалось — в основном это были мелкие землепользователи. Городское население росло медленно. В Черногории насчитывалось около 10 маленьких городков, совокупное население которых составляло около 30 тыс. человек. Недостаток рабочих мест, обнищание крестьянских семей вели к массовой эмиграции населения в Сербию, а с начала XX в. — в Америку.

Никола Пе́трович фактически единолично управлял страной. Созданные им Государственный совет, Совет министров и Великий суд им же и назначались, ему же и подчинялись. Никаких существенных преобразований в области государственного управления проведено не было. Административная реформа 1903 г. ликвидировала племенное деление государства и свела на нет власть племенных вождей. Это, пожалуй, единственная реформа, которую Николе Пе́тровичу удалось провести, остальные (судебная, налоговая) были лишь декларированы. Некоторые изменения претерпело судопроизводство, что было отражено в принятом в 1888 г. «Имущественном законнике». Этот кодекс представлял собой попытку придать нормам обычного права статус законов, усовершенствовать уже существующие формы местного судопроизводства. Ни этот документ, ни введенный в 1901—1903 гг. суд трех инстанций не смогли ограничить произвол властей, существовавший в Черногории.

Единственные достаточно последовательно проводившиеся в Черногории преобразования касались реорганизации армии. На это были направлены усилия русского правительства, полностью взявшего на свой счет вооружение и боевое обеспечение черногорской

армии, а также обучение офицеров. В 1910 г. это было закреплено в русско-черногорской военной конвенции.

В 1905 г. князь Никола даровал народу Черногории конституцию. Она формально была принята на собранной специально для этого Народной скупщине. Разработанная на основе сербской Конституции 1869 г. черногорская конституция осталась чисто декоративной, поскольку не была обеспечена соответствующими гарантиями. Князь по-прежнему осуществлял законодательную и исполнительную власть, лично назначая правительство, которое не было подотчетно скупщине. Но и эта чисто номинальная деятельность скупщины продолжалась недолго.

Слабая оппозиция своевольному правителю состояла из небольшого числа либерально настроенной образованной молодежи и патриархальных старейшин, прежних племенных вождей. Их объединяло стремление ограничить власть князя, придать реальный характер конституции и деятельности парламента (скупщины). В 1906 г. парламентская оппозиция оформилась в первую политическую организацию — Народную партию. Ее программа включала требования ответственности правительства перед парламентом, гарантии политических свобод и заключения союза с Сербией и Россией против Порты. В качестве противовеса князем была организована проправительственная Истинная народная партия. Попытки оппозиции придать скупщине больший вес закончились тем, что в 1907 г. князь разогнал скупщину, а деятельность Народной партии была запрещена после судебных процессов 1908—1909 гг. против «анархистских преступлений». Заговор студентов, переправивших в Черногорию взрывные устройства, правительство использовало как предлог для расправы с Народной партией и оппозицией в целом. В ходе судебного разбирательства были выдвинуты против Сербии обвинения в поддержке студентов-«бомбометателей», поскольку центр их организации находился в Белграде. Произошел разрыв сербо-черногорских отношений. Лишь военная тревога 1908—1909 гг. заставила князя Николу уступить желанию России и начать переговоры с Сербией о союзе. Следующим политическим процессом явился суд над антиправительственной тайной организацией в округе Васоевичи. Ее участники (161 человек), большую часть которых составляли военные, были приговорены к различным срокам заключения, а пятеро расстреляны.

15 августа 1910 г. исполнилось 50 лет правления князя Николы. В ознаменование этого события он объявил себя королем, а княжество — королевством.

ЧЕРНОГОРИЯ В БАЛКАНСКИХ ВОЙНАХ

Сербо-черногорский союз в форме военной и политической конвенций был подписан только в сентябре 1912 г. и явился последним звеном в создании Балканского союза. Стратегический план включал в первую очередь совместные операции в Нови-Пазарском санджаке, Косове и Метохии, а также на албанской территории. Предусматривался раздел территорий Северной Албании между Сербией и Черногорией. Совместная граница и выход Сербии к морю давали перспективу создания мощной сербо-черногорской средиземноморской державы.

Черногория после заключения союзнических договоров первой, еще 9 октября 1912 г., начала боевые действия против Турции и уже к середине ноября захватила порт Алессио (Лежа) и Дуррес, а затем и Тирану. Однако по условиям Лондонского и Бухарестского договоров территория Черногории в южном направлении увеличилась незначительно только в районе Скадарского озера. Основное приращение площади Черногории с 9,5 тыс. до 14 тыс. кв. км (население выросло до 435 тыс. человек) произошло за счет раздела между Сербией и Черногорией территории Нови-Пазарского санджака. Сербия и Черногория получили общую границу, осуществив свой давний план, Черногория же вместе с плодородными землями санджака вновь обрела церкви и монастыри Печской патриархии. Новые территории требовали больших усилий по интегрированию их в черногорское государство, особенно сложным был вопрос, связанный с сопротивлением албанского населения, в том числе и вооруженным.

ХОРВАТСКИЕ ЗЕМЛИ, ВОЕВОДИНА, БОСНИЯ И ГЕРЦЕГОВИНА И СЛОВЕНСКИЕ ЗЕМЛИ В СОСТАВЕ МОНАРХИИ ГАБСБУРГОВ В НОВОЕ ВРЕМЯ

Южные славяне к началу XIX в. входили в разные части Австрийской империи. Эта разорванность в значительной степени сохранилась до 1914 г. Условно граница между венгерской и австрийской частями империи, закрепленная официально соглашением 1867 г., проходила по р. Лейте. Поэтому австрийские владения именуются Цислейтанией, а венгерские — Транслейтанией (т.е. по эту и по ту сторону Лейты). Практически все территории, населенные словенцами, входили в состав Цислейтании. Сербы же и хорваты были в подчинении разных центров.

ХОРВАТСКИЕ ЗЕМЛИ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX в.

Социально-экономическое и политическое положение в хорватских землях в конце XVIII — начале XIX в.

Хорватские земли в начале XIX в. были разобщены и находились под разным административным управлением. Но все же после наполеоновских войн оказались в составе одного государства — Австрийской империи. В 1797 г. бывшие Венецианские владения в Далмации перешли под власть Вены. В 1805 г., после Аустерлица, по Пресбургскому миру они отошли Франции, а с 1809 по 1813 г. Далмация и Истрия являлись составной частью созданных Наполеоном Иллирийских провинций. Но в 1815 г. они окончательно были закреплены за монархией Габсбургов.

Объединенные границами Габсбурской империи, хорватские земли все же не составляли единой административной единицы, они подчинялись разным имперским центрам. Гражданская Хорватия и Славония входили в Венгерское королевство, хорватские земли Военной Границы, Далмации и Истрии напрямую подчинялись Вене. При этом Гражданская Хорватия была отрезана от Славонии двумя вклинившимися регментами (военными округами) Военной Границы (Крижевацкий и Джурджевацкий регименты Вараждинской крайны). Порт Риека и его округ считались венгерским владением. Таким образом, упоминаемое хорватским

сабором политическое наименование хорватских земель — Триединое Королевство Хорватия, Славония и Далмация — существовало лишь на бумаге, а на деле они были дезинтегрированы. Воссоединение их в одну административную единицу, для начала хотя бы в рамках Австрийской империи, было главной политической задачей хорватских патриотов на протяжении всего XIX в. Противниками хорватского административного объединения выступали как венский центр, так и венгерские политики, поскольку это мешало их унитаристским устремлениям.

Население хорватских земель не являлось национально гомогенным, значительной была в его составе доля сербского населения (от 1/2 на территориях Военной Границы до 1/5 в Далмации), кроме того, в разных частях Хорватии жили итальянцы, венгры, немцы, евреи. По данным середины XIX в. в Гражданской Хорватии и Славонии проживало 850 тыс. человек, на Военной Границе — 673 тыс., в Далмации — 415 тыс., в Истрии — 234 тыс. человек.

Не существовало и единого хорватского языка. Хорваты говорили на трех разных диалектах и использовали семь различных правописаний. Задача создания способствующего национальному единению общехорватского литературного языка была очень актуальной и начала выполняться хорватской интеллигенцией в 30-е гг. XIX в.

Хорваты были единственным из южнославянских народов, сохранившим национальное дворянство. Число дворян вместе с членами семей составляло около 20 тыс. человек, т.е. около 2% населения. В основном это было среднее и мелкое дворянство. Представители высшей титулованной аристократии имели по большей части немецкое или венгерское происхождение. Славонские помещики были тесно связаны с венгерским рынком, венгерским дворянством и буржуазией, именно они явились основой так называемого «мадьяронства», т.е. сторонниками интеграции Хорватии и Венгрии.

Абсолютное большинство населения Хорватии составляло крестьянство, лично-свободное согласно реформам Иосифа II, но практически не получившее земли. Три четверти земли принадлежало помещикам, и 85% крестьян находились в феодальной зависимости. Они были привязаны к своему помещику урбариальными, т.е. включенными в реестр обязательных и регламентированных урбариями Марии Терезии и Иосифа II, повинностями. Обязанности кмета по отношению к помещику включали разные виды отработки и денежных выплат, которые они вносили наряду с государственным налогом. Это означало не менее одного — трех дней барщины в неделю, запрет молоть зерно не на господской мельнице, жениться или брать в долг без согласия помещика и

другие формы феодальных отношений. Отмена урбариальных повинностей была одним из основных требований крестьян и важным условием для развития капиталистических отношений в Хорватии. Попытки реформ предпринимались в 30—40-е гг. XIX в., но сталкивались с сопротивлением дворян, заявлявших, что ликвидация кметства приведет их к полному обнищанию из-за отсутствия у них средств для оплаты наемных рабочих. Для обработки барской запашки кметы, правда, привлекались и на условиях денежной оплаты, но размер ее был мизерным. Таким образом, крестьянский вопрос до революции 1848 г. не был решен, хотя некоторые шаги по высвобождению личной инициативы кметов были сделаны. Так, хорватский сабор в 1836 г. принял решение, по которому крестьяне могли покидать свои наделы без выплаты, лишь поставив в известность своего помещика.

Гражданская Хорватия и Славония (также, впрочем, как Военная Граница и Далмация) были чисто аграрными областями. Основная специализация хозяйства — производство зерна. В 20—30-х гг. XIX в. произошел некоторый сдвиг в модернизации сельского хозяйства, оно стало более интенсивным, помещики и зажиточные крестьяне активно занялись зерновой торговлей. Так складывалась хорватская торговая буржуазия. И все же Гражданская Хорватия и Славония оставались одними из самых отсталых областей Австрийской империи.

Становление в Хорватии и Славонии промышленности, прежде всего деревообрабатывающей и пищевой, начинается лишь в конце 40-х — начале 50-х гг., да и то в очень скромных размерах. В рамках австро-венгерского имперского рынка и разделения труда сельскохозяйственная специализация Хорватии и Славонии была вполне естественной и закономерной. Экономическая задача Хорватии и Славонии заключалась в интенсификации сельскохозяйственного производства и развитии транспортной сети для торговли зерном. В этом вопросе сталкивались интересы хорватской и венгерской торговой буржуазии. Владея портом Риека, венгры старались захватить первенство в экспортной торговле зерном.

Города Хорватии были сравнительно невелики, их совокупное население в начале XIX в. не превышало 30 тыс. человек, а главный город Загреб насчитывал около 8 тыс. жителей. Они обладали широкими муниципальными правами, своими магистратами, представительством в саборе. Городские ремесленники были объединены в цехи, ликвидированные в этой части империи только в 1859 г. Правда, с изданием в 1813 г. «Общего цехового порядка» государство пыталось контролировать цеховые правила, регламентировать услуги и цены, приспособить цех к новым экономическим реалиям. Хорватские города Загреб, Вараждин, Карловац, Сисак, Пожега, Осиек, Вуковар были не только административными,

торговыми и ремесленными центрами, но и резиденциями хорватского дворянства, которое составляло вместе со священниками весьма значительный процент городского населения. Хорватское обедневшее дворянство в городах пополняло ряды чиновников и интеллигенции и являлось политически активным, мобильным участником возрождения и консолидации нации.

Хорватские священники-католики также активно участвовали в национальном движении. Католическая церковь, господствующая в Хорватии, была мощным консолидирующим фактором. Одним из деятелей церкви, много сделавшим для возрождения хорватской культуры, языка и национального единения, был епископ-янсенист Максимилиан Врховац (1752—1827), возглавлявший Загребскую епископию с 1788 по 1827 г. Загребская епископия подчинялась архиепископии в Венгрии, и это также вызывало недовольство хорватских патриотов, требовавших самостоятельной церковной организации. Православная паства в Хорватии и Славонии окормлялась священниками, назначаемыми патриархией в Сремских Карловцах. Центром для 20 тыс. греко-католиков была Крижевацкая митрополия.

Административно подчиненные Венгерскому королевству Гражданская Хорватия и Славония к началу XIX в. утратили большую часть своих автономных прав. Многовековой процесс подчинения хорватских территорий венгерской власти завершился в 1790 г., когда, опасаясь германизаторских унитаристских инициатив йозефинизма, хорватское дворянство передало бóльшую часть полномочий хорватского сабора венгерскому Государственному собранию. С этого времени в Хорватии и Славонии начался процесс последовательной политики мадьяризации. Первым шагом было обязательное изучение венгерского языка в начальных школах этих земель, введение венгерского языка в качестве языка администрации вместо латыни на территориях «Короны св.Стефана». Это отвечало национальной венгерской идее — созданию независимого венгерского унитарного государства. Идеологическим обоснованием мадьяризации венгерские деятели национального движения объявили концепцию единого политического венгерского народа («нацио хунгарика»), объединяющего все мадьярские и немадьярские элементы в рамках Венгерского королевства.

С 1825 г. венгерское Государственное собрание делает все возможное, чтобы заменить во всех учреждениях немецкий и латынь венгерским языком, а в 1827 г. оно упоминает в официальных документах Хорватию как подчиненную венгерскую территорию. Одним из важных вопросов в венгеро-хорватских отношениях последующих лет становится проблема политического статуса, характеризующего отношения Венгерского королевства и Триединого королевства. Хорватский сабор, заявляя о своих

муниципальных правах, настаивал на статусе союза, а не подчинения. Разворачивается борьба за «исторические права» Хорватии, за расширение полномочий хорватского сабора. Освобождение от венгерского давления как в области экономики, так и в языковой и политической сферах стало еще одной важной задачей хорватского национального Возрождения. Она была, правда, лишь наполовину решена в 1868 г. после заключения Хорвато-Венгерского соглашения.

Итак, уже в первой трети XIX в. определились три главных направления национально-государственных усилий хорватского общества: 1) собирание хорватских земель в одну административную единицу; 2) оформление и распространение хорватского единого литературного языка как необходимого фактора формирования национального самосознания и национального единения; 3) противодействие экономической, политической и культурной мадьяризации.

Хорватская национальная идея развивалась в русле общеевропейского процесса национальной консолидации, связанного как с новыми явлениями в социальной и экономической областях — промышленной революцией, активизацией политической деятельности буржуазии, так и с либеральными и демократическими идеями Великой французской революции. Хорватские земли были включены в начале XIX в. в орбиту наполеоновских войн, что оказало влияние на оформление идеи национальной консолидации.

Иллирийские провинции и их роль в формировании хорватской национальной программы

После очередного поражения Австрийской империи в войнах с наполеоновской Францией согласно условиям Шёнбруннского мира (14 октября 1809 г.) часть австрийских территорий — Истрия, Горица, Западная Каринтия, Крайна, часть Хорватии и Военной Границы, южнее р. Савы, — отошли Франции. Объединив их с захваченными ранее Далмацией и Дубровником, Наполеон сформировал так называемые Иллирийские провинции — название, вполне традиционное для этой части Балканского полуострова еще со времен Римской империи. В задачи населения этой территории кроме поставок продовольствия и рекрутов для наполеоновской армии входил контроль континентальной блокады Англии. Провинции, кроме того, открывали Франции путь на Восток, способствовали развитию ее торговых и политических отношений с Османской империей. Несмотря на потребительское отношение Франции к этим территориям, период французского владычества явился важным шагом по внедрению новых гражданских учреждений и новой идеологии в этой части Европы.

Провинции управлялись французским генерал-губернатором (сначала этот пост занимали маршалы Мармон и Бернадо, затем генерал Жино). Центром их стал г. Лайбах (Любляна). Территория провинций составляла 55 тыс. кв. км, на которых проживало около 1,5 млн представителей разных национальностей: словенцы, хорваты, сербы, итальянцы и немцы. Попытка решить вопрос гетерогенности была сделана с присвоением всем жителям провинций наименования «иллирцы» и стандартизацией единого славянского литературного языка — так называемого «лингва иллирика». На этом искусственном языке даже публиковались школьные учебники.

Внутреннее устройство провинций было организовано по французской модели. В 1811 г. был введен кодекс Наполеона, уравнявший все слои населения в правах, реформе подверглась система судопроизводства и налогообложения, открылись светские школы и был разрешен гражданский брак, декларированы гражданские права и свободы. Крестьяне Далмации наряду с личной свободой получили и земельные наделы. Все это было чрезвычайно важно для формирования гражданского самосознания. Активизировалась и экономическая жизнь, в Далмации была проложена сеть шоссейных дорог.

Важное значение для развития национального самосознания славянских народов провинций (хорватов, словенцев и сербов) имело провозглашение равенства славянского («иллирского») языка с французским в администрации и делопроизводстве. Обучение в начальных школах также велось на славянском языке. Было создано 25 новых гимназий и 5 лицеев, в Загребе и Любляне заложены основы для организации высшей школы. Стали выходить газеты и книги на «иллирском» языке.

Несмотря на искусственность «иллирского» языка и недолгий период существования самих Иллирийских провинций, проведенные преобразования способствовали развитию идеи национальной государственности у южных славян империи Габсбургов.

Согласно решениям Венского конгресса Иллирийские провинции были возвращены в границы Австрийской империи. Но сразу же отменить все проведенные там реформы и преобразования австрийские власти не решились, опасаясь бунтов. Императорским патентом от 3 августа 1816 г. была сохранена даже их целостность — создана административная единица Королевство Иллирия, куда вошли территории бывших Иллирийских провинций, но без Далмации. В какой-то степени это было сделано и в противовес венгерскому национальному движению. На хорватских землях это название просуществовало до 1822 г., а на словенских — до 1848 г.

Иллиризм и сопротивление мадьяризации

На 20–30-е гг. XIX в., когда в Австрийской империи господствовал «меттерниховский режим», т.е. политика жесткой централизации и наступления на все свободомыслящие силы, пришелся расцвет хорватской национальной культуры и идеологии, активизировались процессы формирования национального самосознания. Причина кажущегося парадокса крылась в том, что правительство было озабочено ростом венгерского национального движения, угрожавшего целостности империи, и поэтому поддерживало антивенгерскую направленность хорватской национальной пропаганды.

Хорватское национальное Возрождение, ориентировавшееся на решение языковой, культурных, просветительских и политических задач, возглавили представители хорватского дворянства и интеллигенции, объединившиеся в начале 30-х гг. XIX в. в движении иллиризма. С национально-политической программой иллиризма выступил в своем сочинении «Диссертация», напечатанном в 1832 г. на хорватском языке, граф Янко Драшкович (1770–1856). Излагая теорию общности южных славян, он выдвинул проект создания Великой Иллирии, т.е. объединения, способного противостоять венгерской культурно-экономической экспансии. По мысли Драшковича, Великая Иллирия должна была включать в себя хорватские и словенские земли, а впоследствии, возможно, и Боснию. В основе «Диссертации» лежала прежде всего хорватская национально-объединительная идея.

Основоположником литературы иллиризма стал Людевит Гай (1809–1872), осуществивший задачу создания общехорватского литературного языка. В 1830 г. он написал и опубликовал грамматику литературного хорватского языка «Краткая основа хорватославянского правописания», начал издавать газету и журнал на хорватском языке, широко пропагандировал идеи литературного и культурного единения южных славян.

Сама же идеология иллиризма включала в себя следующие составные компоненты: 1) идею воссоздания хорватского национального государства; 2) идею возможного объединения южнославянских народов в одно культурное и политическое целое; 3) идею необходимости развития хорватской культуры и языка, широкого внедрения его во все сферы жизни, противостояния мадьяризации. Это течение общественной мысли возникло и развилось на базе общей для славянских народов Австрийской империи идеи славянской взаимности.

В историографии не утихают споры по поводу сущности иллиризма: что это — хорватский национализм или предтеча

югославизма? Безусловно, доминирующей в иллиризме была хорватская национальная идея, но включение словенцев и сербов в орбиту Великой Иллирии придавало этой идеологии югославистскую окраску. Ибо речь шла не о прямом подчинении Загребу, а, скорее, о союзе южных славян. Илиризм стал источником как для югославистских течений, так и для чисто хорватских национальных политических программ.

Иллиризм был настолько универсальным течением «славянизации» в хорватских землях, что охватил все сферы жизни. Были созданы иллирийские клубы и читальни, иллирийская музыка и архитектура, символика, даже специальные костюмы, в которых должны были ходить истинные патриоты-славяне. Вся эта атрибутика служила широкой пропаганде хорватской национальной идеи и одновременно помогала сдерживать наступление венгерского языка и культуры. В 1823 г. венгерские власти ввели обязательное обучение венгерскому языку во всех школах территории «Короны св. Стефана». Знание венгерского языка открывало дорогу к карьере. Если учесть, что языком в армии был немецкий, становится ясным сколь незначительным оставался ареал публичного применения и использования хорватского языка. Поэтому движение за равноправие национального языка и культуры было формой политической борьбы за равенство хорватов с венграми.

С начала 40-х гг. XIX в. иллирийское движение приобретает ярко выраженный политический характер. Сторонники иллиризма в 1841 г. объявили себя партией (с 1843 г. она называлась Народной). Это было сделано в ответ на объединение части провенгерски настроенного хорватского дворянства в Хорвато-венгерскую партию (унионистов). Члены этой партии, прозванные мадьяронами, выступали за более тесный союз и интеграцию с Венгрией. Борьба венгерского и хорватского национальных движений была очень жесткой, и в 1843 г. венгерским политическим кругам удалось добиться от Вены решения о запрещении организации иллиров и вообще употребления этого названия. Тем не менее пропаганда иллиров оказала свое воздействие, и в 1847 г. хорватский сабор провозгласил введение хорватского языка в качестве официального на территории Гражданской Хорватии и Славонии.

Иллирийское движение стало политической школой для большинства деятелей хорватского национального движения XIX в. Их последующее размежевание связано с накоплением и осмыслением опыта борьбы за торжество хорватской национальной идеи, а также с событиями революции 1848–1849 гг., внесшей коррективы в национально-политические программы народов Австрийской империи.

Специфика экономического и национального развития Далмации

На протяжении всего XIX в. и вплоть до 1918 г. от континентальной Хорватии приморские районы Истрии и Далмации были оторваны. В результате Хорватия и Славония долгое время не имели морского порта, так как Риека подчинялась Будапешту. Лишь с присоединением к Хорватии в 1881 г. Военной Границы Хорватия получила порт Сень на территории так называемой «Карловацкой Крайны». Далмация и Истрия напрямую подчинялись Вене и после заключения в 1867 г. австро-венгерского Соглашения остались в австрийской части империи — Цислейтании. Возвращение Далмации было одним из главных требований хорватских национально-политических программ.

Важным для развития Далмации оказался период с 1805 по 1814 г., когда она находилась под властью Франции. Во-первых, были построены дороги, связавшие ранее разрозненные части края, во-вторых, становлению национальной культуры и национального самосознания способствовали преобразования, проведенные в Иллирийских провинциях. В Далмации начали выходить периодические издания на смешанном хорвато-сербском языке, в том числе и напечатанные кириллицей. После включения Далмации в состав Габсбургской монархии она становится ареной хорватской национальной пропаганды.

По завершении наполеоновских войн Далмация входит окончательно в империю Габсбургов и с 1815 г. становится административной единицей — Королевство Далмация — и управляется генерал-губернатором, назначаемым из Вены. Обладание Габсбургами узкой прибрежной полосой от г. Задара до Которского залива (Боки Которской) способствовало укреплению Австрийской империи в статусе средиземноморского государства, открывало перспективы транзитной торговли, отвечало планам дальнейшей экспансии на Балканах.

Провинция Далмация состояла из трех исторически разнородных территорий, прерывавшихся двумя небольшими по размерам выходами Турции к Адриатике. В Далмацию как австрийскую провинцию были включены: бывшая Венецианская Далмация (от г. Задара до устья р. Неретвы), за которой находился небольшой выход Турции к морю — порт Клек; территория бывшей Дубровницкой республики, граничившая на юге с еще одним небольшим выходом Турции к морю — г. Суторино; территория, прилегающая к Которскому заливу, ранее носившая название Венецианская Албания. Историческая разобщенность этих территорий сопровождалась и пестротой этнической и конфессиональной

картины края. По данным 1834 г. население Далмации насчитывало 361 тыс. человек. Из них около 82% составляли католики, а около 18 — православные. Точно определить этнический состав населения сложно, но среди католиков в абсолютном большинстве были хорваты, приблизительно 10% считали своим родным языком итальянский; среди православных преобладали сербы.

В экономическом отношении Далмация являлась самой отсталой частью Австрийской империи, ее население преимущественно было сельским (свыше 90%). Традиционная аграрная специализация края — разведение мелкого рогатого скота, виноградарство и рыболовство. Наполеон отменил здесь личную зависимость крестьян, но существенных изменений в землепользовании и характере сельскохозяйственного производства не произошло. Крестьяне землей не владели и находились в экономической зависимости от помещиков.

В городах — бывших центрах торговли Венецианской республики Задаре, Сплите, Шибенике — значительным было итальянское население, а итальянский патрициат составлял основу привилегированного класса Далмации. В бывшем городе-республике Дубровнике значительным был процент славянского населения. Внутреннюю Далмацию и многочисленные прилегающие острова в основном населяли хорваты, а в районах Задара, Которской бухты жили сербы, переселившиеся в Далмацию в период турецкой экспансии, и черногорцы. Население самых крупных городов — Задара, Шибеника и Сплита — не превышало 10 тыс. человек, занимавшихся в основном ремеслом и торговлей. Промышленности не было. Далмация постепенно утрачивала характер важного торгового средиземноморского центра, каковым она была в период венецианского господства. Экономика Далмации ранее строилась в основном на торговле, теперь торговля угасала, порты не модернизировались, не развивался и торговый флот. Лишь в начале XX в., став одним из популярных курортных регионов Австро-Венгрии, Далмация испытывает значительный хозяйственный подъем.

Далмация стала австрийской пограничной зоной, прилегающей к Черногории, что определило не только зависимость Черногории от австрийского рынка, но и соперничество в территориальном вопросе.

В австрийской внешней политике Далмация играла роль наблюдательного и стратегического пункта на границе европейских владений Турции. Ее генерал-губернаторы принимали самое активное участие в урегулировании внутритурецких проблем, связанных с восстаниями в Боснии и Герцеговине, а также в разграничении с Черногорией.

Австрийское правительство категорически отказывалось от удовлетворения хорватских требований о воссоединении Далмации с Хорватией и Славонией. Не менее твердой была позиция Вены и по вопросу о принадлежности полуострова Истрия, где население было смешанным, но преимущественно славянским (хорваты и словенцы). Из 234 тыс. жителей Истрии 80% составляли крестьяне. В городах Пула, Копер, Пореч господствовал итальянский язык.

Истрия с Кварнерскими островами и Далмация представляли собой хорватские земли, оторванные от Хорватии и Славонии не только административно, но и культурно. Долгое время здесь царили немецкий и итальянский языки и культура.

Военная Граница и вопрос о ее демилитаризации

Военная Граница Австрийской империи простиралась от Адриатического моря до румынских княжеств. Она включала в себя 13 регементов, из которых 11 входили в Хорватскую Военную Границу (или Хорватскую Крайну). Военная Граница прикрывала южные рубежи Австрийской империи, выполняя как оборонительные, так и санитарно-контрольные функции.

В XIX в. Военная Граница до 1871 г. имела особый политический статус, подчиняясь напрямую Вене, а ее жители — граничары — сохраняли свои привилегии. Это были лично-свободные крестьяне, получавшие землю на условиях несения военной службы. Они платили налоги и выполняли ряд общинных и государственных работ — по постройке дорог, школ, церквей и т.д. Граничары составляли значительную часть австрийской армии. Во время наполеоновских войн в граничарских частях служило около 100 тыс. человек. Это была очень выгодная форма пополнения армии, расходы на содержание граничарских полков были заметно ниже, чем на другие австрийские части. Граничары использовались как для охраны рубежей страны, так и для подавления национальных движений внутри империи.

Население Военной Границы, насчитывавшее к середине XIX в. 673 тыс. человек, было смешанным, в целом около трети, а в отдельных регементах более половины его составляли сербы. Православное население имело при своих церквах начальные школы. Конфликтов и противостояния между сербами и хорватами среди граничар в первой половине XIX в. не было. Вместе с тем, несмотря на усилия Вены, какого-либо особого «граничарского» самосознания не сформировалось. Здесь широко велась хорватская, а в 40—50-е гг. и сербская национальная пропаганда. Большую роль играла в этом церковь.

Ключевыми вопросами в первой половине XIX в. для Военной Границы были: в социально-экономическом плане — судьба больших крестьянских патриархальных семей-задруг, являвшихся основой граничарской жизни и одновременно тормозивших экономическое развитие края; в политическом плане — демилитаризация и реорганизация Военной Границы. В связи с ослаблением угрозы турецкой экспансии и прекращением австро-турецких войн (последняя была в 1791—1793 гг.) в Вене зрело решение о ликвидации Военной Границы как особого административного образования.

На протяжении всей первой половины XIX в. хорватские политические круги активно выступали с требованием о присоединении Хорватской Военной Границы к Гражданской Хорватии и Славонии. Это было одно из важнейших условий восстановления целостности Триединого королевства как административной единицы Австрийской империи. Вплоть до революции 1848—1849 гг. венское правительство противилось этому плану. И лишь угроза распада империи в связи с венгерским сепаратизмом заставила австрийский центр пойти навстречу хорватским требованиям. Но окончательное присоединение Хорватской Военной Границы (Крайны) к Хорватии и Славонии и передача ее под юрисдикцию хорватского бана и сабора произошли в 1881 г.

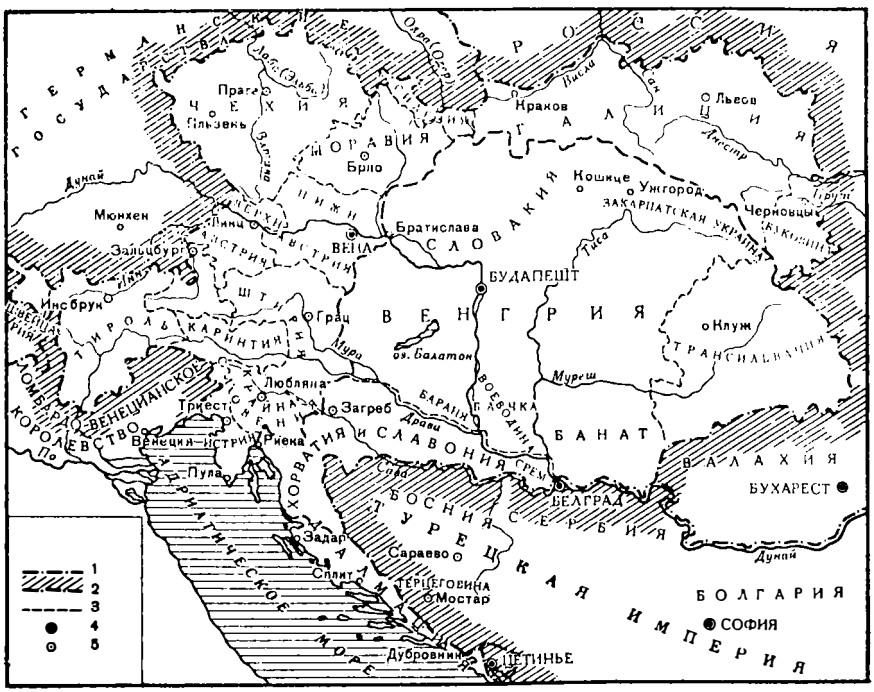
Революция 1848—1849 гг. и Хорватия

Все хорватские земли были вовлечены в революционные события 1848—1849 гг. С особой силой это проявилось на территории Хорватии и Славонии, в меньшей степени — в Далмации, Истрии. Военная Граница в это время полностью находилась под влиянием хорватского сабора и управлялась хорватским баном.

Революционные события в Австрийской империи сопровождались наряду с социально-экономическими требованиями мощным подъемом национального движения, в первую очередь итальянского и венгерского. Не могла не затронуть эта волна и славянские территории империи. В Габсбургской империи из 34 млн населения к середине 40-х гг. XIX в. 16 млн составляли славяне, 7 млн — немцы-австрийцы и 11 млн — венгры, итальянцы, румыны и другие народы. В свою очередь Венгерское королевство также не было гомогенным. Венгров насчитывалось 5 млн 413 тыс. из 14 млн 554 тыс. человек совокупного населения Венгрии, т.е. 37%. Остальные народы королевства составляли: румыны — 2 млн 477 тыс. человек, словаки — 1 млн 843 тыс., хорваты — 1 млн 263 тыс., немцы — 1 млн 247 тыс., сербы — 1 млн 54 тыс. Кроме

того, здесь проживали словенцы, евреи, цыгане, русины (украинцы). В связи с этим для победы венгерской революции важнейшим условием было решение национального вопроса. Однако лидеры революции настаивали на принципе единого венгерского политического народа, выступали против национальных требований других народов. Это во многом определило ее поражение. Она началась в Пеште 15 марта 1848 г., а закончилась капитуляцией венгерских войск 13 августа 1849 г., разгромленных австрийской армией вместе с пришедшим ей на подмогу русским экспедиционным корпусом. Активное участие в подавлении венгерской революции принимали и хорватские части, возглавляемые баном Елачичем. В хорватской историографии период осени 1848 г. — лета 1849 г. получил название хорвато-венгерской войны.

Революция на хорватских землях носила двойственный характер. С одной стороны, были выдвинуты и провозглашены лозунги ликвидации феодальных отношений, всех форм урбариальной зависимости крестьян, декларированы гражданские права



Славянские земли в составе Австрийской империи в 1849 г.
1 — 2 — границы государственные; 3 — границы провинций; 4 — столицы государств; 5 — административные центры

и свободы, с другой — хорватская политическая элита встала на сторону Габсбургов в деле сохранения целостности империи и подавления венгерской революции. Фактически столкнулись два национальных движения, цели и задачи которых не совпадали, — венгерское с задачей укрепления централизма и хорватское с планом хорватской автономии.

Первым актом революционного венгерского дворянства и буржуазии был указ о ликвидации феодальной зависимости крестьян. Революционные власти выступали с лозунгом самостоятельности венгерского государства, охватывавшего территорию от Карпат до Адриатики. Вопрос о национальных автономиях для входящих в Венгрию народов — словаков, хорватов, сербов, румын и др. — не рассматривался. Венгерское Государственное собрание требовало, чтобы представительство депутатов от всех жупаний (округов) было равным. Таким образом, хорватские представители лишались своего особого статуса. Ранее хорватская депутация в венгерское Государственное собрание избиралась хорватским сабором, а славонские жупании посылали своих представителей напрямую. Предварительные переговоры хорватских политических деятелей с лидерами венгерской революции показали, что уступок в деле предоставления автономии Хорватии не будет.

23 марта 1848 г. хорватское дворянство выдвинуло на пост бана Хорватии (ранее назначаемого императором) граничарского полковника барона Йосипа Елачича (1801—1859). Собравшееся 25 марта в Загребе Великое народное собрание утвердило кандидатуру Елачича и приняло программный документ «Требования народа», содержавший следующие пункты: 1) объединение хорватских земель Триединого королевства, 2) политическая самостоятельность Хорватии в отношениях с Венгрией, 3) создание хорватской национальной армии, 4) введение хорватского языка в образование и администрацию, 5) ликвидация урбариальных повинностей и сословных привилегий в Хорватии, 6) выборный характер хорватского сабора, 7) политические свободы. В него были включены требования и о преобразованиях на Военной Границе, в том числе освобождение граничар от государственных и общинных работ и передача доходов Границы в ведение хорватских властей. При этом декларировались верность императору, династии Габсбургов и желание сохранить целостность империи. Отношения с Венгрией были разорваны.

Венское правительство, укрывшееся от революционных масс в Инсбруке, решило использовать хорватское политическое движение для подавления венгерской революции. Поддержав «Требования народа», император утвердил Й. Елачича не только в

должности бана всей Хорватии (включая Далмацию и Военную Границу), но и главнокомандующим всеми граничарскими силами.

В апреле 1848 г. бан Елачич опубликовал декрет об освобождении крестьян от всех форм зависимости, включая церковную десятину. Это решение было подкреплено, расширено и утверждено на заседании хорватского сабора в июне 1848 г. в Загребе. Работа этого первого выборного сабора (ранее однопалатный хорватский сабор был сословно-представительным органом, где ведущую роль играли аристократия, высшее духовенство, представители городского патрициата) продолжалась несколько недель. Либеральному большинству сабора, где не последнюю роль играли деятели иллирийского движения, удалось сломить сопротивление части провенгерски настроенного дворянства и принять решение об административной самостоятельности Триединого королевства в Австрийской империи и о создании собственного хорватского правительства — Банского веча. Был утвержден декрет о ликвидации всех феодальных повинностей крестьян, им разрешалось вести собственную предпринимательскую деятельность. Вводилось всеобщее налоговое обложение. В Хорватии шло обсуждение возможного федеративного переустройства Австрийской империи в духе австрофедерализма. Об этом говорили хорватские представители и на Славянском съезде в Праге летом 1848 г. При хорватском правительстве были созданы отделы: внешних дел, внутренних дел, финансовый, торговый и военный — фактически самостоятельные министерства. Триединое королевство Хорватия, Славония и Далмация заявляло о союзе с остальными южнославянскими провинциями империи, прежде всего с Сербской Воеводиной и словенскими землями.

Не вся хорватская политическая элита была единодушна. Провенгерски настроенное дворянство Славонии поддерживало Венгрию. Это заставило бана Елачича двинуть войска в Славонию и Срем. 29 июля 1848 г. состоялись безуспешные переговоры Елачича и главы первого венгерского правительства Баттяни по вопросу о признании хорватской автономии, что окончательно определило курс Елачича на поддержку Вены.

В сентябре 1848 г. хорватские войска под командованием Елачича перешли Драву и двинулись на Пешт, выполняя распоряжение императора, решившего расправиться с революционной Венгрией. В конце сентября начались ожесточенные бои хорватских и венгерских войск. В связи с начавшимся в октябре 1848 г. восстанием в Вене Елачич направился на его усмирение и действовал вместе с фельдмаршалом Виндишгрецем. После подавления в конце октября 1848 г. Венского восстания он вновь двинулся в Венгрию, где вскоре взял Пешт.

Наступление контрреволюционных сил в империи продолжалось до марта 1849 г., когда ясно обозначился поворот в сторону поражения революции. 4 марта 1849 г. молодой австрийский император Франц-Иосиф (1830—1916), взошедший на престол 2 декабря 1848 г. после отречения своего дяди императора Фердинанда, объявил о даровании конституции. Конституция вызвала разочарование в Хорватии, ибо не решала вопроса о воссоединении хорватских территорий в рамках автономного Триединого королевства.

В Венгрии протест против конституции вызвал новый подъем революционной борьбы. 14 апреля 1849 г. венгерское Государственное собрание приняло Декларацию независимости Венгрии и решение о низложении Габсбургов. Несмотря на успехи венгерской национальной армии, сумевшей освободить Пешт, революция была подавлена совместными усилиями императорской армии, где по-прежнему сражались и хорватские отряды, и русской армии во главе с Паскевичем, пришедшей на помощь Францу-Иосифу. 13 августа 1849 г. венгерские войска капитулировали.

После поражения революции на территории Австрийской империи хорватское Банское вече вынуждено было согласиться на признание октроированной конституции. Надежды на награду со стороны Вены за активное участие в подавлении венгерского национального движения не оправдались. Требование о воссоединении всех хорватских земель в одно целое выполнены не были. Единственной уступкой явилось временное выведение Хорватии и Славонии из-под венгерского управления.

Таким образом, национальные задачи Хорватии были решены лишь частично. Во-первых, удалось ввести национальный язык в общественную и политическую жизнь хорватских земель, во-вторых, устранить угрозу мадьяризации, в-третьих, заложить основы для будущего объединения с Военной Границей.

По вопросу о будущем Хорватии в ходе событий 1848—1849 гг. хорватская политическая элита разделилась. Унионисты (мадьяроны), потерпев поражение, все же сохранили провенгерскую ориентацию. Народняки раскололись на два лагеря: демократов-республиканцев и либералов-монархистов. Престиж Л. Гая был подорван в связи с подозрениями в связях с Обреновичами. Хорватское общество, приобретя солидный опыт политической борьбы, выдвинуло и новые силы — сторонников самостоятельного пути Хорватии, не связанного с австрославистской концепцией.

ХОРВАТСКИЕ ЗЕМЛИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX — НАЧАЛЕ XX в.

Реформы 50–60-х гг. в Австрийской империи и Хорватия

Австрийская империя с большим опозданием по сравнению с другими европейскими странами вступила в период промышленной революции. Индустриализация и модернизация проводились в стране в неблагоприятных условиях внутренней послереволюционной нестабильности и сложной внешнеполитической ситуации. Было принято решение о проведении реформ сверху. Основная задача правительства, фактически возглавляемого в 1852–1859 гг. министром внутренних дел Александром Бахом, сводилась к жесткой централизации империи, укреплению авторитета и влияния Вены во всех ее частях. Планы ускоренной модернизации касались в первую очередь промышленно развитых районов империи. Хорватия и Славония к их числу не относились и разделили судьбу отсталых, аграрных территорий страны.

Можно выделить два этапа в проведении реформ на хорватских землях в рамках общих реформационных процессов Австрийской империи в 50–60-е гг. XIX столетия.

Первый этап приходится на 1852–1859 гг. — период так называемого неоабсолютизма, когда функции представительных органов власти были значительно ограничены и законодательная и исполнительная власть перешла к императору и правительству. Принятые в это время постановления были направлены прежде всего на ликвидацию феодальных пережитков в системе землепользования. Согласно патенту от 2 марта 1853 г., определявшему условия землепользования и передела непахотных земель, помещики фактически утратили свое монопольное право на землю. Была разработана система компенсаций помещикам за наделы, отошедшие крестьянам. Кроме того, ликвидировались все оставшиеся формы прямой зависимости крестьян от помещика. Это высвобождало рабочую силу и стимулировало экономическую инициативу на территории Хорватии и Славонии. Вместе с тем процесс этот вызвал поначалу разорение как самих крестьян, так и мелкой шляхты и привел даже к господству натурального хозяйства на селе. У крестьян скопились недоимки по налогам за 1848–1853 гг., что способствовало их обнищанию. Помещики также оказались в тяжелом положении, так как ликвидированная феодальная рента была основным источником их доходов, кроме того, теперь у них не было даровой рабочей силы. Спасаясь от разорения, они продавали принадлежащие им леса. Однако условия для капитализации села были созданы. Важным компонентом курса на модернизацию

в городе стал закон 1859 г. о ликвидации цеховых институтов, способствовавший новым формам объединения ремесленников и развитию промышленного производства.

Наряду с таким важным позитивным фактором преобразований периода неоабсолютизма в целом это время характеризуется все большим отставанием Хорватии и Славонии в экономическом отношении от развитых районов империи. Это было связано с нежеланием центра инвестировать средства в неперспективные районы, отменой таможенных границ внутри империи, что способствовало наводнению рынка дешевыми и качественными товарами Цислейтании. Периферийный характер, который имела экономика Хорватии в Венгерском королевстве, еще более усугубился при переподчинении австрийскому центру. Застойный характер экономики Хорватии и Славонии во многом объяснялся и отсутствием необходимой инфраструктуры — железных и шоссейных дорог. Таким образом, модернизация, проводимая «извне», не соответствовала национальным хорватским интересам и вызывала протест всех слоев населения.

Задачам национальной интеграции в это время до некоторой степени помогали закрепление рескриптом императора в 1850 г. хорватского языка в качестве официального на территории Гражданской Хорватии и Славонии и учреждение Римским Папой в 1852 г. Загребской архиепископии. Самостоятельность католической церкви в Хорватии, ее вывод из подчинения венгерскому центру, а также широкое распространение хорватского языка были важными условиями национальной интеграции в Хорватии и Славонии.

На протяжении всего этого времени баном Хорватии оставался до самой своей смерти весной 1859 г. Йосип Елачич. Его авторитет в крае, личные заслуги перед императором помогали сдерживать волнения и протесты против свертывания гражданских свобод.

Усиленное насаждение немецкого языка, засилье чиновников, прибывших из Чехии, Словении и Галиции, запрет на любые проявления свободомыслия и национальной пропаганды вызывали все же противодействие хорватской политической элиты. Хорватский сабор не созывался с 1849 г. Сложившаяся ситуация вновь заставила искать союзника в дискриминированном венгерском национальном движении. Совместная борьба против усиленной германизации была уже традиционной, и настал очередной этап хорвато-венгерского сближения. Предстояло только выработать условия возможного сотрудничества, в том числе и в государственно-правовой сфере. Проблема эта особенно актуальной стала в условиях общеимперского административного реформирования в начале 60-х гг.

Второй этап реформ приходится на период конституционных экспериментов 60-х гг. После поражения в войне с Пьемонтом и Францией в 1859 г. императорское правительство встало перед необходимостью укрепления сильно пошатнувшейся целостности страны. Начались переговоры с венгерскими лидерами по вопросам федералистского преобразования империи. Эти подготовительные мероприятия прямым образом затрагивали хорватские земли. Во-первых, речь шла о возможном административном переподчинении их Пешту, а во-вторых, это был еще один шанс на получение автономии Триединого королевства.

Первым конституционным актом был Октябрьский диплом императора 1860 г., фактически имевший силу конституции. Венгерское Государственное собрание и хорватский сабор наделялись законодательными функциями. Венгерские лидеры пошли на прямое соглашение с Веной о реформировании империи на принципах дуализма. Уступки, сделанные венграм, были значительными — фактически восстанавливалась территориальная целостность земель «Короны св. Стефана». В конце 1860 г. была упразднена автономия Воеводины, а ее территория разделена между Венгрией (Бачка, Банат) и Хорватией (часть Срема). Возвратилась в состав Венгрии и хорватская область Меджимурье, отвоеванная Елачичем в 1848 г.

Февральский патент 1861 г. во многом изменил взятый курс на федерализацию, вновь утверждая централизм. Общеимперский двухпалатный парламент — рейхсрат — становился законодательным органом, куда все территории должны были направить своих представителей. Предполагалось созвать так называемый «расширенный рейхсрат», который решал бы проблемы австрийской и венгерской частей империи.

Хорватский сабор, также как и представительные органы большинства территорий империи, в знак протеста против продолжающейся централизации бойкотировал имперский рейхсрат. Вопрос о дальнейшем реформировании империи и об отношениях с венгерским национальным движением становится ключевым на заседаниях хорватского сабора, проходившего летом 1861 г. Здесь определились три основные позиции. Первая, доминирующая, принадлежала либеральному крылу хорватской политической элиты, представителям Народной партии, возглавляемой католическими священниками Иосипом Штроссмаером (1815–1905) и Франьо Рачки (1829–1894), которые стали идеологами нового направления в хорватском интеграционном движении — югославизма. Последователи иллиризма, они предложили новую концепцию — воссоздание Хорватии в союзе с южнославянскими народами империи — сербами и словенцами — и образование

особой, югославянской единицы в рамках империи. Культурное, идеологическое сотрудничество всех южнославянских народов они считали реальной основой воссоздания хорватской национальной государственности. Их позиция по вопросу реформирования империи сводилась к необходимости переговоров с венграми о совместном выступлении в Вене по вопросу об автономии Триединого королевства.

Партию унионистов, или мадьяронов, представляли крупные славонские помещики, лидером которых являлся барон Левин Раух.

Немногочисленная группа хорватских патриотов, возглавляемая Анте Старчевичем (1823–1896) и Эугеном Кватерником (1825–1871), выступила в саборе с требованием полной государственной независимости Хорватии. Это была позиция, получившая в современной историографии название «эксклюзивный национализм». Ее идеолог Анте Старчевич стал у истоков националистической партии Хорватии — Партии права. Выступая за восстановление утраченных исторических прав Хорватии, члены этой партии («праваши») развернули широкую пропаганду своих идей.

Большинство депутатов сабора проголосовали за то, чтобы признать возможность союза с Венгрией только при условии самостоятельности и территориальной целостности Хорватии.

В связи с выступлениями против венского центра хорватский сабор был распущен по приказу императора. Новая попытка централизма, предпринятая в правление кабинета А. Шмерлинга в 1861–1865 гг., показала слабость австрийского центра в борьбе с регионами, и прежде всего с венгерским сепаратизмом. Начался новый раунд австро-венгерских переговоров, где одним из главных был вопрос административного статуса Триединого королевства Хорватия, Славония и Далмация. Австрийское правительство отклонило в январе 1866 г. требование хорватского сабора о предоставлении автономного статуса Хорватии и Славонии, а в сентябре того же года решительно отказалось присоединить к ним Далмацию.

Хорвато-венгерское Соглашение 1868 г.

Поражение Австрии в войне с Пруссией в 1866 г. ускорило процесс реформирования империи. В течение 1867 г. было подготовлено и заключено австро-венгерское Соглашение, означавшее создание дуалистического государства. Империя теперь состояла из двух равноправных субъектов — австрийской и венгерской частей. Общими были лишь министерства финансов, иностранных и военных дел. Система дуализма означала крушение надежд на

федерализацию империи и автономные права для невенгерских и ненемецких народов империи.

Разделенными между двумя центрами оказались и земли Триединого королевства. В составе Цислейтании остались Истрия, Кварнерские острова, Далмация. Гражданская Хорватия и Славония перешли под управление Венгрии. Вопрос о Военной Границе находился в стадии обсуждения. Австро-венгерское Соглашение было негативно воспринято в Хорватии. Хорватский сабор выразил протест в адресе императору и отказался направить свою депутацию на коронацию императора венгерской короной. В ответ на это 25 мая 1867 г. сабор был распущен. Бан Хорватии Йосип Шокчевич подал в отставку, а на его место был назначен барон Левин Раух, сторонник хорвато-венгерского сближения. Он взял курс на подписание соглашения между Хорватией и Венгрией и урегулирование их государственно-правовых отношений. Активную борьбу повел он с оппозицией, устраняя народняков с государственной службы, запрещая их печатные издания. Левин Раух сумел провести новый избирательный закон, по которому на выборах в сабор в ноябре—декабре 1867 г. абсолютное большинство мест досталось его сторонникам — унионистам. Депутаты-народняки в знак протеста отказались участвовать в работе сабора. В январе 1868 г. начались переговоры депутации хорватского сабора и венгерского Государственного собрания о будущем соглашении. Главными были вопросы о возможности автономного бюджета Хорватии и о степени зависимости органов исполнительной власти Хорватии и бана от венгерского правительства. Пришлось пожертвовать финансовой самостоятельностью и согласиться на ежегодную сумму в размере 2,2 млн форинтов, которую венгерское правительство готово было выделять на нужды Хорватии. Фактически хорвато-венгерское Соглашение было заключено в той форме, в какой его предложила венгерская депутация.

Хорвато-венгерское Соглашение знаменовало собой предоставление Хорватии усеченной формы автономии в составе Венгерского королевства. В финансовом, политическом, экономическом положении Хорватия зависела от Пешта и ему подчинялась. Вместе с тем были даны довольно широкие полномочия хорватскому правительству и хорватскому сабору в области судопроизводства, местного самоуправления, культурной и религиозной политики. Триединое королевство Хорватия, Славония и Далмация признавалось в качестве политического народа, составляющего с Венгрией единую государственную общность. Венгрия подтверждала целостность хорватских территорий и обязалась добиваться соединения Военной Границы и Далмации с Гражданской Хорватией. Хорватский язык признавался официальным. Бан

Хорватии не выбирался народом, а назначался королем по предложению венгерского правительства. В совместном венгерском правительстве интересы Хорватии представлял далматино-хорвато-славонский министр без портфеля, ответственный перед венгерским Государственным собранием. Одним из сложных и дискуссионных был жизненно важный для хорватской экономики вопрос о статусе г. Риеки. Этот крупнейший хорватский порт перешел под управление Венгрии и был объявлен венгерским административным округом. Таким образом, выхода к морю Хорватия так и не получила.

В ведении хорватского правительства, созданного взамен ликвидированного императорского наместнического веча в Загребе, находились: 1) дела внутреннего управления — общественная безопасность, здравоохранение, органы социального призрения, общественные работы и строительство, учреждения культуры; 2) церковные и школьные дела; 3) судопроизводство.

Степень зависимости от Венгрии оставалась значительной, особенно в финансово-экономической сфере. Все ключевые министерства — финансов, торговли, путей сообщения, военное — были венгерскими, и основные направления развития Хорватии полностью зависели от венгерского правительства. Таким образом, хорвато-венгерское Соглашение не решало задач национального объединения и государственной самостоятельности Хорватии, но все же означало, что в многолетнем венгеро-хорватском противостоянии удалось достичь компромисса. Из южнославянских территорий Австро-Венгрии только Хорватия добилась предоставления ей автономных прав.

Хорвато-венгерское Соглашение знаменовало собой определенный этап в борьбе за хорватскую государственность. Были созданы условия для развития национальной культуры, просвещения, модернизации общественной и экономической жизни страны. О том, как это следует делать, и спорили представители разных направлений хорватской общественно-политической мысли. Каждая из них продолжала борьбу за проведение своей программы преобразований в стране.

Народняки по-прежнему оставались наиболее многочисленной и влиятельной в обществе силой, резко критиковали хорвато-венгерское Соглашение, предлагали преобразовать империю по образцу США. Они активно вели поиски союзников, широко используя идею единения южных славян. В декабре 1870 г. народняки провели в Любляне Югославянский съезд, в котором приняли участие около 100 хорватских, словенских и сербских представителей, обсуждавших программу единой югославянской политики. Лидеры народняков вели тайные переговоры и с правительством княжества Сербии, обсуждая возможные

совместные действия в Боснии и Герцеговине. В 1870 г. им удалось заставить уйти в отставку бана Левина Рауха. На выборах 1871 г. они одержали абсолютную победу, получив в саборе 51 мандат, в то время как унионисты получили лишь 13 мест и одно место занял представитель правашей.

Праваши также выступали против хорвато-венгерского Соглашения, но при этом подвергли жесточайшей критике и осуждению идею народняков о югославизме, полагая, что это предательство интересов хорватского народа. В своей критике оппонентов они активно использовали инструменты наступательного национализма, создавая образ врага, выискивая «предателей» в среде политиков Хорватии. А. Старчевич, избранный депутатом сабора, активно использовал парламентскую трибуну для пропаганды своих идей. Решительное осуждение всех интерпретаций идеи славянской взаимности звучало и на страницах печатного органа правашей — газеты «Херват» («Хорват»). Эуген Кватерник попытался реализовать тактику вооруженного сопротивления режиму, в 1871 г. возглавив восстание на Военной Границе. Однако граничары не поддержали выступления, Кватерник погиб, остальные немногочисленные его сподвижники были арестованы.

Либеральные преобразования 1870-х гг.

Пришедшие к власти представители либерального крыла хорватской политической элиты во главе с баном Иваном Мажураничем (1814–1890) провели ряд важных реформ. Первый бан Хорватии, который не имел дворянского происхождения, Мажуранич был незаурядной личностью — поэтом, просветителем, ученым (астрономом и географом), общественным деятелем. Семь лет своего пребывания на посту бана (1873–1880) он посвятил модернизации всех сторон жизни страны. Прежде всего был принят ряд демократических законов: о свободе печати и собраний; о разделении судебной и исполнительной властей; об ответственности бана перед законом. Существенные преобразования произошли и в экономической жизни Хорватии. Окончательно были урегулированы вопросы земельных отношений между крестьянами и помещиками: разработано законодательство о сервитутах (праве пользования пастбищами и лесами); ликвидированы помещичьи привилегии на строительство и содержание корчем. В 1874 г. появился закон о праве выхода из задруги любого совершеннолетнего ее члена, направленный против сохранения задружной формы хозяйствования, распространенной в основном на Военной Границе и частично в Славонии. Распад задруги, с одной стороны, способствовал высвобождению крестьян и созданию рынка рабочей

силы, с другой — вел к разрушению традиционных отношений на селе и обнищанию большой массы крестьянства.

Модернизация сельского хозяйства требовала государственных инвестиций, но в этом не был заинтересован венгерский центр. Чтобы противостоять венгерской торговой монополии, необходимо было развивать транспортную сеть. Но первая железная дорога Карловац—Риека, открытая в 1873 г., была выстроена в венгерских интересах. Строительство же дорог, связывающих Загреб и восточные части края, не предпринималось.

Самыми широкими и успешными были реформы в области просвещения и культуры. «Закон о народном образовании» освобождал 4-классные школы из-под надзора церковных властей. Это вызвало протесты как католического, так и православного духовенства. Учитывая это, пришлось ввести уточнения: школьные учителя должны быть того же вероисповедания, что и большинство учеников. Резкого роста числа школ не произошло, но существенно улучшилось качество преподавания. Наряду с созданной в 1866 г. Академией наук в Загребе (Югославянская академия наук и искусств) в 1874 г. был открыт Загребский университет — первый у южных славян. Три его факультета готовили кадры хорватской интеллигенции — юристов, педагогов, ученых, врачей. На философском факультете действовала кафедра хорватской истории.

Были созданы многочисленные просветительские, культурные и спортивные организации, научные и профессиональные общества, ассоциации педагогов, врачей, юристов. Начинает работать драматический театр в Загребе, создаются библиотеки, активно развивается литература на хорватском языке.

Курс на реформы затрагивал и сербское население Хорватии и Славонии, численность которого в процентном отношении значительно возросла после присоединения Хорватской Военной Границы. В 1871 г. произошла демилитаризация Военной Границы, а в 1881 г. Хорвато-Славонская Военная Граница (т.е. 10 из 12 регементов) была соединена с Гражданской Хорватией. Территория Хорватии увеличилась на 16 659 кв. км и равнялась 42 532 кв. км, население — на 663 тыс. жителей и составило около 1 млн 500 тыс. человек. Больше половины жителей присоединенных областей составляли православные сербы. Проблема взаимоотношений хорватов и сербов, особенно их правового и административного положения, становится одной из злободневных в Хорватии. Присоединение Военной Границы способствовало интеграции хорватских земель, но вместе с тем принесло и проблемы выравнивания экономического уровня ранее разрозненных территорий, а также межконфессиональных и межнациональных отношений.

Относительно быстрые темпы преобразований в Хорватии, ее территориальное увеличение и растущие амбиции политического руководства вызывали негативную реакцию и противодействие в венгерском центре. Постепенно намечается возврат к политике вмешательства в хорватские дела и мадьяризации. Действия правительства, особенно в области финансовой политики, принудили Мажуранича уйти в отставку в начале 1880 г.

Назначенный на пост бана Ладислав Пеячевич являлся венгерской креатурой. Во время его правления (1880–1883) было введено употребление венгерского языка наряду с хорватским в официальных вывесках, на железной дороге и в административных документах. Это вызвало резкое недовольство, приведшее в 1883 г. к демонстрациям и волнениям в Загребе, перекинувшимся вскоре и на село. Для наведения порядка властями использовались войска. Венгерский центр был всерьез озабочен ростом тенденций к большей самостоятельности Хорватии и дестабилизацией ситуации в крае.

Правление бана Куэна-Хедервари и наступление реакции (1883–1903)

Славонский помещик, граф Кароль Куэн-Хедервари (1849–1918), вошел в историю Хорватии как проводник политики «твердой руки». Он был одним из самых влиятельных членов либеральной партии венгерского премьера Тисы, боровшейся за сильное и единое венгерское государство в рамках Австро-Венгрии. Его пребывание на посту бана Хорватии (1883–1903) характеризуется свертыванием национальных политических институтов, строгим следованием указаниям венгерского центра, усилением авторитаризма. С 1883 по 1887 г. он провел ряд законов, позволявших ему полностью контролировать политическую ситуацию в Хорватии. Прежде всего это закон о реорганизации судопроизводства, делавший судей зависимыми от правительства. Были ужесточены требования к цензуре, что позволило закрыть большую часть оппозиционной прессы. Новый избирательный закон настолько повысил избирательный ценз, что теперь только 2% населения имели право голоса.

Двадцатилетний период правления бана Куэна-Хедервари приходится между тем на новый виток модернизации в Австро-Венгрии. Наблюдаются и серьезные изменения в социально-экономической жизни Хорватии и Славонии. Медленно, но уменьшается процент сельскохозяйственного населения (с 85 до 74%), что обусловливалось оттоком крестьян в город, продажей наделов. Параллельно процессу разорения и обезземеливания части крестьян

идет рост «крепких хозяйств» и увеличение числа наемных сельскохозяйственных рабочих. Меняется специализация сельского хозяйства, производство зерновых сочетается с чрезвычайно выгодным животноводством, в том числе племенным. В сельском хозяйстве медленно, но внедряются новые орудия производства, начинается переход от экстенсивных методов к интенсивным. Придание аграрному производству товарного характера требовало инвестиций, получить которые от венгерского центра не удавалось. До некоторой степени задача решалась за счет создававшихся в крае банков. Абсолютное большинство из них были национальными — хорватскими и сербскими. Их число достигло к концу века 60.

Меняется и социальная структура населения. Уменьшение в ней доли сельских жителей сочеталось с ростом городского населения, служащих и, наконец, с появлением рабочих. Последние были весьма немногочисленны (ок. 20 тыс.), но наблюдалась тенденция к их количественному росту и даже к созданию профессиональной и партийной организаций. Так, в 1894 г. была создана Социал-демократическая партия Хорватии и Славонии. Ее программа строилась на основе Эрфуртской программы Социал-демократической партии Германии и не включала требования о решении национального вопроса.

С конца века наблюдается массовая эмиграция разорившихся крестьян в США, Австралию, Канаду и Латинскую Америку. Всего выехало с территории хорватских земель (включая и Далмацию) до полумиллиона человек, что составило около 17% совокупного населения. Происходит и внутренняя миграция как в рамках Венгерского королевства, так и по всей территории Австро-Венгрии. Формируются кадры национальной интеллигенции, чиновничества, служащих различного ранга, профессиональных военных. Хотя и медленно, но идет рост среднего класса — основы гражданского общества. Национальная разделенность постепенно утрачивается с ростом унификации нации, ее языка, культуры. В условиях общности языка основным межнациональным различием становится конфессиональное. В первую очередь это касается отношений православных и католиков, особенно на территории Славонии и бывшей Военной Границы. В историографии существует мнение, что для этого времени уже можно говорить о том, что в большинстве православные Триединого королевства самоопределялись как сербы, а католики — как хорваты. Вместе с тем до сих пор нет ясности в вопросе о так называемых «сербах-католиках» и «хорватах-православных».

Процесс конфессионального противостояния был связан с целым рядом причин. Прежде всего он идет на фоне консолидации

хорватской и сербской наций, активной национальной пропаганды. Кроме того, ряд энциклик Римского Папы был направлен на непримиримое отношение к инославным. В свою очередь православные иерархи усилили антикатолическую пропаганду и выразили озабоченность распространением униатства в контактных зонах. Все больше спорных моментов возникало при поступлении представителей различных конфессий на службу, в школы, при заключении смешанных браков. Вопрос этот принимает политическую окраску. Начиная с 1867 г. в хорватском саборе сербские депутаты поднимают вопрос об автономии не только церковно-школьной, но и административной в районах компактного проживания сербов. Лишь в 1881 г. хорватский сабор согласился на признание права органов самоуправления самостоятельного принятия решений в сфере образования и культуры на территории Славонии, Лики и других населенных сербами районов.

Своеобразная ситуация в межнациональных отношениях сложилась в Далмации. Эта территория, также как и Истрия, осталась в составе австрийской части империи. Наряду с усилением австронемецкого культурного и административного влияния здесь растут и настроения в пользу автономизации Далмации и против соединения с Хорватией. Прежде всего эти настроения выражались представителями остатков итальянской знати, но наряду с ними и частью далматинцев-хорватов. Они сформировали группу так называемых «автономашей» и в имперском рейхсрате еще в 60-е гг. выступили против интеграции с Хорватией и Славонией.

Политическая жизнь на всех хорватских территориях значительно активизировалась в последней четверти XIX в. Это связано с развитием партийной борьбы, парламентскими инициативами, усилением противостояния центра и регионов как в венгерской, так и в австрийской частях дуалистической монархии.

В Хорватии и Славонии наряду с уже устоявшимися партиями народняков и правашей появились новые сильные политические организации, отпочковавшиеся от них. Из состава Народной партии в 1873 г. вышла Самостоятельная партия («самосталцы»). Протесты депутатов сабора в 1880 г. вызвало новое проявление процесса мадьяризации, выразившееся в требовании Будапешта: всем чиновникам Венгерского королевства (в том числе и Хорватии) знать венгерский язык, для изучения которого были даже открыты бесплатные курсы. В знак несогласия со сдержанным отношением Народной партии к этому вопросу из ее рядов вышла группа во главе с И. Мразовичем, основавшим Независимую народную партию. Ее программа повторяла требования Народной партии 1872 г.: ревизия хорвато-венгерского Соглашения, административная целостность и финансовая самостоятельность

Триединого королевства, назначение бана без согласования с венгерским правительством. Фактически это означало субдуализм, т.е. полную самостоятельность Хорватии в составе Венгрии. Вскоре к этой партии примкнули Ф. Рачки и И. Штроссмаер. Ее печатный орган газета «Обзор» выступила и с пропагандой югославистских идей, что вызвало недовольство правящего режима.

Партия права, возглавляемая Старчевичем, продолжала в своих изданиях как резкую критику режима Габсбургов, так и критику реформ Мажуранича. После создания в 1878 г. независимого сербского государства антисербская направленность выступлений Старчевича несколько снижается. Партия постепенно набирает силу. Своей открытой критикой положения в деревне, требованиями всеобщего избирательного права и демократических свобод она приобретает сторонников и становится все более массовой. Рост ее популярности выразился в том, что если в 1878 г. она имела двух депутатов в саборе, то в 1881 — уже 15, а в 1884 — 24. Однако после прихода к власти Куэна-Хедервари начались гонения на Партию права, ее руководство подвергалось тюремному заключению, и постепенно она превращается в умеренно-оппозиционную.

На выборах 1887 г. все оппозиционные партии в условиях нового избирательного закона и режима репрессий проиграли. 1887–1895 гг. считаются вершиной режима Куэна-Хедервари.

От Партии права в 1895 г. «оторвалась» партия крайнего национализма — Чистая партия права, название которой означало: подлинная, истинно верная идеям Старчевича (который сам также вошел в эту партию) и Кватерника. Ее возглавил идеолог крайнего хорватского национализма Иосип Франк (1844–1911), выкрестившийся еврей, юрист по образованию. Он пришел в Партию права в 1890 г., а уже в 1891 г. фактически ее возглавил. Партия вела активную антисербскую и антисемитскую пропаганду, призывала к погромам. Ее политическая программа предусматривала реорганизацию империи Габсбургов на основе триализма, т.е. выделение наряду с венгерской и австрийской еще и южнославянской единицы.

После присоединения в 1881 г. хорвато-славонской части Военной Границы сербо-хорватские отношения вступили в новую стадию. Сербские политические партии в Хорватии (так для краткости будем называть Гражданскую Хорватию и Славонию и присоединенную к ним Военную Границу) разделились. Программа Сербской самостоятельной партии во многих пунктах была солидарна с постулатами Независимой народной партии, хотя и содержала требования расширения автономных сербских прав. Вместе с тем некоторые круги сербской буржуазии искали поддержки своим

автономистским стремлениям у бана Куэна-Хедервари. Он пошел навстречу требованиям уравнивания употребления кириллицы и латиницы в служебных документах, помощи православным культурно-просветительным учреждениям из бюджета. В результате часть сербских лидеров примкнула к партии Куэна-Хедервари.

90-е гг. XIX в. характеризуются кризисом системы дуализма. Усиливается стремление к централизму в австрийской части империи, в венгерских политических кругах также выражается недовольство дуализмом. Конец 90-х гг. ознаменовался рядом острых межнациональных конфликтов, в том числе хорвато-сербских и хорвато-венгерских. Хорватская патриотическая молодежь выступала с антивенгерскими манифестациями во время посещения Загреба императором Францем-Иосифом в 1895 г., а в 1903 г. антивенгерские выступления приняли общехорватский характер. Была задействована армия, имелись жертвы. Для успокоения края Куэн-Хедервари был смещен с поста бана. Но, демонстрируя одобрение его политики, власти предоставили ему более высокий пост премьер-министра Венгерского королевства.

ХОРВАТИЯ НАКАНУНЕ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Социально-экономическое положение Хорватии в начале XX в. коренным образом не изменилось. Это по-прежнему была отсталая аграрная территория Австро-Венгрии, где 90% населения являлись сельскими жителями, 17 городов Хорватии развивались медленно. Самыми быстрыми темпами росла столица — Загреб, население которой к 1910 г. составляло 75 тыс. человек (в 1867 г. — 20 тыс., в 1890 г. — 40 тыс.). Хорватская буржуазия в основном была торговой, капитал — преимущественно ростовщическим. Наиболее многочисленной и политически активной являлась мелкая торгово-промышленная буржуазия. Хорватские национальные банки на протяжении многих лет боролись с находившимся под венгерским и австрийским контролем Ипотечным банком, захватившим ипотечные операции — самые выгодные при аграрной структуре хозяйства. Лишь к 1907 г. удалось нарушить его монополию.

Рубеж веков ознаменовался во всей Европе бурным строительством железных дорог, развитием других транспортных средств. Хорватию этот транспортный бум затронул незначительно. Железные дороги строились в основном с учетом венгерских торговых интересов — в направлении Адриатики и в глубь Балканского полуострова. Местные линии, связывающие центр и окраины, финансировались за счет скудного краевого бюджета. Все же

16 – 3699

удалось выстроить железнодорожные ветки, связывающие Славонию с Западной Хорватией.

В политической жизни Хорватии на арену выходит в 1904–1905 гг. новая партия — Хорватская народная крестьянская партия (ХНКП). Ее возглавили уже хорошо известные в крестьянском движении основатели газеты «Дом» братья Радичи — Антун (1869–1919) и Степан (1871–1928). Выходцы из многодетной крестьянской семьи, они хорошо знали проблемы хорватского села. Идеолог партии Степан Радич стал первым депутатом от партии в хорватском саборе. Программа ХНКП не только предусматривала создание крестьянских финансово-экономических организаций, просвещение и модернизацию села, но и выдвигала общедемократические требования — всеобщего избирательного права, политических свобод и равенства перед законом. Партия выступала за создание независимой Хорватской республики. Это должно было быть «крестьянское государство», где общественные отношения, построенные на основах крестьянской кооперации, способствовали бы экономическому развитию страны по аграрному пути. ХНКП вскоре после создания стала самой массовой партией в Хорватии.

Независимая народная партия в 1902–1903 гг. объединилась на платформе совместной борьбы за более полную автономию Хорватии с умеренной частью Партии права, которая не вошла в состав Чистой партии права И. Франка и получила название Хорватская партия права. Такая привязанность к термину «партия права», которую выказывали столь разно ориентированные политические партии, объяснялась тем, что в основу требований воссоздания независимости и целостности Хорватии все партии ставили «исторические права» Хорватии, зафиксированные во время подписания хорвато-венгерской унии 1102 г. Самое главное право — это право в любой момент выйти из состава Венгерского королевства.

Перед угрозой венгерского и австрийского наступления на автономные права других народов большинство партий Хорватии, Славонии и Далмации пришли к выводу о необходимости объединения политических усилий. Инициаторами этого объединения, получившего название «политика нового курса», выступили политические деятели Далмации Франьо Супило и Антун Трумбич. Осенью 1905 г. в Риеке представители нескольких хорватских оппозиционных партий (из числа депутатов саборов Хорватии и Далмации) подписали «Риекскую резолюцию» — программу совместных политических действий с венгерской оппозицией имперскому правительству. К ней не присоединился Степан Радич, который считал невозможным какую-либо кооперацию с венграми. В это же время в Задаре встретились представители сербских оппозиционных партий Хорватии (также

депутаты саборов) и подписали «Задарскую резолюцию», в которой поддержали политику «нового курса». В результате этих двух договоренностей возникло очень важное для политической жизни предвоенной Хорватии политическое объединение — Хорвато-сербская коалиция, которую возглавил лидер Сербской народной независимой партии Светозар Прибичевич (1875—1936). В коалицию вошли две хорватские партии (Хорватская партия права и Хорватская прогрессивная) и две сербских (Сербская независимая и Сербская радикальная), к ним в течение этого года примыкали и социал-демократы. В результате совместно проведенной избирательной кампании в 1906 г. Хорвато-сербская коалиция получила большинство мест в хорватском саборе. За год пребывания у власти она сумела добиться смягчения цензуры и легализации профсоюзных организаций. Но уже вскоре произошел отход от политики «нового курса», связанный с тем, что венгерские оппозиционеры отказались от борьбы за полную независимость Венгрии.

В 1908—1909 гг. после аннексии Боснии и Герцеговины усилилось давление австро-венгерских властей на оппозиционные партии славянских народов. Не избегла этой участи и Хорвато-сербская коалиция, которую обвиняли в сотрудничестве с Королевством Сербия. Учитывая враждебные отношения Австро-Венгрии с Сербией, это было равнозначно обвинению в государственной измене. Коалиция сумела выиграть затеянный против нее процесс, но восстановить свое былое политическое влияние не смогла.

Последние пять лет накануне первой мировой войны прошли в Хорватии и Славонии неспокойно. Широкое участие молодежи в политической борьбе и создание молодежных террористических организаций, охватившее Европу, не обошло и Хорватию. Здесь наряду с хорватскими национально-патриотическими организациями «Соколы» создавались и подпольные террористические анархистские группы студентов и школьников. В 1912 г. такая группа подготовила окончившееся неудачей покушение на бана Хорватии Цувая.

ВОЕВОДИНА В СОСТАВЕ ИМПЕРИИ ГАБСБУРГОВ

Социально-политическое положение сербских земель монархии в первой половине XIX в.

В XVIII — начале XX в. земли Воеводины, отвоеванные у Османской империи, составляли либо часть Военной Границы, либо часть Триединого королевства Хорватия, Славония и Далмация (Срем), либо южные комитаты (округа) Венгерского королевства.

Собственно об этих южных комитатах Венгрии — Бачке, Баране и Банате — и идет речь, когда говорят о Воеводине этого периода. Сам термин «Воеводина» является самоназванием вышеуказанных территорий сербами, которые постоянно настаивали на учреждении должности их верховного правителя — воеводы.

На сейме 1792 г. в Пресбурге сербы были объявлены равноправными подданными Венгрии, а митрополит и епископы получили право участвовать в работе венгерского Государственного собрания. Но права сербов постоянно ущемлялись, особенно при приеме на государственную службу. Фактическим главой края в 1790—1836 гг. был карловацкий митрополит Стеван Стратимирович. При нем ни разу не созывался сербский народно-церковный сабор — орган местного народного представительства. Митрополит не желал участия светских лиц в саборах, сосредоточив всю власть в своих руках. С этого времени можно говорить о все усиливающемся конфликте между церковными и светскими лидерами сербов Воеводины. Первый сабор был созван лишь через год после смерти Стратимировича, и на нем митрополитом был избран епископ Стеван Станкович. На этом саборе народные представители требовали проведения заседаний, посвященных обсуждению ключевых вопросов жизни сербов в Австрии. Однако император не позволил превратить сабор в общенародный орган; оставив ему по-прежнему лишь церковные функции. Такая же ситуация повторилась и во время выборов следующего митрополита Иосифа Раячича (1785—1861).

Помимо Воеводины и Военной Границы компактные группы сербов были рассредоточены по всему Венгерскому королевству. Самыми крупными сербскими центрами были города Нови-Сад (20 тыс. жителей) и Сремские-Карловцы — резиденция сербского митрополита. На этих территориях уже в XVIII в. сложилась прослойка сербских торговцев, ремесленников, а в XIX в. формируются сербская национальная буржуазия и интеллигенция. Сербская торговая буржуазия поддерживала просвещение и культуру. Благодаря ее меценатству в 1826 г. было создано первое культурно-просветительное учреждение академического типа — Матица Сербская, ставшее центром научной мысли всех сербов как в Австрийской империи, так и за ее пределами. Сербские газеты и журналы издавались в Нови-Саде и в Пеште, также являвшемся одним из центров сербской диаспоры в Венгрии. С 1792 г. в Сремских-Карловцах и с 1810 г. в Нови-Саде стали работать сербские гимназии. Начальные и средние школы к этому времени здесь были уже широко распространены. Общий уровень грамотности сербов в Воеводине по сравнению с сербами, проживающими в Османской империи, был очень высок.

Во время Первого сербского восстания так называемые «австрийские сербы» участвовали в качестве добровольцев в боях с турецкой армией, оказывали материальную поддержку повстанцам, принимали раненых и беженцев, способствовали развитию культурных и государственных институтов в Белградском пашалыке. После подавления восстания около 100 тыс. беженцев укрылись на территории Австрийской империи. Тесные связи сербов по обе стороны рек Савы и Дуная сохранялись на протяжении всего XIX в. вплоть до первой мировой войны. Признание автономии Сербского княжества (1833) и затем завоевание им независимости (1878) укрепили надежды на создание единого сербского государства.

В сравнении с утопичной для того времени идеей выхода из Австрийской империи гораздо более актуальным было решение вопроса правовых норм существования сербов в Венгерском королевстве и в империи в целом. Привилегии Леопольда I практически утратили свою реальную значимость. Вся автономия сербов сводилась исключительно к церковным и школьным делам. Особенно сложной стала ситуация с автономными правами после того, как Бараня, Бачка и часть Баната были выведены из Военной Границы в конце XVIII — начале XIX в. и вошли в состав Венгерского королевства в качестве обычных административных единиц. Урегулирование отношений с венгерским центром становится главной задачей сербов. Основным требованием сербов было признание церковно-народного сабора местным органом управления. Такого признания вплоть до 1848 г. они не получили ни от Вены, ни от Пешта. Не менее важной была задача представительства сербов в венгерском Государственном собрании. И здесь не удалось добиться выдвижения депутатов по национальному признаку, они должны были избираться по тем же правилам, что и в остальных дистриктах.

Венгерское руководство старалось пресечь рост сербского сепаратистского движения и проводило наряду с жесткими политическими мерами и экономические. Так, на территории Баната, Бачки и Барани, ранее в основном заселенные сербами, венгерские власти переселяли венгров, румын и словаков, предоставляя им земли. Австрийский центр в свою очередь способствовал колонизации края немцами, принимая религиозных диссидентов из немецких государств. Таким образом, с нарастанием волны колонизации сербы уже не составляли большинства на территории Воеводины.

К середине XIX в. экономическое положение Воеводины стабилизировалось. Она заняла важное место в империи, став на долгие годы одним из главных зернопроизводящих ее районов.

Здесь преобладали крупные латифундии, принадлежавшие венгерским и немецким помещикам, а также сербскому митрополиту. В 1836—1840 гг. на земли Бачки, Барани и Баната распространились принятые венгерским Государственным собранием урбариальные законы, дающие большую инициативу кметам в вопросах передвижения и выкупа земли, но выполнялись они помещиками неохотно.

Сербская буржуазия в основном занималась торговыми операциями, так как здесь находился один из перекрестков торговых путей Запад—Восток. В 1836 г. на Дунае появляются паровые суда, а в Нови-Саде строится пароходная пристань, что способствует развитию торговли и экономики в крае.

Воеводина в революции 1848—1849 гг.

Сразу же после начала венгерской революции, в середине марта 1848 г., начались волнения и в населенных сербами южных комитатах. Крестьяне требовали решения земельного вопроса и отмены урбариальных повинностей, в городах раздавались призывы направить в Пешт депутацию, которая должна была выразить солидарность с венгерским революционным правительством и предложить план сербо-венгерской договоренности о политическом статусе сербов. Такая делегация во главе с Джордже Стратимировичем, отставным офицером, провела в конце марта переговоры с лидерами венгерского революционного правительства Л. Баттяни и Л. Кошутом. Венгерская сторона категорически отказалась предоставить сербам какие-либо формы политической самостоятельности, в том числе и языковой, отстаивая концепцию целостности венгерского государства и утверждая понятие единого политического народа Венгрии.

Неудача переговоров с венграми ускорила решение о созыве общесербской скупщины. Собравшая около 10 тыс. представителей сербов различных районов Южной Венгрии, Срема и Военной Границы скупщина проходила с 1 по 3 мая в Сремских-Карловцах. На ней были приняты решения о политической автономии Воеводины (Срем, Банат, Бачка и Бараня), ее полной независимости от Венгрии. Важным было решение о солидарности и возможном административном объединении с Триединым королевством Хорватия, Славония и Далмация. Это стало ярким проявлением южнославянской солидарности в борьбе с мадьяризацией. Скупщина избрала митрополита Раячича патриархом, а находившегося в это время в Италии граничарского полковника Стевана Шупликаца (1786—1848) — воеводой. Было сформировано и правительство — «Главный комитет», которое возглавил

Д. Стратимирович. Местные народные комитеты стали осуществлять функции органов новой власти на местах. Они заменили ликвидированные в гражданских районах венгерские, а на территории Военной Границы австрийские органы управления. Фактически власть в Воеводине полностью перешла в руки Главного и местных комитетов.

Императорские власти не признавали решения майской скупщины, а венгерское правительство начало против воеводинских сербов боевые действия. В июне 1848 г. вооруженные силы Воеводины, состоящие как из регулярных граничарских отрядов, так и из добровольческих формирований, вступили в бои с венгерской армией на территории Бачки и Баната. Началась сербо-венгерская война. Венграм поначалу удалось добиться успеха на территории Баната и Бачки, но сербские войска соединились с армией Елачича и совместными усилиями сумели захватить большую часть Венгрии. Патриарх Раячич фактически стал главой Воеводины, так как воевода Шупликац умер в декабре 1848 г. Венское правительство, заинтересованное в подавлении венгерской революции, в конце 1848 г. признало решения майской скупщины и обещало политическую независимость Воеводине. В 1849 г. венграм удалось вновь добиться успеха и восстановить временно, до окончательного поражения революции, свою власть в южных комитатах.

Провинция Сербская Воеводина и Темишский Банат (1849–1861)

18 ноября 1849 г. императорским указом на части территории Срема, Бачки и Баната была создана провинция Сербская Воеводина и Темишский Банат. Земли, составляющие провинцию, были выведены из-под юрисдикции Пешта и напрямую подчинены Вене. Но требования сербов были удовлетворены не полностью. Во-первых, великий воевода не избирался народом, а его функции взял на себя объявивший себя воеводой император. Во-вторых, правительство отказалось сформировать провинцию на территориях с преобладающим сербским населением. Ее границы были определены таким образом, что сербы не имели в ней численного большинства и почти половину ее составляли области, населенные румынами. В конфессиональном плане в провинции преобладало православное население (сербы и румыны), объединенное общей патриархией, хотя и разделенное языковым барьером. Но и это единство оказалось временным. В 1863–1864 гг. румынская церковь была выведена из-под управления Сербской патриархии и получила самостоятельную митрополию.

Новая провинция Сербская Воеводина и Темишский Банат не отвечала национальным требованиям ни сербов, ни румын. Лидеры румынского национального движения в адресе к императору в 1849 г. выразили протест против включения Баната в Воеводину, где большинство администрации составляли сербы, хотя их совокупное число в провинции не превышало четверти населения. Главным городом провинции также был назван центр Баната — Темишвара. Провинции не позволили иметь и непосредственную границу с Сербским княжеством. Тем самым упреждались ирредентистские планы. Таким образом, преследуя свою цель не допускать создания национально однородных территориальных единиц, австрийское правительство вбило клин национальных претензий между сербами и румынами, а также разъединило этим административным решением сербов и хорватов Триединого королевства и Воеводины. Сербы получили православную, а не национальную автономию. На 321 тыс. сербов в провинции приходилось 397 тыс. румын, 335 тыс. немцев, 221 тыс. венгров и несколько тысяч представителей других народностей. С 1854 г. официальным языком, как и в других частях империи, здесь был объявлен немецкий.

Курс венского правительства на урегулирование отношений с Венгрией и принятие Октябрьского диплома 1860 г. привели к ликвидации 27 декабря 1860 г. провинции Сербская Воеводина и Темишский Банат. Бачка и Банат вернулись под юрисдикцию Пешта, а Срем отошел Триединому королевству Хорватия, Славония и Далмация. После демилитаризации и реорганизации Военной Границы (1871–1881) основная ее территория была присоединена к Хорватии, а банатские части вошли в состав Венгерского королевства.

Политические партии и программы сербов Воеводины во второй половине XIX — начале XX в.

С 1861 по 1914 г. Воеводина развивается в рамках венгерской части империи Габсбургов. Экономическое значение южных областей Венгрии, где проживали большие группы сербского населения, было велико. Это был один из основных высокопродуктивных сельскохозяйственных районов империи. Преобладание здесь крупного землевладения способствовало развитию капиталистических форм хозяйствования. Национальный вопрос был в Воеводине и вопросом социальным, так как большинство крупных землевладельцев в ней составляли венгерские помещики (2% венгров владели 32% земли).

Попытки сербских политических деятелей разработать и реализовать программу восстановления автономии Воеводины вызывали негативную реакцию как имперского центра и венгерских властей, так и некоторых хорватских политиков. Тем не менее первая такая программа из 16 пунктов была выработана уже в апреле 1861 г. во время работы Благовещенского сабора. Сабор требовал создания новой административной единицы — Сербской Воеводины, включающей Срем, Бачку, Банат и Военную Границу. Эта автономия должна была бы представлять интересы более чем миллионного населения сербов Австрийской империи, в том числе сербов на территории Хорватии, Славонии и Далмации, которые выбирали бы воеводу вместе с жителями Воеводины. Венское правительство отказалось удовлетворить это требование не в последнюю очередь из-за опасений, связанных с усилением авторитета Сербского княжества на Балканах.

Активные контакты воеводинских сербов с Сербским княжеством выразились в создании в начале 60-х гг. в Нови-Саде либеральной политической организации Объединенная сербская молодежь («Омладина»), куда наряду с сербами Воеводины входили и политические деятели либерально-демократического направления из Сербского княжества: Светозар Маркович, Владимир Йованович и др. Задачи организации были как культурно-просветительные, так и чисто политические — объединение всех сербов в рамках конституционного демократического государства. Сербское политическое движение в Воеводине приобретает отчетливо национальный характер и сопровождается, как и у большинства других зависимых народов империи, открытыми формами пропаганды сепаратизма и ирредентизма.

Сербская народная свободная партия (либералы), возглавляемая Светозаром Милетичем (1826—1901), стала первой сербской политической партией Воеводины. Ее программа, принятая на съезде в г. Бечкереке в 1869 г., наряду с общелиберальными требованиями муниципальной автономии, свободы собраний и организаций содержала и национальные требования, например о признании сербского языка во всех областях общественной жизни — от университетских кафедр до армии, в тех частях, где сербы составляли большинство. Программа была сформулирована в духе идеи Великой Сербии, разрабатывавшейся в это время в Сербском княжестве. С. Милетич и его партия вели последовательную борьбу с системой дуализма, в том числе и на страницах своей газеты «Застава» («Знамя»). Они выступали с лозунгом федерализации государства по примеру Швейцарии. Партия подвергалась репрессиям, а ее лидер дважды отбывал тюремное заключение за антиправительственную деятельность.

После Восточного кризиса 1875—1878 гг., когда сербский вопрос осложнился в связи с оккупацией Боснии и Герцеговины Австро-Венгрией, в партии обнаружились разногласия. В 1884 г. произошел раскол на умеренных и радикалов. Радикальная партия Воеводины под руководством Яши Томича (1856—1922) стала главной и ведущей партией воеводинских сербов. Она продолжала развивать положения Бечкерекской программы, выступая за политическую автономию, причем не только сербов, а всех славянских народов империи, за введение национального языка в делопроизводство, за церковную автономию. Партия решительно выступала против возможной аннексии Боснии и Герцеговины Австро-Венгрией. Радикалы вместе с Самостоятельной партией Славонии вели борьбу за объединение угнетенных народов Венгрии. В 1895 г. в Будапеште они провели съезд румын, словаков и сербов, на котором была принята программа борьбы этих народов за свои национальные права.

Наряду с автономистскими и сепаратистскими течениями существовали среди сербов и политические силы, ориентированные на интеграцию Воеводины в государственную и правовую систему Венгерского королевства. Такой была созданная в 60-е гг. политическая организация Джордже Стратимировича. Но эти силы были заметно слабее и менее популярны.

Сербское политическое движение во второй половине XIX в. пришло в противоречие и открытое противостояние с венгерской консолидирующей идеей, концепцией единой венгерской политической нации. Сербская политическая оппозиция способствовала расшатыванию государственно-политической системы — как венгерской интеграции, так и австро-венгерского федерализма в целом. Территория Воеводины была одним из самых сложных для управления регионов. Венгерский центр прилагал все усилия к ликвидации сербской национальной оппозиции, усиливая политику мадьяризации. В 1878 г. был принят закон об обязательном изучении венгерского языка в школах, существенно дополненный и расширенный указами 1893 и 1907 гг. Планомерная колонизация края привела к тому, что сербов на воеводинских землях к 1910 г. было 39%, а венгров — 32%. Культурная же политика Будапешта была построена так, что на 157 сербских начальных школ приходилось 560 венгерских. Последним усилием центра удержать в подчинении регион было решение венгерского правительства о ликвидации в 1912 г. сербской церковно-школьной автономии. Таким образом, рядом последовательных актов с 1860 по 1912 г. были уничтожены все формы автономии Воеводины.

БОСНИЯ И ГЕРЦЕГОВИНА В 1878–1914 гг.

Оккупация Боснии и Герцеговины Австро-Венгрией (1878–1908)

Согласно условиям Берлинского трактата (1878) Босния и Герцеговина были оккупированы войсками Австро-Венгрии. Оккупационный режим продолжался до 1908 г., после чего провинция была окончательно присоединена (аннексирована) к монархии Габсбургов.

За период 30-летней оккупации австро-венгерским властям удалось заметно интегрировать провинцию в экономическую и политическую структуру империи, провести ряд существенных экономических и культурных преобразований в сторону модернизации края. Босния и Герцеговина в политике Вены представляли важный сырьевой и стратегический объект. В планах экономического и политического усиления влияния империи на Балканах они играли роль форпоста. Через эту территорию должны были пройти и важные железнодорожные пути в направлении Стамбула и Салоник. Вместе с тем, несмотря на присутствие оккупационных войск, австро-венгерские власти не могли быть уверенными в стабильности политического положения в Боснии и Герцеговине, понимая, какую серьезную угрозу представляли собой как внутренние сепаратистские тенденции в крае, так и претензии на эти территории со стороны соседних Сербии и Черногории. Управление краем строилось с учетом этих факторов.

Формально Босния и Герцеговина продолжали подчиняться султану Османской империи, но на деле они перешли под управление министерства финансов общеимперского правительства Австро-Венгрии. С 1883 по 1903 г. управителем Боснии и Герцеговины являлся австро-венгерский министр финансов Бенджамин Калай. Еще по прежней своей дипломатической работе на Балканах он хорошо представлял ситуацию в крае и разработал план преобразований в Боснии и Герцеговине и их интеграции в общеимперскую структуру.

В 1882 г. в Боснии и Герцеговине поднялась волна вооруженного сопротивления австрийской оккупации, связанного с объявлением мобилизации в крае. В волнениях приняли участие как христиане, так и мусульмане. Австро-венгерское правительство с помощью войск подавило восстание. Проанализировав ситуацию и учтя приобретенный опыт, Б. Калай сделал ставку на национальное и конфессиональное разъединение жителей края. Прежде всего проводилась политика поддержки мусульманской знати —

беговата, сохранившего свою земельную собственность и привилегии. Затем была проведена политика депортации сербского православного населения края, расселенного чересполосно с мусульманами и католиками. На границах с Сербским княжеством были поселены колонисты-католики из Тироля и Галиции. Эти меры должны были противодействовать ирредентистским планам сербского населения края.

Особый контроль устанавливался за деятельностью православных священников. Был взят курс на ликвидацию церковно-приходских школ и общую секуляризацию начального образования. После заключения конкордата с Константинопольской патриархией (1880) император получил право назначать православных митрополитов в крае. В ответ на эти меры в 90-е гг. XIX в. развернулась борьба православных жителей провинции за признание церковно-школьной автономии и за право обучения детей в церковно-приходских школах на кириллице. Этого удалось добиться лишь в 1905 г.

Австро-венгерские власти старались изолировать мусульманское население края от влияния Османской империи. С этой целью император Франц-Иосиф назначил своего ставленника Мустафу Омеровича главой мусульманского духовенства Боснии и Герцеговины (реис-уль-илемом). Все религиозные мусульманские институты в крае были сохранены. В 1909 г. мусульманам удалось получить церковно-школьную автономию.

Свои позиции в Боснии и Герцеговине, где католики составляли меньшинство, католическая церковь укрепляла благодаря государственной поддержке сараевского епископа Йосипа Штадлера (1843–1928). Неутомимая деятельность последнего привела к полному переходу на латиницу всех изданий на сербско-хорватском языке в крае, росту числа католических школ, усилению католического прозелитизма. Штадлер и католические священники стояли на позициях верности австро-венгерскому центру и вместе с тем способствовали формированию хорватского национального самосознания среди католиков Боснии и Герцеговины.

Этноконфессиональная картина края оставалась пестрой, но при этом в связи с политикой колонизации число католиков возрастало, а из-за начавшейся эмиграции мусульман в Турцию численность последних снижалась. Согласно переписи 1886 г., в Боснии и Герцеговине проживало 1 336 091 человек. Из них православных — 571 250, мусульман 492 710, католиков 265 788, иудеев — 5805, лиц других вероисповеданий — 538. Переселение в Турцию в 90-е гг. XIX в. принимает массовый характер, поскольку неурожаи, налоговый гнет, а главное, введение воинской повинности заставляли мусульман покидать край. На чиновничьи места в аппарат австро-венгерской администрации присылались

представители славянского католического населения империи, хорошо знающие немецкий язык, — чехи, словенцы, поляки. К началу XX в. число чиновников — уроженцев Боснии и Герцеговины составляло всего 26%, из них сербских — 3 и мусульман — 5%. Попытки властей внедрить концепцию единой «боснийской народности» не удались, население отказывалось от подобной унификации.

Экономическое развитие края в период управления Б. Калая проводилось по специальному плану и носило характер ускоренной модернизации. Строились железные дороги, протяженность которых к началу XX в. составила 1684 км (правда, в основном это были узкоколейные линии), разрабатывались месторождения железной руды, магния, соли и каменного угля. В сельском хозяйстве вводились паровые и электрические мельницы, появилось племенное скотоводство. Вместе с тем сохранялась турецкая система землепользования, основанная на аграрном законе 1858 г. Землей по-прежнему владели представители мусульманской знати, за которой были сохранены ее привилегии. Крестьяне продолжали находиться в зависимости у землевладельцев. Большинство населения проживало в селах, городские жители составляли около 15%. Ранее типично ориентальные города края постепенно приобретали европейский вид. В основательно перестроенном венскими архитекторами центре провинций г. Сараеве были открыты национальный музей, библиотеки, научные общества. В 1894 г. в крае состоялась промышленная выставка. Особое внимание уделялось просвещению и образованию. Число грамотных в Боснии и Герцеговине на рубеже веков не превышало 12%. Для ликвидации неграмотности здесь вводилось обязательное восьмилетнее образование на национальном языке. Было очевидно, что австро-венгерское правительство вкладывает средства в край с тем, чтобы надолго оставить его за собой. Этому решению способствовало и тайное соглашение 1897 г. между Россией и Австро-Венгрией о возможной аннексии последней Боснии и Герцеговины.

Аннексия Боснии и Герцеговины в 1908 г.

Младотурецкая революция позволила Австро-Венгрии заставить Порту отказаться от Боснии и Герцеговины. После уплаты компенсационной суммы Османской империи австрийское правительство объявило об аннексии провинций. Это решение вызвало негативную реакцию как у некатолического населения края, так и особенно в соседних Сербии и Черногории. Правительства этих стран выразили протест и обратились к великим державам с требованием не признавать аннексию. Боснийский кризис принял

общеевропейский характер, в его разрешение были втянуты представители всех великих держав. Противостояние военно-политических блоков могло вылиться в военные действия. Страны Антанты, и прежде всего Россия, к войне не были готовы и рекомендовали Сербии и Черногории воздержаться от активизации своих действий. Боснийский кризис резко ухудшил отношения Сербии и Австро-Венгрии.

Босния и Герцеговина стали составной частью империи, здесь было сформировано местное правительство. В крае предпринимались попытки аграрных реформ, выразившиеся во введении откупной системы. Крестьянам предоставлялись кредиты на срок от 30 до 50 лет для выкупа земли. Начался учет и ревизия вакуфных земель. Но политика модернизации края, проводимая властями, сталкивалась с противодействием сильных мусульманских традиций, особого менталитета мусульманского этноса и всего боснийско-герцеговинского общества в целом. В пестрый мир конфессий и народностей Австро-Венгрии влился новый элемент — мусульманское население. Отработанные приемы интегрирования в общеимперскую структуру здесь сталкивались с противостоянием традиций двух разных цивилизаций — западной и восточной. Босния и Герцеговина стали самым западным форпостом ислама в Европе. Обыденная жизнь боснийцев и герцеговинцев по-прежнему несла ярко выраженные ориентальные черты. Это касалось как религиозной и обрядовой стороны, так и обустройства быта. Совершенно неизменным остался традиционный костюм мусульман — фески, шальвары, чадра. Законы шариата признавались властями и допускали многоженство, учитывался особый статус мусульманской женщины. Так, на железных дорогах были сооружены специальные залы ожиданий и выделены специальные вагоны для женщин-мусульманок, им разрешалось не участвовать в судебных разбирательствах.

17 февраля 1910 г. Боснии и Герцеговине была дарована конституция, согласно которой наряду с правительством края созывался и парламент. Он был лишен законодательной инициативы и права контроля над правительством. Это право принадлежало Управлению общеимперского министерства финансов по Боснии и Герцеговине.

Еще в 90-е гг. XIX в. в крае появились политические организации, оформившиеся теперь в политические партии, которые отчетливо дифференцировались по национальному признаку. В 1907 г. была учреждена сербская партия — Сербская народная организация, пропагандировавшая сербскую национальную идею. Движение мусульман за автономию политически оформилось в 1907 г. в Мусульманскую народную организацию. Обе партии были солидарны в своем неприятии возможности аннексии Боснии и

Герцеговины. В 1908 г. возникла хорватская политическая партия — Хорватское народное объединение, целью которой являлось соединение Боснии и Герцеговины и Хорватии. Все три партии в 1910 г. были представлены в боснийско-герцеговинском парламенте.

Социал-демократическая партия Боснии и Герцеговины, образованная в 1909 г., была интернациональной. В основу ее программных требований была положена Эрфуртская программа. Партия сумела сплотить около двух тысяч рабочих. Молодой рабочий класс края, еще тесно связанный с селом, составлял не более 60 тыс. человек.

Как и в других частях Австро-Венгрии, активизировалось молодежное движение, в том числе и «сокольское». Молодежные организации в основном также дифференцировались по национальному принципу и выступали с националистическими лозунгами. Наряду с легальными действовали и подпольные группы молодежи. Австро-Венгрия небезосновательно подозревала Сербию в ведении сепаратистской пропаганды на территории Боснии и Герцеговины. Нелегальные террористические молодежные организации своей программной задачей считали насильственное свержение существующего строя. Одной из них была группа «Молодая Босния», которую в основном составляли юные гимназисты и подмастерья. Она была связана с организацией офицеров Сербии «Объединение или смерть». «Молодая Босния» объединяла югославянски ориентированных представителей разных национальностей, находящихся под сильным влиянием радикальной революционной идеологии. В арсенале средств их борьбы против австро-венгерского господства первое место занимали террористические акты. На июнь 1914 г. намечались военные маневры в Боснии и Герцеговине. Для участия в них в Сараево прибыл наследник австрийского престола эрцгерцог Франц Фердинанд (1863–1914). Члены организации «Молодая Босния» подготовили и осуществили 28 июня 1914 г. террористический акт, в результате которого эрцгерцог и его супруга были убиты. Эти события послужили поводом для начала первой мировой войны.

СЛОВЕНСКИЕ ЗЕМЛИ В СОСТАВЕ АВСТРИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В НОВОЕ ВРЕМЯ

Политическое и социально-экономическое положение словенских земель в первой половине XIX в.

Словенцы занимали особое место среди южнославянских народов Австрийской империи. Не имевшие государственной традиции словенцы с VII в. входили в состав различных немецких

государств, а с XII в., значительно раньше других славянских народов, вошли в Габсбургские владения. Провинции Штирия, Каринтия, Крайна, Горица, в которых они проживали, были коронными австрийскими землями. На протяжении многих веков словенцы были разделены не только административно, но и в языковом смысле, так как до конца XIX в. свыше сорока их диалектов не были объединены в литературный язык. На территории Австрийской империи в начале XIX в. проживало около миллиона словенцев, но лишь в Крайне они были большинством — 92%; в Штирии и Каринтии словенцы составляли приблизительно треть населения, а австрийские немцы — две трети. В Истрии словенцев было около 14%, в крупном портовом городе Триесте — 31%.

Идеи Просвещения широко распространились на словенских землях, здесь еще в XVIII в. появились кружки богатых немецких меценатов, которые поставили своей целью изучение языка и обычаев своих крестьян — словенцев. Среди них выделялся кружок барона Зигмунда Цойса. Из этого кружка, объединявшего янсенистски настроенных священников, вольнодумцев, членов масонских лож, вышли ведущие словенские просветители Антон Линхарт, Валентин Водник, Ерней Копитар и др. Им принадлежат первые труды по истории Словении, первые грамматики и учебники словенского языка на основе крайнского диалекта.

Образованные Наполеоном в 1809 г. на полученных по Шёнбруннскому миру австрийских территориях Иллирийские провинции включали и словенские земли. Столицей провинций стал город Лайбах (Любляна). Проведенные в течение четырех лет преобразования — введение гражданского кодекса, секуляризация образования, освобождение кметов — оказали большое влияние на рост словенского национального самосознания. Особенно важным стимулом для развития национального языка были признание так называемого «иллирского языка» официальным языком провинций и издание на нем газет, книг и учебников. В разработке грамматики «иллирского языка» принимал участие словенский просветитель В. Водник (1758–1819).

Словенские земли значительно отставали от таких развитых регионов Цислейтании, как Богемия и Моравия. Но в первой половине XIX в. здесь произошли существенные изменения, способствовавшие превращению этих земель в развитый индустриальный район. В ходе промышленной революции здесь уже в 1846 г. началось железнодорожное строительство, широко были распространены паровые мельницы, развивалась ткацкая промышленность.

В первой половине XIX в. социальная структура общества на словенских землях дифференцировалась по национальному признаку. Помещики, чиновничество, бюргеры в основном были немцы. Словенцы, никогда не имевшие своего национального дворянства, преимущественно проживали в деревнях и принадлежали к крестьянскому сословию. После реформ Иосифа II начался процесс ликвидации феодальной системы землепользования, который на словенских землях шел интенсивнее, чем у других южных славян империи. Продажа помещиками земельных наделов способствовала концентрации земли в руках государства и обогащению буржуазии. Крестьяне арендовали землю у помещика и помимо выплаты ренты (денежной и натуральной) должны были еще отрабатывать определенное число дней в году барщину и выплачивать десятину церкви. Словенские крестьяне все же находились в лучшем положении, чем крестьяне Венгерского королевства, но и они бунтовали против помещичьего произвола. Лишь в 1846 г., после очередного крестьянского восстания, издается императорский патент о замене всех существующих повинностей крестьян перед помещиками денежной выплатой. Сельскохозяйственная культура у словенцев была достаточно высокой, использовалась трехпольная система. Здесь были широко распространены картофель, кукуруза, клевер, что позволяло увеличить откорм скота. Картофель уже к 1844 г. становится в Словении самой популярной сельскохозяйственной культурой. Особой специализацией словенцев было и пчеловодство.

У словенцев в XVIII в. раньше, чем у других южнославянских народов, начала формироваться поначалу очень немногочисленная национальная буржуазия. Свой первоначальный капитал она создавала благодаря откупам и скупке земли у разорившихся помещиков. В промышленности и торговле царила немецкая буржуазия. Уже в XVIII в. широко были распространены мануфактуры (стекольные, бумажные), а также горные и металлургические предприятия. Все они стали базой капиталистической промышленности в ходе процессов модернизации в XIX в. Словенский рабочий класс также начал формироваться довольно рано. Если в XVIII в. рабочие еще были тесно связаны с селом, то после реформ Иосифа II часть крестьян уже окончательно уходит в город и становится основой потомственного словенского пролетариата.

Население городов было смешанным, лишь в Триесте и Любляне словенцы составляли большинство. Ремесленные мастерские имели давние традиции и их продукция — зеркала, фурнитура, обувь, кожаные изделия — пользовалась спросом в Австрийской империи и за ее пределами. Города, находившиеся на пересечении транзитных торговых путей, довольно быстро развивались,

хотя население их по-прежнему было невелико. Так, в Любляне проживало 20 000 человек.

Абсолютное большинство населения были католиками, процент протестантов был совсем незначительным. Католическая церковь в жизни словенцев играла исключительно важную роль. Она являлась одним из крупнейших землевладельцев, ей принадлежала треть земельных наделов. Священники, как правило, или были словенцами по происхождению, или хорошо знали словенский язык, чему способствовало преподавание на словенском языке в Люблянской семинарии. Из числа духовенства вышла основная часть деятелей словенского просвещения и культуры, его представители стали ядром национальной элиты. Тесно связанные с государственной администрацией, они во многом определили и характер словенского национального Возрождения как преимущественно культурно-просветительного, а не политического движения.

Словенское национальное Возрождение и революция 1848–1849 гг.

Словенское национальное Возрождение, активизация которого приходится на период существования Иллирийских провинций, было тесно связано с хорватским национальным движением — иллиризмом. Непосредственные контакты хорватских иллиров и словенских просветителей способствовали выработке общей позиции по вопросу о возможном преобразовании империи и создании в ней единой югославянской единицы. Многие словенцы участвовали в иллирийском движении. Близким соратником и помощником Людевита Гая был выдающийся словенский поэт Станко Враз (1810–1851), писавший свои произведения на хорватском языке. До революции 1848 г. словенское национальное движение шло в основном в русле иллиризма, в свою очередь находившегося под сильным влиянием чешской национальной идеологии и идей славянской взаимности.

Сам термин «Словения» начинает использоваться словенскими интеллектуалами лишь накануне революции 1848 г. До этого словенцы самоидентифицировались как «каринтийцы», «штирийцы», «краинцы», и их краевой сепаратизм замедлял процесс интеграции словенской нации

Словенцы, у которых не было «исторического права» на государство, до революции 1848 г. не выдвигали программ автономизации, некоторые из них предлагали войти в состав хорватской автономии. События революции 1848–1849 гг. явились стимулом для выработки общесловенской национальной программы, известной

под названием «Объединенная Словения». Она предполагала объединение всех территорий, населенных словенцами, в одну автономную административную единицу в рамках Австрийской империи. Предусматривалось создание своего представительного органа (дежельный збор) и введение словенского языка в обучении и в администрации. Эта программа, разработанная в апреле 1848 г. группой словенцев во главе с Матией Маяром (1809–1892), находившихся в Вене, стала знаменем национальной мысли до самого распада Австро-Венгрии в 1918 г. Словенская делегация приняла активное участие в созыве Славянского съезда в Праге (июнь 1848 г.) и работе в составе его южнославянской секции, поддержав идею федерализации Австрийской империи.

На словенских землях революционные события в основном разворачивались в деревне, где произошло несколько крупных восстаний, подавленных с помощью армии. Октроированная конституция (4 марта 1849 г.) в целом была позитивно воспринята большинством словенских политических деятелей.

Словенские земли во второй половине XIX в.

После поражения революции словенские земли прошли весь путь реформирования империи Габсбургов в составе коронных австрийских земель. Никакой автономии, ни политической, ни культурной, они не получили.

Преобразования периода баховского абсолютизма и конституционных реформ 60-х гг., освобождение крестьян от повинностей способствовали высвобождению рабочих рук для развивающейся горнодобывающей промышленности Словении. Общие процессы модернизации экономики и централизованного ее регулирования положительно сказались на экономическом развитии словенских земель. Начинается переоснащение горнодобывающих предприятий, ведется поиск и разработка новых месторождений железной руды и угля, строятся железные дороги. Словенские земли становятся одним из источников топливно-сырьевых ресурсов, а города Любляна, Марибор, Целе — индустриальными центрами. В Триесте активно развиваются транзитная торговля, промышленность и судостроение. Словенская буржуазия по-прежнему оставалась в тени австронемецкой, но уже к началу XX в. на базе густой сети словенских сберегательных касс складывается словенский банковский капитал. В 1900 г. создается Люблянский кредитный банк.

Изменяется и социальная структура общества, процент сельского населения заметно снижается с 83% в 1857 г. до 73% в конце XIX в. Рабочий класс же на рубеже веков насчитывал около 80 тыс. человек.

Принятие Октябрьского диплома и Февральского патента оживило политическую жизнь на словенских землях. Начались выборы в местные представительные органы — ландтаги. Словенцы были представлены в ландтагах Каринтии, Крайны, Штирии, Горицы, Истрии. Однако из-за особенностей избирательной системы в них преобладали немецкие представители. Избирательный ценз и курии были установлены таким образом, что 200 крупных землевладельцев избирали более четверти состава ландтагов, а составлявшие около 80% населения крестьяне — только две пятых. Поскольку словенцы в основном и были крестьянами, то представлены в ландтагах они были не пропорционально своей численности.

В период, когда все славянские народы империи выступали с программами восстановления своих «исторических прав» и предоставления им автономии, у словенцев появилась новая программа национальной интеграции — «Внутренняя Австрия». Ее автор каринтийский священник Андрей Эйншпилер (1813—1888), легитимист и апологет католической церкви, в своем журнале «Словенец» заявлял, что «словенец всегда будет католиком, словенцем и австрийцем» одновременно. В 1865 г. в г. Мариборе словенскими общественными деятелями был принят проект воссоздания австрийской средневековой провинции Внутренняя Австрия как автономной единицы. Таким образом, словенцы предполагали объединиться на основе «исторического права». Мариборская программа не имела широкой поддержки, поскольку была уязвимой по многим пунктам, и прежде всего потому, что границы Внутренней Австрии не совпадали с границами проживания словенцев.

Словенская общественная мысль получила развитие в связи с активизацией работы местных ландтагов по Конституции 1867 г. Вновь актуальной стала программа «Объединенная Словения». В это время начинают складываться первые политические группировки — либералов и консерваторов («младословенцы» и «старословенцы»).

Национальной интеграции мешал и географический фактор, так как горные затерянные селения и низинные села были оторваны друг от друга. В городах Каринтии и Штирии преобладало немецкое население. Центром национального единения стала Крайна (во главе с г. Любляна), где словенцы составляли большинство. Именно здесь словенские общественные деятели устраивали общесловенские многолюдные съезды под открытым небом, получившие по чешской аналогии название таборов. Эта смесь ярмарки, политического митинга и народного праздника давала возможность вести широкую пропаганду словенской национальной идеи и программы «Объединенная Словения».

Вместе с тем продолжала развиваться и югославянская идея, предусматривавшая триалистическое переустройство империи с выделением югославянской единицы. О возможном административном объединении словенских земель с Триединым королевством Хорватия, Славония и Далмация договорились хорватские и словенские общественные деятели в Любляне в 1870 г. Люблянская резолюция провозглашала общность интересов южных славян Австро-Венгрии.

Политические партии у словенцев оформляются довольно поздно — лишь в конце 80-х — начале 90-х гг. XIX в. Фактически складываются две словенские партии — в 1892 г. консервативно-клерикальная Католическая народная партия (в 1905 г. переименована в Словенскую народную партию, а в 1912 — в Хорвато-словенскую партию права) и в 1894 г. либеральная Народная прогрессивная партия. На протяжении последующих двух десятилетий на политической арене неизменно побеждали консерваторы, обладающие бóльшим весом в народных массах.

Образование Католической народной партии было связано с ростом и укреплением клерикальных тенденций в словенской политической жизни. Большое значение для выработки программ словенских клерикальных кругов имела энциклика папы Льва XIII Rerum novarum (1891), призывающая католических священников к активной деятельности по защите угнетенных слоев населения, при этом признавая и права собственников и работодателей. На словенских землях в конце XIX — начале XX в. состоялось четыре католических съезда (1892, 1900, 1906, 1913), где обсуждались вопросы науки, культуры, воспитания молодежи, политической и общественной деятельности. Характерной чертой словенского национального движения является ведущая роль церкви и священников, которые шли в авангарде национальных сил. Усиление клерикальных тенденций в общественной жизни словенцев связано с именами епископов Антона Махнича (1850–1920) и Якоба Миссы (1838–1902). Под их покровительством церковь проникает во все сферы жизни словенцев, контролирует умонастроения паствы. Под эгидой церкви и католической партии развивается движение христианского социализма, быстро получившего популярность в словенских массах. Его возглавил член Католической народной партии священник и профессор богословия Янез Крек (1865–1917). В своих публицистических работах он обличал капиталистическую эксплуатацию и видел решение этой проблемы в создании крестьянских и рабочих кооперативов. Практическая деятельность Я. Крека и его сподвижников привела к созданию кредитных касс для помощи рабочим и крестьянам, организации 460 сельскохозяйственных и торгово-промышленных

кооперативов (задруг), объединившихся в 1903 г. в единый союз. Активно действовали христианские социалисты и среди рабочих. Уже в 1894 г. они создали «Словенское католическое рабочее общество» в Любляне, объявив его целью улучшение материального и духовного положения рабочих. В 1909 г. созданные ими профсоюзные организации объединились в Югославянский профессиональный союз. Христианские социалисты не выделились в особую партию, а действовали в рамках Католической народной партии и тем самым способствовали ее популярности. В основе национально-политической программы партии лежала программа «Объединенная Словения».

Либеральную Народную прогрессивную партию возглавили Иван Хрибар (1851—1941) и Иван Тавчар (1851—1923). У либералов была хорошо разработана национально-политическая программа борьбы за автономию словенских земель. Гораздо слабее выглядела ее социальная часть, содержавшая общие фразы о прогрессе. Партия объединяла в основном либеральную словенскую буржуазию и вела работу только среди городского электората. Ее попытка создать свои рабочие организации, альтернативные христианско-социальным и социал-демократическим профсоюзам, оказалась неудачной. В противовес клерикалам партия вела широкую пропагандистскую работу через культурно-просветительные организации Общества свв. Кирилла и Мефодия. Несмотря на все усилия, либералы так и не сумели победить клерикалов в политической борьбе.

В 1896 г. в Словении была создана Югославянская социал-демократическая партия (ЮСДП), которая в качестве составной части австрийской социал-демократической партии приняла ее Гайнфельдскую программу. Партия активно включилась в борьбу за права рабочих, 8-часовой рабочий день, прямые и тайные выборы, расширение полномочий профсоюзов. ЮСДП выступала против клерикализма и требовала секуляризации образования. Ее лидер Этбин Кристан (1864—1953) на съезде австрийской социал-демократической партии в Брно в 1899 г. отстаивал программу культурно-национальной автономии. Он считал, что любая политическая форма автономии приведет к последующему угнетению находящихся в ней национальных меньшинств и только объединение по языковому и культурному принципам позволит решить национальный вопрос и ликвидировать государственные границы.

Против клерикализма и либерализма активно выступали и словенские реалисты — последователи идей известного чешского политика Томаша Масарика, теория «малых дел» которого была

чрезвычайно популярна среди славянской молодежи. Объединившиеся вокруг журнала «Наши записки» в 1909—1914 гг. молодые интеллектуалы, получившие образование в Праге, выступали за социальные реформы, учитывающие интересы «маленького человека», за широкую просветительскую работу. Они категорически не соглашались с планами социал-демократии о революционном преобразовании общества.

Словенско-немецкие отношения в конце XIX — начале XX в.

Последнее десятилетие XIX в. и начало XX в. характеризуются усилением националистических тенденций и ростом настроений национальной нетерпимости. Это объясняется как экономическими факторами — конкуренцией национальной буржуазии, чиновничества, так и ростом общих тенденций к развитию расистских и шовинистических теорий, распространению пангерманских настроений. На словенских землях складывается специфическая демографическая ситуация — немецкое население растет, а словенское убывает, что объясняется массовой эмиграцией обедневших словенских крестьян за океан. Всего эмигрировало свыше 100 тыс. словенцев. В системе просвещения также наблюдалась германизация — не было ни одной гимназии на словенском языке, а большинство учителей средних школ были немцами.

На словенских землях начинается открытое противостояние немцев и словенцев в общественно-политической и экономической сферах. Наиболее откровенные формы принимает этот процесс в контактных зонах проживания немецкого и словенского населения, и в первую очередь в Каринтии. Политика официальной германизации вызывает здесь открытое сопротивление словенцев. В свою очередь шовинистически настроенная часть немецкого населения участвует в погромах словенских культурных учреждений, редакций словенских газет. В ответ на эти действия в 1908 г. прошли манифестации словенцев, сопровождавшиеся погромами немецких лавок. В ходе разгона демонстраций погибли два словенских юноши.

Как и у других славянских народов, у словенцев появились накануне первой мировой войны тайные молодежные организации. Наиболее массовая из них — «Возрождение» — объединяла гимназистов и студентов, обучающихся в Вене. Своей задачей она ставила создание независимого государства, поддерживала югославянские идеи, выступала с антиавстрийскими лозунгами и была связана с боснийской подпольной организацией «Молодая Босния».

КУЛЬТУРА СЕРБИИ, ВОЕВОДИНЫ, ЧЕРНОГОРИИ, ХОРВАТИИ, СЛОВЕНИИ, БОСНИИ И ГЕРЦЕГОВИНЫ В XIX — НАЧАЛЕ XX в.

Народы Сербии, Воеводины, Черногории, Хорватии, Словении, Боснии и Герцеговины в XIX — начале XX в. объединяли не только этническая и языковая близость, но и общие задачи развития культуры. Ими являлись: изучение национального языка и оформление литературного языка; модернизация образования, создание национальных научных учреждений, средних и высших учебных заведений с преподаванием на национальном языке; становление светской национальной художественной культуры — литературы, изобразительного искусства, музыки, театра; изменение обыденной культуры в сторону европеизации и урбанизации. Поэтому в первой половине XIX в. сотрудничество ученых и политиков этих народов было очень плодотворным. Время это характеризуется взаимным влиянием и совместными культурными акциями. Трудно разделить по «национальным квартирам» взаимосвязанный процесс поиска путей оформления литературных языков, реализации идеи о возможности принятия общего литературного югославянского языка и т.д. Однако уже во второй половине XIX в. национальные устремления сербов, хорватов, словенцев дифференцировались, что повлияло и на их культурную жизнь. Разница в политическом положении различных народов также сказывалась на специфике культурных процессов. Культурная жизнь южных славян монархии Габсбургов была неразделима с борьбой за национальное самоопределение, национальную интеграцию, с сопротивлением процессам германизации и мадьяризации. Вассальные княжества, а после 1878 г. независимые государства Сербия и Черногория решали совсем другие задачи и в других политических условиях. Развитие их культуры было частью государственно-политической программы.

Национальное Возрождение и проблемы оформления литературных языков

Сербы, хорваты, словенцы в начале XIX в. оказались разделенными как административно, так и в языковом и культурном отношениях. Сербы и хорваты проживали в двух империях и говорили на нескольких диалектах, словенцы жили в разных районах Австрийской империи и также различались диалектами. Именно поэтому кодификация национальных языков была особенно актуальной, язык стал стержнем в процессах национальной интеграции, важнейшим средством пропаганды национальных идей.

Чрезвычайно популярна среди деятелей славянского национального Возрождения была идея универсального общеславянского языка. Предлагался или русский язык, или синтез основных славянских языков. У сербов, черногорцев, хорватов и словенцев эта идея трансформировалась в идею создания общего югославянского языка. Особенно широкое распространение она получила среди словенских просветителей (Станко Враз, Матия Маяр).

Наряду с этой тенденцией укреплялась уверенность в необходимости разработки чисто национальных языков — сербского, хорватского, словенского. По этому поводу развернулись так называемые «алфавитные войны», или языковые реформы. Какой принять алфавит: латинский, кириллический? Или изобретать свой собственный, более отвечающий фонетическим особенностям каждого языка.

В 1808 г. известный словенский славист *Ерней Копитар* опубликовал первую словенскую грамматику, призванную унифицировать словенские диалекты в один литературный язык. Его последователи пытались ввести и новый алфавит — смесь латинских и кириллических букв, чему решительно воспротивилась большая часть словенских филологов, считавших это отступлением от уже существующих языковых традиций. В результате в 30—40-е гг. победила группа словесников во главе с выдающимся поэтом Ф. Прешерном, взявшая за основу латиницу Л. Гая.

У сербов задачу реформирования литературного языка взялся решить *Вук Караджич*. Он стремился сделать язык доступным народу.

В 1814—1818 гг. он издал первую сербскую грамматику и словарь. Караджич разработал сербский литературный язык на базе герцеговинского диалекта, основываясь на сравнении и сопоставлении сербских говоров. Его принцип в грамматике — «пиши, как говоришь, а читай, как написано» — существенно упростил процесс овладения грамотой для широких масс. В основу сербского алфавита он положил кириллическое письмо, несколько его видоизменив с тем, чтобы каждому звуку соответствовала буква. У него были и серьезные противники, считавшие, что отход от славяно-сербского языка свидетельствует об отходе от православных традиций, но победа осталась за Караджичем.

Реформированный Караджичем язык хотя и не сразу, но все же был признан и в Сербском княжестве, где с 60-х гг. XIX в. стал основой для развития образования и литературы. Это новое правописание использовалось сербами в Воеводине, Боснии и Герцеговине, а также и черногорцами. На нем основан и современный литературный сербский язык.

В Хорватии, где существовало семь различных правописаний, за реформу языка взялись иллиры. *Людевит Гай* в 1830 г. выпустил

«Краткую основу хорватско-славонского правописания», где за основу взял штокавский диалект, близкий к сербскому. Алфавит он создал на основе латиницы и ввел туда чешские надстрочные знаки.

Идея югославизма, охватившая хорватских, словенских и сербских деятелей Возрождения в 40—50-е гг. XIX в., диктовала необходимость и языкового объединения. С этой целью в 1850 г. сербские и хорватские ученые подписали «Литературный договор» об общем литературном сербско-хорватском языке, различающемся только написанием — латиница и кириллица. Но в дальнейшем разница в понимании национальных задач и политическое соперничество хорватских и сербских политических кругов привели к критике самой возможности существования этого единого языка. В последующие десятилетия спор о языке был одной из составляющих национальных конфликтов сербов и хорватов.

КУЛЬТУРНЫЕ ПРОЦЕССЫ В СЕРБИИ В XIX — НАЧАЛЕ XX в.

Специфика становления и развития сербской культуры заключается в том, что ее центром до середины XIX в. являлась Австрийская империя, а точнее Южная Венгрия, территория Воеводины. Именно здесь были сосредоточены культурно-просветительные учреждения сербов. Во второй половине XIX в. центром развития сербской науки и культуры становится Сербское княжество, этот процесс активизируется после получения Сербией независимости в 1878 г.

Наука и просвещение

Уже в период Первого сербского восстания (1804—1813) в Белградском пашалыке — ядре будущего сербского государства — были созданы первые органы просвещения и культуры. Это прежде всего первая на территории Османской империи сербская гимназия — Высшая школа в Белграде (1808—1813) и министерство просвещения в составе правительства Карагеоргия — Правительствующем совете. Инициатива создания этих двух институтов образования и культуры принадлежала прибывшему в Сербию выдающемуся сербскому просветителю *Досифею Обрадовичу* (1739—1811). Крестьянский мальчик Дмитрий Обрадович родом из Баната обучился грамоте в монастыре Хопово в Воеводине, где был послушником, а затем и монахом. Он принял постриг под именем Досифея, но неукротимая жажда знаний заставила его бежать из монастыря и искать возможности получить светское

образование. Обрадович слушал лекции во многих европейских университетах, проникся идеями рационализма и Просвещения, сам написал ряд антиклерикальных работ, восхваляющих силу человеческого разума. Узнав о начале сербского восстания, он прибыл в Белград, где и основал гимназию. Досифей Обрадович — основоположник не только светского образования в Сербии, но один из основателей сербской исторической и философской школы. Считается, что его автобиографическое сочинение «Жизнь и приключения Дмитрия Обрадовича, нареченного в монашестве Досифеем» положило начало сербской светской литературе периода национального Возрождения.

Учеником и последователем дела Обрадовича стал историк, филолог, фольклорист и писатель *Вук Караджич* (1787–1864). Сын крестьян-переселенцев из Герцеговины в Западную Сербию, Караджич с детства стремился к знаниям. Рано овладев грамотой, он в ходе Первого сербского восстания служил писарем в штабе повстанцев и был секретарем Правительствующего совета. Вука Караджича называют гениальным самоучкой, ибо он всего два года (1805–1807) учился в гимназии в г. Сремские-Карловцы, а затем всю жизнь занимался самообразованием. Он стал первым историографом событий сербских восстаний начала века, автором литературных портретов своих современников — Карагеоргия, Милоша Обреновича и других сербских воевод. Его исторические сочинения основаны как на блестящем знании источников, так и на личных впечатлениях. Деятельность Караджича по собиранию и публикации сербского эпоса, исторические труды и лингвистическая работа получили высокую оценку современных ему ученых в Европе и России и принесли всемирную известность. Большая часть его жизни прошла в Австрийской империи, где он тесно сотрудничал с известными чешскими, словацкими, хорватскими славистами. Караджич был награжден стипендией и орденами русского правительства, поддерживал связи с русскими учеными. Его произведения уже в 20-е гг. XIX в. были переведены на русский язык и послужили материалом для ряда стихотворений цикла А.С. Пушкина «Песни западных славян».

В Сербском княжестве первая типография появилась в 1831 г. Это была Княжеская сербская типография в Белграде. Почти одновременно с ее основанием были приняты и правила цензуры печатного слова.

В 1838 г. в г. Крагуевце было основано первое высшее учебное заведение в Сербии — Лицей. В 1841 г. он был переведен в Белград, а в 1863 г. преобразован в Высшую школу, которая в свою очередь стала основой Белградского университета, открытого в 1905 г. Высшая школа готовила к государственной службе десятки молодых людей ежегодно, но потребность в образованных

людях была значительно выше. Уже с 1839 г. правительство отправляло сербскую молодежь для обучения за границей за государственный счет. В западноевропейских университетах из них готовили специалистов, необходимых государству, — юристов, инженеров, агрономов, офицеров. Для получения высшего духовного образования студенты направлялись в семинарии и духовные академии России. Вместе с тем открывались и новые учебные заведения в самой Сербии: в 1842 г. — Военное училище, а в 1848 г. — Агрономическая школа. Так были заложены основы для создания национальной интеллигенции Сербии.

Система образования складывалась на протяжении всего XIX в. и прежде всего была направлена на распространение начального образования. К началу XX в. в Королевстве Сербия насчитывалось около 1000 начальных школ, в которых обучалось свыше 100 тыс. учеников.

Оформление первых национальных институтов сербской науки начинается с создания в 1842 г. Общества сербской словесности. В 1848 г. были открыты Национальная библиотека и Народный музей. В это же время появляются первые научно-популярные сочинения по агротехнике, знакомящие сербских крестьян с достижениями сельскохозяйственного производства западноевропейских стран.

В 60–70-е гг. XIX в. можно говорить о становлении профессиональной сербской науки. Она развивается поначалу в области гуманитарных исследований — истории, филологии, философии. Здесь выделяются имена сербских историков Илариона Рувараца (1832–1905), Стояна Новаковича (1828–1915), занимавшихся изучением национальной истории.

Сербская Академия наук была открыта в 1886 г. и способствовала подготовке ученых в разных областях знаний. К началу XX в. в Королевстве Сербия наряду с гуманитарными появились оригинальные фундаментальные исследования в области естествознания и техники. В области географии, социальной психологии, этнографии успешно трудился талантливый ученый Йован Цвиич (1865–1927). Труды математика Михаила Пе́тровича (1868–1943) и астронома Милутина Миланковича (1879–1927) получили европейскую известность.

Литература и искусство

Сербская литература XIX в. глубоко национальна. Она выполняла задачи не только культурно-просветительные, но и нравственно-воспитательные и национально-политические, способствовала росту национального самосознания, воспитывала

патриотические чувства. Литература для XIX в. — самый массовый и широко распространенный вид искусства, позволяющий вести национальную пропаганду в широких слоях населения.

В сербской литературе романтизм почти не проявился как особое направление. Он связан с именами поэтов, которые жили и творили в Воеводине, но были популярны и в Сербии, — Бранко Радичевич (1824–1853), Йован Йованович-Змай (1833–1904), Джура Якшич (1832–1878), Яков Игнатович (1824–1889).

Сербская реалистическая литература была уже более обширной и профессиональной. Она находилась под сильным влиянием русской литературы. К числу наиболее талантливых литераторов можно отнести Бранислава Нушича (1864–1938), писателя и драматурга.

В 1892 г. было основано Сербское литературное общество, призванное помогать развитию художественной литературы. Профессор литературы Белградского университета Йован Скерлич (1877–1914) способствовал становлению литературной критики. Он и его единомышленники высоко ценили современную им французскую литературную школу и пропагандировали ее в Сербии. Символизм присущ раннему творчеству известной сербской поэтессы Исидоры Секулич (1887–1958). Влияние французского искусства конца XIX — начала XX в. ощущается не только в литературе, но и в других формах творчества — изобразительном искусстве, музыке. О серьезных профессиональных работах в сербской живописи можно говорить лишь в конце XIX — начале XX в. Джура Якшич, Пайя Йованович — основатели сербской художественной школы.

Создание национального театра, оперы и собственной музыкальной школы связано с началом XX в. Первым профессиональным сербским композитором стал Стеван Мокраняц (1855–1914).

Он не только автор рапсодий и сюит на народные темы, но и многолетний руководитель Белградского певческого общества. В 1901 г. Божидар Йоксимович (1868–1955) создает первую сербскую оперу «Женитьба Милоша Обилича». Становлению Народного театра в Белграде помогал русский режиссер А.В. Андреев.

Изменения в обыденной культуре и облике городов

Города Сербии медленно меняли свой облик. В первой половине XIX в. преобладает народная балканская архитектура. Военная академия и Манеж построены в середине века в духе классицизма. На рубеже веков архитекторы А. Бугарский (1835–1891) и Й. Илькич (1857–1917) украсили столицу зданиями в стиле неоклассицизма. Белград к началу XX в. обрел уже вполне

европейский вид: многоэтажные дома венского стиля, парки, сады, статуи и памятники, электрическое освещение, трамваи. Горожане лишь к концу XIX в. переходят на европейское платье, сохраняя верность удобной кожаной обуви (опанкам) и народному костюму.

Наиболее существенные изменения в быту претерпела обстановка жилища, где низкая ориентальная мебель заменялась европейскими шкафами, столами и венскими стульями. В городах наряду с традиционными кафанами, играющими роль клубов, где мужчины пили кофе и крепкие спиртные напитки, появились и европеизированные рестораны, куда можно было зайти с дамой. Австрийские сербы открыли кондитерские — здесь можно было выпить кофе по-венски и почитать свежие газеты. Появились новые формы досуга — театры, концерты, пикники, поездки на курорты и воды. В Сербии на базе природных минеральных источников строится несколько бальнеологических курортов.

Специфика развития культурных процессов в Сербии обусловливалась задачами строительства самостоятельного государства, укрепления его экономического и политического положения на Балканах и в Европе в целом.

КУЛЬТУРНАЯ ЖИЗНЬ СЕРБОВ АВСТРИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В XIX — НАЧАЛЕ XX в.

Сербы, проживающие на территории Австрийской империи, составляли особый культурный ареал. Православная традиция, большой монастырский комплекс, широкие контакты с Россией придавали культурным процессам сербов монархии Габсбургов особый колорит. Вместе с тем общая культурная традиция империи, преобразования в области просвещения и научных учреждений, широкое распространение грамотности, газет и журналов способствовали секуляризации сербской культуры. Особое значение в ее становлении играла Воеводина. Нови-Сад и Сремские-Карловцы становятся в первой половине XIX в. культурными центрами не только сербов Австрийской империи, но и сербов, проживающих на территории Османской империи.

Наряду с существовавшими церковными школами и семинарией здесь работали и светские учебные заведения. Так, в 1810 г. была открыта гимназия в Нови-Саде, одним из первых директоров которой стал выдающийся ученый-славист П.Й. Шафарик. При гимназии существовала солидная библиотека.

Важнейшим событием в деле становления общесербской науки и просвещения становится создание в 1826 г. культурно-

просветительской и научной организации — Матицы Сербской. Матица объединила литераторов, ученых, меценатов, стремящихся к просвещению сербского народа. Стал издаваться журнал «Летопись Матицы Сербской». Матица печатала учебники, журналы, художественную и научно-популярную литературу.

Сербский просветитель Досифей Обрадович оказал большое влияние на формирование сербской литературной школы. Именно его призыв к широкому распространению знаний, просвещению народа придал демократический характер развитию сербской литературы.

Большинство сербских поэтов и писателей первой половины XIX в., творчество которых вошло в общую сокровищницу сербской и югославянской культуры, были родом из Воеводины — это Й. Йованович-Змай и Б. Радичевич.

Первый у югославян театр был открыт в Нови-Саде в 1861 г. Известный сербский драматург Йован Стерия Попович (1806—1856) родился и получил образование в Воеводине, но много лет провел в Сербском княжестве, где стоял у истоков создания системы школьного образования. Он способствовал открытию в Белграде Общества сербской словесности, Национальной библиотеки и Народного музея. Его драматические произведения были разнообразны, наряду с патриотическими историческими драмами — «Милош Обилич», «Стефан Дечанский», он прославился своими комедиями — «Скупой», «Ворона в павлиньих перьях» и др. Сравнение героического прошлого и суетности настоящего лежит в основе нравственных размышлений Стерия Поповича. Он иронизирует над нравами современного ему чиновничества, парвеню в сербской среде. Попович считал чрезвычайно важным воспитательное значение искусства, что и нашло отражение в его талантливых пьесах.

КУЛЬТУРА ЧЕРНОГОРИИ В XIX — НАЧАЛЕ XX в.

Общая экономическая отсталость Черногории, скудость природных ресурсов, непрерывная борьба за существование, как в политическом, так и в бытовом смысле, не способствовали развитию черногорской культуры.

Наиболее яркой фигурой черногорской культуры XIX в. был великий поэт митрополит Петр II Пе́трович Негош (1813—1851). Племянник черногорского митрополита Петра I Пе́тровича Негош в 17 лет стал правителем Черногории. Негош был необыкновенно талантлив, довольно скромное базовое образование постоянно пополнял чтением, изучением языков, общением с

выдающимися людьми своего времени. Полиглот, он хорошо был знаком с современной ему русской и западноевропейской литературой. При Негоше в Черногории появилась типография, правда, печатались там в основном сочинения самого владыки. Негош — автор нескольких поэм, философских трактатов и многочисленных стихотворений. В 1845 г. он опубликовал свою философскую поэму «Лучи микрокосма», реминисценцию на тему «Божественной комедии» Данте. Шедевром его творчества по праву считается поэма «Горный венец» (1847). Используя в качестве фабулы эпизод из средневековой истории Черногории, Негош развивает в этом эпическом сочинении идеи свободы и независимости, братства славянских народов, призывает к борьбе за восстановление былой славы и величия черногорского государства. Эта поэма Негоша сразу же стала чрезвычайно популярна среди южных славян и была переведена на многие языки мира.

В 1833 г. в Черногории была открыта первая начальная школа. Некоторые усилия по преодолению культурной отсталости и тотальной неграмотности в Черногории предпринимали и преемники митрополита Негоша — князья Данила и Никола Пётровичи. Однако больших сдвигов в деле распространения грамотности в течение почти целого века в Черногории не произошло. В Цетинье работала гимназия и даже было открыто учебное заведение для девочек под покровительством русской императрицы, однако абсолютное большинство жителей Черногории оставались неграмотными.

Процессы модернизации и урбанизации практически не затронули обыденной культуры. Черногорские городки не изменились, лишь в Цетинье — крошечной столице маленького черногорского государства — появился десяток европейских двухэтажных домов. Полученный по решению Берлинского трактата приморский городок Бар стал летней курортной резиденцией королевской семьи, и там был выстроен маленький дом-дворец. Черногорские жители, за исключением короля и нескольких его приближенных, не изменили ни своего народного костюма, весьма яркого и живописного, ни быта. Это объяснялось как бедностью края в целом, так и верностью традициям, в большей мере присущей горным народам, чем жителям равнин.

Черногорская культура развивалась в контексте и под влиянием общесербской культуры. Для XIX в. вполне естественным был такой культурно-просветительский «экспорт». Все сербы — Австрийской империи, Османской империи, Сербии и Черногории — были объединены не только общностью национальных задач, но и совместными усилиями в деле развития просвещения, искусства и науки. Корифеи сербской культуры Д. Обрадович, В. Караджич, Негош — достояние общесербской, а не локальной истории и культуры.

КУЛЬТУРА ХОРВАТИИ В XIX — НАЧАЛЕ XX в.

Важнейшие изменения в культурной жизни Хорватии первой половины XIX в. связаны с деятельностью участников иллирийского движения. Складывается специфическая культура «эпохи иллиризма». Она включала в себя и поэтические сочинения, и музыку, и особый иллирский костюм. Иллирский костюм должен был отличаться от венгерского и вообще европейского платья и символизировать хорватский патриотизм. В 30-е гг. XIX в. в Загребе проводились даже особые иллирские балы. Разрабатывались идеалы особой иллирской эстетики. Важнейшими достижениями иллиров в области просвещения и культуры были: реформа языка, развитие журнального и газетного дела, открытие общественных читален. Иллиры поставили задачей широкую пропаганду своей программы и поэтому много внимания уделяли делу просвещения. Реформа языка, осуществленная Людевитом Гаем, способствовала развитию национальной литературы, сближению сербской и хорватской культур.

Наука и просвещение

Наука и просвещение в Хорватии на первом этапе национального Возрождения носили в основном прикладной характер, способствовали национальной интеграции. В это время, приходящееся на первую половину XIX в., основное место в научных исследованиях занимают гуманитарные науки — филология, литературоведение, история, философия. Повышенный, углубленный интерес к прошлому народа принес свои результаты. Были найдены документальные свидетельства «исторического права» на независимость. Важную роль в деле становления хорватского просвещения и науки сыграла созданная в 1842 г. Матица Иллирская. Активное изучение национального языка и истории происходит как на базе Матицы, так и на открытой в Загребской учебной академии кафедре хорватского языка и литературы.

Школьное дело в хорватских землях было поставлено несравненно лучше, чем в Сербии. Здесь уже в начале XIX в. существовали гимназии в Загребе, Осиеке, Пожеге и Вараждине.

Во второй половине XIX в. наука выходит на теоретический уровень, заметно интернационализируется, она направлена и на решение задач технического прогресса, модернизации. В 1863 г. в Загребе была открыта хорватская Академия наук, которая получила название в духе югославянских идей — Югославянская академия наук и искусств. В 1873 г. начинает работу первый у южных славян Загребский университет. Университет и академия становятся

17 – 3699

центрами науки и культуры не только для хорватов, но и для других югославянских народов Австро-Венгрии. Здесь обучались и славяне из присоединенной к Габсбургской империи Боснии и Герцеговины.

На рубеже веков трудятся ученые, получившие мировую известность. К их числу принадлежит геофизик Андрия Мохоровичич (1857–1936). Известный филолог Ватрослав Ягич (1838–1923) приглашался для чтения лекций в европейские и российские университеты.

Литература, изобразительное искусство, музыка и театр

К началу XIX в. на хорватских землях уже сложилась своя литературная традиция. В Далмации она находилась под сильным влиянием итальянской литературы Барокко и Просвещения, а на территории Гражданской Хорватии и Славонии была связана с немецким просветительством и романтизмом. Наличие собственного дворянства, интеллектуальной элиты в нескольких поколениях придавало хорватской литературной традиции классические черты литературы как вида искусства, а не как средства просвещения народа. Ограниченность круга читателей объясняется тем, что произведения хорватской литературы создавались на латинском языке. Тесное переплетение задач национальной интеграции, политического просвещения и пропаганды национальной идеи ставили перед деятелями хорватского национального Возрождения задачу демократизации литературы. Этой просветительской деятельностью в литературе активно занялись участники иллирийского движения. Л. Гай и его сподвижники начали издавать журналы, газеты и брошюры на хорватском языке. Основателем реалистического направления был Август Шеноа (1838–1881). Поэт, прозаик, критик и драматург, он по праву занимал ведущее место в хорватской литературе 60–70-х гг.

Одним из крупнейших хорватских поэтов XIX в. был деятель иллирийского движения и видный политик Иван Мажуранич (1814–1890). Он начал свое литературное творчество еще в иллирских журналах в 30-е гг. Его лучшее произведение, поэма «Смерть Смаил-Аги Ченгича» (1846), написано в традициях романтизма и повествует о противостоянии турок и южных славян в эпоху османского владычества.

Модернизм получил в хорватской литературе наибольшее развитие по сравнению с другими литературными течениями в среде южных славян. Яркими его представителями были поэты Милан Бегович (1876–1948), Владимир Видрич (1875–1909), Драгутин Домянич (1857–1929). Антун Густав Матош (1873–1914) известен не только как необыкновенно талантливый прозаик, но и как литературный критик.

Загреб считался музыкальной столицей южных славян, ибо здесь традиции музыкальных обществ и организаций были сильны еще с XVII в. Хорватское музыкальное общество, возглавляемое иллирами, осуществило в 1846 г. постановку первой хорватской национальной оперы Ватрослава Лисинского «Любовь и злоба». В. Лисинский (1819—1854) — автор более ста музыкальных произведений, которые он старался аранжировать в «югославянском» духе.

Французский импрессионизм оказал влияние на творчество хорватских художников Мирослава Кралевича (1885—1913) и Иосипа Раячича (1885—1908). Начинает свою творческую деятельность последователь Родена гениальный скульптор Иван Мештрович (1883—1962). Борьбе южных славян с Турцией посвящены его работы кануна и периода Балканских войн — «Видовданский цикл» и «Аллегория».

Изменения в обыденной культуре и облике городов и сел

Хорватские города еще в период иллиризма украсились домами в стиле национальной архитектуры с символикой хорватской истории. Но чем ощутимее решались задачи национального самоопределения, тем меньше внимания уделялось этим внешним атрибутам. В архитектуре второй половины XIX в. доминирует венская щкола.

В начале XX в. горожане Хорватии и Славонии по внешнему облику уже не отличаются от других городских жителей Австро-Венгрии. Крестьяне дольше сохраняют приверженность национальному костюму и традиционным предметам обихода.

Приморские города по-прежнему во многом сохраняли итальянское влияние как в архитектуре, так и в быту, в том числе и в кухне. Красочный женский и мужской народный костюм жителей приморья продолжал радовать путешественников и курортников. Курортная специализация Далмации заставляла развивать сеть отелей и другой инфраструктуры для приема отдыхающих, а местных жителей вовлекала в этот новый вид деятельности.

КУЛЬТУРА СЛОВЕНИИ В XIX — НАЧАЛЕ XX в.

По уровню грамотности Словения, где к концу XIX в. число грамотных составляло около 90% населения, опередила все остальные южнославянские народы. На словенских землях уже в 1774 г. действовал закон об обязательном обучении мальчиков

и девочек в возрасте от 6 до 12 лет, а в 1816 г. было введено обязательное посещение воскресных школ детьми от 12 до 15 лет. Вместе с тем лишь в начальных школах обучение велось на словенском языке, все последующее образование — на немецком. В конце XIX в. были введены также и утраквистские школы с преподаванием на двух языках.

По числу издаваемых на родном языке книг на душу населения Словения занимала первое место среди всех южнославянских народов. Словенские села снабжались огромным количеством научно-популярной и учебной литературы, что позволяло противостоять процессам германизации и способствовало подъему культурного уровня крестьян. Уже в 1836 г. в Любляне открылась национальная читальня, а с 60-х гг. они появляются практически во всех городах и городках Словении. В этих центрах культуры работали певческие и драматические кружки, читались лекции, велась пропаганда национального языка и литературы.

Газеты до 1848 г. в основном выходили на немецком языке, словенские периодические издания были нерегулярны. Лишь в 1843 г. появилась общесловенская газета на национальном языке «Кметийске ин рокоделске новице» («Крестьянские и ремесленные новости»), которую редактировал словенский просветитель, врач Янез Блейвейз (1808—1881). Тираж газеты к 1848 г. составлял 1800 экз. С 1863 г. существенную конкуренцию этому изданию составил журнал «Напрей» («Вперед»), главными авторами которого стали поэт Мирослав Вилхар (1818—1871) и писатель Фран Левстик (1831—1887).

В 1864 г. была основана Матица Словенская, которая явилась центром издания книг на словенском языке.

Словенская литература первой половины XIX в. связана с именами Франца Прешерна (1800—1849) и его соратников по начавшему выходить в 1830 г. литературному альманаху «Краньска чбелица» («Пчелка Крайны»). Они поставили целью писать свои произведения высоким художественным языком, избегая просторечия, и тем самым сделать словенский язык подлинно литературным. Ф. Прешерн — автор поистине талантливых произведений «Здравица» и «Венок сонетов».

В 50—70-е гг. наряду с дальнейшим развитием поэтической школы Словении (С. Енко, Й. Стритар) начинается становление художественной прозы в словенской литературе. Писатели Ф. Левстик и Й. Юрчич заложили основы словенской реалистической литературы, а продолжил ее развитие И. Цанкар. Его перу принадлежат произведения как реалистического, так и модернистского направлений.

В конце XIX в. драматическое и музыкальное искусство Словении выходит на профессиональный уровень. Это связано с деятельностью Музыкальной матицы, Словенской филармонии и Словенского народного театра.

Словенские города развивались в рамках общих процессов ускоренной модернизации Цислейтании конца XIX — начала XX в. Здесь строились новые административные здания и соборы, широко развивался модерн в архитектуре. После землетрясения 1896 г. в Любляне в ходе перестройки разрушенных зданий широко использовался в архитектуре венский стиль сецессии.

Культурные процессы в Словении в XIX — начале XX в. тесно связаны с противостоянием процессам германизации, со стремлением к национальной интеграции. На первое место выходят задачи распространения национального языка и национальной литературы. В этом словенским просветителям удалось добиться чрезвычайно больших успехов.

КУЛЬТУРА БОСНИИ И ГЕРЦЕГОВИНЫ В XIX — НАЧАЛЕ XX в.

В первой половине XIX в. боснийско-герцеговинская культура развивалась в рамках культурных процессов Османской империи. Реформы, которые пыталась проводить Порта, с большим опозданием достигали и этих провинций. Исламские традиции дольше всего сохраняли свое положение в сфере просвещения, искусства, обыденной культуры. Произведения искусства, ювелирные изделия, ковры, архитектура являлись составной частью общетурецкой культуры, хотя и имели свой локальный колорит. Доктрина османизма, утвердившаяся во второй половине XIX в. в Турции, способствовала усилению общеисламских норм и критериев в культуре и искусстве. Христианское население Боснии и Герцеговины в сфере образования и культуры полностью зависело от церкви и миссионерской деятельности духовенства. Для получения среднего образования, обучения ремеслу православное население стремилось попасть в Сербию или Воеводину, а католики учились в Хорватии.

Милетская система способствовала этноконфессиональному размежеванию населения Боснии и Герцеговины. Вместе с тем вполне естественным был процесс взаимовлияния и взаимопроникновения мусульманской и христианской культур. В сфере языка это выразилось в проникновении турецких слов в сербско-хорватский язык, где турцизмы составляли пятую часть. Особенно заметно это переплетение культур в фольклоре, народных танцах и песнях, а также в костюме и устройстве жилища. Ориентальная

кухня быстро становится популярной и у христиан, которые и сейчас считают кебаб, пахлаву, сарму своей национальной едой.

В Боснии и Герцеговине после оккупации их Австро-Венгрией процессы европеизации во многом были сопряжены с государственной политикой. Перестраиваются города края, и венские архитекторы разрабатывают новые урбанистические критерии. Железные дороги и станции привносят свою эстетику в архитектуру и быт. Вместе с тем в Боснии и Герцеговине остаются очень сильными традиционалистские настроения в быту, обрядах и нравах. Унификации быта мешает конфессиональный сепаратизм, который на протяжении веков помогал сохранить национальную идентификацию мусульман и христиан. Австровенгерское правительство в этом отношении ведет очень толерантную политику. Фотографии мусульман, например, запрещалось помещать в газетах, так как изображение лица человека противоречило традициям ислама.

В конце XIX — начале XX в. на фоне общего процесса этноконфессиональной дифференциации оформляются самостоятельные культурно-просветительные институты сербов, хорватов и боснийских мусульман. Это и литературные журналы, и драматические и певческие общества. Властям не удалось полностью изолировать сербов Боснии и Герцеговины от культурного влияния сербского государства.

МАКЕДОНСКИЕ ЗЕМЛИ В 1878–1914 гг.

МАКЕДОНСКИЙ ВОПРОС В ПОСЛЕДНЕЙ ЧЕТВЕРТИ XIX в.

Берлинский договор 1878 г. и положение македонцев в составе Османской империи

Расположенная в центре Балканского полуострова историческая область Македония была населена славянскими племенами с VII в. На протяжении Средних веков она входила в состав нескольких славянских и неславянских государств. Этнический состав этой территории был весьма пестрым. Длительное время здесь проходили сложные этносоциальные процессы, положившие в последней трети XIX в. начало складыванию македонской нации.

По решению Берлинского конгресса 1878 г. она должна была остаться в Османской империи. Договор предусматривал предоставление местному населению религиозной автономии в самом широком смысле, а также разработку Органического устава по типу Критского 1868 г., которым предполагалось введение представительства христиан в Общем совете правления провинции, в судебных советах и т.д.

Решения Берлинского конгресса были встречены с разочарованием христианским населением Македонии, положение которого осложнилось в связи с появлением значительного числа беженцев-мусульман из Болгарии, Сербии, Боснии и Герцеговины. Особое недовольство пересмотром условий Сан-Стефанского прелиминарного договора выражала болгарская общественность. Ею была создана сеть комитетов «Единство», которые занялись подготовкой восстания. Последнее началось с нападения в октябре 1878 г. на турецкий гарнизон, располагавшийся в селе Кресна (Восточная Македония). Восстание было названо современниками «Македонским». Под контролем повстанцев оказалось около 35 сел. Однако вскоре обнаружились разногласия среди руководителей восстания по вопросам о его целях и соответственно тактики. Главной задачей, по мнению представителей комитетов «Единства», являлось доказать великим державам неприемлемость решений Берлинского конгресса относительно Македонии. По их настоянию военные действия распространились на Разлогскую котловину (Северо-Восточная Македония), где повстанцы потерпели неудачу. После этого сторонники поступательной тактики,

выдвигая задачу постепенного освобождения Македонии, сформировали новое руководство, за что были наказаны комиссарами комитетов «Единство». Негативная реакция на Кресненское восстание великих держав, требовавших прекращения волнений и выполнения условий Берлинского договора, наряду с расколом в рядах самих повстанцев привели к его медленному затуханию. В мае 1879 г. последние отряды повстанцев были распущены.

Македония как объект «культурной пропаганды» Болгарии, Греции и Сербии

С начала 80-х гг. XIX в. Македония превратилась в арену столкновений интересов Болгарии, Греции и Сербии. До середины 90-х гг. основной упор делался на так называемую «культурную пропаганду».

Форпостом в проведении Болгарией политики ирредентизма как основного средства реализации ее национально-государственных интересов, предполагавших присоединение Македонии, выступал учрежденный в 1870 г. султанским фирманом Болгарский экзархат. Он претендовал на 13 епархий в Македонии. Однако прежде всего экзархату было необходимо добиться подтверждения в изменившихся после русско-турецкой войны 1877–1878 гг. условиях действенности фирмана. В данном случае ему пришлось столкнуться с Константинопольской патриархией, провозгласившей экзархат схизматической церковью. Глава экзархата Иосиф I (1840–1915) отстаивал возможность создания церковных организаций по национальному признаку. Более того, подчеркивалось, что собственно Константинопольская патриархия является по своему характеру греческой и способствует реализации «эллинской великой идеи». В 1883 г. экзарху, использовавшему конфликт между патриархией и властями Порты, удалось добиться признания правомочности фирмана.

Затем экзархат счел целесообразным содействовать созданию сети болгарских школ с целью формирования болгарского национального сознания у славянского населения Македонии. В 1883 г. было учреждено школьное попечительство, которое должно было заботиться об открытии начальных и средних школ, определять сумму временных и постоянных пособий для тех общин, которые сами не были в состоянии поддерживать свои школы, назначать учителей, составлять школьные программы и т.д.

Содержание школ, председателей общин и митрополитов, а также их наместников составляло основную статью расходов экзархата, который получал средства из государственного бюджета Болгарии. Так, из 332 школ Салоникского вилайета в 1902 г.

105 находились на содержании экзархата, 136 — на содержании экзархата и общин, 89 — только общин. Таким образом, экзархату удалось добиться значительного расширения подчиненных ему школ в Македонии и во Фракии: от 111 в 1883 г. до 878 в 1902 г.

Экзархату приходилось выдерживать конкуренцию прежде всего со стороны греческих школ, численность которых в Македонии в 1886 г. составила 846. Это заставляло прилагать усилия по улучшению качества образования. Однако проблема комплектования педагогического состава являлась весьма острой. Согласно статистике экзархата за 1906 г., из 1228 учителей сельских школ 551, т.е. 46%, имели или только начальное образование, или не более 4 классов средней школы. Не видя в Македонии никаких перспектив, получившие образование эмигрировали в соседние балканские страны. В 1908 г. Иосиф I вынужден был обратиться к министру иностранных дел и исповеданий Болгарии с просьбой не принимать на работу учителей из Македонии и Фракии, если только они не скомпрометированы перед турецкими властями.

Несмотря на прилагавшиеся усилия, Болгарскому экзархату, по утверждению Иосифа I, удалось основательно закрепиться только в Монастирском вилайете. На юге Македонии были сильны позиции Греции, а на севере постепенно возрастало влияние Сербии.

Сербия включилась в борьбу за установление своего влияния в Македонии с начала 80-х гг. XIX в. В июне 1881 г. между Австро-Венгрией и Сербией был заключен союзный договор, в ст. 7 которого оговаривалось, что Австро-Венгрия не будет препятствовать территориальному расширению Сербии в южном направлении. В 1886 г. возникло Общество св. Савы, которое занималось изданием и распространением учебников, обучением находившихся на заработках в Сербии выходцев из Македонии и т.д. В Константинополе по инициативе сербского посла Ст. Новаковича было образовано Общество сербо-македонцев. В 1890 г. координационной работой по открытию сербских школ в Македонии, их содержанию, распространению литературы и т.д. занялись консулы в Ускюбе (Скопье), Монастире и Сересе. В своей деятельности сербская сторона опиралась, в частности, на Константинопольскую патриархию. В 1902 г. в Ускюбскую епархию был назначен сербский митрополит Фирмилиан.

Обосновывая правомочность своих претензий на Македонию, стороны ссылались на «историческое право», а также на этнический состав ее населения, который трактовался ими в соответствии с собственными интересами. Согласно считавшимся в Болгарии наиболее достоверными данными, в 1900 г. в Македонии

проживало 2 258 224 человека: 1 181 336 болгар, 228 702 грека, 700 сербов, 80 766 валахов (влахов), 128 711 албанцев, 499 204 турка, 67 840 евреев и т.д. Официальной сербской статистикой в Македонии насчитывалось 2 048 320 сербов, 57 600 болгар, 201 140 греков, 165 620 албанцев, 231 400 турок, 69 665 валахов, 64 645 евреев и т.д. Греческая сторона исходила из того, что в Македонии (без Косовского вилайета) проживало 1 724 818 человек: из них 652 795 греков, 332 162 болгарина, 634 017 турок, 25 101 валах, 53 147 евреев.

Объективно деятельность Болгарии, Греции и Сербии по расширению численности своих школ в Македонии, модернизации образования и т.п. способствовала созданию слоя интеллигенции, главным образом учителей. Именно последние стали силой, инициировавшей борьбу за освобождение Македонии, с которой они связывали также надежды на изменение своего социального статуса.

Создание македонской революционной организации

Основы организации, которая первоначально в качестве своей главной цели выдвинула борьбу за предоставление Македонии автономии, были заложены в 1893 г. в Салониках. Ее первый Центральный комитет возглавил врач из Салоник Х. Татарчев. Названная впоследствии Тайной Македоно-Одринской (Адрианопольской) революционной организацией (ТМОРО), она в 1905 г. была переименована во Внутреннюю Македоно-Одринскую революционную организацию (ВМОРО). В работу по созданию местных комитетов организации включались в первую очередь преподаватели из церковно-школьных общин, находившихся в ведении Болгарского экзархата. Отношения между организацией и самим экзархатом складывались тем не менее трудно, так как Иосиф I являлся убежденным противником «революционных методов».

Вместе с тем в 1895 г. в Софии возник Верховный македонский комитет (ВМК), который также выступал за предоставление Македонии политической автономии. Он занимался формированием на территории Болгарии вооруженных отрядов (чет), которые затем для осуществления отдельных акций перебрасывались в Македонию. Так, в июле 1895 г. отряд под руководством Б. Сарафова захватил г. Мелник (Восточная Македония), но вскоре вернулся обратно.

Появление ВМК осложнило положение организации, созданной в 1893 г. в Салониках. На состоявшемся здесь в 1896 г. съезде последней был подчеркнут ее суверенный, самостоятельный характер. Съезд указал на необходимость объединить в рамках организации всех недовольных Македонии и Фракии в борьбе против

общего врага. Съезд разделил территорию Македонии и Фракии на шесть революционных округов: Солунский, Монастирский, Ускюбский, Струмицкий и Одринский, а их в свою очередь — на революционные районы.

После Салоникского съезда наметилась тенденция к росту организации и ее укреплению. Работа по вооружению ТМОРО была поручена Г. Делчеву. Через несколько лет каждый революционный район имел, по крайней мере, по одному вооруженному отряду. Они взяли на себя осуществление судебной и исполнительной власти на местах.

В то же время не прекращалась активность ВМК, именовавшегося с 1900 г. Верховной Македоно-Одринской (Адрианопольской) организацией (ВМОК). Периодически возникали столкновения между четами ТМОРО и ВМОК.

В 1902 г. в Белграде была создана организация, подобная ВМОК. В Северной Македонии действовали преимущественно сербские четы, а в Южной — греческие (андартские) отряды. Последние рекрутировались в Греции и на Кипре. Таким образом, Болгария, Греция и Сербия в начале XX в. перешли в Македонии от культурной пропаганды к вооруженным действиям.

Осенью 1902 г. руководители ВМОК генерал И. Цончев и С. Михайловский спровоцировали так называемое «Горноджумайское восстание». Около 400 четников подняли на борьбу приблизительно 20 горноджумайских сел. Это выступление было вскоре подавлено, после чего Турция перебросила в Македонию новые войска, предприняла акцию по сбору оружия у населения и т.д.

В это же время великие державы поставили перед Портой вопрос о проведении реформ в европейских вилайетах. В конце 1902 г. султан объявил о намерении осуществить там преобразования в области административного управления, правосудия и просвещения. Посчитав эти меры недостаточными, великие державы предложили собственную «Венскую программу реформ».

МАКЕДОНИЯ НАКАНУНЕ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Илинденское восстание 1903 г. Мюрцштегские реформы

В январе 1903 г. в Салониках состоялся съезд ЦК ТМОРО. Он постановил весной 1903 г. поднять в Македонии восстание. Это решение, с которым были ознакомлены окружные комитеты ТМОРО, не получило всеобщей поддержки. Но позиции противников восстания пошатнулись в связи с событиями, происшедшими весной 1903 г.

В апреле 1903 г. члены македонской организации «Гемиджии» («Матросы») осуществили ряд террористических актов в Салониках, взорвав французское судно «Гвадалквивир», здания Оттоманского банка и почты, газового завода, немецкого клуба. Они надеялись, что это подтолкнет великие державы к более активным действиям. Турецкие власти не ограничились ликвидацией террористов. В ходе карательных акций погибли или были арестованы тысячи невинных людей. Мусульманские фанатики устроили погром в г. Монастире. Ситуация в Македонии обострилась до крайности.

В мае 1903 г. состоялся съезд Монастирского революционного округа, большинство делегатов которого поддержало идею о проведении восстания. Съезд избрал Главный штаб повстанческих сил в округе, в который вошли Д. Груев, А. Лозанчев и Б. Сарафов.

В конце июля 1903 г. Главный штаб Монастирского округа определил дату восстания. Оно началось 2 августа и практически сразу охватило всю Юго-Западную Македонию. Однако наибольший размах восстание приобрело в Монастирском округе, разделенном на семь повстанческих районов. Основным лозунгом восстания стал: «Македония — македонцам!» В захваченных населенных пунктах повстанцы пытались организовать македонские органы власти. Примером может служить Крушевская республика, просуществовавшая 10 дней. Уже 3 августа г. Крушево был в руках повстанцев. Здесь были сформированы Совет республики в составе 60 человек и временное правительство. Функционировал революционный суд. В целом бои между повстанцами и силами империи длились два с половиной месяца.

Илинденское восстание вынудило Россию и Австро-Венгрию, придерживавшихся соглашения 1897 г. о сохранении статус-кво на Балканах, принять решение об установлении совместного контроля над Македонией. Начавшиеся между Россией и Австро-Венгрией в Вене переговоры завершились в октябре 1903 г. в штирийском местечке Мюрцштег. Разработанным проектом реформ (Мюрцштегские реформы) предполагалось: назначение при главном инспекторе Хилми-паше специальных гражданских агентов со стороны Австро-Венгрии и России, обязанных повсюду сопровождать главного инспектора, указывать ему на злоупотребления местных властей, обращать его внимание на потребности христианского населения и др.; реорганизация жандармерии, административных и судебных учреждений; изменение административно-территориального деления с тем, чтобы «правильнее сгруппировать различные национальности»; выделение турецким правительством специальных денежных средств для оказания

помощи христианам, потерявшим во время восстания свое имущество и жилье, восстановление зданий, школ, церквей, разрушенных турками, и т.п.; создание смешанных христианско-мусульманских комиссий для рассмотрения совершенных политических преступлений. Реорганизация турецкой жандармерии в Македонии была доверена итальянскому генералу Де Джорджису и 25 офицерам из европейских стран.

Подготовленный Австро-Венгрией и Россией проект реформ со стороны ТМОРО поддержки не получил. После Илинденского восстания на фоне усилившегося общего процесса самоидентификации македонцев как отдельного, самостоятельного народа в организации наметился раскол. Он был связан не столько с оценкой имевших место событий, сколько с представлениями о перспективах развития македонского освободительного движения. Проявившиеся во время Кресненского восстания тенденции получили выражение на прошедшем в 1904 г. в Софии совещании ТМОРО. Консервативное крыло (Х. Матов, Х. Татарчев), рассчитывая на помощь Болгарии, выступило за повторение повстанческих акций весной 1904 г. В то же время левая группировка (руководство Сересского округа во главе с Я. Сандански) отстаивала независимый характер македонского движения. Спорные вопросы были вынесены на общий съезд, состоявшийся в октябре 1905 г. Съезд, переименовав организацию в ВМОРО, обязал ее противостоять вооруженным и другим акциям балканских государств. Через год после Рильского съезда раскол в организации перерос в открытое противостояние, сопровождавшееся физическим уничтожением лидеров группировок.

В 1905 г. Мюрцштегская программа была дополнена финансовыми реформами. Она послужила основой для появления других проектов. Отход Вены в 1908 г. от политики соблюдения статус-кво на Балканах вновь обострил интерес великих держав к Македонии. Англия выдвинула проект фактического предоставления провинции автономии по типу введенной в 1879 г. в Восточной Румелии. Австро-Венгрия и Германия его отвергли, а Россия предложила заменить двусторонний контроль многосторонним. Но младотурецкая революция разрушила все эти планы.

Македония в годы младотурецкой революции и Балканских войн

Определенные надежды на прогресс в решении македонского вопроса пробудила революция 1908 г. в Турции, тем более что именно территория Македонии была одной из основных опорных баз младотурок. Активизации политической жизни

многонационального общества Македонии способствовали восстановление Органического устава 1876 г. и последовавшие затем роспуск вооруженных отрядов и легализация деятельности всех политических и общественных организаций. Но уже очень скоро стало ясно, что младотурецкий режим не готов к глубоким реформам национально-государственного устройства страны. Не оправдались надежды македонцев на получение автономного статуса. В 1910 г. в силу вступил реакционный закон, направленный против свободы деятельности политических союзов, что повлекло за собой возврат к нелегальным формам борьбы и новому усилению пропаганды со стороны Болгарии, Греции и Сербии, в том числе и «вооруженной».

Соперничество за влияние в Македонии соседних государств особенно усилилось в связи с началом их подготовки к войне против Турции. Хотя в секретном приложении к сербско-болгарскому договору (1912) и допускалась возможность автономии Македонии, на самом деле София, Афины и Белград изначально планировали в случае успеха расчленение этой области и включение ее отдельных частей в состав собственных государств. Для усиления своих позиций в македонском национально-освободительном движении ими создавались и финансировались нелегальные организации и вооруженные отряды, которые должны были принять участие в военных действиях.

Начало Первой Балканской войны не было неожиданностью для македонской политической элиты. Успехи союзников вселяли в нее надежду на то, что вклад вооруженных македонских отрядов в боевые действия против Турции на фронтах и в тылу турецкой армии явится тем весомым аргументом, который наконец-то позволит получить народу Македонии независимость. Однако уже результаты Первой Балканской войны подорвали эти иллюзии. Бухарестский мир 1913 г., которым закончилась Вторая Балканская война, нанес по ним очередной удар. Таким образом, процесс складывания национальной македонской государственности был надолго заторможен.

ПОЛЬСКИЕ ЗЕМЛИ В НОВОЕ ВРЕМЯ

ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВОЕ ПОЛОЖЕНИЕ ПОЛЬСКИХ ЗЕМЕЛЬ ПОСЛЕ РАЗДЕЛОВ

Провозглашение в 1807 г. Княжества Варшавского. Польские легионы. Политика Наполеона в польском вопросе

Европейским народам были известны случаи утраты независимости отдельными государствами (Чешское и Венгерское королевства). Имели место и частичные разделы. Но ликвидация в самом центре старого континента крупного государства, его раздел между соседними державами — факт исключительный.

В результате трех разделов Пруссия захватила 20% территории с 23% населения бывшей Речи Посполитой, Австрийская империя — 18% с 32% населения, к России отошло около 62% территории с 45% населения. Основная часть этнически польских земель оказалась в составе Пруссии. Территории, ставшие владениями Австрийской империи, по этническому составу были неоднородны. Они включали в себя главным образом польские и украинские земли. Россия в результате разделов не получила этнически польских территорий. Поляки в восточных землях Речи Посполитой составляли меньшинство, хотя среди имущих слоев они преобладали.

С 1795 г. судьба поляков, их положение и действия в значительной степени зависели от политики разделивших польские земли государств, а она не была одинаковой и неизменной.

Германизаторская политика прусского правительства проявилась в названиях вновь образованных административных единиц — Западная Пруссия, Южная Пруссия, Нововосточная Пруссия, — поделенных на департаменты и поветы. Были ликвидированы прежнее польское административное деление, сеймики, выборность чиновников и автономия городов. В 1794–1797 гг. на польских землях было введено прусское право и судоустройство. Суды и административное делопроизводство переводились на немецкий язык. Очень скоро почти все поляки в административном аппарате были заменены прусскими чиновниками. Колонизационное перемещение немцев на польские земли на рубеже XVIII–XIX вв. хотя и не приняло широких масштабов, тем не менее поддерживалось властями. Завладев государственными и церковными землями, прусское правительство продавало их немецким помещикам и банкирам.

Польские земли, вошедшие в состав Австрийской империи после первого раздела, получили название Королевство Галиции и Лодомерии, а после третьего раздела — Новая Галиция. Западная и северная части этой территории были этнически польскими, а на востоке большинство составляли русины (украинцы) — униаты. Край этот отличался бедностью и отсталостью. Королевство Галиции и Лодомерии подчинялось находившемуся во Львове губернатору. Оно делилось на 18 округов и управлялось с помощью абсолютистско-бюрократических органов. В 1775 г. здесь был создан сословный сейм из представителей магнатов и шляхты, а также королевских городов, обладавший минимальными правами. Сейм собирался крайне редко, а в начале XIX в. и вовсе перестал созываться. Положение поляков в монархии Габсбургов было самым тяжелым.

Прусское и австрийское господство вызывало недовольство большинства населения. Власти ни силой, ни политическим маневрированием не могли подавить польское освободительное движение.

Россия поделила отошедшие к ней земли на губернии. В то же время не были ликвидированы действовавшие там прежде институты. Польская шляхта сохранила свое сословное самоуправление: функционировали сеймики, земские и городские суды, некоторые выборные органы, языком судопроизводства продолжал оставаться польский язык.

В середине 90-х гг. в польском обществе вырисовываются две политические концепции. Согласно одной, достичь восстановления независимости польского государства можно было лишь при благоприятной международной обстановке, которая способствовала бы расколу в рядах разделивших польские земли держав. Другая в меньшей степени учитывала международный фактор: в соответствии с ней освобождение страны могло быть достигнуто прежде всего в результате упорной вооруженной борьбы с участием всего народа, а не только шляхты. Обеим этим концепциям было присуще убеждение о необходимости сохранения и развития польского национального самосознания, процесс формирования которого был ускорен трагедией разделов и восстанием под руководством Т. Костюшко (1746–1817). В создавшихся в это время тайных организациях приняли участие представители разных сословий.

Проявлением национально-освободительного движения явились деятельность эмиграции и формирование польских легионов. Наиболее активная часть эмиграции сосредоточилась во Франции. Здесь поселился освобожденный по распоряжению Павла I

из плена Т. Костюшко. Инициаторами создания польских легионов были представители радикального крыла эмиграции. Командовать ими стал генерал Ян Домбровский. Поляки надеялись, что легионы, действуя вместе с французской армией, сохранят свою самостоятельность, чтобы в удобный момент стать основой вооруженных сил независимой Польши. Однако Наполеон избегал каких-либо обязательств в отношении поляков и видел в польских легионах лишь инструмент для достижения своих собственных целей. Легионеры использовались им в боях против австрийцев в Италии и для подавления восстания негров во французской колонии на острове Гаити. Надеждам легионеров не суждено было сбыться. Тем не менее само существование легионов возбуждало патриотические настроения и содействовало подъему национально-освободительного движения.

Польский вопрос начал играть ощутимую роль в европейской дипломатии уже в начале XIX в. Так, А. Чарторыйский (1770—1861), вошедший в ближайшее окружение Александра I и ставший министром иностранных дел России, строил планы восстановления польского государства с помощью русского царя. Александр I до поры до времени не отвергал этого проекта. Но, как и Наполеон, поддерживая иллюзии поляков, он прежде всего старался использовать указанный проект в своих интересах как орудие дипломатического давления на своих союзников.

Военные успехи Наполеона в борьбе с Австрийской империей и Пруссией привели к тому, что французские войска заняли большую часть польских земель. Неизбежным стало столкновение французской и российской армий. В битве под Фридландом Наполеон праздновал победу.

В июле 1807 г. был заключен Тильзитский мирный договор, согласно которому польские земли, принадлежавшие Пруссии, подверглись переделу. Центральные районы с Варшавой и часть Великой Польши с Познанью составили Княжество Варшавское. Во главе его был поставлен союзник Наполеона саксонский король Фридрих Август. Фактически Княжество, как и объявленный независимым Гданьск, находилось в полном подчинении Франции. Белостокская область отошла к России. Поморье, Силезия и Вармия остались у Пруссии.

Тильзитский мир не отменил разделов. В нем вообще не было упоминания о Польше.

В 1809 г. Княжество расширилось за счет присоединения территории Малой Польши, подвластной прежде Австрийской империи. С этого момента площадь его составила около 155 тыс. кв. км, а население — более 4,3 млн жителей.

В июле 1807 г. Наполеон даровал Княжеству Варшавскому конституцию, причем более радикальную, нежели Конституция 3 мая 1791 г. Согласно ей создавались польский сейм, Государственный совет, армия численностью до 40 тыс. человек и администрация. В Княжестве был введен современный гражданский кодекс и отменена личная зависимость крестьян, но крестьянские и общинные земли оставались в собственности помещиков.

Княжество Варшавское было ограниченно-независимым государством. Его зависимость выражалась в том, что судьбу Княжества определял Наполеон, Варшава была лишена возможности проводить самостоятельную внешнюю политику, армия находилась в стратегическом распоряжении Наполеона, финансы и экономика зависели от Парижа, католическая церковь подчинялась государству.

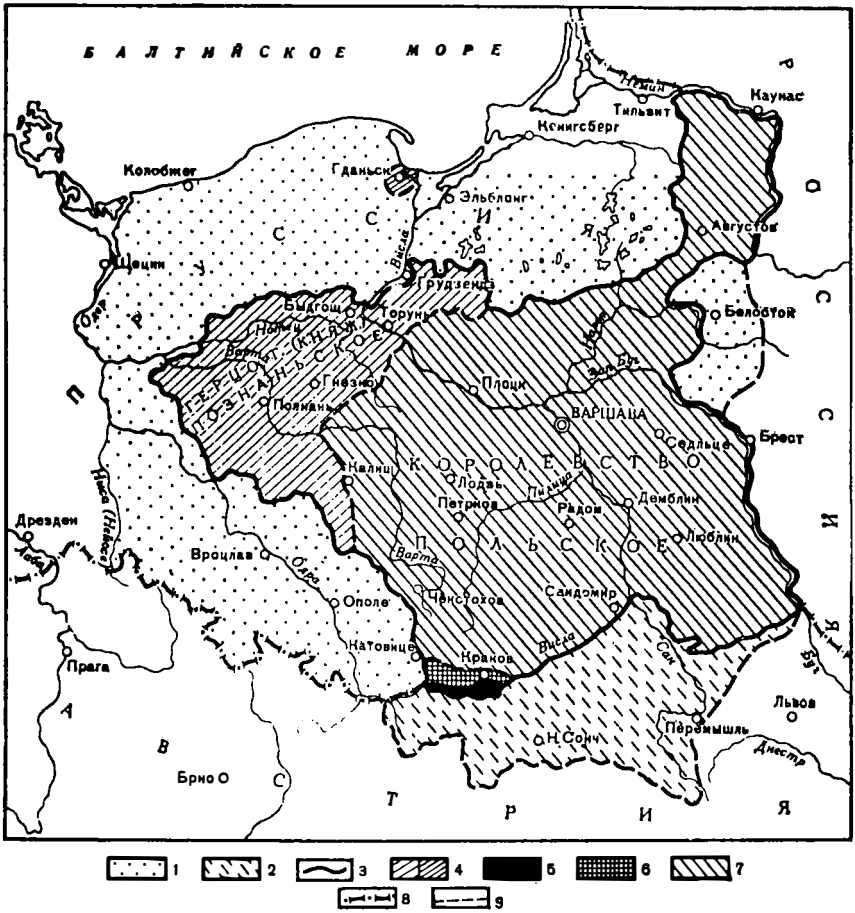
Независимость Княжества проявлялась в важных областях внутренней жизни — в административном управлении и политике, просвещении и науке, в области военного дела. Исправно и достаточно эффективно функционировали сейм и Государственный совет. Правительство и просвещенные слои общества старались использовать возможности, предоставленные новым гражданским кодексом, для проведения рациональной экономической политики и преодоления отставания и зависимости. Полностью самостоятельным было Княжество в области просвещения и науки, что нашло выражение в расширении сети польских начальных и средних школ, возрождении и создании новых высших школ, развитии наук. Символом независимости была польская армия, полностью суверенная в вопросах внутренней организации.

ПОЛОЖЕНИЕ ПОЛЬСКИХ ЗЕМЕЛЬ В 1815–1830 гг.

Новый передел польской территории на Венском конгрессе 1815 г.

Венский конгресс (1814–1815) создал на развалинах наполеоновской Европы новую систему, которая определила и территориальные границы, остававшиеся практически неизменными вплоть до первой мировой войны.

Польский вопрос на конгрессе был одним из самых сложных. Польская политическая элита в 1813–1815 гг. однозначно выступала за российскую ориентацию. Александр I — единственный в антинаполеоновской коалиции — стремился объединить под своей властью польские земли и создать польское государство,



Передел польских земель по решениям Венского конгресса 1815 г.
1 — польские земли, оставшиеся под властью Пруссии и России; 2 — польские земли, оставшиеся под властью Австрии; 3 — граница Княжества Варшавского перед разделом; 4 — территории, отошедшие к Пруссии; 5 — территории, отошедшие к Австрии; 6 — территория Краковской республики; 7 — территория, отошедшая к России и составившая Царство Польское; 8 — границы государств в 1815 г.; 9 — границы современной Польши

желая таким образом вопреки позиции всей Европы укрепить российский плацдарм на Висле. К этому времени относятся многие внешние проявления симпатии российского монарха к полякам: посещение им Т. Костюшко в Париже; назначение А. Чарторыйского своим советником в Вене; разрешение вернуться на родину входившим в состав наполеоновской армии польским частям с сохранением за ними права ношения оружия; обещания

присоединить к Польше восточные земли прежней Речи Посполитой и сохранить все привилегии польской шляхты.

Великие державы были решительно не согласны на восстановление польского государства в границах 1772 г., поскольку это нарушило бы сложившееся европейское равновесие. В мае 1815 г. после острых споров удалось достигнуть компромисса. Из большей части территории Княжества Варшавского было создано Царство Польское (127 тыс. кв. км и 3,3 млн жителей). Другим, «вечно нейтральным» польским государством становился Краков с окрестностями (1164 кв. км и около 100 тыс. жителей), оставаясь под опекой России, Австрийской империи и Пруссии. Монархия Габсбургов сохраняла Галицию, а Пруссия получала западную часть Княжества Варшавского, из которой образовывалось Великое княжество Познанское (почти 26 тыс. кв. км и 776 тыс. человек). Было принято решение о свободном товарообороте на всей территории прежней Речи Посполитой, а три монарха обещали своим польским подданным создать институты, которые бы позволили «сохранить их народность».

Царство Польское в 1815–1830 гг. Конституция 1815 г.

Созданное решениями Венского конгресса Царство Польское в 1815 г. получило из рук российского монарха конституцию. Еще до окончания конгресса в мае им были одобрены «Основы конституции» Царства Польского, в подготовке которых основную роль сыграл А. Чарторыйский. В окончательный вариант, подписанный Александром I в Варшаве в конце 1815 г., были внесены существенные поправки. Он не согласился на предоставление законодательной инициативы сейму, оставил за собой право изменять предлагаемый сеймом бюджет, на неопределенное время откладывать его созыв.

Конституция провозглашала, что Царство Польское навсегда присоединяется к Российской империи и связывается с нею личной унией. Исполнительная власть согласно конституции целиком принадлежала императору, который одновременно стал и польским королем. Он назначал наместника. Первым наместником был генерал Ю. Зайончек. Конституция вернула многие польские исторические традиции: деление на воеводства, коллегиальность министерств (их функции выполняли правительственные комиссии) и воеводских властей. Расширились полномочия сейма. Законодательная власть разделялась между сеймом и императором. Сейм состоял из двух палат: сената и нижней палаты, в состав которой входили послы и депутаты от гмин. Он должен был собираться раз в два года и работать в течение 30-ти дней.

Монарх обладал правом наложения вето на решения сейма, что фактически сводило на нет его самостоятельность. В качестве высшего правительственного органа выступал Государственный совет, а текущие правительственные функции исполнял Административный совет. Согласно конституции формировалось польское войско, административное и судебное делопроизводство должно было осуществляться на польском языке. Провозглашались неприкосновенность личности, свобода слова и печати. Военную службу следовало отбывать в пределах Царства Польского, то же положение распространялось и на тюремные наказания.

Конституция 1815 г. была одной из самых либеральных в Европе. Правом голоса в Царстве Польском обладали около 100 тыс. граждан, что превышало число пользовавшихся избирательным правом в бурбонской Франции. Однако чуть ли не с самого начала она нарушалась как императором и правительством, так и чиновниками, которые от имени монарха контролировали польских подданных. Фактическим наместником стал командующий польской армией великий князь Константин Павлович, а сенатор Н.Н. Новосильцев исполнял не предусмотренные конституцией функции императорского комиссара.

Вначале ситуация выглядела обнадеживающе. Польские имущие классы, опасавшиеся после поражения 1812 г. очередного конца польской государственности, получили автономное и либеральное Царство Польское. Александр I пользовался огромной симпатией поляков. В 1818 г., когда собрался первый сейм Царства Польского, Александр I намекнул на возможность расширения Царства за счет литовских и белорусских земель. Ограничения конституционных прав приняли заметные масштабы после 1820 г., когда государства Священного союза усилили репрессии против активизирующегося в Европе либерального и революционного движения.

Сейм 1820 г. ознаменовался активными действиями либерально-шляхетской оппозиции — калишской партии. Ее, как и большинство шляхты, пока удовлетворяло сложившееся положение вещей, но, опасаясь наметившегося усиления реакционных тенденций в политике властей, калишане требовали соблюдения конституционных прав. Царская бюрократия ответила на это преследованиями калишан и попыталась убедить императора в необходимости отмены конституции. Последующие события показали иллюзорность надежд поляков первых лет существования Царства Польского.

С момента возникновения Царства Польского появилась, а в 20-е гг. набрала силу нелегальная оппозиция. Тайные революционные и просветительские организации видели свою задачу в воссоздании независимой Польши, а также в проведении

антифеодальных преобразований и демократизации политического строя. Идейно-политические силы всех направлений объединяло стремление к восстановлению польских границ 1772 г. Общность цели, несмотря на расхождения в социально-политических программах различных течений, оказала влияние и на характер польского восстания 1830—1831 гг., в котором заметную роль сыграли соединения польской армии и легальные органы государственного управления.

Великое Княжество Познанское, Галиция и Краковская республика

Оказавшееся в составе Пруссии Великое княжество Познанское вскоре со всей силой испытало на себе германизаторскую политику, проводившуюся прусскими властями на польских землях. Права познанского сейма были ограничены. Выражавший интересы шляхты и немецких поселенцев сейм состоял из трех курий — рыцарской, т.е. шляхетской, городской и сельской. Он не имел никакой законодательной инициативы. До его сведения лишь доводились распоряжения прусского короля, касающиеся княжества, по содержанию которых он мог высказывать свое мнение и подавать петиции. По существу, сейм не являлся органом национального самоуправления для польского населения в Пруссии. Большинство в нем составляли лоялисты, меньшинство — либеральная оппозиция.

На протяжении 1815—1830 гг. не претерпело заметных изменений положение входившей в Габсбургскую монархию Западной Галиции. Некоторые уступки полякам были сделаны для того, чтобы в определенной степени нейтрализовать притягательную силу конституционного строя Царства Польского.

Выделялось положение Краковской республики. Она имела сейм и сенат. Но для избирателей и избираемых был введен довольно высокий имущественный или денежный ценз. Хотя Краковская республика лишь формально являлась независимым государством, тем не менее даже небольшая степень свободы, предоставленная вольному городу, позволила ему стать важным центром национальной и культурной жизни польского народа.

НАЦИОНАЛЬНО-ОСВОБОДИТЕЛЬНАЯ БОРЬБА ПОЛЬСКОГО НАРОДА В 1830—1864 гг.

Основным фактором, определявшим политическую жизнь поляков в XIX в., был вопрос о независимости — путях ее достижения, об отношениях с государствами-разделителями и о

надеждах на иностранную помощь. По мере развития капитализма и формирования новой социальной структуры, в частности изменения социального статуса крестьянства, важной особенностью политической жизни стало то, что польское общество не было единым в оценке существующих социальных и политических реалий. Наметилась тесная взаимосвязь национального, социального и — позже — религиозного вопросов. Три главных направления в общественном сознании и в активной политической деятельности, характерные для европейского общества в XIX в. — религия, национализм и социализм, — со всей силой в различных сочетаниях проявились и в польских землях.

Политическая деятельность, на которую польское общество возлагало особые надежды, носила, как правило, тайный характер. Ее основной целью являлось завоевание свободы вооруженным путем. Значительное влияние повстанческой мысли было обусловлено и польской исторической традицией. Но идея вооруженной борьбы не была единственной в польской освободительной мысли. Другой ее разновидностью стала идея органического труда, т.е. повседневного кропотливого труда, который подготовит поляков к будущему независимому существованию путем постепенного улучшения их жизни, развития политического и национального самосознания, экономики, культуры, образования, науки.

Идеи и практика органического труда раньше всего стали развиваться в Великой Польше. Ее идеологом был врач К. Марчинковский. В 1841 г. он создал Общество научной помощи и Польский базар — центр политической жизни Познани. Была создана кредитно-ссудная система, издавались газеты, журналы, открывались библиотеки. Этот курс ориентировался на сохранение и развитие всего польского, не исключая других форм борьбы за сохранение поляков как нации.

Тайная деятельность, долгое время наиболее популярная в обществе, берет свое начало еще в конце XVIII в. После 1815 г. члены польских тайных обществ были связаны с общеевропейским так называемым «движением карбонариев», направленным против Священного союза и пропагандировавшим идеи демократии, независимости и в меньшей степени — социальных реформ. Большая часть этих организаций состояла из молодежи и студентов. Наиболее известными были Общества филоматов и филаретов в Виленском университете (1817), членом одного из которых являлся великий польский поэт А. Мицкевич (1798—1855). В 1821 г. среди офицеров возникает Патриотическое общество, ставившее своей задачей борьбу за восстановление независимой Польши на основе Конституции 3 мая 1791 г.

Восстание 1830–1831 гг.

К организациям подобного рода принадлежало и тайное общество «Заговор подхорунжих», возникшее в 1829 г. в Варшаве. Наряду с офицерами в нем участвовали представители интеллигенции и студенческой молодежи. Эта организация вместе со своими сторонниками в ночь с 29 на 30 ноября 1830 г. поднимает восстание в Варшаве. Решение начать восстание ускорили слухи о намерении Николая I провести мобилизацию в Царстве Польском, с тем чтобы использовать польских солдат в подавлении революционного выступления в Бельгии.

Сигнал к восстанию мог дать осечку из-за отказа присоединиться к нему польских генералов, не забывших уроков войны 1812 г. И только решительное выступление жителей Варшавы, захвативших арсенал, обеспечило победу повстанцев. Царские чиновники покинули город. Свершившийся факт заставил лавировать ведущие польские политические силы. Активизировалось умеренное крыло сторонников восстания, готовое удовлетвориться соблюдением Конституции 1815 г. Шляхетская верхушка вступила по этому поводу в переговоры с великим князем Константином, но под давлением радикализировавшихся настроений и возникшего в ходе восстания Патриотического общества вынуждена была их прекратить. При содействии высших кругов, образовавших временное правительство, диктаторскую власть в Царстве получил генерал Ю. Хлопицкий. Однако он не верил в успех восстания. Надеясь договориться с Николаем I, Хлопицкий распустил Патриотическое общество и мешал укреплению военной силы повстанцев. Но восстание ширилось, охватывая другие районы Царства Польского. 18 декабря 1830 г. сейм провозгласил восстание общенациональным. Видя безрезультатность своих действий, в январе 1831 г. Хлопицкий ушел в отставку. На смену ему пришло консервативное правительство во главе с А. Чарторыйским. 25 января 1831 г. под влиянием манифестации, организованной Патриотическим обществом в честь декабристов, сейм низложил Николая I с польского престола.

Вскоре после этого начались военные действия. В начале февраля 1831 г. царские войска двинулись на подавление восстания. В конце февраля повстанцам удалось остановить их под Гроховом. Польская армия, нанеся серьезный удар царским войскам, хотя и вынуждена была отступить, сорвала планы захвата Варшавы. Некоторых успехов достигли повстанцы в Литве и на Волыни. Однако с конца мая они стали терпеть поражения и после битвы под Остроленкой откатились к Варшаве. Варшава была неплохо

подготовлена к обороне. Но консервативные и соглашательские силы мешали организации сопротивления. Июньские и августовские выступления варшавян привели лишь к расправе с несколькими предателями, не изменив существенно соотношения сил. Глава повстанческого правительства генерал Я. Круковецкий вопреки желанию сейма готов был начать переговоры с И.Ф. Паскевичем, возглавлявшим наступавшую российскую армию. Круковецкий был уволен со своего поста, но это не изменило ситуации. 8 сентября отряды Паскевича, несмотря на упорное сопротивление защитников Варшавы, взяли город.

Царство Польское лишилось автономии. Конституция 1815 г. была отменена, а Царству был дарован в 1832 г. так называемый «Органический статут», ликвидировавший сейм и резко ограничивший его самостоятельность. Было введено чрезвычайное положение. Польская армия перестала существовать, и поляки стали служить в российской армии. Тысячи представителей польской шляхты с восточных территорий бывшей Речи Посполитой были переселены в другие губернии, производилась конфискация помещичьих имений, ликвидировались польские научные и просветительские учреждения, вместо воеводств вводились губернии по российскому образцу.

Уроки восстания. Великая эмиграция. Поиски новых путей борьбы

Со времени подавления восстания 1830–1831 гг. и до начала 40-х гг. XIX в. в польском освободительном движении произошли важные перемены, связанные с осмыслением уроков восстания и выработкой новых путей борьбы. Этим процессом была охвачена в первую очередь польская эмиграция в Европе, насчитывавшая около 9 тыс. человек и включавшая в себя политическую и интеллектуальную элиту. Получившая название Великой эмиграции, она осела прежде всего во Франции и частично в Англии и Бельгии. Среди поляков, покинувших родину, были представители всех сословий. В эмиграции находился цвет польской интеллигенции (И. Лелевель, Ф. Шопен, А. Мицкевич). Хотя эмиграция не была политически однородной, ее тем не менее объединяла общая идея продолжения борьбы за освобождение польских земель. Упорно готовилось новое восстание, среди поляков крепло убеждение в его скором начале.

Виднейшим политиком Великой эмиграции был А. Чарторыйский, сторонники которого объединялись вокруг его парижской резиденции — «Отеля Ламбер». Деятельность этой группировки

постоянно напоминала о существовании польского вопроса. Однако неблагоприятная международная обстановка не могла принести главного результата — изменения условий политической жизни польского народа. Лагерь Чарторыйского ограничивал свою программу национально-освободительными лозунгами без серьезных социальных реформ. Самое большее, на что он соглашался, — замена крестьянской барщины чиншем, размер которого устанавливался бы по согласованию с помещиками. Это крыло эмиграции ориентировалось главным образом на имущие слои. Лишь после 1840 г., видя бесперспективность подобной тактики, представители правого лагеря стали работать и среди крестьянства.

Демократическое направление было представлено рядом организаций. Наиболее крупной и влиятельной среди них явилось Польское демократическое общество, насчитывавшее свыше 4 тыс. членов и просуществовавшее с 1832 по 1863 г. Его программа связывала вопросы борьбы за независимость с социальными преобразованиями и указывала на губительность политики аристократов и помещиков.

Некоторая ограниченность позитивной части требований была обусловлена принадлежностью авторов программы к шляхетскому сословию и боязнью оттолкнуть шляхту от освободительного движения. Рассчитывая на участие в будущем восстании всей шляхты, Польское демократическое общество не посягало на помещичье землевладение и высказывалось за передачу крестьянам лишь их наделов.

Более радикальную программу провозгласила организация «Люд польский», созданная в Англии под руководством С. Ворцеля и Т. Кремповецкого. Составной частью мировоззрения идеологов этой организации являлись идеи утопического социализма. По их мнению, существовала неразрывная связь между борьбой за независимость и социальной революцией. Они резко отрицательно относились к своекорыстию имущих сословий и к шляхетским предрассудкам. Однако влияние «Люда польского» было весьма ограниченным.

В конце 30 — начале 40-х гг. XIX в. активизировались тайные общества непосредственно в польских землях. В Царстве Польском развертывается деятельность «Содружества польского народа», «Крестьянского союза» П. Сцегенного, в Познани — «Союза плебеев». Для этих организаций были характерны смешанный состав и стремление к борьбе за свободную, демократическую Польшу, которая покончит с сословными различиями, введет равенство и гражданские свободы.

Краковское восстание 1846 г.

В трех частях разделенной Польши по инициативе Польского демократического общества шла подготовка общепольского восстания, намеченного на начало 1846 г. Но аресты в Познани и Поморье, а также неудачные попытки провести боевые операции в Царстве Польском ограничили восстание территорией Краковской республики.

В результате вспыхнувших в феврале 1846 г. в Кракове боев австрийские войска отступили за пределы города. Власть здесь перешла в руки Национального правительства, которое, призывая народ к участию в восстании, обещало ликвидировать сословные различия и дать землю крестьянам. Галицийская деревня была синонимом отсталости, нужды и одновременно областью нарастающих противоречий между помещиками и крестьянами. Все это привело к вооруженным выступлениям крестьянства.

Важную роль в восстании сыграл Э. Дембовский, аристократ по рождению, революционер по натуре, талантливый литературный критик и философ. Опасаясь ареста, он покинул сначала Царство Польское, а затем Пруссию, оказавшись в результате в Галиции.

Исход восстания определила позиция крестьян. В Краковской республике они присоединились к восставшим, но на территории остальной Галиции под влиянием австрийской пропаганды отнеслись к восстанию враждебно.

Почти одновременно с выступлением в Кракове началось крестьянское восстание в Малой Польше. Крестьяне захватывали помещичьи земли и громили имения. Австрийское правительство использовало это выступление в своих целях, заявив, что Краков бунтует против императора из-за его намерения освободить крестьян от феодальных повинностей. Восставшие крестьяне направились к Кракову. Туда же двинулась и австрийская армия. Дембовский, пытаясь склонить польское население на свою сторону, предотвратить взаимодействие крестьян, выступивших против польских повстанческих отрядов с регулярной армией, во главе процессии с церковными хоругвями двинулся по деревням. Австрийцы обстреляли мирную процессию. Многие, в том числе и Дембовский, были убиты. Это означало конец Краковского восстания. В Краков вступили австрийские, российские и прусские войска. Затем Краковская республика была ликвидирована, а ее территория в ноябре 1846 г. включена в состав Австрийской империи.

Польское освободительное движение в 1848 г.

Революция, разразившаяся в Европе в 1848—1849 гг. и получившая название «Весна народов», захватила и польские земли.

Вспыхнувшая в марте 1848 г. революция в Вене, вынудившая императора пообещать конституцию и провозгласить свободу печати, отозвалась в крупнейших городах Галиции — Кракове и Львове — патриотическими манифестациями. Их участники начали создавать польские органы власти, направили адрес императору, где изложили свои требования: образование краевого сейма, введение польского языка в школах, учреждениях и судах, ликвидация всех повинностей. Но упреждающий шаг местных властей, провозгласивших от имени императора отмену барщины, значительно сузил возможности патриотов повести за собой более широкие слои населения.

Либеральные круги Львова и Кракова призвали шляхту отменить барщину, но эти призывы нашли слабый отклик. Только единицы решились на ликвидацию повинностей. Австрийская бюрократия взяла инициативу в свои руки с целью поддержать легенду о «добром» императоре и углубить пропасть между помещиками и крестьянами. 22 апреля 1848 г. губернатор Р. Стадион, не ожидая решения Вены, провозгласил аграрную реформу. Постфактум этот акт подтвердил император антидатированным документом от 17 апреля. Реформой были охвачены все категории крестьян-хозяев.

К концу 1848 г. революционные выступления в Галиции были подавлены, польские органы власти распущены.

Наиболее активное революционное движение в польских землях было на Познанщине. В Познани был образован Национальный комитет, состоявший преимущественно из представителей имущих слоев и призванный добиться от короля Пруссии предоставления широких полномочий Великому княжеству Познанскому. Выдвигались требования восстановить польский язык в школах и администрации и создать польское войско. Исходя из общей ситуации в Пруссии, правительство приняло эти требования. На местах стали формироваться польские органы власти и вооруженные отряды, которыми руководил Л. Мерославский. Центральным властям удалось взять контроль над положением, они перешли в наступление, ввели осадное положение и усилили свой воинский контингент в Великом княжестве. Начался роспуск польских отрядов. Все это вызвало отпор со стороны поляков. Попытка властей договориться с ними не дала результатов. Предложения о разделе Великой Польши на две части, польскую и немецкую, и об ограничении численности польских отрядов

были отклонены поляками, и в конце апреля начались вооруженные действия. После побед под Милославом и Соколовом к повстанцам стали присоединяться добровольцы из крестьян и горожан. Однако превосходство прусской армии было слишком велико, руководители восстания не верили в успех и пошли на переговоры с прусским командованием. Мерославский отказался от руководства, а его отряд в мае капитулировал.

Не сумев преодолеть повстанческие настроения офицеров, прусское правительство жестоко наказало участников восстания и отказалось пойти на обещанные ранее уступки.

Многие поляки, главным образом эмигранты 1831 г., участвовали в революционных боях 1848–1849 гг. Так, А. Мицкевич сражался вместе с итальянцами против Австрийской империи на Сицилии, а в Бадене воевал генерал Мерославский. Генерал Ю. Бем командовал обороной революционной Вены в боях с австрийской армией. Позднее он был назначен командующим венгерскими революционными войсками.

В польском освободительном движении 30–50-х гг. XIX в. наблюдались качественные сдвиги, выражавшиеся в демократизации его состава и радикализации программы. Освободительная борьба тех лет объединяла представителей практически всех слоев польского общества. Но в целом движение имело отчетливо выраженный шляхетский характер. Это определялось активным участием как шляхетской аристократии, так и мелкой и неимущей шляхты, интеллигенции и учащейся молодежи шляхетско-мещанского происхождения в деятельности конспиративных организаций, в различных выступлениях против существующих порядков. Глубокое расслоение польской шляхты, ее неоднородность оказали большое влияние на нравы и обычаи польского общества, на облик освободительного движения. Представители всех направлений этого движения одним из решающих считали вопрос о восстановлении независимого польского государства, а также проблему его границ. Линией раздела между ними была социальная программа и ее приоритеты. Правое крыло, сосредоточив все свое внимание на национальном вопросе, социальные аспекты часто отодвигало на второй план. Для идеологов же левого крыла, тоже говоривших о независимости и границах, не менее важное значение имела демократизация общественных отношений.

Предпосылки восстания 1863 г. «Белые» и «красные»

Оживление польского освободительного движения было связано с ситуацией в России. Поляки надеялись, что реформы, обещанные Александром II, распространятся и на Царство Польское.

Отмена военного положения, объявление амнистии узникам и ссыльным, разрешение создать Земледельческое общество не удовлетворили поляков, рассчитывавших на бóльшие уступки. Об этом свидетельствовали патриотические манифестации, устраиваемые по случаю годовщин польских исторических событий или в честь выдающихся поляков. Общественные акции, начавшиеся осенью 1860 г., продолжались в 1861 г., и только введение осенью того же года военного положения и аресты среди участников движения привели к прекращению выступлений.

В начале 60-х гг. в польском обществе произошел раскол. Представители умеренного крыла во главе с руководителем Земледельческого общества А. Замойским надеялись на восстановление автономии Царства Польского мирным путем. Радикалы не исключали в будущем возможности вооруженного восстания. После переговоров умеренных с царскими властями последние согласились пойти на уступки и было восстановлено гражданское управление.

Российское правительство старалось привлечь к сотрудничеству поляков. Так, маркиз А. Велёпольский, поочередно возглавлявший министерства просвещения и внутренних дел, с 1862 г. руководил гражданской администрацией Царства Польского. Ему удалось ввести польский язык в государственные учреждения и школы, создать Главную школу (университет) в Варшаве, унифицировать налоги, очиншевать крестьян. Велёпольский выступал за сохранение тесной связи с Россией. Однако в рамках Российской империи Царство Польское, по его мнению, должно было пользоваться более широкой автономией.

Несмотря на то что политика Велёпольского принесла определенную пользу Царству Польскому, его сотрудничество с властями осуждалось как умеренными, так и радикалами. Но по другим вопросам позиции этих двух течений в национальном движении решительно расходились. Умеренные, получившие название «белые», представляли интересы имущих слоев. Они отказывались от вооруженной борьбы за свободу, считая эту форму борьбы неэффективной и вредной. По их мнению, крестьяне должны были выкупить земельные наделы.

Радикалы — «красные», — объединявшие ремесленников и рабочих, учащуюся молодежь и интеллигенцию, мелкую и разорившуюся шляхту, часть средней шляхты и буржуазии, выступали за восстановление независимой Польши вооруженным путем. Левое крыло «красных» стремилось к установлению республиканской, демократической Польши, в которой крестьяне были бы освобождены от феодальных повинностей и наделены землей. Правая и умеренная части «красных» опасались радикализма левых и в решающие моменты борьбы блокировалась с «белыми».

В конце 1861 — первой половине 1862 г. оформилась повстанческая организация «красных» во главе с Центральным национальным комитетом (ЦНК). Его задачей была подготовка вооруженного восстания. Один из руководителей повстанческой организации Я. Домбровский, капитан российской армии, обладавший незаурядным военным талантом, разработал план военных действий в ходе восстания, поддерживал контакты с подпольщиками в российских войсках. После его ареста в августе 1862 г. подготовка восстания легла на плечи представителей левого крыла «красных».

Ход восстания 1863–1864 гг. Причины его поражения и политические последствия

Поводом для восстания послужило проведение рекрутского набора по заранее составленным спискам «политически неблагонадежных» лиц. В создавшейся обстановке ЦНК принял решение начать восстание раньше, чем планировалось, и 22 января 1863 г. провозгласил себя Временным национальным правительством. В первый же день восстания был опубликован манифест, объявивший о независимости Польши и уравнении всех граждан в правах.

Левые прекрасно понимали необходимость аграрной реформы. Выражением этого стал декрет Временного национального правительства, оглашенный в ночь с 22 на 23 января 1863 г., который ликвидировал повинности крестьян-землепользователей без выкупа, а также предусматривал наделение землей (до 1,6 га) безземельных крестьян. Шляхта должна была получить компенсацию от будущего независимого государства.

Реализация декретов в условиях партизанской войны была сильно затруднена. К тому же правые, которые в течение многих месяцев держали власть в своих руках, неодобрительно относились к радикальным шагам правительства. Однако положение о невзыскании с крестьян феодальных повинностей в виде барщины, чиншей и выкупа соблюдалось неукоснительно и шляхта каралась за саботирование этих постановлений. Но, несмотря на принятые меры, крестьянство ожидаемой поддержки «красным» не оказало.

В феврале 1863 г. к восстанию примкнули «белые», до этого бывшие его принципиальными противниками. Используя разногласия среди «красных», им удалось взять в свои руки руководство внешней политикой повстанческого правительства. Но надежды деятелей «Отеля Ламбер» на вмешательство Франции и Англии не оправдались — эти державы ограничились лишь дипломатическими нотами, в которых высказывалось пожелание предоставить Царству Польскому автономию. Претензии западных

держав были отвергнуты Александром II, считавшим происходящие события внутренним делом России.

К концу июля соотношение сил еще больше изменилось в пользу российского правительства. Положение усугублялось ожесточенной борьбой за руководство восстанием. В этих условиях в октябре 1863 г. члены Национального правительства (так с мая стало называться Временное национальное правительство) передали всю полноту власти Р. Траугуту (1826—1864), бывшему офицеру российской армии. Став диктатором восстания, он проявил незаурядные организаторские способности — отличался последовательностью в действиях, ответственностью и личной храбростью. Траугут ввел единую организацию вооруженных сил восстания, приказал претворять в жизнь положение декрета о наделении крестьян землей. Однако, несмотря на все его усилия, восстание, которому не благоприятствовали ни внутренние, ни внешние факторы, постепенно угасало. Хотя социальный состав его участников по сравнению с предыдущими вооруженными выступлениями значительно расширился, вооруженный протест тем не менее охватил меньшинство крестьянства, большинство же крестьян заняли выжидательную позицию.

Восстание ограничилось в основном пределами Царства Польского, охватив также часть литовских, белорусских и украинских земель. Движение ослаблялось отсутствием единства среди повстанцев. Не оказали реальной помощи восставшим и западные державы. В апреле 1864 г. Траугут был арестован, а летом и осенью того же года оказались разгромленными последние партизанские отряды. Царизм жестоко расправился с повстанцами, сотни их погибли в боях и были казнены, тысячи сосланы на каторжные работы в Забайкалье, в Сибирь или во внутренние губернии России.

Хотя восстание 1863—1864 гг. и потерпело поражение, жертвы его были не напрасны. Оно явилось очередным важным шагом на пути к национальной консолидации и росту самосознания поляков. Наконец, восстание вынудило царизм узаконить аграрную реформу, основы которой были сформулированы в январском манифесте 1863 г.

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ ПОЛЬСКИХ ЗЕМЕЛЬ В КОНЦЕ XVIII — 60-е гг. XIX в.

Определенный экономический прогресс, достигнутый в эпоху Просвещения, как и социально-экономические изменения, происшедшие в период существования Княжества Варшавского,

способствовали возникновению, а затем и развитию капиталистических отношений. На ход этого процесса в последующие годы повлияли и решения Венского конгресса. Включенный в них пункт о необходимости сохранения экономического единства польских земель оказался фикцией, поскольку не соответствовал интересам разделивших Речь Посполитую государств, которые, напротив, пытались как можно быстрее включить завоеванные территории в свои экономические системы. И выражением этой тенденции являлась прежде всего таможенная политика. Уже через несколько лет после Венского конгресса польские земли были разделены таможенными барьерами. С этого времени они все явственнее выполняли определенные экономические функции в рамках политики государств-разделителей.

В социально-экономической сфере важнейшим событием этого периода были аграрные реформы, которые способствовали утверждению капитализма в сельском хозяйстве, экономическому освобождению крестьянства, создавали резервную армию рабочей силы, необходимую для последующего подъема промышленности. Преобразование сельского хозяйства не протекало равномерно. Это было обусловлено целым рядом факторов. Один из важнейших — успехи процессов развития капитализма в метрополии; большое значение имела возможность сбыта сельскохозяйственных продуктов на внутреннем рынке или за границей. Определенное влияние оказывало и осознание необходимости перемен.

На пороге реформ экономическое развитие польской деревни было неравномерным. Очиншевание охватило относительно небольшую территорию польских земель, и прежде всего земли на западе. На остальных территориях безраздельно господствовала барщина. Отмена личной крепостной зависимости в 1807 г. лишь в незначительной степени улучшила положение крестьян, в то же время облегчив помещикам возможность сгонять их с земли. Сдерживающим элементом в улучшении методов хозяйствования во многих регионах были ограниченные возможности сбыта сельскохозяйственной продукции.

Аграрная реформа в Пруссии

Наиболее благоприятная ситуация сложилась на землях, отошедших к Пруссии, где вначале был довольно емкий внутренний рынок, созданный развивающейся с XIX в. промышленностью и связанной с ней урбанизацией. Имелись шансы экспорта в Пруссию и в другие земли Германского союза. В значительно более трудном положении находилось сельское хозяйство Царства Польского, в котором было занято около 80% жителей края.

Причиной этих трудностей явились последствия войн, а также затруднения, связанные со сбытом сельскохозяйственных продуктов и вызванные введением Пруссией таможенной границы, пересекающей главную торговую артерию — Вислу, и протекционистской политикой стран Западной Европы, в первую очередь Англии. Эти факторы углубили наблюдавшийся уже несколько лет кризис фольварочно-барщинной системы, отражением которого был относительно низкий уровень сельскохозяйственной культуры. Если в Западной Европе урожайность зерна колебалась в границах 9—14 ц с га, то в Царстве Польском — 4—6 ц с га. Ситуация усугублялась огромной задолженностью помещиков.

Фактором, задерживающим прогресс, была позиция подавляющего большинства шляхты, противящейся всяким изменениям. Даже в наиболее экономически развитой Великой Польше наряду с Гданьским Поморьем и Силезией известие о предполагаемой аграрной реформе вызвало протесты. Только немногие земельные собственники выступали за радикальные изменения. В Царстве Польском к ним принадлежал С. Сташиц (1755—1826), который в 1816 г. освободил крестьян в своем Грубешовском имении.

Однако, несмотря на сопротивление, аграрные реформы постепенно охватывали польские земли. Раньше всего преобразования были проведены в Пруссии. На это повлияли успехи в экономическом развитии страны, а также поражение в войне с Францией в 1806 г. Как уже отмечалось, первым документом, серьезно поколебавшим основы крепостничества, стал эдикт 1807 г., предоставивший крестьянам личную свободу. Вскоре были обнародованы и другие документы, касающиеся аграрных отношений. В 1808 г. освобождение от крепостной зависимости получили государственные крестьяне, а в 1811 г. — крестьяне в помещичьих хозяйствах. Этими актами были охвачены только крестьяне, имевшие хозяйства и отрабатывавшие за них тягловую барщину. Земля передавалась в собственность за выкуп. Его также требовалось внести и за освобождение от всех феодальных повинностей. По мнению юнкерства, эдикт 1811 г. был слишком радикален. Пересмотрен он был после победы над Наполеоном.

В 1816 г. королевская декларация ограничила категорию хозяйств, подлежащих освобождению от крепостной зависимости. Воспользоваться эдиктом теперь могли лишь зажиточные, имевшие пару тяглового скота, крестьяне, хозяйства которых являлись налоговой единицей и были созданы, по крайней мере, в середине XVIII в. Помещикам обеспечивался большой выкуп. В целом

крестьянство потеряло около 1/3 возделываемой земли. В 1827 г. было введено очередное ограничение, определяющее площадь подлежащего раскрепощению хозяйства. Она не могла быть ниже 25 магдебургских моргов, что равнялось 6,25 га. Само освобождение должно было происходить путем заключения соглашения между обеими сторонами. В случае если это было невозможно, спорные вопросы решала генеральная комиссия, имевшаяся в каждой провинции.

В 1823 г. аграрная реформа, несмотря на сопротивление шляхты, охватила Великое княжество Познанское. Претворение в жизнь постановлений по регулированию отношений между помещиками и крестьянами затянулось на годы. Хотя большинство актов было реализовано до 1848 г., окончательно этот процесс завершился только в 60-е гг. XIX в. Под влиянием революционных событий 1848–1849 гг. аграрной реформой с 1850 г. были охвачены все крестьянские хозяйства, за исключением земель фольварочной службы.

В целом прусские аграрные реформы в максимальной степени учитывали интересы крупной земельной собственности. Ликвидация барщины заставила помещиков перейти на иные формы хозяйствования, основанные на использовании свободной рабочей силы. Это требовало значительных вложений капитала. Высокий выкуп за барщину и другие феодальные повинности обеспечил крупным земельным собственникам необходимые средства на модернизацию хозяйств. Предусматриваемые двусторонние соглашения должны были дать время крупным землевладельцам адаптироваться в новых условиях.

В результате аграрной реформы в Пруссии ведущими в экономическом отношении стали капиталистические фольварки и средние и крупные крестьянские хозяйства. В руках крупных собственников находилось около 50% земли, у богатых крестьян — около 25%. Остальной землей распоряжались середняки и малоземельные крестьяне, причем у последних было всего 0,6% земли. Реформа создала предпосылки для высокотоварного хозяйства. В деревне прусских владений создалась специфическая для этих земель социальная структура. Доминировали помещики, крупно- и среднеземельное крестьянство. В ходе реформы были ликвидированы многочисленные малоземельные крестьянские дворы. Эта группа вместе с фольварочной челядью стала основой в процессе формирования сельскохозяйственного пролетариата, столь характерного для западных польских земель.

Традиционное трехполье заменяется севооборотом. Изменяется структура посевов. Увеличиваются площади под картофелем.

В связи с развитием животноводства и особенно овцеводства все чаще высеваются кормовые культуры. Изменяются и способы обработки земли. Общей тенденцией становится интенсификация производства за счет применения искусственных удобрений и современных орудий труда и машин. Благодаря ликвидации пустошей, вырубке лесов, использованию под посевы лугов и пастбищ вырастает и площадь засеваемой земли.

Первоначально основной рабочей силой являлись безземельные крестьяне (коморники) и фольварочные рабочие (челядь). По мере реализации аграрной реформы все большее значение приобретала наемная рабочая сила. Между помещиками и сельскохозяйственными рабочими господствовали полуфеодальные отношения. В течение всего XIX в. сохранялись телесные наказания и до конца правления династии Гогенцоллернов сельскохозяйственным рабочим было запрещено объединяться в профсоюзы.

Перестройка аграрных отношений в Галиции

В Галиции в XIX в. почти повсеместно господствовали аграрные отношения, мало отличающиеся от отношений XVIII в. Производство зерна не удовлетворяло потребностей населения. Лишь немногие интересовались новыми методами хозяйствования. Очиншевание было редким исключением. В этих условиях основой доходов шляхетского фольварка стали повинности крестьян. Действующие патенты Марии Терезии и Иосифа II, регулирующие отношения между помещиками и крестьянами, систематически нарушались. Характерной чертой галицийской деревни был рост раздробленности крестьянских наделов и пауперизация населения. В середине XIX в. 44% хозяйств составляли небольшие участки размером менее 3 га. Ухудшающееся положение галицийского крестьянства усугубляло пропинационное принуждение, источник ширившегося пьянства. Все это также способствовало возрастающему сопротивлению сельского населения.

Сельское хозяйство Галиции вообще чуть ли не полностью было лишено экспортных возможностей. Таможенные барьеры затрудняли вывоз зерна по Висле, а на рынках Габсбургской монархии господствовали венгерские производители. Лишь латифундисты Восточной Галиции экспортировали сельскохозяйственную продукцию через черноморские порты.

Аграрная реформа в Галиции так же, как и в Пруссии, сохраняла сильные позиции крупных собственников, но отличалась от нее более широким социальным характером, охватом всех крестьян-собственников. Ничего не говорилось о безземельных крестьянах, не была решена проблема сервитутов. Лишь для

видимости отменялся выкуп помещикам, который формально обязалось выплатить государство. Патент 1849 г. разъяснял этот вопрос окончательно, перенеся всю тяжесть выкупа на галицийские власти, которые должны были черпать средства с повышаемых налогов на местное население.

Впоследствии характерной чертой галицийской деревни будет огромное расслоение крестьянской собственности. В среднем на хозяйство приходилось 5 га. Производство в большинстве из них не имело товарного характера, что в значительной степени ограничивало модернизацию методов обработки земли, т.е. не была ликвидирована знаменитая нужда галицийской деревни.

Крестьянский вопрос в Царстве Польском

Когда прусская часть польских земель вступала в эпоху аграрных реформ, первые симптомы изменений проявились и в Царстве Польском. С развитием промышленности и урбанизацией возросла потребность в продукции земледелия и животноводства. Часть помещиков была заинтересована в улучшении методов хозяйствования, направленных не столько на ликвидацию феодальных отношений, сколько на их обновление. Но на это, как известно, нужны были деньги. Государство готово было оказать финансовую помощь помещикам. С этой целью в 1825 г. было создано Земледельческое кредитное общество. Важным источником наличных средств мог стать перевод крестьян с барщины на чинш.

Этот процесс охватил прежде всего государственные имения. После восстания 1830–1831 гг. власти проводили очиншевание в государственных имениях и донациях, т.е. в землях, дарованных высокопоставленным гражданским и военным лицам. Очиншевание в этих хозяйствах было проведено в течение 20 лет. Сложнее этот процесс проходил в частных хозяйствах. Накануне 1830 г. он охватил западный регион Царства Польского. Там помещики, создавая фольварки, основанные на свободной наемной рабочей силе, производили массовый сгон крестьян, стремясь укрупнить земельные участки. Широкий размах приобрело очиншевание после восстания 1830–1831 гг. Охотнее всего отказывались от барщины в пользу денежной ренты крупные латифундисты. Примером может служить ординация (родовое имение, майорат) Замойских. Однако денежный выкуп был столь высок, что привел к разорению многих не очень богатых крестьян, превратив их в загродников (безземельных крестьян, переселенцев). Несмотря на медленный переход помещичьих хозяйств на чинш, в 1846 г. около 36% крестьянских хозяйств в частных имениях перешли на денежный выкуп. Одновременно

продолжался массовый сгон крестьян с земли. В 1846 г. Николай I под влиянием крестьянских выступлений в Галиции запретил сгонять крестьян, хозяйства которых превышали три морга (здесь морг примерно равен 0,56 га). Были отменены и незаконно введенные повинности.

В модернизируемых фольварках были введены севообороты, появились сельскохозяйственные машины, стали применяться удобрения. Изменилась структура посевов. Распространился картофель. В связи с потребностями текстильной промышленности возрос интерес к овцеводству.

Положение крестьян было трудным. Наряду с традиционными методами эксплуатации (барщина) все чаще господствующий класс прибегал к сгону крестьян с земли, росли прямые и косвенные налоги. Царство Польское оказалось ареной нарастающей борьбы крестьян с помещиками. Самой распространенной формой протеста крестьян стало обращение их за помощью к властям путем подачи жалоб и петиций. Нередко во главе этих акций стояли представители интеллигенции крестьянского происхождения. Иногда сопротивление крестьян принимало более радикальные формы — побеги, поджоги помещичьих усадеб. Эта борьба приносила определенные результаты. В государственных имениях были отменены временные повинности, в 1833 г. запрещен принудительный найм, с 1840 г. воспрещалось налагать барщинные повинности на безземельных крестьян. Упоминавшийся уже царский указ 1846 г. был попыткой сдержать крестьянское сопротивление.

Шляхта слишком медленно приходила к осознанию необходимости улучшения положения крестьян. Она упустила шанс решить эту проблему в период восстания 1830—1831 гг., когда власть находилась в ее руках и была возможность провести в жизнь принятые сеймом постановления по крестьянскому вопросу. Даже угроза поражения восстания не убедила помещиков разрешить острую ситуацию в деревне и создать широкую социальную базу для освободительного движения.

На рубеже 40—50-х гг. наблюдалось оживление аграрного производства. Этому способствовали отмена хлебных пошлин в Англии, увеличение импорта зерна Францией и Германией, рост внутреннего спроса в России, вызванный интервенцией царизма в Венгерское королевство в 1849 г. и Крымской войной. Развивался и рынок Царства Польского. Велением времени становилась аграрная реформа. Идея реформы находила все больше сторонников среди шляхты, но она не была едина во взглядах на крестьянский вопрос. Часть ее приверженцев во главе с А. Замойским высказывалась за очиншевание, другая, менее многочисленная,

выступала за освобождение крестьян. Сторонники реформ объединились в 1858 г. в Земледельческое общество, председателем которого стал А. Замойский. В обществе разгорелись жаркие дискуссии по этому животрепещущему вопросу. Наконец, в феврале 1861 г. принимается план освобождения крестьян, который затем направляется властям. По этому плану выкуп феодальных повинностей растягивался на десятки лет.

В феврале 1861 г. было отменено крепостное право в России. Эта реформа не распространялась на Царство Польское, но привлекла большое внимание к аграрному вопросу. Крестьяне отказывались выполнять барщину, чувствовалась политическая напряженность. В апреле 1861 г. Земледельческое общество было распущено. Власти перехватили инициативу, в октябре 1861 и июне 1862 г. были изданы царские указы. Первый указ отменял барщину при условии выплаты высокого выкупа, второй вводил обязательное очиншевание. После выплаты повинностей получить хозяйства в собственность могли лишь чиншевые крестьяне, имевшие землю в вечном пользовании. В итоге ни предложения Земледельческого общества, ни царские указы не решали крестьянского вопроса, откладывая его реализацию на неопределенное время.

Январское восстание 1863 г. радикально изменило ситуацию. Российское правительство, видя, что инициатива в крестьянском вопросе перешла к мятежникам, не жалело усилий для ослабления впечатления, произведенного на крестьянство постановлениями повстанческих властей. 19 февраля (2 марта) 1864 г. в Царстве Польском было отменено крепостное право. Реформа практически копировала январские декреты Временного национального правительства. Согласно ей земля отдавалась в собственность крестьянам-землепользователям без выкупа. Возмещение убытков брало на себя правительство. Источником этих средств являлись налоги с населения. Предусматривалось также наделение землей безземельных крестьян (по 3 морга). В отличие от России вводилось гминное самоуправление. Повстанческое правительство, не желая восстанавливать против себя шляхту, не могло лишить ее войтовских должностей. Это сделало российское правительство, освобождая гмину от прежнего собственника земли. Правительство во многом достигло своей цели, отрывая таким образом крестьян от восстания.

Проведенная в 1864 г. реформа завершила ликвидацию феодальных отношений на польских землях. Но прусский путь развития капитализма в сельском хозяйстве с сохранением крупной земельной собственности позволил удержаться многим пережиткам минувшей эпохи.

ПОЛЬСКИЕ ЗЕМЛИ ПОСЛЕ ЯНВАРСКОГО ВОССТАНИЯ ДО ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Политика России, Германии и Австрии в польских землях

Развитие ситуации в польских землях в 60-е гг. определялось прежде всего протекавшими в них социально-экономическими процессами и национальной политикой метрополий. Политический и национальный гнет принял более тяжелые, чем в предшествующий период, формы в Царстве Польском. Достаточно сказать, что практически с 1863 до 1915 г. там сохранялось военное положение, хотя до революции 1905–1907 гг. серьезных волнений или беспорядков не было. После 1864 г. лейтмотивом российской политики в этой провинции стало так называемое «слияние» польских земель с метрополией. На Царство Польское были распространены многие реформы, уже проведенные в России, — аграрная, военная, судебная, но оно не получило городского и земского самоуправления, суда присяжных, той ограниченной свободы печати, которой пользовалось российское общество. Сельское (гминное) самоуправление находилось под контролем российских чиновников.

Практически полностью была уничтожена административная автономия Царства Польского, упразднены Государственный и Административный советы, ведомственные комиссии, отдельный бюджет. Все органы местной власти — административные, судебные, финансовые, школьные, почтовые — подчинялись соответствующим министерствам в Петербурге. После смерти графа Ф. Берга в 1874 г. был ликвидирован пост наместника Царства Польского. Само название провинции в официальных документах заменялось на Привислинский край.

Чиновники-поляки почти полностью были замещены русскими, в то время как в первой половине XIX в. лишь незначительное число государственных служащих, главным образом высшего ранга, являлись выходцами из России. Поляки могли делать карьеру на государственной службе, в том числе и военной, только во внутренних районах империи. Польский язык был заменен русским не только в администрации, но и в судопроизводстве, на почте, железных дорогах, наконец — в школе.

Национальное угнетение приняло особенно жесткие формы в период контрреформ в России, при Александре III, когда генерал-губернатором Царства Польского был И.В. Гурко, герой русско-турецкой войны 1877–1878 гг. Его имя и имя куратора Варшавского учебного округа А.Л. Апухтина стали нарицательными

в Польше и обозначали режим грубой русификации. В 1869 г. Варшавский университет был преобразован в российский, затем последовала русификация средней, а несколько позже и начальной школ. Польский язык был оставлен лишь в качестве факультативного предмета.

Под предлогом «очищения» богослужения от налета католицизма началась борьба с униатской церковью, завершившаяся ее фактической ликвидацией. Католическая церковь подчинялась Католической коллегии в Петербурге.

В Царстве Польском практически не было русской колонизации. Немногочисленное русское гражданское население, представленное прежде всего чиновниками и учителями, проживало исключительно в городах. Там же размещались и русские гарнизоны. В городских центрах русификация коснулась главным образом системы управления и образования.

Достаточно тяжелым в национальном отношении было положение поляков в прусских землях. Правда, здесь отсутствовал военный режим и поляки пользовались защитой общегерманской конституции наравне с другими подданными империи Гогенцоллернов, хотя и с исключениями (в 1906 г. были запрещены публичные собрания). Однако школа, суд, местная администрация в период канцлерства Бисмарка были полностью германизированы. Отличием этой части польских земель от русских являлось то, что она была областью активной немецкой колонизации, начало которой восходило к достаточно отдаленным временам.

Со второй половины 80-х гг. центр тяжести германизаторской политики правительства перемещается в сферу экономики. Ставится задача резкого увеличения в польских землях численности немецкого населения. В 1885 г. правительство выселило несколько десятков тысяч поляков, не имевших прусского гражданства. В 1886 г. создается колонизационная комиссия для выкупа земель у поляков и передачи их в руки немецких колонистов, но эффективность ее деятельности оказалась ниже ожидаемой. В 1894 г. для этих же целей было создано «Объединение немцев восточных провинций», получившее название Гаката (по первым буквам фамилий его основателей). С этого времени политика германизации стала называться гакатизмом. В 1908 г. был принят закон, разрешавший принудительный выкуп земли у польских помещиков. Результатом политики Берлина в западных польских землях было то, что борьба за польский язык в школе, учреждениях, церкви соединилась с борьбой за сохранение земли в руках польских собственников. В это движение вовлекались массы крестьян.

На общем неблагоприятном фоне политического положения польских провинций России и Пруссии выгодно выделялось положение поляков австрийской части монархии Габсбургов. После поражения в войне с Пруссией в 1866 г. Вена, чтобы предотвратить угрозу распада империи, пошла на соглашение с дворянством отдельных наций империи, прежде всего венгерским и польским. В рамках этой политики Галиция постепенно получила довольно широкую автономию. Новый статус стал результатом ряда уступок венского правительства на протяжении 60–70-х гг.

Галиция имела особый областной сейм, избиравшийся по куриальной системе, что давало преимущество помещикам. Административный аппарат провинции подчинялся не сейму, а наместнику, который назначался центральным правительством. Влияние польских помещиков на управление провинцией со смешанным населением не ограничивалось только их преобладанием в сейме и в органах местной власти. Польская аристократия оказывала существенное воздействие на политику двора и центрального правительства; только из ее среды назначался имперский министр по делам Галиции и наместник. Сохранилась и получила дальнейшее развитие традиция выдвижения поляков на ключевые министерские должности, вплоть до главы кабинета министров (граф К. Бадени в 1895–1897 гг.).

Полное преобладание помещиков в политической жизни Галиции вступало в противоречие с интересами крестьян, составлявших подавляющее большинство населения края. Но сам по себе факт национальной автономии чрезвычайно благотворно влиял на развитие польской общественной жизни и национальной культуры. Поляки свободно пользовались родным языком в администрации, суде и школе. Имелось два университета с преобладанием польской профессуры — Ягеллонский в Кракове и Львовский, а также польская Академия знаний в Кракове.

Экономическое развитие польских земель

Проведение аграрной реформы в Царстве Польском в 1864 г. завершило процесс создания необходимых условий для утверждения капиталистической экономики в польских землях в целом. С этого момента развитие сельского хозяйства в различных регионах определялось прежде всего экономическими условиями, хотя не следует забывать и об остатках феодализма (сохранение у помещиков большей части земли, сервитуты).

В последней трети XIX в. в польских землях разворачивается процесс индустриализации, интенсивность которого в каждой из частей была не одинакова. Спецификой индустриализации было

то, что развитие промышленности с самого начала ориентировалось на внутренние и внешние рынки метрополий, поскольку общепольского рынка товаров, услуг и сырья не существовало. С определенной долей условности можно говорить лишь об элементах общего рынка труда, так как существовала массовая сезонная миграция сельскохозяйственных рабочих из Галиции и Царства Польского в польские провинции Пруссии. Следует также иметь в виду, что предприниматели-поляки в меньшей степени могли рассчитывать на покровительство властей, чем их конкуренты из титульных наций.

Наиболее быстро капиталистические отношения развивались в сельском хозяйстве польских провинций Пруссии, где в результате реформ происходил переход помещиков к капиталистическим методам хозяйствования, сложились сильная группа крупных крестьянских хозяйств и большая прослойка безземельных и «батраков с наделами», что обеспечивало наемной рабочей силой сельское хозяйство и промышленность. Подавляющее большинство крепких крестьянских хозяйств носило товарный характер. В них использовались современные сельскохозяйственные машины и инвентарь, а также искусственные удобрения. В результате Познанщина к концу века стала основным поставщиком продовольствия для Берлина.

В конце столетия завершился процесс хозяйственной специализации отдельных областей. Познанщина и Поморье окончательно определяются как области с развитым товарным сельским хозяйством. Единственным промышленным центром был г. Познань с неплохо развитым машиностроением, прежде всего сельскохозяйственным. Верхняя Силезия сохранила за собой статус промышленной кузницы Пруссии, хотя в общегерманских масштабах к концу века она все заметнее уступала Рурскому и Саарскому промышленным районам. Промышленный переворот в черной металлургии Силезии был связан с заменой древесного угля коксом, для получения которого как нельзя лучше подходили богатейшие местные каменноугольные месторождения. С 1852 по 1890 г. добыча каменного угля увеличилась здесь в 12 раз, а выплавка чугуна и стали — в 8. Успешно развивались в Прусской Силезии цветная металлургия, металлообработка и машиностроение. Перед первой мировой войной в промышленности этого района было занято около 500 тыс. рабочих.

Достаточно успешное развитие экономики польских районов Германии обеспечило весьма высокий уровень жизни значительной части поляков, что давало им возможность противостоять экономическому и политическому наступлению германизации.

Польские земли в составе России не могли похвастаться такими же успехами в сельском хозяйстве, как Познанщина и Поморье. Аграрная реформа решила здесь проблему земли с большим учетом интересов крестьянства, но ее выгоды ощутило лишь одно поколение. Процессы капиталистической перестройки структуры аграрного сектора активизировались здесь только на рубеже веков. До первой мировой войны преобладали середняцкие хозяйства, поставлявшие излишки своей продукции на локальные рынки. Медленно возраставшая прослойка мало- и безземельных крестьян без особого труда находила занятие на месте или же мигрировала в другие города и за границу.

В российской части Польши сложились весьма благоприятные условия для развития современной крупной промышленности. Поскольку аграрная реформа не носила по отношению к крестьянству чрезмерно конфискационного характера, то существовал достаточно емкий внутренний рынок для промышленных изделий. К тому же эта провинция была промышленно развитой уже в предшествующие десятилетия, в связи с чем польские предприниматели смогли воспользоваться выгодами резкого расширения российского рынка после аграрной реформы 1861 г.

В первые 15 лет после реформы 1864 г. промышленность Царства Польского по темпам роста в 2,5 раза превосходила российскую промышленность. Положение изменилось к худшему к началу XX в., когда в России завершился промышленный переворот. Раньше всего в течение 50–80-х гг. современное производство было налажено в текстильной промышленности, что позволило предпринимателям Царства Польского добиться монопольного положения на национальном рынке и активно продвигать свои изделия на общероссийский и восточные рынки. Текстильным центром европейского масштаба стал г. Лодзь. Ему уступали по величине текстильного производства Варшавский и Белостокский районы.

Не менее важной отраслью промышленности Царства Польского являлась металлургия, сосредоточенная в основном в Домбровском бассейне. Технологический переворот был связан с бурным железнодорожным строительством, развернувшимся с конца 70-х гг. Продолжали развиваться металлообработка и машиностроение в Варшаве.

Из пищевых отраслей промышленности особо выделялось сахароварение, сосредоточенное в основном в крупных помещичьих хозяйствах, где после реформы 1864 г. прошло техническое перевооружение и укрупнение производства.

В результате промышленного переворота в главных отраслях промышленности Царства Польского фабричная продукция превысила ремесленную по стоимости к концу 70-х гг.,

а сельскохозяйственную — к концу века, что придало этим землям индустриально-аграрный характер.

Наибольшую отсталость демонстрировало сельское хозяйство Галиции, неспособное конкурировать с более развитым аграрным сектором чешских земель и Венгрии. Помещики, сохранив за собой большую часть сельскохозяйственных угодий и право пропинации, предпочитали капиталистической модернизации хозяйств сдачу земли в аренду небольшими парцеллами. Спрос в полуаграрных городах края на продовольствие был небольшим, слабая промышленность не могла поглотить излишки аграрного населения. В результате к началу мировой войны Галиция имела самую отсталую структуру землевладения и огромное число безземельных и малоземельных крестьян, многие из которых спасались эмиграцией.

В Галиции крупная промышленность даже накануне первой мировой войны находилась в зародыше, не будучи в состоянии выдержать конкуренцию предприятий на территории собственно Чехии, австрийских земель и Тешинской Силезии. Общий низкий уровень экономического развития обусловил закрепление за Галицией статуса поставщика сырья и дешевой рабочей силы. Исключение составляла только добыча и переработка нефти в Бориславском бассейне, значение которой резко возросло в связи с широким распространением двигателей внутреннего сгорания. В Тешинском княжестве, административно входившем в состав земель Чешской короны, сосредоточилась добыча коксующихся углей, текстильная, металлургическая и металлообрабатывающая промышленность, машиностроение. Именно сюда во второй половине XIX в. устремился поток мигрантов из Галиции.

Поскольку польские земли оказались в составе государств, с запозданием вступивших на путь индустриального развития, период свободной конкуренции капитализма в них оказался непродолжительным и с 80-х гг. появляются первые монополистические объединения. В 1887 г. создается общероссийский сахарный синдикат, в котором видную роль играют заводчики Царства Польского. В конце 90-х гг. возникает картель Верхнесилезская угольная конвенция, для противостояния которому шахтовладельцы Домбровского бассейна образовали свой картель. В 1908 г. польские предприниматели присоединились к всероссийскому синдикату Продамет, получив в свое распоряжение 20% общероссийского рынка металлоизделий.

Успешно развивающаяся польская промышленность была местом притяжения не только капиталов из метрополий, но и зарубежных инвестиций: французских, бельгийских, немецких, направлявшихся, как правило, в самые современные и прибыльные отрасли (нефтяную, химическую, электротехническую и др.).

В свою очередь банкиры и предприниматели Царства Польского вкладывали средства в развитие сахарной промышленности на Украине, в добычу нефти в Баку и т.д.

В целом польская экономика во второй половине XIX — начале XX в. развивалась весьма успешно. Поражавшие ее периодически, синхронно с метрополиями, кризисы перепроизводства не имели структурного характера, за каждым из них следовал период подъема. Многие из достигнутых к 1913 г. валовых экономических показателей остались непревзойденными в межвоенный период. Спрос европейской и заокеанской экономики на рабочую силу облегчал эмиграцию излишнего трудоспособного населения, что смягчало остроту социальных конфликтов и способствовало росту материального и общекультурного уровня жизни поляков.

Демографические и социальные процессы

Во второй половине XIX в. в польских землях имел место демографический взрыв. Если с 1820 по 1850 г. население Великого княжества Познанского, Галиции и Царства Польского возросло с 8,5 до 10,5 млн человек, то в 1914 г. оно составило уже 24 млн. Особенно высокими темпами прироста отличалось Царство Польское, превосходя Галицию в 1,5, а Познанщину в 2 раза. Несомненную роль в этом сыграло распространение в обществе, особенно в низших слоях, достижений в области санитарии и гигиены, медицины и акушерства, а также улучшение питания.

Не менее значимым демографическим явлением был прогресс урбанизации, в первую очередь в Верхней Силезии и Царстве Польском. Городская сеть менялась очень мало, но зато быстро росла численность городского населения. С 1870 по 1910 г. утроилось население Варшавы, Познани и Кракова, население Лодзи выросло в 8, а Сосновца — более чем в 13 раз. В целом горожане в Царстве Польском в 1910 г. составляли около 33% всего населения, в прусской части — почти 44, в то время как в Галиции — всего лишь около 20%.

Существенные изменения, характерные для находящихся в процессе модернизации традиционных обществ, происходят в социально-классовой структуре. Часть шляхты сумела приспособиться к пореформенным условиям развития сельского хозяйства, медленно превращаясь в крупных товаропроизводителей продовольствия и сырья. Другая группа землевладельцев, сталкиваясь с большими трудностями, находила выход в постепенной распродаже земли небольшими парцеллами по высоким рыночным ценам. Разорившаяся же часть дворянства пополняла ряды государственных чиновников и служащих частных компаний,

управляющих имениями, школьных учителей и лиц свободных профессий, т.е. переходила в разряд интеллигенции, потребность в которой постоянно росла во всех польских землях в связи с их экономическим и культурным развитием.

Крестьянство, еще недавно самое многочисленное сословие феодального общества, также переживало имущественную дифференциацию. Как уже упоминалось выше, наиболее активно этот процесс проходил в западных польских землях. Крестьянство являлось одним из главных источников пополнения еще одного традиционного сословия — мещанства, а также составляло основную массу эмигрантов по экономическим мотивам. Несмотря на высокие темпы естественного прироста сельского населения, его доля в общей социальной структуре постоянно сокращалась, прежде всего в пользу рабочего класса и других общественных групп наемного труда.

Качественно новыми классами общества стали пролетариат и буржуазия — два основных субъекта капиталистической экономики. Наиболее быстрыми темпами росла численность пролетариата. Если к 1830 г. он насчитывал около 75 тыс. человек, то через 80 лет в его рядах было уже около 1,2 млн человек. Он пополнялся за счет постоянного притока выходцев из других групп, прежде всего ремесленников и крестьян. Его особенность —многонациональный состав, помимо поляков в его рядах находилось много евреев и немцев.

Численность буржуазии на польских землях также возрастала, хотя и не такими темпами, как пролетариата. Элиту буржуазии составляли выходцы из аристократии, а также крупные финансисты и предприниматели, число которых было невелико. Средняя буржуазия в основном рекрутировалась из ремесленников, торговцев, частично — шляхты, редко — из интеллигенции. Этот класс также был многонациональным. Самой многочисленной и экономически сильной являлась буржуазия еврейского происхождения, следующие иерархические ступени занимали немцы и поляки, хотя последние превосходили немцев в количественном отношении. Русских предпринимателей в Царстве Польском было немного, в основном они действовали в сфере торговли.

Изменения в массовом сознании и политической организации польского общества

Поражение Январского восстания, казалось, подвело черту под длительным спором о путях, ведущих к независимости, который привлекал общественное внимание с момента разделов

Речи Посполитой. Третья по счету за 70 лет вооруженная попытка восстановить независимость вновь окончилась трагически, и это укрепило позиции противников силового решения польского вопроса. Особенно их протест вызывало то, что восстания подрывали силы нации, сопровождались разрушениями, реквизициями, гибелью, эмиграцией и ссылкой тысяч патриотов. Более эффективным путем к возрождению родины они считали повседневный кропотливый труд, накопление материальных богатств, укрепление позиций поляков в их борьбе с захватчиками с помощью хозяйственных и общественных организаций, создание системы школьного и высшего образования на родном языке, лоббирование польских интересов в коридорах власти всех уровней. Противники восстаний добивались от общества сознательного отказа от следования идеалу поляка-революционера, анархиста и безрассудного вояки в пользу распространенного в славянском мире образа немца как человека расчетливого, педантичного, но неизменно реализующего задуманное. Конечно же, при этом в подавляющем своем большинстве они не переставали быть патриотами, а лишь требовали соизмерять замыслы с имеющимися у общества силами и возможностями.

Распространению этих настроений способствовали и радикальные социально-экономические преобразования в польских землях, пришедшиеся на период после восстания 1863–1864 гг. Четыре (включая Княжество Варшавское) неудачные попытки восстановить независимость Польши, проявившаяся при этом неспособность учесть и удовлетворить интересы основной массы населения подорвали лидирующие общественные позиции шляхты. Аграрные реформы хотя и проводились с учетом интересов последней, все же создали совершенно новую экономическую ситуацию, выжить в которой можно было лишь, став капиталистическим предпринимателем. Материальная сторона жизни явно теснила духовные начала в сознании мелкой и средней шляхты, а польская аристократия никогда не страдала излишним радикализмом.

Истоки взглядов противников восстаний восходили к первым после Венского конгресса годам, когда в польских землях достаточно влиятельные позиции имели сторонники легальных форм отстаивания интересов и расширения прав поляков в составе метрополий. Но дальнейшая судьба этой концепции — теории малых дел — в разных землях складывалась неодинаково.

В Царстве Польском легалисты (наиболее известен А. Чарторыйский) еще в 20-е гг. были оттеснены на задний план сторонниками силового решения польского вопроса, как только стала очевидной иллюзорность надежд на императора Александра I. Не

получил поддержки в обществе А. Велёпольский, в 1862–1863 гг. возглавлявший гражданскую администрацию Царства Польского, который попытался предотвратить Январское восстание.

В Галиции сторонники ненасильственных методов отстаивания польских интересов в основном действовали в политической области. Это выражалось в лояльном сотрудничестве польской аристократии и шляхты с австрийскими властями в обмен на политические уступки, плодами которых пользовались не только эти общественные группы.

Наибольшего общественного влияния последователи теории движения к независимости путем наращивания экономической мощи добились в прусской части Польши. В их ряды были вовлечены крупные землевладельцы, предприниматели, священники, ремесленники, рабочие и крестьяне, т.е. все общественные слои. В этом регионе широкое распространение получили идея общенационального единства, национальный и социальный солидаризм, позволявшие полякам успешно противостоять политике германизации.

Торжество взглядов, распространяемых противниками вооруженной борьбы за независимость, произошло не сразу после поражения восстания 1863–1864 гг. Проиграв в военном столкновении с регулярной русской армией, апологеты восстания некоторое время рассчитывали на благоприятный для польского вопроса поворот в международных отношениях. Сначала надежды на актуализацию польского вопроса они связывали с Австрийской империей. Однако преобразование в 1867 г. этого государства в дуалистическую монархию после проигранной войны с Пруссией лишило поляков венгерского союзника. С этого момента и вплоть до гибели Австро-Венгрии правящие круги Будапешта были против повышения статуса поляков до уровня двух господствующих наций и превращения империи в триалистическую. Настоящее потрясение, сравнимое по силе лишь с реакцией на поражение Январского восстания, вызвал исход франко-прусской войны и объединение Германии. С 70-х гг. официальный Париж, прежде неоднократно делавший пропольские жесты, окончательно утрачивает интерес к польским делам.

В результате вышеназванных причин в период 70-х — начала 90-х гг. не наблюдалось каких-то ярких демонстраций польского национально-освободительного духа. Современникам даже казалось, что польское общество погрузилось в глубокий сон и никогда больше не проснется. На самом же деле это было время смены не только поколения, но и идеологического багажа, годы поиска новых идей, способных дать ответ на старые и новые проблемы польского обшества, глубокой переоценки ценностей.

Нужны были новые общественные силы, способные заменить сходящую с политической авансцены шляхту и справиться с встающими перед поляками проблемами. Интеллектуальный поиск велся как в эмиграции, так и в стране.

Послеповстанческая эмиграция 60-х гг. была немногочисленной и маловлиятельной. Возникавшие организации не отличались долговечностью и имели крайне ограниченную сферу влияния. Многие эмигранты, не видя перспектив решения польского вопроса, возвращались на родину. Так поступил, например, лидер сил, объединенных вокруг «Отеля Ламбер», князь В. Чарторыйский, принявший в 1873 г. австрийское подданство и поселившийся в Кракове. Другие находили вдохновение в новых политических теориях, в это время широко распространявшихся на Западе, и прежде всего в социализме и национализме. Это были совершенно противоположные по своим основам доктрины. Социалисты свои планы связывали с пролетариатом, главным, по их мнению, общественным классом, националисты выступали от имени всего народа. Распространению этих идей способствовал быстрый рост численности и активности пролетариата, с одной стороны, и национального самосознания все более широких слоев польского общества, а главное крестьянства, — с другой.

Уже в 1865 г. была создана Польская секция I Интернационала в составе нескольких десятков человек. Поляки приняли участие в Парижской Коммуне, а Я. Домбровский одно время даже был главнокомандующим ее войск и погиб на баррикадах. Но заметную пропагандистскую и организаторскую активность сторонники социализма проявляют лишь с конца 70-х гг., в основном в Галиции (Б. Лимановский), Царстве Польском (Л. Варыньский) и эмиграции (газета «Рувносць» — «Равенство»).

В 1882 г. в Царстве Польском Варыньским была основана Международная социально-революционная партия «Пролетариат» (I (Великий) «Пролетариат»), в качестве программной цели выдвинувшая борьбу за социальное освобождение трудящихся и готовая взаимодействовать с российским революционным движением. После ряда арестов руководителей и активистов в 1883—1884 гг. партия прекратила свое существование.

Важным рубежом в развитии польского социалистического движения стало начало 90-х гг., когда были созданы социалистические партии в немецкой (1890 г. — Товарищество польских социалистов, с 1893 г. — Польская социалистическая партия прусской части), австрийской (1892 г. — Галицийская социально-демократическая партия, с 1897 г. — Польская социально-

демократическая партия Галиции и Тешинской Силезии) и русской (1892 г. — Польская социалистическая партия (ППС), 1893 г. — Социал-демократия Королевства Польского, с 1900 г. — Социал-демократия Королевства Польского и Литвы (СДКПиЛ) частях польских земель. Все они выступали в защиту политических и экономических прав рабочих, признавали социализм в качестве конечной цели борьбы, но различались подходом к национальному вопросу. СДКПиЛ в отличие от других партий не считала задачей пролетариата борьбу за национальную независимость, полагая, что с победой социалистической революции в Европе национальный вопрос отпадет сам по себе. Она выступала за тесное взаимодействие с рабочим движением других народов Австро-Венгрии, Германии и особенно России.

Идеи современного национализма, получившие во второй половине XIX в. широкое хождение в Европе, также нашли своих горячих последователей в польских землях и среди эмигрантов. В Царстве Польском их пропагандой занялся в 1886 г. еженедельник «Глос»(«Голос»). В 1887 г. в Швейцарии эмигрантами была создана «Лига Польская». В это же время возникают родственные организации в Галиции и прусской части польских земель. В 1893 г. «Лига Польская», которую к этому времени возглавили деятели молодого поколения (Роман Дмовский (1864—1939), З. Балицкий, Я. Поплавский), свободные от повстанческого романтизма, была преобразована в «Лигу Народовую» («Национальная Лига»), поставившую во главу своей деятельности сплочение всех поляков, независимо от социального положения, для борьбы за восстановление национальной государственности. Помимо пропаганды классового солидаризма члены Лиги занимались распространением настроений ксенофобии, особенно активно эксплуатируя антисемитизм. Укрепление Лиги произошло на антирусской основе при ориентации на австро-германский союз.

В 1897 г. члены «Национальной Лиги» создают Национально-демократическую партию в Царстве Польском, в 1904 и 1905 гг. такие же партии возникают соответственно в польских землях Пруссии и Австрии. Национальные демократы (эндеки) полагали, что путь к независимости Польши лежит не через социальную революцию, как считали социалисты, а через политические перевороты национального характера, которые обязательно должны произойти в Европе. Основную свою задачу они видели в сплочении польского народа, в его политическом и национальном просвещении, чтобы он мог воспользоваться результатами этих переворотов. Национальные демократы очень скоро стали основной буржуазной партией современного типа.

Эндеками велась интенсивная пропагандистская работа, были созданы многочисленные организации, охватывавшие своим влиянием даже гимназии.

Политическая организация польского общества не ограничивалась в конце века только партиями, исповедовавшими социалистическую и национальную идеологию, хотя они были самыми влиятельными и действовали во всех польских землях.

Результатом совместной деятельности прогрессивно настроенной интеллигенции и более образованных и зажиточных крестьян стало создание в 1895 г. в Галиции крестьянской партии (Стронництво людовое), выдвинувшей требования защиты интересов крестьянства, демократизации общественной и политической жизни, восстановления национальной независимости. До начала первой мировой войны крестьянское движение концентрировалось в основном в Галиции, в других землях оно не приобрело более прочных организационных форм.

На рубеже веков в Силезии и Царстве Польском набирает силу христианско-демократическое движение, ставившее своей целью реализацию социальной доктрины католической церкви. Особое влияние оно имело среди мелкой буржуазии и части рабочих, активно действовало в профсоюзном движении.

Новые партии и идеи постепенно теснили из общественной жизни консерваторов, последователей теории «позитивной работы», «угодовцев» и «реалистов» (сторонников соглашения с метрополиями в обмен на уступки полякам). Создание современных политических партий, ориентировавшихся на массовую социальную базу, открывало более благоприятные условия для отстаивания национальных интересов и защиты прав польского народа. С этой целью широко использовались парламентские трибуны Австро-Венгрии, Германии, а затем и России, периодическая печать, митинги, демонстрации, стачки, акции протеста против ассимиляторской политики Германии и России и т.д.

Революция 1905–1907 гг. в Царстве Польском

Общественно-политическая жизнь в польских землях в начале XX в. определялась стремлением сознательной части народа к национальной независимости, борьбой рабочих против капиталистической эксплуатации, а крестьян за землю. Распространенными формами борьбы трудящихся были забастовки промышленных и сельскохозяйственных рабочих под экономическими лозунгами, сопротивление крестьян попыткам ликвидации сервитутов (т.е. права на совместное использование помещиками и крестьянами лесов и пастбищ).

Наиболее острые формы эта борьба приобрела в Царстве Польском, на экономике которого тяжело сказался мировой промышленный и финансовый кризис 1901–1903 гг. Ответом на рост безработицы и снижение заработной платы были массовые выступления рабочих Лодзи, Ченстоховы, Варшавы. Осенью 1904 г. Царство Польское охватила волна протестов против мобилизации в армию, объявленной правительством в связи с русско-японской войной.

Революционный кризис в России распространился и на Царство Польское. В январе 1905 г. всеобщая забастовка охватила промышленные предприятия, транспорт, связь. Стачку объявили учащиеся средних и высших учебных заведений, требуя демократизации обучения и преподавания на польском языке.

Власти пытались силой остановить надвигавшуюся революцию. Войска и полиция стреляли в участников первомайских демонстраций в Лодзи и Варшаве. Но ожидаемого эффекта это не дало. Особенно упорными были выступления рабочих Лодзи, переросшие 22 июня 1905 г. в шестидневные баррикадные бои. Осенью 1905 г. в политическую борьбу активно включились рабочие Домбровского бассейна. Новая волна забастовок в октябре—ноябре 1905 г. стала кульминационной точкой революции в Царстве Польском.

Революционные события 1905 г. активизировали политическую жизнь, способствовали притоку в партии массы новых членов. Часть рабочего класса поддерживала СДКПиЛ и левое крыло ППС, которые ориентировались на борьбу с самодержавием вместе с пролетариатом других частей Российской империи. Но поддержкой пользовалось и другое течение в ППС, возглавляемое Ю. Пилсудским (1867–1935), которое делало ставку на национальное восстание. Национальные демократы и их лидер Р. Дмовский, в начале XX в. сменившие свою ориентацию на пророссийскую, активно добивались от самодержавия автономии Царства Польского. В то же время они не останавливались перед террором в отношении социалистов и бастующих рабочих, деятельность которых, по их мнению, вредила коренным интересам польской нации.

С конца 1905 г. революционная волна в Царстве Польском пошла на убыль. Было введено военное положение, реакция перешла в наступление, начались преследования активных участников событий. Спад промышленного производства еще больше усугублял и так нелегкое материальное положение рабочих. Поэтому в 1906–1907 гг. преобладали экономические, а не политические стачки.

Политическая ситуация в польских землях накануне первой мировой войны

Революция 1905–1907 гг., ставшая временем практической проверки партийных программ, четче выявила существовавшие в обществе политические разногласия. Осенью 1906 г. произошел раскол в ППС. Ее левое крыло добилось исключения из партии Ю. Пилсудского и его сторонников, разуверившихся в чисто политических формах борьбы и сконцентрировавших основное свое внимание на терроризме. Итогом раскола стало образование двух партий. ППС-левица выступала за мобилизацию всех сил пролетариата на борьбу против самодержавия, за союз с общероссийским революционным движением, постепенно сближалась с СДКПиЛ. ППС-революционная фракция во главу угла ставила завоевание независимости Польши и только потом борьбу за социализм. Что же касается Пилсудского, то он главные усилия сосредоточил на подготовке необходимых военных кадров для борьбы за восстановление польской государственности в ходе войны Австро-Венгрии с Россией, неизбежного начала которой он ожидал начиная с Боснийского кризиса 1908 г. Сторонники борьбы против России за независимость Польши создали в Галиции ряд военизированных организаций, наиболее массовыми из которых стали стрелецкие союзы и польские стрелецкие дружины. На их базе в начале войны были организованы польские легионы.

Национальные демократы основную работу вели в Царстве Польском, принимали самое активное участие в выборах в Государственную Думу и возглавляли в ней Польское коло (фракцию). Они стремились охватить своим влиянием все слои общества и взаимодействовать с властями с целью добиться от них уступок в польском вопросе, в том числе предоставления Царству Польскому автономии, которую Дмовский считал не конечной целью, а первым шагом на пути к полной государственной независимости. Одновременно они не снижали своей активности в Галиции и прусской части, где у них было достаточно много сторонников.

СДКПиЛ в идеологическом отношении продолжала сближение с большевистским течением в Российской социал-демократической рабочей партии (РСДРП). Послереволюционный террор и аресты, жертвой которых стали ее деятели, в том числе Ф. Дзержинский, ограничили сферу влияния партии в Царстве Польском, а в других землях организационных структур у нее не было.

Таким образом, в предвоенные годы происходит новый глубокий политический раскол общества, отмеченный печатью не только несогласия по ряду кардинальных вопросов жизни народа, но и взаимного отчуждения и даже вражды.

ОСНОВНЫЕ ЧЕРТЫ РАЗВИТИЯ ПОЛЬСКОЙ КУЛЬТУРЫ В 1795–1864 гг.

Условия развития культуры

После разделов Речи Посполитой важной областью общественной жизни польского народа стала национальная культура, переживавшая с начала XIX в. активный процесс демократизации. Это касалось не только доминировавших направлений и форм художественного творчества, которые в целом следовали за западноевропейской культурой, более важными были качественные изменения в среде создателей и потребителей культуры. Постепенно эта среда утрачивала свой прежний преимущественно шляхетский характер, возрастала роль интеллигенции и мещанства. Уже к концу 30-х гг. XIX в. представители свободных профессий, ученые в большинстве своем были выходцами из интеллигенции. Новые творцы культурных ценностей углубляли демократическое содержание культуры, культивировали патриотические чувства, несли в общество прогрессивные взгляды. Меняется и характер занятия культурной деятельностью. В отличие от помещиков, для которых творчество было, скорее, возможностью реализовать свои эстетические и духовные потребности, своего рода хобби, для интеллигенции очень часто оно являлось единственным источником существования.

Культурная жизнь постепенно перемещается из аристократических резиденций и богатых шляхетских поместий в города, главным образом в большие, все чаще совмещавшие функции административных, культурных, индустриальных и торгово-деловых центров. Наряду с высокой культурой постепенно складывается своеобразная городская субкультура.

Важными средствами приобщения населения к ценностям культуры становятся газеты, литературно-художественные и иллюстрированные журналы и специальные издания, выставочные залы.

Дольше всего приверженность традиционным культурным ценностям сохраняло крестьянство. Тем не менее и в сельской жизни наблюдаются некоторые перемены. Это происходило под влиянием новых веяний, идущих из городов, начального школьного образования, постепенно охватывающего все большее число детей, особенно в прусской части Польши.

Расширение круга потребителей культурных ценностей в определенной степени компенсировало для их творцов сокращение меценатства аристократии в первые десятилетия после разделов, но не могло кардинально улучшить положение. Развитию современной культуры мешало отсутствие у поляков собственной

государственности и ассимиляторские действия Австрии, Пруссии и России. Наблюдается разобщенность культурной жизни в отдельных польских землях, замедление развития тех областей науки и искусства, которые требовали государственной поддержки (естественные и технические науки, градостроительство, скульптура). Поэтому в культурной и научной деятельности отмечается преимущественное развитие литературы, живописи, музыки, гуманитарных исследований.

В рассматриваемый период польская культура прошла два этапа развития, каждый из которых характеризовался преобладанием определенного художественного направления и философии. В первые десятилетия после разделов это был классицизм, который в 20-е гг. постепенно уступает место романтизму, особенно бурно развивающемуся в период национально-освободительной борьбы. Расцвет романтизма приходится на 40—50-е гг., а его закат — на первую половину 60-х гг. XIX в.

Польский классицизм

В первые годы после разделов в польских землях наблюдается некоторый культурный застой. Общество не сразу пришло в себя от пережитого шока, вызванного утратой независимости. Это особенно заметно на примере шляхты. В жизни ее средних и низших слоев получили распространение идеи деформированной идеологии «сарматизма», что выражалось в подчеркнутом культивировании традиционных польских бытовых и культурных традиций, а крупная шляхта демонстрировала космополитизм, малую заинтересованность польскими проблемами. Классицизм как литературное направление постепенно утрачивал присущие ему до этого элементы реализма, сатиры и интереса к политической проблематике. Форма брала верх над содержанием.

Патриотические чувства придавали особый смысл некоторым поэтическим произведениям, в частности Ю.У. Немцевича (1758—1841). Большой популярностью пользовались его «Исторические песни», сыгравшие большую роль в пропаганде польской истории, в воспитании любви к родине у нескольких поколений поляков. В целом же для польской поэзии конца XVIII — начала XIX в. был характерен сентиментализм.

Роль важного культурного центра сохранял созданный В. Богуславским польский театр. Постоянные театры в это время имели Варшава, Краков, Вильно и Львов. Драматурги и режиссеры откликались на важные общественно-политические события, стремились поддержать чувство патриотизма у поляков. Крупнейшим достижением польской драматургии этого периода было творчество А. Фредро (1793—1876).

Живопись в начале XIX в. переживала не лучшие времена. Ситуация изменилась после 1815 г., чему способствовали художественные конкурсы, постоянные выставки, особенно в Варшаве и Вильно, растущий интерес богатой интеллигенции и буржуазии к портретной живописи. Доминировал классицизм, но все более смело заявлял о себе реализм (А. Бродовский, А. Орловский).

Заметное оживление в архитектуре наблюдалось в период автономии Царства Польского. Старые города, благодаря новым урбанистическим веяниям, превращались в современные торговые и административные центры, характерной чертой которых стали широкие зеленые улицы, большие площади и монументальные административные здания в классическом стиле. В эти годы варшавский архитектурный ансамбль пополнился дворцом Сташица, Большим театром и многими другими памятниками архитектуры. Одновременно разбирались башни и крепостные стены. Появились проекты типовых объектов (почт, городских застав, зданий мануфактур).

Среди музыкантов большой популярностью пользовался М. Огиньский, автор знаменитых полонезов.

В начале XIX в. на отошедших к России землях Речи Посполитой успешно развивалась польская высшая школа. В 1802 г. Виленская академия была преобразована в университет, ставший главным центром польской науки. Его ректором стал известный польский ученый Я. Снядецкий. Здесь успешно развивались естественные и историческая науки, медицина. В Виленском университете началась научная карьера видного историка И. Лелевеля (1786–1861). Университет оказал большое влияние на развитие просвещения. А. Чарторыйский, будучи куратором Виленского учебного округа, реформировал школу в российской части разделенной Польши по образцу Комиссии национальной эдукации. В 1805 г. был открыт Кременецкий лицей, в котором получали образование главным образом дети шляхтичей. В 1816 г. начал действовать Варшавский университет с пятью факультетами.

После 1815 г. заметное место среди польских учебных заведений занял Ягеллонский университет в Кракове. Некоторое время здесь училась молодежь из всех польских земель, но постепенно его автономия была ограничена и в нем было разрешено учиться только гражданам Краковской республики.

Наука и образование в остальных польских землях находились в более тяжелой ситуации. Львовский университет, восстановленный в 1817 г., был немецким и отличался невысоким уровнем преподавания. В прусской части польских земель развивались начальная и частично средняя школы в основном с преобладанием

преподавания на немецком языке. Создание польских высших учебных заведений было запрещено.

Несмотря на материальные и кадровые трудности, определенные сдвиги произошли в науке. Этому способствовали и высшие учебные заведения, и различные научные общества. Одно из наиболее известных — Общество друзей науки — было создано в Варшаве в 1800 г. Оно объединяло профессиональных ученых и любителей, видных педагогов, врачей. Общество явилось инициатором многих научных начинаний, особенно в области изучения польской истории и культуры, а также в области развития польского языка. Подобную роль играли Краковское научное общество (1815) и Национальный институт им. Оссолиньских (Оссолинеум) во Львове (1817).

В естественных науках следует отметить работы братьев Я. и Е. Снядецких в области математики и природоведения и С. Сташица в области геологии. Более заметны в этот период достижения представителей гуманитарных наук. Я. Бандтке и Т. Чацкий положили начало развитию в Польше истории права. В 1814 г. появилась первая история польской литературы Ф. Бентковского. В 1806—1814 гг. С. Линде издал 6-томный «Словарь польского языка».

В моменты политического оживления заметным элементом культурной жизни становилась пресса — особенно в Княжестве Варшавском, а затем и в Царстве Польском. Но более важную роль играли многочисленные специальные журналы — экономические, научные, литературные.

В 20-е гг. XIX в. возник спор классиков с романтиками. Его причина коренилась как в различном подходе к культуре, так и в несовпадении политических и общественных взглядов. Против элитарности и консерватизма классицизма выступила молодежь, особенно из среды интеллигенции. Острие своей критики она адресовала аристократии и зажиточной шляхте, осуждая их приверженность старым взглядам и соглашательство с властями держав, разделивших Речь Посполитую. Борьба велась под лозунгами романтизма, нового направления в художественном творчестве и общественной мысли.

Польская культура эпохи романтизма

После подавления восстания 1831 г. и усиления наступления на польскую автономию роль центров польской культуры на вошедших в состав Российской империи землях Речи Посполитой была решительно ограничена. Российские власти всячески препятствовали развитию польской культуры, науки и образования.

В первые послеповстанческие годы центр польского художественного творчества перемещается в эмиграцию, в первую очередь во Францию. Воспоминания молодости, горечь поражения, контакты с европейской интеллектуальной элитой и, конечно же, талант творцов — все это стало основой для появления зрелых, общественно значимых, подлинно национальных произведений. Эстетика романтизма позволила порвать с тесными канонами классицизма и его салонной культурой, выступить против проповеди примирения с действительностью. Романтики, черпавшие вдохновение в народной культуре, чувствовали свою гражданскую ответственность перед обществом, старались стать его рупором. Этим объясняется их исключительная роль в формировании польского национального и политического сознания в XIX в.

Золотой порой романтической поэзии были 30-е гг. В этот период созданы самые известные произведения А. Мицкевича (1798–1855) — III часть драматической поэмы «Дзяды» и эпопея «Пан Тадеуш». Позднее Мицкевич ярко проявил себя как историк литературы и публицист.

В эти же годы с большой силой зазвучал голос Ю. Словацкого (1809–1849), драматурга и поэта с богатейшей творческой фантазией. Из его многочисленных поэтических произведений наиболее типичной для той эпохи была поэма «Кордиан». В основе большинства драматических произведений Словацкого лежат сюжеты из польской истории, начиная с легендарных времен и вплоть до XIX в. Прекрасным образцом романтической литературы явилась его неоконченная поэма «Бенёвский», в которой поэт затронул животрепещущие вопросы политической и художественной жизни.

Среди видных поэтов той поры аристократическим происхождением выделялся З. Красиньский. В своем творчестве он пытался примирить свои консервативные взгляды с патриотическими идеями. Красиньский считал, что шляхта может договориться с народом и вместе преодолеть социальные противоречия. Его самым известным драматическим произведением стала «Небожественная комедия».

В последующие годы среди польской интеллигенции получает распространение мессианизм, приписывающий польскому народу исключительное предназначение. Влияние мессианизма испытали на себе и польские поэты-романтики.

Польскую музыку прославил Ф. Шопен (1810–1849). В 1830 г. он навсегда покинул родину, и расцвет его творчества пришелся на годы эмиграции. Его музыка имела подлинно романтическое звучание и выражала глубокие человеческие чувства. Мастерски использовав народные мотивы, Шопен придал своим

произведениям истинно польский характер. Особенно велик его вклад в развитие фортепьянной музыки. Из композиторов, творивших в польских землях, выделялся также С. Монюшко (1819—1872), наиболее известные оперы которого — «Галька» и «Страшный двор» («Зачарованный замок»).

В отличие от литературы и музыки не лучшие свои времена переживал театр. Редкостью становились любительские спектакли, характерные для салонов эпохи Просвещения. В театрах с постоянной труппой изменился репертуар. Для привлечения зрителей игрались невзыскательные комедии, фарсы и водевили.

Серьезные трудности переживало изобразительное искусство. В Варшавской и Краковской школах изящных искусств господствовал закостенелый академизм. Лишь в 50-е гг. были предприняты попытки преодолеть застой в живописи. В частности, В. Герсон обратился к сельскому пейзажу. Своим талантом выделялся П. Михаловский, незаурядный портретист, мастер рисунка, автор полотен с изображением батальных и бытовых сцен.

Новые формы пробивали себе путь в архитектуре и градостроительстве. Здесь доминировали неоготика, позже — неоренессанс. Градостроительство развивалось по образцу столиц метрополий.

Значительной неравномерностью в развитии характеризовалось школьное образование в отдельных землях. Наиболее успешно начальная школа развивалась в прусской части, где в 1825 г. было введено обязательное образование для детей в возрасте от 6 до 14 лет, отставала — в Царстве Польском и особенно в Галиции. В середине века в Пруссии около 90% польских детей имели начальное образование, в Царстве Польском и Галиции соответственно 28 и 20%.

Почти полностью были онемечены государственные средние школы в прусской и австрийской частях польских земель и русифицированы — в западных губерниях России, где поляки составляли немалый процент населения. В Царстве Польском преподавание, правда, велось на польском языке, но после восстания 1830—1831 гг. здесь было решительно ограничено число учащихся. Если до восстания в гимназиях училось около 6 тыс. человек, то в 1855 г. — менее 3 тыс.

Практически прекратили свое существование польские высшие учебные заведения. После событий 1830—1831 гг. были закрыты Варшавский и Виленский университеты, Кременецкий лицей. Австрийское правительство сохранило немецкий в качестве языка преподавания в Львовском университете, а после включения в 1846 г. Кракова в состав Австрии стало вводить его в Ягеллонском университете. Школа изящных искусств и Агрономический

институт в Варшаве не могли заменить отсутствия университета. Правда, в 1857 г. там стала действовать Медико-хирургическая академия, а в 1862 г. вместо нее была создана варшавская Главная школа.

По-прежнему серьезные трудности переживала наука. Заметные достижения можно отметить лишь в гуманитарных дисциплинах, особенно в истории и философии. Главным центром изучения философии была Познань, в 40-е гг. лидировавшая в издании журналов и популярной литературы. А. Чешковский, Б. Трентовский, К. Либельт и другие последователи гегельянства разрабатывали польскую философию мессионизма. В ее основе лежали вера в возрождение человечества с помощью невинной жертвы, принесенной польским народом (по аналогии с жертвой Христа), отрицание социального радикализма и революционных методов борьбы. Э. Дембовский, напротив, также следуя гегелевским идеям, пропагандировал решительные революционные действия.

Крупнейший историк-романтик И. Лелевель оставил после себя труды по польской и всеобщей истории, методологии и методике исторических исследований, вспомогательным историческим дисциплинам. Его концепции и научные методы оказали влияние на современников и последующие поколения ученых. Важное значение для дальнейшего развития исторической науки имела собирательская деятельность библиотек: Красиньских — в Варшаве, Э. Рачиньского — в Познани, Т. Дзялыньского — в Курнике, Оссолиньских — во Львове и польской библиотеки — в Париже.

О. Кольбе в 1857 г. издал «Песни польского народа», положив тем самым начало сбору и систематизации обычаев, обрядов, песен, сказок, пословиц и поговорок польского народа. Большинство собранных материалов, ставших солидной основой для развития польской этнографии, было опубликовано в издании «Люд».

Определенные сдвиги к лучшему в естественных и технических науках произошли лишь во второй половине XIX в. Было реорганизовано Краковское научное общество, в 1857 г. возникло Общество друзей науки в Познани. Заметными были достижения в медицине.

Позитивизм и реализм

Период от поражения восстания 1863—1864 гг. до 90-х гг. XIX в. известен в польской истории как эпоха позитивизма, хотя он в эти годы, конечно же, не являлся единственным направлением в общественной, научной и культурной жизни. Последователи

этого философского направления были убеждены в том, что мир развивается благодаря естественным, рациональным законам. В связи с этим большое значение они придавали науке и образованию. Польский позитивизм воспринял некоторые черты, характерные для французской школы, но имел и свои особенности. Его сторонники были убеждены в преимуществе индустриальной цивилизации и высказывались за применение в промышленности и сельском хозяйстве современных техники и технологий. Они отвергали революцию, нарушавшую, по их мнению, естественный прогресс и порождающую анархию; следуя Ч. Дарвину и Г.Т. Боклю, проповедовали рациональный, утилитарный и эмпирический подход к жизни. В отличие от западных разновидностей польский позитивизм представлял собой не столько философскую школу, сколько литературное и общественно-политическое течение. Отбросив романтический миф богоизбранного народа, польские адепты позитивизма воспринимали народ как единый организм. Они возвышали его, дабы он мог успешно противостоять чужеземному владычеству. Один из главных варшавских позитивистов — А. Свентоховский (1849–1938), выступил против романтических идеалов, он хотел, чтобы европейские ветры проветрили «польскую душную избу».

Сторонники позитивизма в целом критически относились к романтической традиции борьбы и самопожертвования как не давшей результатов в решении польского вопроса и приведшей к напрасным жертвам. Но их взгляды не отличались единством по вопросу о дальнейших путях развития польского народа. В Великой Польше по своим убеждениям они были близки западноевропейским либералам — стремились противодействовать идеологии клерикализма и сотрудничеству с автократической Пруссией, делали упор на органический труд и национальную солидарность.

Вклад краковских позитивистов в борьбу с романтической традицией выразился в интерпретации польской истории, и прежде всего причин падения Речи Посполитой. Представители краковской исторической школы (В. Калинка, Ю. Шуйский, М. Бобжиньский и др.) видели их в особенностях внутреннего развития страны, считали произведенные в последней трети XVIII в. разделы закономерным итогом, вину за который несут сами поляки. Такая позиция привела их к толерантному и даже лояльному отношению к Вене. Этому, несомненно, способствовало и сильное влияние в монархии Габсбургов католической церкви, рассматривавшейся польской интеллигенцией как один из важнейших польских национальных институтов.

Представители варшавской исторической школы — Т. Корзон, В. Смоленьский и др. — основной причиной падения Речи Посполитой считали захватническую политику более сильных соседей. Раздел Польши прервал ее поступательное развитие, наметившееся во второй половине XVIII в.

Позитивистский лозунг органического труда относился к культурной, общественной и хозяйственной жизни. Позитивисты подчеркивали значение экономического прогресса и были обеспокоены тем, чтобы польские земли не остались в хвосте европейской модернизации. Героями позитивистов стали уже не повстанцы, не «человек с ружьем и саблей», а врачи, борющиеся с болезнями, учителя, ликвидирующие безграмотность, инженеры, предприниматели, купцы и другие деятельные люди. Позитивистская программа пропагандировалась через прессу, публицистику и литературу. Быстро росло число названий газет и журналов и их тиражи, они приобретали все большее влияние на умонастроения в обществе. Заметным явлением стали издания, предназначенные для селян. Пресса отличалась разнообразием и удовлетворяла запросы широкого круга людей. Популярной формой подачи материала были обозрения или, как их тогда называли, фельетоны. Чтение газет входило в привычку в образованных слоях общества.

Важную роль в разработке и пропаганде позитивистского мировоззрения и программы органического труда играли периодические издания. Свентоховский, например, делал это на страницах варшавских «Пшеглёнда тыгоднёвого» («Еженедельное обозрение») и «Правды». Его издания осуждали классовые предрассудки, выступали за эмансипацию женщин, а также евреев, составлявших в Царстве Польском немалую часть городского населения.

Ведущим направлением в польской литературе последней трети XIX в. стал реализм. Ценились произведения, верно отражавшие не всегда светлую действительность. Роман и новелла потеснили поэзию и рассказ. Литература и искусство идеализировали героев новой эпохи и высмеивали традиционалистов и обскурантов. Важное место в иерархии литературных произведений занял бытовой роман, высоким оставался интерес читателей к историческим романам.

В эпоху позитивизма расцвел талант ряда видных польских прозаиков. Одним из них был Б. Прус (А. Гловацкий) (1847—1912), газетные обозрения которого стали популярной варшавской хроникой конца столетия. Широкую известность получили его романы «Кукла» и «Фараон». Э. Ожешко была певцом литовско-белорусской земли, где проживало немало поляков. Многие зачитывались ее романом «Над Неманом».

Но самым популярным писателем этой эпохи стал Г. Сенкевич (1846–1916), автор знаменитой исторической трилогии «Огнем и мечом», «Потоп» и «Пан Володыёвский». Из других исторических романов писателя следует назвать «Камо грядеши» и «Крестоносцы». Творчество Сенкевича отмечено Нобелевской премией (1905).

Среди поэтов особенно выделялись А. Аснык, автор интеллектуально насыщенных сонетов, и М. Конопницкая, обращавшаяся своим творчеством прежде всего к простому читателю и не чуравшаяся общественных и социальных мотивов.

Важное место в культурной жизни поляков занимал театр. Варшавские государственные театры были теми немногими общественными местами, где свободно звучал польский язык. Театры Варшавы, Кракова, Львова, Познани отличались высоким художественным уровнем репертуара, прекрасными актерскими труппами. В более мелких городах представления давали любительские театры и странствующие коллективы. В одном из них дебютировала выдающаяся актриса Х. Моджеевская.

Огромную эстетическую и воспитательную нагрузку несла живопись. На последнюю треть XIX в. приходится пик популярности Я. Матейко (1838–1893) — ректора Краковской школы изящных искусств, единственной в польских землях после закрытия академии в Варшаве высшей художественной школы. В 1895 г. она была преобразована в Академию изящных искусств. Кисти Матейко принадлежит ряд монументальных полотен, посвященных кульминационным моментам польской истории («Битва под Грюнвальдом», «Костюшко под Рацлавицами», «Прусская присяга» и др.). Широкую известность, особенно в России, приобрело творчество Г. Семирадского. Любители живописи с нетерпением ждали появлений новых работ графика А. Гроттгера, художников Я. Мальчевского, братьев А. и М. Герымских. В 1879 г. в Кракове был открыт Национальный музей, где посетители могли знакомиться с выдающимися произведениями польских живописцев, скульпторов и других представителей изобразительных искусств.

В музыке в этот период не было столь ярких имен, как Монюшко, в основном композиторы работали в традиционном стиле. Среди исполнителей наиболее известен скрипач Г. Венявский (1835–1880). Зато наблюдалось общее оживление музыкальной жизни: создавались хоровые общества, консерватории и музыкальные школы. В 1871 г. было основано Варшавское музыкальное общество.

Большое внимание в послеповстанческий период уделялось просвещению. В сфере высшего образования важное место вплоть

до закрытия в 1869 г. занимала варшавская Главная школа. В числе ее профессоров — известный химик Я. Натансон и знаменитый лингвист Я. Бодуэн де Куртенэ. Поляки составляли около 45% слушателей русского Варшавского университета, созданного на базе Главной школы. Но царившая в нем и вокруг него атмосфера не способствовала его популярности среди поляков. Поэтому большинство молодых людей, желавших получить высшее образование, выезжали на учебу за границу, чаще всего в Краков и во Львов, а также в университеты на территории Российской империи. Поляки из польских земель Пруссии могли обучаться только в немецких или заграничных университетах.

В последние десятилетия XIX в. основными центрами польской науки стали Ягеллонский и Львовский университеты и отчасти открытый в 1871 г. Львовский политехнический институт. Росло число студентов, в том числе и за счет выходцев из крестьян. Выдающимся событием в научной и общественной жизни стало создание в 1871 г. в Кракове Академии знаний, 100 членов которой составляли научную элиту всех польских земель.

Различным было положение школьного образования. Начальное образование хуже всего было поставлено в Царстве Польском, где число школ было невелико, а уровень преподавания весьма низок. В Царстве Польском и в начале века все еще было много неграмотных. Полную противоположность представляла Пруссия. Здесь власти придавали большое значение элементарному образованию, в том числе и как важному инструменту воспитания лояльных граждан. Неграмотных в Пруссии практически не было. Австрийские земли по уровню грамотности занимали промежуточное положение, несколько опережая Царство Польское, но безнадежно отставая от польских провинций Пруссии.

Польские средние школы наиболее интенсивно развивались в монархии Габсбургов. В основном это были классические гимназии. В Царстве Польском гимназии были русифицированы, а в прусских землях — германизированы.

КУЛЬТУРА, НАУКА И ОБРАЗОВАНИЕ В КОНЦЕ XIX — НАЧАЛЕ XX в.

Рубеж веков во многом стал переломным в формировании материальных и духовных условий жизни польского общества. В это время распространяются такие важные технические изобретения, как кино, автомобиль, самолет, телефон и т.д. И хотя условия жизни зачастую еще оставались традиционными, особенно в селах, но темп ее ускорялся, везде наблюдались ростки нового. В крупных и средних городах строились электростанции,

энергия которых использовалась не только в промышленности, но и для освещения центральных улиц и домов зажиточных горожан. В 1901 г. был пущен первый электрический трамвай в Кракове, в 1908 г. — в Варшаве. Богатые предприниматели и аристократы заменяли конные экипажи привозимыми из-за границы автомобилями. Проводились демонстрационные полеты аэропланов, а литература для молодежи пропагандировала романтику воздухоплавания.

В начале века все еще немногие города имели водопровод и канализацию, что являлось причиной возникновения эпидемических заболеваний. Нехватка врачей особенно ощутимой была в сельской местности, в Царстве Польском один врач приходился на 30 тыс. жителей, в то время как в Варшаве — на 800 человек.

В селах стали появляться кирпичные дома. В 1914 г. в прусской части в таких домах жил уже 71% крестьян, но в других землях их доля все еще была невелика (от 1,4% в Галиции до 11% в Царстве Польском).

Постепенно эволюционировала мода, особенно мужская. Одежда становилась более свободной и удобной. Женская мода менялась медленнее, она все еще была рассчитана на неработающих женщин.

Успешно работали польские университеты в Кракове и Львове. В других землях до первой мировой войны польских высших учебных заведений не было, но после 1905 г. здесь стали организовываться различные научные курсы. Польские студенты обучались в университетах и институтах Галиции, в русском университете и политехническом институте в Варшаве (с 1915 г. они стали польскими), а также в высших учебных заведениях России, Германии, Австрии, Западной Европы. К моменту обретения Польшей независимости в ней имелось достаточное количество образованных людей, необходимых для налаживания государственной и хозяйственной жизни.

В польской науке в основном преобладали гуманитарные и естественные фундаментальные исследования, собственная техническая научная интеллигенция была немногочисленной, поскольку предприниматели предпочитали использовать современные западные технологии и оборудование. Многие ученые вынуждены были работать за границей. К их числу можно отнести первую женщину-профессора парижской Сорбонны М. Склодовскую-Кюри, дважды получившую Нобелевскую премию (1903 и 1908 гг.) за работы в области ядерной физики, Ю. Бабиньского, одного из творцов нейрохирургии, В. Лопушинского, конструктора паровозов в России, и др.

Особенно большую роль в формировании национального самосознания и патриотических чувств играла историческая наука. Наряду с традиционными исследованиями по истории Польши до ее разделов (С. Закшевский, В. Собеский, С. Кутшеба и др.) предметом активного изучения стали события XIX в. (Ш. Аскенази, В. Фельдман, В. Грабский, Ф. Буяк).

На общественные запросы наиболее оперативно реагировали литература, театр, живопись. Из протеста против ханжества буржуазии, из разочарования в обществе, погрязшем в эгоизме, погоне за материальными благами, в Европе родилось новое интеллектуальное и художественное направление — модернизм. Своих последователей он нашел и в польских землях, получив в литературе название «Молодая Польша». Его наиболее яркими представителями были поэты С. Пшибышевский, К. Тетмайер, З. Пшесмыцкий. Но лозунг «искусство ради искусства» оказался в польских условиях фикцией. Отказавшись от прежнего стиля, языка, образности, манеры оформления книг, польские модернисты, как и их предшественники на литературном поприще, считали, что на них возложена великая и почетная миссия вождей народа. Поэтому они активно откликались не только на глобальные вопросы общественной и национальной жизни, но и на текущие политические события. Это особенно заметно в творчестве Я. Каспровича, драматурга, поэта, художника и театроведа С. Выспяньского, писателя С. Жеромского.

Модернизм оказал сильное влияние на польских художников. Модными направлениями были символизм (Я. Мальчевский, В. Тетмайер, С. Выспяньский), кубизм (Т. Маковский), экспрессионизм (В. Войткевич). В архитектуре популярным стал стиль «модерн», получивший в Польше название «сецессион». Для него характерно активное использование возможностей художественного выражения, которые давало широкое применение в строительстве бетона. Стали формироваться новые подходы к пространственной планировке городов и жилых районов.

Модернизм затронул и музыку, но меньше, чем другие виды искусства. К наиболее известным композиторам нового направления можно отнести М. Карловича, Л. Ружицкого и особенно К. Шимановского. Широкую популярность в мире получили польские виртуозы-исполнители, в частности пианисты И. Падеревский, Р. Кочальский.

Наряду с общепризнанными польскими театральными центрами Краковом и Львовом появились новые — Варшава, Вильно, Лодзь; широкое распространение приобрели любительские театры, особенно в прусской части.

Все более заметным и массовым явлением в культурной жизни становится кино. Перед первой мировой войной в польских землях насчитывалось около 400 кинотеатров, в которых демонстрировались не только зарубежные, но с 1908 г. и собственные фильмы.

Таким образом, культура осталась той одной из немногих областей жизни польского общества, которые обеспечили развитие польской нации как единого целого, несмотря на разделившие ее политические границы. Во многом благодаря достижениям в сфере культуры польская нация постоянно напоминала европейскому общественному мнению о своем существовании и праве на занятие достойного места в сообществе свободных народов.

ЧЕШСКИЕ ЗЕМЛИ В НОВОЕ ВРЕМЯ

ЧЕШСКОЕ НАЦИОНАЛЬНОЕ ВОЗРОЖДЕНИЕ

Сущность чешского национального Возрождения

Чешское национальное Возрождение — длительный процесс, который пришелся на период развития в Чехии капитализма, формирования в ней нации Нового времени. В складывающихся общественных отношениях с расширением знаний и прогрессом науки меняются и мировоззрение людей и их нравственные постулаты. Зарождение и становление новой культуры отвечало запросам общества. При этом в изменившихся исторических условиях использовались традиции и позитивные компоненты культуры прошлого.

Подобный процесс пережили многие народы Европы, но чешское национальное Возрождение развивалось в условиях специфических и отличается рядом особенностей. На протяжении длительного времени чехи проживали в составе многонационального австрийского государства, где власть принадлежала представителям немецкой национальности. В социальной структуре чешской народности не было некоторых элементов, типичных для общества периода позднего феодализма, да и самобытное культурное и языковое развитие было серьезно нарушено в предшествующие столетия. В побелогорский период постепенно ликвидировалась чешская государственность, шляхта германизировалась, десятки тысяч некатоликов ушли в эмиграцию, а в страну прибыло множество немцев, что привело к германизации многих городов. По некоторым сведениям и позднейшим подсчетам, в Чехии начала XIX в. жило более 60% чехов и менее 40% немцев, в Моравии — соответственно 70 и 30%, в Силезии немцев более 40%, поляков около 35%, чехов более 20%.

В чешских землях имелось больше благоприятных предпосылок, чем в других регионах Центральной Европы, для перерастания феодального общества в капиталистическое, чтобы конституировалась чешская нация. Важнейшим фактором было наличие густой сети городов на территории с чешским населением, широкое распространение начальных школ с обучением на чешском языке. Хотя в средних и высших школах языком преподавания был

латинский и немецкий, эти учебные заведения также способствовали возникновению в Чехии патриотической интеллигенции. Кроме того, здесь существовали богатые культурные традиции. По этим причинам и процесс формирования чешской нации проходил в форме Возрождения, т.е. обновления культуры в широком понимании в новых условиях.

Критериями для выделения периодов формирования чешской нации являются социальные факторы: развитие национального самосознания и активность участия слоев чешского общества в национальном движении. Первый период национального Возрождения у чехов был связан с научным исследованием языка, этнических особенностей, культуры и истории народа. Он имел два этапа — просвещенческий и предромантический и продолжался до конца первого десятилетия XIX в. Со второго десятилетия, особенно с 1815 г., начался второй период, который характеризуется ростом национального движения и расширением национальной агитации среди масс. Буржуазная революция 1848—1849 гг. явилась исходным рубежом третьего периода, когда возникло массовое национальное движение чехов. Вершина его приходится на 60-е гг. — в движение вступили широкие слои чешских крестьян и рабочих.

Земский патриотизм

Каждый из перечисленных периодов имел свое идеологическое обоснование. В конце XVIII в. такой идеологией был земский, т.е. территориальный, патриотизм. Его возникновение и рост определялись интеллектуальным состоянием узкого слоя общества, убежденного в самобытности развития чешских земель. Знание истории давало основание заявлять о равных, естественных правах чехов на участие в прогрессе человечества. Формированию национальной идеи способствовал и ряд других факторов, в первую очередь таких, как реформы конца XVIII в.

Просвещенческая идеология, провозглашавшая конец феодального партикуляризма в борьбе за единое централизованное государство, предпочитала немецкий язык и стала объективным препятствием для реализации прав чешских сословий. Поэтому представители шляхты Чехии, Моравии и Силезии, разделявшие идеологию земского патриотизма, стремились создать благоприятные условия для развития чешского языка, чешских ученых обществ, библиотек, музеев и т.д. В основе этих стремлений лежала защита шляхтой своего экономического, общественного и правового положения от централизаторских тенденций Габсбургов.

При этом идеология земского патриотизма предполагала отнюдь не самостоятельность, а лишь особое положение Чехии в рамках монархии Габсбургов. Шляхта и в побелогорский период активно участвовала в управлении Чехией и потому боролась против реформ XVIII в., существенно ограничивавших влияние сословных органов на политическую жизнь страны. В чешском и моравском земском патриотизме следует видеть кроме шляхетского также патриотизм городской (мещанский, бюргерский, буржуазный), носителями которого прежде всего были чешские ученые и чиновники. Часто «будители», как называют их историки, происходили не только из чешских, но и из немецких семей. В своем большинстве они активно поддерживали иозефинские реформы.

Деятельность будителей

К числу таких будителей принадлежал Франтишек Мартин Пелцл (1734–1801), воспитатель в доме графов Штернберков, позднее библиотекарь и архивариус у графов Ностицев. В 1774 г. он написал на немецком языке чешскую историю с древнейших времен до современности. Три тома этой книги, охватывающие период до гуситского движения, вышли и на чешском языке (1791–1796). Пелцл издавал исторические источники, написал в просвещенческом духе монографии о королях Вацлаве IV и Карле IV. В 1781 г. он восторженно приветствовал упразднение цензуры. Однако в своей рукописной хронике о событиях в Чехии его времени Пелцл высказал критику в адрес правительства просвещенного абсолютизма. Издать это сочинение оказалось возможным лишь в 1931 г. С 1793 г. до своей смерти Пелцл был профессором чешского языка и литературы в Пражском университете. Земский патриотизм Пелцла выходил далеко за аристократические рамки и готовил почву для развития национального движения.

К числу будителей относится и Франтишек Фаустин Прохазка (1749–1809), с 1786 г. директор пражских гимназий, а с 1807 г. директор всех гимназий в Чехии. Он перевел на чешский язык Новый Завет, способствовал возрождению чешского языка путем издания чешских литературных памятников.

Над всеми другими представителями просвещенческой патриотической интеллигенции возвышается личность Йозефа Добровского (1753–1829). Он внес огромный вклад в ряд научных дисциплин, а также в организацию научной жизни в Чехии и становление научного сотрудничества. С точки зрения общественного

развития Чехии главную роль сыграл его труд по формированию нового чешского языка, находившегося в то время в упадке. В качестве образца литературного языка Добровский выдвинул чешскую речь добелогорского периода и способствовал совершенствованию этого языка. Классическими его сочинениями стали «История чешского языка и литературы» (1791, отд. книгой — 1792) и подробная чешская грамматика (1809). Принципиальное значение имели выводы ученого о происхождении слов в славянских языках и другие исследования, заложившие основы сравнительного славянского языкознания как научной дисциплины. Свои идеи Добровский развивал в сборниках «Славин» (1806) и «Слованка» (1814–1815). Проявил он себя и в исторической науке, и в области идеологии. Из строгой научной критичности Добровского вытекало и его скептическое отношение к молодому поколению чешских патриотов. Стремление поднять чешскую литературу на уровень, удовлетворяющий самые высокие культурные потребности, он считал нереальным, что привело к конфликту его с новым, предромантическим поколением будителей. Добровский недооценивал результаты общественной и культурной эмансипации широких слоев народа.

Сомневаясь в перспективности чешского языка и литературы, Добровский своими трудами объективно содействовал их развитию и стал одной из главных фигур чешского национального Возрождения, одним из основателей чешской литературы Нового времени.

На рубеже XVIII и XIX вв. развивали свою деятельность и будители-публицисты и издатели. Один из них — Матей Вацлав Крамериус (1753–1808), сын портного из г. Клатовы, выпускник философского факультета Пражского университета. В 1778 г. он получил место библиотекаря у аристократа Я.Ф. Нойберка. Й. Добровский ввел Крамериуса в круг известных литераторов и ученых, способствовавших просветительской деятельности, отличавшихся патриотическими настроениями и в то же время поддерживавших иозефинистские реформы. Таким же иозефинистом с патриотическими взглядами стал и Крамериус. В 1785 г. он начал работать в типографии Я.Ф. Шенфельда, издававшего в то время единственную газету на чешском языке — «Шенфельдске новины». В 1786 г. Крамериус стал ее редактором, а в 1789 учредил собственную газету, знакомя в ней читателей, в частности, с новыми книгами и с чешскими театральными постановками. Выпускал он также календари и другую печатную продукцию для народа по доступным ценам, распространяя таким образом чешский литературный язык. В 1790 г. Крамериус основал в Праге издательство «Чешская экспедиция», которое сосредоточило вокруг себя всех известных представителей чешского национального Возрождения.

В конце XVIII — начале XIX в. в Чехии формировалось новое культурное и интеллектуальное направление — *романтизм*. Под его влиянием мощный импульс получила идея *славянской взаимности*. После разгрома Наполеона в Европе началось движение за объединение Германии, оказавшее прямое воздействие и на развитие идеи сближения славян. Характерно для этого времени и возвышение России. Ее армии вели военные действия на территории славянских земель Австрийской империи, проходили и через Чехию. Знакомство с российской военной и политической мощью вселяло в славян надежду, что Россия сможет способствовать и их национальному освобождению. Вера в такой ход событий распространилась в новом поколении деятелей национального движения Чехии. Русофильство стало составной частью формировавшейся теории славянской взаимности. Отношение деятелей чешского Возрождения первой четверти XIX в. к России было романтическим. Россию они знали лишь по книгам, имели общее представление о деятельности ее научных учреждений и о достижениях историографии. В самой России побывал в эти годы разве только один Добровский. Сведения же чехов о положении русского народа были самыми неопределенными.

По инициативе Крамериуса чешские будители решили издавать журнал, и с 1806 г. такой журнал под названием «Гласател чески» стал выходить под редакцией *Яна Неедлы* (1776—1834). На его страницах печатались представители как старшего, так и молодого поколения чешских писателей. Последние склонялись к романтизму, интересовались жизнью народа и народной культурой. Уже в 1806 г. были опубликованы две статьи о чешском языке Йозефа Юнгманна. Автор ограничивал понятия чешского народа и чешской национальной культуры теми слоями населения, которые пользовались чешским языком, т.е. прежде всего крестьянами, тогда как земский патриотизм аристократии именовался в статьях немецким, далеким от интересов народа. Этот взгляд был воспринят новым поколением чешских патриотов. Й. Юнгманн родился 16 июля 1773 г. в Гудлицах, в Бероунском крае. Закончив Пражский университет, он стал с 1799 г. работать преподавателем в Литомержицах. Тогда же примкнул к чешскому национальному движению. Юнгманн владел польским, русским, французским и английским языками. В Литомержицкой гимназии и в богословском семинаре он безвозмездно обучал чешскому языку всех желающих. Здесь же он занялся литературными переводами и начал подготовку чешско-немецкого словаря и истории чешской литературы. Деятельность в качестве переводчика

привела его к выводу, что словарный запас чешского языка недостаточен, и это побудило Юнгманна к его пополнению. Живя с 1815 г. в Праге, он написал ряд сочинений о родстве славянских языков, а также «Историю чешской литературы» (издана в 1825 г. — и это ее первое цельное изложение). Вершиной его деятельности стал пятитомный чешско-немецкий словарь, органически объединивший словарный фонд старой и новой литературы и разговорного языка.

В Праге Юнгманн сначала занимал должность профессора университетской гимназии, а с 1845 г. руководил этим заведением. В 1827 и 1838 гг. он был деканом философского факультета, в 1840 г. — ректором университета. Юнгманн участвовал в издании журнала «Крок», в основании Национального музея и издании его печатного органа, в учреждении Матицы Чешской.

Юнгманн и члены его кружка в отличие от просвещенцев не подвергали современное им положение чешского языка и культуры строгой критике, а оптимистически верили в их будущее, часто идеализируя известных представителей чешского народа. Важную роль в их идеологии играл тезис о принадлежности чехов к великой славянской семье, о существовании сильной России как великой славянской державы. Историческая обстановка способствовала тому, что широкие слои чешского населения стали осознавать свою этническую самобытность. Высказывались мысли о языковой близости русских и чехов как факторе усиления национального самосознания славян. Юнгманновцы мечтали о создании единого славянского литературного языка как необходимого условия реализации этой идеи и выдвигали в качестве своей идеологии теорию славянской взаимности. Впервые эту теорию сформулировал Ян Коллар (1793—1852), словак по происхождению, получивший университетское образование в Саксонии, а затем проживший почти всю жизнь в Пеште, где занимал должность священника протестантской общины. В поэтическом произведении «Дочь Славы» (1824) он попытался нарисовать мрачную картину исчезновения в будущем славянских народов под натиском германизации, спасение от которого возможно было лишь на путях единения славян. Поэма имела невиданный успех у славянских патриотов.

В 1837 г. Коллар издал на немецком языке в расширенном варианте трактат «О литературной взаимности между племенами и наречиями славянскими», тоже призывавший славян к сближению, к овладению главными славянскими «наречиями», чтобы читать литературу и свободно объясняться друг с другом, к распространению славянских книжных лавок и библиотек, а

также кафедр славянских языков в учебных заведениях, которые способствовали бы созданию единого литературного славянского языка.

Теория культурной славянской взаимности, которую разделяли лишь энтузиасты и славянофилы, не носила политического характера. Трактат «О литературной взаимности» представлял собой впервые сформулированную программу сближения славянских народов в сфере культуры на основе идеи славянской взаимности.

Таковы характерные черты периода чешского национального Возрождения первой четверти XIX в.

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ ЧЕШСКИХ ЗЕМЕЛЬ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX в.

Промышленная революция

Сущностью промышленной революции в европейских странах был переход от мануфактурного и ремесленного производства к фабричному, использование машин и новых технологических процессов. Это — сложная система глубоких перемен во всей экономической и общественной структуре страны. Для периода промышленной революции характерны динамичное развитие в производственно-технической области и значительное увеличение объемов продукции. Можно выделить три главных этапа этого процесса в чешских землях:

— 1800—1830 гг. — начальная стадия; машины использовались только в текстильном производстве, главным образом при прядении хлопка;

— 1830—1848 гг. — углубление промышленной революции. Расширение машинного производства в текстильной, затем в пищевой (сахароварение) промышленности, начало строительства железных дорог;

— 1848—1870 гг. — размах и завершение промышленной революции, преобладание фабричного производства, создание основной сети железных дорог, рост добычи угля, возникновение машиностроительной промышленности.

Началась промышленная революция в хлопчатобумажной отрасли. При прядении хлопка машины стали применяться уже в конце XVIII в. Первую прядильню с английскими машинами основал в 1796 г. Й. Лейтенбергер близ г. Дечина. Его дети и другие родственники построили прядильни еще в ряде городов. К 1810 г.

в Чехии было уже 163 прядильных машины. Постепенно они вытесняли ручной труд. Из 40 тыс. прядильщиков Чехии конца XVIII в. к 1825 г. осталось 5400. В 1841 г. в Чехии действовала 81 прядильная фабрика (1695 машин и 356 546 веретен), в основном на севере страны. Ткачество же хлопка производилось надомниками еще вручную. Набивку хлопчатобумажной ткани осуществляли централизованные мануфактуры. Важнейшим центром этого производства была Прага. Одна ситценабивная вальцовочная машина заменяла до 200 набивщиков. С 1842 г. начали использоваться «перотины», заменявшие по 20—25 мастеров каждая; к 1844 г. их насчитывалось в Чехии 21.

Главными центрами шерстяной промышленности являлись Брно и Либерец, где первые машины были изготовлены механиками из Англии и германских государств, прежде всего Саксонии. В Брно в 1807 г. возникла первая прядильная фабрика. Механизировалась также стрижка сукна: в 1826 г. в г. Либерец функционировало более 500 стригальных машин, использующих энергию воды. Отставало в техническом переоснащении полотняное производство, что обусловливалось дороговизной оборудования и укоренившейся практикой использования надомников, на труд которых это производство опиралось до середины XIX в. До 1843 г. возникли лишь три механические льнопрядильни.

В железоделательной промышленности древесный уголь заменялся коксом, устанавливались доменные печи. Был организован прокат металла, в 1841 г. в Чехии работало 16 прокатных заводов, а первая доменная печь появилась в 1830 г. Перелом наступил только в 60—70-е гг., когда появилась новая технология. Развитие машиностроения затруднялось стремлением Англии сохранить свою монополию в этой области. Все же в Чехии стали появляться иностранные машиностроительные мастерские (особенно английские). Первая паровая машина была установлена в Чехии в 1814 г., с середины 20-х гг. они стали производиться непосредственно в Чехии. К 1841 г. в стране функционировало 156 паровых машин: 56% в текстильной промышленности, 19 в горном деле и лишь 7% в металлургии.

В качестве топлива дерево и древесный уголь стали заменяться каменным и бурым углем и коксом. В конце 30-х гг. началась систематическая добыча угля, которая с 1829 по 1849 г. увеличилась в шесть раз. В 40-е гг. водяные мельницы постепенно вытесняются паровыми. Совершенствуется технология в сахароварении и пивоваренной промышленности. С 30-х гг. сахароваренные предприятия начинают оснащаться различными машинами с механическим приводом. Особенно благоприятные условия для

сахароварения сложились в 40-е гг. XIX в. в Моравии. Первоначально в этой отрасли главную роль играли крупные землевладельцы, но затем предприятия стали создаваться и лицами из городского сословия.

Традиционные средства транспорта оказались недостаточными для новых условий. Уже с середины XVIII в. по всей Австрийской империи строились шоссейные дороги с каменным покрытием, водоотводными кюветами и т.д. В Чехии шоссейные дороги соединили Прагу со всеми важнейшими пунктами страны. В 1832 г. в Чехии вступила в строй и конная железная дорога. Первая паровая железная дорога соединила в 1839 г. Вену и Брно. Затем были сооружены такие дороги от Оломоуца до Праги (1845) и от Праги до Дрездена (1851). Возникло производство локомотивов, рельсов, вагонов. Развитие транспорта способствовало укреплению единого внутреннего рынка товаров и рабочей силы.

В сельском хозяйстве капиталистические формы производства развивались медленнее. Лишь перед 1848 г. они появились в крупных латифундиях. Здесь выращивали кормовые травы, разводили крупный рогатый скот и овец, использовали удобрения и технику по обработке почвы и сбору урожая. Были открыты сельскохозяйственные школы. Но в мелких крестьянских хозяйствах изменения происходили в среднем на два десятилетия позднее, чем в крупных. Мешали феодальные повинности. Среди крестьян существовала большая имущественная дифференциация. Беднота поставляла главную часть рабочей силы для строительства шоссейных и железных дорог и для развивающейся промышленности.

Социально-экономические и демографические последствия промышленной революции

С 1814 г. в чешских землях наблюдается стабильный прирост населения. Если в 1815 г. здесь жило 4,8 млн человек, то в 1847 г. — уже 6,5 млн. Эти изменения объясняются, в частности, улучшением здравоохранения, приведшим к снижению детской смертности. Особенно быстро росли промышленные центры — Брно, Прага, Иглава, Штернберк, Либерец и др. Но в других местах увеличение численности населения происходило медленнее.

Главным социальным следствием промышленной революции в чешских землях было формирование буржуазии и пролетариата. Ядро промышленной буржуазии составляли чешские немцы. Рабочий класс был очень разнороден. Наиболее организованными в классовом отношении были к этому времени многочисленные

еще рабочие централизованных мануфактур, а также первых фабрик. Формировался рабочий класс также в металлургической и горнодобывающей промышленности, но и здесь он был весьма разнороден по происхождению и достатку.

Основным социальным противоречием в чешском обществе до 1848 г. был антагонизм между землевладельцами и зависимыми крестьянами. Особенно крупное выступление крестьян этого периода произошло в Моравии в 1821 г. Оно было подавлено военной силой. Среди рабочих главным средством протеста против эксплуатации были стачки. Наиболее мощная из них произошла летом 1844 г. 18 июня один из многочисленных «трудовых» споров перерос в уничтожение машин. В течение недели войска и полиция подавили выступление, но оно имело отклик во всей Чехии. Волнения и голодные бунты продолжались вплоть до революции 1848 г.

ОБЩЕСТВЕННАЯ ЖИЗНЬ И НАЦИОНАЛЬНОЕ ДВИЖЕНИЕ ЧЕШСКИХ ЗЕМЕЛЬ (1815–1830)

Меттерниховский абсолютизм

После наполеоновских войн решающим фактором европейской политики стал блок великих держав-победительниц — России, Австрийской империи, Пруссии и Англии, который традиционно (но не вполне точно) именуется Священным союзом. Его члены подписали соглашение о подавлении революционных движений в Европе и применении военной силы при угрозе интересам великих держав. Консервативная внутриполитическая система Австрийской монархии 1815–1848 гг., получившая название «меттерниховский абсолютизм», связана с именем государственного канцлера князя К.Л. Меттерниха. Однако главным творцом ее был император Франц I Габсбург, решительно отвергавший всякие новшества, хотя, конечно, и Меттерних принимал самое активное участие в борьбе с либерализмом. Полицейские управления Праги и Брно занимали особое положение среди всех органов власти в чешских землях, контролируя печать, перлюстрируя почтовые отправления и проникая с помощью осведомителей в частную жизнь граждан.

Репрессивные меры были приняты против профессора Пражского университета, философа и математика Бернарда Больцано (1771–1848). Поздний представитель просвещенческого католицизма Больцано, читавший лекции, изобиловавшие

гуманистическими идеями, оказывал значительное влияние на студентов. В своих взглядах он дошел до идей утопического социализма. Ему принадлежит и ряд открытий в области математики и логики. В 1820 г. Больцано был лишен профессуры и уволен из университета.

Политическая оппозиция режиму монархии охватила практически все слои чешского общества. Критику содержали многие издававшиеся за рубежом чешских земель брошюры, осуждавшие формы управления Чехией, деятельность сейма, школьную, языковую и культурную политику. Главной же силой оппозиции абсолютизму было национальное движение. После 1815 г. в его структуре произошли изменения. Наибольшее значение приобрел городской буржуазный элемент, особенно интеллигенция буржуазного происхождения. Участвовали в национальных акциях также духовенство, студенты, чиновники, владельцы мелких предприятий. Крестьянство в движении участия не принимало. Национальные лидеры стремились к сближению отдельных слоев общества и их равноправию перед законом, но преодолеть противоречия между этими слоями были все же не в состоянии.

Национальное движение в условиях реакции

В Чехии и Моравии национальное движение развивалось различно. Наиболее активно процесс проходил на территории Чехии, прежде всего в Праге, но также и в других городах. Формой его до 1830 г. было возрождение и утверждение национального языка как важнейшего признака нации. После наполеоновских войн представители национального движения питали иллюзии, что венское правительство удовлетворит давние требования о широком использовании чешского языка в общественной жизни. Однако декрет 1816 г., предусматривавший изучение чешского языка в гимназиях, на практике реализован не был. Первый чешский учебник словесности Й. Юнгманна имел лишь общенаучное значение. В 1821 г. начал выходить первый чешский журнал «Крок» со статьями по общественным и естественным наукам. Он издавался Я.С. Преслом, авторами статей были члены юнгманновского кружка, а также анатом и физиолог Я.Э. Пуркине.

В чешское движение вступило новое поколение, в частности В. Ганка, П.Й. Шафарик, Ф. Палацкий, Ф.Л. Челаковский — романтики по настроению и мировоззрению. Они идеализировали народ, были уверены в его великом будущем, изучали памятники народной культуры. Большое значение для развития национального

движения имело открытие Патриотического музея в Праге в 1818 г., позднее — Чешского Национального музея. Возник он по инициативе аристократов Чехии, среди которых главную роль играл друг И.В. Гёте, естествоиспытатель граф Кашпар Штернберг (1761–1838). Основатели понимали свое детище как институцию сословную, немецкоязычную, не связанную непосредственно с потребностями чешского национального движения. Значительная роль в организации работы музея принадлежала также священникам, учителям, чиновникам, мещанам. При этом группа юнгманновцев стремилась превратить музей в центр чешской научной и культурной работы, но основатели-аристократы предпочитали национальную индифферентность и немецкий язык.

Оппозиция юнгманновцев аристократическому руководству вовлекла в свою орбиту и Й. Добровского. С 1827 г. стал издаваться «Часопис Ческего музеум» («Журнал Чешского музея») — ежемесячно на немецком языке и ежеквартально на чешском, а позднее только как чешское издание. Здесь публиковались материалы по литературе, истории, этнографии чешского народа, образцы народного творчества, переводы, тексты древней чешской письменности, информация о научной жизни и т.д. Главная заслуга в создании журнала и превращении всего музея в чешское национальное учреждение принадлежит Франтишку Палацкому (1798–1876), выдающемуся чешскому ученому, историку, организатору национальной жизни и создателю прогрессивной философии чешской истории, одному из творцов теории австрославизма. Переехав в 1823 г. в Прагу, он сблизился с чешской средой, особенно с Й. Добровским, который и руководил его занятиями. Палацкий вскоре встал во главе чешской научной и культурной жизни. Определялось это и тем, что он был историком, владевшим методами критики и научной интерпретации исторических источников. Земский сословный комитет поручил Палацкому разработку чешской истории. К функции «земского историографа» он отнесся чрезвычайно ответственно. Как редактор «Журнала Чешского музея» Палацкий сумел преодолеть трения между его авторами и превратить это издание в важнейший чешский научный орган. «Музейник», как часто называли журнал, выходил без перебоев, причем немецкий его вариант в 1831 году закрылся.

В конце 1832 г. Палацкий приступил к составлению многотомной «Истории чешского народа». Первый том (1836) и второй в двух частях (1839, 1842) вышли на немецком языке. В 1848 г. увидел свет первый том чешского варианта. Палацкий подтвердил непрерывность многовекового существования чешского

народа. В начале 30-х гг. им был издан свод чешских анналов гуситского периода и большое число источников под названием «Старые летописи чешские». Палацкий стал также основателем чешской истории права. Большое значение имели его усилия по укреплению связей между славянскими народами.

Палацкий снискал себе также заслуги в создании *Матицы Чешской*. Этому предшествовал составленный им в 1829 г. план подготовки чешского энциклопедического научного словаря, редакционная коллегия которого (Юнгманн, Пресл и Палацкий) получила статус Общества для научного развития чешского языка и литературы. Но когда оказалось, что издание задуманного словаря коллективу не под силу, Общество предложило создать Матицу Чешскую как издательство при Патриотическом музее. Постепенно из издательства выросла культурная организация, объединившая чешскую интеллигенцию. В первый год своего существования (1831) Матица насчитывала всего 35 членов, в 1839 г. — уже 512, а к 1847 г. — 2329. С 1834 по 1839 г. Матица опубликовала пять томов «Чешско-немецкого словаря» Й. Юнгманна, в 1836–1837 гг. — «Славянские древности» П.Й. Шафарика. Издавала она и памятники древней чешской литературы, и беллетристику, и «Музейник».

В 1833 г. возникло Общество поддержки промышленности в Чехии, которое стало издавать наряду с немецкими и чешские работы по организации производства и технике. С. Пресл выпустил в 1836–1837 гг. книгу о ремеслах на чешском языке (в переводе с немецкого), он же редактировал чешский «Технологический журнал» (1837–1839).

НАЦИОНАЛЬНОЕ ДВИЖЕНИЕ В 1830–1848 гг.

Австрославизм и его сущность

События в Европе 1830 г. (революции во Франции и Германии, восстание в Царстве Польском), как и внутренние причины, повлияли на дальнейшее развитие ситуации в чешских землях. Быстро растет осознающая свою национальную принадлежность интеллигенция, в национальное движение включаются представители свободных профессий, чиновники, студенчество. Они объединяются вокруг журнала «Кветы» («Цветы», открыт в 1834 г.). Активными представителями нового слоя патриотов стали литератор и публицист Карел Сабина, поэт Карел Гинек Маха и др. События польского восстания 1830–1831 гг. против русского

царизма нанесли мощный удар по теории славянской взаимности. Молодое поколение перестает ориентироваться на Россию. Подчеркивается, что славяне не представляют собой единого народа, а отечеством для чехов является не «всеславянство», а земли, исторически населенные чехами, — Чехия, Моравия, Силезия, Словакия.

Главным творцом этой концепции стал публицист и литератор *Карел Гавличек-Боровский* (1821—1856). Обстоятельства помогли ему получить место воспитателя в семье московского профессора С.П. Шевырева, и в 1843 г. он уехал в Россию. В течение двух лет Гавличек изучал сложившиеся здесь отношения и убедился в том, что угнетение народных масс в этой стране сильнее, чем в Австрийской империи. Вернувшись из России, он стал в 1846 г. редактором газеты «Пражске новины» («Пражская газета»). Сделав ее центром национального движения, он попытался на ее страницах представить новую интерпретацию славянской идеи. Это был австрославизм, некоторые элементы которого были сформулированы еще Й. Добровским в конце XVIII в., но приобретший в изменившихся условиях специфические черты. Оставаясь в составе Австрийской империи, славянам надлежало объединиться и добиться равноправия с немцами. Предполагалось создать на основе естественного права федерацию равноправных единиц в рамках монархии Габсбургов.

Практические формы активизации национального движения были различны. Требовали расширения сферы обучения чешскому языку в школах, в том числе и в преимущественно немецких регионах. Большое место отводилось чешскому театру. Ведущей личностью чешской театральной жизни стал с 30-х гг. писатель *Йозеф Каетан Тыл* (1808—1856), видевший в театральном искусстве средство пробуждения национального самосознания. Он написал пьесу «Фидловачка» (при ее постановке 21 декабря 1839 г. была впервые исполнена на чешском языке песня «Где мой дом?», ставшая впоследствии чешским национальным гимном), организовал молодежный чешский театр, устраивал в 1840—1846 гг. в Праге и ряде других городов народные мероприятия — всеобщие чешские балы, где звучала только чешская речь.

Были организованы также «чешские беседы» с национальными песнями, стихами, танцами. В 40-е гг. такие беседы возникли в ряде чешских городов. По новому уставу Общества поддержки промышленности в Чехии (1844) в него могли вступать мелкие чешские предприниматели, ремесленники, представители интеллигенции. Последняя стремилась расширять сферу образования народа, чтобы каждый ремесленник, пользуясь пособиями на чешском языке,

мог знакомиться с лучшими производственными методами и новыми изобретениями. Для этого организовывались воскресные школы, издавался журнал «Промыслны посел» («Промышленный вестник», 1840–1844) и велась кампания за открытие образцовой чешской промышленной школы в Праге. Со всех концов Чехии шли добровольные взносы средств на такое учебное заведение, что свидетельствует о широком влиянии национальной идеи на массы накануне революции 1848 г.

Что касается немецкого населения в Чехии, то оно проживало в основном в пограничных областях, но его представители занимали влиятельное положение в крупных городах и внутри Чехии и Моравии. Все условия жизни в монархии благоприятствовали возвышению немецкого населения. Торговый и финансовый капитал находился в немецких руках еще до промышленной революции. Хотя немецкое население составляло явное меньшинство в чешских землях, последние подчас казались немецкими. Понятно, что властями навязывалось мнение об энергичном немецком национальном характере и о закономерности господствующего положения австрийских немцев в монархии. Среди богемских немцев можно различать три течения в отношении к чешскому национальному движению. Сторонники одного из них призывали к скорейшей германизации чехов. Этот призыв не получил, впрочем, большого распространения. Сторонники второго — немецкие либеральные демократы вплоть до весны 1848 г. симпатизировали прогрессивным историческим традициям чехов; считалось, что чехов можно будет привлечь к сотрудничеству с прогрессивными силами Германии, что помогло бы в перспективе созданию немецкого национального государства. В сущности, это демонстрирует непонимание немцами характера чешского движения. И третьим было течение, стремившееся и в дальнейшем сохранять билингвизм, традиции уже отжившего двуязычного чешского территориального патриотизма.

Расстановка политических сил накануне революции

В канун революции 1848 г. чешское национальное движение выработало собственную политическую программу. К 1845 г. возникло либеральное руководство национальным движением. В него входили Ф.Л. Ригер, Ф.А. Браунер, А.П. Троян и некоторые другие деятели. Лидером стал Ф. Палацкий. Группа объединилась на австрославистской основе. Социальные вопросы занимали в ее программе второе место после национальных, но она ратовала

и за буржуазные демократические свободы, за изменение общественного порядка в духе австрославизма. Органом пропаганды либеральных идей стали «Пражске новины». Они выходили дважды в неделю, что оказалось в период революции недостаточным. Гавличек, оставив пост редактора «Пражских новин», 5 апреля 1848 г. основал первую чешскую ежедневную газету «Народни новины», тогда же ставшую органом национально-либеральной партии.

С середины 40-х годов начала также формироваться группа радикальных демократов на основе политического клуба «Рипил» (букв. «отмена»), название которого заимствовано у ирландцев. Достоверных сведений о деятельности этого клуба нет. Можно полагать, что в нем собирались прогрессивно мыслящие представители пражской интеллигенции, а также ремесленников и мелкой буржуазии. В источниках встречаются имена приблизительно 40 человек, участвовавших в собраниях «Рипила» накануне революции. Руководителями собраний были юрист Вилем Гауч, адвокат Фр. Гавличек, Карел Сабина, Эмануэл Арнольд и др. Дискутировались вопросы, связанные с борьбой против абсолютизма и привилегий шляхты, с отменой барщины и вообще феодальной эксплуатации крестьян; высказывались и республиканские взгляды. В политических дискуссиях рипилистов накануне революции формировалась политическая программа, отличающаяся антифеодальными, антицерковными и демократическими чертами.

Таким образом, непосредственно перед буржуазной революцией 1848—1849 гг. в чешских землях активизировалась политическая жизнь. До марта 1848 г. существовала и сословная оппозиция в чешском и моравском сеймах, выступавшая против экономической и цензурной политики правительства. При этом либеральное руководство чешским национальным движением стремилось прежде всего добиться равноправия чешского языка с немецким. Во главе политического движения в Чехии встала в 1848 г. чешская и немецкая либеральная буржуазия.

РЕВОЛЮЦИЯ 1848—1849 гг. В ЧЕШСКИХ ЗЕМЛЯХ

Начальный этап

Основной проблемой, волновавшей чешское общество первой половины XIX в., было национальное неравноправие чехов. Затем требовал безотлагательного решения крестьянский

вопрос. Третьим был вопрос о социальном положении городского населения. Продолжительность рабочего дня на промышленных предприятиях составляла 13–15 часов, рабочие не имели нормального жилья, была низкой оплата их труда. В 1843 и 1844 гг. они выступили за изменение своего положения.

С начала марта 1848 г. активизировалась политическая жизнь Праги. Радикалы готовились к созыву общенародного собрания, которое было назначено на субботу 11 марта 1848 г. Предстояло обсудить требования чешских рипилистов и составить петицию императору. Речь шла об установлении конституции, предоставлении новых избирательных прав, свободе слова и печати, отмене барщины, введении чешского языка в суде и школах, гарантиях личной безопасности, свободе вероисповедания, регламентированной организации труда, упорядочении заработной платы. Главные требования переплетались с второстепенными.

Действия рипилистов подтолкнули к активному выступлению и группу либеральной интеллигенции во главе с Франтишком Браунером и Алоизом Православом Трояном. Эта группа тоже подготовила проект петиции, чтобы участвовать в общенародном собрании. В документе предлагалось объединить Чехию, Моравию и Силезию под управлением общего сейма и финансовых институций, предоставить избирательные права всем слоям населения, уравнять чешский язык с немецким, ликвидировать барщину и привилегии шляхты, сократить сроки военной службы с 8 до 4 лет, установить свободу печати, собраний и личную безопасность, свободу вероисповедания, снизить некоторые налоги.

11 марта собрание действительно состоялось, но проекты петиций не удовлетворили собравшихся, и было решено избрать комитет для выработки окончательной редакции документа. 14 марта новый текст был выставлен в ряде учреждений для сбора подписей, и 19 марта избранная депутация повезла его в Вену для передачи императору.

Между тем в Вене 13 марта произошла революция. Она смела Меттерниха. Император отменил цензуру и обещал конституцию. 22 марта петиция чешской депутации была вручена императору, в ответ на нее уже 23 марта последовал «Кабинетный лист», разрешавший использовать чешский язык наряду с немецким и формировать охранные вооруженные отряды. Основные же пункты чешской петиции игнорировались. Это вызвало в Праге большое возбуждение, раздавались призывы к оружию.

В новой петиции от 29 марта 1848 г. были опять сформулированы требования чехов. Вторая депутация, направившаяся в Вену,

прибыла туда в момент тяжелого положения правительства, которое пошло на уступки. 8 апреля оно признало полное равноправие языков, согласилось с требованиями о введении широкого избирательного права на выборах в сейм и о создании высших учреждений Чешского королевства в Праге. Барщина была отменена патентом от 28 марта во всей монархии. Провозглашалась свобода печати и вероисповедания, снижались налоги на производство продовольственных продуктов. Так были удовлетворены все требования чешской петиции. Но против ряда требований выступили проживавшие на чешских землях немцы, они высказывались за присоединение чешских и австрийских земель к объединявшейся Германии, не желая превращаться в национальное меньшинство.

Присоединение к Германии не отвечало интересам монархии. Поэтому австрийский двор вступил в сотрудничество с чешской либеральной буржуазией, ратовавшей за сохранение Австрийской империи.

Проект объединения с Германией должен был обсуждаться на Франкфуртском парламенте. От чехов туда был приглашен Ф. Палацкий. Но он полагал, что создание единой Германии приведет к распаду государства Габсбургов, существование которого считал гарантом безопасности малых народов Центральной и Юго-Восточной Европы. Кроме того, Палацкий не хотел допускать возможности превращения Австрийской империи в республику, считая преобразования возможными и в условиях монархии. Эти соображения он изложил в специальном письме, вызвавшем большой общественный резонанс.

10 апреля 1848 г. в Праге возник Национальный комитет из ста человек, в основном либеральной и консервативной ориентации. Он занял негативную позицию в вопросе о выборах во Франкфуртский парламент. Поэтому выборы состоялись лишь в округах с преимущественно немецким населением, чехи же в них не участвовали.

Славянский съезд

Освободительное движение постепенно охватило все славянские земли Австрийской империи. Возникла идея созвать в Праге съезд австрийских славян для обсуждения важнейших текущих вопросов. В Праге был создан подготовительный комитет. В немецких газетах будущий съезд квалифицировался как акция панславистского толка. Против его созыва выступили и венгерские издания.

Подготовительный комитет выработал программу съезда, включающую несколько пунктов: 1) о значении славян в Австрийской монархии и их взаимоотношениях; 2) об отношении славян к другим народам государства; 3) об отношении австрийских славян к остальным славянам; 4) об отношении славян к неславянским народам Европы. Красной нитью проходила в ней мысль о преобразовании Австрийской империи в федеративное союзное государство отдельных равноправных народов.

2 июня 1848 г. съезд был торжественно открыт. Сразу же возникли разногласия по проблеме сохранения монархии Габсбургов, соглашение достигнуто не было. А 12 июня в Праге вспыхнуло восстание, и съезд закрылся.

В ходе восстания пражане выступали прежде всего против князя Виндишгретца, командовавшего военными силами в Чехии и жестоко подавившего выступления рабочих в Праге в 1844 г. В первый же день произошла стычка между демонстрантами и солдатами, в городе возникли баррикады. Для либеральной буржуазии восстание оказалось неожиданным, оно не вписывалось в их тактику действий. Палацкий, Шафарик и Гавличек надеялись своим авторитетом повлиять на участников восстания, прежде всего на студентов, чтобы они сложили оружие. Виндишгретц приказал обстреливать Старый город Праги из артиллерии, и там возникло много пожаров. 17 июня повстанцы капитулировали.

Восстание было стихийным выступлением народных масс без общего руководства. Раздробленные отряды не могли оказать серьезного сопротивления войскам. Участвовали в восстании революционно настроенные элементы независимо от национальности. Тем не менее немецкие газеты видели в нем акт борьбы чехов против немцев, а Виндишгретца оценивали как героя. Его победа была первой в действиях контрреволюции в Австрийской монархии. Однако за пределами Чехии революция еще продолжалась. Это привело к созданию общеимперского парламента, решившего с 7 сентября 1848 г. ввести в силу закон об отмене барщины. Крестьянин становился полноправным гражданином, земля переходила в его собственность. Но за это от крестьян требовали выкуп. Шляхта утратила положение особого общественного класса, но значительные средства, полученные в качестве выкупа за барщину, обеспечивали дальнейшее развитие дворянского хозяйства — теперь уже по капиталистическому пути. С общественной точки зрения отмена феодальной зависимости стала победой революции.

Осенью 1848 г. император решил подавить революционное движение в Венгерском королевстве и направил туда войска. В защиту венгерской революции выступили представители австрийских радикальных группировок — венская левица, — которые, однако, поддержки не получили. Либеральным чешским политикам удалось убедить руководство студенческого движения в том, что революция в стране инспирирована мадьярами и немцами, политика которых несправедлива, поскольку они считают свободу лишь собственной привилегией и препятствуют славянам в обретении свободы национальной. Император же назначил главнокомандующим своими войсками Виндишгретца, который 23 октября предъявил венским повстанцам ультиматум с требованием сдаться. Австрийская столица была взята войсками, а руководители революции казнены. Революция в Венгрии была подавлена с помощью российских войск.

Кромержижский сейм

Местом созыва общеимперского парламента на время волнений император назначил моравский город Кромержиж. Главной задачей была выработка текста конституции. От чехов в ее разработке приняли участие Палацкий, Ригер и А. Пинкас. 2 декабря император Фердинанд отказался от трона в пользу своего племянника, 18-летнего Франца Иосифа, который издал манифест о намерении подавить всякие волнения в империи. Между императором и конституционным комитетом парламента возникли противоречия по главным статьям конституции, по основам устройства государства. К марту 1849 г. текст конституции все же был подготовлен к утверждению, но 7 марта Кромержижский парламент был распущен, а в город вошли войска. Это вызвало большие волнения в Праге и других городах Чехии. Чешские студенты создали революционный комитет, который связался с революционными силами Германии и приступил к подготовке совместного выступления в Германии и Австрийской монархии. Но полиция узнала об этом, войска заняли все важные пункты Праги, и в ночь на 10 мая были арестованы руководители движения (некоторым, правда, удалось бежать). В результате готовившееся восстание было подавлено. В Венгрии движение потерпело окончательное поражение летом 1849 г.

Революция 1848–1849 гг. имела огромное значение для развития чешских земель. Она уничтожила главные преграды на пути к капитализму, и даже победа реакции не означала полного возврата к прошлому.

ЧЕШСКАЯ КУЛЬТУРА ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX в.

Развитие чешской культуры в первой половине XIX в. ознаменовалось возрождением национального языка и литературы, успехами национального театра и изобразительного искусства, появлением научных и литературных периодических изданий на чешском языке, прогрессом науки о прошлом чешского народа.

Развитие языка

Начало культурному возрождению было положено усилиями патриотической интеллигенции по развитию чешского языка. Издавались так называемые «защиты» его, представлявшие собой рассуждения на тему о том, что чешские язык и литература достойны занимать более почетное место в интеллектуальной жизни чешских земель. Уже в 1783 г. с такой «защитой» выступил хранитель Оломоуцкой утраквистской библиотеки Ян Алоис Ганке, издав на немецком языке «Рекомендацию по использованию чешского языка и литературы», в которой была предложена программа их возрождения и развития. В том же году вышла «Защита чешского языка против злобных его хулителей» Карла Игнаца Тама. Книга осуждала шляхту, отошедшую от народа и родной речи. Научная разработка чешского языка осуществлялась в трудах Й. Добровского и Й. Юнгманна.

Художественная литература

По форме и содержанию художественные произведения, написанные на чешском языке в первой половине XIX в., отвечали требованиям романтизма, понимавшего искусство как одно из средств изменения мира и изображавшего идеальную среду, далекую от действительности. Особенно распространены были сочинения о славном прошлом чешского народа, славянском гуманизме, фольклоре. Народ понимался как хранитель основных духовных ценностей и языка.

Больших успехов в развитии чешского языка и литературы добился Франтишек Ладислав Челаковский (1799—1852), выпускник Пражского университета. В 1834 г. он стал редактором газеты «Пражске новины», с 1835 г. преподавал чешский язык в Пражском университете. В 1842 г. Челаковский получил должность профессора в университете Вроцлава (Бреслау), а с 1849 г. был профессором славянских языков и литератур Пражского университета.

В чешскую литературу Челаковский внес большой вклад как поэт-романтик. Его поэтический сборник «Отголоски русских песен» (1829) состоит из произведений, написанных в духе русской поэзии. После польского восстания 1830–1831 гг. Челаковский от русофильства отошел. Последним его поэтическим произведением стал сборник «Столистая роза» (1840). Возникла также целая школа подражателей поэта, сочинявших стихи и песни, менее удачные в художественном отношении, чем у Челаковского, но очень популярные в народе.

Новую эпоху в чешской поэзии открыла лирико-эпическая поэма «Май» *Карела Гинека Махи* (1810–1836). Это произведение проникнуто пессимизмом, что не отвечало чувствам большинства активных участников национального движения. По достоинству творчество Махи было оценено лишь во второй половине XIX в.

Карел Яромир Эрбен (1811–1870) в своей эпической поэзии оригинально использовал народные песни, повести и рассказы. После окончания юридического факультета Пражского университета он работал в уголовном суде, а в 1850 г. стал секретарем и архивариусом Чешского Национального музея, позднее — архивариусом Главного городского архива Праги. В составе комиссии по розыску дипломатических документов об историческом чешском государственном праве Эрбен в 1843–1847 гг. объездил все чешские архивы и нашел многие документы, опубликованные затем в серии «Архив Чески», издававшейся Ф. Палацким. Эрбен был этнографом, литератором и историком, переводчиком. Еще в начале 30-х гг. он написал несколько пьес. Его перу принадлежат также баллады романтического характера, проникнутые патриотическим духом. По политическим убеждениям он был в 30-е гг. приверженцем поляков, восставших против России, но позднее стал активным русофилом, изучал русскую литературу, имел контакты с русскими учеными.

Особое место в чешской литературе занимает творчество *Карела Гавличка-Боровского*, зачинателя новых жанров, в частности репортажа; живя в России, он писал о ее жизни и науке. Гавличек был также автором многих сатирических стихов, направленных против церкви и бюрократии. К крупнейшим поэтическим произведениям относится его незаконченная эпическая и сатирическая поэма «Крещение св. Владимира», состоящая из 10 песен.

Журналистика

На страницах чешских журналов и газет первой половины XIX в. появлялись стихи и проза чешских литераторов. Первая газета на чешском языке вышла еще в 1719 г. Ее издавал К.Ф. Розенмюллер

(1675—1727), а позднее выпускали его наследники. В 1784 г. газета перешла во владение Я.Ф. Шенфельда, а ее редактором стал Вацлав Матей Крамериус. В 1791 г. он основал собственную газету «Крамериусовы властенецке новины» («Патриотическая газета Крамериуса»), где печаталась самая различная информация, но особое место отводилось чешской культуре. На ее страницах велась кампания в защиту чешского языка, за расширение сферы его употребления. Газета пользовалась среди чехов огромной популярностью, она издавалась и после смерти Крамериуса, вплоть до 1825 г.

В 20-е гг. XIX в. появилась первая чешская политическая газета «Пражске новины». С 1829 по 1833 г. ее редактировал Йозеф Линда, автор популярного исторического романа «Свет над язычеством», не лишенного литературных достоинств. В 1834 г. редактором этой газеты стал Ф.Л. Челаковский, организовавший систему сбора и обработки политической информации. Приложение к газете — «Ческа вчела» — стало литературно-критическим печатным органом.

В 1846 г. возникла газета «Пражски посел». Ее редактор — драматург, актер и журналист *Йозеф Каетан Тыл* пропагандировал новые общественные и экономические учения, помещал в газете научно-популярные статьи по истории, этнографии, географии и другим наукам, по воспитанию детей, а также об учебе в промышленных школах.

Много газет возникло в Чехии во время революции 1848—1849 гг., все они носили преимущественно политический характер.

Развитие науки

В первой половине XIX в. научные исследования в чешских землях проводились в основном в области гуманитарных дисциплин, отвечавших в наибольшей мере задачам воспитания национального самосознания народа. Требовалась научная аргументация для подкрепления идеи о культурном равенстве чехов с другими народами Европы. Представители чешской науки часто сочетали научную деятельность с политической и общественной. Наиболее ярким представителем науки этого периода в Чехии был *Ян Эвангелиста Пуркине* (1787—1869) — физиолог, сделавший в своей области ряд эпохальных открытий.

Он окончил философский и медицинский факультеты Пражского университета. В 1823 г. Пуркине принял предложение занять место профессора физиологии в университете Вроцлава (Бреслау) в Пруссии. С 1823 по 1850 г. ученый организовал по

новой для того времени методике изучение физиологии и обучение ей студентов и открыл первый в Европе физиологический институт, что оказалось возможным лишь благодаря огромному авторитету профессора.

Пуркине был ревностным чешским патриотом. Он популяризировал научные знания в журнале «Крок», выступал и как публицист, литературный критик, поэт, переводил Ф. Шиллера, Торквато Тассо. В 1842 г. им была опубликована в журнале «Денница», издававшемся в Варшаве на польском и русском языках, статья «О литературном единстве между славянскими племенами», где проводилась мысль о стремлении славян к литературной взаимности в духе романтических мечтаний начала XIX в. Пуркине являлся членом многих академий и ученых обществ, почетным доктором ряда университетов (в том числе Московского и Харьковского). В 1850 г. он возвратился в Чехию, стал профессором Пражского университета, организовал здесь институт физиологии, издавал научный журнал «Жива» и активно участвовал в национальной жизни.

Крупнейшим ученым европейского масштаба был представитель новой отрасли гуманитарных наук — славяноведения — *Павел Йозеф Шафарик* (1795—1861). Он родился в Словакии, в семье евангелического священника, учился в протестантском университете немецкого города Йена, где изучал теологию, философию, филологию, историю, естествознание. В это время в германских княжествах ширилось движение немецкой молодежи за свободную объединенную Германию, что повлияло и на Шафарика. Он испытал на себе также воздействие трудов патриотически настроенных славянских ученых. Вернувшись из Йены в 1817 г., Шафарик с 1819 по 1833 г. был профессором и директором гимназии в Нови-Саде (Воеводина) и активно занимался научной работой: собирал памятники югославянской письменности, изучал старые рукописи. В 1826 г. вышла его книга «История славянского языка и литературы по всем наречиям» (на немецком языке), а в 1832 г. — «О происхождении славян по Л. Суровецкому».

В 1833 г. Шафарик переехал в Прагу, где стал усердно работать над трудом «Славянские древности» и опубликовал его в 1836—1837 гг. С 1838 г. ученый стал редактором «Журнала Чешского музея», а с 1841 г. — хранителем Пражской университетской библиотеки. В 1848 г. он создал проект изучения в школах Чехии чешского языка и преподавания на нем, участвовал в Славянском съезде, работал над рядом его документов. Он разделял либерально-демократические идеи преобразования австрийской

монархии в духе теории австрославизма. Но впоследствии Шафарик сторонился всякой политической деятельности, считая главной целью жизни научное исследование истории славянства и вообще всех сторон материальной и духовной жизни и деятельности славянских народов.

Как славист Шафарик принадлежит к числу самых выдающихся ученых. В труде «Славянские древности» доказывается как автохтонность славян в Европе, так и то, что они с древнейших времен являлись составной частью европейской истории и цивилизации. Еще одна эпохальная работа Шафарика — «Славянская этнография» (1842) — явилась первым опытом разграничения славянских территорий на основании данных языка и этнографических признаков. Создал Шафарик и первую этнографическую карту славян. И хотя в его исследованиях и выводах было немало несовершенного (о чем знали и современники), все же труды чешского корифея стали краеугольным камнем славяноведения.

Театр

Научная литература и беллетристика адресовались прежде всего чешской патриотической интеллигенции, а для национальной и культурной активизации народных масс особенно большое значение имел чешский театр, не требовавший ни знания языков, ни большой образованности. Театральные представления на чешском языке практиковались уже в конце XVIII в. В 1786 г. было построено специальное здание, напоминавшее обычный сарай (по-чешски «боуда»), где четыре раза в неделю давались спектакли на чешском языке. Это были оригинальные и переводные пьесы, отображавшие местные нравы, а также рыцарские трагедии и мелодрамы. По распоряжению муниципалитета Праги «Боуда» был снесен, но именно он положил начало чешскому театру. В дальнейшем стали ставиться пьесы возрожденческого содержания, произведения мировой драматургии.

Большие заслуги в становлении чешского театра снискал Вацлав Там (1765—1816), который, будучи руководителем театра, заботился о репертуаре, переводил много пьес с немецкого языка и сам писал драмы на историко-патриотические сюжеты. Более 60 драм и комедий написал Клицпера (1792—1869). А крупнейшим драматургом и театральным деятелем второй четверти XIX в. был Йозеф Каетан Тыл — актер, организатор странствующей театральной группы, драматург. Огромным успехом пользовалась комедия Тыла «Фидловачка», отражавшая жизнь различных слоев чешского общества.

Ему принадлежат также пьеса-сказка «Волынщик из Стракониц», актуальные исторические драмы «Кутногорские рудокопы», «Бранденбуржцы в Чехии», «Ян Гус». Премьера последней 26 декабря 1848 г. превратилась в гигантскую общественную манифестацию. Тыла по праву называют отцом чешского театра. Кульминация его активности приходится на период, предшествующий революции 1848–1849 гг.

Значение чешско-русских научных и культурных связей для культуры чешского национального Возрождения

Чешское национальное Возрождение было своим острием направлено против засилья немецкой культуры. В то же время процесс Возрождения не мог проходить изолированно от европейского общества, а чешские будители искали моральную опору в культуре близких чехам по языку и происхождению славянских народов. Однако положение последних в Центральной и Юго-Восточной Европе было не лучше, чем у чехов. Единственной национально независимой страной с огромным славянским населением и господствующим славянским языком была Россия, и к ней обращали взоры чешские будители. Несмотря на разочарования в связи с подавлением польского восстания 1830–1831 гг., большинство представителей чешской культуры не мыслили своей деятельности без знакомства с богатой национальной культурой России. Так, древняя и современная русская письменность служила источником обогащения лексического состава возрождавшегося чешского языка. Древнерусская литература переводилась на чешский язык. Русские народные песни являлись образцом для создания поэтических произведений чешскими авторами. При переложениях произведений мировой классики на чешский язык использовались и их русские переводы.

Деятели чешского Возрождения поддерживали контакты с русскими филологами, историками, этнографами и т.д. Вместе с возрождением языка развивалась и наука о славянах, в которой представители чешской культуры искали аргументы для своей будительской деятельности. Для развития науки о славянах требовалась источниковая база, сохранившаяся в большой мере в России. В частности, памятники древнеславянского языка находились в фондах российских библиотек и архивов. Именно это обстоятельство побудило Й. Добровского предпринять поездку в эту страну, где он описал около тысячи рукописей и сотни первопечатных книг, хранившихся в различных собраниях и

оказавших серьезное влияние на его последующую чрезвычайно плодотворную деятельность в области славяноведения.

Сохранившаяся и в значительной мере изданная переписка между чешскими и российскими учеными свидетельствует о том, что такие крупные деятели чешской культуры, как Юнгманн, Ганка, Челаковский, Винаржицкий, Шафарик, Эрбен и многие другие, создавали свои произведения под влиянием русской культуры, используя ее богатства как источник для своих исследований и поэтического вдохновения. Чешские ученые следили за успехами российской науки в области филологии и славяноведения и использовали их достижения. Так, Й. Добровский признал работу русского ученого А.Х. Востокова «Рассуждение о славянском языке...» (1820) превосходящей его собственные исследования в области славянского языкознания. П.Й. Шафарику большую помощь в исследовании древнеславянской письменности и славянских языков оказал труд русского ученого К.Ф. Калайдовича «Иоанн Экзарх Болгарский» (1824). Вопрос о времени возникновения славянской письменности, которым Шафарик занимался много лет, получил у него свое окончательное разрешение с открытием русским ученым В.И. Григоровичем глаголических памятников и высказанной на основе их изучения мыслью о большей древности глаголицы в сравнении с кириллицей. Вообще научные успехи Шафарика в изучении славянских проблем в большой мере зависели от контактов с русскими учеными, снабжавшими его материалами из российских архивов и библиотек, делившимися с ним своими научными находками и открытиями, осуществленными благодаря доскональному изучению славянской старины во время ученых путешествий по славянским странам. Кроме того, русские ученые оказывали всегда нуждавшемуся в средствах Шафарику материальную помощь, организуя для него сбор денег в своей среде, у меценатов или просто богатых людей.

Показателем интереса Шафарика к русской культуре является наличие в его библиотеке около 200 книг и периодических изданий на русском языке, среди которых преобладающее место занимают работы русских авторов по языкознанию, литературе и фольклору, а также публикации памятников русской письменности, работы историков и труды по библиографии. Много русских изданий хранилось и в библиотеке Й. Юнгманна, приобретенной после смерти ученого у его наследников Публичной библиотекой Санкт-Петербурга (ныне — Российская национальная библиотека). Русская часть собрания Юнгманна включала 106 названий книг и периодических изданий, среди которых основное

место занимали труды по истории и филологии, а также художественные произведения.

Более 100 книг на русском языке содержала библиотека К. Гавличка-Боровского. Здесь преобладали брошюры: исторические этюды, полемические выступления, оттиски статей ученых, — а также Собрание сочинений А.С. Пушкина в 11 томах, сочинения М.Ю. Лермонтова, И.А. Крылова, Н.И. Гнедича, Е.А. Боратынского, Н.В. Гоголя.

Русская литература переводилась на чешский язык, о ней подробно информировали читателей «Часопис Ческего музеа», журналы «Кветы», «Ческа вчела», «Крок», «Властимил» и др. Со своей стороны чешские деятели национального Возрождения оказали существенную помощь в становлении в России новой для того времени науки — славяноведения. Шафарик, Ганка и другие ученые обучали чешскому языку первых российских славистов, предоставляли в их распоряжение рукописи и книги из своих библиотек, организовывали им доступ в библиотеку Национального музея. В этом последнем учреждении также были представлены русские книги, и в их комплектовании большую роль играл библиотекарь музея Вацлав Ганка, имевший широкие связи с приезжавшими в Прагу учеными и осуществлявший обмен литературой с различными научными учреждениями России.

Чешские ученые предоставляли экземпляры своих работ для перевода на русский язык и публикации в русских журналах. Так, на русском языке вышли две главные работы П.Й. Шафарика — «Славянские древности» (полный перевод — в 1848 г.) и «Славянская этнография», некоторые сочинения Ф. Палацкого и т.д. В преподавании славистических дисциплин в российских университетах активно использовались труды чешских ученых на чешском и немецком языках.

Таким образом, контакты с русской культурой и ее носителями были неотъемлемой составной частью чешского национального Возрождения.

ЧЕШСКИЕ ЗЕМЛИ В 50–60-е гг. XIX в.

События революции 1848–1849 гг. явились рубежом в переходе чешского общества от феодализма к капитализму. Отмена барщины, распад сложившихся классов-сословий, отказ от наиболее отсталых патриархальных традиций в общественной жизни, целенаправленная экономическая политика государства, провозгласившего свободу предпринимательства, создание разветвленного государственного аппарата буржуазного типа вызвали глубокие изменения в сфере экономики чешских земель как составной части Австрийской империи.

Социальная структура чешского общества. Экономическое развитие чешских земель в период утверждения капитализма

1850–1870-е гг. XIX в. — пик формирования чешского буржуазного общества. В этот период в чешских землях в результате интенсивной модернизации всех направлений общественной жизни, воздействия завершавшегося промышленного переворота, быстрой урбанизации произошли существенные перемены в социальной структуре населения: заметно упрочила положение чешская национальная буржуазия, в том числе и сельская, выросла численность промышленного и сельскохозяйственного пролетариата. Новые классы и социальные слои стремились укрепить свои позиции в системе политических сил чешских земель, монархии.

Продолжался рост численности населения Чехии, Моравии и Силезии. Его высокий уровень (ежегодно от 50 до 80 тыс.), хотя и колебавшийся в зависимости от процесса индустриализации отдельных областей, наблюдался до конца XIX в. Сохранялась национальная неоднородность населения. В землях Чешской короны, границы которых не совпадали с ареалом проживания чешской нации, наряду с чешским этносом находились группы австрийских немцев, поляков и евреев. Так, по переписи 1857 г. в Чехии немецкоязычное население составляло более 36%, в Моравии — более 25, а в Силезии — 50%. В чешских землях насчитывалось в это время 470 городов. Интенсивный рост городского населения был связан с процессом формирования центров промышленных областей. Они представляли собой три группы: во-первых, центры промышленного производства, такие, как Прага, Брно, Острава, Кладно, Либерец, Пльзень; во-вторых, центры со сложившимися торгово-ремесленными традициями, как, например, Ческе-Будеёвице, Оломоуц; в-третьих, центры, сохранявшие ремесленно-купеческий характер, в числе которых были Йиндржихув-Градец, Пелгржимув и др.

В 50–70-е гг. почти половина населения чешских земель была занята в сельском хозяйстве. Для его развития в этот период характерны концентрация крупного землевладения (0,3% хозяйств располагали почти 40% земель) и быстрое превращение латифундий в индустриально-аграрные предприятия. Специализация производства с ориентацией на возделывание сахарной свеклы, технических культур, введение многопольного севооборота, широкое применение машин, создание сети малых крестьянских предприятий для переработки сельскохозяйственной продукции,

20 – 3699

активное включение землевладельцев в предпринимательство обеспечили интенсификацию аграрного сектора чешской экономики.

Владельцы хозяйств в 20—50 га, в руках которых было сосредоточено более половины посевных площадей, широко использовавшие наемный труд и производившие продукты на рынок, представляли собой среднюю сельскую буржуазию. Шло интенсивное разложение группы седлаческих хозяйств в 10—20 га, имевших середняческий характер и традиционно занимавшихся организацией кустарных промыслов. Половина сельского населения владела участками в 1—5 га, но из-за долгов подобная собственность зачастую была иллюзорной, и крестьяне вынуждены были искать дополнительные источники средств существования либо в городе, либо на предприятиях по переработке сельскохозяйственной продукции.

Модернизация сельскохозяйственного производства, расширение пахотных земель, повышение урожайности, с одной стороны, обезземеливание и разорение крестьян, сокращение деревенских промыслов — с другой, вели к тому, что избыточная рабочая сила из чешских сел устремлялась в города, в другие земли монархии Габсбургов, за границу.

В 50—60-е гг. XIX в. закрепилось ведущее положение чешских земель в экономике монархии. Их наряду с частью австрийских наследственных провинций охватил индустриальный бум. Ликвидация таможенной границы с Венгрией (1850) вела к значительному увеличению объема рынка с соответствующими средствами коммуникации — связи и транспорта, открывала богатые сырьем территории. Отмена или значительное снижение многих таможенных пошлин, заключение торгового договора с Пруссией предоставляли широкие возможности для капиталистического предпринимательства. Устойчивое развитие машиностроения, превращение промышленности Чехии из мануфактурной в машинную, интенсивное железнодорожное строительство, активное использование научных открытий, технических возможностей промышленной революции (коксование, печи Мартена и Томаса и т.п.), а также такой новой формы организации капитала, как акционерные компании (к 1873 г. их насчитывалось в чешских землях около 300, т.е. 50% всех существовавших в австрийской части монархии), свидетельствовали о быстрой индустриализации чешских земель.

Убыстрение процесса аккумуляции капиталов в чешских землях поддерживало интерес к этому региону австронемецкой буржуазии, вкладывавшей финансы в сферу производства и кредитования. В свою очередь чешская буржуазия в 1869 г. создала

Живностенский (Ремесленный) банк, ориентировавшийся на национальный капитал. Вместе с тем она организовала широкую сеть сберегательных касс для собирания и накопления финансовых средств мелких чешских вкладчиков.

Чешское национальное движение в 50-е гг. XIX в.

После введения в Праге в 1849 г. военного положения радикально-демократическое течение оказалось разгромленным. Лидеры национальной партии вынуждены были отказаться от политической борьбы. В марте 1849 г. был принят ряд реакционных законов о печати, что постепенно привело к закрытию независимых от властей чешских политических изданий. Лишь К. Гавличек-Боровский продолжал публицистическую деятельность. В мае 1850 г. он основал в городе Кутна-Горе газету «Слован» («Славянин»), номера которой многократно конфисковывались. Несмотря на судебные преследования за статьи, разоблачавшие политический курс правящих кругов, газета выходила до августа 1851 г.

С 1852 по 1860 г. в монархии Габсбургов утвердился режим неоабсолютизма, направленный на централизацию государственной власти, на создание стабильных политических условий для проведения модернизации экономики, создания новой инфраструктуры империи. Важнейшей политической фигурой, одним из творцов системы неоабсолютизма, проводником идеи усиления абсолютной власти монарха Франца Иосифа, правившего с 1848 по 1916 г., стал министр внутренних дел А. Бах (1813–1893). Именно поэтому 50-е гг. XIX в. известны в историографии как эпоха Баха. Укреплявшийся государственный аппарат взял под свою юрисдикцию земское управление. Было введено единое общеавстрийское гражданство, унифицированы уголовный кодекс (в частности, упразднялся институт присяжных заседателей) и судопроизводство, провозглашен принцип всеобщего начального образования, рассматривавшийся как одно из важнейших средств в обеспечении модернизации.

Общественные настроения в чешских землях получили выражение в научных («Жива», год учреждения — 1853), специальных, юмористических, развлекательных («Люмир», 1851) и прежде всего в литературных журналах. Широкую известность имели альманахи «Лада Ниола» (1855), «Май» (1858), журнал «Образы живота» («Картины жизни», 1859), культурно-политическое и экономическое ревю «Посел з Праги» («Пражский вестник», 1857), сатирический журнал «Гумористицке листы» («Юмористическая газета», 1858).

Специфика развития чешской политической жизни в конце 50-х гг. состоит в том, что подъем чешского национального движения прежде всего проявился в борьбе за новые общественно-политические периодические издания: «Час» («Время», 1860, издатель А. Краса) и «Народни листы» («Национальная газета», 1861, издатель Ю. Грегр). Органы печати стали организационными центрами идейно-политической борьбы и в самом чешском национальном лагере. Для защиты национальных и государственно-правовых интересов чешская буржуазия в 50–60-е гг. особенно активно использовала разветвленную систему союзов, различных организаций, таких как певческий союз «Глагол», «Мещанская беседа», «Сокол», сеть ссудных и сберегательных касс, экономических обществ, кружков и т.п.

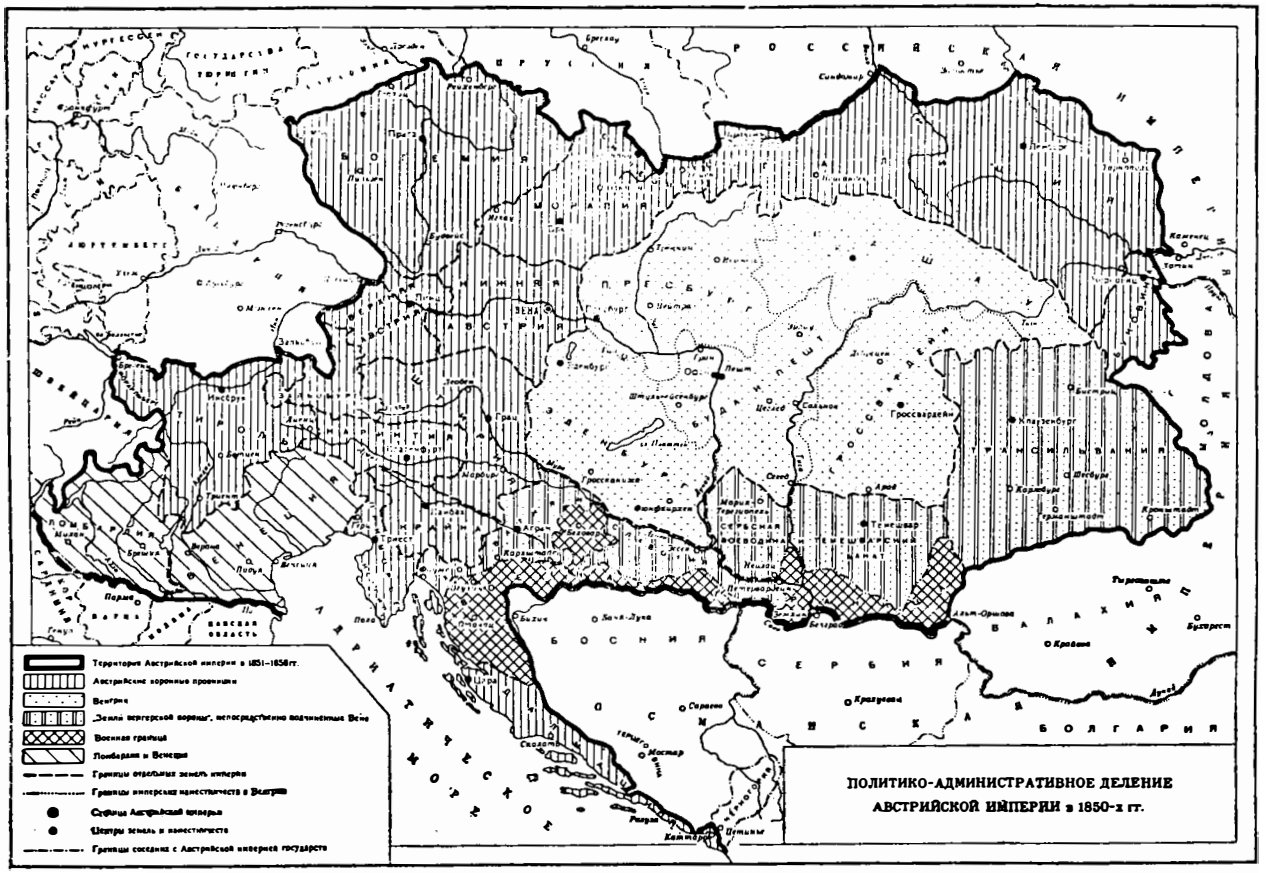
Конституционное движение 60-х гг.

К концу 50-х гг. под воздействием экономического кризиса, катастрофического состояния государственных финансов, внешнеполитических неудач (1859 г. — поражение в войне с Францией и Пьемонтом), под давлением национальных движений, особенно венгерского, правительственные круги пришли к убеждению о необходимости перехода к конституционным формам правления. Монархия Габсбургов вступила в период конституционных экспериментов.

Обнародование в 1860 г. так называемого «Октябрьского манифеста» и диплома было воспринято чешским обществом как начало перехода от централизации к федерализму. Основополагающим элементом системы парламентаризма становились земские сеймы. Между тем, издав Февральский патент (1861), Франц Иосиф вновь усилил позиции централистов. За счет передачи части правомочий местных ландтагов центру важнейшим органом монархии становился общеимперский орган парламентского типа — имперский совет, или рейхсрат. В австрийской части государства вводился «узкий» рейхсрат, включавший 203 депутата. Одновременно были приняты земские конституции, действовавшие вплоть до 1918 г.

Возникновение Национальной партии

С началом оживления политической жизни в Австрийской империи после падения неоабсолютизма чешская буржуазия в практической политике ориентировалась на умеренный либерализм, тактику политического компромисса.


ПОЛИТИКО-АДМИНИСТРАТИВНОЕ ДЕЛЕНИЕ
АВСТРИЙСКОЙ ИМПЕРИИ в 1850-х гг.
Территория Австрийской империи в 1851–1858 гг.
Австрийские коронные провинции
Венгрия
„Земли венгерской короны", непосредственно подчинённые Вене
Военная граница
Ломбардия и Венеция
Границы отдельных земель империи
Границы имперских наместничеств в Венгрии
Столицы Австрийской империи
Центры земель и наместничеств
Границы соседних с Австрийской империей государств
ГОСУДАРСТВА ТЕРРИТОРИИ
ПРУССИЯ
РОССИЙСКАЯ ИМПЕРИЯ
ГЕРМАНСКИЙ СОЮЗ
ЧЕХИЯ
ГАЛИЦИЯ
ВЕНА
АВСТРИЯ
ВЕНГРИЯ
ТРАНСИЛЬВАНИЯ
ЛОМБАРДИЯ
ВЕНЕЦИЯ
ИЛЛИРИЯ
ДАЛМАТИЯ
ТИРОЛЬ
ЗАЛЬЦБУРГ
ВОЕННАЯ ГРАНИЦА
СЕРБСКАЯ ВОЕВОДИНА И ТЕМЕШСКАЯ БАНАТСКАЯ ТЕРРИТОРИЯ
ТРАНСИЛЬВАНИЯ
ВАЛАХИЯ
МОЛДАВИЯ
БОСНИЯ
СЕРБИЯ
ОСМАНСКАЯ ИМПЕРИЯ
БОЛГАРИЯ
АДРИАТИЧЕСКОЕ МОРЕ
ЧЕРНОЕ МОРЕ

Первой общенациональной организацией либерального типа в чешских землях стала Национальная партия, возникшая в 1860 г. и лишь на начальном этапе сохранявшая программное и тактическое единство. Ее социальной базой являлись прежде всего средняя и мелкая национальная буржуазия, зажиточное крестьянство, мелкобуржуазные слои и интеллигенция.

Наброском программы чешской либеральной буржуазии стал разработанный Ф.Л. Ригером и подписанный 12 чешскими политическими деятелями во главе с Ф. Палацким меморандум от 18 июня 1860 г. в форме петиции к императору. В нем содержались требования обеспечить чехам в имперском совете представительство, соответствующее роли чешских земель в монархии, расширить земское самоуправление. Авторы документа исходили из естественно-правовой аргументации.

В более развернутом виде программные принципы Национальной партии были сформулированы в первом номере газеты «Народни листы» (январь, 1861 г.) — официальном органе партии, ставшем трибуной буржуазно-прогрессивных сил чешского общества. Статья, подготовленная Ригером, исходила из новых политических условий и содержала требования национального равноправия, гражданских прав и расширения самоуправления. Усиление политической роли аристократии в общеимперском масштабе актуализировало для чешской либеральной буржуазии вопрос о сотрудничестве с историческим дворянством и интерес к государственному историческому праву. Автономия «историко-политических индивидуальностей», о которой говорилось в правительственных документах, трактовалась чешскими лидерами как готовность двора к сохранению исторических областей и расширению полномочий территориально-политических единиц.

Дифференциация сил в чешском национальном лагере

Фактически с июня 1861 г. Национальная партия включала старочешское течение, представлявшее интересы более умеренных представителей чешской общественно-политической элиты, и младочешское, выражавшее взгляды укреплявшей свои позиции промышленной и торговой буржуазии, радикально настроенных политических деятелей. С начала 1862 г. проявило себя оппозиционное официальному курсу чешских либералов течение во главе с братьями В. и Э. Ваврами, К. Сладковским, Й. Бараком, издававшее собственный политический еженедельник «Глас» («Голос»). Эта группировка, видевшая в крестьянском сословии

ядро нации, полагала, что дворянство утратило свою историческую роль и не может рассматриваться как реальный союзник в политической борьбе за интересы чешского народа. В качестве одного из программных положений сторонники Сладковского выдвигали тезис о быстром и полном восстановлении баланса сил чехов и немцев в чешских землях, акцентировали внимание на проблемах развития экономики, промышленности и торговли. Весной 1863 г. в ходе обсуждения проекта избирательного закона, ослаблявшего позиции австронемецкой буржуазии в торговой и ремесленной палате и аристократов в курии землевладельцев в земском сейме, Сладковский публично выступил против коалиции лидеров чешской буржуазии с консервативной аристократией и отверг концепцию национального единства как несостоятельную.

Несмотря на стремление лидеров Национальной партии представить чешский буржуазный лагерь единым целым, с этого времени можно говорить о существовании в Национальной партии двух фракций, громко заявивших о себе в связи с восстанием 25 января 1863 г. в Царстве Польском. Умеренно-либеральное крыло группировалось вокруг газеты «Нáрод» («Нация», выходила с декабря 1863 г.), лидерами его были Ф.Л. Ригер и Ф. Палацкий. Леволиберальное, или либерально-демократическое, течение блокировалось вокруг редакций газет «Народни листы» и «Глас», объединившихся в 1865 г. Кроме того, активно действовала группа, отличавшаяся политическим радикализмом. В нее входили интеллигенты-разночинцы и студенты во главе с Й. Бараком, Р. Турн-Таксисом, Й.В. Фричем, проживавшим за границей.

Ф. Палацкий характеризовал восстание поляков как безнадежное и вредное для всех славян событие, «большое несчастье» для поляков, осуждал позицию младочехов и особенно радикалов — «революционеров по инстинкту». Младочехи видели в восстании пример последовательной борьбы за восстановление государственной независимости. Однако такие радикальные методы борьбы, как вооруженное восстание, выдвижение на первый план в программе социальных мотивов, были неприемлемы для ведущих группировок чешской буржуазии. В то же время разгром восстания расценивался Ф.Л. Ригером как удар по идее самоутверждения славян в качестве самобытных наций в Европе.

С лета 1863 г. чешская либеральная буржуазия окончательно перешла к тактике пассивного сопротивления. Чешские депутаты отказались от участия в работе рейхсрата, обосновав этот шаг тем, что действовавший избирательный закон ограничивал представительство чешских земель.

Политическая жизнь середины 60-х гг. проходила в условиях обсуждения, а затем заключения австро-венгерского Соглашения. Обеспокоенный таким развитием событий, Палацкий протестовал против намечавшегося дуализма и попытался всесторонне обосновать федералистскую программу в цикле статей «Идея австрийского государства» (1864–1865). Его австрославистская концепция была модифицирована с учетом новых политических реальностей, ибо в основу федерации он предложил положить комбинацию исторического и этнического принципов, а также экономическую необходимость. Его план включал в федерацию помимо наследственных австрийских провинций и Венгрии комплексы чешских, польских, итальянских земель в западной части монархии и «иллирийское королевство», Хорватию, Трансильванию в Транслейтании. Таким образом, словаки, русины, сербы оставались бы в составе Венгрии, а русины (украинцы) Галиции — в польских землях.

ЧЕШСКИЕ ЗЕМЛИ В КОНЦЕ 60-х — НАЧАЛЕ 70-х гг.

Образование Австро-Венгрии. Конституция 1867 г.

Заключение австро-венгерского Соглашения в 1867 г. привело к тому, что Австрийская империя была преобразована в Австро-Венгрию. Единое абсолютистское государство превратилось в двуединое. Формой государственного правления стала дуалистическая монархия, состоящая из двух парламентских монархий, которые сохраняли суверенитет и имели для обоих государств единого монарха — конституционного короля для Транслейтании (земли венгерской короны включали королевства Венгрию, Хорватию и Славонию), императора для Цислейтании, австрийской части монархии.

Для ведения «общих дел», определенных в «Законе о “Соглашении”», были образованы три общих министерства (иностранных дел, военное и финансов) и общее представительство, составленное из делегаций по 60 человек от обоих парламентов. Государственные расходы были поделены между Австрией и Венгрией в соотношении 70 : 30 (в течение 10 лет объединенная комиссия, обладающая совещательными правами, должна была участвовать в распределении доходов). Обе страны независимо друг от друга осуществляли управление, судебную деятельность, а также самостоятельно решали большинство финансовых и хозяйственных вопросов, находящихся под контролем своих

парламентов. Габсбургская монархия сохранялась как единая территория в таможенном отношении, с единой системой денежных знаков. Финансовые обязательства сторон, как и принципы финансовой и экономической политики, должны были согласовываться каждые 10 лет.

Превращение Цислейтании в конституционное парламентское государство выражалось в принятии целого ряда государственных законов, которые составили Декабрьскую конституцию 1867 г., вводившую буржуазные по существу и конституционные по форме порядки. При этом, несмотря на деятельность парламента, ставшего действительно органом законодательной власти, император сохранял полномочия в значительной мере абсолютистского характера.

Наиболее далеко идущие последствия имел 14-й параграф Конституции, согласно которому правительство фактически могло управлять государством в обход парламента.

Конституция 1867 г., с одной стороны, признавала за всеми землями полноту государственной власти, а с другой — рассматривала их лишь как «историко-политические индивидуальности». Это означало, что все 17 королевств и земель внутри самой Цислейтании представляли отдельные государственные единицы, не связанные между собой, но объединенные представительством в рейхсрате.

О буржуазно-демократическом потенциале Конституции 1867 г. свидетельствовало провозглашение политических прав и свобод, в частности единого государственного гражданства, равенства граждан перед законом, свободы передвижения, неприкосновенности личности, сохранения тайны переписки, права петиций, собраний, союзов, свободы совести, науки, выбора профессии, права на защиту национальных интересов. Приобрело силу закона требование буржуазии о введении всеобщей воинской повинности, были проведены реформы налоговой системы, управленческого аппарата, школьного дела, признан гражданский брак.

Конституция заявляла о правах наций лишь в самом общем виде. Она признавала автономию за землями, как правило, населенными различными народностями, имевшими собственные законодательные учреждения — сеймы. Но последние обладали весьма узкими правами и занимались делами местного уровня. К их компетенции относились: выработка земского устава, избирательных законов, регулирующих выборы в сейм, общинные дела, образование, за исключением университетского, вопросы, касающиеся обработки земли, строительства и содержания путей сообщения местного значения и т.п.

Чешское общество в период введения дуализма

Во второй половине 60-х гг. чешская буржуазия возвела чешское государственное историческое право в ранг общенациональной идеи. В ставших традиционными «посланиях и просьбах» к императору она требовала восстановить автономию и единство земель Чешской короны во главе с придворным канцлером и генеральным сеймом, провести избирательную реформу в духе национального равноправия, добиться согласия императора на коронацию чешской короной.

Во время австро-венгерских переговоров чехи стремились оживить федералистскую концепцию, добиться ее поддержки со стороны славянских федералистов. В основу федеративной структуры были положены «исторические земли». После провозглашения в феврале 1867 г. Австро-Венгрии младочехи перешли в крайнюю оппозицию по отношению к правительству, старочехи высказались за выход чешских депутатов из сейма.

Как антидуалистическую демонстрацию рассматривали и старочехи, и младочехи участие чешских общественных деятелей, ученых во главе с Ф. Палацким, Ф. Ригером, Ю. Грегром во Всероссийской этнографической выставке в мае 1867 г. Однако они не нашли полного понимания у российского правительства, ибо последнее трактовало чешский вопрос как внутреннее дело монархии Габсбургов. Летом 1867 г. чехами была предпринята попытка установить контакты с Францией. В меморандуме, который вручил Ригер Наполеону III, указывалось на «стратегическое значение чешских земель» для всей Европы, подчеркивалась роль славянских народов как противовеса угрозе пангерманизма. Но и на этот раз лидерам чешской буржуазии не удалось получить действенной помощи за границей.

Таборы. Декларация 1868 г.

Весной 1868 г. в чешских землях стремительно нарастает движение таборов (митингов), которое принимает массовый характер. Оно продолжается до сентября 1871 г. Его сторонников объединили оппозиционные настроения, усилившиеся после заключения австро-венгерского Соглашения и подогреваемые националистическими заявлениями лидеров немецкого населения чешских земель. В Чехии в движении таборов участвовало от 500 тыс. до 1 млн, в Моравии — около 450 тыс., в Силезии — 25 тыс. человек. Младочехи декларировали свою солидарность с народом, поддерживали демократические требования, сформулированные

в ходе этих выступлений. Между тем старочехи быстро встали на путь переговоров с правительством.

22 августа 1868 г. в день открытия чешского земского сейма, который не созывался с апреля 1867 г., от имени 81 чешского депутата была подана Декларация, в которой обосновывался их отказ от участия в работе сейма. Декларация не признавала нового дуалистического устройства империи. Этот документ представлял собой программное заявление чешской политической элиты, в котором защищалась государственно-правовая самобытность чешских земель, указывалось, что заключение австро-венгерского Соглашения означает признание политического приоритета австрийских немцев и венгров над славянами, говорилось о необходимости справедливого политического представительства в рейхсрате чешского народа, подписания договора между ним и государем. Речь шла о чешско-австрийском соглашении между «чешским королем, монархом и политическо-исторической чешской нацией», об обеспечении равноправия чехов и немцев в чешских землях.

В этой ситуации историческое дворянство стало рассматриваться старочехами как перспективный союзник на пути конституционных преобразований монархии, в достижении федералистского соглашения с австрийским императорским домом. Младочехи же в свою очередь, хотя и с рядом оговорок, шли в фарватере стратегической линии старочехов.

Фундаментальные статьи

Начавшиеся переговоры с правительством вылились в подготовку документов: Фундаментальных статей, определявших положение Чехии в составе Австро-Венгрии, Проекта закона о защите национальностей в Чехии и нового избирательного закона, определявшего порядок выборов в чешский сейм. 10 октября 1871 г. Фундаментальные статьи были приняты чешским сеймом, полномочия которого значительно расширялись. За них не голосовали только немецкие депутаты-либералы. По сути, чешские парламентарии признали австро-венгерский дуализм, отказались от идеи реорганизации империи на основе триализма: «Австрия — Венгрия — комплекс объединенных чешских земель». Речь шла исключительно о Чешском королевстве. По аналогии с текстом австро-венгерского Соглашения статьи предоставляли «всем королевствам и землям империи право решения общих вопросов»: иностранных и военных дел, финансов. Общеавстрийскими делами объявлялись армия, торговля, налоговая политика (косвенные налоги), денежная система, коммуникации, законодательство о гражданстве. Законодательную компетенцию в этих сферах

предлагалось передать особому конгрессу делегатов — сенату, заменив им верхнюю палату рейхсрата Цислейтании, а исполнительный орган — общеавстрийское правительство — формировать из придворных канцлеров или же земских министров, т.е. глав правительств отдельных земель.

Чешская политическая элита вела переговоры о положении Чехии, а не всех земель Чешской короны, не обладавших в то время ни едиными представительством и органом управления, ни необходимым уровнем сознания своей общности. Так, политики Силезии выступили против чешско-австрийского соглашения, а депутаты моравского сейма трактовали единство земель Чешской короны как их персональную унию.

Жесткое противодействие венгерских политических кругов, увидевших в соглашении угрозу интересам Венгрии, резкое неприятие его австронемецкими депутатами рейхсрата, опасавшимися славянизации империи, бурный протест немецкого населения Цислейтании, выступившего с антиправительственными и антиславянскими лозунгами, отрицательная позиция высшего руководства образованной в 1871 г. Германской империи, особенно Вильгельма I и Бисмарка, привели к тому, что император Франц Иосиф отказался подписать соглашение и объявил об отставке кабинета Гогенварта, сторонника заключения договора с чехами. Все это свидетельствовало о провале чешского политического курса на федерализацию двуединой монархии, не нашедшего понимания в обществе, у политической элиты Австро-Венгрии и ее союзника. Победу одержали противники соглашения с чехами, что означало крушение надежд чешских либералов.

Что касается идеологических установок Национальной партии во второй половине 60-х гг. XIX в., то на смену австрославизму, исходившему в 1848 г. в основном из этнического принципа (естественного права), пришел австрофедерализм на основе государственного исторического права, когда в программных выступлениях лидеров партии социально-политические вопросы были оттеснены, а порой просто заменены государственно-правовыми и национальными требованиями. Это привело к тому, что социальная база Национальной партии оказалась в чешских землях недостаточно надежной.

Образование партии младочехов

1871 год стал пиком в развитии Национальной партии. Провал австро-чешского соглашения привел к углублению внутрипартийного кризиса, к изменению программы и тактики действий

чешских политиков. Младочехи приняли решение участвовать в работе земского сейма, в то же время старочехи тактику пассивного сопротивления расценивали как мощный рычаг воздействия на правительство. Кризис в Национальной партии завершился ее расколом, который сопровождался потоком взаимных обвинений и дискредитации политической линии соперников в печати. В конце 1874 г. на съезде младочехов была образована Национальная партия свободомыслящих, заявившая, что отстаивает либеральные и демократические позиции.

Программа новой партии в качестве основных задач предусматривала демократизацию общественного устройства, введение равноправия, защиту прав и свобод, отстаивание конституционных принципов и совершенствование парламентского устройства, расширение местного самоуправления и др.

Что касается тактики, то партия рассматривала пассивное сопротивление как тормоз в борьбе за права чешского народа, высказалась за активное участие в выборных органах, особенно в земском сейме. Младочехи поставили цель: добиваться признания самостоятельности чешских земель на основе государственного исторического права, издания «справедливого» указа о защите национальностей, введения всеобщего избирательного права.

ЧЕШСКИЕ ЗЕМЛИ В 80–90-е гг. XIX в.

Экономическое развитие чешских земель в последней трети XIX в.

В 80–90-х гг. XIX в. в чешских землях произошло окончательное завершение промышленной революции, была проведена первая фаза индустриализации, в ходе которой Чехия, Моравия и Силезия превратились в индустриальную область. Для этого времени характерны, во-первых, возникновение государственного регулирования экономической деятельности; во-вторых, ускорение темпов развития основных отраслей тяжелой и легкой промышленности, интенсивное внедрение новых отраслей (электротехнической, моторо-, автомобиле- и локомотивостроение) и на этой основе — электрификация, механизация производства; в-третьих, все более очевидный переход от экстенсивных форм хозяйствования к интенсивным как в промышленности, на железнодорожном транспорте, так и в сельском хозяйстве; в-четвертых, распространение городского стиля жизни.

Экономическое развитие чешских земель в последнее 20-летие XIX в. имело циклический характер. Так, выделяются три цикла:

– рост производства во всех отраслях промышленности в начале 80-х гг.; с весны 1884 г. во всей австрийской части монархии начался новый экономический кризис (в чешских землях больше всего пострадала промышленность, связанная с переработкой сахара);

– очень короткий период подъема в 1889–1890 гг.;

– оживление, начавшееся в 1894–1895 гг. и перешедшее в мощный рост во второй половине 90-х гг., что проявилось не только в увеличении объема производства, но и в расширении инвестиционной деятельности, охватившей промышленность, банковское дело, сельское хозяйство. Подъем продолжался вплоть до 1900 г. — очередного общего экономического кризиса, приведшего к банкротству большого числа мелких и средних предприятий, поглощению слабых фирм более крупными и тем самым к ускорению процесса концентрации производства и капиталов, монополизации всей хозяйственной и финансовой жизни в целом.

В последнее 20-летие XIX в. в чешских землях преобладало крупное и среднее промышленное производство, но существенное место занимали и мелкие предприятия. Дворянские латифундии по-прежнему играли заметную роль в развитии сельского хозяйства; рост товарности капиталистических хозяйств помещиков сопровождался обезземеливанием беднейших слоев деревни, увеличением численности малоземельного крестьянства. Переход к интенсивному способу ведения хозяйства в деревне завершился к концу XIX в. В 1900 г. в сельскохозяйственном производстве было занято 38,3% трудоспособного населения (в 1869 г. — 56%).

Возвращение чешских партий в политическую жизнь империи

В крайне накаленной атмосфере конца 70-х гг. чешские политические деятели, представители двух основных политических партий — Национальной партии и Национальной партии свободомыслящих — после 16 лет пассивной оппозиции (1863–1879) возвратились в парламент, войдя в состав правительственного большинства. Переход к активной политике определялся рядом причин. Подписанный между Австро-Венгрией и Германией в 1879 г. тайный договор на десятилетия стал стержнем внешнеполитической концепции монархии. Нарастающий внутренний

кризис, особенно усилившийся в 1878 г. в ходе оккупации Боснии и Герцеговины, уход немецких либералов, до того составлявших опору правительственных кабинетов, в оппозицию, возобновление австро-венгерского Соглашения, смена правительства и приход в августе 1879 г. к власти Е. Тааффе (одного из наиболее талантливых австрийских политиков второй половины XIX в.) в результате трудных переговоров депутатских фракций немцев, чехов, поляков, давления и поддержки двора знаменовали серьезные перемены в Цислейтании и открывали новые перспективы для чешской политики.

На первом этапе чешские депутаты составили общую парламентскую фракцию во главе с Ф.Л. Ригером, политиком, имевшим к началу 80-х гг. огромный политический опыт. Чешский клуб, образованный в октябре 1879 г., включал и представителей исторического дворянства под предводительством графа И. Клам-Мартиница. Это означало, что чешские политические деятели и венское правительство встали на путь взаимных уступок. Так, за благосклонность императора они обещали быть умеренными в своих требованиях. Чехи получили портфель министра по чешским делам (им стал старочех А. Пражек). Однако тактика соглашений не всегда давала те практические результаты, на которые рассчитывали чешские политики. Так, осенью 1879 г. они просили императора о введении языкового равноправия в администрации, учреждениях, судах, в Пражском университете, средних школах и профессиональных училищах, а также о равномерном распределении подобных учебных заведений у чехов и немцев. Несмотря на правительственное распоряжение о провозглашении официального равенства языков, опубликованное для Моравии 28 апреля, для Чехии 13 мая 1880 г. и спустя два года для Силезии, в действительности государственным языком оставался немецкий.

Национально-политическая борьба в 80—90-е гг. XIX в.

В апреле 1881 г. было принято решение о разделении Пражского университета, вступившее в силу в 1882 г. Увеличились также субсидии на образование, росло число новых чешских средних и профессиональных школ. В 1882 г. было удовлетворено пожелание чехов о реформировании процедуры выборов в чешский сейм, в результате чего чешские представители в нем получили большинство. Начавшееся интенсивное внедрение чешского языка в систему государственного управления, укрепление национальной школы, быстрый рост национального чиновничества в

конечном итоге вели к созданию необходимой базы национальной государственности, что следует рассматривать как позитивный результат политики старочехов в 80-е гг. XIX в.

Между тем чешские успехи вызывали ожесточенное сопротивление немецких националистов. Кроме того, тактика соглашений, которой придерживались старочехи, оказалась неприемлемой для радикального крыла младочехов. Идея Ригера о мирном сосуществовании славян и немцев в рамках единого государства, умеренность требований чешской политической элиты вызывали все большие нарекания радикализирующихся представителей мелкой буржуазии. В такой ситуации очень убедительной оказалась идея младочехов противопоставить себя старочехам. Представители Национальной партии свободомыслящих выдвигают программу, ориентированную на текущий момент, а в публицистике активно развивают мысль о том, что монархия не оценила заслуги чешского народа. Дальнейшее развитие чешского общества, укрепление его положения в Цислейтании младочехи связывают исключительно с ростом духовных и материальных сил самого чешского народа вопреки неблагоприятным внешним обстоятельствам.

Быстрому подъему авторитета этой партии способствовало нарастание массового недовольства чешского населения курсом правительства, прежде всего так называемыми «ордонансами Гауча» (1887), усилившими позиции немецких школ в Цислейтании. В ответ младочехи организовали несколько таборов (митингов), подали протест, текст которого был подготовлен Э. Грегром. Они требовали прекращения политики поддержки немцев в чешских землях, пропагандировали в печати идеи чешского государственного исторического права, русофильства и традиционно сопутствующих ему французских симпатий. На IV съезде Национальной партии свободомыслящих они заявили о себе как сторонники всеобщего и равного избирательного права. Что касается политической линии младочехов, то она строилась на осуждении наследия старочехов, крайнем национальном радикализме в отношении к немцам, открытой оппозиционности к властям. В начале 1888 г. младочехи создали «Клуб независимых чешских депутатов в парламенте». Все эти события знаменовали собой важное изменение в чешской политической жизни.

Реализм

В середине 80-х гг. начался довольно длительный (до конца 90-х гг.) процесс формирования чешского реализма как политического течения. Становление общественно-политической

концепции реалистов шло параллельно с обсуждением научных вопросов, с глубоким анализом социально-экономических и политических проблем развития чешского общества. Сторонники этого движения группировались вокруг Т. Г. Масарика (1850—1937), Й. Кайзла (1854—1901) и К. Крамаржа (1860—1937).

В 1883 г., объединив вокруг себя молодых ученых, Масарик приступил к изданию нового чешского ежемесячника «Атенеум», на страницах которого вскоре началась борьба за признание поддельными широко известных Краледворской и Зеленогорской рукописей (РКЗ). В сложных условиях политической жизни середины 80-х гг. Масарика, так же как и других исследователей, выступивших с опровержением подлинности РКЗ, обвинили в измене национальному делу. Острота борьбы обусловливалась тем, что спор приобрел не только научный, но и политический характер, поскольку рукописи вошли в арсенал чешской прогрессивной культуры и рассматривались как национальные святыни.

Основные усилия интеллигенции были направлены как на преодоление провинциализма в науке, так и на обновление чешской общественной мысли. Наиболее правильными методами, способными коренным образом изменить положение, могли быть, по мнению реалистов, воспитание новой политической элиты и новой политической культуры народа. К этому должна была привести всесторонняя критика существующей действительности, способствующая пробуждению здоровых сил общества и направлению их энергии на интенсивное развитие чешской нации.

Реалисты выдвинули проблему государственной самостоятельности или же автономии, гарантирующей национальную самобытность. При этом возрождение государственности, говорили они, могло произойти лишь путем обеспечения условий для функционирования народного хозяйства в результате поддержки мелких и средних предприятий государством и обществом (в результате их слияния возникла бы и крупная промышленность), а в политической сфере — при максимальном усилении влияния избирателей на парламент и общественную жизнь. К концу 80-х гг. в пропаганде и деятельности реалистов основной акцент был перенесен с вопросов культуры и науки на область практической политики. Отдавая должное двухпартийной системе в чешском обществе, сначала Масарик, а затем Крамарж и Кайзл высказались за ее реорганизацию, авторитарную по характеру, и вступили на путь переговоров со старочехами. Однако так называемые «Пунктации» (чешско-немецкое соглашение об урегулировании национальных, в том числе языковых, конфликтов), подписанные

21 -- 3699

в январе 1890 г. представителями этой партии, исторического дворянства и немецких либералов, вызвали волну возмущения в чешских землях, были восприняты как победа немцев и непоправимая уступка старочехов. Тем самым последние утратили в глазах реалистов качества надежного партнера.

В результате длительной и упорной целенаправленной борьбы в 1896 г. было расширено избирательное право, регулирующее выборы в рейхсрат: во-первых, снижался имущественный ценз для избирателей городской и сельской курий, во-вторых, учреждалась пятая избирательная курия, в которой вводилось всеобщее избирательное право для мужчин старше 24 лет по выборам 72 депутатов, из которых 27 представляли чешские земли (18 — Чехию, 7 — Моравию, 2 — Силезию).

Реальностью 90-х гг. стало то, что партия старочехов в течение нескольких месяцев распалась и сошла с политической арены. В таких условиях реалисты повернулись в сторону младочехов, во главе которых в конце XIX в. становится Карл Крамарж. По своему социальному составу эта партия представляла эклектичное соединение буржуазных, мелкобуржуазных, радикальных, аграристских и прочих группировок. Взяв на себя роль лидера, младочехи стали рупором чешского промышленного и банковского капитала, возглавили борьбу за отечественные и общеавстрийские рынки.

НОВЫЕ ПОЛИТИЧЕСКИЕ РЕАЛЬНОСТИ НА РУБЕЖЕ ВЕКОВ

Социально-экономическое развитие чешских земель в конце XIX — начале XX в.

В экономической структуре Цислейтании, как и Австро-Венгрии в целом, чешские земли занимали особое место, являясь наиболее развитым индустриально-аграрным районом монархии Габсбургов. Несмотря на то что Чехия, Моравия и Силезия составляли лишь 26,45% территории австрийской части империи, на их долю приходилось более 36% жителей (в начале XX в. численность чехов и богемских немцев превысила 10 млн), причем 45% самодеятельного населения чешских земель было занято в промышленности (в собственно Австрии — 22%). Здесь находилось 35% всех промышленных предприятий Цислейтании.

В конце XIX в. чешским землям практически принадлежала монополия в ряде промышленных отраслей, в том числе в добыче каменного и бурого угля, производстве стекла, фарфора и керамики, в сахароварении. Высоко были развиты текстильная,

машиностроительная (особенно сельскохозяйственное машиностроение), химическая и некоторые другие наукоемкие отрасли, использовавшие передовые технологии. Быстро набирала темпы тяжелая индустрия, предприятия которой входили как в австрийские, общегосударственные, так и в иностранные монополистические объединения. Вместе с тем мелкие ремесленные мастерские по изготовлению широкого круга, как правило, высококачественных изделий по-прежнему играли существенную роль в экономике земель. При этом необходимо подчеркнуть, что сельскохозяйственное производство велось здесь передовыми методами и по уровню интенсивности опережало многие другие регионы этого государства.

На рубеже XIX—XX вв. чешские земли добились заметных успехов и в финансовой сфере. Особенностями развития чешского финансового капитала были, во-первых, стремительный, скачкообразный рост банковского и промышленного капиталов (даже по сравнению с общеевропейскими темпами); во-вторых, проникновение и упрочение позиций чешского капитала в важнейших отраслях экономики; в-третьих, большая роль сберегательных касс, что способствовало сохранению его национального характера; в-четвертых, тяготение к экономической экспансии. Так, если акционерный капитал венских банков с 1890 по 1913 г. вырос в 2,5 раза, то чешский — многократно, что свидетельствует о высокой эффективности источников накопления собственно чешского капитала. В то же время это одна из причин глубочайшего интереса чешской буржуазии к экономическому освоению Словакии, других славянских регионов монархии (Галиции, Словении, Хорватии), стран Балканского полуострова (Болгарии, Сербии, Румынии) и России, к внешнеполитическому курсу государства.

Достигнутый уровень экономического развития чешских земель показывает, что в 90-е гг. XIX в. чешская нация вступила в стадию индустриальной зрелости. Между тем эта одна из экономически наиболее развитых территорий монархии Габсбургов не обладала сколько-нибудь значительной самостоятельностью, а чешская буржуазия все еще не имела необходимого политического веса в имперских представительных и исполнительных органах власти.

Противостояние немцев и чехов

Политическая жизнь в чешских землях в последнее десятилетие XIX в. проходила в условиях напряженной борьбы, все более открытого противостояния чехов и немцев. Очередной мощный

взрыв недовольства немцев вызвали указы премьера К. Бадени (апрель 1897 г.) о равноправии чешского и немецкого языков в судебных и административных органах чешских земель (во внутреннем делопроизводстве сначала Чехии, затем Моравии), узаконившие для лиц обеих национальностей возможность обращаться на родном языке в инстанции, а для чиновников предписавшие с 1901 г. обязательное знание немецкого и чешского языков. Жесткий отпор австронемецких депутатов в парламенте, бурные протесты богемских немцев, особенно в районах, где они составляли большинство населения, вынудили кабинет заявить о своей отставке, дестабилизировали обстановку в Цислейтании. Приход правительства Гауча мало изменил ситуацию. Во время массовых беспорядков в Праге было введено военное положение, распущен рейхсрат.

После разделения Чехии на одноязычные и смешанные округа декретами правительства чехи выдвинули встречные требования учредить специальное министерство чешских земель, открыть политехнический институт в Брно и др. Положение не менялось к лучшему. Разгул национальных страстей достиг небывалых размеров, борьба распространилась на все сферы жизни, вплоть до бытовых отношений.

Образование новых политических партий

В результате серьезных экономических изменений, обострения межнациональных отношений прежде относительно монолитная политическая сила, представлявшая городские и сельские мелкобуржуазные слои, распадается на ряд течений, которые трансформируются в мелкобуржуазные политические партии. Исходя из различных идеологических установок, они были сориентированы на противостояние усилившемуся крупному капиталу, с одной стороны, рабочему движению — с другой. Важнейшим фактором, определявшим ситуацию на рубеже XIX и XX вв., стало отмежевание городской буржуазии от сельской, т.е. выделение аграрного движения в самостоятельное. Этому немало способствовал аграрный кризис, вызвавший радикализацию настроений крестьянства, кристаллизацию типично сословных интересов самых разнообразных групп сельского населения и землевладельцев.

В конце 80-х гг. заявило о себе прогрессистское движение. Наиболее известными его представителями были братья Гайны, А.П. Веселы, А. Рашин, В. Клофач, а социальной базой стали студенты, молодые рабочие и интеллигенты.

Четкая демократическая ориентация, открытый республиканизм этой группировки дополнялись радикальным национализмом, направленным в первую очередь против немцев, проживающих в чешских землях, глубоким стремлением к интеграции Чехии, Моравии и Силезии. Они пытались привлечь к себе симпатии демократически, даже бунтовщически настроенной молодежи. Прогрессисты вместе с тем не протестовали против шовинистических, антисемитских заявлений некоторых участников движения. Совместно с социал-демократами они активно боролись за всеобщее избирательное право, после того как младочехи под давлением левого крыла своей партии, реалистов, в марте 1893 г. официально заявили о необходимости его введения в Цислейтании. Преследования со стороны властей во время военного положения в Праге в 1892 г., а затем громкий судебный процесс против участников известной организации прогрессистов «Омладина» (77 обвиняемых были приговорены в общей сложности к 96 годам тюремного заключения) привели к ослаблению движения. Неоднородность его социальной базы, противоречивость целей, а главное — общее разочарование в тактике радикализма вызвали раскол среди прогрессистов.

В 1897 г. деятелями социально-реформистского центра прогрессистского движения была образована Радикально-прогрессистская партия, связанная с демократически настроенными младочехами. Ее сторонники выступали против любых соглашений с клерикалами, историческим дворянством и старочехами, допускали возможность сотрудничества с социал-демократами, активно боролись за введение всеобщего избирательного права, женское равноправие и т.д. Партию возглавил Антонин Гайн (1868–1949). Правое крыло прогрессистского движения и часть младочехов составили ядро Радикальной государственно-правовой партии, институировавшейся в 1899 г. Приверженность государственно-правовому радикализму свидетельствовала о национализме ее сторонников.

Идеологическим противником либерального и демократического течений было католическое политическое движение, идеологией которого стал клерикализм. Учреждение Христианско-социальной партии Чехии и Моравии произошло в 1894 г. в Литомышле. Ее лозунг «Решить социальный вопрос на католической основе» был направлен на раскол общества по религиозному принципу и ослабление демократических сил. Основой политического католицизма стала социальная доктрина Ватикана, сформулированная в 1891 г. в папской энциклике Rerum novarum. В 1896 г. оформилась самостоятельная Католическая народная

партия Моравии. Она взяла на вооружение идеи социального реформизма, использовала опыт подобных течений в других государствах. Весной 1897 г. на выборах эта партия добилась представительства в парламенте. Усиление клерикализма в Моравии ослабляло интеграционные тенденции чешского национального движения, позиции независимой Народной партии Моравии, основанной в 1891 г. А. Странским (1865–1931) и выступавшей против регионализма и моравского сепаратизма.

Рост популярности национальной идеи, несогласие с интернационализмом социал-демократов дали толчок деятельности так называемых «национальных рабочих», ставших ядром образованной в 1898 г. Чешской национально-социальной партии. Она пропагандировала национальный социализм, противостоящий интернационализму социал-демократии, отстаивала чешское государственное историческое право. Эта партия выражала оппозиционные настроения мелкой буржуазии против милитаризации страны и централистской политики австрийского правительства, выступала с буржуазно-демократическими требованиями. Проведение реформ и федерализацию Цислейтании она считала единственно возможным путем развития монархии. На программу этой партии наложило отпечаток то обстоятельство, что в условиях Австро-Венгрии политическая оппозиция режиму развивалась преимущественно под флагом национализма. Партия национальных социалистов была массовой. Аморфность структуры, программный эклектизм позволяли ее руководству (лидер — Вацлав Клофач, 1868–1942) вступать в многочисленные компромиссы с младочехами, другими партиями особенно во время предвыборных кампаний.

Кроме собственно буржуазных партий в чешских землях действовала также партия консервативных помещиков, уже потерявшая свое прежнее значение. Однако благодаря куриальной системе выборов в парламент, консервативности процесса формирования политической элиты, она сохраняла определенное политическое влияние. Эта партия, организованная в рамках отдельных земель, имела сильные позиции в Чехии.

Длительным был генезис Чешской аграрной партии. Процесс поляризации интересов промышленной и сельской буржуазии, начавшийся в 80-е гг. и достигший к концу XIX в. крайней степени, закончился, несмотря на сопротивление младочехов, образованием в 1899 г. самостоятельной партии аграриев. Основой для нее послужили экономические организации аграрной буржуазии, носившие национальный характер и игравшие значительную роль в пропаганде экономических знаний. Чешская

аграрная партия имела четкую организационную структуру, обеспечивавшую оперативность контактов с местными организациями. Она стремилась распространить свое воздействие на все чешское сельское население, пропагандировала лозунг «Чешская деревня — одна семья».

Чешские аграрии отражали настроения средних слоев землевладельцев. Они связывали жизнеспособность чешской нации с состоянием аграрного сектора экономики. Аграрии предложили ряд конкретных мер для сохранения земли преимущественно за чешским крестьянством. Расширение слоя средних землевладельцев должно было произойти с помощью создания новых, передаваемых по наследству, но не подлежащих делению крестьянских хозяйств, во-первых, путем выкупа и раздела аллодиальных и рустикальных крупных поместий и, во-вторых, за счет предоставления возможности приобретать земельные наделы мелкому крестьянству и рабочим. Налаживание кооперации, расширение кредитной системы, пересмотр земельного кадастра, установление дифференцированного налога, внедрение новой техники, модернизация сельскохозяйственного производства, протекционистская политика государства и другие меры были призваны обеспечить весомую позицию чешского аграрного сектора в народном хозяйстве, в общественной и политической жизни, способствовать развитию аграрного производства. Вместе с тем курс аграриев предусматривал защиту чешского села от негативного влияния города и, что самое главное, от мирового аграрного рынка, перераспределение средств в пользу деревни.

Процесс социально-политической дифференциации чешского общества был завершен образованием в 1900 г. Чешской народной партии во главе с одним из идеологов реализма, профессором философии Пражского университета Т.Г. Масариком. Эта партия выдвинула оригинальную программу социально-экономического и политического развития чешских земель. Во главу угла реалисты ставили не традиционное для чешской буржуазии требование о признании чешского государственного исторического права, а ежедневную кропотливую работу, направленную на экономическое, культурное, духовное совершенствование чешской нации, что, по их мнению, должно было наилучшим образом подтвердить ее право на политическую самостоятельность.

Масарик еще в 1895 г. опубликовал работы «Чешский вопрос» и «Наш нынешний кризис», в которых подверг критике политику младочехов за отсутствие ясной программы, приверженность политическим догмам. Одним из первых он понял актуальность социальной проблематики в новых условиях и решения так

называемого «рабочего вопроса». Не соглашаясь с сутью марксистской теории социальных революций, Масарик активно выступал за необходимость урегулирования многих практических проблем, за расширение образования рабочих, совершенствование системы социального страхования и трудового законодательства, восьмичасовой рабочий день и т.д. В 1896 г. по его инициативе была основана Рабочая академия.

Реалисты выдвинули комплексную программу реформ, направленную на изменение системы самоуправления, реализация которой связывалась с широкой демократизацией чешского общества. Первым шагом в этом направлении должно было стать введение всеобщего избирательного права. Реалисты считали возможным и необходимым сотрудничество с социал-демократами.

ОТ НАЧАЛА ВЕКА ДО ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

В XX век Австро-Венгрия вступила в состоянии глубокого политического кризиса. С 1897 по 1914 г. в Цислейтании сменились 15 кабинетов. Они проводили непоследовательный политический курс, пытаясь путем отдельных реформ и внешнеполитических акций укрепить стабильность в государстве.

В политической практике чешской буржуазии постоянно сталкивались две противоположные тенденции — оппозиционная и проавстрийская. Это делало ее позицию колеблющейся от широкой парламентской обструкции до поддержки полуабсолютистских государственных форм правления. В 1900—1907 гг. происходит активизация борьбы за демократизацию государства, за введение всеобщего избирательного права. В 1908—1914 гг. чешская политическая элита серьезное внимание уделяет внешней политике монархии. В ходе политической борьбы перманентно создавались политические альянсы, имевшие, как правило, сугубо конкретные цели. В 1900 г. был образован Чешский национальный совет — общественно-политическая организация, стремившаяся к объединению чешских политических сил на основе общей национальной программы. В своей деятельности ЧНС ориентировался на государственно-правовую концепцию.

Введение всеобщего избирательного права и его политические последствия

Борьба за всеобщее избирательное право, рассматривавшаяся как первоочередная задача социал-демократами и левым крылом чешского буржуазного политического лагеря и принявшая под

влиянием российской революции 1905—1907 гг. массовый характер, закончилась победой. В конце 1906 г. был принят закон, вводивший всеобщее равное прямое и тайное избирательное право для мужчин старше 24 лет. Оно не распространялось на выборы в земские сеймы, на женщин и военнослужащих. Оставалась старая внутренняя структура парламента, сохранялся такой консервативный институт, как делегации двух частей империи, отстранявший большую часть парламента от решения важнейших государственных вопросов, относящихся к внешней, военной и финансовой политике.

На выборах в рейхсрат в мае 1907 г. произошло заметное перераспределение сил среди чешских буржуазных партий. Наиболее широко в парламенте были представлены аграрии (28 мандатов). Национальная партия свободомыслящих получила 18 мест. Программа младочехов, принятая на съезде в марте 1906 г., включала такие пункты, как достижение австро-чешского государственно-правового соглашения, реформа избирательного права в чешских землях, где сохранялась куриальная система, введение равноправия чешского и немецкого языков во всей системе управления чешских земель. 17 мест (7 в Чехии и 10 в Моравии) получила Католическая партия, образованная в июне 1906 г. Чешские мелкобуржуазные партии, объединившиеся в один блок, добились 9 мест, 2 мандата получили независимые депутаты. Реалисты, преобразовавшие свою партию в 1906 г. в Чешскую прогрессивную партию, имели 2 мандата. Среди немецких партий чешских земель наиболее сильные позиции имели аграрии (19 мандатов), за ними следовали либералы (14 мест), Народная немецкая партия получила 13, а национальные радикалы — 12 мандатов. Внутреннее развитие чешской политической жизни после выборов 1907 г. проходило под лозунгом «концентрации сил». С началом работы парламента чешские депутаты образовали Чешский клуб, принимавший обязательные для всех решения по национальным и государственно-правовым вопросам.

Политическое развитие чешских земель накануне первой мировой войны

На практике чешская буржуазно-политическая элита проводила так называемую «позитивную политику», направленную на укрепление экономических, политических и культурных позиций чехов. Определяющей чертой этой политики была реалистичность и осуществимость. Руководствуясь такими соображениями,

чешские представители осенью 1907 г. проголосовали за австро-венгерское финансово-экономическое Соглашение как весьма выгодное. Принцип полной свободы Цислейтании и Транслейтании в области внутренней торговли и проведение единой политики в сфере внешнеторговой деятельности соответствовал чешским планам.

Другой важной задачей для чешской буржуазии того времени была выработка собственной внешнеполитической концепции. Такой концепцией стал неославизм, строившийся на австро-русском сближении, учитывавший сильные позиции в чешских землях сторонников так называемого «традиционного русофильства». Лидер реалистов Масарик считал более правильной ориентацию на буржуазные демократии Запада — Англию и Францию. Общим для всей чешской буржуазии было стремление к экономическому освоению Балкан. Чешские политики придерживались курса на мирную экономическую экспансию в славянских землях Центральной и Юго-Восточной Европы. Именно поэтому аннексия Австро-Венгрией Боснии и Герцеговины в 1908 г. не получила в чешских землях однозначной оценки. Часть чешских политических лидеров увидела в этом акте расширение внутреннего рынка монархии, а некоторые группировки — усиление славянского элемента в империи. Однако большинство депутатов осудили великодержавный способ экспансии. Широкую международную огласку получило также участие Масарика в двух судебных процессах, где он поддерживал несправедливо обвиненных югославян.

С осени 1908 г. деятельность чешского сейма была парализована обструкцией депутатов-немцев. В ответ на решение кабинета о приостановке его работы чешские министры подали в отставку, что вызвало очередной парламентский кризис. Массовый и ожесточенный характер столкновений между чехами и немцами в Праге и окрестностях вынудил правительство ввести чрезвычайное положение в этом регионе. Свыше 250 отделений чешских демократических союзов и обществ были закрыты.

В 1909—1911 гг. центром оппозиции стал Славянский союз — объединение 125 славянских депутатов рейхсрата, 83 из которых были чехи. Этот блок представителей славянских буржуазных партий выступал против попыток Вены ослабить сепаратистские тенденции в империи. Для всего периода его деятельности была характерна тактика обструкции. В ходе чешско-немецких переговоров летом 1910 г. произошло объединение чешских парламентских фракций в Объединенный чешский клуб. Следствием

оппозиции депутатов-славян стал провал бюджета, ряда других законодательных актов. 30 марта 1911 рейхсрат был распущен.

На выборах 1911 г. чешские аграрии получили в рейхсрате 38 мест, младочехи сохранили прежние позиции, значительно увеличили влияние национальные социалисты, получившие 16 мандатов, клерикалы потеряли 10 мест, сохранив 7 мандатов в Моравии, а старочехи лишились шести мест. По одному мандату имели реалисты и Радикальная государственно-правовая партия. Самой крупной немецкой партией в чешских землях стали немецкие радикалы (22 мандата), усилили позиции и аграрии, добившись 21 места, либералы потеряли два, а Народная немецкая партия — четыре мандата.

В 1911—1914 гг., в период беспрерывных международных осложнений и активизации военных приготовлений в Европе и на Балканах, все шире развертывается в чешских землях массовое антивоенное движение.

Кризис в работе чешского сейма завершился его роспуском в июне 1913 г. Управление Чехией было передано комиссии австрийских сановников во главе с графом Шенборном. В марте 1914 г. был распущен и австрийский рейхсрат, правительство стало править без парламента на основе ст. 14 Конституции.

В определенных кругах чешской буржуазии стали разрабатываться проекты возможного решения чешского и словацкого вопросов вне империи Габсбургов.

ЧЕШСКАЯ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИЯ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX — НАЧАЛЕ XX в.

Конституция 1867 г. гарантировала право на образование союзов и обществ, хотя оно и ограничивалось административными мерами австрийского правительства. В 1870 г. был принят закон о коалициях, зафиксировавший право рабочих на организацию профессиональных союзов. Таким образом, в конце 60-х гг. XIX в. в Цислейтании появилась законодательная основа для развития легального рабочего движения.

Рабочее движение в конце 60 — начале 70-х гг. XIX в.

Характерными чертами формирующегося рабочего движения с начала 60-х гг. в чешских землях были его многонациональный состав и активное участие в общедемократической борьбе. Первой организацией австрийских трудящихся, в которой участвовали и чешские рабочие, стал Рабочий просветительский союз.

На его учредительном собрании (декабрь 1867 г.) присутствовало более 3000 человек. Одними из центров, в которых возникли рабочие организации, являлись Брно и Либерец. В последнем сложилась социал-демократическая группа «Старая гвардия». Ее возглавил Йозеф Болеслав Пецка (1849–1897). Широкую огласку получило подавление наиболее массовой стачки текстильщиков (в ней участвовало около 3500 человек) в северочешском г. Сварове (1870), 6 ее участников были расстреляны правительственными войсками, многие ранены.

В этот период чешские буржуазные партии стремились оказать как можно более широкое влияние на рабочее движение, рассматривая его в качестве одной из составных частей национальных сил. С 1868 г. в Чехии действовали общества «рабочей самопомощи» «Оул» («Улей»). Во главе их стоял представитель Национальной партии Ф. Хлеборад, видевший в развитии взаимопомощи путь к социальному миру. В 1871 г. в Чехии насчитывалось 279, а в Моравии 46 подобных обществ.

Чешские социалисты уже в конце 60-х гг. заявили о необходимости борьбы против влияния буржуазной идеологии на социалистическое движение. Процесс формирования революционных рабочих партий ускорила Парижская Коммуна. Распространению идей марксизма способствовала деятельность Л. Запотоцкого (1852–1916), сотрудника первого печатного органа чешских социалистов газеты «Делницке листы» («Рабочая газета»), выходившей с 1872 г.

В апреле 1874 г. в Нойдорфле была образована Социал-демократическая рабочая партия Австрии (СДРПА), на учредительном съезде которой присутствовало 10 чешских представителей. Она исповедовала принципы I Интернационала, призывала к классовой борьбе, признавала право наций на самоопределение. После 1874 г. рабочее и социалистическое движения приобретают организованный характер.

Образование Чехославянской социал-демократической рабочей партии

Однако преследования со стороны властей, конфликты и разногласия по вопросам тактики и стратегии движения внутри партии, идейный разброд вынудили руководство СДРПА выступить с рекомендациями о создании территориальных организаций. В 1878 г. чешскими социал-демократами была учреждена Чехославянская социал-демократическая рабочая партия. В основу принятого Учредительным съездом документа была положена Готская программа. В нем содержался пункт о праве наций на

самоопределение, а освобождение трудящихся рассматривалось как социальная задача.

В начале 80-х гг. социалистическое движение в чешских землях переживает организационный раскол. Острые идейно-политические разногласия привели к распаду Чехославянской социал-демократической рабочей партии на радикалов (Либерец), которым были присущи анархизм, отказ от борьбы за повседневные требования, и умеренных (Моравия), акцентировавших внимание на достижении экономических задач.

Начало объединительному процессу положил выход в августе 1885 г. в Брно нового печатного органа — социал-демократического журнала «Ровност» («Равноправие»). В конце 1887 г. состоялся съезд чешских социал-демократов, принявший программу, разработанную Й. Хыбешем. В ней были сформулированы требования всеобщего избирательного права, неукоснительного соблюдения гражданских прав и свобод. Конечной целью провозглашалась ликвидация эксплуататорского строя.

Тенденция к сближению, наметившаяся во второй половине 80-х гг., когда чешские социалисты первыми встали на путь преодоления раскола австрийской социал-демократии, привела к объединению социалистических партий австрийской части монархии. Этот процесс происходил под знаком интернационализма. 30 декабря 1888 — 1 января 1889 г. в Хайнфельде состоялся объединительный съезд социалистических организаций Цислейтании. В принятой съездом программе указывалось на многонациональный состав социалистического движения, говорилось об интернационалистском духе, который должен был пронизывать всю последующую деятельность социал-демократии. Провозглашалась необходимость установления социалистического общества. Политическая демократизация страны, прежде всего введение всеобщего избирательного права, принятие трудового законодательства, защищающего интересы трудящихся, были выдвинуты в качестве ближайших целей движения. Буржуазный парламентаризм квалифицировался как «современная форма классового господства».

С начала 90-х гг. чешские социал-демократы все более настойчиво проводят линию на образование собственной национальной самостоятельной организации.

Федерализация австрийской социал-демократии

На V общеавстрийском съезде (Прага, 5—11 апреля 1896 г.) начался, а на VI (Вена, июнь 1897 г.) организационно оформился процесс федерализации единого социал-демократического

движения в Цислейтании. Образование шести самостоятельных социал-демократических партий (австрийской, чешской, польской, итальянской, югославянской и с 1899 г. русинской) объяснялось стремлением выработать собственную тактику применительно к национальным условиям. Связующее звено составляли Центральный комитет и съезд. Сохранилось и программное единство. Реорганизация общеавстрийской социал-демократии произошла на основе принципа полного равноправия национальных организаций по отношению к друг другу и австрийскому центру.

Вторая половина 90-х гг. отмечена ростом забастовочного движения. Забастовками были охвачены все крупные промышленные центры: Прага, Брно, Пльзень, Либерец и др. Особым упорством отличалось выступление текстильщиков в 1898 г. Многочисленные демонстрации протеста, первомайские манифестации, стачки, вершиной которых стала всеобщая стачка горняков в 1900 г., свидетельствовали, что на рубеже XIX–XX вв. чешский рабочий класс представлял собой реальную политическую силу, с которой вынуждена была считаться не только собственная, но и австронемецкая буржуазия.

Чешские социалисты, добившись перестройки социалистического движения на национальной основе, считали необходимым сочетать борьбу за национальные права и равноправие народов с интернационализмом. Однако заявления о верности интернационализму в конкретной ситуации конца 90-х гг. на фоне все разгоравшейся национальной вражды носили декларативный характер. В марте 1897 г. 5 чешских социал-демократов впервые были избраны в австрийский рейхсрат. С трибуны парламента они выразили протест против государственно-правовой программы чешского буржуазного политического лагеря, выступили с требованием равноправия народов, заявили о непримиримых противоречиях между пролетарской и буржуазной идеологиями.

Принятие национальной программы (1899)

В 1899 г. австрийская социал-демократия на съезде в Брно (Брюнне) приняла национальную программу. Она являлась первой попыткой решить национальный вопрос в условиях многонационального государства. Идеалом социалистов было преобразование Австрии в союз государств, в федерацию национальных самоуправляющихся единиц.

Заметное влияние на практическую деятельность социал-демократии оказала доктрина культурно-национальной автономии. Согласно этой доктрине право наций на самоопределение

касалось только определенных сфер общественной жизни, прежде всего культуры и образования. Сторонники культурно-национальной автономии исходили из убеждения о целесообразности существующего государственного единства. Только в таких условиях, считали они, можно обеспечить гарантии экономического и социального развития всего населения монархии.

В начале XX в. главная линия политики чешских социал-демократов строилась исходя из общенациональных интересов, а не задач пролетариата всей страны. Введение всеобщего избирательного права должно было привести к реорганизации управления на местах, обеспечить необходимое представительство трудящихся в парламенте и снять остроту национальных противоречий.

Революция 1905—1907 гг. в России усилила боевой дух чешского пролетариата. Был создан специальный «Фонд помощи русской революции». По всей Чехии прошли массовые митинги и демонстрации солидарности. Массовый характер приобрела борьба за всеобщее избирательное право, которая завершилась победой.

Выборы 1907 г. продемонстрировали значительный успех социал-демократов, получивших 87 депутатских мест, из которых 24 мандата имели чехи; 21 мандатом располагали немецкие социал-демократы чешских земель.

В условиях нового подъема рабочего движения в чешских землях в 1910 г. произошло разделение профсоюзов на чешские и немецкие. Сторонники единства профсоюзного движения — централисты — были исключены из членов Чехославянской социал-демократической рабочей партии. В 1911 г. они образовали немногочисленную Чешскую социал-демократическую рабочую партию Австрии во главе с П. Цингром, которая была признана II Интернационалом.

На последнем предвоенном съезде, состоявшемся в 1913 г., чешские социалисты вновь подтвердили свою убежденность в целесообразности и необходимости преобразования Цислейтании в демократическую федерацию национальностей.

ЧЕШСКАЯ КУЛЬТУРА ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX — НАЧАЛА XX в.

Система образования. Наука

Во второй половине XIX — начале XX в. в качестве инструмента для придания культуре национального характера рассматривалось образование. К концу XIX в. система образования в чешских землях представляла собой многоступенчатую структуру,

сложившуюся в результате многочисленных преобразований. Наиболее значительными были реформы школы в 1849 г. и в конце 60-х гг. Они ввели, а затем закрепили принцип всеобщего и обязательного школьного обучения для детей с шести лет. Конституция 1867 г. провозглашала свободу и равноправие наций в школе, подтвердила право контроля государства за деятельностью школ. Закон 1868 г. ликвидировал конкордат государства и церкви от 1855 г., отменил контроль последней над содержанием учебников, поведением учеников и преподавателей. Школьный закон 1869 г. существенно увеличил объем обязательного школьного курса. В результате принятых мер в 90-е гг. XIX в. чехи по уровню генерационной грамотности обгоняют немцев, на рубеже веков они занимают первое место в империи по уровню общей грамотности.

С середины XIX в. одной из целей работы школы становится повышение уровня всеобщего образования. Так, классические гимназии готовили выпускников к поступлению в университеты, реальные гимназии и торговые академии давали глубокие профессиональные знания. Новое поколение, кроме того, было ориентировано на проведение активной чешской политики. В этот период издаются на чешском языке монографии чешских ученых, переводы учебной литературы и произведений классики с других языков, научные словари, специальные журналы, учебники, книги для детей. Особенно активно проводит эту деятельность Матица Чешская.

В результате большой и плодотворной работы была значительно пополнена лексика чешского языка. Причем при подготовке большинства книг по различным отраслям знаний их авторы явно отошли от пуристских взглядов Юнгманна, широко используя общепринятые европейские научные термины, кодифицировали ряд новообразований. В середине XIX в. были созданы предпосылки для овладения чехами основами всех отраслей знания на чешском языке.

В 80-е гг. XIX в. чешский язык становится языком обучения на всех ступенях системы образования. Просвещение, нравственное развитие народа рассматриваются как главная задача культуры. Разделение в 1882 г. Пражского университета на чешский и немецкий стало основой процесса консолидации национальной интеллигенции. Появление самостоятельного чешского высшего учебного заведения способствовало притоку в науку новых сил, превращению Карлова университета в крупный научный центр. Придать отечественной науке европейский уровень стремились языковед Я. Гебауэр, историк Я. Голл, социолог Т.Г. Масарик,

искусствовед и эстетик О. Гостинский и др. В 1890 г. была образована Чешская Академия наук, словесности и искусств. Она взяла на себя публикацию источников и историографических работ. На рубеже веков началась борьба за основание второго чешского университета в Брно, за увеличение числа чешских учебных заведений в Моравии.

В конце XIX в. ведущие позиции в исторической науке заняла позитивистская школа, представленная тремя поколениями учеников выдающегося чешского историка Я. Голла и ориентированная на фундаментальные аналитические исследования. В этот период шло становление историко-социологического направления, на развитие которого определяющее влияние оказал Т.Г. Масарик. В начале XX в. развернулась научная деятельность Л. Нидерле, характеризовавшаяся творческим подходом к изучению прошлого славянских народов. Широкую известность получили работы Я. Влчека по истории чешской литературы.

Значительным вкладом в развитие естествознания явилось открытие биологом Я.Е. Пуркине клеточного ядра и создание кинескопа. Г. Мендель стал первооткрывателем законов наследственности. Высокий уровень развития промышленности, быстрая модернизация производства способствовали тому, что чешские ученые и инженеры явились новаторами во многих отраслях техники и технологии производства. Большую известность получили паровые машины инженеров «пражской школы».

В середине XIX в. о чешской национальной культуре можно говорить как о системе. В художественных произведениях, образах на первый план выдвигается тема народа. Общенациональным делом стало строительство Национального театра. Его торжественная закладка в 1868 г. превратилась в грандиозную манифестацию десятков тысяч людей. К проектированию и оформлению здания, выработке репертуара после открытия театра в 1883 г. (в 1881 г. здание сгорело) была привлечена плеяда чешских мастеров — художники М. Алеш, Ф. Женишек, скульптор Й.В. Мыслбек и др.

Литература, живопись, музыка

60-е гг. — период национального подъема — стали эпохой расцвета национального искусства. В своих произведениях чешские писатели-реалисты выступали против национального и социального неравенства. Так, Ян Неруда (1834–1891) в «Песнях страстной пятницы» (1882–1887) призывал к борьбе за счастливое будущее. В поэтических циклах «Сельские песни», «Чешские сонеты»,

«Чешские песни» воспевал жизнь деревни С. Чех (1846–1908). Истории борьбы чехов за сохранение своей независимости посвящены романы-эпопеи А. Ирасека (1851–1930). Его исторические романы о гуситах «Между течениями», «Против всех», написанные с использованием древних рукописей и документов, имели открытую патриотическую направленность.

Поэтизация мифов, легенд и деревенской жизни характерна для большинства произведений художника и иллюстратора Й. Манеса (1820–1871). Его кисти принадлежат цикл картин «Времена года» для башенных часов Пражской ратуши, иллюстрации к народным сказкам и преданиям, Краледворской рукописи и др. Творчество Манеса, многогранное по жанровой направленности, открыло новый период в развитии чешской исторической, бытовой и пейзажной школы живописи.

Традиции Манеса продолжил М. Алеш (1852–1913), художник-карикатурист и иллюстратор, воссоздавший в своих образах гуситских героев. Его циклы «Родина», «Жизнь старых славян» пронизаны национальным духом. Творчество этого художника оказало серьезное влияние на утверждение принципов реализма в живописи.

Известным представителем реализма XIX в. стал скульптор и педагог Й.В. Мыслбек (1848–1922). Его творческая манера формировалась под влиянием романтизма Манеса, произведений поздней античности, французских монументалистов того времени и эволюционировала в сторону неоклассики. Создатель знаменитой конной статуи св. Вацлава в Праге (1888–1913), он ваял также декоративные скульптуры, портреты знаменитых чешских современников (Б. Сметаны).

Основоположником чешской оперы стал композитор, дирижер, пианист, музыкальный общественный деятель и критик Б. Сметана (1824–1884). Оперы композитора «Бранденбуржцы в Чехии» (1863), «Проданная невеста» (1866), «Далибор», шесть программных симфонических поэм «Моя Родина», «Чешские танцы» служили патриотическому и музыкальному воспитанию народа на близких и понятных ему образах, отличаясь народным характером музыки. Основателем чешской национальной музыки вместе со Сметаной был А. Дворжак (1841–1904). Особенностью его сочинений являлось широкое использование народных мотивов. Наиболее известны «Славянские танцы» Дворжака.

Вместе с тем в середине 60-х гг. прозвучало (например, в альманахе «Лада Ниола») требование обогатить чешскую литературу общечеловеческими идеалами. Мысль о тесной связи чешской литературы с литературой мировой не означала отказа от

национальной тематики и от сохранения национального своеобразия. Идея о том, что чешский народ должен оставаться патриотом и в то же время принадлежать к мировому сообществу, становится программной у многих представителей чешской культуры. Острые дискуссии в чешских землях о признаках современности искусства, о слабых и сильных сторонах его реалистической концепции характерны для всей второй половины XIX в.

В конце 1880-х — 1914 г. в литературной жизни Европы наблюдалось несколько течений. Реализм уступил место новым тенденциям. Причем в чешских землях общеевропейские процессы получили свою национальную интерпретацию. На уровне политических программ была сформулирована цель культуры — развивать гармоническую, всесторонне образованную личность, способную к самостоятельным суждениям об искусстве. Прямолинейные попытки свести все богатство функций искусства к этическим или же политическим принципам, когда литература и искусство в целом были призваны служить в первую очередь нравственности, рассматривать литературу как выразительницу общественных интересов, вызвали у поколения 90-х гг. стремление найти новые идеалы.

Индивидуалистическая идеология нашла выражение в символизме и декадентстве. Опубликованный в 1895 г. манифест «Чешской модерны», провозгласивший в качестве источника и критерия литературной деятельности внутреннюю правду творческой индивидуальности, свидетельствовал, что модернизм в Чехии имел яркую национальную окраску. Манифест резко осуждал эклектизм, дилетантизм, иллюстративность и утилитарность таких авторов, как драматург, прозаик, переводчик Я. Врхлицкий, поэт, редактор журнала «Люмир» Й. Сладек, а также модные течения «искусства для искусства».

Новое направление в искусстве связано с творчеством художника и графика, мастера портретной живописи М. Швабинского (1873—1962). В пейзажах, росписях, графических работах он сочетал жизнеутверждающий реализм с символикой и аллегорией. Чувственный импрессионизм был основой живописи известнейшего чешского художника А. Славичека (1870—1910), воспевавшего красоту пражских улиц, набережных и садов. После поездки в Париж он написал известнейшие полотна «Вид Праги с Летны», «Собор святого Вита» и др. Наиболее крупным чешским скульптором этого периода был Я. Штурса (1880—1925) — основатель чешской современной скульптуры, последователь реалистической традиции, учитывавший импрессионистические тенденции эпохи.

На рубеже веков начал творить музыкант и педагог В. Новак (1870—1949), один из основателей чешской музыкальной педагогики, профессор Пражской консерватории, ученик Дворжака. Синтезировав национальные музыкальные традиции и элементы импрессионизма, он выработал свой собственный стиль. Им написаны произведения для фортепьяно (цикл «Пан»), камерных оркестров, симфонии и сюиты, оперы и др. Наиболее известным за границей чешским композитором наряду со Сметаной и Дворжаком был Л. Яначек (1854—1928), долгое время работавший в Брно, изучавший моравский фольклор. Яначек — автор девяти опер, балета, рапсодии «Тарас Бульба» и многих других сочинений.

СЛОВАКИЯ В НОВОЕ ВРЕМЯ

В конце XVIII — начале XIX в. развитие словацкого народа проходило уже в достаточно определенных культурных и этнических границах в рамках Венгерского королевства, входившего в состав монархии Габсбургов. Словацкая экономика находилась в зависимости от общевенгерского уровня экономического развития, а общественная жизнь словаков — от общеполитического движения венгров.

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ СЛОВАКИИ В КОНЦЕ XVIII – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX в.

Промышленный переворот. Социальная структура общества

На рубеже XVIII–XIX вв. на территории Словакии наметилось оживление мануфактурного производства. Появлялись кожевенные, фаянсовые, металлургические мануфактуры. После наполеоновских войн этот процесс усилился, стали возникать и относительно крупные фабрики. Характер их деятельности, масштабы производства определялись внедрением паровых машин, центрами по производству которых были чешские города Брно и Витковице. Однако до конца 40-х гг. XIX в. в экономике словацких комитатов преобладали цеховое ремесло и сельские промыслы.

Промышленный переворот в Словакии, начавшийся в 40-е гг., затронул прежде всего пищевую отрасль, главным образом сахароварение и мукомольное дело. Ведущей отраслью оставалось производство железа. Сложившимися центрами ее были Спишская область и Восточная Словакия. Быстрые темпы набирала и добыча драгоценных металлов.

Преимущественно аграрный характер экономики тормозил развитие городов, городского образа жизни, замедлял процесс проникновения капиталистических элементов в экономику, что

сдерживало рост словацкой буржуазии и пролетариата. Отсутствие общепризнанных национальных центров ослабляло воздействие факторов, объединяющих нацию. Братислава располагалась на окраине словацкой этнической территории и являлась местом активной политической жизни Венгерского королевства, здесь заседало Государственное собрание. В известной мере это изолировало ее от национального движения.

Крупные и средние помещики в Словакии составляли часть венгерского господствующего класса. Довольно многочисленный слой мелких землевладельцев, так называемых «земанов», словаков по происхождению, хотя и обладал привилегиями венгерского дворянства, не утратил полностью национальных черт. Он и стал одним из источников формирования национальной интеллигенции.

Крестьянство в своей массе было малоземельным (полный крестьянский надел составлял 6 га) и безземельным. Процесс разорения крестьянских хозяйств высвобождал рабочие руки, которые не могли найти применения в городах. Начался отток словацкого населения в другие регионы Австрийской империи, затем и за ее пределы.

НАЦИОНАЛЬНОЕ ДВИЖЕНИЕ В КОНЦЕ XVIII — ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX в.

Начало национального Возрождения

Словацкое национальное движение в конце XVIII — первой половине XIX в. переживало сложную ситуацию. С одной стороны, оно должно было противостоять растущим мадьяризаторским тенденциям, а с другой — находилось в стадии раздробленности.

Для первого этапа словацкого национального Возрождения (от 80-х гг. XVIII в. до 30-х гг. XIX в.) характерно преобладание просветительских идей. Внимание к школьному делу, наукам и искусству приводит к тому, что образованность распространяется на более широкие слои населения. Велось строительство народных школ, изменялось содержание образования, открывались технические и профессиональные школы. Современным требованиям к образованию отвечал Трнавский университет, основанный в 1655 г., где был открыт медицинский факультет.

Убежденность просветителей в тесной взаимосвязи глубоких знаний об историческом прошлом, массовой образованности и развитой литературы, с одной стороны, и степени участия того

или иного народа в политической жизни — с другой, стимулировало особое внимание к истории.

Интерес словацких просветителей к прошлому привел к появлению трудов, пробуждавших патриотические чувства словаков, раскрывавших их историческое место в Центральной Европе. В «Истории словацкого народа», вышедшей в 1780 г. на латинском языке, ее автор Ю. Папанек отстаивал мысль об автохтонности словаков. Его последователи пытались определить границы словацкой этнической территории, связать историю словацкого народа с традициями Великой Моравии. Весьма высоко оценивалась ими кирилло-мефодиевская миссия в деле распространения христианства и христианской культуры. Что же касается венгерского завоевания, то они отказывались признать факт полного подчинения Словакии, настаивая на восприятии их предками венгров как своих гостей. Эти взгляды постепенно проникали в литературу и национальное самосознание.

Борьба за кодификацию словацкого литературного языка

До конца XVIII в. словаки не имели собственного литературного языка. Словацкая образованность развивалась в русле католической или евангелической церковности. Словацкие образованные протестанты-евангелисты пропагандировали чешский язык в его ортодоксальном варианте, канонизированном переводом «Кралицкой библии», — так называемую «библичтину». Они отстаивали языковое и литературное единство с чехами. Наиболее известными среди них были Юрай Палкович и Б. Таблиц. Пользовались «библичтиной» средние сословия, в то время как представители политической и культурной элиты писали на латыни.

Католики, а ими являлось большинство словаков, испытывали сильное влияние разговорного словацкого языка, преимущественно западнословацкого диалекта.

В конце 80-х гг. братиславские католические богословы разработали план развития словацкого языка. Антон Бернолак (1762–1813) подготовил первую словацкую «Грамматику» (1790), дополнив западнословацкий диалект элементами среднесловацкого. Эта норма, «бернолачтина», использовалась в среде католиков до середины XIX в., в частности, на ней изданы труды крупнейшего словацкого поэта-классика Яна Голлого (1785–1849). Посмертное издание шеститомного «Словацко-чешско-латинско-немецко-мадьярского словаря» Бернолака свидетельствовало о больших

перспективах письменного словацкого языка, а литературная деятельность бернолаковцев показала оправданность их усилий в движении за признание прав словаков.

Против кодификации словацкого литературного языка выступили уже авторитетные к тому времени словаки — поэт Ян Коллар и филолог Павел Шафарик и их сторонники. Они полагали, что отказ от чешского языка как языка письменности у словаков окажет негативное влияние на идею чешско-словацкого единства, еще более ослабит позиции соотечественников в монархии Габсбургов.

После длительной борьбы словацким евангелистам удалось в 1803 г. открыть в Братиславском лицее кафедру чешско-словацкого языка и литературы. Ее возглавил Юрай Палкович (1769–1850) — поэт, переводчик, издатель, организатор культурной жизни.

Ян Коллар

Последовательным борцом за этническое, языковое и литературное сближение словаков с чехами был известный поэт Ян Коллар (1793–1852). Проповедник словацкой евангелической общины в Пеште, в конце жизни профессор славянской археологии в Вене, он обосновал теорию «единого чехословацкого племени» и языкового и культурного единства чехов и словаков. С его именем связана разработка концепции духовного единства славян и программы сближения славянских народов в сфере культуры. Основные их положения были сформулированы Колларом в поэме «Дочь Славы» (1824) и развернуты им в трактате «О литературной взаимности между племенами и наречиями славянскими» (1836), получившем известность после публикации в 1837 г. на немецком языке. Сформулированная Колларом концепция строилась на принципах гуманизма. Идея о принадлежности словаков к огромному миру славянства помогла им поверить в свои силы и с оптимизмом смотреть в будущее.

Первым общесловацким центром стало Общество любителей словацкого языка и литературы, появившееся в 1834 г. в Буде. В альманахе «Зора» («Заря») его члены пытались найти компромисс между различными течениями патриотически настроенной интеллигенции, стремились сблизить две языковые традиции, печатая статьи на «бернолачтине» и «библичтине». Несмотря на то что Общество не имело серьезной материальной поддержки и не нашло значительного числа сторонников искусственного языка, оно просуществовало 10 лет.

В начале 40-х гг. XIX в. официальный курс венгерской правящей элиты, в частности принятие законов о введении венгерского языка в качестве языка законодательства, официальной деловой жизни и образования во всем королевстве, вызывает тревогу у словацких патриотов. Вскоре были закрыты кафедра чешско-словацкого языка в Братиславском лицее, словацкая гимназия в Левоче.

Людовит Штур

В таких условиях противостояние двух течений словацкого патриотического движения, их соперничество на страницах литературных изданий, замкнутость на себя встречают осуждение молодых словаков. Они вышли на арену политической жизни во второй половине 30-х гг. и представляли третье поколение будителей. С их деятельностью связывается новый этап словацкого национального Возрождения. Это поколение получило свое название — «штуровцы» — по имени известного словацкого общественного деятеля Людовита Штура (1815–1856). Поэт, философ, историк и лингвист Штур стал одной из наиболее крупных фигур словацкого национального Возрождения середины XIX в. Важнейшее значение для развития словаков имела языковая реформа. Штур и его сторонники предложили новый литературный язык, основанный на разговорной лексике среднесловацких говоров. Именно на этом языке стала развиваться словацкая национальная литература.

Основание штуровцами культурно-просветительного общества «Татрин» (1844), создание первой словацкой газеты «Словенске народне новины» («Словацкая национальная газета») с литературным приложением, выходившей с 1845 г. на новом кодифицированном языке, были призваны преодолеть конфессиональную разобщенность словаков, выработать единую национальную идеологию.

Штур попытался пересмотреть существовавшие трактовки идеи славянской общности. В созданной им интерпретации он отказался от высказанного Колларом представления о славянстве как четырехчленной структуре с «чехословацким племенем» внутри нее. Штур настаивал на новом понимании славянского мира, в основу которого положил принцип «единства в многообразии». При этом он рассматривал словаков как самостоятельный самобытный народ. Все свои силы, организаторский талант Штур направил на пробуждение и развитие у словаков национального самосознания. Его просветительская деятельность преследовала

цель расширить образованность и культуру, внедрить свой вариант словацкого литературного языка, отстоять его и снять обвинения в сепаратизме, которые особенно активно раздавались со стороны чешских общественных деятелей.

СЛОВАКИ В РЕВОЛЮЦИИ 1848–1849 гг.

«Требования словацкого народа»

Начавшаяся в марте 1848 г. в Австрийской империи революция была восторженно встречена штуровцами и другими представителями словацкой интеллигенции, увидевшими в ней возможность углубить и реализовать разработанную ими к 1847 г. программу. Изначально помимо национальных они пытались включить в нее и социально-экономические требования. Так, Штур, участвовавший в работе венгерского Государственного собрания в ноябре 1847 г., настаивал на ликвидации привилегий дворянства и освобождении крестьян за выкуп. Большое значение уделял он реформированию всей политической системы Венгерского королевства, разработке новой конституции, принятию демократических законов, развитию системы образования на национальном языке.

Позиция словацких общественных деятелей в ходе революции во многом определялась политикой Вены и Будапешта, в частности противостоянием венгерских революционных сил и консервативной линией венского двора, ходом освободительных движений других народов Венгерского королевства и всей Австрийской империи.

Массовые крестьянские волнения, прокатившиеся почти по всей территории Словакии, свидетельствовали о социальной напряженности в этом регионе. Политическую активность проявили широкие слои словацкого населения.

Решающее влияние на развитие революционного процесса в Словакии оказал тот факт, что руководители венгерского национального движения полностью игнорировали национальные права народов, проживавших в королевстве.

На демократическое преобразование жизни словаков был нацелен важнейший программный документ «Требования словацкого народа». Он был разработан Штуром и его единомышленниками в марте—апреле 1848 г. и одобрен в мае в городке Липтовски-св. Микулаш на многочисленном собрании словаков из различных комитатов. Принятая собранием петиция к императору и венгерскому правительству содержала такие требования,

как признание самобытности и национальных прав словацкого народа, введение словацкого языка в учреждениях и системе образования, созыв словацкого сейма для обсуждения и решения не только местных дел, но и общегосударственных вопросов, ликвидация феодальных повинностей для всех категорий крестьян, демократизация общественной и политической жизни. Заявление о политической лояльности, содержащееся в петиции, не оказало должного воздействия на революционное венгерское правительство. Наиболее известные авторы первой словацкой государственно-правовой программы Л. Штур, М. Годжа, Й.М. Гурбан вынуждены были покинуть королевство и переехать в Прагу. Здесь Штур, принявший активное участие в подготовке славянского съезда, попытался оспорить тезис Палацкого о целесообразности сохранения австрийского государства и «немецкой династии» Габсбургов.

Словацкий национальный совет. Первый и второй походы словацких добровольцев

Во время Пражского восстания Штур, Годжа и Гурбан стали его непосредственными участниками. Отказ венгерских революционеров признать права словаков вынудил словацких лидеров пойти на сближение с династией. В сентябре 1848 г. в Вене они создали Словацкий национальный совет, заявивший об автономии Словакии в рамках Венгерского королевства, и сформировали словацкий добровольческий отряд для борьбы против венгров. В сложной политической ситуации отряд словацких добровольцев выступил (17.9.1848) на стороне правительственных сил против Венгрии. Однако первое выступление добровольческого отряда закончилось поражением.

Второй поход добровольческого отряда словаков (ок. 2 тыс. чел.), предпринятый в декабре 1848 г., также встретил ожесточенное сопротивление венгерской революционной армии. Австрийское правительство использовало его в политических целях против венгерской революции.

После подавления с помощью русских регулярных войск революции в Венгерском королевстве Вена даже не упоминала об автономии словаков. В марте 1849 г. представители Словацкого национального совета обратились к австрийскому императору с петицией, содержащей требование словацкой автономии на основе этнического принципа в рамках Австрийской империи. Однако австрийское правительство использовало победу над венгерской революцией лишь для укрепления собственных позиций. Началась

новая централизация империи. Политическая программа— получение автономии — не была словаками достигнута, она оставалась их главным политическим лозунгом вплоть до первой мировой войны.

СЛОВАКИЯ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX в.

Социально-экономическое развитие

Специфика экономического развития Австрийской империи состояла в том, что Словакия являлась аграрным придатком промышленных регионов. Ее экономическую основу составляло сельское хозяйство. Отмена барщины в королевстве была провозглашена венгерским революционным правительством в ходе революции 1848—1849 гг. После поражения революции австрийские власти не упразднили этого акта. В 1853 г. был издан патент, отменявший барщину урбариальных крестьян, владельцев наследственных наделов.

Во второй половине XIX в. в Словакии происходила интенсификация и специализация сельскохозяйственного производства, увеличивался посев технических культур, прежде всего табака, сахарной свеклы и кукурузы. Важное место занимала пищевая промышленность, а также табачная, стекольная, бумажная и деревообрабатывающая отрасли, где преобладало мелкое производство. При этом Словакия оставалась одним из основных районов по добыче железной руды, в горном деле была занята четверть словацких рабочих.

В 50-е гг. в словацких городах появились первые кредитные и экономические общества, позднее в Братиславе, Левоче, Банска-Бистрице были созданы филиалы пештских банков. В последней трети XIX в. все более заметную роль играют кредитные организации. В 1885 г. был создан первый словацкий банк «Татра» в Мартине. До 1918 г. он являлся центром словацкого финансового национального движения, поддерживал мелкое и среднее сельскохозяйственное и промышленное производство, торговлю. Опираясь на его помощь, словацкие предприниматели сделали попытку овладеть национальным рынком. Богатые природные ресурсы, наличие дешевой рабочей силы открывали хорошие перспективы.

В последней трети XIX в. Словакия поставляла около трех четвертей добываемой в Венгрии железной руды, большое значение получила добыча меди и серебра. Рос экспорт леса, устойчиво развивалась бумажная отрасль. Здесь находилось более 65% химической промышленности Транслейтании. Для вывоза словацкой

продукции был открыт австрийский рынок, бумажные изделия экспортировались в Румынию, Россию и Германию.

В 90-е гг. XIX в. словацким предпринимателям удалось создать несколько акционерных промышленных предприятий.

Однако и в конце XIX в. в руках словацких предпринимателей находились в основном заведения ремесленного характера. В деревне продолжалось разорение мелких и средних земельных собственников, чему способствовал кризис 70-х гг. и конкуренция дешевой сельскохозяйственной продукции из других стран.

Процесс формирования современных классов шел крайне медленно, по-прежнему преобладало сельское население. Выразителями национальных устремлений стали мелкая сельская буржуазия и словацкая интеллигенция, происходившая из мелкобуржуазной крестьянской и духовной среды. К 60-м гг. XIX в. священники и учителя постепенно уступают ведущее место в национальном движении представителям других профессий.

Политическая ситуация в 50-е гг. XIX в. «Славянство и мир будущего» Л. Штура

После поражения революции в Венгерском королевстве была введена фактически военная диктатура. Всю систему управления этой огромной территорией взяла на себя Вена. Немецкий язык стал официальным языком во всей монархии. В словацких районах в государственных учреждениях мог использоваться словацкий язык. На нем велось преподавание в народных школах и некоторых средних учебных заведениях. Вновь ожили надежды сторонников введения «библичтины», так как их устремления нашли поддержку у венского правительства. Этому обстоятельству немало способствовало и то, что Ян Коллар стал советником при правительстве по словацким делам. В 1850 г. на «библичтине» по решению властей стала выходить газета «Словенске новины» («Словацкая газета»), которую издавали сторонники певца славянской взаимности Яна Коллара.

Однако основная масса словацкой интеллигенции отстаивала штуровские принципы. В октябре 1851 г. в Братиславе состоялась встреча католических и евангелических сторонников словацкого языка, на которой было принято решение о введении словацкого литературного языка и разработке правописания. Автором новой словацкой грамматики стал языковед Мартин Гаттала. Словацкий язык на народной основе окончательно утвердился в жизни словаков в 50–60-е гг. XIX в.

Разочарование в результатах революции 1848–1849 гг. способствовало временному оживлению у Штура симпатий к

славянофильским представлениям о самобытности и особых путях исторического развития славян. Лишенный возможности участвовать в общественной жизни, он много писал. В сочинении «Славянство и мир будущего» (1851) Штур высказался за объединение славян во главе с сильной и свободной Россией. Он считал, что «мир будущего» принадлежит славянам, тогда как неславянские народы ждет эпоха упадка. Задача славянских лидеров, по его мысли, состояла в том, чтобы устранить «чуждые влияния» на славянство. Под ними Штур понимал материализм, идеи коммунизма и революции. Он воспевал истинно славянские формы быта в России и восхвалял православие, считая, что оно может стать господствующей религией в будущем славянском государстве. Кроме того, по его мнению, славянам следовало принять единый литературный язык, которым мог стать только русский.

В январе 1856 г. после случайного ранения на охоте Штур умер в возрасте 40 лет.

60-е гг. XIX в. — НОВЫЙ ЭТАП СЛОВАЦКОГО НАЦИОНАЛЬНОГО ДВИЖЕНИЯ

В связи с конституционными изменениями государственного устройства Австрийской империи в начале 60-х гг. наблюдается новая волна активности словацких национальных деятелей. Согласно Октябрьскому диплому 1860 г. и Февральскому патенту 1861 г. в Венгерском королевстве восстанавливалось Государственное собрание. Подготовка к выборам заметно оживила общественную жизнь.

«Меморандум словацкого народа». Словацкая Матица

Программа словацкого национального движения была сформулирована на многочисленном форуме посланцев большинства словацких городов и сел в июне 1861 г. в городе Мартине. Она получила название Меморандум словацкого народа. Ее авторами были Штефан Дакснер и Ян Францисци. Основным требованием Меморандума являлось признание национальной самобытности словацкого народа и введение автономии словацкой этнической территории, Словацкого околья, или «дистрикта», в пределах Венгерского королевства. Здесь должны были действовать собственный законодательный сейм, администрация, судопроизводство, национальное образование всех ступеней. Предлагалось ввести словацкий язык в начальной и средней школе, суде,

церковном богослужении, местных органах управления, предоставить свободу действий культурно-просветительским, экономическим и литературным обществам. В качестве официального языка всего Венгерского королевства признавался венгерский. На этом же собрании было решено основать Словацкую Матицу.

После неудачной попытки добиться рассмотрения «Меморандума» венгерским Государственным собранием словаки обратились с петицией непосредственно к императору Францу-Иосифу. На фоне ухудшавшихся австро-венгерских отношений невенгерским народам королевства были сделаны некоторые уступки. Так, словаки получили разрешение на открытие трех словацких гимназий и основание Словацкой Матицы как культурно-просветительного общества.

Торжественное открытие Матицы, созданной на средства, собранные путем добровольных пожертвований и взносов (весьма значительным был дар императора), состоялось 4 августа 1863 г. — в памятные дни празднования тысячелетия миссии Константина и Мефодия в Великой Моравии. Все ее усилия были направлены на пробуждение национального самосознания словаков. В 60-е гг. это была единственная общенациональная организация словаков, функционировавшая легально. Она всемерно поддерживала развитие словацкой культуры, литературы, искусства, науки.

Старая и Новая школы

Еще в период подготовки Меморандума часть словацких общественных деятелей выступила против претензий венгров на господство в государстве. Во главе течения, получившего название Старая школа или меморандисты, были Й. Гурбан, Ш. Дакснер, Я. Францисци, епископ Штефан Мойзес, которые опирались на мелкобуржуазную интеллигенцию, сельскую буржуазию и политически активное крестьянство. Сторонники Старой школы группировались вокруг газеты «Пештьбудинские ведомости». Они рассчитывали при достижении своих требований в области культуры и самоуправления на поддержку венского двора, при этом главную опору славянства видели в России. Участие в 1867 г. трех представителей этого течения в поездке в Россию на Всероссийскую этнографическую выставку привело к росту русофильских настроений в Словакии, к усилению ориентации на Россию как спасительницу словацкого народа.

Второе течение — Новая школа — возглавили Ян Паларик и его сподвижники. Оно поддерживалось некоторыми богатыми

торговцами, финансистами, частью мелкого словацкого дворянства и интеллигенции. Эта группировка ориентировалась на венгерское оппозиционное движение, венгерскую либеральную интеллигенцию и выступала против попыток меморандистов установить тесные контакты с венским правительством, так же как и против их ожидания помощи со стороны России. Новая школа в области социальных преобразований не выходила за рамки буржуазных либеральных представлений. Она считала выделение Словацкого околья нереальным проектом и добивалась обеспечения национальных и языковых прав словаков в рамках сложившегося административно-территориального деления. Процесс демократизации политической и общественной жизни в стране, по ее мнению, мог служить гарантом развития самобытной культуры национальных меньшинств, просвещения народов на родных языках. В начале 1868 г. у Новой школы появился собственный печатный орган — журнал «Словенске новины» («Словацкая газета»), выходивший в Будапеште.

В период обсуждения венгеро-хорватского Соглашения (1868), после того как обоим течениям стало ясно, что их требования не будут выполнены, лидеры Старой и Новой школ начали переговоры, чтобы выработать тактику совместных действий в изменившихся условиях.

В 1868 г. в Трансдейтании вступил в силу новый закон о национальностях. В это же время в основу государственной идеологии была положена идея «единой венгерской политической нации». Заметно усиливается мадьяризаторская политика по отношению к национальным меньшинствам. Право свободного выбора языка обучения фактически сохраняется только для народных школ. Пользоваться словацким языком разрешалось лишь в учреждениях местного уровня. Представители Новой школы пришли к выводу, что в таких условиях их стремление к сотрудничеству с венгерскими либералами не имеет никаких перспектив.

Интеллигенция начинает проводить акции в защиту прав словаков, направляет свои усилия на активизацию издательской и просветительской деятельности Матицы Словацкой. Возникают новые общества, такие, как общество словацких женщин «Живина», католическое общество св. Войтеха и др.

Словацкое национальное движение в условиях мадьяризации

Большинство словацких общественных деятелей оставались на стороне требований меморандистов, хотя они и понимали,

что в новой политической ситуации их программа вряд ли будет выполнена. В 1870 г. редакция «Пештьбудинских ведомостей» переехала в Мартин, где газета получает новое название — «Народние новины» («Национальная газета»). В это время сторонники Старой школы провозгласили создание Словацкой национальной партии, сохранявшей верность Меморандуму.

Однако деятельность с трудом созданных национальных учреждений подверглась преследованию со стороны властей. В 1875 г. венгерское правительство закрыло три словацкие гимназии, а затем и Матицу Словацкую. Словаки оставались без национальной средней школы вплоть до распада Австро-Венгрии. Матица также была воссоздана только в 1918 г. Таким образом, словаки оказались надолго лишены этого символа духовной жизни, первой понастоящему общенациональной культурной организации, музея, литературного общества и издательства одновременно.

В 1875—1899 гг., когда венгерское правительство возглавлял Калман Тиса, в государстве проводилась активная целенаправленная политика мадьяризации. Венгерский язык стал обязательным и в народных школах, повсеместно образовывались новые общества, деятельность которых была ориентирована главным образом на мадьяризацию молодежи. Словацкие общественные деятели, активно демонстрировавшие национальное самосознание, подозревались в измене Родине. Против закрытия Матицы протестовали словацкие депутаты Государственного собрания. В 1881 г. Словацкая национальная партия заявила о своей приверженности тактике пассивной оппозиции.

С начала 90-х гг. велись переговоры представителей угнетенных национальностей Венгрии о координации действий. В 1893 г. в Вене состоялось совещание лидеров румынской, словацкой и сербской общественности. Объединительной платформой съезда невенгерских национальностей в 1895 г. стали требования национальной автономии в рамках монархии Габсбургов, свободы языка, собраний и союзов, вероисповедания, национального равенства, всеобщего избирательного права и др.

Стремление венгерских правящих кругов создать этнократическое государство венгров привело к тому, что, сотрудничая с немадьярскими народами Венгрии, словацкие либеральные политики стали также пропагандировать идею чешско-словацкой взаимности. Заметно оживились и русофильские тенденции.

В конце XIX в. центром словацкого национального движения становится г. Мартин. Здесь находилось руководство Словацкой национальной партии, во главе которой с 1877 г. стоял Павол Мудронь. Одновременно вокруг газеты «Народние новины»

объединяется младшее поколение словацкой интеллигенции. Наибольшую известность приобрели Светозар Гурбан-Ваянский, Йозеф Шкультеты, Матуш Дула и др.

СЛОВАКИЯ В КОНЦЕ XIX — НАЧАЛЕ XX в.

Социально-экономическое развитие

В конце XIX — начале XX в. Словакия являлась одной из тех частей экономически отсталой Венгрии, где промышленность была относительно развита. Оживление промышленного производства было характерно здесь прежде всего для отраслей, связанных с сельским хозяйством. Сохраняли свои позиции горнодобывающая и металлургическая отрасли. Промышленность Словакии развивалась за счет вложения венгерского, австронемецкого и иностранного капиталов. В начале XX в. увеличились чешские инвестиции. В 1912 г. Живностенский банк завладел крупнейшим словацким банком в Ружомбероке. Национальный словацкий, преимущественно торговый, капитал вкладывался в основном в легкую индустрию, где преобладала масса мелких предприятий.

Экономика Словакии в целом оставалась аграрной. Росло число сельскохозяйственных рабочих в хозяйствах крупных помещиков, католической церкви. В результате разорения крестьян, особенно в наиболее бедных горных районах, аграрного перенаселения, слабости городской инфраструктуры в начале XX в. наблюдается массовая эмиграция словаков в более благоприятные регионы Венгрии, в австрийскую часть монархии, за границу, главным образом в США.

Словацкая социал-демократия

В начале XX в. в Словакии наблюдается подъем рабочего движения. Создаются просветительские рабочие союзы и профсоюзные организации. В рамках образованной в 1890 г. Социал-демократической партии Венгрии постепенно формируется самостоятельное словацкое социал-демократическое движение. В 1904 г. при поддержке чешских социалистов стали выходить «Словенске работницке листы» («Словацкая рабочая газета»). Усиление националистических настроений в рядах венгерской социал-демократии, общий рост национального самосознания в среде словацких рабочих, федерализация по национальному признаку социалистического движения в австрийской части монархии способствовали тому, что в январе 1905 г. состоялся первый съезд

Словацкой социал-демократической партии в Венгрии. В принятой программе говорилось о необходимости просвещения трудящихся, пропаганды социалистических идей, введения всеобщего избирательного права, демократических свобод.

Национальное движение накануне первой мировой войны

Особенность исторического развития словаков состояла в том, что и в начале XX в. у них шел процесс формирования национального самосознания, дальнейшего развития национальной идеологии. На рубеже XIX и XX вв. наблюдается дифференциация словацкого национального лагеря, постепенно выделяются новые политические течения.

Словацкая национальная партия оставалась политическим образованием, не имевшим оформленной организационной структуры. Она возвратилась к активной политической и общественной деятельности в начале XX в., приняв участие в выборах в венгерский парламент. Ядро партии составляли представители умеренного центра (мартинцы, во главе которого находились П. Мудронь и М. Дула). Умеренно-консервативное крыло, идеологом которого был С.Г. Ваянский, в своем большинстве было русофильским. Причем русофильство являлось одним из элементов национальной идеологии, возникшим как политическая демонстрация в ответ на курс Вены и Будапешта по отношению к словакам. Несмотря на идеализацию внешней и внутренней политики России, самодержавия и славянофильства, мартинцы все меньше надежд питали на государственную помощь России, отстаивали принцип «национального самоуправления», поддерживали идею о преобразовании империи в «доброе и справедливое отечество», ее федерализации.

Наиболее сильным оказалось католическое течение. В 1912–1913 гг. оно организационно оформилось в клерикальную Словацкую народную партию, известную больше под названием «Людова». Она выражала интересы прежде всего словацкой католической иерархии, а также крестьянства, сельской интеллигенции. Лидером движения был Андрей Глинка (1864–1938), центром же политического католицизма стал г. Ружомберок.

Другим течением, оппозиционным по отношению к мартинцам, были гласисты — представители либеральных взглядов, начавшие в 1898 г. при финансовой поддержке чехов издавать журнал «Глас» («Голос»). Поднимавшаяся словацкая буржуазия и молодая интеллигенция были заинтересованы в оживлении

общественной жизни в Словакии. Либеральная группировка во главе с Вавро Шробаром (1867–1950) и Паволом Благо (1867–1927) не была сплоченным объединением. Гласисты связывали подъем словацкой национальной жизни с «нравственным возрождением» словацкого народа. В то же время они стремились к деловому сотрудничеству с чешской буржуазией. В области политики чешско-словацким отношениям много внимания уделял Милан Годжа (1878–1944), идеолог гласизма, основатель и редактор газеты «Словенски тыжденник» («Словацкий еженедельник»). Годжа стремился политически активизировать сельское население. Он, как и другие словацкие общественные деятели, выступал за введение всеобщего избирательного права, что могло увеличить число словацких депутатов в парламенте и усилить их влияние на политику правительства.

Чехофильской ориентации придерживался Антон Штефанек (1877–1964), который понимал словацкий вопрос как составную часть чешского вопроса в монархии Габсбургов. Этот деятель настаивал на сближении чехов и словаков «вплоть до их слияния в единое племенное целое». Перспективу для словаков он видел в культурном, экономическом и политическом сотрудничестве с чехами. Постепенно Штефанек обосновал идею единого чехословацкого народа с точки зрения как социологической, исторической, так и языковой.

Программу чешско-словацкого сближения осуществляла накануне первой мировой войны группировка, объединявшаяся вокруг газеты «Словенски денник» («Словацкая ежедневная газета») под редакцией Годжи. Ее взгляды находились под сильным влиянием идей, высказанных Т.Г. Масариком. Она поддерживала связи с действовавшим в чешских землях обществом Чешско-словацкое единство (1896).

Словацкий вопрос попал в поле зрения международной общественности в 1907 г. после кровопролития в Чернове. Жители этого городка обратились к властям за разрешением, чтобы храм, построенный на собранные ими средства, освятил Адрей Глинка, однако получили отказ. В результате кровавого столкновения словацкого населения с жандармами 15 человек оказались убитыми, а 90 — тяжело и легко раненными.

Накануне первой мировой войны наблюдаются попытки объединить отдельные политические течения в борьбе за национальные права. На август 1914 г. было намечено провозглашение Словацкого национального совета. На переговорах в мае 1914 г. его председателем был избран Матуш Дула (1846–1926). В подготовленном «Изложении программы Словацкой национальной партии»

подчеркивалась необходимость самого тесного чешско-словацкого сотрудничества, выдвигалось требование федерализации обеих частей монархии.

КУЛЬТУРА СЛОВАКИИ В XIX в.

К началу XIX в. словацкий народ накопил уже достаточно сил, чтобы начать борьбу за возрождение национальной культуры. Однако ее формирование в силу крайне тяжелых условий проходило весьма медленно и неравномерно даже по сравнению с соседними землями Австрийской империи. Это в значительной степени обусловливалось динамикой национального движения словаков. Так, на протяжении всей первой половины XIX в. главными были борьба за литературный язык, пробуждение национального самосознания, распространение идеи об автохтонности словаков и отстаивание национальной самобытности. Ее хранителем представлялся прежде всего фольклор. Он же рассматривался как естественная основа национальной литературы. В этом русле начинает свою творческую деятельность Ян Коллар. Он издает двухтомник национальных песен, обосновав их эстетическую ценность. Поэма Коллара «Дочь Славы», ставшая крупным явлением словацкой культуры этого периода, переиздавалась при жизни поэта четыре раза. Она построена как аллегория страданий, но в то же время направлена на возрождение славянства и призывала к единству в целях будущего процветания.

Острая необходимость борьбы за национальные права словаков выдвигала на первый план в литературе и драматургии тему родины, тему героического подвига во имя свободы своего народа. В этом ключе трактовались история Великой Моравии, наиболее славные страницы прошлого, на это же была устремлена и концепция славянской взаимности Яна Коллара.

Словацкие патриоты понимали, что лишь кодификация и внедрение единого словацкого литературного языка, создание национальной периодической печати, прежде всего ежедневной газеты, учреждение культурно-просветительских центров, организация начального образования могут обеспечить рост национального самосознания, объединить национальные силы словаков. Как уже отмечалось, первыми шагами в этом направлении стали культурно-просветительские организации. Следует упомянуть о созданном в 1834 г. в Буде Обществе любителей словацкого языка и литературы. Четыре тома литературного альманаха «Зора» («Заря»), редактором которых был бернолаковец М. Гомуляк, включали произведения наиболее известных словацких

литераторов: самого М. Гомуляка, а также Я. Голлого, К. Кузмани. Однако и на этот раз представители евангелической и католической интеллигенции не смогли преодолеть разногласий и прийти к единой норме словацкого литературного языка.

В 40-е гг. XIX в. во главе движения словаков за национальную культуру встал Людовит Штур. Представитель нового поколения литераторов, он очень широко трактовал понятие «культура», не ограничивая ее лишь развитием науки и искусств, а подразумевая под ней и подъем материального уровня народа. Поиски Штура нашли выражение в его книге «О народных повестях и песнях племен славянских» (1833), в других сочинениях, а также в многочисленных статьях, публиковавшихся в периодических изданиях. Главным инструментом просветительской деятельности словацких будителей становится первая словацкая политическая газета, основанная Штуром в 1845 г., «Словенске народни новины» («Словацкая национальная газета»).

В 1844 г. было образовано надконфессиональное литературное общество Татрин, которое поставило своей непосредственной целью содействовать развитию словацкой культуры. В его задачи входило внедрение литературного языка, на котором писали талантливые литераторы А. Сладкович, Я. Краль и Я. Калинчак, издание и распространение книг, оказание материальной помощи словацкой учащейся молодежи. Члены Общества проявили интерес к словацким древностям. При их финансовой поддержке вышли в свет «Грамматика» Л. Штура (1846), труды М. Годжи о словацком литературном языке и другие книги.

Что касается сферы образования, то словацкие общественные деятели на протяжении всего XIX в. осознавали острую необходимость расширения слоя образованных людей. Однако создать систему национального образования словакам так и не удалось. В начале XIX в. словацкие будители в своей просветительской деятельности ратовали за организацию воскресных школ и читален (в 70-е гг. действовало 150 читален), за усиление нравственных начал в жизни общества, вели борьбу за повышение культурного уровня населения, в том числе и путем пропаганды обществ трезвости. Вопрос о начальном образовании на родном языке в масштабах всего королевства был поставлен Л. Штуром на последнем перед революцией 1848–1849 гг. заседании Государственного собрания в Пресбурге (Братислава).

Однако и во второй половине XIX в. развитие школьного образования проходило в трудных условиях. Так, реформы, проводимые во всей империи (1848, 1861 и др.), не привели в Словакии к созданию системы национального просвещения.

Наиболее характерной чертой политики в области школьного дела после 1849 г. была германизация, а начиная с конца 60-х гг. определяющими стали мадьяризаторские тенденции. Государственная идеология, выраженная понятием «венгерский политический народ», фактически объявляла приоритетным воспитание населения без различия национальностей, исключительно как граждан Венгерского королевства. На этом фоне особенно серьезной победой словацких национальных сил стало открытие (согласно указу 1861 г. австрийских властей) трех словацких гимназий. Однако в 1875 г. они были закрыты, а число начальных школ, в которых обучение велось на словацком языке, неизменно сокращалось.

XIX в. занимает особое место в процессе становления словацкого искусства. Внимание художников, отказавшихся от системы возвышенной культуры Барокко, направляется на повседневную жизнь, трудности и радости бытия, на связь человека с природой.

Во время длительного пребывания в России развил мастерство Ян Ромбауер (1782—1849). Его портреты являются наиболее значительным достижением в этом жанре в первой половине XIX в. Заметным явлением в изображении пейзажа стали работы Карола Марко (1791—1860), получившего образование в Вене и работавшего в Италии.

В 40-е гг. XIX в. в словацкую художественную жизнь приходит новое поколение творцов. Из них наибольшей известности достигли Клеменс и Богунь, воспитанники пражской Академии искусств. Свою творческую программу они последовательно и сознательно связали с народной основой.

Йозеф Божетех Клеменс (1817—1883) — автор ряда портретов чешских патриотов и словацких будителей(например, Милана Годжи, 1846). Петер Михал Богунь (1822—1879) писал портреты, изображал народные типы в национальных костюмах, создавал исторические многофигурные композиции. Наиболее известен его портрет Яна Францисци как повстанца-добровольца. В 50-е гг. в своих поисках он склоняется к реализму. В центре внимания Богуня оказываются люди из окружения его семьи, представители словацкой интеллигенции.

Развитие культуры и науки в Словакии во второй половине XIX в. было связано с деятельностью Матицы Словацкой. За короткий период существования за счет ее средств помимо ежегодника было опубликовано множество книг на словацком языке, хрестоматий, разного рода учебников, литературных альманахов. Кроме того, велся сбор исторических документов, гравюр, архивов

выдающихся деятелей словацкого национального Возрождения, нумизматической коллекции, коллекций минералов, национальных костюмов, предметов обихода и, что особенно ценно, — библиотеки. К моменту роспуска Матицы она насчитывала более 10 тыс. томов. Создав несколько секций (филологическую, литературную, философско-юридическую, математико-природоведческую, истории музея), она заложила основы многих направлений современной науки.

Словацкая литература в последней трети XIX в. вплоть до первой мировой войны развивалась под знаком реализма. С призывом отражать реальную жизнь, быть верными действительности выступило поколение Светозара Гурбана-Ваянского, Йозефа Шкультеты, Ярослава Влчека, Павола Орсага-Гвездослава и др.

Почти всеми жанрами пытался овладеть поэт, прозаик, литературный критик и журналист, представитель реалистической тенденции в словацкой поэзии Светозар Гурбан-Ваянский (1847—1916). Его повести и романы многосюжетны, отличаются сложной композицией, насыщены национально-патриотической и морально-этической проблематикой. Несмотря на то что творческий путь Гурбана-Ваянского был подвержен взлетам и падениям, он внес значительный вклад в словацкую литературу.

Певцом родного края стал поэт, переводчик, ведущий представитель словацкого литературного реализма Гвездослав (1849—1921), творивший в словацкой провинции и прославлявший словацкую деревню, яркую обрядовость народных празднеств. В его больших эпических циклах 90-х гг. преобладала общественная и религиозная тематика, а в лирике сделана попытка раскрыть глубокий и противоречивый мир человека.

В начале XX в. новое поколение писателей, излюбленным жанром которых был рассказ, стало видеть в литературе инструмент познания человека, его духовной жизни. Сторонники словацкой литературной модерны во главе с поэтами Я. Есенским и И. Краско стремились преодолеть отсталость, изолированность словацкой культуры, поднять ее на европейский уровень. Важной чертой литературной, да и всей общественной жизни этого периода стали контакты с чешскими интеллектуалами.

Долгие годы массовой оставалась религиозная литература. По-прежнему популярным чтивом словацкого обывателя были календари. Следует особо упомянуть о календарях, издававшихся В. Лихардом и Матицей Словацкой в конце 60 — начале 70-х гг. В них печатались и литературные произведения, и статьи о музыке, и научно-популярные очерки, и практические рекомендации и советы по самым разным вопросам. Эта традиция продолжалась

и в более поздний период. На рубеже веков появились новые литературные альманахи и периодические издания.

Широкое распространение имели в Словакии любительский театр и народные певческие коллективы. Известным композитором, в своих лучших произведениях поднимавшимся до уровня европейской школы, стал Ян Левослав Белла (1843—1936). Правда, большинство его значительных работ появилось после 1884 г. в эмиграции.

Словацкое искусство в последней трети XIX в. в период жесточайшего преследования всего национального переживает трудные времена. Политика денационализации культуры, проводившаяся венгерскими властями, дает свои результаты. Меняется и идейная ориентация художественного творчества. Большинство живописцев и скульпторов направляется в Пешт, Вену и другие европейские центры. В самой Словакии усиливается влияние мюнхенской школы. Вернувшийся из Венеции модный там художник Доминик Скутецкий обращается к фольклору, социальному портрету. Его привлекают цветовые контрасты горящего огня печей по выплавке меди, за что он стал называться «Огненный Скутецкий».

Большую коллекцию работ высокого профессионального уровня оставил Ладислав Меднянский (1852—1919), учившийся в Мюнхене и Париже. Художник воспевал словацкого крестьянина на фоне живописной природы. В своем творчестве он использовал принципы барбизонской школы и находки импрессионистов, соединив их с собственным мастерством в воспроизведении красоты родных просторов, особенно окрестностей Татр.

Обновление национальной жизни, тесная связь с Прагой и Мюнхеном создают в 90-е гг. XIX в. условия для появления новых художественных направлений. В этот период заявил о себе крупный талант Йозефа Ганулы, выросшего в мюнхенской среде, но имевшего постоянный контакт с чешскими живописцами. Ученик пражской школы Людовит Чордак нашел свежие мотивы в изображении родного края.

Свою интерпретацию традиционных жанров в начале XX в. привнесли Карол М. Легоцкий (1879—1929), Милан Митровский (1875—1943), Густав Маллы и Петер Керн. Для их работ характерен синтез традиций академизма конца XIX в. и собственных поисков в изображении цвета и формы. Раннее творчество известного словацкого художника Мартина Бенки (1888—1971) также находилось под влиянием импрессионистических веяний эпохи.

Менее значительным является наследие словацких скульпторов, прежде всего потому, что богатые заказчики находились в крупных культурных центрах. Так, династия Дунайских (отец и сын) работала в Пеште, Виктор Тилгнер — в Вене.

Научная работа оставалась делом самоотверженных одиночек. Лишь в 1893 г. удалось создать Музейное словацкое общество. В крайне неблагоприятной политической обстановке его члены могли собирать памятники старины, заниматься поиском и изучением исторических источников, пополнять фонды библиотек. Интересы словацкой интеллигенции по-прежнему были обращены к истории, языкознанию, истории литературы и этнографии. Словацкая историческая наука видела свою задачу в том, чтобы найти аргументы в защиту самобытности словаков, способствовать борьбе за признание их прав.

С позиций романтизма трактовал прошлое своего народа Франтишек Сасинек, автор многочисленных трудов по истории Венгерского королевства. В своих работах «История словаков» (1895), «Великоморавская держава» (1896) он отстаивал тезис об автохтонности славян, в том числе и словаков в Карпатской долине. Во многом романтическому направлению следовал и наиболее известный словацкий историк этого времени Юлиус Ботто, разработавший целостную концепцию словацкой истории. В двухтомной работе, посвященной изучению развития национального самосознания словаков, он уделил внимание лишь наиболее ярким страницам политической истории Словакии.

В этот период начинаются исследования в области естественных наук (И. Голуб), ботаники и геологии. Так, ботаник Густав Реус написал обобщающую работу «Цветущая Словакия». Директор геологического института в Вене Дионис Штур составил географическую карту Словакии. Значительное внимание в начале XX в. уделялось астрономии (Ян А. Вагнер, Милан Р. Штефанек). В области техники словацкие умельцы достигли успехов за границей (например, Штефан Банич первым сконструировал и испытал в США парашют).

ОСНОВНЫЕ ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

Учебники и учебные пособия

Историография истории южных и западных славян. М., 1987.

История южных и западных славян: Курс лекций. М., 1979.

Источниковедение истории южных и западных славян. М., 1998.

Антология чешской и словацкой философии. М., 1982.

Гуситское движение в освещении современников: Источники и материалы для практических занятий. М., 1992.

История южных и западных славян: Метод. указ. для студентов-заочников истор. ф-тов гос. ун-тов; 7-е изд., перераб.; Отв. ред. В.Г. Карасев и И.В. Созин. М., 1985.

Косев Д. Новая история Болгарии: Курс лекций. М., 1952.

Лаптева Л.П. Гуситское движение в Чехии XV в.: Учеб.-метод. пособие. М., 1990.

Лаптева Л.П. Письменные источники по истории Чехии периода феодализма (до 1848 г.). М., 1985.

Лаптева Л.П. Гуситское движение в освещении современников. Источники и материалы для практических занятий. М., 1992.

Лаптева Л.П. История Чехии периода феодализма (V век — 1648 г.): Учеб. пособие. М., 1993.

Лаптева Л.П. История Чехии периода позднего феодализма и раннего Нового времени (1648–1849 гг.): Учеб. пособие. М., 1998.

Люблинская А.Д. Источниковедение истории средних веков. Л., 1955.

Макова Е.С. История южных и западных славян. Период феодализма (VI — середина XVIII в.): Учеб.-метод. пособие. М., 1987.

Москаленко А.Е. Возникновение и развитие феодальных отношений у южных славян. Хорваты и сербы. М., 1978.

Хрестоматия по истории южных и западных славян: В 3 т. Минск, 1987–1989. Т. I. Эпоха феодализма; Т. II. Новая история.

Хрестоматия памятников феодального государства и права стран Европы. М., 1961.

Основные источники

Анна Комнина. Алексиада. М., 1965.

«Великая хроника» о Польше, Руси и их соседях. XI–XIII вв. М., 1987.

Венгерско-хорватское соглашение 1868 года. СПб., 1910.

Видукинд Корвейский. Деяния саксов. М., 1975.

Византийский земледельческий закон. Л., 1984.

Внешняя политика России XIX и начала XX века: Документы Российского министерства иностранных дел. Сер. 1. М., 1960–1972. Т. 1–8; Сер. 2. М., 1974–1985. Т. 1–6.

Галл Аноним. Хроника и деяния князей или правителей польских / Пер. Л.М. Поповой. М., 1961 (переиздание: Славянские хроники / Сост. А.И. Цепков. СПб., 1996. С. 325–412).

Гельмольд. Славянская хроника. М., 1963.

Длугош Ян. Грюнвальдская битва. М., 1962.
Дневник Марины Мнишек / Пер. В.Н. Козлякова. СПб., 1995 (Studiorum Slavicorum Monumenta. IX).
Зарубежные славяне и Россия: Документы архива М.Ф. Раевского. 40–80-е гг. XIX в. М., 1975.
Избранные произведения болгарских революционных демократов. М., 1959.
Избранные произведения прогрессивных польских мыслителей. М.; Л., 1956–1958. Т. 1–3.
Именник болгарских ханов // Тихомиров М.Н. Исторические связи России со славянскими странами и Византией. М., 1969.
Иордан. О происхождении и деяниях готов. М., 1960.
Калиганов И.И., Полывянный Д.И. Родник Златоструйный. Памятники болгарской литературы IX–XVIII вв. М., 1990.
Книга законов султана Селима I. М., 1969.
Козьма Пражский. Чешская хроника. М., 1962.
Коллар Я. О литературной взаимности между племенами и наречиями славянскими // Отечественные записки. 1840. Т. 8. Отд. 2.
Коллар Я. Сто сонетов. М., 1973.
Кондратьева В.Н. Русские дипломатические документы об аграрных отношениях в Боснии и Герцеговине (60–70-е годы XIX в.). М., 1971.
Константин Багрянородный. Об управлении империей. М., 1989.
Конституции буржуазных стран. М.; Л., 1936. Т.2. Средние и малые европейские страны.
Конституции и законодательные акты буржуазных государств XVIII–XIX вв. М., 1957.
Лаврентий из Бржезовой. Гуситская хроника. М., 1962.
Маврикий. Тактика и стратегия. СПб., 1903.
Маркович С. Избранные сочинения. М., 1956.
Международные отношения в эпоху империализма: Документы из архивов царского и временного правительств. 1878–1917 гг. Сер. 2. М.; Л., 1934–1938.
Меховский М. Трактат о двух Сарматиях. М.; Л., 1963.
Михаил Пселл. Хронография. М., 1978.
Новая история в документах и материалах. 2-е изд., доп. М., 1934. Вып. 2.
Освободительная борьба народов Боснии и Герцеговины и Россия. 1850–1864: Документы. М., 1985.
Освободительная борьба народов Боснии и Герцеговины и Россия. 1865–1875: Документы. М., 1988.
Освобождение Болгарии от турецкого ига: Документы. М., 1961–1967. Т. 1–3.
Первое сербское восстание 1804–1813 гг. и Россия. М., 1980–1983. Кн. 1–2.
Политические и культурные отношения России с югославянскими землями в первой трети XIX в.: Документы. М., 1997.
Польские мыслители эпохи Возрождения. М., 1960.
Послания магистра Иоанна Гуса. СПб., 1903.
Прокопий Кесарийский. Война с персами. Война с вандалами. Тайная история. М., 1993.
Сборник документов по истории нового времени. 1870–1914. М., 1989.
Сборник документов по истории рабочего и социалистического движения стран Европы и США. М., 1985.
Сборник документов по социально-экономической истории Византии. М., 1951.
Свод древнейших письменных известий о славянах. М., 1991–1995. Т. I (I–VI вв.); Т. II (VII–IX вв.).
Сикст из Оттерсдорфа. Хроника событий, свершившихся в Чехии в бурный 1547 год. М., 1989.
Сказания о начале славянской письменности. М., 1981.

Сказания о начале Чешского государства и древнерусской письменности. М., 1970.
Советы и рассказы Кекавмена. Сочинение византийского полководца XI в. М., 1972.
Современные конституции: Сб. действующих конституционных актов. СПб., 1905. Т. I.
Социал-демократия Польши и Литвы в революции 1905 года: Сб. документов. М., 1956.
Сташиц Ст. Избранное. М., 1957.
Феофилакт Симокатта. История. М., 1957.
Чичуров И.С. Византийские исторические сочинения. М., 1980.

Исследования

Австро-Венгрия и славяно-германские отношения. М., 1965.
Австро-Венгрия. Опыт многонационального государства. М.,1995.
Ангелов Д. Богомильство в Болгарии. М.,1954.
Артамонов В.А. Россия и Речь Посполитая после Полтавской победы (1709–1714). М., 1990.
Бажова А.П. Русско-югославянские отношения во второй половине XVII в. М.,1962.
Бажова А.П. Россия и югославяне в конце XVII — начале XIX века. М., 1996.
Балканы в конце XIX — начале XX века. Очерки становления национальных государств и политической структуры в Юго-Восточной Европе. М., 1991.
Балканы и Россия. Общественно-политические и культурные связи. М., 1995.
Бардах Ю., Леснодорский Б., Пиетрчак М. История государства и права Польши. М., 1980.
Барокко в славянских культурах. М., 1982.
Белявская И.М. А.И. Герцен и польское национально-освободительное движение 60-х годов XIX века. М., 1954.
Бернштейн С.Б. Константин Философ и Мефодий. М., 1984.
Билунов Б.Н. Болгария и Россия: Сб. трудов Б.Н. Билунова. М., 1996.
Бирман Н.А. Формирование и развитие болгарского пролетариата, 1878 — 1923. М.,1980.
Босния, Герцеговина и Россия в 1850–1875 годах: народы и дипломатия. М.,1991.
Бромлей Ю.В. Крестьянское восстание в Хорватии (Из истории аграрных отношений и классовой борьбы в Хорватии XVI в.). М., 1959.
Бромлей Ю.В. Становление феодализма в Хорватии: К изучению процесса классообразования у славян. М., 1964.
Валев Л.Б. Исследования по новой и новейшей истории Болгарии. М., 1986.
Ванечек В. История государства и права Чехословакии. М., 1981.
Великая Моравия. Ее историческое и культурное значение. М., 1985.
Виноградов В.Н. Великобритания и Балканы. От Венского конгресса до Крымской войны. М., 1985.
Вопросы историографии и источниковедения славяно-германских отношений. М.,1973.
Вопросы первоначального накопления капитала и национальные движения в славянских странах. М., 1972.
Вопросы социальной, политической и культурной истории Юго-Восточной Европы. М., 1984.
Вопросы этногенеза и этнической истории славян и восточных романцев: Методология и историография. М., 1976.
Восстание 1863 г. и русско-польские революционные связи 60-х годов: Сб. статей и материалов. М., 1960.
Вяземская Е.К., Данченко С.И. Россия и Балканы, конец XVIII в. — 1918 г. Советская послевоенная историография: Обзор. М., 1990.

Германская восточная политика в Новое и Новейшее время: Проблемы истории и историографии. М.,1974.
Гильфердинг А.Ф. История сербов и болгар // Собр. соч. СПб., 1868. Т. I.
Гильфердинг А.Ф. История балтийских славян // Собр. соч. СПб., 1874. Т. 4.
Горина Л.В. Социально-экономические отношения во Втором Болгарском царстве. М., 1972.
Горина Л.В. Марин Дринов — историк и общественный деятель. М., 1986.
Госиоровский М. История словацкого рабочего движения. 1848–1918. М., 1958.
Грацианский Н.П. Борьба славян и народов Прибалтики с немецкой агрессией в средние века. М., 1943.
Грачев В.П. Сербская государственность в X–XIV вв. Критика теории «жупной организации». М., 1972.
Грачев В.П. Балканские владения Османской империи на рубеже XVIII–XIX вв. Внутреннее положение, предпосылки национальных освобождений. М., 1990.
Греков Б.Д. Избранные труды. М., 1957. Т. I. Винодол, Полица, Польская Правда.
Грот К. Моравия и мадьяры с половины IX до начала X в. СПб., 1881.
Гуса В. История Чехословакии. Прага, 1963.
Данченко С.И. Русско-сербские общественные связи (70–80-е гг. XIX в.). М., 1989.
Данченко С.И. Развитие сербской государственности и Россия, 1878–1903. М., 1996.
Джапаридзе Э.А. Общественно-политические движения в Дунайских княжествах. Из предыстории революции 1848 г. М., 1991.
Дмитриев М.В. Православие и реформация: реформационные движения в восточнославянских землях Речи Посполитой во второй половине XVI в. М., 1990.
Дмитриев М.В., Флоря Б.Н., Яковенко С.Г. Брестская уния 1596 г. и общественно-политическая борьба на Украине и в Белоруссии в конце XVI — начале XVII в. М., 1996. Ч. I.
Достян И.С. Борьба сербского народа против турецкого ига, XV — начало XIX в. М., 1958.
Достян И.С. Россия и балканский вопрос. Из истории русско-балканских политических связей первой трети XIX в. М., 1972.
Достян И.С. Русская общественная мысль и балканские народы. От Радищева до декабристов. М., 1980.
«Дранг нах Остен» и народы Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы, 1871–1918 гг. М., 1977.
Древние славяне и их соседи: Сб. статей. М., 1970.
Дринов М.С. Заселение Балканского полуострова славянами. М., 1873.
Дринов М.С. Южные славяне и Византия в X веке. М., 1876.
Дыбковская А., Жарын М., Жарын Я. История Польши. С древнейших времен до наших дней. Варшава, 1995.
Дьяков В.А., Миллер И.С. Революционное движение в русской армии и восстание 1863 г. М., 1964.
Дьяков В.А. Деятели русского и польского освободительного движения в царской армии, 1856–1865 гг.: Биобиблиографический словарь. М., 1967.
Дьяков В.А. Революционная деятельность и мировоззрение Петра Сцегенного (1801–1890гг.). М., 1972.
Дьяков В.А. Славянский вопрос в общественной жизни дореволюционной России. М., 1993.
Еремеева Г.И. Чешский радикальный демократ Йозеф Вацлав Фрич. Из истории общественно-политической борьбы в Чехии в 40–60-е гг. XIX в. М., 1984.
Жебокрицкий В.А. Болгария во время Балканских войн 1912–1913 гг. Киев, 1961.
Заборовский Л.В. Россия, Речь Посполитая и Швеция в середине XVII в. Из истории международных отношений в Восточной и Юго-Восточной Европе. М., 1981.
Заборовский Л.В. Великое княжество Литовское и Россия во время польского Потопа (1655–1656 гг.): Документы, исследование. М., 1994.

Зайцев В.М. Социально-сословный состав участников восстания 1863 г. Опыт статистического анализа. М., 1973.
Золотухин М.Ю. Россия, западноевропейские державы и Османская империя в период международных кризисов на Балканах (1885–1888 гг.). М., 1993.
Из истории общественной мысли славянских народов Центральной и Восточной Европы (конец XVIII — 70-е годы XIX в.). М., 1995.
Из истории университетского славяноведения в СССР: Сб. статей и материалов к 80-летию С.А. Никитина. М., 1983.
Ильинский Г.А. Грамоты болгарских царей. М., 1911.
Институт славяноведения и балканистики. 50 лет. М., 1996.
Исламов Т.М. Политическая борьба в Венгрии накануне Первой мировой войны, 1906–1914. М., 1972.
Исследования по истории польского общественного движения в XIX — начале XX в.: Сб. статей и материалов. М., 1971.
Исследования по истории славянских и балканских народов. Эпоха средневековья. Киевская Русь и ее славянские соседи. М., 1972.
Исследования по славяно-германским отношениям. М., 1971.
Историки-слависты СССР: Биобиблиографический словарь-справочник. М., 1981.
Историография и источниковедение стран Центральной и Юго-Восточной Европы. М., 1986.
История Болгарии. М., 1954–1955. Т. 1-2.
История Венгрии. М., 1971–1972. Т. 1-2.
История Византии. М., 1967. Т. 1–3.
История Европы. С древнейших времен до наших дней: В 8 т. М., 1988. Т. I; М., 1992. Т. 2; М., 1992. Т. 3; М., 1994. Т. 4.
История и культура Болгарии. К 1300-летию образования Болгарского государства. М., 1981.
История литератур западных и южных славян. М., 1997. Т. I–II.
История Польши. М., 1954–1955. Т. I-II.
История славянских языков. М., 1985.
История Чехословакии. М., 1956–1959. Т. I–II.
История Югославии. М., 1963. Т. I–II.
Источники и историография славянского средневековья: Сб. статей и материалов. М., 1967.
Истрин В.А. 1100 лет славянской азбуки. М., 1988.
Калоева И.А., Николаевский М.А., Пашаева Н.М. Восстание 1863 г. и русско-польские революционные связи 60-х годов: Библиографический указатель литературы на русском языке. М., 1962.
Карасев В.Г. Сербский демократ Живоин Жуевич. М., 1974.
Кареев Н.И. Исторический очерк польского сейма. М., 1888.
Кареев Н.И. Очерк истории реформационного движения и католической реакции в Польше. М., 1886.
Кареев Н.И. Польские реформы XVIII века. СПб., 1890.
Карпато-Дунайские земли в средние века. Кишинев, 1975.
Киняпина Н.С. Балканы и проливы во внешней политике России в конце XIX века (1878–1898). М., 1994.
Козловский Ч. Очерки истории польского рабочего движения. М., 1980.
Комплексные проблемы истории и культуры народов Центральной и Юго-Восточной Европы. Итоги и перспективы исследований. М., 1979.
Королюк В.Д. Древнепольское государство. М., 1957.
Королюк В.Д. Западные славяне и Киевская Русь в X–XI вв. М., 1964.
Королюк В.Д. Славяне и восточные романцы в эпоху раннего средневековья. Политическая и этническая история. М., 1985.
Косик В.М. Русская политика в Болгарии, 1879–1886. М., 1991.

Косик В.М. Время разрыва. Политика России в болгарском вопросе, 1886–1894 гг. М., 1993.
Костюшко И.И. Крестьянская реформа 1864 г. в Царстве Польском. М., 1962.
Костюшко И.И. Прусская аграрная реформа: К проблеме буржуазной аграрной революции прусского типа. М., 1989.
Костюшко И.И. Аграрная реформа 1848 г. в Австрии. М., 1993.
Костюшко И.И. Аграрные реформы в Австрии, Пруссии и России в период перехода от феодализма к капитализму: Сравнительный очерк. М., 1994.
Краткая история Албании. С древнейших времен до наших дней. М., 1992.
Краткая история Болгарии. С древнейших времен до наших дней. М., 1987.
Краткая история Венгрии. С древнейших времен до наших дней. М., 1991.
Краткая история Польши. С древнейших времен до наших дней. М., 1993.
Краткая история Румынии. С древнейших времен до наших дней. М., 1987.
Краткая история Чехословакии. С древнейших времен до наших дней. М., 1988.
Кудрявцева Е.П. Россия и образование автономного Сербского государства (1812–1833 гг.). М., 1992.
Кузьмин М.Н. Школа и образование в Чехословакии (конец XVIII — 30-е годы XX в.). М., 1971.
Культура и общество в эпоху становления наций: (Центральная и Юго-Восточная Европа в конце XVIII — 70-х годах XIX в.). М., 1974.
Культура народов Балкан в новое время // Балканские исследования. Вып. 6. М., 1980.
Культура народов Центральной и Юго-Восточной Европы в эпоху Просвещения. М., 1988.
Культура народов Центральной и Юго-Восточной Европы XVIII–XIX вв. Типология и взаимодействия. М., 1990.
Культурные связи народов Восточной Европы в XVI в. Проблемы взаимоотношений Польши, России, Украины, Белоруссии и Литвы в эпоху Возрождения. М., 1976.
Куля В. Формирование капитализма в Польше. М., 1959.
Ламанский В.И. Об историческом изучении Греко-Славянского мира в Европе. СПб., 1871.
Лаптева Л.П. Русская историография гуситского движения (40-е годы XIX в. — 1917 г.). М., 1978.
Лаптева Л.П. Славяноведение в Московском университете в XIX — начале XX в. М., 1997.
Лещиловская И.И. Иллиризм: К истории хорватского национального Возрождения. М., 1968.
Лещиловская И.И. Общественно-политическая борьба в Хорватии, 1848–1849. М., 1977.
Лещиловская И.И. Сербская культура XVIII века. М., 1994.
Ливанцев К.Е. Сословно-представительная монархия в Польше. Л., 1968.
Лилуашвили К.С. Национально-освободительная борьба болгарского народа против фанариотского ига и Россия. Тбилиси, 1978.
Литаврин Г.Г. Болгария и Византия в XI–XII вв. М., 1960.
Литаврин Г.Г. Византийское общество и государство в X–XI вв. Проблемы истории одного столетия, 976–1081 гг. М., 1977.
Лордкипанидзе Д.О. Ян Амос Коменский (1592–1670). М., 1970.
Любавский М.К. История западных славян (прибалтийских, чехов и поляков). М., 1917.
Макова Е.С. Загреб в XVI в. М., 1976.
Макова Е.С. Из истории социально-экономического развития славонского города XIII–XVII в. М., 1980.
Мартыненко А.К. Русско-болгарские отношения в 1894–1902 гг. Киев, 1967.

Мацек Й. Табор в гуситском революционном движении. М., 1956. Т. 1.
Международные отношения в Центральной и Восточной Европе и их историография: Сб., посвященный памяти акад. М.Н. Тихомирова. М., 1966.
Международные отношения на Балканах, 1815–1830 гг. М., 1983.
Международные отношения на Балканах, 1830–1856 гг. М., 1990.
Международные отношения на Балканах, 1856–1878. М., 1986.
Международные связи стран Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы и славяно-германские отношения. М., 1968.
Межславянские культурные связи. М., 1971.
Миллер И.С. Исследования по истории народов Центральной и Восточной Европы XIX в. М., 1980.
Миско В.М. Польское восстание 1863 г. М., 1962.
Митрофанов П.П. Политическая деятельность Иосифа II, ее сторонники и враги. СПб., 1907.
Можаева И.Е. Библиография по кирилло-мефодиевской проблематике. 1945–1974 гг. М., 1980.
Моисеева Г.Н., Крбец М.М. Иозеф Добровский и Россия. Л., 1990.
Морозова О.П. Польский революционер-демократ Бронислав Шварце. М., 1975.
Мыльников А.С. Иозеф Юнгманн и его время. М., 1973.
Мыльников А.С. Культура чешского Возрождения. М., 1982.
Мыльников А.С. Павел Шафарик, выдающийся ученый-славист. М.; Л., 1963.
Мыльников А.С. Эпоха Просвещения в чешских землях. Идеология, национальное самосознание, культура. М., 1977.
На путях к Югославии: за и против. Очерки истории национальных идеологий югославских народов. Конец XVIII — начало XX в. М., 1997.
Наумов Е.П. Господствующий класс и государственная власть в Сербии XIII–XIX вв. Динамика социальной и политической системы сербского феодализма. М., 1975.
Национализм и формирование наций. Теории — модели — концепции. М., 1994.
Национальные движения в Центральной Европе. Сотрудничество и контакты (30–70-е годы XIX в.). М., 1991.
Национальный вопрос в Восточной Европе. Прошлое и настоящее. М., 1995.
Нация и национальный вопрос в странах Центральной и Юго-Восточной Европы во второй половине XIX — начале XX в. М., 1991.
Ненашева З.С. Идейно-политическая борьба в Чехии и Словакии в начале XX века. Чехи, словаки и неославизм, 1898–1914. М., 1984.
Ненашева З.С. Общественно-политическая мысль в чешских землях в конце XIX — начале XX в. М., 1994.
Нидерле Л. Славянские древности. М., 1956.
Никитин С.А. Славянские комитеты в России в 1858–1876 годах. М., 1960.
Никитин С.А. Очерки по истории южных славян и русско-балканских связей в 50–70-е годы XIX в. М., 1970.
Никифоров К.В. Сербия в середине XIX в. Начало деятельности по объединению сербских земель. М., 1995.
Обушенкова Л.А. Королевство Польское в 1815–1830 гг. Экономическое и социальное развитие. М., 1979.
Общественное движение на польских землях. Основные политические течения и политические партии в 1864–1914 годах. М., 1988.
Общественно-политические движения в Центральной Европе в XIX — начале XX в.: Сб. статей и материалов. М., 1974.
Озолин А.И. Из истории гуситского революционного движения. Саратов, 1962.
Озолин А.И. Бюргерская оппозиция в гуситском движении. Саратов, 1973.
Ольшанский П.Н. Декабристы и польское национально-освободительное движение. М., 1959.
Орехов А.М. Социал-демократическое движение в России и польские революционеры, 1887–1893 гг. М., 1973.

Орехов А.М. Становление польского социалистического движения. Структура, программные концепции, деятели (1874–1893 гг.). М., 1979.
Освободительные движения народов Австрийской империи. Возникновение и развитие, конец XVIII в. — 1849 г. М., 1980. Т. I.
Освободительные движения народов Австрийской империи. Период утверждения капитализма. М., 1981. Т. II.
Османская империя и страны Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы в XV–XVI вв. Главные тенденции политических взаимоотношений. М., 1984.
Очаги тревоги в Восточной Европе. Драма национальных противоречий. М., 1994.
Очерки истории культуры славян. М., 1996.
Очерки истории советско-польских отношений, 1917–1977. М., 1979.
Очерки революционных связей народов России и Польши, 1815–1917. М., 1976.
Павлюченко О.В. Россия и Сербия. 1888–1903. Дипломатические отношения, общественные связи. Киев, 1987.
Пальмов И.С. Вопрос о чаше в гуситском движении. СПб., 1881.
Пашаева Н.М. Проблемное изучение славянского национального Возрождения. Книга как исторический источник. М., 1988. Ч. I; М., 1989. Ч. II. Страны Юго-Восточной Европы.
Писарев Ю.А. Освободительные движения югославянских народов Австро-Венгрии 1905–1914 гг. М., 1962.
Писарев Ю.А. Великие державы и Балканы накануне первой мировой войны. М., 1985.
Пленники национальной идеи. Политические портреты лидеров Восточной Европы (первая треть XX в.): Сб. статей. М., 1993.
Погодин А.Л. Из истории славянских передвижений. СПб., 1901.
Погодин А.Л. История польского народа в XIX веке. М., 1915.
Погодин А.Л. Славянский мир. Политическое и экономическое положение славянских народов перед войной 1914 г. М., 1915.
Польское освободительное движение XIX–XX вв. и проблемы истории культуры. М., 1966.
Польша и Русь. Черты общности и своеобразия в историческом развитии Руси и Польши XII–XIV вв. М., 1974.
Польша на путях развития и утверждения капитализма, конец XVIII — 60-е гг. XIX в. М., 1984.
Попков Б.С. Польский ученый и революционер Иоахим Лелевель. Русская проблематика и контакты. М., 1974.
Поплыко Д.Ф. Васа Пелагич и Россия. Из истории сербской революционной мысли. М., 1983.
Принятие христианства народами Центральной и Юго-Восточной Европы и крещение Руси. М., 1988.
Пухлов Н.Н. Из истории Польской социал-демократической партии (1893–1904 гг.). М., 1968.
Пухлов Н.Н. Польское рабочее движение, 1890–1904 гг. М., 1977.
Развитие капитализма и национальные движения в славянских странах. М.,1970.
Развитие общественной мысли в странах Центральной и Юго-Восточной Европы. М., 1991.
Развитие этнического самосознания славянских народов в эпоху раннего средневековья. М., 1982.
Развитие этнического самосознания славянских народов в эпоху зрелого феодализма. М., 1988.
Разумовская Л.В. Очерки по истории польских крестьян от древних времен до XV века. М.; Л., 1958.
Разумовская Л.В. Очерки по истории польских крестьян в XV–XVI вв. М., 1988.

Раннефеодальные государства на Балканах VI–XII вв. М., 1985.
Раннефеодальные государства и народности. Южные и западные славяне, VI–XII вв. М., 1991.
Ратнер Н.Д. Очерки по истории пангерманизма в Австрии в конце XIX в. М., 1970.
Революционная Россия и революционная Польша (вторая половина XIX в.): Сб. статей. М., 1967.
Революция 1848–1849 гг. М., 1952. Т.2.
Ревуненков Г.В. Польское восстание 1863 г. и европейская дипломатия. Л., 1967.
Рогов А.И. Русско-польские культурные связи в эпоху Возрождения. Стрыйковский и его хроника. М., 1966.
Россия и Балканы. Из истории общественно-политических и культурных связей. М., 1995.
Россия и Восточный кризис 60-х годов XIX в. М., 1981.
Россия и освобождение Болгарии. М., 1982.
Россия, Польша и Причерноморье в XV–XVIII вв. М., 1979.
Рубцов Б.Т. Эволюция феодальной ренты в Чехии (XIV — начало XV в.). М., 1958.
Рубцов Б.Т. Исследование по аграрной истории Чехии, XIV — начало XV в. М., 1963.
Русско-польские революционные связи 60-х годов и восстание 1863 года: Сб. статей и материалов. М., 1962.
Рутковский Я. Экономическая история Польши. М., 1953.
Связи революционеров России и Польши XIX — начала XX в. Материалы симпозиума 1966 г. М., 1968.
Связи России с народами Балканского полуострова, первая половина XVII в. М., 1990.
Седов В.В. Происхождение и ранняя история славян. М., 1979.
Седов В.В. Славяне в древности. М., 1994.
Седов В.В. Славяне в Раннее Средневековье. М., 1995.
Семенова Л.Е. Дунайские княжества в международных отношениях в Юго-Восточной Европе (конец XIV — первая треть XVI в.). М., 1994.
Семенова Л.Е. Русско-валашские отношения в конце XVII — начале XVIII в. М., 1969.
Сидельников С.И., Чернявский Г.И. Историки-слависты СССР: Биобиблиографический справочник. Харьков, 1969.
Сидельников С.И. Болгарский революционный центральный комитет (1869–1872 гг.). Харьков, 1970.
Славяне в эпоху феодализма. К столетию академика В.И. Пичеты. М., 1978.
Славяне и Запад: Сб. статей к 70-летию И.Ф. Бэлзы. М., 1975.
Славяне и Россия. К 70-летию со дня рождения С.А. Никитина. М., 1972.
Славяне и их соседи. Вып. 6. Греческий и славянский мир в Средние века и раннее Новое время. М., 1996.
Славяно-балканские исследования. Историография и источниковедение: Сб. статей и материалов. М., 1972.
Славяноведение в дореволюционной России: Биобиблиографический словарь. М., 1979.
Славяноведение в дореволюционной России. Изучение южных и западных славян. М., 1988.
Славяноведение и балканистика в зарубежных странах. М., 1983.
Славяноведение и балканистика за рубежом: Сб. статей и материалов. М., 1980.
Славяно-германские культурные связи и отношения. М., 1969.
Славянская мифология: Энциклопедический словарь. М., 1995.
Славянские древности. Очерки по истории культуры славянских народов. М., 1997.
Славянские древности. Этногенез. Материальная культура древней Руси: Сб. научных трудов. Киев, 1980.

Славянские древности. Этнолингвистический словарь. М., 1995. Т. I. А—Г.
Славянские культуры в эпоху формирования и развития славянских наций XVIII—XIX вв. М., 1978.
Славянские матицы. XIX век. М., 1996. Ч. I—II.
Славянские съезды XIX—XX вв. М., 1994.
Словацкая литература. От истоков до конца XIX в. М., 1997. Ч. I.
Смирнов А.Ф. Революционные связи народов России и Польши. 30—60-е годы XIX в. М., 1962.
Снытко Т.Г. Русское народничество и польское общественное движение 1865—1881 гг. М., 1969.
Солнцева Л.П. Театр Чехии и Словакии. М., 1977.
Социальная структура общества в XIX в. Страны Центральной и Юго-Восточной Европы. М., 1982.
Социально-экономическая и политическая история Юго-Восточной Европы (до середины XIX в.). Кишинев, 1980.
СССР и Польша. Интернациональные связи — история и современность. М., 1977. Т. I.
100-летие освобождения Болгарии от османского ига, 1878—1978. М., 1978.
Тананаева Л.И. Карел Шкрета. Из истории чешской живописи эпохи Барокко. М., 1990.
Тананаева Л.И. Сарматский портрет. Из истории польского портрета эпохи Барокко. М., 1979.
Титова Л.Н. Чешская культура первой половины XIX в. М., 1991.
Тихомиров М.Н. Исторические связи России со славянскими странами и Византией. М., 1969.
Тодоров Н. Балканский город XV—XIX вв. М., 1976.
Тысячелетие введения христианства на Руси, 988—1988. М., 1993.
Удальцов И.И. Очерки по истории национально-политической борьбы в Чехии в 1848 г. М., 1951.
Удальцов И.И. Историография чешского национального Возрождения. Новейшие чехословацкие и советские исследования (1950—1980 гг.). М., 1984.
Удальцов И.И. Историография революции 1848—1849 гг. в чешских землях. М., 1989.
Удальцова З.В. Советское византиноведение за 50 лет. М., 1969.
У истоков формирования наций в Центральной и Юго-Восточной Европе. Общественно-культурное развитие и генезис национального самосознания. М., 1984.
Улунян А.А. Деятели болгарского национально-освободительного движения XVII—XIX вв. М., 1996. Ч. I-II.
Улунян А.А. Россия и освобождение Болгарии от турецкого ига, 1877—1878. М., 1994.
Успенский Ф.И. Первые славянские монархии на Северо-Западе. СПб., 1872.
Успенский Ф.И. Образование Второго Болгарского царства. Одесса, 1879.
Фалькович С.М. Идейно-политическая борьба в польском освободительном движении 50—60-х годов XIX в. М., 1966.
Фалькович С.М. Пролетариат России и Польши в совместной революционной борьбе (1907—1912). М., 1975.
Федосова Т.Ф. Польские революционные организации в Москве. 60-е годы XIX в.М., 1974.
Флоринский Т.Д. Южные славяне и Византия во второй четверти XIV века. СПб., 1882. Вып. 1—2.
Флоринский Т.Д. Памятники законодательной деятельности Душана — Царя Сербов и Греков. Киев, 1883.

Флоря Б.Н. Русско-польские отношения и балтийский вопрос в конце XVI — начале XVII в. М., 1973.
Флоря Б.Н. Русско-польские отношения и политическое развитие Восточной Европы во второй половине XVI — начале XVII в. М., 1978.
Флоря Б.Н. Россия и чешское восстание против Габсбургов. М., 1986.
Флоря Б.Н. Отношения государства и церкви у восточных и западных славян. Эпоха средневековья. М., 1992.
Формирование наций в Центральной и Юго-Восточной Европе. Исторические и историко-культурные аспекты. М., 1981.
Формирование национальных культур в странах Центральной и Юго-Восточной Европы. М., 1977.
Формирование национальных независимых государств на Балканах. Конец XVIII в. — 70-е годы XIX в. М., 1986.
Формирование раннефеодальных славянских народностей. М., 1981.
Францев В.А. Очерки по истории чешского Возрождения. Варшава, 1902.
Фрейденберг М.М. Деревня и городская жизнь в Далмации XII–XIII вв. Калинин, 1972.
Фрейденберг М.М. Крестьянство на Балканах в XII–XVIII вв. Калинин, 1984.
Фрейденберг М.М. Дубровник и Османская империя. М., 1984.
Фрейдзон В.И. Борьба хорватского народа за национальную свободу. Подъем освободительного движения в 1859–1873 гг. История, идеология, политические партии. М., 1970.
Фрейдзон В.И. Далмация в хорватском национальном возрождении XIX в. К истории югославизма и его неудачи. М., 1997.
Фрейдзон В.И. Судьбы крестьянства и общественной мысли Хорватии XIX — начала XX в. От консервативно-реформистских идей к программе крестьянской демократии. 1832–1914 гг. М., 1993.
Хитрова Н.И. Россия и Черногория в 1878–1908 гг. М., 1993. Ч. I–II.
Хитрова Н.И. Черногория в национально-освободительном движении на Балканах и русско-черногорские отношения в 50–70-х годах XIX в. М., 1979.
Центральная и Юго-Восточная Европа в новое время: Сб. статей. М., 1974.
Человек в контексте культуры. Славянский мир. М., 1995.
Черный В.П. Героическая эпопея болгарского народа (Апрельское восстание 1876 г.). Львов, 1976.
Черниловский З.М. Возникновение раннефеодального государства у прибалтийских славян. М., 1959.
Чешская нация на заключительном этапе формирования. 1850 г. — начало 70-х годов XIX в. М., 1989.
Чуркина И.В. Словенское национально-освободительное движение в XIX в. и Россия. М., 1978.
Чуркина И.В. Русские и словенцы. Научные связи конца XVIII в. — 1914 г. М., 1986.
Шаферова Л.А. Котор XII — начала XV в. Красноярск, 1990.
Шемякин А.Л. Радикальное движение в Сербии. Зарождение, становление, первые шаги. М., 1993.
Этнические процессы в Центральной и Юго-Восточной Европе. М., 1988.
Этническое самосознание славян в XV столетии. М., 1995.
Этногенез, ранняя этническая история и культура славян. М., 1985.
Этносоциальная и политическая структура раннефеодальных славянских государств и народностей. М., 1987.
Этноязыковая и этнокультурная история Восточной Европы. М., 1995.
Яжборовская И.С. Идейное развитие польского революционного рабочего движения. Конец XIX — первая четверть XX в. М., 1973.

Яжборовская И.С., Бухарин Н.И. Польское рабочее движение в борьбе за социализм. Исторические уроки. М., 1986.
Яжборовская И.С., Бухарин Н.И. У истоков польского социалистического движения XIX в. М., 1976.
Якубский В.А. Проблемы аграрной истории позднесредневековой Польши. Л., 1975.
Ясинский А.Н. Очерки и исследования по социальной и экономической истории Чехии в средние века. Юрьев, 1901. Т. I.
Ясинский А.Н. Падение земского строя в Чешском государстве (X–XIII вв.). Юрьев, 1912.
Ястребов Н.В. Этюды о Петре Хельчицком и его времени. Из истории гуситской мысли. СПб., 1908.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие 3

Часть I. ИСТОРИЯ ЮЖНЫХ И ЗАПАДНЫХ СЛАВЯН В СРЕДНИЕ ВЕКА И РАННЕЕ НОВОЕ ВРЕМЯ (VI — конец XVIII в.)

Древние славяне
(*Л.П. Лаптева*)

Источники по истории славян. Общественный строй и хозяйственный быт славян в VI–VIII вв. 7

Болгарские земли в Средние века и Раннее Новое время
(*Л.В. Горина*, с. 14–48; *Д.И. Полывянный*, с. 48–60)

Образование болгарского государства и народности. Славяне и Византийская империя в VI–VII вв. Славяне и протоболгары. Начало государственного строительства. Внутренняя и внешняя политика болгарских ханов 14

Принятие христианства в Болгарии. Церковная организация. Болгария при князе Борисе I. Церковное строительство. Богомильское движение. Судьба болгарской церкви в XI–XIV вв. 21

Болгария в конце IX — начале XI в. Правление Симеона. Культурное развитие. Ослабление Первого Болгарского царства 27

В битвах с Византией и под ее властью. Болгарское царство в 972–1018 гг. Установление византийского господства. Борьба за освобождение 33

Второе Болгарское царство. Социально-экономическое развитие. Восстание Ивайло. Болгария в XIII–XIV вв. Иван Асень II. Иван Александр. Османское завоевание. Развитие культуры 39

Болгарский народ под властью Османской империи (XV–XVII вв.). Последствия османского завоевания. Этнополитический механизм османского господства. Социально-экономическое положение болгарских земель в XV–XVI вв. Кризис османского государства и болгарские земли в XVII в. Борьба болгар против османской власти в XV–XVII вв. Быт и культура болгар в XV–XVII вв. 48

Сербские земли в Средние века и Раннее Новое время
(*Е.С. Макова*, с. 61–80; *В.Б. Прозоров*, с. 77–81)

Сербские земли в VII — середине XIV в. Складывание сербской государственности. Возникновение и история государства Неманичей (вторая половина XII — первая половина XIV в.). «Законник Стефана Душана» 61

Сербские земли во второй половине XIV–XV вв. Распад Сербского царства. Начало османской экспансии на Балканах. Битва на Косовом поле (1389). Сербская деспотовина XV в. 73

Положение сербского народа под властью Османской империи. Городская жизнь. Аграрные отношения. Процесс читлучения 75
Сербы в монархии Габсбургов 78
Культура 78

Хорватские земли в Средние века и Раннее Новое время
(*Е.С. Макова*, с. 83–103; 104–123; *В.Б. Прозоров*, с. 103–106, 113–115)

Хорватия в VII — в первой половине XIV в. Хорваты между Франкской и Византийской империями. Возникновение независимой державы Трпимировичей. Хорватские земли во второй половине XI в. Структура хорватского общества в VII — начале XII в. Хорватия в системе международных отношений (XII — середина XIV в.). Социально-экономическое положение в хорватских землях в конце XII — середине XIV в. Эволюция венгерского правления в Хорватии 83
Османская экспансия во второй половине XV в. Турецкое наступление в Хорватии. Битва при Мохаче и ее политические последствия. Раздел хорватских земель 94
Хорватские земли в составе владений Габсбургов. Образование Военной Границы. Реформация в хорватских землях. Участие хорватов в Тридцатилетней войне. Антигабсбургская оппозиция в Хорватии. Заговор Зринских — Франкопана. Хорватские земли в австро-турецких войнах конца XVII–XVIII вв. «Прагматическая санкция» 1713 г. Правление Марии Терезии (1740–1780). Реформы Иосифа II. Объединение Королевства Далмация, Хорватия и Славония с Венгерским королевством. Война с Османской империей 1787–1791 гг. 98
Социально-экономическое положение хорватских земель. Города континентальной Хорватии (Славонии). Города в Венецианской Далмации. Городские и крестьянские движения в Хорватии, Славонии и Далмации. Изменения в системе аграрных отношений и развитие барщинной системы 106
Средневековая культура. Глаголическая и латинская письменность. Хроники. Исторические сочинения. Развитие художественной литературы в Далмации второй половины XV–XVI вв. Ренессанс. Хорватская литература второй половины XVI — первой половины XVII в. Развитие гуманитарных наук и политической мысли в Хорватии в XVI–XVII вв. 114

Словенские земли в Средние века и Раннее Новое время
(*Е.С. Макова*, с. 124–127; *В.Б. Прозоров*, с. 127–128)

Социально-экономическое и политическое развитие. Словенские земли в VII — первой половине XIV в. Особенности развития словенской экономики. Народные движения. Словенские земли в эпоху Реформации и Контрреформации 124
Культура 128

Боснийские земли в Средние века и Раннее Новое время
(*Е.С. Макова*, с. 129–130; *В.Б. Прозоров*, с. 130–131)

Боснийские земли в XIII–XV вв. Падение Боснии 129
Боснийские земли под османской властью 131

Черногория в XVIII в.
(*Е.С. Макова*, с. 132; *В.Б. Прозоров*, с. 133)

Черногория в XVII–XVIII вв. 132

Польские земли в Средние века и Раннее Новое время
(М.В. Дмитриев)

Польские земли в древности 135
Польские племена в VI–IX вв. Хозяйство. Социально-политическая структура польских племен. Культура древнепольских племен 137
Польша в X — начале XII в.: государство и политическое развитие. Генезис польской государственности. Организация польского государства в X–XI вв. Основные вехи политического развития 141
Польша в X — начале XII в.: экономическое и социальное развитие. Население и внутренняя колонизация. Сельское хозяйство. Ремесло и торговля. Социальная структура и социальные отношения 147
Культура Польши в X–XII вв. Крещение и христианизация Польши. Образование, просвещение, искусство 153
Польша в XIII–XV вв.: политическое развитие. Основные вехи политического развития. Государственное устройство Польши в XIV–XV вв. 156
Польша в XIII–XV вв.: экономическое развитие. Развитие феодальных отношений. Формы колонизации и перестройка аграрных отношений. Развитие городов, торговли, горнодобычи. Социальная структура. Духовенство. Крестьянство. Рыцарство-шляхта. Горожане 167
Польша XIII–XV вв.: культура. Образование, просвещение, наука. Общественная мысль. Литература и искусство 177
Политическое развитие Польши в XVI в. Проблема абсолютизма в политической истории Польши. Экзекуционистское движение шляхты в первой половине и середине XVI в. Политический кризис 1570-х гг. 181
Экономическое развитие Польши в XVI — первой половине XVII в. Генезис барщинно-фольварочной системы хозяйствования. Крестьянское хозяйство в XVI в. Перемены в хозяйственной конъюнктуре в первой половине XVII в. Развитие города, ремесла и торговли 188
Польша XVI — первой половины XVII в.: сословия и социальные группы. Шляхта Речи Посполитой. Шляхетская идеология сарматизма. Духовенство. Крестьянство. Горожане 193
Польская культура в XVI — первой половине XVII в. Гуманизм в Польше. Развитие образования, науки и общественной мысли. Литература. Перемены в материальной культуре и стиле жизни. Реформация в Польше 203
Польша в конце XVI–XVIII вв.: политическое развитие. Основные вехи внутриполитического развития Речи Посполитой в конце XVI — первой половине XVII в. Внешняя политика Речи Посполитой в конце XVI — первой половине XVII в. Внутри- и внешнеполитический кризис середины XVII — начала XVIII в. Эволюция государственного строя Речи Посполитой в XVII в. Государственные реформы второй половины XVIII в. Разделы Речи Посполитой 210
Польша во второй половине XVII–XVIII вв.: экономическое развитие. Причины хозяйственного кризиса второй половины XVII — начала XVIII вв. Сельское хозяйство во второй половине XVII — начале XVIII в. Структурная перестройка землевладения: фольварки и латифундии. Кризис городов, ремесленного производства, финансов и торговли. Хозяйственная стабилизация и подъем в XVIII в. Сельское хозяйство в XVIII в. развитие ремесленно-промышленного производства, торговли и финансов 221
Польша во второй половине XVII–XVIII вв.: социальная структура. Крестьянство. Польские горожане. Шляхта и магнатерия 229
Польша в XVII–XVIII вв.: культура. Контрреформация и Католическая Реформа. Культура Барокко. Культура Просвещения. Перемены в образовании, науке и литературе 233

Чешские земли в Средние века и Раннее Новое время
(*Л.П. Лаптева*)

Дофеодальный период истории Чехии и Словакии. Первобытно-общинный строй. «Держава» Само ... 242
Великая Моравия и ее культурное значение ... 244
Чехия в период раннего феодализма (X–XII вв.). Формирование государства Пржемысловцев. Социально-экономическое развитие и административное устройство чешского государства ... 248
Экономическое развитие и политические отношения в чешских землях XII — первой трети XIV в. Колонизация и ее особенности в Чехии. Возникновение городов. Структура государственной власти и общества. Политическая ситуация в Чехии первой трети XIV в. ... 254
Чехия в период правления Карла IV. Взаимоотношения короля, шляхты, городов и церкви. Законник «Маестас Каролина». Культурная политика ... 264
Чешское государство во второй половине XIV — начале XV в. Управление, финансы. Экономическая и политическая ситуация в конце XIV и начале XV в. ... 273
Гуситское движение в XV в. Социальная структура общества. Идеологические предпосылки гусизма. Деятельность Яна Гуса. Формирование основных лагерей гуситского движения. Гуситская революция. Гуситские войны. Новая фаза гуситской революции. Политическая борьба в период с 1437 по 1471 г. ... 278
Социально-экономическое и политическое развитие Чехии с 1471 по 1526 г. Политическое устройство чешского государства. Положение отдельных слоев общества ... 290
Возникновение средневековой Габсбургской монархии и социально-политическое развитие чешских земель в 1526–1620 гг. Избрание Фердинанда I Габсбурга чешским королем и его политика. Конфликты сословий с королем. Восстание 1547 г. Экономическое развитие Чехии в XVI в. Религиозная борьба в XVI в. Община Чешских братьев. Обострение политических противоречий в конце XVI — начале XVII в. ... 295
Чешское сословное восстание 1618–1620 гг. ... 302
Чешские земли в период Тридцатилетней войны. Военные действия на территории чешских земель. Политические, экономические и социальные последствия Тридцатилетней войны для чешских земель. Торжество католической Контрреформации. Ян Амос Коменский ... 306
Социально-экономическое и политическое положение чешских земель в период с 1648 по 1780 г. Велькостатек (фольварк) в XVII в. Положение крестьян. Антифеодальная борьба крестьян в XVII в. Положение городов. Развитие промышленного предпринимательства. Чешские земли в составе монархии Габсбургов. Национальные отношения ... 318
Культура побелогорского периода. Школа и образование. Наука. Изобразительное искусство. Архитектура. Музыкальная культура ... 327
Первые попытки реформ в Австрийской монархии. 1740–1781 гг. Реорганизация органов управления ... 330
Социально-экономическое развитие чешских земель во второй половине XVIII в. Кризис барщинно-крепостнической системы. Барщинный патент 1775 г. Развитие мануфактур. Ремесленное производство, торговое и финансовое предпринимательство ... 333
Реформы Иосифа II. Отмена личной зависимости крестьян. Аграрная реформа. Административная, судебная и военная реформы. Школьная реформа. Здравоохранение. Социальное обеспечение ... 337
Наука в Чехии в период Просвещения ... 343

Словакия в Средние века и Раннее Новое время
(*З.С. Ненашева*)

Словакия в X–XIV вв. Включение словацких территорий в Венгерское королевство в X–XI вв. Административно-территориальная организация. Экономическое развитие Словакии. Социальная структура общества. Словакия в условиях феодальной раздробленности. Матуш Чак Тренчинский. Положение городов в XIV в. Словацкая культура в X–XIV вв. Развитие образованности. Архитектура словацких городских центров 348

Словакия в XV–XVI вв. Словакия в центре борьбы за венгерскую корону. Деятельность братриков. Словакия в системе монархии Габсбургов. Гуманистическое направление в культуре Словакии XV–XVI вв. 351

Словакия XVII–XVIII вв. Словакия — арена борьбы между венгерской шляхтой и Габсбургами. Политическое положение словацких территорий в XVIII в. Экономическое развитие Словакии в XVIII в. 354

Основные тенденции в развитии культурной жизни в XVII–XVIII вв. Словацкое Просвещение. Матей Бел 356

Часть II. ИСТОРИЯ ЮЖНЫХ И ЗАПАДНЫХ СЛАВЯН В НОВОЕ ВРЕМЯ (конец XVIII в. — 1914 г.)

Болгария в Новое время
(*Л.В. Горина*, с. 361–379; *Л.И. Жила*, с. 379–412).

Болгарское национальное Возрождение в XVIII — первой половине XIX в. Изменения в положении болгарских земель в XVIII в. Начало Возрождения. Культурно-просветительское движение. Начало борьбы за создание самостоятельной болгарской церкви. Новые черты в повседневной жизни болгар 361

Общественное движение в Болгарии в 60–70-е гг. XIX в. Восстановление церковной самостоятельности. Георгий Раковский. Политические объединения. Любен Каравелов и Васил Левский. Христо Ботев. Апрельское восстание 372

Русско-турецкая война 1877–1878 гг. 379

Образование болгарского национального государства. Сан-Стефанский прелиминарный договор. Берлинский трактат. Учредительное собрание. Тырновская конституция. Обустройство Восточной Румелии 381

Княжество Болгария и Восточная Румелия в 1879–1885 гг. Политическая жизнь в Княжестве. Противостояние либералов и консерваторов. «Режим полномочий». 1881–1883 гг. Перегруппировка политических сил в Княжестве. Восточная Румелия в 1879–1885 гг. Объединение Восточной Румелии с Княжеством Болгария 386

Путь Болгарии к независимости. 1886–1908 гг. «Болгарский кризис» 1886–1887 гг. Внутри- и внешнеполитическое положение Болгарии. 1887 г. — конец XIX в. Режим личной власти Фердинанда I. Провозглашение независимости Болгарии 393

Экономическое развитие Болгарии в 1878–1912 гг. 403

Болгария в Балканских войнах 1912–1913 гг. Оформление Балканского союза. Первая Балканская война. Вторая Балканская война 407

Культура Болгарии 411

Сербские, черногорские земли, Босния и Герцеговина в составе Османской империи (конец XVIII в. — 1878 г.)
(*Л.В. Кузьмичева*)

Кризис общественно-политической системы Османской империи в конце XVIII в. 413

Сербия на пути к независимому государству (конец XVIII в. — 1878 г.). Особое положение Белградского пашалыка. Первое сербское восстание 1804–1813 гг. Второе сербское восстание. Борьба за автономию. Становление и развитие автономного Сербского княжества при Милоше Обреновиче. «Турецкая» конституция 1838 г. Правление Александра Карагеоргиевича и «уставобранителей». Внешнеполитическая программа Сербии «Начертание». Сербское княжество при Михаиле Обреновиче (1860–1868). Создание Балканского союза. Регентство и Конституция 1869 г. Восточный кризис 1875–1878 гг. Сербо-турецкие войны. Признание независимости сербского государства 414

Черногория в борьбе за самостоятельность (конец XVIII в. — 1878 г.). Черногорские митрополиты Петр I и Петр II во главе страны. Установление светского правления князей из династии Пе́тровичей 425

Босния и Герцеговина в составе Османской Турции (конец XVIII в. — 1878 г.). Особенности политического, этноконфессионального положения Боснийского эялета. Феодальный сепаратизм боснийской знати. Восстания первой половины XIX в. Босния и Герцеговина в планах Сербии и Черногории. Восстание 1875–1878 гг. Оккупация Боснии и Герцеговины Австро-Венгрией 429

Развитие независимых славянских государств Сербии и Черногории в 1878–1914 гг.

(Л.В. Кузьмичева)

Основные проблемы развития Сербии в 1878–1914 гг. Радикальное движение и становление политических партий в Сербии. Кризис режима короля Милана Обреновича. Конституция 1888 г. Радикалы у власти. Правление Александра Обреновича (1893–1903). Экономическая и политическая ситуация в королевстве Сербия. Внутренняя и внешняя политика Сербии в 1903–1914 гг. Социалистические идеи в Сербии. Социал-демократия и начало рабочего движения 435

Сербия в Балканских войнах 1912–1913 гг. 446

Черногория в 1878–1914 гг. Внутренняя и внешняя политика князя Николы 448

Черногория в Балканских войнах 452

Хорватские земли, Воеводина, Босния и Герцеговина и словенские земли в составе монархии Габсбургов в Новое время

(Л.В. Кузьмичева)

Хорватские земли в первой половине XIX в. Социально-экономическое и политическое положение в хорватских землях в конце XVIII — начале XIX в. Иллирийские провинции и их роль в формировании хорватской национальной программы. Иллиризм и сопротивление мадьяризации. Специфика экономического и национального развития Далмации. Военная Граница и вопрос о ее демилитаризации. Революция 1848–1849 гг. и Хорватия 453

Хорватские земли во второй половине XIX — начале XX в. Реформы 50–60-х годов в Австрийской империи и Хорватия. Хорвато-венгерское Соглашение 1868 г. Либеральные преобразования 1870-х гг. Правление бана Куэна-Хедервари и наступление реакции (1883–1903) 469

Хорватия накануне первой мировой войны 481

Воеводина в составе империи Габсбургов. Социально-политическое положение сербских земель монархии в первой половине XIX в. Воеводина в революции 1848–1849 гг. Провинция Сербская Восводина и Темишский Банат (1849–1861). Политические партии и программы сербов Восводины во второй половине XIX — начале XX в. 483

Босния и Герцеговина в 1878–1914 гг. Оккупация Боснии и Герцеговины Австро-Венгрией (1878–1908). Аннексия Боснии и Герцеговины в 1908 г. 491

Словенские земли в составе Австрийской империи в Новое время. Политическое и социально-экономическое положение словенских земель в первой половине XIX в. Словенское национальное Возрождение и революция 1848–1849 гг. Словенские земли во второй половине XIX в. Словенско-немецкие отношения в конце XIX — начале XX в. 495

Культура Сербии, Воеводины, Черногории, Хорватии, Словении, Боснии и Герцеговины в XIX — начале XX в. Национальное Возрождение и проблемы оформления литературных языков 504

Культурные процессы в Сербии в XIX — начале XX в. Наука и просвещение. Литература и искусство. Изменения в обыденной культуре и облике городов 506

Культурная жизнь сербов Австрийской империи в XIX — начале XX в. 510

Культура Черногории в XIX — начале XX в. 511

Культура Хорватии в XIX — начале XX в. Наука и просвещение. Литература, изобразительное искусство, музыка и театр. Изменения в обыденной культуре и облике городов и сел 513

Культура Словении в XIX — начале XX в. 515

Культура Боснии и Герцеговины в XIX — начале XX в. 517

Македонские земли в 1878–1914 гг.

(*Л.И. Жила*)

Македонский вопрос в последней четверти XIX в. Берлинский договор 1878 г. и положение македонцев в составе Османской империи. Македония как объект «культурной пропаганды» Болгарии, Греции и Сербии. Создание македонской революционной организации 519

Македония накануне первой мировой войны. Илинденское восстание 1903 г. Мюрцштегские реформы. Македония в годы младотурецкой революции и Балканских войн 523

Польские земли в Новое время

(*Х.Х Хайретдинов*, с. 527–558; 567–577; *Г.Ф. Матвеев*, с. 558–566; 577–580)

Государственно-правовое положение польских земель после разделов. Провозглашение в 1807 г. Княжества Варшавского. Польские легионы. Политика Наполеона в польском вопросе 527

Положение польских земель в 1815–1830 гг. Новый передел польской территории на Венском конгрессе 1815 г. Царство Польское в 1815–1830 гг. Конституция 1815 г. Великое Княжество Познанское, Галиция и Краковская республика 530

Национально-освободительная борьба польского народа в 1830–1864 гг. Восстание 1830–1831 гг. Уроки восстания. Великая эмиграция. Поиски новых путей борьбы. Краковское восстание 1846 г. Польское освободительное движение в 1848 г. Предпосылки восстания 1863 г. «Белые» и «красные». Ход восстания 1863 — 1864 гг. Причины его поражения и политические последствия 534

Социально-экономическое развитие польских земель в конце XVIII — 60-е гг. XIX в. Аграрная реформа в Пруссии. Перестройка аграрных отношений в Галиции. Крестьянский вопрос в Царстве Польском 544

Польские земли после Январского восстания вплоть до первой мировой войны. Политика России, Германии и Австрии в польских землях.

Экономическое развитие польских земель. Демографические и социальные процессы. Изменения в массовом сознании и политической организации польского общества. Революция 1905–1907 гг. в Царстве Польском. Политическая ситуация в польских землях накануне первой мировой войны 552

Основные черты развития польской культуры в 1795–1864 гг. Условия развития культуры. Польский классицизм. Польская культура эпохи романтизма. Позитивизм и реализм 567

Культура, наука и образование в конце XIX — начале XX в. 577

Чешские земли в Новое время

(*Л.П. Лаптева*, с. 581–608; *З.С. Ненашева*, с. 608–644)

Чешское национальное Возрождение. Сущность чешского национального Возрождения. Земский патриотизм. Деятельность будителей 581

Социально-экономическое развитие чешских земель в первой половине XIX в. Промышленная революция. Социально-экономические и демографические последствия промышленной революции 587

Общественная жизнь и национальное движение чешских земель (1815–1830). Меттерниховский абсолютизм. Национальное движение в условиях реакции 590

Национальное движение в 1830–1848 гг. Австрославизм и его сущность. Расстановка политических сил накануне революции. 593

Революция 1848–1849 гг. в чешских землях. Начальный этап. Славянский съезд. Кромержижский сейм 596

Чешская культура первой половины XIX в. Развитие языка. Художественная литература. Журналистика. Развитие науки. Театр. Значение чешско-русских научных и культурных связей для культуры чешского национального Возрождения 601

Чешские земли в 50–60-е гг. XIX в. Социальная структура чешского общества. Экономическое развитие чешских земель в период утверждения капитализма. Чешское национальное движение в 50-е гг. XIX в. Конституционное движение 60-х гг. Возникновение Национальной партии. Дифференциация сил в чешском национальном лагере 608

Чешские земли в конце 60 — начале 70-х гг. Образование Австро-Венгрии. Конституция 1867 г. Чешское общество в период введения дуализма. Таборы. Декларация 1868 г. Фундаментальные статьи. Образование партии младочехов 616

Чешские земли в 80–90-е гг. XIX в. Экономическое развитие чешских земель в последней трети XIX в. Возвращение чешских пратий в политическую жизнь империи. Национально-политическая борьба в 80–90-х гг. XIX в. Реализм 621

Новые политические реальности на рубеже веков. Социально-экономическое развитие чешских земель в конце XIX – начале XX в. Противостояние немцев и чехов. Образование новых политических партий 626

От начала века до первой мировой войны. Введение всеобщего избирательного права и его политические последствия. Политическое развитие чешских земель накануне первой мировой войны 632

Чешская социал-демократия во второй половине XIX — начале XX в. Рабочее движение в конце 60 — начале 70-х гг. XIX в. Образование Чехославянской социал-демократической рабочей партии. Федерализация австрийской социал-демократии. Принятие национальной программы (1899) 635

Чешская культура второй половины XIX — начала XX в. Система образования. Наука. Литература, живопись, музыка 639

Словакия в Новое время
(*З.С.Ненашева*)

Социально-экономическое развитие Словакии в конце XVIII — первой половине XIX в. Промышленный переворот. Социальная структура общества 645

Национальное движение в конце XVIII — первой половине XIX в. Начало национального Возрождения. Борьба за кодификацию словацкого литературного языка. Ян Коллар. Людовит Штур 646

Словаки в революции 1848—1849 гг. «Требования словацкого народа». Словацкий национальный совет. Первый и второй походы словацких добровольцев 650

Словакия во второй половине XIX в. Социально-экономическое развитие. Политическая ситуация в 50-е гг. XIX в. «Славянство и мир будущего» Л. Штура 652

60-е гг. XIX в. — новый этап словацкого национального движения. «Меморандум словацкого народа». Словацкая Матица. Старая и Новая школы. Словацкое национальное движение в условиях мадьяризации 654

Словакия в конце XIX — начале XX в. Социально-экономическое развитие. Словацкая социал-демократия. Национальное движение накануне первой мировой войны 658

Культура Словакии в XIX в. 661

Основные источники и литература 667

Учебное издание

ИСТОРИЯ ЮЖНЫХ И ЗАПАДНЫХ СЛАВЯН

Том 1

Средние века и Новое время

2-е издание

Зав. редакцией
Г.М. Степаненко

Редактор
Т.М. Ильенко

Художественный редактор
Л.В. Мухина

Переплет художника
В.В. Гарбузова

Технический редактор
Н.И. Смирнова

Корректоры
Г.А.Ярошевская,
В.А. Ветров

Изд. лиц. № 040414 от 18.04.97 г.
Подписано в печать 29.05.2001.
Формат 60×90 1/16. Бумага газетная.
Гарнитура "Таймс". Офсетная печать.
Усл. печ. л. 43,0. Уч.-изд. л. 41,5.
Тираж 5000 экз. Заказ № 3699. Изд. № 7045.

Ордена "Знак Почета"
Издательство Московского университета.
103009, Москва, ул. Б. Никитская, 5/7.

Отпечатано в полном соответствии
с качеством предоставленных диапозитивов
в ОАО «Можайский полиграфический комбинат».
143200, г. Можайск, ул. Мира, 93

ТЕРРИТОРИАЛЬНЫЕ ИЗМЕНЕНИЯ в ЕВРОПЕ в ПОСЛЕДНЕЙ ТРЕТИ XIX в.


Территория Эльзаса и Лотарингии, отошедшая к Германии по Франкфуртскому мирному договору 1871 г.
Границы Османской империи в Европе до русско-турецкой войны 1877–1878 гг.
Территории, присоединенные к России в 1878 г.
Территория Боснии и Герцеговины, оккупированная Австро-Венгрией в 1878 г.
Остров Кипр, захваченный Англией в 1878 г.
Территория независимой Болгарии в 1878 г.
Территории, присоединенные к Балканским государствам в 1878–1885 гг. (подробнее см. карту „Русско-турецкая война и Балканские государства в 70-х гг. XIX в.")
Границы государств к 1900 г.
Столицы государств
Железные дороги
Каналы
Сокращения: ГЕРЦ.-ГЕРЦЕГОВИНА ЧЕР.-ЧЕРНОГОРИЯ
180 0 180 360 км
Норвегия
Христиания (Осло)
Ставангер
Берген
Швеция
Упсала
Стокгольм
Гётеборг
Гельсингфорс
Петербург
Ревель
Новгород
Волга
Юрьев
Рига
Митава
Либава
Двинск
Зап. Двина
Москва
Калуга
Тула
Витебск
Смоленск
Ковно
Вильно
Минск
Днепр
Орел
Гродно
Курск
Воронеж
Брест-Литовск
Варшава
Висла
Люблин
Луцк
Киев
Харьков
Лемберг (Львов)
Бердичев
Екатеринослав
Тарнополь
Краков
Прага
Брюнн
Черновицы
Бессарабия
Кишинев
Николаев
Херсон
Одесса
Аккерман
Яссы
Дунай
Измаил
Кронштадт
Бухарест
Констанца
Симферополь
Севастополь
Черное море
Синоп
Варна
Бургас
Плевна
Систов
Белград
Сараево
Босния
Герцеговина
Сербия
Ниш
Новый-Базар
Скопле
Салоники
Македония
Эдирне
София
Восточная Румелия
Стамбул (Константинополь)
Сан-Стефано
Бруса
Дарданеллы
Эгейское море
Смирна (Измир)
Афины
Патры
Греция
Анталья
Сухум
Кура
Ахалцих
Батум
Ардаган
Трапезон
Карс
Эрзурум
Баязет
Черное море
Берлин
Гамбург
Бремен
Ганновер
Эльба
Штеттин
Данциг
Кёнигсберг
Познань
Одер
Бреслау
Дрезден
Лейпциг
Кёльн
Рейн
Франкфурт
Нюрнберг
Штутгарт
Аугсбург
Мюнхен
Страсбург
Дунай
Вена
Австро-Венгрия
Будапешт
Дебрецен
Грац
Драва
Аграм (Загреб)
Триест
Фиуме
Сава
Венеция
Болонья
Милан
По
Генуя
Флоренция
Ломбардия
Ломбардо-Венецианская область
Ломбардия
Сан-Марино
Монако
Ницца
Тулон
Марсель
Рона
Лион
Женева
Швейцария
Берн
Вадуц
Альпы
Тирольские Альпы
Тирольские Альпы
Тирольские

ISBN 5211043200

